ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
УГОЛОВНОГО ПРАВА И
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Я. И. Гилинский

КРИМИНОЛОГИЯ

ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, ЭМПИРИЧЕСКАЯ БАЗА, СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ

Юридический
центр

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Предлагаемая вашему вниманию книга – второе, переработанное и дополненное издание монографии известного ученого-криминолога, которое может служить учебником криминологии для студентов и аспирантов. Первое издание вышло в 2002 г. и давно стало «библиографической редкостью». Автор излагает кроме общепринятых свои собственные представления о науке криминологии, преступности, ее видах, а также о реакции общества и государства на преступность. Может быть рекомендована студентам, аспирантам, преподавателям криминологии, а также всем, кто интересуется проблемой «преступления и наказания». 2-е издание, переработанное и дополненное.

- Яков Гилинский
  -
  - Предисловие ко второму изданию
  - Введение
  - Часть I
    - Глава 1
      - § 1. Понятие и предмет криминологии
      - § 2. Криминология в системе наук
      - § 3. Структура криминологических знаний
      - § 4. Методология криминологии
      - § 5. Эмпирические криминологические исследования
    - Глава 2
      - § 1. Понятие преступности
      - § 2. Основные характеристики (показатели) преступности
      - § 3. Латентная преступность
    - Глава 3
      - § 1. Основные мировые тенденции преступности
      - § 2. Состояние преступности в России
        -
        - Преступность в Российской империи
        - Преступность в России после 1917 г
    - Глава 4
      - § 1. Существует ли «личность преступника»?
      - § 2. Механизм индивидуального

преступного поведения
- Часть II
  -
  - Глава 5
    - А. История зарубежной криминологии
      - § 1. Зарождение криминологических идей
      - § 2. Классическая школа уголовного права и криминологии
      - § 3. Позитивизм в философии, науке, криминологии
      - § 4. Современные криминологические теории. Постмодернизм
    - Б. История Российской криминологии
      -
      - § 5. От истоков до 1917 г.[314]
      - § 6. От 1917 г. до наших дней[326]
  - Глава 6
- Часть III
  -
  - Глава 7
    -
    - § 1. Социальное насилие
    - § 2. Криминологический анализ насильственных преступлений против личности
    - § 3. «Преступления ненависти»: теория и российская реальность
    - § 4. Торговля людьми
  - Глава 8
    - § 1. К постановке проблемы
    - § 2. Криминологический анализ преступлений против собственности
  - Глава 9
    - § 1. К постановке проблемы
    - § 2. Организованная преступность как социальный феномен
    - § 3. Преступная организация
    - § 4. Организованная преступность в современной России
      -
      - Конец 80-х – конец 90-х годов
      - Конец 90-х годов – 2006 год

- Глава 10
  - § 1. Основные понятия
  - § 2. Криминологический анализ беловоротничковой преступности
    -
    - А. Экономическая преступность
    - Б. Должностные преступления
    - В. Коррупция
    - Г. Политическая преступность
- Глава 11
- Глава 12
  - § 1. Исходные представления
  - § 2. Криминологический анализ преступности несовершеннолетних
  - § 3. Криминологический анализ преступности молодежи
- Глава 13
  - § 1. Наркотизм как социальная проблема
  - § 2. Наркотики в современном мире
  - § 3. Криминологический анализ преступлений, связанных с наркотиками
- Глава 14

○ Часть IV

-
- Глава 15
  - § 1. Понятие социального контроля
  - § 2. Контроль над преступностью
  - § 3. Уголовная политика
- Глава 16
  - § 1. «Кризис наказания» и его последствия
  - § 2. Смертная казнь
  - § 3. Лишение свободы
- Глава 17
  - § 1. Основные понятия
  - § 2. Практика профилактики преступлений в современном мире

○ Заключение

○ Литература

-
- Рекомендуемая литература

○ Об авторе

• notes

○ 1

○ 2

- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46

- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90

- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134

- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178

- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222

- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266

- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310

- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354

- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398

- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442

- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486

- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530

- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574

- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582
- ○ 583
- ○ 584
- ○ 585
- ○ 586
- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589
- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592
- ○ 593
- ○ 594
- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597
- ○ 598
- ○ 599
- ○ 600
- ○ 601
- ○ 602
- ○ 603
- ○ 604
- ○ 605
- ○ 606
- ○ 607
- ○ 608
- ○ 609
- ○ 610
- ○ 611
- ○ 612
- ○ 613
- ○ 614
- ○ 615
- ○ 616
- ○ 617
- ○ 618

- ○ 619
- ○ 620
- ○ 621
- ○ 622
- ○ 623
- ○ 624
- ○ 625
- ○ 626
- ○ 627
- ○ 628
- ○ 629
- ○ 630
- ○ 631
- ○ 632
- ○ 633
- ○ 634
- ○ 635
- ○ 636
- ○ 637
- ○ 638
- ○ 639
- ○ 640
- ○ 641
- ○ 642
- ○ 643
- ○ 644
- ○ 645
- ○ 646
- ○ 647
- ○ 648
- ○ 649
- ○ 650
- ○ 651
- ○ 652
- ○ 653
- ○ 654
- ○ 655
- ○ 656
- ○ 657
- ○ 658
- ○ 659
- ○ 660
- ○ 661
- ○ 662

- ○ 663
- ○ 664
- ○ 665
- ○ 666
- ○ 667
- ○ 668
- ○ 669
- ○ 670
- ○ 671
- ○ 672
- ○ 673
- ○ 674
- ○ 675
- ○ 676
- ○ 677
- ○ 678
- ○ 679
- ○ 680
- ○ 681
- ○ 682
- ○ 683
- ○ 684
- ○ 685
- ○ 686
- ○ 687
- ○ 688
- ○ 689
- ○ 690
- ○ 691
- ○ 692
- ○ 693
- ○ 694
- ○ 695
- ○ 696
- ○ 697
- ○ 698
- ○ 699
- ○ 700
- ○ 701
- ○ 702
- ○ 703
- ○ 704
- ○ 705
- ○ 706

- ○ 707
- ○ 708
- ○ 709
- ○ 710
- ○ 711
- ○ 712
- ○ 713
- ○ 714
- ○ 715
- ○ 716
- ○ 717
- ○ 718
- ○ 719
- ○ 720
- ○ 721
- ○ 722
- ○ 723
- ○ 724
- ○ 725
- ○ 726
- ○ 727
- ○ 728
- ○ 729
- ○ 730
- ○ 731
- ○ 732
- ○ 733
- ○ 734
- ○ 735
- ○ 736
- ○ 737
- ○ 738
- ○ 739
- ○ 740
- ○ 741
- ○ 742
- ○ 743
- ○ 744
- ○ 745
- ○ 746
- ○ 747
- ○ 748
- ○ 749
- ○ 750

- ○ 751
- ○ 752
- ○ 753
- ○ 754
- ○ 755
- ○ 756
- ○ 757
- ○ 758
- ○ 759
- ○ 760
- ○ 761
- ○ 762
- ○ 763
- ○ 764
- ○ 765
- ○ 766
- ○ 767
- ○ 768
- ○ 769
- ○ 770
- ○ 771
- ○ 772
- ○ 773
- ○ 774
- ○ 775
- ○ 776
- ○ 777
- ○ 778
- ○ 779

Яков Гилинский
Криминология. Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль

© Я. И. Гилинский, 2009
© Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009

Предисловие ко второму изданию

Первое издание моей «Криминологии» было опубликовано Издательским домом «Питер» в 2002 г. С тех пор тираж был давно распродан, приводимые в книге статистические тренды ограничивались 1999 г., а в отечественной и мировой литературе за годы, прошедшие с первого издания, появилось немало новых интересных трудов. Этим объясняется подготовка второго – существенно дополненного издания. Помимо продления трендов преступности до 2006 г., расширено содержание многих глав и параграфов, особенно относящихся к части III книги («Криминологический анализ некоторых видов преступлений»), значительно увеличен объем использованной и рекомендуемой литературы.

Я выражаю искреннюю благодарность как Издательству «Питер», осуществившему первое издание «Криминологии», так и, конечно же, Санкт-Петербургскому Издательству Р. Асланова «Юридический центр Пресс», взявшему на себя труд подготовить второе издание книги.

Введение

Каждое высказанное мною суждение надо понимать не как утверждение, а как вопрос.

Н. Бор

Предлагаемое читателю произведение относится к смешанному жанру: с одной стороны, это – монография, в которой автор пытается изложить собственные представления как о науке криминологии, так и о ее предмете; с другой стороны – это учебник, предназначенный в первую очередь для студентов и аспирантов, изучающих (и развивающих) криминологию. Иногда подобное смешение жанров называют «авторским курсом».

Важнее, чем определение жанра, некоторые исходные предпосылки («импульсы») создания этого труда.

• Во второй половине XX столетия тема преступности, всегда небезразличная для обществоведов и населения, начинает превалировать в общественном сознании. Объясняется это реальным ростом преступности (точнее, зарегистрированной ее части) во всем мире или же «страхом перед преступностью» и «моральной паникой», нагнетаемыми mass-media (средствами массовой информации) и популистскими политиками[1] – не столь уж существенно. Этот общемировой процесс в силу ряда исторических причин особенно ярко проявился в современной России. Телевизионные передачи, кинофильмы, газетные сообщения, бытовые разговоры во всем мире заполнены преступлениями, вращаются вокруг преступлений. Проблема образно сформулирована современными зарубежными авторами: «Преступления возбуждают, захватывают (exciting), а что же криминология?»[2]

• Мировой и отечественной криминологией накоплен огромный теоретический и эмпирический материал, характеризующий преступность, отдельные ее виды, преступление, преступника, жертву преступления, а также социальную реакцию на преступность. Между тем, чем больше мы узнаем о преступности, тем меньше ее знаем и понимаем… Распространенным является мнение о «кризисе криминологии», о значительной мифологизации темы преступности и контроля над ней.[3]

• Фактический запрет на существование в годы советского тоталитаризма, а затем и длительная изоляция

«реабилитированной» в годы хрущевской «оттепели» отечественной криминологии вырвали ее, наряду с другими социальными науками, из мирового научного сообщества, а вынужденная идеологизация скомпрометировала даже реальные достижения. Возврат в мировое сообщество – путь не легкий, но совершенно необходимый для любой науки.

• Как показывает мировой и отечественный опыт, уголовная политика, средства и методы социального контроля над преступностью, пенитенциарная политика и практика существенно зависят от криминологических воззрений, распространенных в обществе и разделяемых властными структурами. Отсюда – практическая значимость криминологии. К сожалению, мировая и особенно отечественная практика свидетельствуют о неадекватности традиционных форм и средств социального контроля над преступностью ее генезису и природе. Все явственнее ощущается «кризис наказания» (T. Mathiesen, N. Christie, L. Hulsman и др.).[4]

Все это, наряду с личными научными амбициями, подвигло автора на создание лежащего перед читателем труда.

Несколько замечаний, необходимых для лучшего понимания того, *что* содержится в книге.

• Цитата из Н. Бора, приводимая в эпиграфе, имеет для меня принципиальное значение. *Есть много истин, но нет Истины.* Никто не может претендовать на «единственно верную» теорию, концепцию.[5]

• Развитие науки во второй половине XX в. продемонстрировало неизбежную *поликонцептуальность* во всех областях знаний, и прежде всего – в общественных науках. Соответственно, мной излагаются мои личные взгляды и представления по рассматриваемым проблемам криминологии. Разумеется, сами эти взгляды и представления родились и развивались под воздействием трудов предшественников и коллег, но ни те, ни другие не ответственны за результат, возникший в моей голове.

• Ни в одном труде невозможно рассмотреть всю криминологическую тематику. Отбор тем отражает обычно личные пристрастия автора. Не представляет исключения и эта книга. Я постарался остановиться на наиболее сложных и дискуссионных проблемах криминологии, собрать и проанализировать эмпирические (прежде всего – статистические) данные по различным видам преступности в России и в мире, познакомить читателя с некоторыми современными зарубежными авторами, а также уделил повышенное внимание проблемам социального контроля над преступностью, поскольку это

непосредственно затрагивает вечный для соотечественников вопрос «что делать?». В меньшей степени освещена история криминологии, поскольку эта тема традиционна для отечественных и особенно зарубежных курсов криминологии, а потому более доступна. Насколько удачны выбор тем и их раскрытие – судить читателю.

Наконец, пользуюсь случаем принести искреннюю благодарность моим друзьям и коллегам, деловое общение и полемика с которыми способствовали как выработке моих криминологических взглядов, так и созданию этой книги. Мою искреннюю признательность заслуживает коллектив Max-Planck-Institut fur auslandisches und internationales Strafrecht (Фрайбург, Германия), благодаря которому я в течение ряда лет имел прекрасную возможность работать в библиотеке этого института – одной из лучших в мире по уголовно-правовой и криминологической тематике. Более того, ряду последних дополнений к настоящему изданию способствовала предоставленная мне директором Max-Planck-Institut профессором Х.-Й. Альбрехтом возможность поработать в библиотеке в 2006 г. Не могу также не выразить глубокую благодарность моему ближайшему помощнику, другу и доброжелательному критику – Наталии Проскурниной, чья поддержка в течение многих лет обеспечивает мою профессиональную деятельность. Ей же я обязан тщательному оформлению библиографии к первому и второму изданию книги.

Часть I
Теория и методология

Глава 1
Криминология как наука

There are many criminologies and many criminologists.[6]

R. Michalovskj

§ 1. Понятие и предмет криминологии

Криминология (лат. crimen – преступление, греч. *Хоуос,* – учение) в буквальном переводе – наука о *преступлении.* Однако с самого зарождения она интересовалась преимущественно *преступностью* как сложным социальным явлением.

Возникновение и развитие криминологии связывают обычно с тремя именами и датами: в 1761 г. вышла книга Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях», в которой содержались многие взгляды и положения относительно природы преступности и социального контроля над ней, хотя само слово «криминология» тогда еще не употреблялось. Этот термин был введен в научный оборот антропологом Топинаром в 1879 г. А уже в 1885 г. вышла книга Р. Гарофало под названием «Криминология». Разумеется, привязка возникновения той или иной науки, научного направления к конкретным датам и именам достаточно условна. Отдельные идеи и рассуждения по поводу преступлений, преступности, наказания встречаются у мыслителей Древней Греции, Рима, Древнего Китая, Индии, европейского Средневековья и т. д.

Однако более или менее систематическое, профессиональное изучение преступности и связанных с ней объектов началось, очевидно, в XIX в. Во всяком случае, *позитивное* исследование криминологических проблем, основанное на применении методов естественных наук (измерение, эксперимент, наблюдение, статистический анализ и др.) относится именно к этому периоду (доклад российского академика К. Германа 17 декабря 1823 г. на заседании Российской Императорской Академии наук «Изыскание о числе самоубийств и убийств в России за 1819–1820 гг.», доклад А. Кетле 9 июля 1831 г. на заседании Бельгийской Королевской академии наук, работа Ч. Ломброзо «О преступном человеке», 1871–1876 гг. и др.).

По мере развития криминологических знаний складывался

круг «подведомственных» криминологии проблем, ее *предмет.* Сегодня предметом криминологии служат:

• *преступность* как сложный социальный феномен;

• *генезис* («причины») преступности;

• *преступление* как индивидуальный поведенческий акт;

• *механизм* индивидуального *преступного поведения* (преступления);

• отдельные *виды преступности,* выделяемые по содержательному (преступность насильственная, корыстная, экономическая, связанная с наркотиками и т. п.) или иному критерию (например, по социально-демографическим характеристикам субъектов преступлений: преступность женщин, несовершеннолетних, должностных лиц);

• *личность* преступника;

• *жертва* преступлений; изучается относительно самостоятельным направлением (подотраслью) криминологии – *виктимологией* (лат. victim – жертва);

• социальная реакция на преступность, *социальный контроль* над ней, включая *наказание* (отсюда становление и развитие еще одной подотрасли – криминологии наказания, пенитенциарной криминологии) и *превенцию* (профилактику, предупреждение преступлений);

• *история* криминологии и история преступности;

• *методология* криминологии и *методика* криминологических исследований.

Приведенный перечень тем, входящих в предмет криминологии, не является исчерпывающим и может быть расширен, исходя из личных пристрастий исследователя или же в процессе развития криминологии как науки.

Криминология является «неприятной» наукой для властей и политиков, поскольку пытается вскрыть пороки действующей экономической, социальной, политической системы, порождающие преступность и сопутствующие ей пьянство, наркотизм, коррупцию, подростковую делинквентность и т. п. Неслучайно тоталитарные режимы не допускали существования и развития независимой криминологической науки.

Нередки споры о характере криминологических знаний о том, к каким отраслям естественных или социальных наук относится криминология. Ответ на этот вопрос в значительной степени зависит от принадлежности криминолога к одному из трех основных направлений: биологическому (антропологическому), психологическому или же социологическому. Исторически, «по происхождению» криминология связана либо с биологией или антропологией («клиническая криминология»), л ибо с

психологией (и тогда это «поведенческая наука») или же с социальными науками – социологией (криминология как «социология преступности») и юриспруденцией (криминология как юридическая или социально-правовая наука). Развитие того или иного направления характерно для различных стран. Так, в Германии основательно развивались клиническая криминология и социология преступности. В США господствует социологический взгляд на преступность и активно развивается криминология как социология преступности. И преподают криминологию на социологических факультетах. В России криминология выросла из уголовно-правовой науки, и здесь до сих пор преобладает взгляд на преступность как социально-правовое явление.[7] Соответственно, криминология преподается в основном на юридических факультетах. Автор этих строк придерживается понимания криминологии как социологической науки (другое дело, что правовой элемент играет существенную роль в определении самой преступности, но об этом – ниже).

Иногда возникает дискуссия на тему: теоретическая или прикладная наука криминология? Мне этот спор не представляется плодотворным. Если наука не теоретическая, то это не наука (а, скажем, ремесло). Прикладной же аспект имеют если не все, то большинство наук. Тем не менее, можно согласиться с теми авторами, которые рассматривают криминологию прежде всего как *теоретическую* науку о преступности.[8]

§ 2. Криминология в системе наук

Для сторонников социологического направления, к которым принадлежит и автор, криминология – *социологическая* наука, поскольку ее главный предмет – преступность – является социальным феноменом, порождением общества, его частью, неотъемлемой составляющей. Преступность, наряду с наркотизмом, пьянством, проституцией, коррупцией и другими нежелательными для общества явлениями, относится к так называемым социальным *девиациям* (отклонениям), а преступление – это разновидность *девиантного* (отклоняющегося) поведения.

С нашей точки зрения, социальные девиации, *девиантность (deviance)* можно определить как социальное явление, выражающееся в относительно массовых, статистически устойчивых формах (видах) человеческой деятельности, не соответствующих официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе (культуре, группе) нормам и

ожиданиям. А *девиантное поведение (deviant behavior)* – поступок, действие человека (группы лиц), не соответствующие официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе (культуре, субкультуре, группе) нормам и ожиданиям.

Все виды *негативных* социальных девиаций, а также социальное творчество (научное, техническое, художественное и др.) как *позитивная* девиантность служат предметом социологии девиантности и социального контроля (девиантологии).[9] Преступность – лишь одно из проявлений *девиантности.* Рассмотрение преступности как разновидности социальных девиаций – общее место в современной зарубежной криминологии; разделяют данную позицию и некоторые отечественные криминологи.[10] Во избежание недоразумений следует подчеркнуть: социология девиантности (девиантология) не подменяет криминологию и не заменяет ее. У каждой из этих наук – свой предмет, и та, и другая – социальные, «социологические» науки. Социология девиантности и социального контроля, наряду с преступностью, изучает многочисленные виды «негативных» девиаций – пьянство и алкоголизм, наркотизм, проституцию, самоубийства, аморализм и др., «позитивные» девиации – различные виды творчества, а также взаимосвязи между видами девиантности, их общий генезис, общую теорию социального контроля.

Таким образом, с нашей точки зрения, выстраивается следующая иерархия наук: *социология – социология девиантности и социального контроля (девиантология) – криминология (а также суицидология, аддиктология и другие науки, изучающие иные – кроме преступности – проявления девиантности)*.

Это не исключает взаимосвязи криминологии со многими другими науками и научными направлениями. Конечно, криминология теснейшим образом связана с науками *криминального* цикла: уголовным правом (которое, как мы увидим ниже, определяет круг того, *что* входит в предмет криминологии), уголовным процессом и уголовно-исполнительным правом (особенно в части криминологии наказания). Я думаю, что криминология служит своего рода *базой* для них, поскольку призвана объяснить природу преступлений и преступности, их обусловленность определенными факторами, охарактеризовать субъектов индивидуального преступного поведения (преступлений) и вскрыть его механизм, показать оптимальные пути и методы социального контроля над преступностью.

Бесспорна связь криминологии с *психологией,* поскольку в причинный комплекс (механизм) преступления как

индивидуального поведенческого акта входят психологические составляющие: интеллект, воля, эмоциональная сфера, характерологические особенности, психопатология лиц, совершивших преступления. В связи с ролью психических отклонений в механизме некоторых криминологически значимых деяний, криминология нередко прибегает к помощи *психиатрии.*

Достижения современной *биологии* (прежде всего генетики) способны пролить свет на некоторые индивидуальные особенности субъектов преступления.

Традиционно (начиная с К. Маркса, В. Бонгера и др.) социологическое направление в криминологии включает изучение *экономической* составляющей генезиса преступности. В настоящее время экономический подход к предмету криминологии активно развивается «экономической теорией преступности», начиная с работ лауреата Нобелевской премии Г. Беккера.[11]

Не менее традиционно обращение к *демографическим* характеристикам субъектов преступлений. В современной англоязычной литературе тендер (пол), возраст, раса, класс – постоянный предмет криминологических исследований.[12]

Криминология все больше тяготеет к *культурологии,* поскольку преступность – элемент культуры, равно как криминальная, делинквентная, тюремная субкультуры, о чем еще будет говориться. Неудивительно, что в зарубежной криминологии зарождается новое направление – «культуральная криминология».[13]

Как ни странно это может показаться на первый взгляд, криминология сотрудничает с *географией.* Более того, можно говорить о *географии преступности* как относительно самостоятельном направлении в криминологии (ее подотрасли), активно развиваемом отечественными специалистами еще со времен СССР.[14] Территориальное распространение преступности представляет не только практический (для оптимизации дислокации сил полиции, профилактики преступлений и т. п.), но и теоретический интерес, поскольку позволяет лучше понять влияние различных факторов, включая географические, на состояние и динамику преступности.

Не менее удивительна связь криминологических знаний с… *архитектурой.* Как показывают исследования, начиная с работ Чикагской школы, уровень и структура преступности зависят от экологии города, типа застройки, организации пространственной застройки, этажности жилых зданий (в США «особенно подвержены преступности жилые башни выше семи этажей… Дома выше семи этажей в четыре раза чаще подвергаются

разбойным нападениям и ограблениям, чем дома с шестью и меньше этажами»[15]) и т. п.

При изучении преступности активно используются данные *статистики,* как уголовной, так и экономической, демографической, медицинской. А при обработке статистической информации и результатов иных эмпирических криминологических исследований (например, опросов) широко применяются современные *математические* методы.[16]

Пожалуй, можно было бы продолжить перечень наук и дисциплин, сопряженных с криминологией. Но и сказанного достаточно, чтобы продемонстрировать мультидисциплинарный характер криминологических знаний и исследовательского поля. Интегративные тенденции современной криминологии (подробнее об этом будет говориться в гл. 5) лишний раз свидетельствуют о значении кооперации наук и научных дисциплин в исследовании и объяснении феномена преступности, о междисциплинарном характере криминологии.[17]

§ 3. Структура криминологических знаний

Структура криминологии как науки не есть что-то раз и навсегда заданное. Построение, структуризация криминологических знаний в значительной степени зависит от пристрастий криминолога.

«Джентльменский набор» отечественных и зарубежных учебников и курсов криминологии образует, как правило, совокупность разделов, отражающих все основные составляющие (элементы) предмета криминологии.

Между тем в отечественной криминологии принято выделять Общую и Особенную части. *Общая часть* включает все теоретические проблемы криминологии, а также ее историю. *Особенная часть* посвящается криминологическому анализу отдельных видов преступлений и их профилактике. Думается, что такое деление явилось следствием генетических – уголовно-правовых – корней нашей криминологии. Неудивительно, что ни зарубежная криминология, ни отечественные работы последних лет[18] не знают разделения на общую и особенную части.

Зато все большую распространенность приобретает выделение *частных* криминологических теорий (дисциплин), сформировавшихся в процессе исторического развития криминологии: виктимологии, пенитенциарной криминологии, географии преступности, семейной криминологии, криминологии политической преступности и др.

Оригинальная концепция структуры криминологии, включая

частные криминологические теории, представлена в трудах Д. А. Шестакова, обосновывающего наличие «преступных подсистем» и соответствующих им частных криминологий.[19]

Виктимология. Признанным родоначальником виктимологии – науки о жертве – считается Г. фон Гентиг, выпустивший в 1948 г. книгу «Преступник и его жертва».[20] Еще раньше (1941 г.) появилась его работа «Замечания по взаимодействию преступника и жертвы». Практически одновременно с Гентигом виктимологическую тематику разрабатывает Б. Мендельсон, представивший в марте 1947 г. на международном конгрессе психиатров в Бухаресте доклад «Новые биопсихосоциальные горизонты: виктимология». В числе известных зарубежных виктимологов следует назвать Г. Элленбергера, Г. Шнайдера, С. Шафера, Э. Фаттаха, Э. Виано, К. Миядзаву и др.[21] С 1979 г. существует Международное виктимологическое общество (the World Society of Victimology). Под его эгидой проводятся Международные виктимологические симпозиумы.

Отечественная виктимология зарождается в середине 60-х гг. «Отцом» ее заслуженно считается Л. В. Франк.[22] Известными виктимологами являются П. С. Дагель, В. Е. Квашис, В. И. Полубинский, В. Д. Ривман, В. Я. Рыбальская и др.[23]

Пенитенциарная криминология. Предмет пенитенциарной криминологии по-разному понимается различными авторами. Некоторые из них ограничивают это направление изучением преступлений, совершенных в пенитенциарных учреждениях. С нашей точки зрения, пенитенциарная криминология есть «социология наказания» и включает знания о *реальном* отбывании наказания, прежде всего в виде лишения свободы: об условиях отбывания наказания, контингенте отбывающих наказание (заключенных), о взаимоотношениях между ними, а также между ними и персоналом пенитенциарных учреждений, о быте, традициях, нормах поведения, досуге, сленге заключенных, о преступлениях, совершаемых отбывающими наказание, и т. п.

Российская криминология богата исследованиями такого рода. Прежде всего следует назвать труды М. Н. Гернета (1874–1953), начиная с его книги «В тюрьме: очерки тюремной психологии» (1930) и заканчивая пятитомной «Историей царской тюрьмы» (1941–1948, 1960–1963). В настоящее время пенитенциарной криминологии посвящены работы И. А. Стручкова, В. Е. Квашиса, А. С. Михлина, В. Ф. Пирожкова, О. В. Старкова, Г. Ф. Хохрякова, И. В. Шмарова и др.[24]

География преступности. О ней кратко уже говорилось выше. Подробнее мы неоднократно будем сталкиваться с этой темой в дальнейшем изложении.

Семейная криминология зарождается в 70-е гг. ушедшего XX столетия. Очевидно, стимулом для ее развития послужили поражающие факты множественных проявлений насилия в семье, между родственниками и супругами – от вербального до физических истязаний и убийств. Во всяком случае, эта частная криминологическая теория активно развивается в России (прежде всего, благодаря трудам Д. А. Шестакова) и за рубежом.[25]

В самое последнее время появился ряд трудов, закладывающих основы криминологии *политической преступности* (П. А. Кабанов, В. В. Лунеев, Д. А. Шестаков).[26]

Формируется *экономическая криминология* (Б. В. Волженкин, В. В. Колесников, А. М. Яковлев и др.).

Конфликтность, а то и криминогенность межконфессиональных отношений в современном мире и в России порождает труды по *криминотеологии* (Е. В. Касторская, Г. Л. Касторский, О. В. Старков).[27]

Объективности ради следует заметить, что далеко не все криминологи позитивно оценивают такое «размножение» частных криминологических теорий. Очевидно, лишь будущее развитие покажет жизнеспособность некоторых из них.

§ 4. Методология криминологии

Само понятие *методологии* (греч. μέθοδος – верный путь, путь исследования) неоднозначно понимается в науке.

В самом широком смысле слова методология – это теория человеческой деятельности, «это деятельность познания, мышления или, если говорить точнее, вся деятельность человечества, включая сюда не только собственно познание, но и производство. Можно сказать, что методология… есть теория человеческой деятельности».[28] В самом узком смысле слова под методологией понимается совокупность методов, приемов, процедур научного исследования.[29] Именно такое отношение к методологии преобладает, например, в американской (вообще англоязычной) литературе.

Своеобразным компромиссом между очень широким и очень узким пониманием *методологии как пути познания* является многоуровневый подход, когда различаются:

• самые общие методы научного познания – анализ и синтез, восхождение от абстрактного к конкретному и др. (философская методология);

• общие для многих наук междисциплинарные методы познания – системный и организационный анализ, кибернетический, синергетический подходы и др. (общенаучная

методология);

• теория и методы конкретной науки, области знания;

• методика, совокупность операций и процедур, применяемых в конкретных исследованиях.

Не углубляясь в дискуссию о понятии и предмете методологии, отметим некоторые принципы научного познания, существенные, с нашей точки зрения, для лучшего понимания предмета криминологии как социальной науки. Поскольку по каждому из рассматриваемых ниже принципов имеются полярные суждения, напомним, что излагается наша личная точка зрения, зачастую не самая распространенная.[30]

• *Принцип универсальности законов мироздания* (универсальный эволюционизм, по Н. Моисееву).

Развитие науки в целом характеризуется единством противоположных тенденций – дифференциации и интеграции научных знаний. Ведущими на современном этапе являются интеграционные процессы. Складывающаяся в процессе интеграции научных дисциплин и направлений «инфранаука» (Н. Н. Моисеев), или «меганаука» (Б. Г. Кузнецов), исходит из необходимости объединения исследований неживой и живой природы и общества, изучения их с точки зрения универсальных законов мироздания. При этом основные закономерности социального бытия (включая преступность как социальный феномен) предстают как *инобытие* всеобщих закономерностей самодвижения (самоорганизации) материи, мира, мироздания, как *модификация, доразвитие* их фундаментальных свойств (Э. С. Маркарян, Е. Х. Нерсесова). Ибо «сама Земля и все, что на ней происходило вчера и будет происходить завтра, суть частные проявления единого, общего процесса саморазвития (самоорганизации) материи, подчиняющегося единой системе законов (правил), действующих в Универсуме».[31] Для криминолога этот принцип означает необходимость отказаться от представлений об уникальности преступности и ее закономерностей, посмотреть на свой предмет с более широких позиций, преодолевая антропоцентризм и аксиологизм (ценностный подход к предмету исследования).[32]

• *Принцип универсальности общенаучных методов познания действительности.* Исходя из принципа универсальности законов мироздания, можно предположить универсальность общенаучных методов познания действительности (включая преступность).

Это означает для нас возможность применения в криминологии не только системного и организационного анализа,[33] но и синергетики, теории хаоса, теории катастроф, понятия бифуркации, следствий второго закона термодинамики с

понятиями энтропии и негэнтропии и иных современных общенаучных концепций. Это осознается отечественными учеными (так, синергетическая модель детерминации преступления предлагается В. А. Бачининым[34]) и зарубежными, прежде всего – представителями постмодернизма в криминологии.[35]

• *Принцип относительности знаний (релятивизм).* Всякое знание о любом предмете действительности – относительно, неполно, ограничено.

Никогда нельзя достичь «полного и окончательного» знания об исследуемом объекте. Это связано, прежде всего, с тем, что все объекты действительности находятся в постоянном изменении. И «фактически нет ни предложений, ни слов со значениями, которые были бы независимы от обстоятельств произнесения».[36] Кроме того, возможности человеческого познания всегда ограничены имеющимися на каждый данный момент времени средствами. Представители естественных наук в процессе познания так или иначе взаимодействуют с объектом и «нарушают» условия его существования (проблема: субъект – прибор – объект). Представители социальных наук «встроены» в изучаемый объект (общество, его сферы и сегменты), подвержены влиянию с его стороны. Марксово «нельзя жить в обществе и быть независимым от него», увы, факт. Сказанное – не призыв к отказу от познания действительности (включая преступность), а предостережение от абсолютизации достигнутых знаний. «Следует признать, что в каждый момент времени наши научные теории зависят не только от экспериментов и т. п., проведенных к этому моменту, но также от предпосылок, которые мы принимаем без доказательств, т. е. принимаем, не осознавая их… Научные результаты «относительны»… лишь постольку, поскольку они являются результатами определенной стадии научного развития и подлежат смещению в ходе научного прогресса».[37]

• *Принцип дополнительности* (Н. Бор). Вышеизложенное плюс необычайная сложность даже самых «простых» («элементарных») объектов приводит к тому, что Н. Бором сформулировано как принцип дополнительности – *contraria sunt complementa* (противоположности дополняют друг друга): лишь противоречивые, взаимоисключающие концепции в совокупности могут достаточно полно описать изучаемый объект.

Иными словами, не «преодоление» противоречивых суждений об объекте, а их взаимодополнительность. Хотя принцип дополнительности был сформулирован применительно к физическому явлению – двойственной природе света (волновой и корпускулярной), однако уже для Бора был ясен его

универсальный характер. Бор писал: «Мы и в других областях человеческого познания сталкиваемся с видимыми противоречиями, которые могут быть устранены только с помощью принципа дополнительности».[38] И как будто специально для криминологов: «В описании положения отдельного лица внутри общества имеются типично дополнительные стороны, связанные с подвижной границей между оценкой человеческих ценностей и общими положениями, на основании которых о них судят… Общую цель всех культур составляет самое теснейшее сочетание справедливости и милосердия; тем не менее следует признать, что в каждом случае, где нужно строго применить закон, не остается места для проявления милосердия, и наоборот, доброжелательство и сострадание могут вступить в конфликт с самыми принципами правосудия».[39]

Забвение принципов относительности знаний, дополнительности приводит к абсолютизации отдельных теорий, концепций, суждений, к догматизации науки. А, как говорил другой выдающийся физик – Макс Борн, «вера в то, что существует только одна истина и что она уже постигнута, кажется мне главной причиной всех зол на Земле».[40]

Итак, криминологи могут применять всевозможные методы научных исследований: философские, логические,[41] исторические, общенаучные (системный анализ, организационный анализ, синергетику), социологические методы сбора первичной информации (наблюдение, опрос, анализ документов, эксперимент), психологические методы (тесты) исследования свойств личности и т. д. О некоторых из них мы поговорим чуть позже; некоторую литературу назовем сейчас.[42]

Наконец, нельзя не отметить роль *сравнительного* метода в изучении преступности. Сравнительные (компаративистские) исследования преступности различных государств приобретают все большее значение в условиях интернационализации, глобализации всех социальных процессов, включая преступность.[43] Нередко именно сравнительные исследования позволяют выявить тенденции, неявные при рассмотрении на примере одной страны.

Завершая этот параграф, отметим роль *моделирования* в современном научном познании вообще, криминологии в особенности.

Моделирование это то, чем *всегда* занималась и занимается *каждая* наука, независимо от осознания того, что она «говорит моделями». Ибо в самом широком смысле слова *модель* – это *отражение, образ* изучаемого, исследуемого, рассматриваемого

объекта реальной действительности (или ирреальности: образ русалки, лешего, бабы-яги…). Говоря более научно, модель – это «представляемая или материально реализованная система, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что ее изучение дает новую информацию об этом объекте».[44] Существует множество других определений. Но для нас важно, что *моделирование предполагает некоторые теоретические (мысленные) представления об изучаемом объекте и системное описание (изложение) этих представлений, отражающих (неполно, схематично) наиболее существенные, «системообразующие» признаки, параметры объекта изучения.*

Содержательная модель, всегда присущая научным исследованиям, формулируется на естественном языке.

Формальная модель выражается с помощью формальных языков (логического, математического) и стала свойственна раньше всего естественным наукам, а позднее – и социальным, достигшим определенного уровня развития, зрелости.[45] Не представляет исключения и криминология.[46]

Модели позволяют «проигрывать» различные ситуации, которые нельзя воспроизвести в действительности, исследовать возможные изменения объекта при изменении отдельных его параметров или же условий среды, прогнозировать развитие объекта при заданных параметрах и т. п. Эвристические возможности моделирования становятся поистине безграничны при использовании современной компьютерной техники.

§ 5. Эмпирические криминологические исследования

С середины XIX в. под влиянием *позитивизма* в философии и социологии (труды О. Конта, Г. Спенсера и др.) социальные науки начинают активно применять «позитивные», естественнонаучные методы исследования своего объекта. В криминологии это антропологические измерения Ч. Ломброзо, статистический анализ А. Кетле, социально-экономические исследования Ф. Энгельса («Положение рабочего класса в Англии») и др.

Постепенно криминологи начинают все активнее использовать весь арсенал *социологических* методов сбора и анализа эмпирических данных о своем объекте. В литературе – как социологической, так и криминологической – достаточно подробно изложены методика и техника эмпирических исследований преступности, ее отдельных видов, факторов, влияющих на преступность.[47] Поэтому ниже будет представлена лишь некоторая схема таких исследований.

Проведению исследования предшествует разработка его *программы,* включая определение целей, задач исследования, выработку гипотез (предположений, проверяемых в процессе исследования), анализ необходимой литературы, а также разработанный инструментарий – те конкретные методики, которые будут применяться в процессе сбора информации (анкеты, опросные листы, тесты и т. п.).

Напомним основные методы сбора первичной информации.

Наблюдение в криминологии по понятным причинам применяется реже, чем в социологии. Вместе с тем оно вполне возможно, например, при изучении режима в пенитенциарных учреждениях (пенитенциарная криминология). Так, автору этих строк приходилось неоднократно изучать и сравнивать – по определенной программе – условия содержания, быта, взаимоотношения между заключенными и персоналом в пенитенциарных учреждениях бывшего СССР, современной России, а также Венгрии (Будапешт), Германии (Фрайбург), Ирландии (Дублин), Кореи (Сеул), Польши (Варшава, Белосток), США (Нью-Йорк, Блумингтон), Финляндии (Хельсинки, Турку) и др. стран. Конечно, наблюдение как научный метод предполагает наличие предварительного плана, перечня подлежащих изучению вопросов и т. п.

Анализ документов – один из основных методов получения криминологической информации. Наиболее часто используются официальные (формальные) документы – материалы уголовных дел, нормативные документы, справки, отчеты и др., а также официальные статистические материалы и документы первичного учета (статистические карточки МВД РФ и МЮ РФ на преступление, на лицо, совершившее преступление, на подсудимого и др.). Приходится обращаться и к неофициальным (неформальным) документам – письмам, дневникам и др. Так, «письма из тюрьмы» активно используются в качестве источника информации отечественными и зарубежными авторами.[48]

Опросы также часто применяются в криминологических исследованиях. Используются оба основных вида опроса: анкетный и интервью. Каждый из них обладает определенными достоинствами и имеет свои недостатки.

Интервью, т. е. личная беседа интервьюера (исследователя) и респондента (опрашиваемого) позволяет при необходимости уточнять вопросы, предусмотренные «опросным листом» (анкетой, «путеводителем интервью»), задавать дополнительные вопросы, гарантирует ответы на все вопросы и т. п. Но при этом исключается анонимность опроса (что может повлиять на степень правдивости ответов), а также ограничивается число

респондентов (лично опросить можно десятки человек, но не тысячи).

Анкетный опрос обеспечивает анонимность, позволяет опросить сколь угодно большое число респондентов, но при этом не позволяет разъяснить неясный для респондента вопрос, допускает неполное заполнение анкеты или ее невозврат.

По форме проведения опрос может быть личным (интервью, *face of face),* почтовым, телефонным.

К числу массовых анкетных опросов относятся виктимологические опросы населения (подробнее о них см. § 2 гл. 2). Нередко проводятся как интервью, так и анкетный опрос лиц, обвиняемых или осужденных за совершение изучаемого вида преступлений, заключенных, представителей делинквентных и криминальных групп.[49]

Опрос экспертов – разновидность опроса, рассматриваемая нередко как самостоятельный метод. Применяется обычно тогда, когда необходимо получить мнение специалистов по какому-либо вопросу. Часто экспертный опрос применяется наряду с опросом населения или какой-то группы (осужденных, подростков). Это дает возможность сравнить, сопоставить мнение специалистов и «несведущих» людей. Так, при изучении деятельности преступных организаций могут опрашиваться их члены, предприниматели, а также специалисты (эксперты) – руководители подразделений РУБОП, ФСБ, следственных управлений.

Эксперимент редко возможен в криминологических исследованиях. Исключение составляют эксперименты, связанные с программами реадаптации, ресоциализации осужденных, лиц, находящихся в пенитенциарных учреждениях. Устанавливая в некоторых из них («экспериментальных») новые условия отбывания наказания (например, предоставление отпусков), применяя новые психолого-педагогические методы коррекции поведения и сопоставляя результаты с ситуацией в других учреждениях, можно выявить достоинства и недостатки нововведений.

Это неполный перечень социологических методов, используемых в криминологии. Все большую роль играют так называемые «качественные методы», включая метод фокус-групп, и др.[50]

Наряду с социологическими методами, при изучении лиц, совершивших преступления, осужденных, заключенных могут применяться и психологические методы – *тестирования,* которые проводят профессиональные психологи.

Невозможно перечислить все случаи, когда целесообразно проведение эмпирических криминологических исследований,

указать все решаемые при этом задачи. Лишь в качестве примера назовем некоторые типичные задачи *регионального* криминологического исследования.

1. Определение *состояния* (объем, уровень, структура, динамика) *преступности* в регионе. Обычно достигается сбором и анализом официальных статистических данных, результатов виктимологических опросов.

2. Уточнение *социально-демографического* (пол, возраст, образовательный уровень, социальное и семейное положение и т. п.) состава лиц, совершающих различные преступления. Осуществляется путем анализа статистических данных, а также в результате опроса. На основе полученных данных рассчитываются *коэффициенты* (индексы) *криминальной активности* различных социально-демографических групп по формуле:

$$К_{\text{кр. акт.}} = \frac{n}{N},$$

где n – доля социально-демографической группы среди лиц, виновных в совершении преступлений (%);

N – доля той же группы в населении (%).

Коэффициент криминальной активности показывает *вклад* группы в преступность. При Ккр. акт. > 1 можно говорить о *повышенной* криминальной активности, при Ккр. акт. < 1 – о *пониженной.* Подробнее о методике и возможностях использования этого коэффициента см. статью Н. Проскурниной. [51]

3. Установление *пространственного* (территориального) *распределения* преступности и отдельных ее видов в регионе: по районам и микрорайонам города; по районам, населенным пунктам области и т. п. Одновременно выявляются *экспортно-импортные* потоки преступлений: жители каких территориальных единиц совершают преступления (и какие именно) на изучаемой территории. Так, при исследовании пространственного распределения преступности в Санкт-Петербурге наиболее «криминальными» оказались центральные районы, а также были зафиксированы районы-«импортеры» – в основном, центральные районы города и «экспортеры» – как правило, «спальные» районы.

4. Выявление *временного* (по дням недели, часам суток, месяцам – «сезонная волна») *распределения* преступности и ее видов. Например, в Санкт-Петербурге уровень преступности ежедневно увеличивался, начиная с понедельника, достигал максимума в пятницу, несколько снижался в субботу и падал до

минимума в воскресенье (преступники тоже отдыхают…). Квартирные кражи преобладали в период от 12 до 16 ч (что легко объяснимо – время, когда владельцы жилья на работе), а вот уличные преступления – с 18 до 24 ч. Для различных видов преступлений наблюдалась и своя «сезонная волна».[52]

5. Установление *взаимосвязей* между *преступностью,* ее состоянием и социальными, экономическими, политическими, культурологическими и прочими *факторами.* Это наиболее сложная из задач эмпирического криминологического исследования. Она решается средствами корреляционного, факторного, регрессионного анализа, т. е. специальными математическими методами, описание которых выходит за рамки данной работы и требует обращения к соответствующей литературе.[53]

6. Выявление взаимоотношений между населением и правоохранительными органами в связи с преступностью, а также роли средств массовой информации (СМИ) в освещении проблем преступности и формировании «образа преступника», «страха перед преступностью» и т. п. Эта задача решается с помощью контент-анализа прессы и массовых опросов населения.[54]

Глава 2
Преступность

Преступность – нормальное явление потому, что общество без преступности совершенно невозможно.

Э. Дюркгейм

§ 1. Понятие преступности

Преступность – центральное понятие криминологии. Но, как нередко бывает в науке, – наименее ясное и определенное.

Зарубежные криминологи уходят от определения этого понятия, ограничиваясь определением *преступления* как поведенческого акта, нарушающего уголовно-правовой запрет («behavior which is prohibited by the criminal code»), или же констатируют три основных подхода к пониманию преступности (преступления): легалистский (преступно то, что запрещено законом), социальной реакции (преступно то, что осуждается обществом, государством, за что назначается наказание) и критический (не согласный с двумя названными).[55] Вот одно из «интегративных» определений: «Преступления – такие акты, которые юридически осуждены государством и считаются заслуживающими наказания и контроля».[56]

Кроме того, в современной криминологии подчеркивается неопределенность и многозначность понятия «преступление». Преступление может рассматриваться как: форма нормального поведения; нарушение поведенческих норм; нарушение уголовного закона; форма девиантного поведения; поведение, определяемое законом; всеми осуждаемое поведение; идеологическое осуждение; нарушение прав человека; социальный вред; форма неравенства; ограничение возможности инакодействия; историческое изобретение; социальный конструкт.[57]

В отечественной литературе долгие годы господствовало понимание преступности как «исторически преходящего социально-правового явления классового общества, представляющего собой совокупность всех преступлений, совершенных на определенной территории за определенный период времени».[58] В таком определении все вызывает

сомнения: и «преходящий» характер преступности, и привязанность к классовому обществу, и определение социального явления через совокупность индивидуальных поведенческих актов. За последние годы появились более корректные подходы: «Преступность – отрицательное социально-правовое явление, существующее в человеческом обществе, имеющее свои закономерности, количественные и качественные характеристики, влекущее негативные для общества и людей последствия и требующее специфических государственных и общественных мер контроля за ней».[59] В целом это вполне приемлемое определение, если бы не одно «но»: попробуйте подставить в это определение вместо слова «преступность» слова «пьянство», или «наркотизм», или «коррупция»… Поставили? Подходит? Но тогда такое определение не специфично именно для преступности.

Более социологичны определения представителей ленинградской – санкт-петербургской криминологической школы: «Преступность – это момент, состояние социального организма… Преступность как социальное явление представляет собой одну из характеристик общества, один из параметров, отражающих состояние социального организма».[60] И «свойство человека, социального института, общества отдельной страны, глобального общества воспроизводить множество опасных для окружающих людей деяний, проявляющееся во взаимосвязи преступлений и их причин, поддающееся количественной интерпретации и предопределяющее введение уголовно-правовых запретов».[61] Однако, как мне кажется, и в названных определениях, правильно отражающих социальную природу преступности, отсутствует указание на ее *специфичность*.

Вполне оригинально и достаточно корректно определение, предложенное А. И. Долговой: «Преступность – это социальное явление, заключающееся в решении частью населения своих проблем с виновным нарушением уголовного запрета».[62]

Случайно ли ни отечественные, ни зарубежные криминологи не «додумались» до «правильного» определения главного предмета своих исследований? Конечно же, нет. Преступность – сложное социальное явление, не имеющее «естественных» границ (в отличие, например, от наркотизма, пьянства, самоубийств) и определяемое с помощью двух разнопорядковых критериев: 1) общественной опасности, реального вреда и 2) предусмотренности уголовным законом (*nullum crimen sine lege* – нет преступления без указания о том в законе). Порассуждаем на эту тему.

Очевидно, в различных странах и в разное время существенно

различается круг деяний, признаваемых преступными. То, что в одной стране – преступление, в другой не признается таковым. То, что преступным было вчера (например, добровольный гомосексуализм – ст. 121 УК РСФСР 1960 г., бродяжничество, попрошайничество, ведение паразитического образа жизни – ст. 209 УК РСФСР) – непреступно (декриминализировано) сегодня, и наоборот (лжепредпринимательство – ст. 173 УК РФ 1996 г., фиктивное банкротство – ст. 197 УК РФ). *В реальной действительности нет объекта, который был бы «преступностью» (или «преступлением») по своим внутренним, имманентным свойствам, sui generis, per se.* Преступление и преступность – понятия *релятивные* (относительные), *конвенциональные* («договорные»: как «договорятся» законодатели), они суть социальные *конструкты,* лишь отчасти отражающие отдельные социальные реалии: некоторые люди убивают других, некоторые завладевают вещами других, некоторые обманывают других и т. п. Но ведь *те же самые по содержанию* действия могут не признаваться преступлениями: убийство врага на войне, убийство по приговору (смертная казнь), завладение вещами другого по решению суда, обман государством своих граждан и т. п.

Осознание того, что многие привычные общественные явления не что иное, как *конструкции,* более или менее искусственные, «построенные» обществом, сложилось в социальных науках лишь во второй половине XX столетия.[63] «Рядовые люди в разных обществах считают само собой разумеющимися совершенно различные „реальности“».[64] И хотя применительно к нашему предмету такое осознание было присуще еще… Древнему Риму *(ex senatusconsultis et plebiscitis crimina exercentur* – преступления возникают из сенатских и народных решений), однако в современной криминологии признание преступности социальной конструкцией произошло сравнительно поздно, хотя сегодня разделяется многими западными криминологами.[65] Это четко формулируют германские криминологи Хесс и Шеерер:[66] преступность не онтологическое явление, а мыслительная конструкция, имеющая исторический и изменчивый характер. Преступность почти полностью конструируется контролирующими институтами, которые устанавливают нормы и приписывают поступкам определенные значения. Преступность – социальный и языковой конструкт.

Об этом же пишет голландский криминолог Л. Хулсман: «Преступление не онтологическая реальность… Преступление не объект, но продукт криминальной политики. Криминализация есть один из многих путей конструирования социальной

реальности».[67]

«Понятие *преступность* есть ярлык, который мы применяем, определяя поведение, нарушающее закон… Ключевым является то, что преступления порождаются уголовным законом, который сочиняют люди. *Преступность* не существует в природе, это выдумка *(invented)* людей», – пишет М. Робинсон.[68]

Н. Кристи (Норвегия) останавливается на том, что преступность не имеет естественных природных границ. Она – продукт культурных, социальных и ментальных процессов.[69] А отсюда, казалось бы, парадоксальный вывод: «Преступность не существует» *(crime does not exist)*.[70]

Каковы же основные положения конструктивистских представлений о преступлении, преступности и криминологии?[71]

Во-первых, «преступление не онтологическая реальность» (с. 11 вышеназванной книги Hilliard P., Pantazis Ch., Tombs S., Gordon D.).

Во-вторых, «криминология увековечивает миф о преступности» (с. 11 той же книги).

В-третьих, ««преступность» включает много мелких проступков» (с. 12). Дело в том, что «преступление» – это всегда очень серьезное деяние, причиняющее значительный вред. Между тем уголовный закон включает множество незначительных проступков, но их субъекты подвергаются последствиям признания их проступков «преступлением».

В-четвертых, ««преступность» исключает (не включает. – *Я. Г.)* многие серьезные деяния, причиняющие тяжелый вред» (с. 13). В качестве примера авторы приводят многочисленные корпоративные преступления, домашнее насилие, преступления полиции и т. п., которые оказываются *de jure* или *de facto* вне уголовной ответственности.

В-пятых, «сконструированность "преступлений"» (с. 14). Отсутствие четких (онтологических!) критериев того, что же по своему содержанию является «преступлением», приводит к тому, что оно оказывается всего-навсего «конструктом», более или менее искусственным.

В-шестых, «криминализация и наказание причиняют боль» (с. 15). Это известное положение Нильса Кристи (мы еще не раз будем возвращаться к имени этого известного норвежского профессора-гуманиста) о том, что уголовное правосудие есть процесс причинения боли и пользоваться им необходимо лишь в крайних случаях.

В-седьмых, «"контроль над преступностью" неэффективен» (с.

16). Проблеме социального контроля над преступностью посвящена ч. IV нашей книги, и мы подробно будем рассматривать ее.

В-восьмых, «легитимизация «преступности» ведет к экспансии контроля над преступностью» (с. 17). Смысл этого тезиса состоит в том, что все большая *криминализация* различных деяний (признание их преступными) и нагнетаемый политиками-популистами и СМИ «страх перед преступностью» приводят ко все большей *репрессивности* полиции и уголовной юстиции, расширению их деятельности, нередко за счет ограничения прав человека, ко все большему вовлечению людей в жернова уголовной юстиции, к росту тюремного населения, к «призонизации» поведения и сознания масс населения. И об этом мы подробнее поговорим в ч. IV нашей книги.

Наконец, в-девятых, «"преступность" служит поддержанию (сохранению) властных отношений» (с. 17). Так, уголовное право ведет к сохранению коллективной безответственности в коридорах власти при пренебрежении к индивидуальным поступкам и поведению «улицы». Это увековечивает такие структурные детерминанты нежелательного поведения, как бедность, социальная депривация (неравенство доступа к социальным благам; психологический дискомфорт, вызванный пониманием этого), огромное неравенство между богатыми и бедными. При этом растет заинтересованность «индустрии контроля над преступностью» в криминализации деяний. Политики используют «преступность» в целях мобилизации электората для поддержки своих партий. В целом «преступность» способствует сохранению властных отношений.

Подробно обосновывается понимание преступности и преступления как социальных конструктов, а также рассматривается процесс такого конструирования в последнем издании Оксфордского справочника (руководства) по криминологии.[72]

Итак, «термин *преступление* есть ярлык *(label),* который мы применяем к поведению, нарушающему закон. Ключевой пункт – это порождение преступлений уголовным законом, который создан людьми. *Преступление* как таковое не существует в природе; это выдумка людей».[73]

Как происходит конструирование одной из современных (начиная с середины 80-х гг. XX в.) разновидностей преступности – «преступлений ненависти» *(«hate crimes»),* т. е. преступных посягательств против «ненавистных» меньшинств (афро-, испано-, арабо– и азиато-американцев, евреев, геев и лесбиянок и т. п.), показано в книге американских криминологов.[74] В этом

конструировании («"Hate crime" is a social construct») принимают участие СМИ и политики, ученые и ФБР. Роль политического режима в конструировании преступности и иных социальных девиаций показана мною в одной из работ.[75] А участие СМИ в конструировании преступности и иных девиантных проявлений рассмотрена в монографии И. Г. Ясавеева.[76]

С нашей точки зрения, *вся жизнь человека есть не что иное, как онтологически не расчлененная деятельность по удовлетворению своих потребностей.* Я устал и выпиваю бокал вина или рюмку коньяка, или выкуриваю «Marlboro», или выпиваю чашку кофе, или нюхаю кокаин, или выкуриваю сигарету с марихуаной… Для меня все это лишь средства снять усталость, взбодриться. И тот факт, что первые четыре способа социально допустимы, а два последних «девиантны», а то и преступны, наказуемы, – есть результат социальной конструкции, договоренности законодателей *«здесь и сейчас»* (ибо бокал вина запрещен в мусульманских странах, марихуана разрешена в Голландии, курение табака было под страхом смерти запрещено в Испании во времена Колумба и т. д.). Иначе говоря, жизнедеятельность человека – пламя, огонь, некоторые языки которого признаются – обоснованно или не очень – опасными для других, а потому «тушатся» обществом (в случае морального осуждения) или государством (если речь идет о правовых запретах).

Но тогда основными вопросами криминологии окажутся:

1. Какие потребности существуют у современных людей?

2. Какие легальные возможности удовлетворения потребностей предоставляет современное общество современным людям?

3. Какие средства и способы удовлетворения потребностей признаются современным государством недопустимыми, в том числе – преступными, и почему?

Как заметил в 1983 г. В. Коган, «преступление, независимо от его вида, образуется соединением побуждения, которое само по себе непреступно, с операцией, которая сама по себе непреступна, если такое соединение причиняет вред либо создает угрозу объектам, поставленным в связи с их социальной ценностью под уголовно-правовую охрану, и при этом запрещено уголовным правом».[77]

Сказанное не означает, что социальное конструирование вообще и конструирование преступности в частности совершенно произвольны.[78] Общество «конструирует» свои элементы на основе некоторых онтологических, бытийных реалий. Так, реальностью является то, что некоторые виды человеческой

жизнедеятельности причиняют определенный *вред,* наносят *ущерб,* а потому *негативно* воспринимаются и *оцениваются* другими людьми, обществом. Но реально и другое: некоторые виды криминализированных (признаваемых преступными в силу уголовного закона) деяний *не* причиняют вреда другим, а значит, криминализированы без достаточных онтологических оснований. Это, в частности, так называемые «преступления без жертв», к числу которых автор этого термина Э. Шур относит потребление наркотиков, добровольный гомосексуализм, занятие проституцией, производство врачом аборта.[79]

Канадский криминолог Дж. Хаган рассматривает преступления и девиации как «континуум (протяженность) вариаций» *(«continuosis variable»).* Он попытался на основании опроса проранжировать степень воспринимаемой населением опасности, тяжести различных видов «отклонений» и получил шкалу от прогулов 16-летних школьников (0,2 балла) и бродяжничества (0,3 балла) до изнасилования (52,8 балла) и закладывания бомбы в общественное здание, в результате взрыва которой погибло 20 человек (72,1 балла).[80] Сколько баллов «достаточно», чтобы признать отклонение преступлением?..

О том, что законодатель грешит расширительным толкованием вреда, заслуживающего криминализации, свидетельствует тот факт, что, согласно букве уголовного закона большинства современных государств, включая Россию, 100 % взрослого населения – уголовные преступники (кто, например, в России ни разу не оскорбил кого-либо – ст. 130 УК РФ, или не ударил кого-либо, причинив физическую боль – ст. 116 УК РФ, или не уклонился от уплаты налога – ст. 198 УК РФ и т. п.?). Но и в других странах ситуация не лучше. Так, по результатам нескольких опросов населения в США, от 91 до 100 % респондентов подтвердили, что им приходилось совершать то, что уголовный закон признает преступлением (данные Уоллерстайна и Уайля, Мартина и Фицпатрика, Портфельда и др.).

Постмодернизм в криминологии не без основания рассматривает преступность как *порождение власти в целях ограничения иных, не принадлежащих власти, индивидов в их стремлении преодолеть социальное неравенство, вести себя иначе, чем предписывает власть.*

Ясно, что правовые (в том числе – уголовно-правовые) нормы и их реализация (что не всегда одно и то же) непосредственно зависят от *политического режима.*[81] Рассмотрим это на примере трансформации политического режима в советском государстве. После октября 1917 г. новая российская власть, для утверждения

которой немало сделали демократическая революционно настроенная студенческая молодежь и интеллигенция, пыталась какое-то время сохранить имидж прогрессивности, либерализма, демократичности. В Руководящих началах 1919 г. и в первом Уголовном кодексе 1922 г. наказание признавалось мерой «оборонительной», санкции были не очень строгие, в УК РСФСР 1926 г. термин «наказание» был заменен понятием «меры социальной защиты». Тюрьмы пытались заменить трудовыми лагерями (что творилось нередко на практике – другой вопрос). Руководство страны и его идеологическое обеспечение на первых порах отнеслись либерально-аболиционистски к тому, что позднее, при сталинском тоталитарном режиме, трактовалось как явления чуждые и враждебные советскому народу. Скажем, в 20-е годы вполне терпимо воспринимали *проституцию*. Меры социального контроля сводились в основном к попыткам реабилитации женщин, вовлекаемых в сексуальную коммерцию, путем привлечения их к труду и повышения образовательного и профессионального уровня. В декабре 1917 г. была отменена уголовная ответственность за гомосексуальную связь, не предусматривалась уголовная ответственность за *гомосексуализм* и в Уголовных кодексах 1922 и 1926 гг. В первом издании Большой Советской Энциклопедии 1930 г. говорилось: «Понимая неправильность развития гомосексуалиста, общество не возлагает и не может возлагать вину… на носителей этих особенностей… Наше общество… создает все необходимые условия к тому, чтобы жизненные столкновения гомосексуалистов были возможно безболезненнее».[82] До мая 1928 г. не было запрета на оборот *наркотиков*. Фактически существовало индифферентное отношение к наркопотреблению и наркотизму как социальному явлению.

С постепенным утверждением в стране тоталитарного режима принципиально меняется отношение ко всем «пережиткам капитализма», «чуждым советскому народу». В 30-е гг. сворачивается система социальной реабилитации женщин, занимавшихся *проституцией,* на смену приходит репрессивная политика по отношению к ним. Резко меняется отношение к *гомосексуализму*. В 1934 г. вводится уголовная ответственность за мужской гомосексуализм (с наказанием в виде лишения свободы на срок от 3 до 8 лет). В 1936 г. народный комиссар юстиции РСФСР Н. Крыленко сравнил гомосексуалистов с фашистами и иными врагами большевистского строя (надо ли напоминать, что в гитлеровской фашистской Германии гомосексуалистов уничтожали физически!). Во втором издании БСЭ мы можем прочитать: «В советском обществе с его здоровой

нравственностью гомосексуализм как половое извращение считается позорным и преступным… В буржуазных странах, где гомосексуализм представляет собой выражение морального разложения правящих классов, гомосексуализм фактически ненаказуем».[83] В 1934 г. устанавливается уголовная ответственность за посевы опийного мака и индийской конопли. Из приведенных примеров наглядно видно, как режим *конструирует* различные виды девиантности и преступности. Или – создает «козлов отпущения», на которых так удобно списывать просчеты и неудачи собственной социальной политики.[84]

Объективная сложность логического определения преступности и состоит, очевидно, в том, что она «конструируется» по двум разным основаниям, лежащим в разных плоскостях: реальный (онтологический, объективный) *вред* и «указание о том в законе», криминализированность, которая всегда является результатом *субъективной воли* законодателя. На это обстоятельство обратил внимание В. Е. Жеребкин еще в 1976 г. Он заметил, что одни признаки понятия «преступление» являются материальными, субстанциальными (общественная опасность или, более корректно – вред), тогда как другие – формальны, несубстанциальны (противоправность, указание в уголовном законе). Сам Жеребкин так определяет эти два признака: *«Материальный признак* – это такой признак, который присущ предмету как таковому, является субстанциальным, имманентным его свойством. Это признак объективный, существующий *независимо* от субъекта познания (законодателя) и до него.

Формальный признак – это признак не субстанциальный, он не принадлежит предмету действительности, не является его имманентным свойством. Этим признаком реальный предмет наделяется субъектом познания (законодателем)».[85] Однако отечественные криминологи, кажется, прошли мимо этих рассуждений.

Исходя из представлений о преступности как частном случае девиантности, нами под *преступностью* понимается *относительно распространенное (массовое), статистически устойчивое социальное явление, разновидность (одна из форм) девиантности, определяемая законодателем в уголовном законе*.[86] Аналогичное определение преступлений было предложено Джоном Хаганом: «вид девиаций, который состоит в таких отклонениях от социальных норм, которые запрещены уголовным законом».[87] Разумеется, наше определение тоже «хромает», носит рабочий характер и не претендует на «правильность».

К сожалению, эта ясная позиция, не будучи понята,

подвергается иногда огульной критике. Так, в учебнике под редакцией Н. Ф. Кузнецовой утверждается, что в зарубежной криминологии, а также в трудах Я. И. Гилинского и Д. А. Шестакова подменяется понятие преступности «отклоняющимся поведением», отвергается уголовно-правовое свойство преступности, а криминология превращается в «королеву без королевства».[88] Более или менее внимательное прочтение текстов и зарубежных криминологов, и упомянутых российских авторов свидетельствует о полном непонимании критиком их позиции. Никто не отождествляет преступность с девиантностью, а преступление – с девиантным поведением. Речь идет лишь об их взаимоотношениях, «соподчиненности» (преступность – разновидность девиантности, преступление – одна из форм девиантного поведения). И «королева»-криминология полностью сохраняет свое «королевство» – науку о преступности.

Преступность как социальный феномен характеризуется рядом свойств:

• *массовость,* распространенность;

• относительная статистическая *устойчивость;* изменения носят «плавный» и закономерный характер;

• историческая *изменчивость* – при этом речь идет не только (не столько) о зависимости конструкта «преступность» от воли законодателя, сколько о закономерных изменениях структуры преступности, ее качественных особенностей (например, групповая преступность была всегда, организованная – продукт XX в., заказные убийства были всегда, появление профессии киллера – одно из «новшеств»);

• *иррегулярность* – отдельные преступления как элементы статистической совокупности совершаются независимо друг от друга.

Релятивность, конвенциональность, историческая изменчивость, массовость, статистическая устойчивость – все эти свойства преступности заставляют думать о *преступности как культурном феномене,* как элементе культуры.

Имеется множество определений культуры. Нам представляется наиболее общим и отвечающим своему предмету понимание *культуры* как *способа человеческого существования, способа человеческой деятельности*.[89] Культура включает также объективированные *результаты* этой деятельности. Культура служит наиболее общим внебиологическим механизмом накопления (аккумуляции), хранения и передачи (трансляции) информации, выполняя тем самым функцию социального наследования.

Для нашей темы важно, что при таком – не аксиологическом

– понимании культура включает не только «позитивные», одобряемые способы деятельности, но и «негативные», порицаемые, «образцы культуры» не только со знаком «+», но и со знаком «—». В культуру входят способы технического, научного, художественного творчества, но также и способы взлома квартиры (с помощью «фомки» или «слоника» или путем отжима ригеля), нормы христианской морали, но также и нормы воровской культуры (субкультуры), лучшие образцы мирового зодчества, но также и надписи на заборах…

Каждое общество имеет ту преступность (виды преступлений, их качественное своеобразие), которая соответствует культуре данного общества, является ее элементом. В современных странах Западной Европы вряд ли кто из психически нормальных людей воспользуется таким способом убийства, как колдовство, или таким способом причинения вреда здоровью, как «сглаз». Компьютерные преступления возможны только в обществах соответствующей «информационной» культуры. В российскую культуру традиционно интегрирована культура «блатная», тюремная (начиная от знаменитых «Гоп-со-смыком» и «Мурки» и кончая творчеством С. Есенина, В. Высоцкого, А. Галича и др.). Культура «подсказывает» образцы поведения, образцы разрешения конфликтов, жизненных коллизий (перестать встречаться, «выяснить отношения», вызвать на дуэль, покончить жизнь самоубийством, запить «горькую», украсть, поменять место работы и др.). Культурно обусловлены не только характер и способы совершения преступлений, но и применяемые обществом меры социального контроля, включая наказание. К этому мы еще вернемся в IV части книги.

§ 2. Основные характеристики (показатели) преступности

Любое изучение и описание преступности или же ее отдельных видов требует количественных показателей. *Измерение преступности* – одна из главных исследовательских задач зарубежной криминологии.[90] Проблемность этой задачи объясняется рядом факторов.

• Как мы заметили выше, уголовное законодательство большинства современных государств сконструировано таким образом, что практически все или почти все взрослые граждане в течение жизни совершали преступления, причем не единожды (все граждане – преступники-рецидивисты…). Этот феномен можно обозначить как *избыточность уголовного закона.* Понятно, что регистрируется лишь незначительная часть всех совершаемых

«преступлений» (привычный образ – «надводная часть айсберга»). Незарегистрированное большинство преступлений носит название *латентной* преступности; о ней речь пойдет ниже. Ясно, что выявление и оценка масштабов латентной преступности – задача не из легких.

• Иногда утверждают, что зарегистрированная (учтенная) преступность «представительна» для всей совокупности. И в зарегистрированной преступности отражается целое как в капле воды. Но насколько мы можем доверять представительности (репрезентативности) учтенной преступности? Ведь *что* и *как* регистрируется, зависит от активности населения (насколько оно, включая жертв преступлений, сообщает в органы, регистрирующие преступления, о таковых), от активности полиции (насколько полно и точно она регистрирует все факты преступлений, ставших ей известными), от государственной политики (что именно, с точки зрения властей, является главным объектом «борьбы с преступностью»), от характера преступлений (всегда ли населению и полиции становятся известны факты мошенничества, экологических преступлений, фальсификации товаров и услуг?). Во всем мире хорошо известна *селективность* (избирательность) полиции и уголовной юстиции при выявлении, регистрации и раскрытии преступлений: наиболее полно учитываются так называемые уличные, или «общеуголовные» преступления *(street crimes)* и «не замечается» преступность «респектабельная», «элитарная», «беловоротничковая» *(white-collar crime)*. По образному выражению A. Liazos, «борьба» ведется преимущественно с пьяницами, опустившимися и извращенцами *(nuts, sluts and perverts)*. И тогда пойманные полицией и осужденные судом «nuts, sluts and perverts» – лишь «козлы отпущения», призванные демонстрировать успехи борьбы с преступностью.

• Уголовное законодательство различных стран в разное время признает преступными существенно различные деяния. Как сравнивать, сопоставлять при этом криминальную ситуацию, оценивать ее динамику?

В современных развитых странах существует несколько взаимодополняющих систем учета совершаемых преступлений.

Прежде всего, это *официальная* полицейская (прокурорская, судебная) *статистика.* Используемая во всех странах, она формируется по разным критериям: по числу арестов подозреваемых, по числу возбужденных уголовных дел, по числу зарегистрированных преступлений (последний вариант принят и в современной России). Иногда за основу берутся не все зарегистрированные преступления, а наиболее опасные или

распространенные. Так, в США публикуются сведения ФБР об «индексной преступности» *(Uniform Crime Reports* – UCR), в состав которой входят убийства, изнасилования, разбойные нападения, грабежи, берглэри *(burglary* – вторжение в чужое жилище с преступными намерениями), кражи (на сумму свыше $50), кражи автотранспортных средств. Пожалуй, наиболее полные сведения о преступности (в целом и по видам, по федеральным землям, по городам с населением свыше 200 тыс. жителей, о лицах, совершивших преступления, о жертвах и многое другое) публикуются в ФРГ.[91] Впрочем, и во многих других западноевропейских странах сведения о преступности публикуются полно, открыто и «красочно» (цветные графики, диаграммы и т. п.).[92] Сравнительные статистические данные по десяткам стран имеются в отчетах ООН[93] и публикуются МВД Великобритании (Home Office).[94]

В СССР вся уголовная статистика была засекречена. Первые, крайне убогие сведения начали публиковаться с 1987 г. в ежегодных статистических сборниках «СССР в цифрах». Первый относительно полный статистический сборник «Преступность и правонарушения в СССР» вышел в 1990 г. и содержал наиболее общие сведения с 1961 г., а по отдельным преступлениям – с 1980 г.[95] По понятным причинам общесоюзные сборники прекратили свое существование уже в 1991 г., но с 1992 г. стали публиковаться российские ежегодные статистические сборники «Преступность и правонарушения».[96] Если выпуски до 1992 г. включительно поступали в открытую продажу то уже с 1993 г. их приходится «доставать». То же самое относится к кратким ежемесячным и ежегодным справочникам МВД РФ «Состояние преступности в России». Есть и другие источники статистической информации, в частности, публикуемые в изданиях Российской криминологической ассоциации, в трудах отечественных криминологов, но содержащиеся в них данные носят, как правило, вторичный, производный характер.

Поскольку официальные полицейские статистические данные заведомо страдают существенной неполнотой, они дополняются проводимыми во многих странах *виктимологическими опросами* населения *(victimohgical survey)*. Суть последних – анонимный репрезентативный (представительный) опрос жителей о том, становились ли они лично или члены их семьи жертвами преступлений в определенный предшествующий опросу промежуток времени (год, полугодие, квартал) и если – да, то каких именно. В США результаты такого рода опросов *(National Crime Victimization Survey* – NCVS) образуют второй важнейший источник сведений о преступности, наряду со статистикой ФБР, а

сравнение данных UCR и NCVS – предмет криминологических исследований.[97]

К сожалению, в России никогда не проводились национальные (федеральные) виктимологические опросы, а региональные – лишь в незначительном количестве регионов и нерегулярно (что существенно снижает их познавательные возможности). И, пожалуй, самое главное – региональные виктимологические опросы если и проводятся, то по различным методикам, а потому их результаты несопоставимы между собой. Мы можем сослаться лишь на относительно систематические виктимологические опросы населения Санкт-Петербурга, проводимые с нашим участием начиная с 1989 г., причем с 1999 г. – по единым методикам, принятым в США.[98]

Третьим способом измерения масштабов преступности является метод *самоотчета (self-report survey).* Он заключается в анонимном анкетном репрезентативном опросе населения с целью выяснить, совершал ли респондент какие-либо уголовно наказуемые деяния за определенный прошедший период времени. Достаточно распространенный за рубежом, этот метод почти не применяется в России (нам известен лишь один такой опрос, проведенный с нашим участием в Санкт-Петербурге в середине 90-х гг.).

Существуют и иные национальные или региональные исследования, направленные на решение частных задач (определение уровня насильственных преступлений в регионе, степени латентности тех или иных преступлений и т. п.). Так, в США хорошо известны национальные исследования молодежи *(National Survey of Youth),* позволяющие уточнить состояние молодежной преступности.

Какие же основные *показатели* характеризуют ситуацию с преступностью?

• *Объем* преступности – абсолютное количество преступлений, зарегистрированных на определенной территории за определенный период времени.

Например, объем зарегистрированной преступности в России в 2006 г. составил 3 855 373 преступления.

• *Уровень* преступности – количество преступлений, зарегистрированных на определенной территории за определенный период времени, в расчете на какое-либо количество жителей этой же территории (обычно – в расчете на 100 тыс. человек, хотя возможен расчет и на 10 тыс., и на 1 тыс. человек). Нередко уровень преступности рассчитывается на 100 тыс. жителей, достигших возраста наступления уголовной ответственности (в России – старше 14 лет).

Уровень преступности на 100 тыс. человек населения рассчитывается по формуле:

$$K = \frac{n \times 10^5}{N},$$

где К – коэффициент преступности;

n – количество зарегистрированных на определенной территории за определенное время преступлений;

N – численность населения (или численность населения в возрасте старше 14 лет) на этой же территории.

Например, мы уже знаем, что объем преступности в России в 2006 г. составил 3 855 373 преступления. В этом же году население России составило ориентировочно 143 400 тыс. человек. Тогда коэффициент преступности (К) в 2006 г. составит в России (на 100 тыс. всего населения):

3 855 373 × 100 000: 143 400 000 = 2696,1 (по официальным данным – 2700,7).

Коэффициент преступности (как показатель ее уровня) позволяет сравнивать состояние преступности в различных странах и регионах.

• *Структура* преступности – внутренний состав преступности по видам преступлений (в 2006 г. в России кражи составили 43,5 % от всех зарегистрированных преступлений, разбои и грабежи – 10,8 %, хулиганство – 0,7 %, тяжкие насильственные преступления – 2,3 %, вымогательство – 0,4 %, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, – 5,5 %, иные преступления – 36,8 %[99]), или по социально-демографическому составу лиц, совершивших преступления (в 2006 г. в России женская преступность составила 15,1 %, мужская – 84,9 %; преступность несовершеннолетних – 10,9 %, молодых в возрасте от 18 до 29 лет – 45,5 %, взрослая преступность – 43,6 %; преступность рабочих – 20,3 %, служащих – 4,7 %, работников сельского хозяйства – 0,6 %, учащихся и студентов – 8,3 %, лиц без постоянного источника доходов – 59,6 %, безработных – 6,2 %[100]), или по иному основанию.

Доля каждого структурного элемента преступности исчисляется в процентах и обычно называется *удельным весом* (так, в наших примерах удельный вес краж составил 43,5 %, удельный вес женской преступности – 15,1 %).

• *Динамика* преступности – изменение вышеназванных показателей (объем, уровень, структура) во времени. Например, динамика уровня преступности (на 100 тыс. человек населения) в

России с 1994 по 2006 г.: 1994 г. – 1778,9; 1995 г. – 1862,7; 1996 г. – 1778,4; 1997 г. – 1629,3; 1998 г. – 1759,5; 1999 г. – 2051,4; 2000 г. – 2028,3; 2001 г. – 2039,2; 2002 г. – 1754,9; 2003 г. – 1926,2; 2004 г. – 2007,2; 2005 г. – 2477,6; 2006 г. – 2700,7.

• *Иные* показатели. Помимо четырех вышеназванных основных показателей в криминологии применяются многочисленные другие количественные характеристики преступности, отдельных видов преступлений, лиц, совершивших преступления: индекс *судимости* (число лиц, осужденных к уголовным наказаниям по вступившим в законную силу приговорам, на определенной территории за определенный промежуток времени в расчете на 100 тыс. жителей); индекс *латентности* преступности (отношение незарегистрированного объема преступности к зарегистрированной ее части); коэффициент *криминальной активности* (отношение определенной социально-демографической группы населения в числе лиц, совершивших преступления, к доле этой же группы в населении); уровень *раскрываемости* преступлений (отношение раскрытых преступлений к зарегистрированным); уровень *виктимности* (отношение доли определенной социально-демографической группы населения в числе жертв преступлений к доле этой группы в населении) и другие, а также интегративные показатели, учитывающие одновременно количество преступлений, их тяжесть и другие характеристики.[101] Некоторые из этих показателей подробнее рассматриваются в соответствующих разделах настоящей книги.

• Наконец, еще одно понятие, характеризующее преступность. Это – ее *состояние*. Обычно под состоянием преступности понимается ее обобщенная характеристика, включающая объем, уровень, структуру, динамику, латентность, причиненный ущерб и т. п., т. е. общая характеристика криминальной *ситуации* на определенной территории в определенное время; место и значение преступности в ряду социальных проблем. Однако в отечественной криминологической литературе прошлых лет под состоянием преступности нередко понималось то, что сегодня чаще называется объемом.

§ 3. Латентная преступность

Выше упоминалось, что под латентной преступностью (англ. «dark number», нем. «dunkel Ziffer» – «темное число») понимается ее незарегистрированная часть. Рассмотрим эту проблему подробнее.

В связи с распространенной избыточностью уголовно-правового закона (криминализация деяний, не представляющих серьезной общественной опасности, «преступлений без жертв»), а также с учетом реальных возможностей полиции и уголовной юстиции подавляющее большинство деяний, формально подпадающих под действие уголовного закона, остаются неучтенными, незарегистрированными. Более того, известно, что из числа зарегистрированных раскрывается не более половины, из которых доходят до суда еще меньше, а осуждается меньшее число лиц, нежели предстает перед судом. Это – так называемая «воронка» уголовной юстиции, которая не может «переварить» даже все зарегистрированные преступления (так, например, в 2006 г. в России было рассмотрено 10 461 647 заявлений о совершенных преступлениях, зарегистрировано 3 855 373 преступления, выявлено лиц, совершивших преступления, – 1 360 860, осужден по приговорам, вступившим в законную силу, – 909 921 человек).

Различают несколько видов латентности преступлений, из них основные:

• *Естественная* латентность: органам, регистрирующим преступления, неизвестно о них.

Чаще всего это бывает потому, что потерпевшие от преступлений не сообщают о них. Так, по результатам нашего опроса населения Санкт-Петербурга, в 2000 г. не обратились в милицию свыше 73 % жертв преступлений. Причины отказа от обращения: «милиция ничего не стала бы делать» и «бессилие милиции» – свыше 52 % (от числа не обратившихся), отсутствие или незначительность ущерба – 32 %, отсутствие доказательств и неизвестность подозреваемого – 31 %, иные причины – свыше 34 % (сумма ответов свыше 100 %, поскольку опрашиваемые могли назвать несколько причин). Нередко потерпевшие не знают о том, что они стали жертвами преступления (при экологических преступлениях, в результате фальсификации продуктов питания и др.).

• *Искусственная* латентность: правоохранительным органам стало известно о факте преступления, но они его не регистрируют.

Искусственная латентность приобретает массовый характер в тоталитарных и авторитарных государствах. Причины – стремление скрыть от населения истинные масштабы преступности, борьба за «честь мундира», желание «выслужиться» (чем «меньше» преступлений, тем «лучше» работает полиция, милиция), а то и выполнение прямого приказа «сверху». Так, очень высокая искусственная латентность была в СССР до 1983 г.

В 1983 г. одним из поводов для снятия Н. Щелокова с поста министра внутренних дел послужили «вскрытые» Генеральной прокуратурой (как будто об этом раньше не было известно!) массовые случаи сокрытия преступлений от регистрации. Навели «порядок», поснимали с постов ряд ответственных работников МВД, преступность в 1983 г. «выросла» в результате регистрации ранее сокрытых преступлений на 21,8 % по сравнению с 1982 г. (это – огромный прирост преступности, до 1983 г. максимальный годовой прирост в 1966 г. составил 18,1 %, средние же колебания преступности были ±5 %). С начала 90-х гг. по 1994 г. искусственная латентность в России находилась на «приемлемом» уровне. Затем вновь начался ее рост. Об этом свидетельствует несколько обстоятельств.

Во-первых, уровень раскрываемости преступлений. Средний для европейских стран уровень раскрываемости – 40–46 % (1988 г.: во Франции – 40,3 %, в Великобритании – 32,0, в ФРГ – 45,8 %). Уровень раскрываемости в СССР составлял свыше 90–95 % (1980 г. – 95,4 %, 1982 г. – 95,9, 1984 г. – 90,2 %) – заведомо нереальные, «липовые» показатели. Впервые правдоподобный показатель 46,9 % достигнут в России в 1992 г., что свидетельствовало об относительно достоверной регистрации преступлений. «Рост» раскрываемости, начавшийся в 1993 г. (50,6 %), до 75,6 % в 2000 г. мог быть достигнут только за счет массового сокрытия от регистрации «глухарей», «неочевидных», заведомо неперспективных для раскрытия преступлений.

Во-вторых, как показывают результаты виктимологических исследований в Санкт-Петербурге, при «сокращении» статистических показателей преступности в 1994–1997 гг., количество жертв преступлений в городе не сокращается, а возрастает (в 1991 г. – 12 % опрошенных, в 1994 г. – 26, в 1999 г. – 27 %).

В-третьих, по мировым данным, умышленные убийства как преступления с относительно низкой латентностью и относительно стабильной динамикой, служат важнейшим индикатором криминальной ситуации, репрезентируя (представляя) состояние преступности в целом. Например, удельный вес (доля в %) умышленных убийств в структуре преступности в течение многих лет составлял: в Дании, Норвегии, Швеции – 0,01–0,03 %, в Канаде, Финляндии, Франции, ФРГ – 0,06–0,07 %, в Венгрии, Италии, США, Японии – 0,12–0,23 % и т. д. В России в течение 1985–1992 гг. умышленные убийства составляли 0,70–0,85 % и лишь в 1993 г. этот показатель вырос до 1,04 %, а в 1994 г. до 1,2 %, т. е. в 1,6 раза (в последующие годы удельный вес убийств также выше или около 1 %). Отмеченные

«отклонения» могут быть объяснены значительным увеличением латентной массы преступлений.[102]

• *Пограничная* латентность – следствие юридической ошибки, заблуждения. Правоохранительным органам известно о событии, но оно ошибочно воспринимается как непреступное. Например, в результате ошибочного заключения пожарной инспекции факт пожара расценивается как самовозгорание, а в действительности имел место поджог. Или хорошо замаскированное убийство воспринимается как самоубийство или несчастный случай.

Латентность существует во всех странах, но ее масштабы и соотношение видов существенно зависят от профессионализма и добросовестности работы полиции, а также от уголовной политики государства.

Существует много способов и методик определения уровня латентности различных видов преступности.[103] Выше уже назывались виктимологические опросы и «самоотчеты». Нередко используется метод *экспертных оценок,* когда специалисты в той или иной области на основе профессиональных знаний отвечают на вопрос о предполагаемом уровне латентности определенного вида преступлений. В результате одного из подобных исследований были установлены следующие коэффициенты латентности по некоторым составам преступлений в 2002 г.: убийство – 1,17; умышленное причинение тяжкого вреда здоровью – 1,18; истязание – 2,45; изнасилование – 4,08; кража – 4,21; грабеж – 1,52; разбой – 1,36; контрабанда – 2,99; хулиганство – 3,81; бандитизм – 3,45; вовлечение в занятие проституцией – 17,82; получение взятки – 10,13; незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей – 107,06; принуждение к даче показаний – 70,73.[104] Причем, с нашей точки зрения, это *минимальные* показатели латентности. По нашему мнению, убийств совершается как минимум в 2–3, а по мнению В. В. Лунеева – в 4 раза больше, нежели регистрируется.

Возможно уточнение латентной преступности в результате специальных экономических, бухгалтерских, технологических исследований. Скажем, изучая расход электроэнергии, сырья, промышленных вод на предприятии и сравнивая эти данные с выпущенной продукцией, можно определить размер хищений готовой продукции.

Проблема латентной преступности тесно связана с задачей определения реального состояния преступности в стране, регионе.

Глава 3
Состояние преступности в современном мире

Everybody does it![105]

T. Gabor

§ 1. Основные мировые тенденции преступности

Начиная обзор состояния преступности и основных тенденций ее изменений, необходимо еще раз напомнить, что мы можем судить только о *зарегистрированной* ее части, а потому любые наши суждения будут носить *относительный,* ориентировочный характер, лишь более или менее приближенный к реальной ситуации. С другой стороны, нельзя совсем пренебречь имеющимися данными уголовной статистики и, по возможности, результатами исследований, ибо они составляют необходимую эмпирическую базу для теоретических рассуждений. Кроме того, даже относительно неполные данные, проанализированные за ряд лет, позволяют определить *тенденции* преступности.

Криминологический анализ мировых и отечественных тенденций преступности достаточно полно отражен в работах В. В. Лунеева – в серии статей и монографии.[106] Поэтому мы можем ограничиться лишь самыми общими сведениями и комментариями.

Как отмечено в монографии Лунеева, основной мировой тенденцией с середины XX столетия является *абсолютный и относительный* (в расчете на 100 тыс. жителей) *рост* регистрируемой преступности. Этот вывод основывается прежде всего на анализе четырех обзоров ООН, обобщенных в виде таблицы, которую мы и воспроизводим (табл. 3.1).

Итак, наблюдается устойчивый рост зарегистрированной преступности при значительно *более высоком уровне преступности в развитых странах* по сравнению с развивающимися. Но что это: реальный рост криминальности населения или же результат повышения активности полиции и большей нетерпимости населения к преступности?

Другая тенденция, отмеченная Луневым, – «гуманизация» преступности: сокращение доли насильственных преступлений в общем ее объеме.

Таблица 3.1

Усредненные и оценочные данные о преступности в мире

Номера обзоров и годы	Число стран, приславших ответы	Уровень преступности (на 100 тыс. населения)		
		Развитые страны	Развивающиеся страны	Всего
Первый, 1975	64	4200	800	1600
Второй, 1980	70	5200	1000	3200
Третий, 1985	78	6800	1300	4100
Четвертый, 1990	95	8000		5500
Прогноз, 1995	100	Свыше 8000	Свыше 1500	Свыше 7000

Однако с конца 90-х гг. минувшего столетия наметилась тенденция замедления темпов роста, а то и относительного сокращения уровня преступности в целом и отдельных ее видов во многих регионах.[107]

Так, в странах Европы в 2000–2001 гг. снижался уровень общей преступности в Австрии (-7%), Болгарии (-3%), Дании (-6%), Италии (-2%), Литве (-4%), Румынии (-4%), Финляндии (-6%), Чехии (-8%), Швеции (-2%). «Реперными» точками могут служить 1980, 1993, 2000 гг. В эти годы уровень преступности составлял, например: в Дании – 8282, 12 084, 9451; в Германии – 4873, 8337, 7621; в Канаде – 8804, 11 447, 8041. Эта тенденция характерна для большинства развитых стран Европы и Северной Америки.

Вместе с тем в ряде европейских государств уровень общей преступности продолжал расти (Испания, Норвегия, Португалия и др.). В некоторых странах при общем росте преступности резко сократились его темпы (Польша, Япония).

В целом уровень общей преступности (на 100 тыс. населения) во всем мире повысился с 2500 в 1980 г. до 3100 в 2000 г.; в Северной Америке снизился с 8900 в 1991 г. до 6000 в 2000 г.; в странах Европейского союза этот показатель возрастал с 5000 в 1980 г. до 6200 в 1994 г. с последующей стабилизацией, сокращением до 6000 в 1998 г. и вновь небольшим повышением до 6200 к 2000 г.; в странах Латинской Америки и Карибского бассейна уровень преступности волнообразно колебался: 2200 в 1980 г., 2000 в 1984 г., немногим более 3000 в 1989, 1993–1994 гг., снижение до 2800 в 1997 г., возрастание до 3500 в 1998–1999 гг. с небольшим снижением в 2000 г.

Однако уровень общей преступности главным образом

зависит от активности полиции и степени латентности. Значительно представительней данные о таких тягчайших преступлениях, как *убийство*.

В целом уровень убийств в мире и в большинстве регионов относительно стабилен. Так, общемировой показатель в течение 1980–2000 гг. держится примерно между 6–8 убийствами в год на 100 тыс. населения с небольшим возрастанием в 1989 г. и 1992–1994 гг. Самые высокие средние показатели убийств – 23–26 – в странах Латинской Америки и Карибского бассейна. Высокий уровень убийств в странах Африки к югу от Сахары – 17–21 с тенденцией к снижению (максимум – 21 в 1989 г., к 2000 г. – 17). Самые низкие показатели – в арабских государствах (2–3) и в странах Европейского союза (2–2,5). И лишь «из всех рассматриваемых регионов Восточная Европа и Содружество Независимых Государств имеют показатели, демонстрирующие самые явные тенденции к увеличению на протяжении всего отчетного периода».[108]

Более наглядно картина представлена в табл. 3.2.

Другим традиционным для международного сравнения преступлением служит *robbery* – состав, который во многих странах объединяет то, что в России разделено на грабеж и разбойное нападение. Если общемировые показатели грабежей характеризуются плавным возрастанием от 40 (на 100 тыс. населения) в 1980 г. до 65 в 2000 г., то региональные различия весьма существенны. Уровень грабежей стран Европейского союза очень близок к среднемировым показателям (возрастание за те же годы от 30 до 70). В Северной Америке основные точки (минимакс): 175 в 1980 г., 149 в 1985 г., 190 в 1991 г., 125 в 1999 г. и 135 в 2000 г. Авторы обзора делают общий вывод относительно стран Восточной Европы, Латинской Америки и Южной Африки: «Почти во всех случаях переход к демократии сопровождался ростом как числа убийств, так и имущественных преступлений с применением насилия, таких как ограбление».[109]

Значительный интерес представляет мировой сравнительный анализ *виктимизации* населения.

Для начала заметим, что по результатам наших исследований 1999–2002 гг. в Санкт-Петербурге доля жертв преступлений среди населения составляла свыше 26 %, в Волгограде в 2000 г. – 18 %, в Боровичах в 2000 г. – 20,5 %.[110]

Сравнительные международные исследования по 17 странам (2000 г.) показали, что удельный вес жертв среди населения свыше 24 % был в Австралии, Англии с Уэльсом, Нидерландах и Швеции, 20–24 % – в Канаде, Шотландии, Дании, Польше,

Бельгии, Франции и США, ниже 20 % – в Финляндии, Каталонии (Испания), Швейцарии, Португалии, Японии и Северной Ирландии.[111] Это же исследование позволило выделить страны различной степени риска по отдельным видам преступлений. Так, например, наибольший риск стать жертвой грабежей был в Польше (1,8 %), Англии с Уэльсом и в Австралии (по 1,2 %), наименьший – в Японии и Северной Ирландии (0,1 %); наибольший риск нападений – в Австралии, Шотландии, Англии с Уэльсом (свыше 6 %), наименьший – в Японии, Португалии (меньше 1 %). Наибольший риск стать жертвой сексуального насилия у женщин Швеции, Финляндии, Австралии и Англии с Уэльсом, наименьший – у женщин Японии, Северной Ирландии, Польши и Португалии.

Таблица 3.2

Уровень на (100 тыс. населения) смертности от убийств в некоторых государствах (1984–2001)

	1984	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1999–2001
Австралия				1,9	2,4	1,8	2,2	2,5	1,6	1,8	1,8		1,9
Австрия				1,3	1,2	1,1	1,6		1,5	1,3		1,0	1,2
Аргентина	4,5	4,9		5,4			5,0	4,3	4,6	4,4			
Венгрия				2,5	2,7	2,9	3,1		4,0	4,5	3,5	3,5	2,3
Германия				1,1	1,1	1,0		1,1	1,2	1,2	1,2	1,1	1,2
Дания			1,2	1,0	1,1	1,2	1,0		1,3	1,2	1,3	1,2	1,0
Израиль			1,8	1,3	1,3		1,7	1,2	1,4	2,3	2,7	1,4	
Испания	0,9	1,0	1,0	1,2			0,9	0,9	1,2	0,9	0,9		1,1
Италия	1,6	1,5	1,3	1,6	1,9		2,6	2,8	2,2	1,7			1,5
Канада			2,0	2,2		2,1		2,3	2,1	1,8	1,7	1,6	1,8
Колумбия	33,3							89,5	88,5	88,5	78,7		
Мексика		18,6	19,4					17,5	18,8	17,8	17,7	17,1	
Нидерланды			1,0	0,9	0,9	0,9		1,2	1,3	1,2	1,1	1,2	1,5
Норвегия			1,5	1,4	1,1	1,3		1,5	1,1	0,9	0,8		0,9
Польша			1,7		1,7	2,1	2,9		2,9	2,7	2,9	2,8	2,0
Россия					9,7	12,6	14,3	15,2	22,9	30,6	32,6	30,8	22,0
США	8,2	8,9	8,5	8,9		9,9	10,4	9,8	9,9	9,1	9,1		5,6
Финляндия				3,1	2,8	3,2			3,4	3,3	3,2	2,9	2,8
Франция			1,2	1,1	1,0	1,1		1,1	1,0	1,1	1,1		1,7
Швейцария				1,2	1,2	1,3	1,5		1,5	1,5	1,3		1,1
Швеция			1,4	1,2	1,4		1,3	1,4	1,3	1,3	1,2	0,9	1,1
Япония				0,7	0,7	0,6	0,6		0,6	0,6	0,6		1,0

Источник: Ежегодник World Health Statistics. Geneve; *Barclay G., Tavares C.* International comparisons of criminal Justice statistics, 2001 // Home Office, 2003.

Рассмотрим в качестве примера динамику преступности в ряде стран, основываясь на данных официальной статистики.

В **ФРГ** уровень общей преступности (на 100 тыс. населения) составлял: 1955 г. – 3018; 1960 г. – 3660; 1965 г. – 3031; 1970 г. – 3924; 1975 г. – 4721; 1980 г. – 6198; 1985 г. – 6909; 1990 г. – 7108; 1992 г. – 7921; 1993 г. – 8337; 1994 г. – 8038; 1995 г. – 8179; 1996 г. – 8125; 1997 г. – 8031; 1998 г. – 7869; 1999 г. – 7682; 2000 г. – 7625; 2001 г. – 7736; 2002 г. – 7893; 2003 г. – 7963; 2004 г. – 8037 с последующим снижением в 2005–2006 гг.[112]

Таким образом, с 1955 по 1993 г. уровень преступности вырос почти в 2,8 раза. С 1993 г. уровень преступности стабилизировался с тенденцией к снижению до 7625 в 2000 г. Однако затем наступил некоторый рост преступности, уровень которой в 2004 г. достиг 8037. Уровень убийств и «смертельных повреждений» (Totschlag) также возрастал в ФРГ (хотя этот уровень ничтожен, по сравнению с Россией): 1953 г. – 1,6; 1963 г. – 2,3; 1973 г. – 4,3; 1983 г. – 4,4; 1985 г. – 4,6. С 1986 г. этот показатель несколько снизился (1988 г. – 4,1; 1990 г. – 3,8), но с 1991 г. вновь увеличивается до 5,2 в 1993 г. с последующим снижением до 3,0 к 2004 г.[113] Уровень убийств (без «смертельных повреждений») в среднем за 1999–2001 гг. в ФРГ составил 1,15.[114] Вообще в ФРГ фиксируется «всплеск» преступлений в 1993 г., а затем наблюдается их сокращение. Не есть ли это «эхо» социально-политических изменений, связанных с объединением двух Германий? В связи с этим интересно и другое: если общий уровень преступности и уровни отдельных видов преступлений на территории бывшей ГДР (восточные, или «новые» земли) к началу объединения был ниже, чем в ФРГ, то постепенно эти показатели по ряду преступлений догнали и перегнали «старые» земли (так, уровень убийств и «смертельных повреждений» в старых землях был в 1993 г. – 5,1, в 1996 г. – 4,2, тогда как в новых землях, соответственно, 5,6 и 4,7, уровень грабежей в эти же годы в старых землях 73 и 81, в новых землях – 92 и 89 и т. п.). К 2004 г. в целом по ФРГ уровень грабежей составил 72, тяжких и опасных телесных повреждений – 169, изнасилований и сексуальных принуждений – 11, краж без отягчающих обстоятельств – 1838, краж с отягчающими обстоятельствами – 1750, растрат и присвоений – 60, преступлений, связанных с наркотиками, – 344. Среди городов с населением свыше 100 тыс. жителей самые высокие показатели преступности в 2006 г. были во Франкфурте-на-Майне – 16 378 (на 100 тыс. жителей), Ганновере – 16 163, Дюссельдорфе – 15 181, Бремене – 14 719, Берлине – 14 632, самые низкие в Гладбахе (5704), Ремшайде (5840), Золингене (6124).[115]

Последовательное снижение уровня преступлений по всем основным видам, начиная с 1994 г., относится, очевидно, и к деяниям, связанным с наркотиками. Максимальное количество героина (свыше 1 тыс. кг) изымалось в 1991–1994 гг., кокаина в 1990 г. (2474 кг) и 1995 г. (1846 кг), каннабиса в 1994 г. (25 694 кг). Правда, с середины 90-х гг. возрастает количество изъятых амфетамина и экстази. Количество смертей от приема наркотиков сократилось с 1991–1992 гг. (свыше 2 тыс. ежегодно) до 1,5 тыс. в 1997 г. После некоторого роста этого показателя к

2000 г., начинается резкое снижение вплоть до 2006 г. Уровень преступлений, связанных с потреблением героина, сокращается с 1997 г., связанных с потреблением производных каннабиса – с 2004 г.

Для Германии, как и для многих других стран, характерен преимущественный рост преступности подростков и молодежи. Так, если коэффициент преступлений в расчете на 100 тыс. человек соответствующей возрастной группы для взрослого населения вырос за 1984–1997 гг. с 1700 до 2000, то для подростков (14–18 лет) за те же годы с 4200 до 7000, а для молодежи (18–21 год) с 3600 до 7100. В 2006 г. среди подозреваемых (всего – 2 283 127 человек) было: женщин – 24,1 %, подростков – 12,2, молодежи (до 21 года) – 10,6 %. Представители некоренной национальности (не немцы) составили 22,0 % подозреваемых (максимум – 33,6 % в 1993 г.), что свидетельствует об относительно высокой криминальной активности мигрантов. Среди последних первое место составляют мигранты из Турции (21,5 %), далее следуют мигранты из Сербии и Черногории – 8,2 % (в 1999 г. – 16,0 %), из Польши (6,7 %), Италии (5,0 %) и России (3,2 %).

В Германии, как и в ряде других развитых стран, большое внимание уделяется жертвам преступлений. Это находит отражение и в полноте статистических сведений о потерпевших. Так, в 2004 г. среди жертв завершенных убийств (всего 868 чел.) оказались: мужчин – 54,1 %, женщин – 45,9, детей (до 14 лет) – 11,4, подростков (14–18 лет) – 2,2, молодежи (18–21 год) – 3,2, лиц в возрасте 21–60 лет – 64,4, от 60 лет и старше – 18,8 %. В числе жертв завершенных преступлений против половой неприкосновенности (15 371) были: мужчины – 8 %, женщины – 92, дети – 11,2, подростки – 30,62, молодежь – 13,7, лица в возрасте 21–60 лет – 43,3,60 лет и старше – 1,3 %.[116]

В **Англии с Уэльсом** наблюдается последовательный рост общей преступности с максимумом в 1993–1995 г. и последующим значительным сокращением к 2000 г. В 2001 г. происходит некоторый рост зарегистрированной преступности. При этом имеются различия между данными полицейской статистики (максимум в 1993 г.) и результатами исследований (British Crime Survey – BCS, максимум в 1995 г.). Так, по результатам BCS, уровень (в расчете на 100 тыс. взрослого населения) берглэри вырос с 409 в 1981 г. до 829 в 1995 г. со снижением к 1999 г. до 585, уровень вандализма за те же годы колебался от 1481 до 1614 и 1300, а уровень насильственных преступлений – 558–989–773.[117] Удельный вес женщин среди всех виновных составил: 1990 г. – 12,9 %, 1992 г. – 12,4, 1994 г. –

12,6, 1996 г. – 12,7, 1998 г. – 13,9, 1999 г. – 14,4 %, т. е. наблюдается тенденция возрастания доли женщин. Наиболее высокий показатель женских преступлений за 1990–1999 гг. – кражи, включая кражи продуктов – 55–71 тыс. ежегодно, наименьшие показатели – сексуальные преступления (0,1 тыс. в год) и грабежи и разбои (0,3–0,6 тыс. ежегодно). Но кое в чем женщины лидируют: скажем, среди совершивших преступления, связанные с наркотиками, в возрастных группах 21–24 года, 30–39 лет и 40–49 лет доля женщин выше, чем мужчин.[118] Интересен этнический состав лиц, совершивших преступления (уровень на 1 тыс. населения старше 10 лет): при среднем уровне в Англии и Уэльсе в 1998–1999 гг. – 22, в 1999–2000 гг. – 18 было, соответственно, белых – 20 и 16; черных – 118 и 81; азиатов – 42 и 26; иных (включая неустановленной расы) – 21 и 15. Из 2003 убийств за 1997–2000 гг. (на 20 октября) были свершены белыми – 1584, черными – 200, азиатами – 111, иными (включая неустановленной расы) – 108.[119]

В странах **Скандинавии** с 50-х до конца 80-х гг. наблюдался устойчивый рост преступлений против собственности. Так, уровень (на 100 тыс. населения в возрасте от 15 до 67 лет) разбойных нападений вырос в Дании с 57 в 1950 г. до 171 в 1986 г. (в три раза), в Финляндии за те же годы с 226 до 482 (в 2,1 раза), в Швеции со 153 до 577 (в 3,8 раза), в Норвегии с 75 в 1960 г. до 187 в 1986 г. (в 2,5 раза). Уровень краж за те же годы (1950–1986 гг., для Норвегии – с 1960 г.) вырос в Дании с 2901 до 11 536 (почти в 4 раза), в Финляндии с 775 до 3982 (в 5,1 раза), в Швеции с 2282 до 11 727 (в 5,1 раза), в Норвегии с 1110 до 4352 (в 3,9 раза).[120] Уровень убийств (на 100 тыс. жителей) в течение 1960–2000 гг. колебался: в Дании от 0,3 в 1961 г. до 1,7 в 1997 г. (в 2000 г. – 1,1); в Финляндии от 1,2 в 1970 г. до 3,1 в 1992 г. (в 2000 г. – 2,8); в Норвегии от 0,1 в 1965 и 1968 гг. до 1,5 в 1989 г. (в 2000 г. – 0,8); в Швеции от 0,8 в 1962 г. до 2,0 в 1979 г. (в 2000 г. – 1,2).[121] Уровень грабежей за те же годы колебался: от 2,5 до 59,0 в Дании (существенный рост с 1988 г.); от 5,6 до 53 в Финляндии (максимум в 1990–1991 гг.); от 1,8 до 38,0 в Норвегии (существенный рост с 1988 г.); от 6,3 до 101,0 в Швеции (существенный рост с 1988 г.).[122]

Япония – одна из самых благополучных в криминальном отношении стран. Тем не менее и здесь прослеживается тенденция некоторого возрастания преступности с 1976 г., хотя и очень невысокими темпами. Так, уровень общей преступности в Японии составлял: 1948 г. – 2000 (максимальный уровень за последние 50 лет), 1950 г. – 1756; 1960 г. – 1476; 1970 г. – 1234; 1975 г. – 1103; 1980 г. – 1160; 1985 г. – 1328; 1989 г. – 1358;

1991 г. – 1377; 1992 г. – 1400; 1995 г. – 1420. Количество убийств выросло с 1215 в 1991 г. до 1281 в 1995 г., грабежей и разбоев за то же время с 1848 до 2777.[123] При этом по некоторым видам преступлений наблюдается снижение объема и уровня. Своеобразна (и «гуманна») структура японской преступности (1995 г., всего зарегистрировано 2 435 983 преступления): фальшивомонетничество и подделка денег – 0,4 %, вымогательство – 0,5, преступления против личности – 0,7, уничтожение (повреждение) собственности – 1,3, мошенничество – 1,9, растраты – 2,5, ДТП («профессиональная небрежность» – *traffic professional negligence)* – 26,8, кражи – 64,5 %. Два последних вида преступлений составляют 91,3 %. При этом значительная часть ДТП представляют собой по существу административные правонарушения, а не уголовные преступления. Обращает на себя внимание незначительный удельный вес преступлений против личности.

США. Согласно докладу ФБР (UCR) за 2001 г. основные показатели преступности в стране за 1981–2000 гг. характеризуются следующими данными.[124] Уровень общей преступности (на 100 тыс. жителей) с 1981 по 1996 г. колебался от 5038 в 1984 г. до 5898 в 1991 г. Начиная с 1997 г., этот показатель снизился до 4927,3 в 1997 г. и продолжал снижаться до 4124,0 в 2000 г. Уровень убийств был максимальным в 1981 г. – 9,8 и снизился к 2000 г. до 5,5. Наиболее высокий уровень изнасилований составил 42,8 в 1992 г., снизившись к 2000 г. до 32,0. Максимальный и минимальный уровни грабежей – 263,7 в 1992 г. и 149,9 в 2000 г., разбойных нападений – 441,9 в 1992 г. и 323,6 в 2000 г.; берглэри – 1647,2 в 1981 г. и 728,4 в 2000 г.; хищения (кражи) 3229,1 в 1991 г. и 2475,3 в 2000 г.

В этом же докладе ФБР приводятся подробные данные о распространенности названных видов преступлений за 1996–2000 гг. по месяцам года. Так, например, максимальное количество убийств приходилось на июль-август, минимальное – на декабрь, январь, февраль; максимум разбойных нападений совершалось в мае-июле, минимум – в ноябре-декабре, январе-феврале.

Распространенность преступлений по регионам США характеризуется следующим образом. Уровень (на 100 тыс. населения) насильственных преступлений: Запад – 520,9; Средний Запад – 427,8; Северо-Восток – 448,4; Юг – 580,6. Уровень преступлений против собственности: Запад – 3701,5; Средний Запад – 3517,2; Северо-Восток – 2620,9; Юг – 4162,8. Таким образом, наиболее благополучным предстает Северо-Восток, наименее благополучным – Юг.

Наконец, в США, так же как в большинстве других развитых стран, уделяется значительное внимание характеристике жертв преступлений.

Если общий уровень преступности существенно зависит от уголовного закона (процессов криминализации/ декриминализации), уровня латентности различных видов преступлений, активности полиции и т. п., то уровень смертности от убийств служит относительно надежным показателем реальной криминальной ситуации. Из данных, приведенных в табл. 3.2, явствует, что в большинстве стран уровень смертей от убийств относительно стабилен. Наблюдается некоторая, слабо выраженная тенденция к росту (Венгрия, Италия, Польша, США). Для стран Западной Европы характерен низкий уровень смертности от убийств, в странах Центральной Европы (Венгрия, Польша) он несколько выше, еще выше – в США (справедливости ради заметим, что, как было показано выше, с 1992–1993 гг. этот показатель стал снижаться и в 2000 г. достиг 5,5) и чрезвычайно высок в некоторых странах Латинской Америки (добавим к данным табл. 3.2, что в 90-х гг. уровень смертей от убийств в Пуэрто-Рико был выше 24,9, в Коста-Рика выше 4, в Перу около 3, в Никарагуа свыше 5, в Чили свыше 3). Очень высок этот показатель в России, о чем подробнее речь пойдет в следующем параграфе.

§ 2. Состояние преступности в России

Помимо вышеназванной монографии В. В. Лунеева, анализ состояния и динамики преступности в России за два минувших столетия представлен в коллективной монографии «Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): Тенденции и социологическое осмысление».[125] Поэтому мы остановимся лишь на некоторых важнейших, с нашей точки зрения, тенденциях. При этом следует учитывать, что на протяжении XIX–XX вв. неоднократно менялись границы государства, уголовное законодательство, система показателей уголовной статистики (в царской России – это, как правило, судебная статистика, в СССР и современной России – милицейская), что существенно затрудняет сопоставление данных. Заведомая неполнота статистики объясняется отсутствием сведений об осужденных волостными, инородческими и военными судами Российской империи, а также данных военной юстиции СССР и постсоветской России, «белыми пятнами» сталинского периода и т. п. И все же некоторые тенденции просвечивают сквозь туман уголовной статистики…

Основным источником сведений об осужденных являются «Своды статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июля 1889 г. за… год». В табл. 3.3 представлена динамика количества *осужденных* в России за 1874–1912 гг. Мы наблюдаем постепенное возрастание числа осужденных; относительно устойчивый удельный вес женской преступности (в среднем 10–12 % от общего числа осужденных), преступности несовершеннолетних (в среднем 16–17 % с некоторым возрастанием к концу периода до 20–22 %) и рецидивной преступности (в среднем 17–19 % с максимальным разрывом от 15,2 до 22,5 %). Относительная стабильность демографических показателей и уровня рецидива на протяжении 38 лет позапрошлого столетия лишний раз свидетельствует о внутренних закономерностях развития преступности как социального феномена. Более того, и в современной России, спустя столетие, при совершенно изменившихся социальных, политических, экономических условиях, сохраняются на том же уровне доля женской (11–13 % в 1991–1994 гг.) и подростковой (14–17 % за те же годы) преступности при незначительном увеличении рецидивной (21–24 %).[126]

Более показательными являются данные об *убийствах*. Сведения за 1909–1913 гг. свидетельствуют об их росте и высоких для своего времени показателях: число следствий по делам об убийствах в 1909 г. – 30 942 (осуждено по законченным делам около 7 тыс. человек), в 1910 г. – 31 113 (осуждено 7517 человек), в 1912–33 879 (осуждено 8134 человека), в 1913 г. – 34 438.[127]

Приведем некоторые данные о *структуре преступности* за 1909–1913 гг.[128] Среди 25 учитываемых видов преступлений первое место (по показателю «возникло следствие») занимают кражи – свыше 125 тыс. (1909 г.) – 167 тыс. (1913 г.), или 31–36 % от общего числа учитываемых статистикой преступлений. На втором месте со значительным отрывом от краж – преступления против телесной неприкосновенности – свыше 45,5 тыс. (1909 г.) – 43 тыс. (1911 г.), или 10–12 %. Далее следуют: насильственное похищение имущества (в отличие от краж – тайного похищения) – свыше 40–43 тыс., или 9–11 %; оскорбление чести – около 8 %; убийства – 7,3–7,7 % (очень высокий удельный вес для такого тяжкого преступления); поджоги, истребление имущества – 6,4–8 %, служебные преступления – около 3 %; против женской чести – также около 3 %; присвоение и растраты – чуть больше 1 %;

мошенничество – 1 %; религиозные преступления – 0,6–0,7 %; государственные преступления (свыше 2 тыс. следствий) – 0,4–0,5 %.

Уровень преступности, по не очень полным и трудно проверяемым сведениям, составлял: в 1846–1857 гг. – 239; 1874–1883 гг. – 177; 1884–1893 гг. – 149; 1899–1905 гг. 229; 1906–1908 гг. – 271; 1909–1913 гг. – 274. Эти цифры нам еще пригодятся для оценки ситуации в советский и постсоветский периоды.

Некоторые данные о *социально-демографическом* составе осужденных приводились выше. Добавим к этому, что в 1913–1916 гг. отмечается резкий рост преступности несовершеннолетних в крупных городах: в Петербурге (Петрограде) количество дел в судах о малолетних выросло за эти годы с 1640 до 3217, в Москве – с 1514 до 3684, в Киеве – с 1132 в 1913 г. до 1703 в 1916 г. Доля 10–16-летних в общем количестве судимых за государственные преступления составляла в 1883–1890 гг. 0,8 %, 17–20-летних – 18,8, 21–25-летних – 35,4 %. По данным Е. Тарновского, различается вклад различных социальных групп в разные преступления. По кражам коэффициент криминальной активности рабочих в 250 раз превышал показатель хозяев, а по изнасилованиям и растлениям – сближался до 1:1. Высокий уровень преступности рабочих «против женской чести» (14 на 1 тыс. человек рабочих) уступает преступности священно– и церковнослужителей (15). Для купцов и приказчиков очень высок уровень мошенничества, подлогов и присвоений.[129]

Таблица 3.3

Количество осужденных в Российской империи (1874–1912)

Год	Всего осужденных	В том числе, %		
		женщин	несовершеннолетних	рецидивистов
1874	54 934	10,8	16,5	7,4
1875	52 548	10,6	16,2	15,2
1876	55 241	10,4	15,7	16,7
1877	55 787	10,5	16,8	17,6
1878	57 911	10,9	17,4	17,4
1879	64 139	10,7	17,4	16,8
1880	69 867	10,9	17,1	16,1
1881	75 069	10,4	17,4	17,3
1882	73 509	10,8	17,0	17,9
1883	72 706	10,5	17,1	19,3
1884	78 164	10,6	16,6	20,1
1885	82 277	10,8	16,0	19,7
1886	91 315	10,7	15,5	19,7
1887	97 522	11,6	15,9	19,6
1888	93 045	11,7	16,3	19,9
1889	94 783	11,9	16,1	20,0
1890	110 792	12,2	16,7	19,7
1891	102 993	12,2	17,1	20,4
1892	112 878	12,4	16,9	19,2
1893	105 085	13,0	17,5	18,6
1894	92 927	13,2	17,8	19,8
1895	101 161	13,8	—	22,5
1896	99 495	13,7	19,8	19,8
1897	106 387	14,2	18,6	19,6
1898	115 257	13,8	13,6	19,3
1899	126 452	13,9	17,4	19,5
1900	118 123	13,9	18,2	19,6
1901	118 754	13,4	18,1	20,5
1902	119 902	13,5	13,0	20,9
1903	120 195	13,0	18,5	21,1
1904	111 389	11,8	20,5	20,9
1905	101 663	11,6	22,1	22,0
1906	114 265	9,9	21,1	16,8
1907	144 143	9,3	20,9	16,5
1908	150 546	10,4	—	15,8
1909	175 040	10,8	20,2	17,6
1910	158 825	12,2	—	18,1
1911	176 343	10,1	20,5	20,4
1912	176 898	11,8	21,4	21,4

Как и в современной России, уровень городской преступности в целом был выше сельской. Так, в 1897–1914 гг. на 100 тыс. населения приходилось осужденных в городах – 97, в столицах – 72, в сельской местности – 37. Однако по тяжким насильственным преступлениям лидировало село. Эта закономерность сохранилась столетие спустя: и в наши дни уровень убийств и тяжких телесных повреждений (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью) в сельской местности в 1,5–2 раза выше, чем в

городах.

Преступность в России после 1917 г

Понятно, что сведения за первые годы советской власти неполны и отрывочны (по отдельным губерниям). Так, в 1920 г. по 46 губерниям в народные суды (без трибуналов) поступило 1 248 862 уголовных дела, по ним было выявлено 881 933 обвиняемых, из коих осуждено 582 571 человек. Лишение свободы применяется пока еще ограничено и преимущественно к представителям бывших «эксплуататорских классов». В 1921 г. по 63 губерниям рассмотрено всеми судами 1,7 млн дел, осуждено 0,8 млн человек. В 1922 г., соответственно, рассмотрено 1,8 млн дел, осуждено 1,1 млн человек.[130] В 1924 г. – 2 018 246 дел. С 1925 по 1928 г. имеются данные в целом по СССР. За эти годы были осуждены 3 739 196 человек. Всего же за первые 10 лет советской власти число осужденных приблизилось к 10 млн человек. Иначе говоря, уже был осужден каждый 15-й житель страны. И это – при минимальном количестве так называемых «контрреволюционных преступлений»! Вот когда началась *призонизация* (от англ. *prison* – тюрьма, т. е. «отюрьмовление») всей страны, приведшая с учетом последующих репрессий и не очень-то либеральной уголовной политики в постсталинские времена к тому, что сегодня не менее 15–20 % взрослого населения страны прошло через тюрьмы, лагеря, колонии…

Важно и другое – для сохранившихся любителей советского «порядка»: «С первых лет Октября появилась реальная опасность сращивания интересов преступности и правоохранительных органов на базе тотального расхищения формально обобществленной экономики».[131] Только в 1920 г. по 79 губерниям сотрудниками милиции было совершено не менее 8 тыс. различных преступлений. Неслучайно уже 30 ноября 1922 г. ЦК РКП(б) издает циркуляр «О борьбе со взяточничеством».

В те же годы быстро растет и профессиональная преступность, закладывается фундамент организованной преступности (в 20-е гг. в виде банд, с начала 30-х гг. формируется сообщество «воров в законе»). «Группа профессиональных преступников увеличивается более, чем какая-либо другая категория, преступность становится уделом более или менее стойкой группы деклассированных элементов».[132]

Статистические данные о преступности в сталинский период никогда не публиковались. Лишь в последние годы мы получили возможность ориентировочно судить о «контрреволюционных

преступлениях» и репрессиях органов НКВД и уголовной юстиции по отношению к «врагам народа». Однако даже после «открытия архивов» сведения о количестве репрессированных противоречивы и неточны. По некоторым, заведомо неполным данным, с 1918 по 1958 г. были осуждены за «контрреволюционные» («государственные») преступления 3 785 052 человека, в том числе к высшей мере наказания (расстрелу) 826 933 человека (не считая осужденных к иезуитским «10 годам лишения свободы без права переписки», что фактически означало – к расстрелу, и 16 009 человек «разницы» между различными отчетами ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ).[133] Только за страшные 1937–1938 гг. были осуждены как «враги народа» (и члены их семей) 1 344 923 человека, из них 681 692 – к расстрелу. Кроме того, значительное число лиц было уничтожено «без суда и следствия» (они, конечно, не попали в статистические сведения). Наконец, огромное количество людей были высланы «в административном порядке» и погибли в нечеловеческих условиях мест поселения. Так, только в 1930–1931 гг. было выселено «кулаков» 1 803 392 человека. Всего же «борьба с кулачеством» затронула более 20 млн человек. На 15 июля 1949 г. значилось 2 552 037 переселенцев, на 1 января 1953 г. – 2 753 356.[134]

При переписи населения 1937 г. «не хватило» 18 млн человек. Разумеется, организаторы переписи пополнили список расстрелянных.[135] По данным А. Антонова-Овсеенко, только с января 1935 г. по июнь 1941 г. было репрессировано свыше 19 млн человек, из них в первый же год после ареста погибло (казнено, умерло, в том числе под пытками) около 7 млн человек. По мнению А. И. Солженицына, с 1917 по 1959 г. жертвами государственного терроризма стали 66,7 млн человек. Близкая к этому цифра – 61,9 млн человек (с 1917 по 1987 г.) – названа в книге Крессела.[136] Во всяком случае, в СССР были уничтожены десятки миллионов невинных жертв, что означает геноцид со стороны правящей верхушки против своего народа.

Значительно более полные, сопоставимые и интересные для нас, современников, сведения о зарегистрированной преступности в России имеются с 1961 г. Некоторые из них представлены в табл. 3.4. На основании этих данных, тоже далеко не полных, можно сделать ряд выводов.

Во-первых, явно выражено постепенное повышение объема и уровня преступности, что вполне отвечает общемировым тенденциям эпохи после Второй мировой войны.

Во-вторых, отмечается снижение объема и уровня преступности в периоды хрущевской «оттепели» (1963–1965 гг.) и

горбачевской «перестройки» (1986–1988 гг.). То, что это не случайность, подтверждается позитивной динамикой в те же годы других социальных показателей (снижение уровня самоубийств, смертности, рост рождаемости и т. п.). Очевидно, прогрессивные реформы, направленные более (М. Горбачев) или менее (Н. Хрущев) на демократизацию общества, либерализацию экономики, приоткрывающие форточку или окно гласности, вселяют в людей надежду и свидетельствуют об их действительных чаяниях лучше, чем цены на колбасу и водку.

Таблица 3.4

Зарегистрированная преступность, число выявленных лиц и осужденных в России (1961 2006)

Год	Количество зарегистрированных преступлений	Уровень (на 100 тыс. населения)	Число выявленных лиц	Число осужденных
1961	534 866	446,5	–	–
1962	539 302	446,1	–	–
1963	485 656	397,7	–	–
1964	483 229	392,2	–	–
1965	483 550	388,7	–	–
1966	582 965	464,5	596 764	–
1967	572 884	452,5	628 463	–
1968	618 014	483,6	626 129	–
1969	641 385	497,6	659 607	–
1970	693 552	533,1	700 685	554 589
1971	702 358	536,6	652 763	574 350
1972	706 294	536,3	698 964	575 056
1973	695 647	524,6	682 399	538 156
1974	760 943	570,4	718 161	579 642
1975	809 819	603,4	753 005	581 035
1976	834 998	618,0	770 473	599 652
1977	824 243	606,5	746 354	525 984
1978	889 599	650,7	782 099	557 564
1979	970 514	705,8	818 746	590 538
1980	1 028 284	742,2	880 908	645 544
1981	1 087 908	779,7	919 001	682 506
1982	1 128 558	803,1	988 946	747 865
1983	1 398 239	988,1	1 077 802	809 147
1984	1 402 694	984,4	1 123 351	863 194
1985	1 416 935	987,5	1 154 496	837 310
1986	1 338 424	929,9	1 128 439	797 286
1987	1 185 914	816,9	969 388	580 074
1988	1 220 861	833,9	834 673	427 039

1989	1 619 181	1098,5	847 577	436 988
1990	1 839 451	1242,5	897 299	537 643
1991	2 173 074	1463,2	956 258	593 823
1992	2 760 652	1856,5	1 148 962	661 392
1993	2 799 614	1887,8	1 262 737	792 410
1994	2 632 708	1778,9	1 441 568	924 754
1995	2 755 669	1862,7	1 595 501	1 035 807
1996	2 625 081	1778,4	1 618 394	1 111 097
1997	2 397 311	1629,3	1 372 161	1 013 431
1998	2 581 940	1759,5	1 481 503	1 071 051
1999	3 001 748	2026,0	1 716 679	1 223 255
2000	2 952 367	2028,3	1 741 439	1 183 631
2001	2 968 255	2039,2	1 644 242	1 244 211
2002	2 526 305	1754,9	1 257 700	859 318
2003	2 756 398	1926,2	1 236 733	773 920
2004	2 893 810	2007,2	1 222 504	793 918
2005	3 554 738	2499,8	1 297 123	878 893
2006	3 855 373	2692,3	1 360 860	909 921

Источник: «Преступность и правонарушения. Статистический сборник». Ежегодники. М.: МВД РФ, МЮ РФ; «Состояние преступности в России». Ежегодники. М.: МВД РФ.

В-третьих, наблюдается резкий всплеск зарегистрированной преступности в 1989–1993 гг. (абсолютное количество преступлений и уровень по отношению к 1988 г. увеличились в 2,3 раза!). Это вполне объяснимо для периода бурных социальных, экономических, политических перемен при сохранении глубокого и всестороннего (тотального) кризиса в стране.

В-четвертых, социальный контроль над преступностью, деятельность системы уголовной юстиции все больше «не поспевают» за ростом зарегистрированной преступности. Об этом свидетельствует хотя бы то, что при росте числа преступлений с 1970 по 2006 г. в 5,6 раза, число выявленных лиц возросло всего в 1,9 раза, а число осужденных с 1970 по 2005 г. – лишь в 1,6 раза. Если же учесть высокую и, с моей точки зрения, все возрастающую латентность преступности, то разрыв между темпами ее роста и роста активности правоохранительных органов увеличивается многократно.

В-пятых, отмечается снижение показателей зарегистрированной преступности в 1994–1997 гг. Возможно, что в 1994–1997 гг. наступила некоторая стабилизация в динамике преступности, вызванная, в частности, достижением «порога насыщения» в предшествующие годы. Вместе с тем, есть серьезные основания полагать, что с 1993–1994 гг. началось

массовое противозаконное сокрытие преступлений от регистрации. О росте искусственной латентности уже говорилось выше. Большинство отечественных криминологов также констатируют массовое сокрытие преступлений, начавшееся в 1993–1994 гг. Так, Л. Волошина пишет: «Из приведенных выше фактов вытекает очень опасное социальное следствие: чем шире разрастается латентность, тем легче манипулировать преступностью в ведомственных интересах, так как выборочно работая… с резервом латентных преступлений, проще повысить или понизить показатели… Современная уголовная статистика не дает государству и обществу адекватного представления о положении дел».[137] О массовом сокрытии преступлений от регистрации («соцсоревновательном методе») подробно пишет В. В. Лунеев.[138] Но даже сокрытие преступлений от учета не смогло надолго приостановить рост преступности.

Поэтому, в-шестых, в 1998–1999 гг. вновь отмечается рост преступности, так что в 1999 г. количество зарегистрированных преступлений впервые превысило 3 млн, а уровень впервые (после 20-х гг.) превзошел 2 тыс. (на 100 тыс. жителей). Некоторое сокращение показателей преступности в 2000–2004 гг. вновь «компенсировалось» ростом в 2005–2006 гг.

Как уже отмечалось, более точную картину дает динамика относительно менее латентных тяжких преступлений, таких как убийство, тяжкие телесные повреждения, разбойные нападения. Сведения о них представлены в табл. 3.5.

Таблица 3.5

Динамика некоторых преступлений в России (1985–2006)

Год	Умышленные убийства (с покушениями)		Тяжкие телесные повреждения (тяжкий вред здоровью)		Грабежи		Разбойные нападения		Кражи	
	Абс. кол-во	Уровень	Абс. . кол-во	Уровень	Абс. кол-во	Уровень	Абс. кол-во	Уровень	Абс. кол-во	Уровень
1985	12 160	8,5	28 381	19,9	42 794	29,9	8264	5,8	464 141	324,7
1986	9437	6,6	21 185	14,7	31 441	21,8	6018	4,2	380 582	264,4
1987	9199	6,3	20 100	13,9	30 441	21,0	5656	3,9	364 510	251,1
1988	10 572	7,2	26 639	18,2	43 822	29,9	8118	5,5	478 913	327,2
1989	13 543	9,2	36 872	25,0	75 220	51,0	14 551	9,9	754 824	512,1
1990	15 566	10,5	40 962	27,7	83 306	56,3	16 514	11,2	913 076	616,8
1991	16 122	10,9	41 195	27,8	101 956	68,8	18 311	12,4	1 240 636	237,3
1992	23 006	15,5	53 873	36,2	164 895	110,9	30 407	20,4	1 650 852	1110,2
1993	29 213	19,6	66 902	45,1	184 410	124,3	40 180	27,0	1 579 600	1065,2
1994	32 286	21,8	67 706	45,7	148 546	100,4	37 904	25,6	1 314 788	888,4
1995	31 703	21,4	61 734	41,6	140 597	95,0	37 651	25,5	1 367 866	924,6
1996	29 406	19,9	53 417	36,2	121 356	82,2	34 584	23,4	1 207 478	818,0
1997	28 285	19,9	46 131	31,4	112 051	76,2	34 318	23,3	969 800	716,3
1998	29 551	20,1	45 170	30,8	122 366	83,4	38 513	26,2	1 143 364	779,2
1999	31 140	21,3	47 669	32,6	138 973	95,0	41 138	28,1	1 413 810	966,2
2000	31 829	21,9	49 784	34,2	132 243	91,0	39 437	27,1	1 310 079	900,0
2001	33 583	23,1	55 739	38,4	148 814	102,5	44 806	30,9	1 273 198	879,2
2002	32 285	22,5	58 469	40,7	167 267	116,5	47 052	32,8	926 815	645,8
2003	31 630	22,1	57 087	39,9	198 036	138,3	48 673	33,9	1 150 772	803,6
2004	31 553	22,1	57 352	40,1	251 433	175,7	55 448	38,7	1 276 880	892,3
2005	30 849	21,7	57 863	40,7	344 440	242,2	63 671	44,8	1 572 996	1106,2
2006	27 462	19,2	51 429	36,0	357 302	250,3	59 763	41,9	1 676 983	1174,7

Сведения, приведенные в таблице, позволяют сделать ряд выводов.

Во-первых, наблюдается интенсивный рост тяжких преступлений в 1989–1994 гг. Так, по сравнению с 1987 г. (наименьшие показатели эпохи «перестройки»), уровень умышленных убийств (с покушениями) к 1994 г. вырос в 3,5 раза, тяжких телесных повреждений – в 3,3 раза (при росте общей преступности за те же годы в 2,2 раза). Уровень грабежей за 1987–1993 гг. вырос в 5,9 раза, разбойных нападений – в 6,9 раза (при росте общей преступности за те же годы в 2,3 раза).

Во-вторых, после непродолжительного «затишья» 1995–1997 гг. возобновился рост тяжких преступлений в 1998–2005 гг.

В-третьих, сам уровень (на 100 тыс. населения) умышленных убийств (около 20 в 1993, 1996, 1997, 2006 гг. и свыше 20 в 1994–1995, 1998–2005 гг.) чрезвычайно высок по сравнению с мировыми и особенно – западноевропейскими данными (ср. с табл. 3.2). При этом сведения *милицейской* статистики, приведенные выше, далеко не полны: в ней не учитываются преступления, квалифицированные по иным статьям УК, кроме «умышленные убийства» (ст. 102, 103 УК РСФСР 1960 г., ст. 105 УК РФ 1996 г.). Неудивительно, что по данным *медицинской* статистики (она же – официальная государственная статистика, передаваемая в международные организации – ООН, ВОЗ), уровень смертей от убийств значительно выше. Так, по данным медицинской статистики,[139] уровень смертей от убийств составил: в 1992 г. – 22,9 (по милицейской статистике уровень убийств – 15,5), в 1993 г. – 30,4 (по милицейской статистике – 19,6), в 1994 г. – 32,3 (вместо 21,8), в 2002 г. – 30,8 (вместо 22,4), в 2003 г. – 29,5 (вместо 22,1). Наконец, не учитывается количество убитых среди «пропавших без вести» и не обнаруженных, а эта цифра составляла во второй половине 90-х гг. свыше 25 тыс. человек ежегодно (конечно, не все они убиты, но, вероятно, значительная часть).

В-четвертых, я бы отметил еще одно обстоятельство. Наряду с уровнем убийств, важным (и печальным) индикатором социального благополучия/неблагополучия служит уровень самоубийств. При этом объемы и уровни убийств (результат агрессии вовне) и самоубийств (агрессия против себя) находятся в определенной взаимосвязи.[140] Предлагалось рассматривать сумму уровней убийств и самоубийств как интегральный индикатор уровня социальной патологии.[141] Тогда, например, уровень социальной патологии увеличился в России с 1988 по 1995 г. с 34,1 (9,7 + 24,4) до 72,2 (30,8 + 41,4), т. е. более чем в

2,1 раза за 7 лет. За те же годы этот показатель уменьшился в Австрии с 25,6 (1,2 + 24,4) до 23,3 (1,0 + 22,3), в Дании с 26,8 (1,1 + 25,7) до 18,9 (1,2 + 17,7), в Канаде с 15,6 (2,1 + 13,5) до 15,0 (1,6 + 13,4), в Швеции с 20,3 (1,4 + 18,9) до 16,2 (0,9 + 15,3) и т. п. Мною был применен «индекс насилия» – частное от деления уровня убийств на уровень самоубийств в качестве одного из возможных показателей социального благополучия/неблагополучия, а также степени «цивилизованности/социальности», если заимствовать терминологию А. Зиновьева. [142] При этом я исходил из того, что: а) убийство и самоубийство – два проявления агрессии; б) оба эти явления социально обусловлены и имеют относительно низкую латентность; в) оба социальных феномена представляются наиболее экстремальными способами разрешения социальных и личностных конфликтов; г) самоубийство служит более «цивилизованной» и достойной человека реакцией, нежели убийство. В результате оказалось возможным эмпирически (по многолетним данным, публикуемым Всемирной организацией здравоохранения – ВОЗ[143]) выделить, конечно же условно, четыре группы стран: с низким показателем соотношения уровней убийств и самоубийств (0,03–0,10) и, соответственно, высокой степенью «цивилизованности» при низкой «социальности» (Австрия, Венгрия, Дания, Норвегия, Франция, ФРГ, Швейцария, Япония и др.); со средним показателем рассматриваемого индекса (0,11–0,39) и средней «цивилизованностью – социальностью» (Болгария, Греция, Канада, Польша и др.); с высоким показателем этого индекса (0,40–0,99) – низкая «цивилизованность», высокая «социальность» (Аргентина, Россия, США, Уругвай и др.); с очень высоким, экстремальным значением индекса (> 1). Последний случай означает наличие экстремальных социально-политических условий, включая состояние войны (Мексика, Пуэрто-Рико, Эквадор и др.). Динамика рассмотренного показателя в России представлена в табл. 3.6.

Приведенные в этой таблице данные показывают, как Россия после 1988 г. перешла из группы стран со средним значением индекса насилия в группу стран с высоким показателем. Следует особенно отметить нарастание этого индекса насилия с 2000 г. В отдельных регионах, например в Санкт-Петербурге, начиная с 1993 г. этот показатель превысил 1 (1985 г. – 0,32; 1990 г. – 0,45; 1992 г. – 0,81; 1993 г.– 1,15; 1994 г.– 1,25; 1995 г.– 1,14; 1998 г.– 1,11).

Рост уровней убийств и самоубийств в России, резкое увеличение интегрального показателя социальной патологии и индекса насилия свидетельствуют, очевидно, о глубоком

социально-экономическом кризисе страны.

Данные о некоторых социально-демографических характеристиках лиц, совершивших преступления, представлены в табл. 3.7.

Эти самые общие сведения нуждаются в конкретизации по отдельным видам преступлений.

Доля *женщин* в целом сокращалась с 1987 г. (21,3 %) до 1993 г. (11,2 %) с последующим возрастанием до 17,8 % в 2002 г. и вновь некоторым сокращением. Разумеется, вклад женщин в преступность неодинаков для различных преступлений. Так, за рассматриваемый период женщины совершили убийств – 9,9 % (1990) – 13,4 % (1995); причинений тяжкого вреда здоровью – 7,2 % (1990) – 15,4 % (2006); 4–9 % хулиганских действий; 4–6 % разбойных нападений; 6–8 % грабежей; 9–13 % краж; 38–47 % присвоений (растрат) вверенного имущества; 25–34 % дачи или получения взятки; 7–17 % преступлений, связанных с наркотиками.

Таблица 3.6

Уровень смертности от убийств и самоубийств в России (1988 2003)

Год	Уровень смертности от убийств	Уровень смертности от самоубийств	Соотношение уровней смертности
1988	9,7	24,4	0,39
1989	12,6	25,8	0,49
1990	14,3	26,4	0,54
1991	15,2	26,5	0,57
1992	22,8	31,0	0,74
1993	30,6	38,1	0,80
1994	32,3	41,8	0,77
1995	30,8	41,4	0,74
1996	26,6	39,4	0,67
1997	23,9	37,6	0,63
1998	23,0	35,4	0,65
1999	26,2	39,3	0,67
2000	28,3	39,3	0,72
2001	29,8	39,7	0,75
2002	30,8	39,5	0,78
2003	29,5	36,5	0,80

Источники: Демографические ежегодники России // Вопросы статистики. 2004. № 2. С. 33.

По *возрасту* прослеживается отчетливая тенденция к сокращению доли несовершеннолетних в общей массе лиц, выявленных как совершившие преступления, с 17,7 % в 1989 г. до

10,2 % в 2000 г. с последующим незначительным ростом. Отмечаются пониженные темпы роста преступности несовершеннолетних по сравнению с темпами роста общей преступности. Если учесть, что та же тенденция просматривается по отдельным видам преступлений (по кражам доля несовершеннолетних в 1988 г. составила 40,6 %, в 2006 г. – 17,8 %, по грабежам соответственно 40,6 и 23,3 %, по разбойным нападениям – 22,6 и 17,1 % и т. п.), то можно сделать гипотетический вывод об относительно лучшей адаптации подростков к резко меняющимся условиям социального бытия. Другой вопрос – каковы способы адаптации? Известно, например, что подростки и молодежь составляют главный резерв и действующие кадры организованной преступности, которая благодаря очень высокой латентности не находит отражения в статистике. Кроме того, фиксируется повышение удельного веса несовершеннолетних в тяжких насильственных преступлениях: по убийствам с 3,4 % в 1988 г. до 6,9 % в 2005 г., по тяжким телесным повреждениям (причинение тяжкого вреда здоровью) за те же годы с 3,4 до 8,2 %.

Таблица 3.7

Социально-демографический состав выявленных лиц, совершивших преступления в 1987–2006 гг. в России, в %

Год	Всего (абс. кол-во)	В том числе														
		мужчины	женщины	14–17 лет	18–29 лет	рабочие	служащие	Работники с.-хозяйства	учащиеся	студенты	предприни-матели	без постоянного источника дохода	безработные	ранее совершавшие преступления	в сост-и алкогольного опьянения	в сост-и наркот. возбуждения*
1987	969 388	78,7	21,3	12,1	38,5	53,5	12,9	5,2	10,0	–	–	11,8	–	21,3	28,1	0,3
1988	834 673	83,3	16,7	15,6	40,3	55,1	10,5	4,9	11,2	–	–	13,8	–	23,9	33,0	0,2
1989	847 577	85,6	14,4	17,7	40,2	54,1	8,4	4,8	11,4	–	–	16,5	–	25,3	37,2	0,2
1990	897 299	86,3	13,7	17,1	39,2	53,7	7,5	4,8	10,4	–	–	17,8	–	24,2	38,0	0,2
1991	956 258	87,2	12,8	16,7	38,3	52,3	6,5	5,0	9,7	–	–	20,2	–	23,7	37,9	0,2
1992	1 148 962	88,6	11,4	16,4	38,1	47,5	5,3	4,8	7,2	1,1	–	27,0	–	22,6	39,1	0,2
1993	1 262 737	88,8	11,2	16,1	38,9	31,6	4,2	4,4	6,9	1,0	2,5	35,9	2,9	22,7	41,4	0,7
1994	1 441 568	87,0	13,0	13,9	37,9	30,1	4,1	3,0	5,8	0,9	1,9	42,1	3,5	20,9	41,2	0,5
1995	1 595 501	85,1	14,9	13,0	37,3	31,3	3,7	1,5	5,7	0,8	1,9	47,2	4,6	22,0	39,0	0,4
1996	1 618 394	84,1	15,9	11,9	37,8	29,8	3,5	1,2	5,6	0,8	2,3	50,0	4,7	22,7	36,4	0,4
1997	1 372 161	86,4	13,6	11,8	41,1	26,7	3,4	2,7	6,0	1,0	1,7	54,2	5,9	28,9	33,8	0,8
1998	1 481 503	85,3	14,7	11,1	42,1	25,8	3,8	2,2	6,0	1,0	1,7	55,6	5,7	27,9	29,8	0,8
1999	1 716 679	84,8	15,2	10,7	43,3	25,1	3,4	1,9	6,1	1,2	1,7	55,6	5,5	27,0	25,8	0,9
2000	1 741 439	83,7	16,3	10,2	43,3	25,9	3,7	1,8	5,8	1,1	1,8	54,8	5,3	25,4	23,1	0,9
2001	1 644 242	83,0	17,0	10,5	43,4	25,9	3,7	1,5	5,7	1,2	1,7	55,1	5,4	26,1	22,6	0,8
2002	1 257 700	82,2	17,8	11,2	43,5	26,6	5,2	1,1	6,2	1,4	1,6	52,4	5,0	24,4	24,2	0,6
2003	1 236 733	83,4	16,6	11,8	45,2	26,0	4,6	1,0	6,6	1,6	1,3	53,7	5,3	24,4	24,0	0,6
2004	1 222 504	86,6	13,4	12,4	44,9	21,1	4,4	0,9	7,0	1,6	1,1	58,8	6,0	25,9	22,5	0,5
2005	1 297 123	86,2	13,8	11,6	45,3	20,2	4,4	0,7	6,7	1,6	0,5	60,3	6,3	28,8	21,3	0,4
2006	1 360 860	84,9	15,1	10,9	45,5	20,3	4,7	0,6	6,6	1,7	0,6	59,6	6,2	28,8	19,5	0,6

* С 1993 г. – наркотического и токсического возбуждения.

По *социальному* составу наблюдается резкое сокращение доли рабочих (от 53,5 до 20,3 %). Очевидно это, как и сведение на нет доли колхозников – работников сельского хозяйства (от 5,2 до

0,6 %), объясняется размыванием и сокращением этих классов бывшего социалистического общества. Столь же объяснимо резкое увеличение удельного веса лиц, не имеющих постоянного источника доходов (от 11,8 до 59–60 %), и набирающий темпы рост доли лиц, официально признанных безработными (учет ведется с 1993 г. и к 2005 г. их удельный вес вырос с 2,9 до 6,3 %). Динамика фермеров и предпринимателей незначительна, без выраженных тенденций. Доля учащихся сокращается и в силу уменьшения их числа в популяции и по причинам, общим для подростков. Стабильно низка с тенденцией к сокращению доля служащих. Однако при этом следует делать поправку на очень высокую латентность должностной и коррупционной преступности.

Как всегда, во все времена и во всех странах, относительно устойчива доля *рецидивной* преступности. Это удивительное постоянство при всех изменениях уголовной юстиции послужило одним из обоснований «кризиса наказания». Подробнее об этом – в заключительной (IV) части нашей монографии.

В целом прослеживается тенденция роста *«пьяной»* преступности в 1987–1994 гг. (с 28 до 41 %) с последующим снижением до 19,5 % в 2006 г. Особенно высок удельный вес убийств (71–78 %), причинения тяжкого вреда здоровью (74–80 %), изнасилований (70–78 %), хулиганства (72–75 %), совершенных в состоянии алкогольного опьянения. Заметим, что до 1917 г. удельный вес «пьяной» преступности был значительно ниже (в среднем 11 %, по данным М. Н. Гернета), равно как и в 20-е гг. XX столетия (6–15 %).

Незначительна доля лиц, совершивших преступления в состоянии наркотического и токсического опьянения (0,2–0,9 %) или же страдающих наркоманией (в среднем 0,2 %). Только привычной толерантностью (терпимостью) к потребителям алкогольных напитков и официальной идеологией «войны с наркотиками» можно объяснить столь «несправедливое» отношение официоза и mass-media к потребителям наркотиков (образ хищного преступника) по сравнению с традиционными для России пьяницами.

Более подробные сведения о различных видах преступности в России будут представлены в соответствующих главах части III настоящей книги.

Глава 4
Механизм индивидуального преступного поведения

Социум выбирает из психогенофонда.

В. Леви

§ 1. Существует ли «личность преступника»?

В большинстве отечественных учебников имеются разделы (главы), посвященные «личности преступника». В зарубежной криминологической литературе социологического направления такой термин, насколько мне известно, отсутствует и не обсуждается. Впрочем, в современных цивилизованных странах вообще не принято употреблять такие слова, как «пьяница» или «алкоголик» (говорят: «у X. есть проблемы с алкоголем»), «наркоман» («у Y. проблемы с наркотиками»), «преступник» («у Z. проблемы с законом»). Можно сколь угодно иронизировать по поводу их «политкорректности», «так называемой демократии», но *уважение к любой личности* «там» впитывается с молоком матери.

В отечественной криминологии существуют два основных подхода к проблеме личности преступника. Одни ученые активно отстаивают «личность преступника» как «качественно отличную от личности других граждан»,[144] и определяют ее как «совокупность социально-демографических, социально-психологических, нравственных и правовых свойств, признаков, связей, отношений, характеризующих лицо, совершившее преступление, влияющих на его преступное поведение».[145] К числу сторонников этой точки зрения принадлежат, в частности, В. Н. Бурлаков, А. И. Долгова, Н. Ф. Кузнецова, Н. С. Лейкина, Г. М. Миньковский и др.

Но ряд авторов отрицают существование особой «личности преступника» (Ю. Д. Блувштейн, Я. И. Гилинский, И. И. Карпец, А. М. Яковлев и др.). При этом они исходят из следующих соображений.

• Уголовный закон изменчив в пространстве и во времени, нет преступлений *sui generis, per se.* Что происходит с «личностью спекулянта» или с «личностью тунеядца» при декриминализации этих деяний? А откуда взяться личностям лжепредпринимателя

или «фиктивного банкрота», когда до 1997 г. не было таких составов преступления?

• Если следовать букве уголовного закона, то, как уже отмечалось выше, получится, что все (или почти все) люди в течение жизни совершают уголовные преступления. Значит все обладают «личностью преступника»? Но тогда – в чем их *качественное* отличие от «непреступников» (не существующих в реальности)?

• Никто никогда не назвал *ни одного* личностного свойства, признака, качества присущего *только* «преступнику» (или же *только* «непреступнику»). Злость, агрессивность, ревность, злопамятство, грубость, вспыльчивость, алчность и т. д., и т. п. могут быть присущи в той или иной степени каждому человеку, в том числе никогда не привлекавшемуся к уголовной ответственности.

Очевидно, в основе попыток найти специфические свойства преступников, присущие только *«им»* и отличающие *«их»* от законопослушных *«нас»,* лежит древнейшее стремление людей отграничить «своих» (хороших, близких, родных) от «чужих» (плохих, подозрительных, опасных). «"Мы" это всегда «люди»… тогда как «они» – не совсем люди».[146]

Образ преступного человека, подлежащего жесточайшим наказаниям, *конструируется* общественным сознанием и властью в назидание другим, чтобы другим неповадно было. «Идея качественного, существенного отличия преступника от остальных людей, персонификация зла, меняя свое обличье, остается одной из самых устойчивых социально-психологических категорий… Устойчивость такой тенденции заставляет предположить, что создание концепций личности преступника, их постоянная модификация, их неуклонное возрождение после очередного опровержения вызываются к жизни какими-то определенными социальными потребностями и объективно служат социальным целям».[147] И цитируемый автор – А. М. Яковлев – называет главные из этих потребностей и целей. «Чем больше совершенства приписывается господствующим социальным условиям, тем порочней выглядит личность преступника, свободного выбрать добро, но избирающего зло… Чем более безупречным представляется общество, тем более порицаемым и порочным выглядит преступник. В этом случае все социальные беды, несчастья и просчеты, конфликты и противоречия общества можно объяснить моральными пороками, злой волей определенной категории людей. Козел отпущения меняет свое обличье, но его функция воспроизводится вновь… И если по своей явной, открыто провозглашаемой функции он

(преступник. – *Я. Г.)* нужен для того, чтобы бороться со злом, с преступностью, то по скрытой, латентной функции он нужен для того, чтобы, заклеймив тех, кто внизу социальной структуры, придать ореол непогрешимости и добродетели тем, кто наверху этой структуры».[148]

Есть ли хотя бы какое-то рациональное криминологическое зерно в рассуждениях сторонников «личности преступника»? Да, есть. Но оно состоит, по моему мнению, не в поиске свойств и признаков (либо совокупности таковых), характеризующих «личность преступника» и только преступника, а в понимании того, что различные поведенческие формы (в том числе «негативные», отрицательно оцениваемые обществом) по-разному проявляются в зависимости от многих социально-демографических и психологических свойств. Лица определенного пола, возраста, образования, социального положения, тех или иных интеллектуальных, волевых, эмоциональных, физических качеств имеют относительно большую или меньшую *вероятность* оказаться среди совершивших те или иные преступления. Мужчины и женщины, молодые и пожилые, рабочие и служащие, семейные и одинокие, жители городов и сельской местности, мигранты и коренное население по-разному, в большей или меньшей степени, с большей или меньшей вероятностью совершают те или иные преступления (становятся лицами, имеющими проблемы с алкоголем, наркотиками, добровольно уходят из жизни). Ясно, например, что индивид с низкими интеллектуальными способностями вряд ли возглавит хитро задуманную сложную мошенническую операцию. А человек с выраженными физическими недостатками (слепой или без руки, без ноги) займется разбойными нападениями.[149]

Следует заметить, что зарубежная криминология (особенно так называемая «структурная») придает очень большое значение анализу таких факторов, как тендер (пол), возраст, раса, класс, тщательно изучая их корреляционные связи с преступными проявлениями.[150]

Посмотрим, как статистически отражаются те или иные личностные характеристики на вероятности совершения того или иного преступления. Выше мы приводили некоторые социально-демографические характеристики лиц, совершивших преступления (гл. 3, § 2). Сейчас мы попытаемся более основательно и под новым углом зрения рассмотреть этот вопрос.

Тендер (пол)

Эмпирически достоверна относительно большая криминальная (вообще девиантная: алкогольная, наркотическая, суицидальная) активность мужчин. Что стоит за этим фактом?

Порожденная общественным разделением труда *социальная* дифференциация и сопутствующее ей социально-экономическое неравенство лежат в основе противоречий интересов людей, занимающих различные позиции в социальной структуре, в основе межклассовых, межгрупповых конфликтов. Однако истоки таких противоречий и конфликтов можно найти еще в *естественном,* демографическом разделении людей – по полу, возрасту, этнической принадлежности.

Различным было положение женщины на разных этапах человеческой истории и в различных обществах. Несомненен то затухающий, то вспыхивающий «конфликт полов». Так, еще в первобытном обществе мужские тайные союзы выступали как «весьма действенное средство насильственного утверждения в обществе мужского господства и подавления женской части населения».[151] Да и сейчас, по мнению некоторых исследователей, «взаимные обвинения полов… становятся все ожесточеннее и относятся не только к стилю одежды или внешнего поведения, они затрагивают суть личности современной женщины или мужчины».[152]

В целом на протяжении истории положение женщины в производственной, экономической, политической и – как следствие – в семейно-бытовой сфере было, как правило, зависимым, подчиненным. Первоначальное – естественное разделение полов, вызванное их различными функциями в процессе воспроизводства человеческого рода, получило свое социальное «оформление» в виде многовекового подчиненного положения женщины, на долю которой выпало «три К»: Kirche, Kinder, Küche (церковь, дети, кухня). Это продолжительное социальное неравенство не может не сказываться и тогда, когда во всех развитых странах победили женская эмансипация и юридическое равноправие полов (а *преувеличенное* подчеркивание равенства и женского равноправия, например, в США, свидетельствует о стоящем «в тени», «за спиной» не совсем равенстве…). Не может оно не сказаться и на различной интенсивности девиантных проявлений мужчин и женщин.

Говоря о природных, естественных различиях между полами, значимых для поведенческих реакций, нетрудно составить некоторый перечень: например, женщины физически слабее (оставим в стороне «исключения» – сильных женщин и слабых мужчин), более эмоциональны и импульсивны, более впечатлительны, в определенные, физиологически обусловленные

периоды жизни неустойчивость их психических реакций может усиливаться и т. п. Однако нам кажется, что есть более глубинные, фундаментальные биологические различия, обусловливающие принципиально различное место мужчины и женщины в обществе, в системе общественных отношений и, соответственно, существенно разную *стратегию* их жизнедеятельности (и общественно значимого поведения).

Эти фундаментальные различия были изучены и последовательно обоснованы В. А. Геодакяном в связи с более общей проблемой полового диморфизма и его роли в эволюции живых существ.[153]

Здесь я должен извиниться перед читателями за предстоящий довольно продолжительный экскурс в область, казалось бы, далекую от криминологии. Но изложенные выше методологические принципы *универсальности законов* мироздания и *универсальности общенаучных методов* познания действительности (гл. 1, § 4) пусть послужат мне в оправдание.

Суть концепции Геодакяна состоит в том, что в процессе биологической эволюции формируется половой диморфизм, т. е. «раздвоение» биологических видов на мужские и женские особи. При этом дифференциация полов оказывается «выгодной», *адаптивной* формой информационного контакта со средой, обеспечивающего специализацию по двум главным направлениям эволюции: *сохранения* и *изменения.*

Существование любой системы мироздания (физической, биологической, социальной) представляет собой двуединый процесс сохранения и изменения (сохранения через изменения). Прекращение изменений системы в условиях постоянно изменяющейся среды означает в конце концов гибель системы как таковой. В едином процессе самодвижения, самоорганизации материи, мироздания совершенствуются механизмы *адаптации* (приспособляемости), «выживаемости» систем, в том числе путем повышения уровня их организованности. Биологические системы несравнимо «выше» (сложнее) по степени организованности, чем физические, а социальные – выше, сложнее, нежели биологические системы. Повышение уровня организованности (уменьшение энтропии системы, рост негэнтропии) сопровождается дифференциацией систем (живые организмы и их сообщества значительно дифференцированнее физических систем, а социальные организмы – общества – более дифференцированы, чем биологические). При этом чем «выше», организованнее система (животное, популяция, общество), тем оно дифференцированнее. Мы еще вернемся к этому чрезвычайно важному для социальных наук, криминологии в частности,

положению. А пока заметим, что дифференциация полов, по Геодакяну, лишь проявление более общего «принципа сопряженности подсистем»: «Любая адаптивная, следящая система, эволюционирующая в изменчивой среде, дифференцируясь на две сопряженные подсистемы, специализированные по консервативным и оперативным аспектам эволюции, повышает свою устойчивость в целом».[154]

Применительно к рассматриваемым вопросам полового диморфизма, эволюционной роли полов это означает, что *женский* пол обеспечивает *сохранение* генофонда, потомства, популяции, отбор и *закрепление* адаптационно полезных свойств. Образ женщины как «хранительницы домашнего очага» приобретает не только историческое обоснование (женщины берегли, поддерживали огонь, когда мужчины уходили на охоту), но и биологическое, эволюционное.

Мужской же пол «отвечает» за *изменения,* эволюционные преобразования путем поиска, проб и – ошибок… Вот почему у мужчин выше поисковая активность, исследовательский инстинкт, рискованность поступков. Вот почему «все профессии, виды спорта, игры, хобби сначала осваивали мужчины, потом женщины. Даже социальные пороки (пьянство, курение, наркомания, азартные игры, преступность) были присущи вначале мужчинам, потом включались женщины»[155] (вот где, наконец, выявляется криминологический аспект темы!). Но уж то, что оказалось полезным, адаптивным для выживания, сохранения, благополучия семьи и рода, женщины выполняют лучше, совершеннее мужчин. Кстати говоря, мужской пол расплачивается за свою роль авангарда биологической эволюции и социальных изменений… пониженной жизнеспособностью. Так что объективно «слабым» полом является мужской, а не женский. Продолжительность жизни – важнейший индикатор «качества жизни». Так вот, сегодня в мире продолжительность жизни женщин в среднем на 4 года больше, чем мужчин, а в России – на 14 лет!.[156] И прозвучавший еще в 1976 г. призыв отечественного демографа Б. Ц. Урланиса «Берегите мужчин!» намного серьезнее, чем отношение к нему.

Итак, инновационная «миссия» мужчин (вообще – самцов; не следует забывать, что концепция Геодакяна распространяется на весь мир живого), их повышенная поисковая активность, более широкий разброс поведенческих форм, включая рискованные в самом широком смысле слова (от альпинизма и мотогонок до наркотиков и преступлений), составляют биологические предпосылки большей, по сравнению с женщинами (самками) амплитуды *девиаций* (отклонений) в поведении от признаваемой

обществом «нормы». Геодакян в цитируемой работе называет это «двумя зонами патологии», «плюс и минус отклонениями от нормы». Мне представляется предпочтительным говорить о *позитивных* (научное, техническое, художественное и др. творчество) и *негативных* (пьянство, наркотизм, преступность и др.) *девиациях*.[157] Как бы то ни было, но мужчины относительно активнее как в социальном творчестве, так и в социальной «патологии». Женщины же «нормальнее», гармоничнее в своей жизнедеятельности.

Выше (табл. 3.7) были приведены некоторые сведения, свидетельствующие о пониженной «криминогенности» женщин. Продолжим этот анализ. В табл. 4.1 представлены в динамике (1987–1998 гг.) доли (в % от общего числа преступлений) и коэффициенты криминальной активности мужчин и женщин по некоторым видам преступлений. С помощью коэффициента криминальной активности можно нагляднее представить «вклад» каждого пола в тот или иной вид преступного поведения.

Таблица 4.1

Удельный вес (%) и коэффициент криминальной активности (Кк) мужчин и женщин в России (1987–2006)

Год	Мужчины		Женщины	
	Удельный вес	Кк	Удельный вес	Кк
1987	78,7	1,7	21,3	0,4
1988	83,3	1,8	16,7	0,3
1989	85,6	1,8	14,4	0,3
1990	86,3	1,8	13,7	0,3
1991	87,2	1,8	12,8	0,2
1992	88,6	1,9	11,4	0,2
1993	88,8	1,9	11,2	0,2
1994	87,0	1,8	13,0	0,2
1995	85,1	1,8	14,9	0,3
1996	84,1	1,8	15,9	0,3
1997	86,4	1,8	13,6	0,2
1998	85,3	1,8	14,7	0,3
1999	84,8	1,8	15,2	0,3
2000	83,7	1,8	16,3	0,3
2001	83,0	1,7	17,0	0,3
2002	82,2	1,7	17,8	0,3
2003	83,4	1,8	16,6	0,3
2004	86,6	1,8	13,4	0,3
2005	86,2	1,8	13,8	0,3
2006	84,9	1,8	15,1	0,3

Половой диморфизм проявляется и в иных

криминологически значимых фактах. Так, женщины, безусловно, реже совершают убийства, но уж если совершают, то чаще доводят задуманное до конца (доля покушений на убийства у женщин ниже, чем у мужчин). Очевидно, женщина способна на убийство лишь в исключительных обстоятельствах, и тогда уже более «последовательна» в осуществлении задуманного. Женщины более ригористичны по отношению к мерам наказания, они в большей степени, чем мужчины, высказываются за сохранение и широкое применение смертной казни, за применение более тяжких наказаний к преступникам. Вероятно, в них говорит инстинкт защиты детей, семьи, домашнего очага от преступных посягательств (природная функция *сохранения)*.

Возраст

Возраст, взятый сам по себе, отражает лишь длительность индивидуального существования. Однако все природные свойства человека (включая пол, возраст, этническую принадлежность, интеллектуальные и физические характеристики) опосредованы обществом, включенностью человека в общественные отношения. Нормативность поведения существенно зависит от степени *социализации* индивида, степени его включенности в общественные отношения.

Социализация индивида как функция общества состоит в том, что оно, во-первых, предоставляет своим членам определенный набор социальных позиций (в сферах экономики, труда, политики, образования, быта и досуга). Во-вторых, формирует (путем воспитания, образования) свойства, необходимые для замещения этих позиций и перемещения по ним (карьера). В-третьих, определяет механизм распределения и перераспределения индивидов по социальным позициям.

Ясно, что степень социализированности зависит, помимо иных многочисленных факторов, от *стадий* социализации, прохождения индивидом различных возрастных фаз развития.[158]

Молодость – это период бурного расцвета всех сил и способностей человека: интеллектуальных, физических, волевых, эмоциональных. «Акме» («пик» расцвета) деятелей науки и искусства приходится, как правило, на молодые годы: до 30 лет у химиков, 23 года у математиков, 32–33 года у физиков, около 30 лет у изобретателей, 20–25 лет в хореографии, около 35 лет – в области музыкального и поэтического творчества.[159] Еще раньше проявляются спортивные таланты.

Вместе с тем на молодые годы приходится и «пик»

негативных девиаций. Удельный вес различных возрастных групп в преступности представлен в табл. 4.2.

Раса (этническая принадлежность)

В бывшем Советском Союзе идеология «дружбы и братства всех народов» (хорошая по сути, но не отражавшая реальной действительности) исключала статистические наблюдения и криминологические исследования зависимости уровня и структуры преступлений от этнической принадлежности лиц, их совершивших.[160] Эта традиция перешла и к современной России. Создалась довольно сложная ситуация. С одной стороны, знание этнического состава лиц, совершивших преступления, небезразлично для криминологии и профилактики преступлений. С другой стороны, многочисленные этнические конфликты на территории России и бывшего СССР, сформировавшееся предубеждение по отношению к «лицам кавказской национальности» (не существующей в природе!) могут лишь подогреваться публикуемыми сведениями (когда они появляются) о неодинаковой криминальной активности представителей различных этносов.

При этом вряд ли население в целом, да и некоторые представители правоохранительных органов будут разбираться в «тонкостях»: повышенная «криминальность» зависит не от расовой (этнической) принадлежности, а от того, что лица одной культуры оказались перенесенными, по разным причинам, в другую культуру; мигранты, независимо от этнической принадлежности, всегда хуже адаптированы к условиям жизни «коренного населения»; мигрируют чаще всего не от хорошей жизни; мигрируют или отправляются «на заработок» в другие страны и регионы наиболее активные – молодые мужчины, чья «повышенная» криминальность рассмотрена выше.

Таблица 4.2

Динамика криминальной активности различных возрастных групп в России (1987–2006)

		1987	1989	1991	1993	1995	1997	1999	2001	2003	2005	2006
Убийство (с покуш.)	14–17	2,9	4,3	4,1	4,8	5,9	5,7	5,5	7,5	7,9	6,9	6,5
	18–29	36,1	35,0	33,3	31,9	33,6	35,3	38,3	40,8	42,6	41,2	41,4
	30 и >	61,0	60,7	62,6	63,3	60,5	59,0	56,2	51,7	49,5	51,9	52,1
Изнасилование (с покуш.)	14–17	32,6	31,7	25,4	22,6	20,8	16,0	14,3	16,6	16,5	15,9	14,4
	18–29	53,6	53,3	55,4	55,9	55,8	56,8	56,6	56,9	58,9	58,0	58,8
	30 и >	13,8	15,0	19,2	21,5	23,4	27,2	29,1	26,5	24,6	26,1	26,8
Кражи*	14–17	36,9	42,2	30,9	24,0	19,5	18,1	16,2	17,4	20,7	18,1	17,9
	18–29	41,8	37,7	36,4	36,5	36,1	41,1	45,1	47,1	47,2	49,3	50,0
	30 и >	21,3	20,1	32,7	39,5	44,4	40,8	38,7	35,5	32,1	32,6	32,1
Грабежи	14–17	34,4	38,7	33,6	31,4	28,2	24,4	21,9	21,2	23,6	23,8	23,3
	18–29	47,9	45,0	43,8	46,2	47,3	50,8	53,9	57,2	58,5	58,7	58,9
	30 и >	17,7	16,3	22,6	22,4	24,5	24,8	24,2	21,6	17,9	17,5	17,8
Разбои	14–17	20,5	21,6	19,4	21,7	19,7	16,5	14,7	17,2	18,6	17,4	17,1
	18–29	57,9	56,4	55,6	56,9	58,2	61,1	63,9	63,2	64,1	63,2	63,2
	30 и >	21,6	22,0	25,0	21,4	22,1	22,4	21,4	19,6	17,3	19,4	19,7
Присвоение, растраты**	18–29	22,6	23,6	21,7	21,7	20,9	20,9	22,8	29,4	35,0	40,8	43,1
	30 и >	77,3	76,2	78,1	77,6	79,0	78,8	76,9	70,0	64,4	59,2	56,9
Взяточничество**	14–17	0,3	0,1	0,2	0,3	–	–	–	–	–	–	–
	18–29	17,8	20,5	19,6	27,2	29,8	27,1	8,9	26,2	26,0	26,3	26,6
	30 и >	81,9	79,4	80,2	72,2	70,2	72,9	91,0	72,9	73,9	73,3	73,3

* До 1989 г. – только личного имущества граждан.

** Доля несовершеннолетних ничтожна.

В зарубежной криминологии, особенно американской, исследованиям расового (этнического) фактора уделяется значительное внимание.[161]

Социальное положение (социальный статус)

При рассмотрении этого важнейшего для криминологии, как и всякой другой общественной науки, понятия мы вновь вынуждены отвлечься на «некриминологические» рассуждения.

Понятия «класс», «социальная структура», «социальная стратификация», «социальный статус» – одни из основополагающих в общественных науках и – одни из наиболее дискуссионных. Это не удивительно, поскольку они отражают *фактически неравное* положение в обществе людей, «равных» по своей природе, а потому отягощены многочисленными идеологическими и политическими мифами и предрассудками.

Общепризнанно, что приоритет в разработке понятия «класс» принадлежит К. Марксу и М. Веберу. При этом Маркс сводил социальное неравенство к производственным отношениям, а основным критерием классовых различий у него служила *собственность* на средства производства. Вебер наряду с решающим значением собственности учитывал еще два критерия социального неравенства – *власть* и *престиж*.

Нельзя не назвать и классические исследования социальной структуры, социального неравенства и социальных перемещений Э. Дюркгейма[162] и П. Сорокина.[163]

Заслуги Маркса в обосновании «классового подхода»

неоспоримы. Именно он показал существенную зависимость всей жизнедеятельности людей, их образа жизни, основных поведенческих стратегий от занимаемой социальной позиции в структуре общественных (прежде всего – производственных) отношений, от классовой принадлежности индивидов. «Какова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами. То, что они собой представляют, совпадает… с их производством – совпадает как с тем, что они производят, так и с тем, как они производят. Что представляют собой индивиды, – это зависит, следовательно, от материальных условий их производства».[164] Общественное разделение труда приводит к закреплению социальной деятельности за определенными индивидами (их группами). Разделению труда соответствует и «разделение» распределения и потребления: «Вместе с разделением труда… дано и распределение, являющееся притом – как количественно, так и качественно – неравным распределением труда и его продуктов».[165] Таким образом, «разделение труда делает возможным – более того: действительным, – что духовная и материальная деятельность, наслаждение и труд, производство и потребление выпадают на долю различных индивидов».[166] Общественное разделение труда определяет, в конечном счете, социальную *дифференциацию,* деление общества на классы и социальные группы (слои, страты), социальное *неравенство.* С разделением общества на классы люди «находят уже заранее установленными условия своей жизни: класс определяет их жизненное положение, а вместе с тем и их личную судьбу… Личность обусловлена и определена вполне конкретными классовыми отношениями».[167] К этим чрезвычайно важным положениям марксизма требуются некоторые комментарии.

Во-первых, общество было структурировано и до разделения на классы (и не только человеческое общество: животные, живущие стадами и семьями, имеют свою иерархию и «неравенство»!).

Во-вторых, социальная дифференциация – прогрессивное явление, свидетельствующее о возрастании степени сложности, степени организованности общества как системы. Ибо всякое усложнение, повышение организованности сопровождаются все большей дифференциацией целого. Так что надежды Маркса, Энгельса и их последователей на «ликвидацию» социального неравенства – утопичны и… реакционны. Речь может идти лишь о «смягчении» социального неравенства и об определенных социальных гарантиях и компенсациях.

В-третьих, класс, классовые отношения и классовая принадлежность определяют судьбу человека не жестко, не

фатально, а *вероятностно.*

В-четвертых, со временем жесткость классовой структуры ослабевает. Если социальная структура феодального общества практически не допускала перемещений из класса в класс (минимальная социальная мобильность), капиталистическая система времен Маркса допускала такие перемещения *dejure,* но существенно ограничивала их *de facto,* то индустриальное и постиндустриальное общества обеспечивают сравнительно свободную вертикальную мобильность.

И все же зависимость от «своего» класса (страты), социального положения сохраняется. Детям представителей высших страт значительно легче получить элитарное образование, престижную профессию, сделать карьеру, нежели выходцам из «низов». Многочисленные исключения лишь подтверждают статистически значимую закономерность. Более того, есть печальные основания полагать, что социальная поляризация в современном мире не сокращается, а возрастает, принимая глобальный характер. Речь идет о процессе включения/исключения *(inclusion/exclusion),* на котором следует остановиться.

Понятие «исключение» появилось во французской социологии в середине 60-х гг. применительно к лицам, оказавшимся на обочине экономического прогресса. Отмечался увеличивающийся разрыв между растущим благосостоянием одних (для Франции 60-х гг. – большинства) и «никому не нужными» другими.[168] Работа Рене Ленуара (1974) показала, что «исключение» приобретает характер не индивидуальной неудачи, неприспособленности некоторых индивидов («исключенных»), а социального феномена, истоки которого лежат в принципах функционирования современного общества, затрагивая все большее количество людей.[169] Исключение происходит постепенно, путем накопления трудностей, разрыва социальных связей, дисквалификации, кризиса идентичности. Появление «новой бедности» обусловлено тем, что «рост благосостояния не элиминирует (не исключает. – *Я. Г.)* униженное положение некоторых социальных статусов и возросшую зависимость семей с низким доходом от служб социальной помощи. Чувство потери места в обществе может в конечном счете породить такую же, если не большую, неудовлетворенность, что и традиционные формы бедности».[170]

Процесс «inclusion/exclusion» приобретает глобальный характер. Крупнейший социолог современности Никлас Луман писал в конце минувшего XX в.: «Наихудший из возможных сценариев в том, что общество следующего (уже нынешнего. – *Я. Г.)* столетия примет метакод включения/исключения. А это

значило бы, что некоторые люди будут личностями, а другие – только индивидами, что некоторые будут включены в функциональные системы, а другие исключены из них, оставаясь существами, которые пытаются дожить до завтра… что забота и пренебрежение окажутся по разные стороны границы, что тесная связь исключения и свободная связь включения различат рок и удачу, что завершатся две формы интеграции: негативная интеграция исключения и позитивная интеграция включения… В некоторых местах… мы уже можем наблюдать это состояние».[171]

Аналогичные глобальные процессы применительно к государствам отмечает отечественный автор, академик Н. Моисеев, называя их «новым тоталитаризмом»: «Происходит все углубляющаяся стратификация государств…Теперь отсталые страны «отстали навсегда»!.. Уже очевидно, что «всего на всех не хватит» – экологический кризис уже наступил. Начнется борьба за ресурсы – сверхжестокая и сверхбескомпромиссная… Будет непрерывно возрастать и различие в условиях жизни стран и народов с различной общественной производительностью труда… Это различие и будет источником той формы раздела планетарного общества, которое уже принято называть выделением «золотого миллиарда». «Культуры на всех» тоже не хватит. И, так же как и экологически чистый продукт, культура тоже станет прерогативой стран, принадлежащих «золотому миллиарду». Это и будет новый тоталитаризм».[172] Надо ли говорить, что Россия не входит в группу стран «золотого миллиарда»?..

Совершенно очевидны криминологические следствия процесса «включения/исключения». Именно *«исключенныя»* составляют *социальную базу* преступности и иных форм девиантности (алкоголизм, наркотизм, терроризм, проституция и др.). Так, «отчаяние молодых перед будущим, которое им кажется безысходным, лежит в основе делинквентного поведения, нарушений общественного порядка, столкновений с полицией».[173] Неудивительно, что мировая криминология активно обсуждает «inclusive/exclusive» как один из источников криминального поведения.[174] События 11 сентября 2001 г. (террористические акты в Нью-Йорке и Вашингтоне) выдвинули эту проблему на уровень реальной международной и внутренней политики государств, ибо терроризм порождается исключенностью отдельных стран, социальных групп, людей из современной жизни Западной цивилизации с ее благами (действительными или кажущимися).

Большие социальные группы людей (классы, страты), обладающие неравными возможностями, выстраиваются в

«социальную пирамиду», верхушку которой образуют высшие слои (элита), середину занимает «средний класс», а в основании пирамиды находятся низшие классы, «андеркласс» *(underclass)*. «Социальные различия становятся социальной стратификацией, когда группы людей выстраиваются иерархически вдоль некоторой шкалы неравенства, которое может выражаться в различии доходов, состояний, власти, престижа, возраста, этнической принадлежности… Представители различных *страт,* соответствующих различным уровням стратификационной иерархии, обычно обладают схожими *жизненными шансами* и *жизненными стилями*».[175]

Существует много классификаций современной социальной стратификации в развитых странах. Одна из распространенных – классификация Дж. Голдторпа, насчитывающая 11 страт, составляющих три класса (служебный, промежуточный, рабочий).[176] Широко известна у нас стратификация в виде также трех классов (высший, средний, низший), причем средний подразделяется на высокий средний, средний средний и низкий средний.

Во времена советской власти по идеологическим соображениям было принято деление общества на рабочий класс, колхозное крестьянство и «прослойку» служащих. В настоящее время, в связи со сложной переструктуризацией российского общества, нет общепринятой стратификации, и отечественные авторы выделяют различное количество страт.[177]

Приводя в качестве примера распределение различных преступлений по социальным группам (табл. 4.3), мы вынуждены исходить из группировки, принятой в милицейской статистике.

Как явствует из приведенных данных, неуклонно снижается доля рабочих и работников сельского хозяйства, что объясняется прежде всего резким их сокращением в населении; устойчиво невелика доля служащих в «общеуголовной» преступности при ее естественном возрастании в преступлениях «беловоротничковых». Парадоксально высок удельный вес рабочих среди растратчиков при относительно низком – среди служащих. Это может быть объяснено «селективностью» милиции и уголовной юстиции, подвергающих репрессии «козлов отпущения», а не «белых воротничков». Удивительно высокий удельный вес рабочих и лиц без постоянного источника доходов во взяточничестве объясняется тем, что названные категории являются взяткодателями (нередко – вынужденными). Но особенно знаменателен устойчивый и весьма значительный рост числа и доли лиц, не имеющих постоянного источника доходов, и безработных, т. е. – «исключенных»…

Таблица 43

Доля (%) различных социальных групп в структуре преступности в России (1987–2006)

Социальная группа	Год	Убийства (с покушен.)	Изнасилование (с покушен.)	Кражи	Разбои	Растрата, присвоение	Взяточничество
Рабочие	1987	61,4	51,0	40,3	46,4	28,3	33,2
	1991	51,2	48,9	57,4	35,9	47,8	34,0
	1995	26,4	31,8	28,2	18,3	46,5	19,3
	1999	17,4	23,4	20,4	12,9	48,4	13,2
	2003	16,1	22,4	16,3	13,9	54,2	20,9
	2006	15,2	20,2	15,1	13,9	50,6	21,5
Служащие	1987	3,5	1,8	2,1	1,3	67,9	58,3
	1991	2,6	1,5	1,7	0,9	43,0	53,9
	1995	2,1	2,1	1,0	1,1	30,0	50,9
	1999	1,7	1,8	0,7	1,1	28,4	50,7
	2003	1,8	1,9	0,9	1,7	22,1	39,7
	2006	1,9	2,2	0,9	1,7	20,6	35,9
Работники сельского хоз-ва	1987	6,2	5,9	3,7	2,0	3,1	1,7
	1991	5,0	6,8	7,4	1,8	6,0	0,6
	1995	1,1	2,0	2,1	0,3	2,5	0,2
	1999	1,2	2,0	2,8	0,3	6,5	0,5
	2003	0,6	0,9	1,5	0,2	3,6	0,5
	2006	0,3	0,5	0,8	0,1	2,0	0,4
Учащиеся (включая студентов)	1987	2,2	25,7	29,0	15,4	0,1	0,7
	1991	1,8	12,6	13,8	9,9	0,2	0,7
	1995	1,8	8,5	9,2	8,5	–	0,5
	1999	2,8	9,4	9,5	10,1	–	1,3
	2003	3,8	9,0	12,4	11,6	–	2,3
	2006	3,2	8,4	12,4	12,6	–	3,6
Предприниматели (без образования юрид. лица)	1987	–	–	–	–	–	–
	1991	–	–	–	–	–	–
	1995	0,9	1,1	0,4	0,8	1,5	4,6
	1999	0,9	1,3	0,3	0,6	1,8	6,8
	2003	0,5	0,6	0,2	0,3	1,3	8,0
	2006	0,2	0,2	0,1	0,1	1,1	3,6
Лица без постоянного источника дохода	1987	15,3	14,6	23,6	33,1	0,2	1,7
	1991	25,5	26,1	15,9	47,3	0,5	3,9
	1995	54,2	46,4	49,4	63,4	–	11,4
	1999	66,0	58,5	62,5	71,2	–	9,8
	2003	69,0	61,0	64,3	67,9	–	15,7
	2006	72,2	63,2	66,8	67,9	–	22,2
Безработные	1987	–	–	–	–	–	–
	1991	–	–	–	–	–	–
	1995	4,6	3,8	5,6	4,6	–	1,2
	1999	6,2	6,3	6,7	5,8	–	1,7
	2003	7,4	6,1	6,9	5,5	–	1,4
	2006	7,7	7,0	6,9	6,1	–	2,6

Остается добавить, что не только «криминальность», но и виктимность зависит от социально-экономического статуса, принадлежности к той или иной социальной группе.[178]

Иные факторы

В свете вышеизложенного прослеживается связь между *социальным происхождением* и вероятностью совершения тех или иных преступлений. Это очевидно в тех случаях, когда социальное происхождение обусловливает социальное положение. Попытка выявить зависимости между социальным происхождением и различными формами социально значимого поведения предпринималась нами еще в начале 70-х гг. прошлого столетия.[179]

Многочисленными отечественными и зарубежными исследователями отмечается корреляционная связь преступности с уровнем *образования:* чем он выше, тем меньше вероятность совершения «общеуголовных» преступлений и тем выше – «беловоротничковых». С нашей точки зрения, роль образовательного фактора опосредуется принадлежностью к тому или иному классу (страте).

Не менее известна относительно повышенная криминальная активность *мигрантов,* чья адаптация в среде «коренного» населения затруднена со всеми вытекающими последствиями.

В целом «антикриминогенным» фактором выступает наличие *семьи,* хотя в сфере так называемого «семейного насилия» именно конфликтные семейные отношения провоцируют преступления.

Интенсивность тех или иных преступлений зависит от *типа поселения:* есть преступления преимущественно «городские» (грабежи, разбои, мошенничество, должностные преступления и др.), есть – «сельские» (в России это – тяжкие насильственные преступления, уровень которых в сельской местности в 1,5–2 раза выше, чем в городах).[180] Более подробные данные о городской и сельской преступности в России см. в табл. 4.5. Различны уровень и структура преступности в городах-мегаполисах (типа Москвы, Санкт-Петербурга), городах портовых и курортных, старинных и строящихся, крупных и малых, в рабочих поселках.

§ 2. Механизм индивидуального преступного поведения

Отечественные авторы под механизмом индивидуального преступного поведения (преступления) понимают либо преимущественно *психологический* механизм, этапы психической деятельности (мотивация, принятие решения, планирование, исполнение задуманного), не отрицая при этом известной роли среды, либо отдают предпочтение *социальным условиям,*

влияющим как формирование самой личности с ее психологическими свойствами, так и на принятие решения совершить преступление.[181] В целом сторонники обеих точек зрения отдают дань и социальным, и психологическим факторам генезиса преступления. Мне ближе второй, «социологический» подход, на котором вкратце и остановимся ниже.

Представляется возможным выделить несколько основных *элементов* (звеньев) *механизма* индивидуального преступного поведения. Очевидно, центральным элементом является **личность** потенциального или реального исполнителя преступного намерения. Но личностью не рождаются, ею становятся в процессе **социализации,** которая и выступает вторым звеном рассматриваемого механизма. Так или иначе социализированная личность действует (совершает преступление), находясь в **конкретной жизненной ситуации,** которая и служит третьим необходимым элементом в генезисе преступления. Наконец, большую или меньшую роль в механизме преступного акта может играть поведение **жертвы** преступления.

Обозначим упомянутые элементы механизма индивидуального преступного поведения на схеме (4.1), а затем рассмотрим их подробнее.

Таблица 4.5

Коэффициент криминальной активности* городского и сельского населения России (1984–2005)

	1987		1989		1991		1993		1995		1997		1999		2001		2003		2005	
	город	село	город	село	город	село	город	село	город	село	город	село	город	село	город	село	город	село	город	село
Убийство (с покушениями)	0,8	1,4	0,8	1,4	0,9	1,4	0,9	1,0	0,9	1,2	0,9	1,2	0,9	1,2	0,9	1,2	0,9	1,2	0,9	1,2
Тяжкий вред здоровью	0,9	1,1	1,0	1,0	0,9	1,0	1,1	0,7	1,0	1,0	0,9	1,1	0,9	1,1	0,9	1,1	1,0	1,0	0,9	1,1
Изнасилование (с покушениями)	0,9	1,3	0,9	1,3	0,9	1,3	1,1	0,8	0,9	1,3	0,8	1,4	0,8	1,4	0,9	1,3	0,9	1,2	0,9	1,2
Разбой	1,1	0,6	1,2	0,5	1,2	0,5	1,2	0,4	1,1	0,6	1,1	0,7	1,1	0,7	1,1	0,6	1,2	0,5	1,2	0,4
Грабеж	1,2	0,5	1,2	0,3	1,2	0,3	1,3	0,2	1,2	0,5	1,1	0,6	1,2	0,6	1,2	0,5	1,2	0,3	1,3	0,3
Кража	1,1	0,8	1,1	0,7	1,0	0,9	1,0	1,0	0,9	1,2	0,9	1,2	0,9	1,2	0,9	1,2	1,0	1,0	1,0	0,9
Присвоение, растрата	0,8	1,4	0,8	1,4	0,8	1,4	0,9	1,2	0,8	1,4	0,9	1,3	0,9	1,3	0,9	1,2	1,0	0,8	1,1	0,7
Взяточничество	1,1	0,7	1,1	0,6	1,2	0,5	1,3	0,1	1,1	0,6	1,1	0,6	1,1	0,6	1,2	0,6	1,2	0,5	1,2	0,6
Всего преступлений	0,9	1,2	1,0	0,9	1,0	0,9	1,1	0,8	0,9	1,0	0,9	1,1	0,9	1,1	1,0	1,0	1,0	0,9	1,0	0,8

* Частное от деления городской (сельской) преступности (%) на долю городского (сельского) населения (%) в соответствующем году.

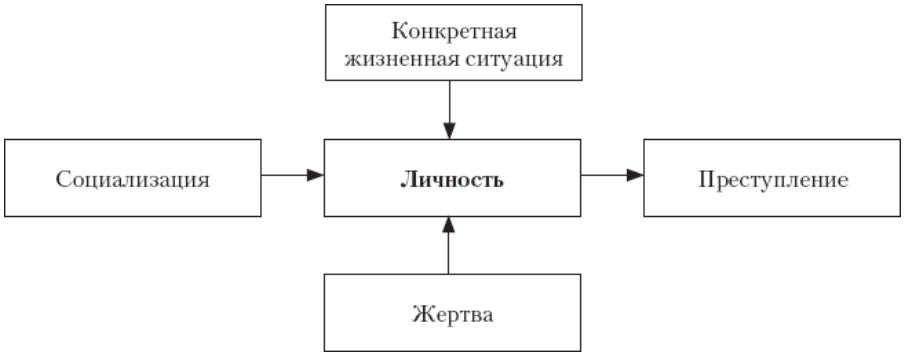

Схема 4.1. Механизм индивидуального преступного поведения

Социология и психология различают понятия «индивид» – представитель рода Homo Sapiens, «личность» – индивид, наделенный социальными свойствами в процессе социализации, «индивидуальность» – неповторимая, уникальная конкретная личность. Человек рождается как индивид и лишь со временем становится личностью под воздействием институтов социализации – семьи, школы, ближайшего окружения, трудового коллектива и т. п.

Личность потенциального или реального преступника характеризуется совокупностью социально-демографических признаков (пол, возраст, этническая принадлежность, образование, профессиональный и социальный статус, семейное положение), психологических свойств (уровень интеллекта, характерологические особенности, интра– или экстравертивность, уровень притязаний и др.), а также некоторых социально-биографических характеристик (отличник, неуспевающий, судимый, профессионал, лауреат, рецидивист и т. п.). Ясно, что каждый из составляющих личность признаков может иметь криминологическое значение. О роли некоторых социально-демографических характеристик говорилось выше. Криминологическому значению психологических свойств посвящена обширная литература.[182]

Понятие *социализации* рассматривалось выше. Здесь отметим некоторые криминологически значимые ее аспекты. Как ни покажется удивительным, но важное криминологическое значение имеют самые ранние стадии социализации.[183] Так, отсутствие теплых эмоциональных контактов с матерью в течение первого года жизни ребенка, а также жесткий, авторитарный стиль воспитания, традиционный для России, с высокой степенью вероятности приводят к насильственным преступлениям. Ибо, как заметил еще доктор Б. Спок, «преступники вырастают из детей,

страдающих не от недостатка наказаний, а от недостатка любви». [184] Многочисленные наблюдения за детьми и эксперименты с животными привели исследователей к выводу, что «наказание не только не устраняет агрессивность, но поощряет и усиливает ее». [185] Как важно это знать и учитывать в практической деятельности родителям, педагогам, работникам пенитенциарных учреждений!

По мнению психологов, основные характерологические особенности человека складываются в возрасте до пяти лет. Следовательно, от воспитания ребенка на этой дошкольной (семейной) стадии социализации зависит его характер (конечно, не без некоторого влияния наследственного фактора), а значит, и поведенческие реакции.

Важными институтами социализации являются школа и ближайшее окружение, «значимые другие» (референтная группа). Криминологическое их значение показано в многочисленных исследованиях юристов, педагогов, социологов. А *дефекты социализации* проявляются в виде преступных и иных девиантных актов.

Конкретная жизненная ситуация нередко выступает криминогенным фактором. Бедственное материальное положение может послужить стимулом для корыстного преступления, а сложная дорожная обстановка – транспортного преступления. Поэтому «случайное стечение обстоятельств» и «стечение тяжелых жизненных обстоятельств» могут учитываться в качестве смягчающих наказание (ст. 61 УК РФ). Существует определенное соотношение роли личности преступника и конкретной жизненной ситуации (КЖС) в генезисе преступления: чем «лучше» личность, тем большая роль принадлежит КЖС (нужны исключительно неблагоприятные обстоятельства, чтобы законопослушная личность совершила преступление). И наоборот – чем «хуже» личность, тем безразличнее КЖС, которая будет подыскиваться или специально создаваться для «оправдания» содеянного (классический пример – просьба «закурить» и последующее избиение или ограбление «непослушного»).

Наконец, виктимологией хорошо изучена возможная роль *жертвы* в механизме индивидуального преступного поведения. Различают три возможных варианта поведения потенциальной жертвы преступления: позитивное, негативное и нейтральное. При *позитивном* поведении возможная жертва предпринимает попытки предотвратить преступное поведение исполнителя (избежать конфликта, успокоить, убедить и т. п.). *Негативное* поведение может явиться провокационным для преступника (развязывание ссоры, скандала, выпивка с незнакомым партнером

и т. п.).[186] При *нейтральном* – жертва ведет себя обычным образом, не предвидя возможности стать потерпевшим, ничего не предпринимая для предотвращения или же провокации преступления.

В механизм преступного поведения, бесспорно, включается и психологический фактор. Однако, не будучи профессиональным психологом, отсылаю заинтересованного читателя к соответствующей литературе, указанной выше, а также к книге В. Н. Кудрявцева «Генезис преступления: Опыт криминологического моделирования», содержащей и значительную библиографию.

Часть II
Объяснение преступности

Проблема «причин» возникновения (генезиса), функционирования и изменений объектов исследования – основная и сложнейшая для каждой науки. Не представляет исключения и криминология. Однако в последнее время ученые различных специальностей все чаще отказываются от самого термина «причина» и причинного объяснения своего объекта, предпочитая выявлять *факторы,* воздействующие на объект исследования, и устанавливать *корреляционные зависимости* между ними. Это обусловлено рядом обстоятельств. Мир очень сложен, а взаимосвязи между системами и их элементами чрезвычайно многообразны. Очень трудно (а чаще невозможно) выделить *причинно-следственную* связь из всей совокупности взаимодействий даже в физических и биологических системах, не говоря уже о социальных, тем более, когда сам объект – как преступность – не имеет естественных границ в реальности, а представляет собой социальный конструкт.

Неудивительно, что большинство современных зарубежных криминологов отказываются от бесконечного поиска «причин» преступности и их умножения, обосновывая тезис «корреляция против причинности» *(correlation versus causation)*.[187]

Вместе с тем, во-первых, выявление факторов, влияющих на уровень, структуру, динамику преступности и ее видов, действительно представляет собой важную задачу криминологии. Во-вторых, вся история криминологии есть поиск причин, факторов, обстоятельств, обусловливающих возникновение и изменение преступности и ее видов. В-третьих, именно в процессе такого поиска рождались криминологические концепции и теории, добывался огромный фактографический материал, подтверждающий или же опровергающий те или иные научные гипотезы. В-четвертых, без знания факторов, так или иначе влияющих на «преступность» и ее отдельные виды, корреляционных связей между этими факторами и показателями преступности, невозможна адекватная социальная реакция общества на преступность, более или менее эффективный социальный контроль.

Эта часть нашей работы как раз и посвящается проблемам объяснения преступности. Прежде всего, будет представлен обзор основных направлений зарубежной и отечественной криминологической мысли (гл. 5). Это непростая задача,

поскольку, во-первых, имеется огромная литература по истории криминологии (не говоря уже о первоисточниках – трудах виднейших криминологов), во-вторых, нет единства в периодизации истории криминологии и классификации различных криминологических направлений, школ, концепций. Нередко взгляды одного и того же криминолога рассматриваются различными авторами в рамках различных школ. Заинтересованный читатель может подробнее познакомиться с историей криминологии в работах отечественных и зарубежных авторов.[188]

Далее мы попытаемся изложить наши представления о генезисе преступности (гл. 6).

При этом следует постоянно иметь в виду некоторую двусмысленность, «шизофреничность» объяснения преступности. С одной стороны, рассматривая преступность как социальную конструкцию, мы должны искать объяснение ее существования в деятельности властей, режима, законодателя по *конструированию* «преступности». С другой стороны, пока и поскольку за этой относительно искусственной конструкцией скрываются реальные виды человеческой жизнедеятельности (убить или ранить другого, завладеть имуществом другого, обмануть другого с выгодой для себя и т. д.), возможно выявление факторов, условий, обстоятельств, при которых эти виды деятельности будут проявляться с большей или меньшей вероятностью, в большем или меньшем объеме.

Поскольку большинство криминологов в прошлом искренне надеялись найти *причины* преступности как *реально существующего феномена,* постольку вся (или почти вся) история криминологии есть история попыток установления объективных «причин» искусственного социального конструкта.

Глава 5
История криминологической мысли

«Сегодня» началось одновременно
вчера, позавчера и «некогда».

Ф. Бродель

А. История зарубежной криминологии

§ 1. Зарождение криминологических идей

Хотя, как упоминалось в гл. 1, криминология как наука стала формироваться в XVIII в., однако различного рода взгляды относительно преступности и преступлений существовали с того далекого времени, когда общество стало различать, выделять и «конструировать» из всех видов человеческой жизнедеятельности «преступления», наносящие ущерб людям, обществу, государству.

«Никогда в этом мире ненависть не прекращается ненавистью, но отсутствием ненависти прекращается она… И не было, и не будет, и теперь нет человека, который достоин только порицаний или только похвалы… Нельзя ударить брахмана, но и брахман пусть не изливает свой гнев на обидчика. Позор тому, кто ударил брахмана, и еще больший позор излившему гнев на обидчика»,[189] утверждается в *«Дхаммападе»* (Индия, III в. до н. э.). Мысли, полезные и в наши дни.

А вот рассуждения *Мо-цзы* (Китай, 480–400 гг. до н. э.) по поводу «экономических причин» преступности: «Причина в том, хороший год или плохой. Если год урожайный, то люди становятся отзывчивыми и добрыми. Если же год неурожайный, то люди становятся черствыми и злыми».[190]

Кто бы мог подумать, что суть известной американской пословицы «Того, кто украл буханку хлеба, сажают в тюрьму; того, кто украл железную дорогу, – избирают в сенат» была высказана иными словами еще *Чжуан-цзы* (Китай, 369–286 гг. до н. э.): «Того, кто крадет крючок с пояса, казнят, а тот, кто крадет царство, становится правителем»? Его же рассуждение о двойственной роли, «балансе» девиаций – позитивных и негативных: «Если мудрецы не умрут, то большие разбойники не исчезнут».[191]

Одним из первых философов-энциклопедистов был *Аристотель* (384–322 гг. до н. э.), оставивший после себя *систему*

знаний, накопленных человечеством и развитых самим Аристотелем. В его огромном творческом наследии мы находим мысли, интересные и в криминологическом отношении. Одно из принципиальных положений: «Люди ведут такой образ жизни, какой их заставляет вести нужда».[192]

Аристотель понимал, что «люди вступают в распри не только вследствие имущественного неравенства, но и вследствие неравенства в получаемых почестях… Люди поступают несправедливо по отношению друг к другу не только ради предметов первой необходимости… но также и потому, что они хотят жить в радости и удовлетворять свои желания… Величайшие преступления совершаются из-за стремления к избытку, а не к предметам первой необходимости».[193] Поэтому, в частности, неосновательны надежды на «имущественное равенство» как панацею от преступности. Мы еще вернемся к этой проблеме в главе 6. Видя одну из причин преступлений в испорченных привычках и вкусах людей, а также в страстях, затмевающих разум, Аристотель придавал большое значение семейному воспитанию – основе добродетельного поведения.

Мы не ставим перед собой невыполнимую задачу хотя бы назвать всех предтеч криминологии. Важно показать, что мыслители разных народов во все времена так или иначе касались извечной проблемы преступлений и наказания. Но, пожалуй, нельзя пройти мимо авторов социальных утопий.

Т. Мор (1478–1535) в своей «Утопии» (полное название его труда – «Золотая книга столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии», 1516) высказал необычайно смелые для своего времени идеи относительно причин преступлений и целесообразности наказаний. Приведем обширную цитату. «Простая кража не такой огромный проступок, чтобы за него рубить голову, а с другой стороны, ни одно наказание не является настолько сильным, чтобы удержать от разбоев тех, у кого нет никакого другого способа снискать пропитание… Вору назначают тяжкие и жестокие муки, тогда как гораздо скорее следовало бы позаботиться о каких-либо средствах к жизни, чтобы никому не предстояло столь жестокой необходимости сперва воровать, а потом погибать… По моему мнению, совершенно несправедливо отнимать жизнь у человека за отнятие денег. Я считаю, что человеческую жизнь по ее ценности нельзя уравновесить всеми благами мира. А если мне говорят, что это наказание есть возмездие не за деньги, а за попрание справедливости, за нарушение законов, то почему тогда не назвать с полным основанием это высшее право высшей несправедливостью?».[194]

Т. Мор рассчитывал на предупреждение преступлений в результате радикального переустройства общества.

В «Городе Солнца» (1623) *Т. Кампанеллы* (1568–1639) нет частной собственности, все равны, все имеют возможность самореализации. «Поэтому, так как нельзя среди них (жителей Города Солнца. – *Я. Г.)* встретить ни разбоя, ни коварных убийств, ни насилий, ни кровосмешения, ни блуда, ни прочих преступлений, в которых обвиняем друг друга мы, – они преследуют у себя неблагодарность, злобу, отказ в должном уважении друг к другу, леность, уныние, гневливость, шутовство, ложь, которая для них ненавистнее чумы. И виновные лишаются в наказание либо общей трапезы, либо общения с женщинами, либо других почетных преимуществ на такой срок, какой судья найдет нужным для искупления проступка».[195] Итак, в «переводе» на язык современной криминологии: определенные социально-экономические условия позволяют избавиться от деяний, ныне признаваемых преступными, но тогда общество *конструирует* новый набор проступков, подлежащих наказанию; при этом меры «наказания» достаточно либеральны и не связаны ни с отнятием жизни, ни с лишением свободы. Впрочем, утопия – она и есть утопия…

Преступление не является чем-то естественным по своей природе, оно – социальный *конструкт* и по мнению *Б. Спинозы* (1632–1677). «В естественном состоянии нет ничего, что было бы добром или злом по общему признанию… В естественном состоянии нельзя представить себе *преступления;* оно возможно только в состоянии гражданском, где по общему согласию определяется, что хорошо и что дурно, и где каждый должен повиноваться государству. Таким образом, *преступление* есть не что иное, как неповиновение, наказываемое вследствие этого только по праву государственному; наоборот, повиновение ставится гражданину в *заслугу*».[196]

§ 2. Классическая школа уголовного права и криминологии

Классическая школа уголовного права сформировалась в XVIII в. Ее идеи основывались на религиозном понимании свободы воли и греховности человека. Если благодаря свободе воли индивид выбирал путь греха, совершал преступление, он подлежал каре за содеянное. Чем тяжелее был грех, тем более жестоким должно было быть воздаяние. В рамках классической школы вызревали и криминологические представления о преступности, преступлении, их причинах и мерах социального контроля.

Но взгляды крупнейших представителей классической школы криминологии (Ч. Беккариа, И. Бентам) существенно отличались от современных им уголовно-правовых воззрений.

Наибольшую известность приобрел труд *Ч. Беккариа* (1738–1794) «О преступлениях и наказаниях» (1764). Написанный совсем молодым ученым, он стал своего рода «бестселлером», переведенным с французского на десятки других языков. Принимая возмездный характер уголовной юстиции, пропорциональность воздаяния, Беккариа прежде всего ограничивает понятие преступления. Преступлением может считаться только такое деяние, которое причиняет реальный вред; прямо и ясно указано в законе; при этом закон обязателен для граждан и правителей. Эти требования были направлены против осуждения по аналогии, против неравенства перед законом.

Причины преступлений Беккариа видит во всеобщей борьбе человеческих страстей, а прежде всего – в наслаждении и страдании.[197] При этом борьба человеческих страстей служит источником не только преступлений, но и полезных деяний. Наряду с психологическими основаниями преступлений, ученый не обошел вниманием и социально-экономические факторы. Так, в кражах он усматривал преступления нищеты и отчаяния.

Особенно важны взгляды Беккариа по проблеме наказания. Его целью он считает удержание людей от совершения преступлений, а не месть. Ученый выступает против жестокости наказания. Жестокие наказания не только не выполняют функции предупреждения преступлений, но напротив: «В те времена и в тех странах, где были наиболее жестокие наказания, совершались и наиболее кровавые и бесчеловечные действия, ибо тот же самый дух зверства, который водил рукой законодателя, управлял рукой и отцеубийцы, и разбойника».[198] Неудивительно, что Беккариа, вопреки распространенным в то время (да, к сожалению, нередко и в наши дни) взглядам, выступал против смертной казни: «Смертная казнь не может быть полезна, потому что она подает пример жестокости… Мне кажется нелепым, что законы… которые запрещают и карают убийство, сами совершают его и для отвращения граждан от убийства сами предписывают совершение его».

Беккариа впервые сформулировал принцип неотвратимости наказания: «Одно из самых действенных средств, сдерживающих преступления, заключается не в жестокости наказаний, а в их неизбежности».[199]

Наконец, Беккариа, вслед за Монтескье, провозглашал приоритет предупреждения преступлений перед наказанием за

них. При этом он понимал, что возможности государства по противодействию преступности ограничены, ибо «невозможно предупредить все зло».

И. Вентам (1748–1832) в известной степени разделял взгляды Беккариа. Кроме того, он еще в 1778 г. обратил внимание на статистические закономерности и устойчивость преступности. А его мысль о том, что человек стремится получить максимальное удовольствие и испытать минимальные страдания, надолго завладела умами специалистов в области уголовного права.

В целом, зародившись в недрах классической школы уголовного права, классическая криминология сделала первые важные шаги в становлении криминологии как науки. Вместе с тем прогрессивные для своего времени взгляды Беккариа и Бентама носили все еще *умозрительный* характер. Преодолеть этот недостаток стало возможным на основе *позитивистских* воззрений следующего – XIX столетия.

§ 3. Позитивизм в философии, науке, криминологии

Зарождение позитивизма заслуженно связывают с именем *О. Конта* (1798–1857). К числу первых теоретиков позитивизма относят также *Г. Спенсера* (1820–1903) и *К. Маркса* (1818–1883).

Конт, будучи социальным философом (термин «социология» был им впервые использован в «Курсе позитивной философии», 1838), полагал, что существующие социальные науки не могут считаться таковыми (науками), пока и поскольку они метафизичны, носят умозрительный характер, не основываются на методах естественных наук – измерении, наблюдении, эксперименте и т. п. Наука должна основываться на фактах, а не догмах, воображение должно быть подчинено наблюдению. «Теологическое и метафизическое состояние какой-либо науки отличаются одной общей чертой: господством воображения над наблюдением… Чтобы сделать… науку позитивной, нужно установить в ней… преобладание наблюдения над воображением».[200]

Идеи *позитивизма* нашли отражение в трех основных направлениях криминологии: *биологическом,* или *антропологическом, психологическом* и *социологическом.* Возникновение каждого из этих трех направлений связывают обычно (более или менее справедливо), соответственно, с именами Ч. Ломброзо, Г. Тарда и А. Кетле. И хотя позитивизм в «чистом виде» давно сменился и плюралистическими концепциями, и неомарксистской криминологией, и «радикальной криминологией», и постмодернистской, однако с

момента возникновения этих трех направлений и до сегодняшних дней мы почти безошибочно можем отнести к тому или иному из них любую криминологическую школу, теорию, концепцию.

Прежде чем перейти к более подробному описанию каждого из этих направлений и входящих в них школ, представим изложенное в виде схемы 5.1.

Разумеется, названия направлений и школ и их временные рамки достаточно условны, а приведенная схема, как и последующая классификация криминологических теорий, служит, в основном, дидактическим целям.

Биологическое (антропологическое) направление криминологии

Бесспорным родоначальником этого направления считается *Ч. Ломброзо* (1835–1909) – тюремный врач в Турине. С помощью антропологических методов он измерял различные параметры строения черепа многочисленных заключенных, их вес, рост, длину рук, ног, туловища, строение ушей и носов, а при вскрытии умерших – строение и вес внутренних органов. Всего за свою многолетнюю практику он исследовал свыше одиннадцати тысяч лиц, осужденных за совершение преступлений. Свое главное открытие Ломброзо описывает вполне поэтически: «Внезапно однажды утром мрачного декабрьского дня я обнаружил на черепе каторжника целую серию атавистических ненормальностей… аналогичную тем, которые имеются у низших животных. При виде этих странных ненормальностей – как будто бы ясный свет озарил темную равнину до самого горизонта – я осознал, что проблема сущности и происхождения преступников была разрешена для меня».[201]

Схема 5.1

Результаты исследований и выводы о «прирожденном» преступнике, отличающемся от других людей чертами «вырождения» («преступник – это атавистическое существо, которое воспроизводит в своей личности яростные инстинкты первобытного человечества и низших животных») нашли отражение в труде «Преступный человек» (1876). Признаки «вырождения» проявляются в многочисленных «стигматах»: «ненормальности» в строении черепа, низкий или скошенный лоб, огромные челюсти, высокие скулы, приросшие мочки ушей и т. п. Ломброзо создал целую серию «портретов» различных преступников – убийц, грабителей, воров, насильников, поджигателей и др. Разработанная им классификация преступников включала четыре типа: прирожденные, душевнобольные, по страсти (включая политических маньяков), случайные.

Со временем, под давлением обоснованной критики, Ломброзо стал уделять внимание и иным – социальным, демографическим, климатическим факторам.[202] Однако он навсегда вошел в историю криминологии как автор теории врожденного преступника.

Результаты антропологических исследований Ломброзо не выдержали проверки. Так, еще при его жизни *Ч. Горит* (1870–1919) осуществил сравнительное исследование трех тысяч человек – заключенных (основная группа) и контрольная группа – учащиеся Оксфорда, Кембриджа, колледжей, военнослужащие.

Результаты не выявили значимых различий между группами и были опубликованы в книге «Заключенный в Англии» (1913). Позднее аналогичные исследования проводились и другими авторами *(Н. Ист, В. Хиле, Д. Зернов* и др.) с теми же результатами. Миф о «врожденном преступнике» был развеян, хотя иногда возникали его рецидивы…

Ученики Ломброзо и его соотечественники *Э. Ферри* (1856–1929) и *Р. Гарофало* (1852–1934) вслед за учителем признавали роль биологических, наследственных факторов. Вместе с тем они уделяли внимание психологическим (особенно Гарофало) и социальным факторам в обусловленности преступлений. Они оба отрицали идею свободы воли, занимаясь поиском причин преступлений.

Ферри выделял антропологические (телесная и духовная природа индивидов), физические (естественная среда) и социальные детерминанты преступлений. Наказание должно выполнять чисто предупредительную, оборонительную функцию. В «Криминальной социологии» (в российском издании – «Уголовная социология»[203]) Ферри писал, обосновывая принципы позитивизма: «Раньше наука о преступлениях и наказаниях являлась по существу лишь изложением теоретических выводов, к которым теоретики пришли только с помощью логической фантазии. Наша школа превратила ее в науку позитивного наблюдения. Основываясь на антропологии, психологии и статистике преступности, а также на уголовном праве и исследовании тюремного заключения, эта наука превращается в синтетическую науку, которую я сам назвал „Криминальной социологией“». Ферри придавал большое значение превентивным мерам (улучшение условий труда, быта и досуга, освещение улиц и подъездов, условий воспитания и т. п.), он считал, что государство должно стать инструментом улучшения социально-экономических условий.

Гарофало попытался отойти от уголовно-правового понимания преступления. Он считал, что преступными являются те деяния, которые ни одно цивилизованное общество не может расценить иначе и которые караются уголовным наказанием. «Естественные» преступления нарушают чувства сострадания и честности. «Полицейские» преступления нарушают лишь закон.

Таким образом «Туринская школа» в какой-то степени предвосхитила развитие всех трех основных направлений позитивистской криминологии.

Антропологическое, или биологическое, направление отнюдь

не исчерпывается ломброзианством.

По мнению немецкого психиатра *Э. Кречмера* (1888–1964) и его последователей (прежде всего – американского криминолога *У. Шелдона),* прослеживается связь между типом строения тела и характером человека, а следовательно, и его поведенческими реакциями, включая преступные. Согласно их теории «конституциональной предрасположенности», высокие и худые люди – *эктоморфы* («церебротоники», по Шелдону, или астеники) – чаще будут робкими, заторможенными, склонными к одиночеству, интеллектуальной деятельности. Сильные, мускулистые *мезоморфы* («соматотоники», или атлеты) отличаются динамичностью, стремлением к господству. Невысокие, полные *эндоморфы* («висцеротоники», или пикники) – общительны, спокойны, веселы. Связь между физической конституцией, чертами характера и поведенческими реакциями действительно существует, но представители всех типов физической конституции и различных типов характера (со времен И. П. Павлова хорошо известны холерики, сангвиники, флегматики и меланхолики, хотя современные классификации характера намного сложнее и разнообразнее) могут отличаться как законопослушным поведением, так и девиантным – позитивным и негативным, включая преступное. Строение тела и характер не являются дифференцирующими факторами по отношению к преступности.

Эти замечания относятся и к различению *К. Юнгом* (1923) двух основных типов личности – *экстравертов,* ориентированных на общение, склонных к новаторству (иногда с элементами авантюризма), и *интровертов* – ориентированных на себя, замкнутых, избегающих риска, настроенных консервативно. *Г. Айзенк* (1963) для более полной характеристики типов личности дополнил экстравертов (открытость) – интровертов (замкнутость) характеристиками стабильности – нестабильности (уровень тревожности). И также пытался связать криминальное поведение с личностными особенностями.

Идеи ломброзианства с расистским акцентом пытался реанимировать и *Э. Хутен* (1887–1954). В течение 12 лет он обследовал свыше 13 тысяч заключенных и более 3 тысяч человек контрольной группы (не заключенных). Им были выделены 9 расовых типов. Как оказалось, в каждой расе есть «неполноценные» представители, отклоняющиеся от средних для расы показателей.

По мере развития современной биологии и генетики в рамках биологического направления возникают все новые и новые

теории. Назовем лишь некоторые из них. Подробное же их освещение можно найти в современной книге Д. Фишбайн.[204]

Концепция близнецов. В ряде исследований *(Loehlin, Nichols,* 1976 и др.) было установлено, что одинаковое (в том числе криминальное) поведение взрослых пар однояйцовых (монозиготных) близнецов наблюдается относительно чаще, нежели у пар двуяйцовых (дизиготных) близнецов. В одном из исследований, например, такое совпадение было в 77 % случаев однояйцовых и в 12 % случаев двуяйцовых близнецов. Отсюда делался вывод о роли генетической предрасположенности к тем или иным поведенческим формам. Однако различные исследователи получали неодинаковые результаты, не всегда изучались условия воспитания обоих близнецов, так что сторонников «близнецового» объяснения преступного поведения не так уж много.

Хромосомная теория. П. Джекобс (1966) на основе изучения заключенных в шведских тюрьмах выдвинул гипотезу о зависимости повышенной агрессивности и, соответственно, высокого уровня насильственных преступлений у мужчин с лишней У-хромосомой *(XYY* вместо *XY).* Позднее *Т. Поуледж* опроверг это предположение. Если мужчины с лишней У-хромосомой и отличаются повышенной агрессивностью, то их удельный вес в популяции крайне невысок (1 из 1000) и постоянен, а уровень насильственной преступности существенно меняется во времени и пространстве. По данным *Р. Фокса* (1971), заключенные с хромосомным набором XYY не более склонны к насилию, чем другие заключенные, но относительно чаще совершают имущественные преступления. Кроме того, повышенная агрессивность может проявляться и в общественно полезном или допустимом поведении (спортсмены, полицейские, военнослужащие).

Частота пульса. Кембриджское лонгитюдное (изучение одних и тех же лиц на протяжении значительного периода времени) исследование свыше 400 мужчин показало, что те из них, у кого частота пульса в состоянии покоя была ниже (66 ударов в секунду), чем в среднем (68 ударов в секунду), относительно чаще оказались осужденными за насильственные преступления *(D. Farrington,* 1997). Аналогичные результаты были получены в исследованиях *M. Wadsworth* (1976) и *A. Raine* (1993). Но, вероятнее всего, такой одиночный фактор как частота пульса является лишь одним из показателей общего состояния нервной системы, так или иначе влияющего на поведение, в том числе, – агрессивное.

Уровень серотонина в крови. На основе многочисленных

исследований предполагается, что повышенный уровень серотонина в крови свидетельствует о более высокой вероятности агрессивного, в том числе преступного, поведения.

Роль тестостерона. Точно так же считается, что повышенный уровень тестостерона (мужской половой гормон) может увеличивать агрессивность поведения. Некоторые исследователи полагают, что аналогичную роль в женском агрессивном поведении играют женские гормоны.

При этом, во-первых, результаты различных исследований нередко противоречивы. Во-вторых, ряд исследований показал, что уровень гормонов весьма чувствителен к внешним условиям. В-третьих, – и это главное – нет никаких доказательств *специфического* влияния всех вышеназванных биологических факторов (лишняя Y-хромосома, частота пульса, уровень серотонина или гормонов и др.) именно на *криминальное* поведение. Это не исключает того, что при *прочих равных условиях* генетическая составляющая может играть определенную роль в большей или меньшей вероятности той или иной поведенческой реакции конкретного индивида (достаточно, например, напомнить, что в генезисе алкоголизма роль наследственности велика, а в состоянии алкогольного опьянения совершается немало преступлений). Как заметил в одной из своих книг российский психолог В. Леви, «социум выбирает из психогенофонда». Иначе говоря, социальные факторы влияют на поведение опосредствованно – через генетические и психологические особенности свойств личности. Наконец, в-четвертых, все эти рассуждения, равно как иные идеи сторонников биологического и психологического направлений, имеют отношение к индивидуальному преступному поведению, преступлению, но никак не объясняют преступность как социальный феномен.

Психологическое направление в криминологии

Становление психологического направления связывают с двумя именами: Р. Гарофало и Г. Тарда. О первом из них уже говорилось выше. Его работа «Критерии опасного состояния» (1880) обосновывает, в частности, так называемый клинический подход в изучении личности преступника. Идеи «опасного состояния» позднее, во второй половине XX в., активно развивались Ж. Пинателем.

Г. Тард (1843–1904) в своих книгах «Законы подражания» и «Философия наказания» (обе вышли в 1890 г.) объяснял

преступное поведение подражанием и обучением. Поскольку в основе преступного акта лежат психологические механизмы, постольку, с точки зрения Тарда, суд должен решать вопрос лишь о виновности/невиновности обвиняемого, тогда как меры воздействия на виновного определяет медицинская комиссия.

Вполне обоснованно обращаясь к психологическим факторам индивидуального преступного поведения, Тард излишне абсолютизирует роль подражания, усматривая в «законе подражания» едва ли не основной закон развития общества и цивилизации.

Склонность к психологизации социальных явлений не помешала Тарду в ряде вопросов стоять на социологических позициях. Так, он социологически верно отмечает *относительность* самого понятия преступления: «Система добродетелей, так же как и система преступления и порока, меняется вместе с ходом истории».[205] Отношение ученого к преступности как социальному феномену позволило ему сделать вполне социологический вывод: «Если бы дерево преступности со всеми своими корнями и корешками могло бы быть когда-нибудь вырвано из нашего общества, оно оставило бы в нем зияющую бездну».[206]

Тард одним из первых обратил внимание на то, что повышение благосостояния, уровня жизни, образования не влечет за собой сокращения преступности. Скорее – наоборот! «Рост трудовой деятельности и богатства делает естественным рост преступлений и преступников! А где же, следовательно, нравственная сила труда, нравственная добродетель богатства, о которых столько говорили? Образование сделало большие успехи. Где же благодетельное, столь прославленное действие просвещения на нравы?.. Три великих предупредительных лекарства от социальной болезни: труд, общее довольство и образование – усиленно действовали не раз, а поток преступности, вместо того, чтобы пересохнуть, вдруг вышел из берегов».[207] Тард увидел также широчайшую распространенность преступлений «людей богатых и признаваемых честными» (позднее такие преступления будут названы «беловоротничковыми» – white-collar crimes).

Наконец, заметим, что на примере Гарофало и Тарда мы лишний раз убеждаемся в относительности любой схемы, любой классификации. Так, взгляды Гарофало в равной степени относятся к антропологическому и психологическому направлениям, а работы Тарда иллюстрируют и психологический, и социологический подходы к проблеме преступности, преступления и наказания. Впрочем, еще Ферри обосновывал

правильность и научную совместимость своих антропологических и социологических воззрений.[208]

К психологическому направлению относится и *фрейдизм.* Сам *З. Фрейд* (1856–1939) не обращался к криминологической тематике (если не считать психоаналитического разбора произведений Ф. М. Достоевского; в этой своей работе Фрейд сформулировал небезынтересное для нас утверждение: «Для преступника существенны две черты – безграничное себялюбие и сильная деструктивная склонность; общим для обеих черт и предпосылкой для их проявлений является безлюбовность, нехватка эмоционально-оценочного отношения к человеку»[209]). Однако его теория не могла не отразиться на психологических подходах к проблеме преступности.

Напомним, что Фрейд выделял в структуре личности три составляющие: Я (Ego), Оно (Id) и Сверх-Я (Super-Ego). Оно – глубинный слой *бессознательных влечений.* Не будь других составляющих личности, человек всегда действовал бы по велению Id. Я – сфера *сознательного,* посредник между бессознательным, внутренним миром человека и внешней реальностью – природной и социальной. Сверх-Я – внутриличностная совесть, своего рода моральная цензура, представляющая собой установки общества. Super-Ego – посредник между бессознательным и сознанием в их непримиримом конфликте, ибо сознание само по себе не способно обуздать веления бессознательного. Другим важнейшим положением Фрейда является учение о либидо – половом влечении, которое, начиная с раннего детства, на бессознательном уровне определяет большинство намерений и поступков человека.

Легко представить, сколь обширное поле для криминологической интерпретации открывают эти положения. Это и «победа» бессознательного, проявившаяся в конкретном преступном деянии, и «либидо», выплеснувшееся в криминальном насилии, и роль невротических реакций в механизме индивидуального преступного акта, и сублимация (переключение) либидо в криминальное русло.

Разумеется, учение самого Фрейда и его учеников и последователей – К. Юнга, о котором речь шла выше, *А. Адлера* (для Адлера не столь важно было либидо, сколько «воля к власти», определяющая поведение индивида), *В. Рейха* (по Рейху, неизрасходованная из-за многочисленных социальных запретов жизненная энергия прорывается в виде агрессии) было неизмеримо сложнее и глубже, чем описанная выше схема.

Психоаналитический подход позволяет вскрывать глубинные психологические особенности различных поведенческих актов, включая преступные. Интересное исследование этой темы было предпринято украинским криминологом А. Ф. Зелинским.[210]

Неофрейдизм, характеризующийся большей «социологизацией» изучаемых процессов, сделал еще один шаг в интересующем криминологию направлении. Так, *К. Хорни* (1885–1952) подробно исследует проблему невротизации личности, а ведь среди лиц, находящихся в местах лишения свободы наблюдается высокий удельный вес лиц с невротическими расстройствами. Многие ее идеи о механизмах развития личности, роли детства в формировании личности представляют несомненный интерес для криминологии (в частности, для изучения механизма индивидуального преступного поведения).[211]

Труды другого крупнейшего представителя неофрейдизма – *Э. Фромма (1900*–1980) – косвенно или непосредственно посвящены криминологической тематике. Косвенно – когда обсуждаются проблемы этики, смысла жизни, «иметь или быть».[212] Непосредственно – когда ученый один из главных своих трудов посвящает исследованию агрессии и насилия как психологического, социального, политического феномена.[213]

Подводя краткий итог, можно отметить бесспорный интерес представленных психологическим направлением исследований психологической составляющей индивидуального преступного поведения и бесплодность попыток ответить на вопрос о причинах преступности как социального феномена.

Социологическое направление в криминологии

Описание многочисленных социологических школ и концепций в криминологии существенно затруднено не только их изобилием, но и многочисленностью их классификаций. Почти всех известных криминологов социологического направления исследователи относят к разным школам, течениям, теориям. В этом легко убедиться, полистав как отечественные, так и зарубежные учебники криминологии и монографии по теоретической криминологии.[214]

Рождение социологического направления позитивистской криминологии датируется с точностью до дня. 9 июля 1831 г. статистик *А. Кетле,* выступая на заседании Бельгийской королевской академии наук в Брюсселе, в своем докладе заявил: «Мы можем рассчитать заранее, сколько индивидуумов обагрят руки в крови своих сограждан, сколько человек станут

мошенниками, сколько станут отравителями, почти так же, как мы заранее можем подсчитать, сколько человек родится и сколько человек умрет… Здесь перед нами счет, по которому мы платим с ужасающей регулярностью – мы платим тюрьмами, цепями и виселицами».[215] Статистические исследования свидетельствуют об относительной стабильности преступности и отдельных ее видов в прошлом и настоящем. Эта стабильность может использоваться для «предсказания» (прогноза) преступности в будущем. Относительно устойчиво не только число преступлений, но и использованных при этом орудий. «Во всем, что касается преступлений, числа повторяются с таким постоянством, что этого нельзя не заметить».[216] Аналогичных взглядов придерживался и *А. Терри* – автор первых работ (1827, 1833) по уголовной и моральной статистике.

Если для Ломброзо «преступниками рождаются», то для Кетле «преступниками не рождаются, ими становятся». Становятся – под влиянием социальных условий, социальных факторов. По Кетле, «общество заключает в себе зародыш всех имеющих совершиться преступлений, потому что в нем заключаются условия, способствующие их развитию; оно… подготовляет преступление, а преступник есть только орудие». К факторам, влияющим на совершение преступлений, Кетле относит демографические, социальные (профессия, образование), природные (климат, сезонность).

Основные идеи Кетле, в той или иной степени разделяемые и развиваемые всеми представителями социологического направления, сводятся к следующему:

• преступность порождена обществом;

• она развивается по определенным законам под воздействием социальных и иных объективных факторов;

• ей присуща статистическая устойчивость;

• повлиять на преступность (с целью сокращения) можно только путем изменения (улучшения) социальных условий.

Исходя из социологических представлений о природе преступности, *А. Лакассань,* выступая в 1885 г. на I Международном конгрессе антропологов в Риме, произнес знаменитую фразу: «Каждое общество имеет тех преступников, которых оно заслуживает». Позднее, воспроизводя ее, Г. Манхейм добавляет: «Каждое общество обладает таким типом преступности и преступников, которые соответствуют его культурным, моральным, социальным, религиозным и экономическим условиям».[217]

Экономические теории

Обычно экономические теории в криминологии вполне обоснованно связывают с именами *К. Маркса* (1818–1883) и *Ф. Энгельса* (1820–1895). По утверждению западных криминологов, именно в их «Манифесте Коммунистической партии» (1848) были заложены основы экономического детерминизма, а преступность выступала побочным продуктом экономических условий.

Концепция марксистской криминологии достаточно полно разрабатывалась в бывшем СССР, и у наших соотечественников нет недостатка в литературе по этому вопросу. Здесь хотелось бы подчеркнуть, что значение марксизма для криминологии выходит, с нашей точки зрения, за рамки узкого «экономического детерминизма». Разрабатываемая ранним Марксом концепция отчуждения, значение противоречий и конфликтов как «двигателей истории», роль классовых различий и социально-экономического статуса в детерминации человеческого поведения и т. п. имеют криминологическое значение и активно используются в современной западной (прежде всего – «критической») криминологии.

У Маркса есть несколько небольших по объему работ, посвященных непосредственно криминологической тематике. Одна из них – «Население, преступность и пауперизм» (1859), в которой автор на основании анализа некоторых демографических, экономических показателей и данных уголовной статистики делает ряд принципиальных выводов: «Должно быть, есть что-то гнилое в самой сердцевине такой социальной системы, которая увеличивает свое богатство, но при этом не уменьшает нищету, и в которой преступность растет даже быстрее, чем численность населения… Нарушение закона является обычно результатом экономических факторов, не зависящих от законодателя; однако… от официального общества до некоторой степени зависит квалификация некоторых нарушений установленных им законов как преступлений или только как проступков… Само по себе право не только может наказывать за преступления, но и выдумывать их».[218]

Говоря о позитивизме в социальных науках вообще и криминологии в частности, не следует забывать о весьма обширном эмпирическом исследовании положения рабочего класса в Англии, проделанном Энгельсом и содержащем огромный фактический материал, в том числе о преступности, пьянстве, проституции как следствии условий жизни английских рабочих.[219] Современный социологический словарь (1986, издательство Penguin Books), так характеризует эту работу: «"Положение рабочего класса в Англии" (1845), основанная, главным образом, на данных непосредственного наблюдения,

проведенного в Манчестере и Солфорде, является классическим описанием жизни рабочего класса в этой стране в период индустриализации».[220] Очевидно, неслучайно уже в наши дни английский криминолог Я. Тэйлор с коллегами провели «по стопам Энгельса» обследование условий жизни рабочих Манчестера и Шеффильда.[221]

Последователем экономической теории в криминологии является *В. Бонгер.* В книге «Преступность и экономические условия»[222] он обосновывает роль капиталистической экономической системы в генезисе преступности. Преступность сосредоточена в низших слоях общества, поскольку законодатель криминализирует деяния, порожденные бедностью и нищетой. Бонгер приводит статистические данные по ряду стран, доказывая связь таких преступлений как бродяжничество и нищенство с безработицей.[223]

Автор возлагает надежды на социалистическое переустройство общества.

Во многих странах в конце XIX – начале XX в. проходят криминологические исследования динамики корыстной преступности и цен на хлеб (зерно) как основного для того времени экономического показателя. Наблюдаются устойчивые корреляционные связи: чем выше цена на хлеб, тем выше уровень преступности. Одно из первых таких исследований было проведено *Г. фон Майером* в Баварии за 1836–1861 гг. По данным Майера, увеличение на полпенни цены на рожь влекло рост преступности на одну пятую на 100 тыс. жителей. О связи преступности и цен на мешок муки, а также количества банкротств (еще один экономический показатель) во Франции 1840–1886 гг. свидетельствует статья *П. Лафарга.*[224]

С нашей точки зрения, сравнительный анализ показателей преступности и экономических показателей (децильный коэффициент, индекс Джини, уровень безработицы и др.) актуален и в наши дни, о чем пойдет речь ниже.

Теория аномии

Пожалуй, первая развернутая социологическая теория девиантности, включая преступность, – теория *аномии* – принадлежит известному французскому социологу *Э. Дюркгейму* (1858–1917). Прежде всего, он утверждает «нормальность» преступности в том смысле, что она присуща всем обществам, развивается по своим закономерностям, выполняет определенные социальные функции. «Преступления совершаются… во всех

обществах всех типов… Нет никакого другого феномена, который обладал бы столь бесспорно всеми признаками нормального явления, ибо преступность тесно связана с условиями жизни любого коллектива… Преступность – нормальное явление потому, что общество без преступности совершенно невозможно». [225]

Более того, «преступность необходима; она прочно связана с основными условиями любой социальной жизни и именно в силу этого полезна, поскольку те условия, частью которых она является, сами неотделимы от нормальной эволюции морали и права… Чтобы был возможен прогресс, индивидуальность должна иметь возможность выразить себя. Чтобы получила возможность выражения индивидуальность идеалиста, чьи мечты опережают время, необходимо, чтобы существовала и возможность выражения индивидуальности преступника, стоящего ниже уровня современного ему общества. Одно немыслимо без другого… Преступность не только предполагает наличие путей, открытых для необходимых перемен, но в некоторых случаях и прямо подготавливает эти изменения… Действительно, сколь часто преступление является лишь предчувствием морали будущего, шагом к тому, что предстоит!».[226] И далее Дюркгейм обосновывает эту мысль на примере осуждения Сократа. Итак, *девиации необходимы для развития, прогресса общества.*

Но преступность нормальна при условии, что она «не превышает уровня, характерного для общества определенного типа».[227] И здесь мы подходим к сути теории аномии. По Дюркгейму, в стабильном обществе стабилен и уровень девиантных проявлений (пьянство, наркотизм, самоубийства и т. п.), включая преступность. В обществах же быстро меняющихся, в условиях *социальной дезорганизации,* наблюдается состояние *аномии,* когда старые социальные нормы уже не работают, а новые еще не освоены, когда существует «конфликт норм» – правовых и моральных, публичного права и частного права и т. п., когда некоторые социально значимые сферы жизнедеятельности остались не урегулированными («нормативный вакуум»). В таком обществе резко возрастают проявления девиантности, превышая «нормальный» для данного общества уровень. Дюркгейм подробнейшим образом теоретически и эмпирически обосновывает свою концепцию на примере самоубийств.[228]

Думается, хорошей иллюстрацией дюркгеймовской аномии и ее последствий может служить современная Россия. Бурные социально-экономические и политические изменения конца 80–90-х гг. минувшего века сопровождались противоречиями между советскими ценностями и менталитетом, с одной стороны, и

новыми экономическими и политическими отношениями, с другой; между нормами «социалистического» права (уголовная ответственность за бродяжничество, попрошайничество, «паразитический образ жизни», за злостное нарушение паспортного режима, за частное предпринимательство и коммерческое посредничество) и новыми нормами гражданского права, разрешающими частную собственность, легализующими статус безработного (бывший «тунеядец»); между нравственными ценностями старого общества (отрицательное отношение к богатым, стремление к «равенству») и новой моралью (обогащайтесь!). При этом многие сферы общественной и государственной жизни оказались без должного нормативного регулирования. Соответственно, с конца 80-х гг. наблюдается резкий рост преступности, самоубийств, наркотизма. Все «по Дюркгейму»!

Для криминологии важны и «некриминологические» работы и суждения ученого. Так, Дюркгейм один из первых развивает теорию общественного разделения труда, обращает внимание на роль социально-экономического неравенства в генезисе человеческой активности, как позитивной, так и негативной. Он понимает эволюционное значение разделения труда («чем примитивнее общество, тем больше сходств между индивидами»), его необходимость для развития общества, но видит и отрицательные последствия (овеществление личностных отношений, «анормальные формы» разделения труда – анемическое, принудительное и др.).[229] Всякое живое существо стремится к счастью. При этом для человека важно равновесие между стремлением к счастью и степенью удовлетворения. Если естественные потребности имеют естественные пределы (насытился и есть не хочется), то социальные потребности не имеют естественных ограничений, они безграничны. Мы еще вернемся к этой теме в следующей, 6-й главе.

Дюркгейм внес весомый вклад и в разработку проблем социального контроля, но к этому мы также вернемся позднее – в части IV книги.

В заключение заметим, что различные авторы и по разным основаниям относят криминологические взгляды Дюркгейма и к теории социальной дезорганизации, и к структурному функционализму, и в качестве самостоятельного направления – концепции аномии.

Аномия и «напряжение»

К структурному функционализму и теории аномии (в отличном от Дюркгейма варианте) относят и другого крупнейшего социолога, нашего современника – *Р. Мертона* (1910–2003). Он также считается родоначальником *«теорий напряжения» (strain theories)*. Мертон, как и Дюркгейм, рассматривает различные проявления девиантности, включая преступность, как *закономерное порождение* определенных *социальных условий.* «Мы исходим из предположения, – пишет Мертон, – что определенные фазы социальной структуры порождают обстоятельства, при которых нарушение социального кодекса представляет собой «нормальный» ответ на возникшую ситуацию».[230] Люди стремятся к успеху. В современном обществе богатство выступает признанным всеобщим символом успеха. Но часть населения живет в зонах трущоб, при ограниченных социальных возможностях («напряжение»). При этом возрастает жесткость классовой структуры, сокращается возможность легально изменить социальный статус в сторону его повышения. А ведь именно классовая структура обусловливает неравенство возможностей, различия в доступе к ценностям общества. «Поэтому отклоняющееся от нормы поведение может быть расценено как симптом несогласованности между определяемыми культурой устремлениями (к успеху, богатству. – *Я. Г.)* и социально организованными средствами их удовлетворения».[231] Возникает напряжение *(strain)*. Требования культуры, предъявляемые конкретному лицу, оказываются невыполнимыми. «С одной стороны, от него требуют, чтобы оно ориентировало свое поведение в направлении накопления богатства; с другой – ему почти не дают возможности сделать это институциональным способом. Результатом такой структурной непоследовательности является сформирование психопатической личности и (или) антисоциальное поведение, и (или) революционная деятельность».[232]

Культура каждого конкретного общества определяет его *цели* и легальные, институционализированные *средства* их достижения. В зависимости от принятия (+) или непринятия, отрицания (—) целей и средств существует пять теоретически возможных типов поведения (путей приспособления индивидов к социальным условиям), которые Мертон представляет в виде таблицы (5.1).

Итак, индивиды, разделяющие цели общества и принимающие средства их достижения, будут вести себя законопослушно, *конформно.* Те, кто принимает цели, но не согласен с предоставляемыми средствами, будет предпринимать шаги по их улучшению, заниматься *реформаторской,*

инновационной деятельностью. Не принимающие цели или, что гораздо чаще, – относящиеся к ним безразлично, но свято придерживающиеся легальных средств, будут беспрекословно следовать принятым нормам – *ритуалисты.*

Не принимающие ни целей, ни средств данного общества будут либо «бежать» из него, уходя в алкоголь, наркотики, из жизни (самоубийство) – *ретретистское* поведение, либо пытаться все изменить – *мятежники* (по Мертону), *революционеры.*

Таблица 5.1

Типы поведения (адаптации) по Р. Мертону

Тип	Определяемые культурой цели	Институционализированные средства
Конформизм	+	+
Инновация (реформизм)	+	–
Ритуализм	–	+
Ретретизм	–	–
Мятеж	– +	– +

В целом «антисоциальное поведение приобретает значительные масштабы только тогда, когда система культурных ценностей превозносит, фактически превыше всего, определенные символы успеха, общие для населения в целом, в то время как социальная структура общества жестко ограничивает или полностью устраняет доступ к апробированным средствам овладения этими символами для большей части того же самого населения».[233]

Плюралистические концепции (многофакторный подход)

Ниже мы неоднократно будем встречаться с тем, что различные криминологи будут усматривать многочисленные «причины» преступности, не ограничиваясь какой-либо одной. Иногда такой подход рассматривается в качестве относительно самостоятельного («плюралистического» или «многофакторного»).

Выше уже упоминался Э. Ферри, выделявший антропологические, физические, социальные факторы.

Маннхейм утверждал, что в криминологии не существует причин преступности, которые были бы необходимы и достаточны для ее объяснения. Существуют только факторы, которые могут оказаться «необходимыми» наряду с другими

факторами.

Аналогичные взгляды разделяли *У. Хили* (1915), *С. Бэрт* (1925) и др.

Многофакторный подход был широко распространен в российской криминологии, о чем пойдет речь ниже.

«Дифференцированная ассоциация»

Мертоновская концепция неплохо объясняет девиантное и преступное поведение «униженных и оскорбленных», а как быть с преступностью элитарной, преступностью лиц, находящихся на вершинах социальной структуры? Над этим вопросом задумался, в частности, *Э. Сазерленд* (1883–1950). В 1939 г. он впервые вводит в научный оборот понятие «преступность белых воротничков» *(white-collar crime),* а в 1949 г. выходит его книга под тем же названием, в которой он подробно анализирует беловоротничковую преступность как пример криминальных действий и махинаций в сфере бизнеса.[234] Первоначально под преступлениями белых воротничков Сазерленд понимал лишь респектабельную преступность властной и деловой элиты. Позднее этот термин распространился на всю должностную и предпринимательскую преступность, независимо от ранга чиновника или бизнесмена. Свое название *white-collar crime* получила в связи с тем, что в США должностные лица и бизнесмены ходят в белых рубашках, в отличие от рабочих, которые обычно носят синие рубашки (комбинезоны). К типичным беловоротничковым преступлениям относятся финансовые махинации корпораций, взяточничество, предоставление «за вознаграждение» выгодных контрактов, привилегий, криминальные коммерческие сделки и кредитные операции, лжебанкротства и т. п.

Сазерленд изучал и профессиональную преступность,[235] но наиболее известен он как создатель *теории дифференцированной ассоциации* (связи). Эта концепция была впервые изложена Сазерлендом в «Принципах криминологии» (1939), а затем развивалась и излагалась совместно с *Д. Кресси*.[236] С точки зрения Сазерленда, определенным поведенческим формам – как законопослушным, так и преступным – обучаются, взаимодействуя с другими людьми в процессе общения. Обычно это происходит в группах между людьми, связанными какими-то личными отношениями. Основной причиной образования дифференцированных связей (ассоциаций) служит конфликт культур, а главной причиной систематического преступного

поведения – социальная дезорганизация. Кресси, цитируя Сазерленда, так формулирует основные положения этой теории: «Когда люди становятся преступниками, это происходит потому, что они соприкасаются с преступным образом поведения, а также потому, что они оказываются изолированными от воздействия антипреступного образа поведения… Они становятся преступниками в силу переизбытка у них подобного рода «связей» по сравнению с теми «связями», которые у них имеются с антипреступным образом поведения».[237]

Теория дифференцированной ассоциации неоднократно подвергалась модификации как самим Сазерлендом, так и совместно с Кресси, а после смерти Сазерленда – одним Кресси. Это была одна из наиболее плодотворных для своего времени теорий. Она позволяла объяснить как «обычную», «уличную» преступность *(street crime),* так и беловоротничковую. Другое дело, что она, как и любая другая теория, не могла ответить на ряд вопросов (почему люди имеют те связи, которые у них есть; она не объясняет происхождение преступности и др.).

Наконец, следует упомянуть, что концепции Тарда и Сазерленда нередко рассматриваются как *«теории научения» (learning theories).*

«Чикагская школа» и экология преступности

Крупным явлением в истории криминологии является «Чикагская школа». Первые криминологические исследования в Чикаго начались в 20-е гг. прошлого столетия в Чикагском университете под руководством *Э. Бёрджесса.* Наиболее известные из участников этих исследований – *К. Шоу, Г. Маккей, Р. Парк, Ф. Трэшер* и др. В те годы Чикаго становится «криминальной столицей» США, в нем орудуют гангстерские банды (одна из наиболее известных – Аль Капоне). В результате их кровавых столкновений в 20-е гг. было убито свыше тысячи человек.

Чикагская школа прославилась прежде всего изучением влияния городской экологии на преступность. В результате исследований были выделены пять концентрических зон Чикаго, различавшихся по своим функциям в масштабах города, составу населения, стилю жизни, социальным проблемам (делинквентность, преступность, детская смертность, туберкулез, психические расстройства): центральный деловой и промышленный район, промежуточная зона трущоб, рабочие кварталы, жилые городские кварталы, пригородная зона

коттеджей среднего класса («владельцев сезонных билетов» на электричку). Наиболее криминогенными оказались промежуточные районы между жилыми и деловыми, деловыми и промышленными кварталами.[238] Это объяснялось, в частности, тем, что в этот период промышленность и торговля вторглись в зону традиционных жилых застроек. Теперь проживание в этом районе становилось непрестижным, маложелательным. Поэтому именно здесь поселялись бедняки и многочисленные иммигранты.

Аналогичный экологический анализ в Балтиморе не подтвердил ряд выводов по Чикаго.[239] Это лишний раз свидетельствовало о некорректности распространения результатов локального исследования на все случаи жизни.

Чикагская школа провела интересные исследования подростковой делинквентности и преступности.[240]

Классической стала работа Трэшера по изучению чикагских банд.[241]

Остается добавить, что наследие Чикагской школы проявляется и в современных исследованиях экологии города, применении метода «картирования», привязки социального контроля к локальным условиям районов большого города.[242]

Теория субкультур

Теория субкультур возникла в результате исследований подростковой преступности и гангстеризма (бандитизма). В значительной степени она исходила из теорий аномии и напряжения. Классические работы – книга *А. Коэна* (род. 1918),[243] посвященная молодежным бандам, и проведенное *Р. Клауордом* (род. 1926) и *Л. Оулином*[244] (род. 1918) исследование различных делинквентных субкультур. Все трое подчеркивали значение конфликта между ценностями и целями «большого общества», а точнее – между целями среднего класса и возможностями подростков из низших слоев преследовать эти цели.

На недоступность ценностей культуры общества подростки реагируют созданием субкультуры со своими ценностями, целями и нормами. «Делинквентная субкультура извлекает свои нормы из норм более широкой культуры, выворачивая их, однако, наизнанку. По стандартам этой субкультуры поведение делинквента правильно именно потому, что оно неправильно по нормам более широкой культуры».[245] По Коэну, делинквентная субкультура, как протестная по отношению к культуре общества,

отличается неутилитарным, злостным и негативистским характером. «Здесь явно присутствует элемент злоумышленности, удовольствие от причинения беспокойства другим, восторг от самого факта отвержения различных табу».[246]

Клауорд и Оулин также исходят из того, что «лица, занимающие различные положения в социальной структуре, не имеют равных шансов на успех».[247] Они различают и описывают три разновидности подростковой субкультуры: преступную, конфликтную и ретретистскую. Для преступной субкультуры характерны интеграция субъектов на различных возрастных уровнях и тесная интеграция представителей общепризнанных и незаконных ценностей, т. е. взаимодействие преступников со средой, включая скупщиков краденного, старьевщиков, юристов и т. п. Конфликтная субкультура – продукт трущоб, мира неудачников. «Молодые люди в подобных зонах подвержены острому чувству разочарования, возникающему в результате того, что доступ к цели успеха блокирован отсутствием каких бы то ни было институционализированных каналов, законных или незаконных».[248] Ретретистская субкультура состоит из тех, кто бежит от общества, но нуждается во взаимосвязях с себе подобными (прежде всего, это субкультура потребителей наркотиков). Ретретистский вариант приспособления возникает, по Мертону, как следствие «двойной неудачи»: длительной неудачи достичь провозглашаемых обществом (культурой) целей с помощью законных средств и невозможности (в силу разных причин – от страха до сильно развитого чувства совести) прибегнуть к незаконным средствам.

Сторонники теории субкультур уделяют значительное внимание соотношению различных видов девиантного поведения и социального контроля.

Близки к теории субкультур концепции *У. Миллера* (1968) и *Т. Фердинанда* (1980). Сравнительный анализ различных вариантов этой теории предпринят в «Криминологии» Г. И. Шнайдера.[249]

Конфликт культур

Т. Селлин (1896–1994) обратил внимание на криминологическое значение хорошо известных различий ценностей и норм разных культур. Когда представители одной культуры попадают в среду распространения другой культуры, возникает *конфликт культур,* нередко разрешающийся путем преступлений. Конфликт норм может возникнуть уже при

переселении сельского жителя в город. Намного острее конфликт культур, «когда встречаются Запад и Восток или когда горный житель Корсики оказывается в нижнем Ист-Сайде Нью-Йорка. Конфликт культур неизбежен, если нормы культуры или субкультуры одной зоны перемещаются в другую или сталкиваются с нормами другой зоны».[250]

Конфликт между нормами различных культур может возникнуть: (1) когда эти кодексы сталкиваются на границе смежных культурных зон; (2) когда право одной культурной группы распространяется на территорию другой группы; (3) когда члены одной культурной группы переходят в другую группу.

Отечественным примером такой ситуации может служить уголовный запрет ряда «пережитков местных обычаев» (уклонение от примирения в случаях кровной мести, уплата и принятие выкупа за невесту двоеженство или многоженство и др. – ст. 231–235 УК РСФСР 1960 г.) в советской России. На практике «пережитки» (например, калым – выкуп за невесту) сохранялись вопреки уголовному закону.

В современном мире, при массовых миграционных потоках проблема конфликта культур приобретает все более острый характер.[251] Надо ли говорить, что преступления, возникающие из конфликта норм и культур, – лишь частный случай преступности?

И снова «напряжение»

Мертон считается продолжателем дюркгеймовской теории аномии и родоначальником теории напряжения. Напомним, что последняя исходит из того, что преступления совершаются в результате невозможности для индивидов легальным путем достичь провозглашаемых обществом целей, символов успеха. Как уже отмечалось, это – общая позиция и для теории субкультур (Коэн, Клауорд, Оулин).

Позднее ряд криминологов попытались дополнить классическую теорию напряжения. Они *(R. Agnew, D. Elliot, D. Greenberg, H. Voss)* исходили из того, что хотя напряжение как результат недостижимого успеха действительно является важным криминогенным фактором, однако сам успех далеко не всегда связан с целями и ценностями американского среднего класса.[252] Так, отмечали они, для подростков важнее сиюминутные ценности (популярность среди сверстников, достижения в спорте, хорошие оценки, наличие сексуального партнера и т. п.). Часть криминологов, участвовавших в дискуссии, считали, что главная

потребность подростков – быть независимыми от взрослых. Некоторые критики теории напряжения обратили внимание на то, что к препятствиям в достижении целей относятся не только принадлежность к определенной социальной страте, но и личностные особенности (интеллектуальные, волевые, эмоциональные).

В результате *Р. Агнью* (Agnew) сформулировал общую теорию напряжения *(Generalstrain theory)*,[253] согласно которой имеется несколько типов напряжения, вызываемого негативными отношениями с другими людьми, когда с людьми обращаются не так, как им хочется. С точки зрения Агнью, три основных типа напряжения (негативных отношений с другими) возникают, когда другие (1) мешают или угрожают мешать индивиду достичь позитивно оцениваемых целей, (2) устраняют или угрожают устранить позитивно оцениваемые стимулы индивида (например – утрата близкого человека), (3) предоставляют или угрожают предоставить индивиду вредные или негативно оцениваемые стимулы (случаи виктимизации, стрессовые события). Агнью полагает, что общая теория напряжения очень проста и в своей основе сводится к утверждению: если мы плохо обращаемся с людьми, они могут рассердиться и совершить преступление.

С нашей точки зрения, теория Мертона более социологична, скорее объясняет *преступность,* тогда как дополнения теории претендуют в большей степени на объяснение преступного поведения, *преступления.* Различия в интерпретации теории напряжения на индивидуальном и социетальном уровнях отмечал еще *F. Cullen* (1983).

Теория стигматизации (этикетирования, клеймения, интеракции) – Labeling theory

Г. Беккер (род. 1928) в книге «Аутсайдеры» (1963) вывел формулу, ставшую знаменитой: «Девиант тот, кому был прикреплен соответствующий ярлык *(label);* девиантное поведение – это поведение, которое люди так обозначили».[254]

Но начнем издалека. Социальный психолог *Г. Мид* (1863–1931) предложил концепцию *символического интеракционизма* (взаимодействия). Это понятие распространяется на уникальный, присущий только человеку вид взаимодействия: способность людей «квалифицировать» («трактовать») действия, поступки, поведение других. Применить идеи интеракционизма к криминологии попытался *Ф. Танненбаум.* Подросток *становится* плохим, потому что *так* его называют. Процесс криминализации

– процесс наклеивания ярлыков. Этот замкнутый круг есть *«драматизация зла»*.[255] Разорвать порочный круг можно лишь минимизировав навешивание ярлыков. В российском варианте это означает – «не обзывать!». Во избежание «драматизации зла» в западных обществах не принято называть других людей «алкоголиками», «наркоманами», «бандитами», «хулиганами», «проститутками», «двоешниками», «отстающими» и т. п.

Возвратимся к Г. Беккеру. Он разработал модель преступной (вообще девиантной) *карьеры.* Человек, особенно молодой, может совершить какой-то неблаговидный поступок. Если ему это «понравится», совершение аморальных или преступных действий может стать системой. А далее наступает самый существенный этап: арест, административное или судебное разбирательство, наказание, иначе говоря – официальное *клеймение* индивида как правонарушителя, преступника. С этого момента человек начинает отождествлять себя с присвоенным ярлыком и соответственно поступать. Он теряет статус учащегося или место работы, его начинают сторониться, перестают принимать в «порядочном обществе», изолируют от социума. Теперь рецидивы преступного поведения становятся ответом на реакцию общества, на давление социального контроля. И если отверженный не найдет в себе сил выстоять и вернуться к правопослушному поведению, то последним шагом в преступной карьере станет вступление заклейменного (стигматизированного) в сообщество себе подобных, в преступную организацию.

Е. Лемерт (1912–1996), развивая взгляды коллег по теории стигматизации, ввел понятия *вторичной девиантности*.[256] Первичная девиантность – это девиантные (в т. ч. преступные) действия до акта официального «клеймения», «стигматизации». Вторичная девиантность развивается *после* клеймения и как реакция на него. В полном соответствии с идеями Беккера, девиант (преступник) становится таковым лишь тогда, когда его в этом качестве признало общество. Лемерт не претендует на объяснение преступности, он пытается ответить на вопрос, как люди втягиваются в преступную карьеру, какие обстоятельства («стигматизация»!) способствуют рецидиву. Он выделяет ряд стадий «девиантизации» поведения: (1) первичная девиация; (2) санкция за нее; (3) следующая первичная девиация; (4) более серьезная санкция и отчуждение; (5) очередная первичная девиация с чувством обиды на тех, кто наказывает; (6) формальная акция со стороны общества (его институтов), которое потеряло терпение, – официальная стигматизация девианта; (7) усиление девиантного поведения как реакция на стигматизацию и наказание; (8) окончательное принятие статуса девианта и

соответствующее поведение. Перефразируя В. Маяковского, «если тебе девиант имя, имя крепи делами своими»… Для тех же читателей, которые удивятся долготерпению общества (лишь на шестом этапе – формальная стигматизация!), напомним, что девиантное поведение – не только преступное, это может быть серия прогулов в школе или побегов из дома, неоднократное злоупотребление алкоголем или потребление наркотиков и т. п.

Еще одним приверженцем рассматриваемой теории является *Э. Шур,* который ввел понятие «преступления без жертв» (потребление алкоголя, наркотиков, занятие проституцией, производство абортов и т. п.).[257] Одним из способов сокращения «драматизации зла», стигматизации и «вторичной девиантности» служит отказ от криминализации и декриминализация таких «преступлений», у которых нет непосредственных жертв (за исключением самих девиантов – наркоманов, алкоголиков, проституток).

Сторонником рассматриваемой теории является и известный современный немецкий криминолог *Ф. Зак.* Он считает, что подавляющее большинство взрослого населения современного общества хоть раз в жизни совершает преступление (с точки зрения действующего уголовного закона). Но лишь официальное признание того, что человек совершил преступление, делает его преступником.[258] Будучи раз стигматизирован как преступник, человек продолжает вести себя соответствующим образом.

В целом теория стигматизации вскрывает существенный пласт взаимоотношений между преступником и обществом. Страдая, как и всякая теория, известной односторонностью, она заставляет задуматься над тем, всегда ли официальная санкция за первое или незначительное правонарушение есть благо. А отсюда ряд практических выводов, имеющих значение и по сей день:[259]

• необходимо отказаться от криминализации незначительных по своей опасности деяний, а также «преступлений без жертв»;

• для сокращения делинквентности и преступности подростков следует отделить их от традиционной системы уголовной юстиции, предельно сократив в отношении делинквентов формальные санкции, заменяя их неформальным или мягким формальным подходом;

• возможно большее число правонарушителей должно оставаться в своей общине, как можно меньшее их число должно осуждаться к лишению свободы, которое максимально заменяется альтернативными мерами воздействия.

Мы еще не раз будем возвращаться к этим проблемам, особенно в части IV книги.

Теории социального контроля

Сторонники теорий *социального контроля* (подробнее о нем см. гл. 15 настоящей книги) сосредоточивают внимание на реакции общества на преступность (вообще девиантность) и ответной реакции преступников (девиантов) на давление социального контроля.

А. Рейсс (1951), *Ф. Най* (1958), *М. Гоулд* (1963) исходили из роли *социального контроля* в противостоянии девиантному, преступному поведению. Они считали, что законопослушному, конформному поведению следует обучать. При успешной семейной социализации человек не будет совершать противоправные деяния. Внутренний контроль (самоконтроль) хорошо социализированного индивида намного эффективнее внешнего, формального контроля.

Г. Сайкс и Д. Матза (1957)[260] обратились к реакции правонарушителя на предъявляемые требования. По их мнению, во избежание санкций девианты прибегают к различного рода самооправданиям, *«нейтрализации»,* причем средства самооправдания черпают из норм самого общества. Сайкс и Матза выделяют пять типов нейтрализации:

1) отрицание ответственности (правонарушитель сам жертва обстоятельств);

2) отрицание вреда (никто не пострадал – автомобильная кража лишь «позаимствование», а драка членов шайки – их личное дело);

3) отрицание наличия жертвы (потерпевший «сам виноват», «он такой»);

4) осуждение осуждающих (грибоедовское «а судьи кто?);

5) ссылка на высшие соображения (деяние во имя дружбы, чтобы не быть предателем).

Кроме того, Матза считает, что молодой человек из низших слоев имеет возможность лавировать, «дрейфовать» (отсюда – концепция *«дрейфа»)* между различными социальными нормами, осуждающими и допускающими те или иные формы поведения. Большинство делинквентов, став взрослыми, перестают «дрейфовать», переходя ко вполне конформному (законопослушному) поведению.[261]

По мнению *В. Реклесса и С. Шохэма* (1963), нейтрализация нередко основана на эрозии социальных норм: «нормальность» потребления алкоголя, допустимость внебрачных половых связей, распространенность магазинных краж и т. п.

Т. Хирши в своей книге 1969 г. заметил: «Мы все животные и потому все естественно способны совершать преступления».[262]

Преступления совершаются в результате ослабления социальных связей. Противостоять этому могут тесные узы, связи социальных групп, таких как семья. Хирши называет наиболее важные элементы социальных связей: привязанность (симпатии), обязательства (ангажированность), вовлеченность, вера (убежденность). Свою концепцию социальных связей Хирши обосновывает на материале проведенных им эмпирических исследований (опрос-самоотчет 5,5 тыс. учащихся городских школ в Сан-Франциско). Основной результат опроса: чем теснее подросток связан с родителями, чем успешнее его учеба в школе, чем больше он вовлечен в конформные виды деятельности, тем меньше его шансы стать правонарушителем. И наоборот.

Теории конфликта

Под этим названием объединяется значительный круг криминологических концепций, берущих свое начало от социологических теорий конфликта, связанных с именами *К. Маркса, Г. Зиммеля* (1858–1918), *Р. Дарендорфа* (р. *1929), Л. Козера*.[263] Их общая суть – *вскрытие конфликтной природы социального бытия,* в отличие от структурно-функционального подхода (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Р. Мертон и др.), тяготеющего к порядку, равновесию, устойчивости.

По определению Козера, *конфликт* – это такое поведение, которое влечет за собой борьбу между противными сторонами из-за дефицитных ресурсов и включает в себя попытки нейтрализовать, причинить вред или устранить противника.[264]

Криминологи, придерживающиеся теорий конфликта, также считают, что «конфликт есть естественное состояние человеческого общества».[265]

Одной из первых криминологических теорий конфликта была концепция *конфликта культур* Селлина, о чем говорилось выше.

Дж. Волд разработал теорию *группового конфликта* (1958). Каждый индивид и каждая социальная группа стараются сохранить или повысить свой статус. В результате возникают конфликты, нередко порождающие преступления. С точки зрения Волда, «преступность есть феномен, обязательно сопровождающий социальные и политические конфликты, ведущиеся с целью удержания или улучшения позиций групп в борьбе за власть в обществе».[266]

Более общая теория конфликта разработана *О. Тэрком* (р. 1934)[267] и *Р. Кушни* (р. 1934).[268] В обществе постоянно идет борьба за власть. В этой борьбе властные структуры используют

криминализацию (провозглашение тех или иных действий преступными) в целях давления и подавления. «Криминализация – это скорее методика ослабления позиций противника, чем основанная на справедливости будничная работа по поддержанию контроля за преступностью».[269] В руках властной структуры орудием борьбы выступает не только процесс криминализации нежелательных, с ее точки зрения, деяний, но и *реализация* уголовного запрета. И этот процесс носит избирательный характер: уголовный закон применяется против неугодных лиц и «молчит», когда дело касается «своих» («селективность» полиции и уголовной юстиции).

Теория конфликта, по Куинни, базируется на представлении о человеке и обществе как процессе, конфликте, власти и социальном действии. Конфликт между людьми, социальными структурами или элементами культуры является нормальным состоянием общественной жизни. Опыт учит, что мы не можем достичь согласия по всем или большинству ценностей и норм. *Конфликт* выполняет вполне определенные социальные функции, он делает больше для возрастания, чем для уменьшения адаптации и упорядочения социальных связей и групп. *Власть* есть базовая характеристика социальной организации. Конфликт и власть тесно переплетены в общественных представлениях. *Преступление,* с точки зрения Куинни, это определение человеческого поведения, создаваемое уполномоченными агентами политической организации общества. «Преступление есть творение» *(crime is created),* – подчеркивает он.[270] Социальная же реальность преступления есть *сконструированное* путем формулирования и применения уголовное определение (состав преступления. – *Я. Г.),* развитие поведенческих образцов *(pattern),* соответствующих этим определениям, и конструкция уголовных концепций.

«Ни мечты о земном рае, ни призраки земного ада не отражают адекватно социальных реалий. Напротив, реальная социальная жизнь является постоянным напряжением между утопизмом и реализмом»,[271] – пишет Тэрк. Он трезво оценивает роль власти, конфликта, политической преступности. (Возможно, именно он является родоначальником криминологии политической преступности, которая в России начинает формироваться в последнее время). Ключ к пониманию процесса политической организации на социетальном уровне лежит в анализе взаимосвязей между политической преступностью и политической полицией. «Политическая преступность становится понятной как социально определяемая реальность, продуцируемая конфликтом между людьми, которые претендуют

на власть, и людьми, которые сопротивляются или могут сопротивляться этим субъектам».[272] Этими словами заканчивается цитируемая работа Тэрка. Заканчивается и наш краткий анализ основных направлений «модернистской», теперь уже почти «классической», криминологии.

§ 4. Современные криминологические теории. Постмодернизм

Очень трудно провести границы между достаточно современными криминологическими теориями 60–70-х гг. минувшего столетия, рассмотренными (и не рассмотренными) выше, и «самыми современными», в том числе постмодернистскими, теориями. Не случайно авторы зарубежных учебников и специальных исследований[273] очень по-разному относят те или иные концепции к «критической» и/или «радикальной» криминологии, к постмодернизму. Здесь еще много не устоявшихся оценок.

Все же нельзя совершенно уклониться хотя бы от самого общего обзора «самого современного» состояния мировой криминологической мысли, сколь бы спорным ни оказались наши собственные оценки.[274]

Предварительно заметим, что новейшую критическую (радикальную), а тем более постмодернистскую криминологию характеризуют:

• весьма критическое отношение ко всем предшествующим теориям;

• весьма критическое отношение к современным общественным, политическим, властным структурам и отношениям;

• социальные структуры, социально-экономическое неравенство служит источником преступности;

• радикально релятивистский подход к самим понятиям «преступность» и «преступление», как социальным (политическим) конструктам;

• нередко – обновление методологического инструментария. Пожалуй, определенной вехой возникновения «радикальной» криминологии служит книга трех английских авторов – *Я. Тэйлора, П. Уолтона и Дж. Янга – «Новая криминология»* (1973).[275] В ней обобщаются критические теории, отчетливо просматривается неомарксистская критика современного общества, при этом не отвергается с порога и «буржуазная» криминология. Преступление определяется как причинение социального вреда. Правонарушитель сам рассматривается как

двойная жертва – общества и уголовной юстиции. Последняя критикуется как отражение существующего господства. Авторы исходят из того, что важным криминогенным (вообще «девиантогенным») фактором является *неравенство возможностей,* присущее современному капиталистическому обществу. Неравенство возможностей в свою очередь является результатом неравенства классового, полового или этнического. Авторы называют это «политической экономикой преступности». В этих условиях люди более или менее сознательно делают *выбор,* который может оказаться преступным (девиантным) – «социальная психология преступности». Но возможность выбора принадлежит не только индивиду, но и обществу (государству), которое может криминализировать ту или иную поведенческую реакцию и заклеймить ее автора («социальная психология общественной реакции»). Иначе говоря, Тэйлор, Уолтон и Янг пытались объяснять преступность и преступление на различных уровнях, выстраивая систему детерминирующих факторов. По словам Айнштадтера и Генри, «вместо взгляда на некоторых людей как „плохие яблоки“ или как причиняющих другим яблокам вред, критические криминологи видят в обществе „плохую корзину“ в которой все больше яблок будет портиться… Решение – только в новой корзине».[276]

Позднее Я. Тэйлор продолжал вскрывать экономические и политические предпосылки преступности в современном мире «свободного рынка».[277] Он не скрывает социалистические корни своих криминологических взглядов.[278] Пользуюсь случаем отдать дань светлой памяти Яна Тэйлора, много сделавшего для восстановления и упрочения научных связей между криминологами городов-побратимов – Санкт-Петербурга и Манчестера.

Имя Дж. Янга еще не раз будет упоминаться, в частности, в связи с концепцией «inclusive/exclusive».

Р. Куинни и *В. Чемблисс (Chambliss)* рассматривают правопорядок в современном западном обществе как систему, созданную классом капиталистов для обеспечения своих интересов. Для финской исследовательницы *Антиллы* (равно как для А. М. Яковлева) преступники в современном обществе служат «козлами отпущения».

Достаточно радикальны и взгляды некоторых современных немецких криминологов. *М. Брустен* настойчиво проводит мысль о селективности самой уголовной юстиции и применения ею уголовных санкций, подтверждая это результатами эмпирических исследований. *Ф. Зак* ставит под сомнение обоснованность имеющихся определений преступления и преступности. Он

предлагает анализировать предмет криминологии с точки зрения различных дискурсов (о роли дискурсивного подхода в криминологии см. ниже). Зак усматривает значительную зависимость криминологии и ее различных теорий от политических властных структур. Он негативно относится к современным мировым тенденциям глобализации и «экономизации» жизни и сознания. «Примат экономики губителен для общества в целом и криминологии в частности… В обществе с приматом экономики не мораль, а деньги играют главенствующую роль в регулировании поведения».[279] Поэтому усиливается репрессивная политика и сознание: богатым надо максимально защищать свою собственность, свои привилегии.

Авторы «Новых направлений в социологической теории» – *П. Филмер, М. Филипсом, Д. Силверман, Д. Уолш,* будучи сторонниками *феноменологического* направления в социологии, не могли не затронуть проблемы девиантности и преступности. Их основная идея – *конвенциональный характер и девиантности, и преступности.* С их точки зрения, отклонение «не внутренне присущее тому или иному действию качество, а следствие соотнесения действий с правилами и применения санкций к нарушителю… Социальное отклонение – это в значительной степени приписываемый статус, в нем фиксируются не только поступки самого отклоняющегося индивида, но и действия окружающих его людей».[280]

Соответственно, и «преступление (и преступник) – не «объективная» категория действия (и действующего лица), причины которого могут быть изучены, а совокупность обыденных социальных значений, используемых членами общества для обозначения некоего рода действий и лиц… Штампование «преступников» – это в прямом смысле слова социальная *работа,* она есть продукт практической деятельности некоторых организаций, отражающий и поддерживающий представления их сотрудников о социальной структуре».[281] Как юридическая категория преступление это то, что нарушает закон. «И в этом смысле единственной причиной преступления является сам закон».[282]

«Левый реализм» (left realism), как и два предыдущих течения, родился в Англии. Его сторонники исходят из того, что не только среди преступников, но и среди жертв преступлений большинство составляют представители низших классов, рабочие, те, кто также страдает от неравенства. Исходя именно из их интересов, следует усиливать борьбу с преступностью. Преступность нарушает

качество городской жизни (Matthews, 1987). Более полное представление о преступности включает взаимосвязь преступника и жертвы, а также их обоих с представителями уголовной юстиции. И левые реалисты, и «радикалы» критикуют «административную криминологию», которая, отвлекаясь от причин преступности, сосредотачивается на мерах социального контроля над ней.[283]

Родословная *феминизма* в криминологии (Dorie Klein, Rita Simon, Freda Adler, Carol Smart) включает феминистское движение, критическую криминологию, а также интерес к изучению женской преступности. Различают несколько направлений криминологического феминизма: либеральный, радикальный, марксистский, социалистический. Если либеральный феминизм на вопрос, в чем причина преступности, скромно отвечает – в социализации по полу (в ее особенностях), то радикальный утверждает: «преступления – мужское, не женское поведение. Это мужская биологическая природа – быть агрессивным и господствовать».[284]

Если идеологическая составляющая феминизма в криминологии общая для феминистского движения вообще, то акцентирование внимания на исследовании женской преступности вносит достойный вклад в науку. Подробный анализ феминистской криминологии представлен в вышеназванной монографии А. Л. Сморгуновой.[285]

Как относительно самостоятельное течение в криминологии иногда рассматривают *аболиционизм.* Его последователи (прежде всего, норвежские криминологи *Т. Матисен, Н. Кристи,* а также голландец *Л. Хулсман,* американец *Х. Пепинский,* канадка *Р. Моррис,* полька *М. Платек* и др.) выступают против современной пенитенциарной (тюремной) системы, за альтернативные уголовной юстиции меры социального контроля. Подробнее об этом пойдет речь в ч. IV книги.

Х. Пепинский и *Р. Куинни* являются основателями *«миротворческой криминологии-» (peacemaking criminology)*. Их усилия направлены на то, чтобы традиционную «войну с преступностью» заменить на «мир с преступностью»[286] (что отнюдь не означает оправдания преступлений, речь идет о выработке оптимальной стратегии противодействия преступности). Эскалация преступности, особенно насильственной, в современном мире связана с эскалацией насилия со стороны государства, с институтом смертной казни и жесткими условиями пенитенциарных учреждений. Да,

преступники причиняют зло, но если мы хотим изменить мир, мы должны начать с изменения самих себя.

«Система уголовной юстиции основана на насилии. Эта система предполагает, что насилие может оборачиваться насилием, зло влечет зло».[287]

Миротворческую криминологию нередко обвиняют в нереалистичности, утопичности. Однако ее идеи приобретают все больше сторонников, причем среди не только ученых, но и практических работников (судей, прокуроров, полицейских). Не случайно в официальном докладе Американской национальной комиссии по уголовной юстиции (1996) предлагается перейти от стратегии «войны с преступностью» к стратегии «меньшего вреда» *(harm reduction)*. К этой теме мы еще вернемся позднее.

Постмодернизм

Постмодернизм в науке и искусстве – очень широкое, очень «модное» и не строго очерченное явление. «Постмодернизм и постструктурализм – сложны для определения и понимания»,[288] – сетует один из их исследователей.

Постмодернизм зарождается во второй половине XX в. как реакция на крушение иллюзий и мифов относительно человеческого разума, порядка, прогресса, развеянных страшными реалиями Освенцима, Холокоста, ГУЛАГа и т. п. Основоположниками постмодернизма обычно называют Ж. Лиотара и М. Фуко, хотя последний не считал себя постмодернистом.

Постмодернизм характеризуется интенсивным скептицизмом по отношению к науке, релятивизацией всех знаний.

Релятивны (относительны) и являются социальными *конструктами* – ценности, нормы, то, что называют преступностью, а также само общество как источник преступлений. Преступления причиняют вред, но он порождается и всей рутинной практикой, социальными институтами, такими как труд, бюрократия, правительство, право и семья. Знания и «истина» – также социальные конструкты. Одна из главных причин конфликтов и зла в обществах – результат вложения человеческой энергии в «дискурсивные различия»,[289] веры в их реальность, защиты их и навязывания их другим.

Постмодернизм отражает переход от классовой структуры к обществу фрагментарному. Но чем более фрагментарно общество, тем больше в нем нормативных субкультур (а, следовательно, и

вариантов «отклонений»). И кто вправе судить, чьи нормы «правильнее» и что есть «отклонение»?

На сегодняшний день лучшей отечественной работой, специально посвященной постмодернизму в праве, является, с моей точки зрения, книга И. Честнова «Правопонимание в эпоху постмодерна».[290] Обратимся к некоторым характеристикам постмодернизма, представленным в ней.

«Постмодерн выступает, прежде всего, рефлексией, критической позицией относительно эпохи модерна и показывает, что индустриальное общество достигло пределов своего развития и дальнейшее экспоненциальное его развитие невозможно – оно неизбежно приведет к глобальной катастрофе. Постмодерн ставит под сомнение такое исходное основание эпохи модерна, как вера во всемогущество человеческого разума, в его возможность познать абсолютную истину и на этой основе преобразовать весь мир».[291] Критицизм постмодерна распространяется и на представления о праве, демократии, привычном правопонимании. Главные проявления постмодернизма, по мнению Честнова, – релятивизм как взгляд на мир, отказ от истины, новое представление о социальной реальности.[292] Отсюда и присущая постмодернизму ироничность.[293] (Ироничность как необходимое условие деятельности исследователя, ученого отмечалось еще в 1975 г. В. С. Библером: «Постоянная ирония восприятия и делания пронизывает все сознание исследователя… Теоретик Нового времени встает над этой своей деятельностью, он необходимо ироничен, гиперкритичен, отстранен от своей собственной деятельности, он должен – хочет, не хочет – учитывать и свою роль „дурака“, и роль „шута“, и роль „мудреца“»[294]).

Постмодернисты рассматривают связи между человеческой активностью и языком в конструировании значений, истины, справедливости, власти, знаний.

Основная претензия постмодернизма к модернизму заключается в том, что последний вел скорее к угнетению, чем к освобождению. «Должна ли социология, наряду с другими типами гуманитарного знания участвовавшая в создании бентамовского Паноптикона, – т. е., в конечном счете, всеобщей тюрьмы, – с прежним миссионерским жаром взяться за построение всеобщего постмодернистского Бедлама?», – вопрошает З. Бауман.[295]

Различают постмодернизм *скептический* и *утверждающий.* Сторонники первого сосредоточены на отрицании, критике предшествующих постмодернизму представлений о социальных реалиях, включая преступность. Представители второго стремятся к «реконструкции», переоценке, «перестройке» знаний и

представлений об изучаемых феноменах.

Хотя *Фуко,* как уже упоминалось, сам не относил себя к постмодернистам, его идеи явно находятся в русле постмодернистских концепций. Девиантность относительна. В Древней Греции, да и в Древнем Риме, «нормальна» была как гетеро-, так и гомосексуальность.

В книгах «История безумия» (1961), «Рождение клиники» (1963), «Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы» (1975) Фуко исследует преступность, проституцию, бродяжничество, нищету, безработицу, сумасшествие в контексте власти. Книги Фуко представляют «через посредство изучения мира отклонений, далеко идущие разоблачения условностей и механизмов в нашем совершенно нормальном обыденном обществе».[296] В конечном счете, новая дисциплинарная общественная формация с ее всеохватывающей дисциплинарной властью ассоциируется с тюрьмой. Этот образ «общество-тюрьма» не раз будет повторяться в исследованиях современных зарубежных и отечественных авторов.[297]

Фуко сам был «девиантом»: творцом, разрушителем привычных догм в науке, да и «сомнительной» сексуальной ориентации. «Мы имеем дело с аутсайдером, который пошел собственным путем, который перевернул привычные представления и условности. В этом смысле его жизнь и творчество представляют единое целое».[298] Да, пожалуй, и смерть: Фуко стал одной из первых жертв СПИДа.

Одной из «классических» постмодернистских работ является книга Э. Янг, название которой весьма условно можно перевести как «Образ преступления: Человек, объявленный вне закона и криминальные беседы».[299] Автор рассматривает преступление как *понятие,* используемое работниками уголовной юстиции, криминологами, социологами, политиками, журналистами (различные дискурсы). К исследованию проблемы привлекается материал философский, литературоведческий, криминологический, феминистский и др. В соответствии с постмодернистским подходом, Янг сосредоточивает внимание на «материальной» роли языка в изображении преступления посредством метафор, символов и т. п. Одна из ее задач – показать репрессивность понятия общности. Нарушителя («человека вне закона») следует исключить из общества. Для Дюркгейма общность двойственна – общность горожан, она же общность правонарушителей. Янг интересуется структурой этой двойственности и тем, как она влияет на создание *образа* преступления. Другая тема – феминистическая. Автор исследует проблему семьи, одинокой матери, которая оказывается

единственным лицом, ответственным за преступления детей. Казалось бы медицинские проблемы больных СПИДом и ВИЧ-инфицированных Янг рассматривает с юридико-криминологических позиций (их положение в пенитенциарных учреждениях, лишение их страховых полисов и др.). Одна из задач автора – «делать невидимое видимым». Этого она пытается достичь и с помощью анализа детективной литературы. Для Янг как представительницы постмодернизма (в феминистическом варианте) и история, и культура – *открытые тексты,* позволяющие бесконечно по-разному их прочитывать. Она призывает читателя «прочесть криминологию не криминологически».

Переоценка всего и вся, «реконструкция» и «перестройка» заставляют постмодернизм существенно переосмысливать саму методологию исследования. Как упоминалось в гл. 1 нашей книги, постмодернизм в криминологии обращается к таким общенаучным концепциям, как теория хаоса, теория катастроф, синергетика, квантовая механика, к таким понятиям, как «странный аттрактор», бифуркация. Не имея возможности сколь либо подробно изложить методологические основы постмодернизма, отсылаем заинтересованного читателя к соответствующей литературе.[300]

Одной из разновидностей постмодернизма является *конститутивная* криминология.[301] Ее суть заключается в том, что преступность и контроль над ней не могут быть отделены от тотального (всеобщего) структурного и культурного контекста, в котором они продуцируются. Это утверждение противостоит мнению традиционной криминологии о возможности самостоятельного (раздельного) анализа преступлений, независимо от контекста. Преступность – интегральная часть тотального продукта общества. Поэтому криминологический анализ преступности должен осуществляться в общей социальной картине, наравне с другими составляющими общества. И это непростая задача.

Преступление – социально сконструированная категория. «Право – это игорный дом властей, преступление – их мышеловка».[302]

Конститутивная криминология переосмысливает преступление как вредные последствия вложения человеческой энергии во властные отношения. Преступление – это «власть отрицать других». Такие человеческие беды, как «преступления», вытекают из отношений неравенства. В современных индустриальных странах Запада зло группируется вокруг

следующих различий: экономических (класс, собственность), политических (власть, коррупция), морально-этических, прав человека, социального статуса (статус, престиж, неравенство), психологического состояния (безопасность, благополучное существование), самореализации/актуализации, биологической целостности и др.[303]

Д. Гарланд (D. Garland), не относясь, строго говоря, к постмодернистам, продолжает линию Фуко, исследуя роль власти в определении стратегии социального контроля.[304] Гарланд увязывает социальные изменения последних десятилетий, сконцентрированные в изменяющейся *культуре,* новые вызовы среднего класса *(middle class),* обеспокоенного преступностью с противоречивой политикой властей. С одной стороны, это *адаптивная* стратегия приоритета превенции и партнерства (разновидностью является концепция *community policing,* о которой пойдет речь в ч. IV). С другой стороны, стратегия *полновластного* государственного контроля и «экспрессивного» *(expressive)* наказания.[305]

Если уж произнесено слово «культура» (в связи с работами Гарланда), нельзя не сказать о *«культуральной криминологии»,* которую развивают, прежде всего, *Дж. Янг (J. Young)*,[306] а также Дж. Феррел (J. Ferrel), К. Хейворд (K. Hayward) и др. В самом общем виде культуральная криминология есть рассмотрение преступности и контроля над ней в контексте культуры, взгляд на преступность и агентов контроля как на культуральные продукты, созданные конструкции *(as creative constructs)*.[307] В этом отношении культуральная криминология, с нашей точки зрения, есть дальнейшее углубленное развитие современных конструктивистских идей «сотворенности» социальных феноменов (преступности, проституции, коррупции, терроризма, наркотизма и др.).

Тенденциями современной культуры, влекущими криминологически значимые последствия, служат фрагментаризация общества с увеличением числа субкультур, углубление социально-экономического неравенства, консьюмеризация ценностей и морали («общество потребления»), динамичность перемещения людей в пространстве (соответственно – смешение культур), усиление репрессивного сознания (прежде всего – среднего класса), репрессивность власти.

Д. Янг является одним из тех криминологов, которые применяют социологическую концепцию дифференциации людей на «включенных»/«исключенных» *(inclusion/exclusion)* для объяснения преступности в современном мире.[308] Но об этом

подробнее в гл. 6.

Культуральная криминология по сути является мультидисциплинарной концепцией, сочетающей исследование культуры, урбанистики, философии, постмодернистской критической теории, антропологии и др. Очевидно, это одна из интегративных теорий, к краткому анализу которых мы и перейдем.

Множество криминологических теорий и обширный эмпирический материал привели с конца 70-х гг. прошлого века к попыткам создания обобщающих, *интегративных* теорий на основе наиболее плодотворных элементов уже существующих.[309] Характерно, что практически все интегративные (да и многие другие) криминологические теории исходят из *единого* объяснения *девиантности,* включая преступность.

М. Ланье и С. Генри различают два вида интеграции: модернистскую и «холистскую» (холизм предполагает рассмотрение общества как единого целого, как системы).[310] Теоретическая интеграция представляет собой комбинацию из двух и более уже существующих теорий. Например, интегративная теория может ориентироваться на теорию научения, используя при этом теорию социального контроля с учетом влияния классовой структуры и социальной экологии. Так, *Эйкерс (Akers)* в своей концепции «поглощения» заимствует понятия теории научения и теории социального контроля, переосмысливая их по-своему. Аналогично *Пирсон и Вайнер* на основе тех же теорий (научения и контроля) создают свою интегративную концепцию.

Д. Эллиот (1979) с коллегами, пытаясь объяснить делинквентность подростков, построил интегративную теорию на основе теории напряжения, контроля и социального научения. В конечном итоге делинквентное поведение объяснялось через напряжение и неадекватную социализацию, которые приводят к ослаблению разрешенных связей и к усилению делинквентных связей с учетом процесса социальной дезорганизации.[311]

К интегративным относится и *теория баланса контроля Ч. Титтла (Tittle)*.[312] Прежде всего Титтл подчеркивает взаимосвязи девиантности и преступности. Общая теория девиантности должна быть применима ко всем девиантным проявлениям. Баланс контроля предполагает соотношение (пропорции) суммарного количества того контроля, который осуществляют индивиды, и того контроля, который осуществляется по отношению к ним. При нарушении баланса контроля появится дефицит свободы. Для подтверждения и

конкретизации теории баланса контроля требуются многочисленные эмпирические исследования, – утверждает Титтл. Только тогда можно будет показать, как пропорции контроля варьируют в зависимости от обстоятельств и широкого социального контекста.

Несколько амбициозно представляет *Дж. Брейтуэйт* свою интегративную теорию *«восстановленного стыда»*.[313] Он называет те концепции, которые интегрированы в его общую теорию: теория контроля, субкультур, дифференцированной ассоциации, напряжения, стигматизации.

Автор исходит из того, что общества, в которых у людей, с одной стороны, развито чувство стыда, а с другой стороны, порицания за постыдный поступок корректны и не чрезмерны, характеризуются низким уровнем преступности (например, Япония). Брейтуэйт считает необходимым *восстановить* чувство *стыда* там, где оно утратило значение, не прибегая к позорящей стигматизации. Очень важно, чтобы общество было солидарно в оценках дозволенного и недозволенного, постыдного и не постыдного.

Формального контроля явно недостаточно для решения столь сложной социальной задачи. «Я уверен, – пишет Брейтуэйт, – что если к решению проблемы преступности и исправлению нравов не будет привлечена община, то власть закона сведется к бессмысленному набору процедур и санкций, которые будут иметь в глазах людей произвольный характер». Если стыд – путь к законопослушанию в результате свободного выбора, то репрессивный социальный контроль – путь к законопослушанию принудительному т. е. ненадежному кратковременному. Воссоединяющий стыд – средство предупреждения преступлений, клеймение же толкает правонарушителя к криминальной субкультуре. Внушение стыда, если оно не переходит в клеймение, служит наилучшим средством социального контроля.

Завершая краткий обзор зарубежных криминологических теорий, остается лишь напомнить, что за рамками сказанного остается море идей.

Б. История Российской криминологии

История отечественной криминологии в соответствии с общественно-политическими условиями, влияющими на ее развитие, может быть разделена на несколько периодов:

1) от первых идей (начало XIX в.) до 1917 г.;

2) с 1917 г. до начала 30-х гг. XX в.;

3) с начала 60-х до конца 80-х гг. XX в.;

4) с конца 80-х гг. ушедшего столетия до наших дней.

Лакуна с начала 30-х до начала 60-х гг. минувшего века образовалась в годы советского тоталитарного режима, когда какие бы то ни было труды в области криминологии оказались невозможны.

§ 5. От истоков до 1917 г. [314]

В истории отечественной криминологии ее предвестником называют обычно *А. Н. Радищева,* который в своем труде «О законоположении» (1802) поставил вопрос о необходимости изучения преступности, ее причин, представил анализ уголовно-статистических сведений. Известно также, что Радищев многие беды тогдашней России, включая преступность, связывал с нищетой населения и лихоимством властей.

Любопытно, что один из руководителей декабристов – Пестель в своей «Русской Правде» записал: «Смертная казнь никогда не должна быть употребляема», мотивируя это, в частности, необратимостью судебных ошибок.

Результаты одного из первых эмпирических исследований убийств и самоубийств были представлены академиком *К. Германом* на заседаниях Российской Императорской академии наук 17 декабря 1823 г. и 30 июня 1824 г. в докладе «Изыскание о числе самоубийств и убийств в России за 1819 и 1820 годы». Автор доклада сравнивал число убийств и самоубийств по отдельным губерниям России, сопоставляя их с уровнем пьянства, экономическим положением, социально-политическими условиями (например, последствия войны 1812 г. в Смоленской губернии, где отмечался повышенный уровень самоубийств). В результате Герман делает удивительно глубокий для своего времени вывод, усматривая главные причины исследуемых явлений в *крайностях,* в диких нравах или утонченной цивилизации, в анархии или политическом гнете, в нищете или чрезмерном богатстве. И еще один вывод, значимый до сегодняшнего дня: динамика числа убийств и самоубийств за ряд лет «позволяет по крайней мере частью узнать нравственное и политическое состояние народа». Доклад Германа не был опубликован на русском языке, ибо, по мнению министра народного просвещения А. С. Шишкова, «подобные статьи, неприличные к обнародованию оных, надлежало бы к тому, кто прислал их для напечатания, отослать назад с замечанием, чтобы и впредь над такими пустыми вещами не трудился. Хорошо извещать о благих делах, а такие, как смертоубийства и самоубийства, должны погружаться в вечное забвение».[315] К

сожалению, сам подобный подход не погрузился в вечное забвение… Лишь в 1832 г. работа Германа была опубликована во Франции.[316]

Несмотря на пионерское начинание Германа, развитие криминологической мысли в России было существенно затруднено проблемами получения, обработки, анализа и публикации данных. Плохо налажена система уголовной статистики, отсутствует социологическая школа, исследователи испытывают давление со стороны властей, для которых криминальная информация неудобна, да и не нужна.

В России, как и во многих других странах, криминология вызревает в недрах уголовно-правовой науки. Идея о «криминологическом» расширении рамок уголовного права впервые в России была высказана в работах *М. В. Духовского и И. Я. Фойницкого* (70–90-е гг. XIX в.). Так, Духовской главной причиной преступности считал общественный строй, «дурное экономическое устройство общества, дурное воспитание». Оба автора полагали, что, согласно данным уголовной статистики, источник преступлений коренится не только в личности преступника, но и в обществе; поэтому нельзя исходить из «свободной воли» преступника (постулат классической школы уголовного права); поэтому же нельзя рассчитывать на наказание как единственное или главное средство контроля над преступностью; необходимо изучать социальные причины преступлений, расширив тем самым рамки традиционного (догматического) уголовного права.

Хотя далеко не все российские криминалисты («классики») были согласны с этими положениями «социологов», в последующем уже стало невозможным не включать в курсы уголовного права разделы, посвященные индивидуальным, экономическим, социальным и даже космическим факторам преступности.

Далее отечественная криминология развивалась в русле мировой криминологии, включая различные направления (антропологическое, психологическое, социологическое).

Антропологическое направление в России было представлено, прежде всего, трудами *Д. А. Дриля* «Преступный человек» (1882), «Психофизические типы в их соотношении с преступностью» (1890), «Преступность и преступники» (1899) и др. Однако, в отличие от Ломброзо (во всяком случае, раннего), русский исследователь придавал большое значение и средовым, социальным факторам. В первой из вышеназванных книг он пишет: «Преступность возникает обыкновенно на почве

болезненной порочности и исцеляется или медицинским лечением, или благоприятным изменением жизненной обстановки. Эта болезненно-порочная природа передается далее путем унаследования различных дефектов».[317]

Во второй половине XIX в. вопросы антисоциального поведения, включая преступное, интересовали и российских психиатров. Вслед за первым курсом психопатологии для юристов *А. У. Фрезе* появляются лекции по судебной психопатологии *В. Ф. Чижа,* «Судебно-психиатрические анализы» *П. И. Ковалевского.* На Третьем Пироговском съезде (1888) *С. Н. Данилло* выступил с докладом «О помешанных преступниках», на Пятом (1893) – Чиж с докладом «Медицинское изучение преступника».

Однако в целом антропологическое направление в России было развито значительно слабее, чем за рубежом.

Социологическое направление оказалось господствующим в стране.

О дополнении юридического метода социологическим в науке уголовного права в 1912 г. пишет *Н. Н. Полянский.* Социологический подход в изучении и объяснении преступности последовательно отстаивает *Х. М. Чарыхов*.[318]

В России была неплохо представлена *экономическая* школа. Так, *Е. Н. Тарновский* (1898), проанализировав динамику числа краж и хлебных цен за 20 лет (1874–1894), сделал вывод о решающем значении цены на хлеб – как показателя экономического состояния общества – на имущественные преступления. В связи с этим он усматривает в борьбе с экономической нуждой массы населения одновременно и средство против преступности. Другую причину последней он видит в пьянстве и неустроенности досуга людей.

В России получила развитие *многофакторная* теория преступности. И уже упоминавшиеся *Фойницкий* и *Чарыхов,* и *А. А. Жижиленко* исходят из того, что преступность как сложное социальное явление обусловлена многочисленными факторами различного уровня: экономическими, социальными, демографическими, психологическими, природными. Фойницкий выделяет три группы факторов – физические, общественные и личные, отдавая первенство общественным. По классификации Жижиленко, криминогенные факторы находятся (1) в окружающей природе, (2) в индивидуальных особенностях личности, (3) в условиях социальной среды.[319]

Трудно переоценить роль *М. Н. Гернета* (1874–1953) в развитии отечественной криминологии вообще, социологического направления в особенности.[320] В своих трудах «Социальные

факторы преступности» (1905), «Общественные причины преступности» (1906), «Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества» (1916) Гернет на основе огромного эмпирического материала как по России, так и в сравнении с другими европейскими странами, обосновывает социологический подход к преступности как сложному социальному феномену, порождению общества. Позднее (1926) Гернет напишет, что единственной причиной преступности является «весь социально-экономический строй».

Им прослеживаются корреляционные зависимости между уровнем преступности, ее отдельных видов и полом, возрастом, социальным статусом, алкоголизацией и наркотизацией населения, уровнем самоубийств. Он же, пожалуй, впервые рассматривает закономерности пространственно-временного распределения преступлений.

В генезисе преступности Гернет уделяет особое внимание социальному неравенству как источнику различных форм девиантности. Он солидарен с выводами Турати: «Классовые неравенства в обществе служат источником преступлений… Общество со своими неравенствами само является соучастником преступлений».[321]

Гернет постоянно ставит вопрос о необходимости введения «моральной статистики», которая учитывала бы, наряду со всеми значимыми показателями преступности, также сведения о самоубийствах, алкоголизме, наркотизме, проституции.

Им исследуются и отдельные виды преступлений. Несколько работ было посвящено аборту, автор выступает за декриминализацию этого деяния.

Нельзя не отметить либеральные взгляды тогдашней отечественной профессуры по проблемам наказания. Гернет, Духовской, Жижиленко, Фойницкий, а также А. Ф. Кистяковский, П. И. Люблинский, Н. С. Таганцев, В. Д. Спасович и многие другие выступали против жестокости наказания, против смертной казни.[322] Они отстаивали приоритет предупреждения преступлений путем решения социальных проблем.

Гернет называет смертную казнь «институтом легального убийства», он особо подчеркивает, что только самые реакционные круги России выступают в ее поддержку. И как вывод: «Смертная казнь должна быть вычеркнута из лестницы наказаний».[323] Сенатор, академик Н. С. Таганцев, выступая в Государственном Совете (1906), заявил: «Я 40 лет с кафедры говорил, учил и внушал молодежи… что смертная казнь не только не целесообразна, но и вредна… С теми же убеждениями являюсь я и ныне пред вами, защищая законопроект об отмене смертной

казни».[324] Очень интересным и, увы, актуальным и поныне, является ответ А. Ф. Кистяковского (1896) тем сторонникам смертной казни, что ссылаются на «мнение народа»: «Особенно странным представляется то, что защитники смертной казни в этом случае опираются на воззрения народные… Отчего те же защитники не прибегнут к воззрениям народным для разрешения других, первой важности государственных, общественных и научных вопросов, например вопроса о податях, о поземельной собственности, о кредите… Отчего, например, они же не считают необходимы преследовать ведьм, в которых народ так еще крепко верит?».[325]

Социологическая школа уголовного права и криминологии своей важнейшей задачей считала исследование взаимосвязей между социальными и экономическими процессами, социально-демографическими и психологическими характеристиками преступников, пространственно-временным распределением преступлений и – преступностью как общественным феноменом. Труды прогрессивных российских юристов конца XIX – начала XX в. в значительной мере заложили фундамент отечественной криминологии.

§ 6. От 1917 г. до наших дней [326]

Первые годы после Октябрьского переворота 1917 г. российская криминология продолжала развиваться силами старой профессуры.

В 20–30-е гг. внимание социологически ориентированных исследователей было сосредоточено на изучении экономических, социальных, демографических и иных *факторов* преступности. В этом направлении работают Гернет, Жижиленко и др.

В 1918 г. по инициативе Гернета в ЦСУ был создан Отдел моральной статистики. Появилась возможность систематического изучения статистических рядов преступности и ее видов (наряду со статистикой самоубийств и иных проявлений девиантности).

В учебниках и монографиях по уголовному праву по старой традиции сохраняются криминологические разделы (М. М. Исаев, 1925; А. А. Пионтковский, 1925).

Развивается отечественная *пенитенциарная криминология* (Гернет, Е. Г. Ширвиндт, А. Я. Эстрин и др.).

Еще одно направление криминологической мысли того времени – *клиническое,* сосредоточившее внимание на изучении индивидуальных характеристик преступника (В. В. Браиловский, Н. П. Бруханский, С. В. Познышев и др.). Познышев убежден, что основные причины преступности таятся в личности преступника,

в значительной степени определяемой наследственностью. Правда, ученый не отрицал и роли социальных факторов: «Преступление всегда имеет два корня: один лежит в личности преступника и сплетается из особенностей его конституции, а другой состоит из внешних для данной личности фактов, своим влиянием толкнувших ее на преступный путь».[327]

На страницах журнала «Пролетарская революция и право» (1918) проходит дискуссия о причинах преступности в советском государстве.

Большую роль в исследовании преступности сыграли кабинеты по изучению преступника и преступности. Первый такой кабинет открылся в 1918 г. в Петрограде. В Москве в 1925 г. был открыт Государственный институт по изучению преступности и преступника, подчинивший ранее разобщенные кабинеты, ставшие его филиалами. Институтом были выпущены четыре сборника «Проблемы преступности» (1926–1929). Именно в те годы было проведено много прикладных эмпирических исследований с использованием разнообразных методов: опрос, изучение материалов уголовных дел, анализ статистических данных, клинические методы обследования. В результате были созданы криминологические портреты детоубийц (Гернет), конокрадов (И. Гедеонов, Р. Люстерник), хулиганов и поджигателей (Т. Сегалов), насильников (И. Бруханский), убийц корыстных и из мести (И. Станкевич) и др.

Одновременно развивается антропологическое направление. Так, доктор А. П. Штесс на базе созданного им в 1922 г. в Саратове Кабинета криминальной антропологии и судебно-психиатрической экспертизы проводит соответствующие исследования. Позднее это «неоломброзианство» послужило поводом для политических обвинений.

К 20-м гг. относятся значительные криминологические исследования М. И. Гернета, Ф. Ф. Герцензона, В. И. Куфаева, Е. И. Тарновского, А. С. Шляпочникова и др.

Однако к концу 20-х – началу 30-х гг. в СССР складывается ситуация, исключающая возможность дальнейших исследований. Одни ученые были объявлены «ломброзианцами», другие (А. И. Трайнин, М. М. Исаев, А. А. Пионтковский и др.) – «псевдомарксистами». Г. И. Волков, Е. Г. Ширвиндт, А. С. Шляпочников, А. Я. Эстрин и многие другие были репрессированы. С криминологией фактически было покончено. В ограниченных размерах и исключительно с «классовых», «марксистско-ленинских» позиций можно было заниматься лишь историей (пятитомная «История царской тюрьмы» М. И. Гернета вышла в 1941–1956 гг.) или же критикой буржуазной правовой

науки и практики, включая криминологическую. В отечественной же уголовной политике и практике на первое место выходит борьба с «врагами народа»…

Долгий, мучительный, полный «зигзагов» и ритуалов (обязательная ссылка на Ленина, действующего генерального секретаря ЦК КПСС, решения последнего съезда КПСС или пленума ЦК КПСС) процесс возрождения отечественной криминологии начался лишь в 60-е гг., благодаря хрущевской «оттепели» и развенчанию культа личности Сталина.

Первые шаги – книги А. Б. Сахарова,[328] А. А. Герцензона,[329] В. Н. Кудрявцева,[330] И. И. Карпеца,[331] Н. Ф. Кузнецовой,[332] А. М. Яковлева;[333] открытие Всесоюзного института по изучению причин преступности и разработке мер предупреждения преступлений (1963); начало преподавания курса криминологии в юридических вузах страны (1964).

В 1974 г. выходят «Избранные произведения» М. Н. Гернета, в 1975 г. – сборник материалов Всесоюзного научного семинара по проблемам криминологии «Вопросы изучения преступности и борьбы с нею». В сборнике помещены статьи-доклады, в том числе о классификации причин преступности Н. Ф. Кузнецовой и о проблемах уголовно-статистической информации Г. И. Забрянского.

Нельзя не отметить первое крупномасштабное (на базе двух областей России) эмпирическое криминологическое исследование социальных условий преступности, осуществленное в 70-е гг. под руководством А. Б. Сахарова. Опубликованные программа (с инструментарием) и результаты исследования послужили стимулом к последующим работам.[334]

С конца 60-х – начала 70-х гг. криминология бурно развивается. В рамках настоящей работы можно лишь наметить некоторые ее направления.

Во-первых, это *общетеоретические* труды Г. А. Аванесова, Ю. Д. Блувштейна, С. Е. Вицина, В. Б. Волженкина, Я. И. Гилинского, А. И. Долговой, И. И. Карпеца, М. И. Ковалева, В. М. Когана, В. Н. Кудрявцева, Н. Ф. Кузнецовой, Д. А. Ли, В. В. Лунеева, Б. С. Никифорова, В. А. Номоконова, И. С. Ноя, Г. М. Резника, А. Б. Сахарова, Л. И. Спиридонова, Д. А. Шестакова, А. М. Яковлева и др. Важно отметить разделяемый этими авторами социологический взгляд на преступность как социальный феномен, порождаемый обществом. Чрезвычайно важно и другое. Если согласно официальной партийно-советской идеологии причинами преступности в СССР являлись «пережитки капитализма» («родимые пятна» капитализма) и

«капиталистическое окружение», то вышеназванные авторы старались по возможности утверждать научные взгляды на причины и условия преступности в «социалистическом обществе» (социальные противоречия, социально-экономическое неравенство, недостатки экономической, социальной, культурной политики). И здесь надо отдать должное тем из криминологов, кто, занимая высокие посты в научной или государственной иерархии, своими прогрессивными публикациями создавал плацдарм для деятельности остальных. Это, прежде всего, академик В. Н. Кудрявцев и генерал милиции профессор И. И. Карпец. Следует также заметить, что среди названных ученых несколько особую позицию занимал И. С. Ной. Не отрицая значения социальных факторов, он настойчиво отстаивал значимость биологических (антропологических) исследований в криминологии и роль биологического факторав генезисе преступного поведения.[335]

Во-вторых, развитие *методологии и методов* социологического исследования преступности и ее видов (Г. А. Аванесов, Ю. Д. Блувштейн, С. Е. Вицин, А. В. Добрынин, Н. Я. Заблоцкис, Г. И. Забрянский, Д. А. Ли, С. Г. Ольков и др.).

В-третьих, формирование и развитие относительно самостоятельных *направлений*[336] – преступность несовершеннолетних (Г. И. Забрянский, Г. М. Миньковский, С. Л. Сибиряков), насильственная преступность (С. Б. Алимов, Ю. М. Антонян, А. П. Дьяченко, А. Н. Игнатов, Э. Ф. Побегайло), семейная криминология (Д. А. Шестаков), виктимология (Л. В. Франк, П. С. Дагель, В. Е. Квашис, Д. В. Ривман, В. Я. Рыбальская), пенитенциарная криминология (А. С. Михлин, О. В. Старков, Г. Ф. Хохряков), экономическая преступность (Б. В. Волженкин, В. В. Колесников, А. М. Яковлев). В связи с формированием и развитием организованной преступности растет и число ее исследователей (А. И. Гуров, С. В. Дьяков, В. С. Овчинский, А. Л. Репецкая, Е. В. Топильская, Я. И. Гилинский). К началу XXI в. формируется криминология политической преступности (С. В. Дьяков, П. А. Кабанов, В. В. Лунеев, Д. А. Шестаков).

В-четвертых, теория, методология и методы территориальных исследований преступности, *«география преступности»* (Ю. Е. Аврутин, Ю. Д. Блувштейн, Я. И. Гилинский, А. А. Габиани, Р. Г. Гачечиладзе, А. Лепс, Э. Раска, К. Т. Ростов, Э. Г. Юзиханова и др.). Помимо ряда книг по этой тематике, в серии «Трудов по криминологии» Тартуского государственного университета выходили сборники «Теоретические проблемы изучения территориальных различий в преступности» (1985, 1988, 1989, 1990, 1991).

В-пятых, исследования *уголовной политики и превенции* преступлений (Н. А. Беляев, Ю. Д. Блувштейн, С. В. Бородин, С. С. Босхолов, П. С. Дагель, А. Э. Жалинский, К. Е. Игошев, Г. М. Миньковский, В. С. Устинов, Я. И. Гилинский и др.)

После длительного перерыва возобновился интерес к исследованию роли *психических аномалий* в генезисе преступного поведения (Ю. М. Антонян, С. В. Бородин, В. В. Гульдан, Н. А. Исаев).

В 1984 г. за заслуги в создании теоретических основ криминологии Государственная премия СССР была присуждена И. И. Карпецу, В. Н. Кудрявцеву, Н. Ф. Кузнецовой, А. Б. Сахарову, А. М. Яковлеву. А в 1998 г. Государственная премия Российской Федерации присуждена В. В. Лунееву за монографию «Преступность XX века: Мировой криминологический анализ».

Ликвидация советского государства и падение господства КПСС ознаменовались небывалой дотоле возможностью свободно творить в любой области науки, включая криминологию. Впервые за много лет стала открываться уголовная статистика (ежегодники «Преступность и правонарушения», начиная с 1990 г.), появилась возможность исследований и публикаций трудов без оглядки на идеологические и цензурные ограничения, стали реальными контакты с зарубежными коллегами и знакомство с мировой криминологической литературой. Не сразу и не все воспользовались такой возможностью. Но прорыв оказался историческим и, надо надеяться, бесповоротным.

За годы советской власти и в постсоветский период в криминологии сформировался ряд *научных школ* (грузинская, эстонская, дальневосточная и др.). Будучи ленинградцем-петербуржцем, отмечу лишь *ленинградскую/петербургскую криминологическую школу,* развивающуюся первоначально в рамках уголовно-правовой науки (М. Д. Шаргородский, Н. А. Беляев, Н. П. Грабовская, Н. С. Лейкина, П. П. Осипов и др.), а затем в качестве самостоятельной дисциплины (В. Н. Бурлаков, Б. В. Волженкин, Я. И. Гилинский, С. Ф. Милюков, В. В. Орехов, Д. В. Ривман, Л. И. Спиридонов, Д. А. Шестаков и др.).

Начиная с 1981 г. на юридическом факультете Ленинградского – Санкт-Петербургского государственного университета регулярно проводятся криминологические семинары, вначале под руководством М. Д. Шаргородского, позднее – Н. С. Лейкиной, затем – Д. А. Шестакова. Они давно приобрели характер межрегиональных и международных.

На базе петербургских учебных и исследовательских учреждений один раз в четыре года проходят Международные

Балтийские криминологические семинары (1991, 1995, 1999, 2003, 2007), а криминологи Петербурга – непременные участники этих ежегодных семинаров, традиционно проходящих также в Эстонии, Латвии, Литве. Кроме того, с середины 90-х гг. организуются тематические Международные криминологические конференции (по криминальному насилию, семейной криминологии, девиантологии, проблемам смертной казни и др.).

С 1992 г. семинары стали проходить в рамках Санкт-Петербургского криминологического центра, а с 1999 г. – Санкт-Петербургского криминологического клуба. В 2001 г. в Санкт-Петербурге вышел первый номер первого в России криминологического журнала «Криминология в развитии». Его судьба оказалась непростой, и с 2002 г. выходит его «наследник» – журнал «Криминология: Вчера, сегодня, завтра».

В целом Петербургскую криминологическую школу, по нашему мнению, характеризуют:

• либерально-демократические, прогрессивные инициативы как в годы советской власти (в пределах тогдашних возможностей), так и в постсоветское время;

• ориентация на мировую науку, активное сотрудничество с зарубежными коллегами, участие в международных проектах;

• сочетание теоретической направленности и эмпирических исследований (в начале 70-х гг. – на базе Орловской области, а затем исследование тяжких насильственных преступлений в Ленинграде и Ленинградской области; в 80-е гг. эмпирическое исследование делинквентности среди школьников Ленинграда; регулярные с конца 80-х гг. виктимологические опросы в Санкт-Петербурге, а в 2001 г. также в Волгограде и Боровичах; многолетнее – с 1995 г. – эмпирическое исследование организованной преступности; с середины 90-х гг. – серия эмпирических исследований наркотизма, вовлечения детей и женщин в занятие проституцией; многочисленные опросы в пенитенциарных учреждениях и др.).

Подведем некоторые итоги краткого изложения истории отечественной криминологии после 1917 г.

• Ко времени Октябрьского переворота 1917 г. российской криминологией был накоплен определенный теоретический и эмпирический багаж. Преимущественно было представлено социологическое направление. Многие исследования отечественной криминологии осуществлялись в русле мировой науки.

• Первые годы советской власти продолжалось развитие криминологии, постепенно ограничиваясь изучением личности

преступника. Так было легче избегать идеологического прессинга. Однако к началу 30-х гг. стала очевидной невозможность дальнейших исследований, многие криминологи были репрессированы. Наступил «перерыв постепенности» до начала 60-х гг.

• В 60–80-е гг. постепенно реанимировалась криминология как наука и учебная дисциплина. Был накоплен значительный эмпирический материал, формируются и развиваются отдельные направления (подотрасли) криминологических знаний.

• С конца 80-х – начала 90-х гг., благодаря горбачевской «перестройке», впервые за много лет появилась возможность свободно, без оглядки на «партию и правительство», без цензурных ограничений проводить исследования, публиковать их результаты, отстаивать собственную научную позицию.

• Тем не менее годы тоталитаризма, изоляционизма («железного занавеса») и фактического запрета на криминологию сделали свое дело. Мировая криминология развивалась безостановочно, мы же были на многие годы, десятилетия изолированы от нее. Международные научные связи были ничтожны. Любой «контакт» с иностранным коллегой мог оказаться роковым. Иностранная научная литература фактически не поступала в библиотеки. Такое наследие советского государства плюс слабое знание иностранных языков привели к тому, что до сих пор мы не можем в полной мере вписаться в мировую криминологическую науку, хотя многочисленные шаги в этом направлении предпринимались и предпринимаются.

Да удастся нашим ученикам то, что не успели мы!

Глава 6
Генезис преступности. Проблема причинности в криминологии

Нам следует набраться мужества для того, чтобы отказаться от тривиального представления о причинности, когда нам кажется, что одни и те же «причины», действующие на один и тот же «объект», обязательно должны порождать одни и те же следствия.

Н. Моисеев

В предыдущей главе были продемонстрированы многочисленные и, конечно же, далеко не все попытки ответить на вопрос о причинах существования и функционирования в обществе преступности. В этой главе будет представлена наша авторская позиция, столь же относительная и далекая от истины, как и все прочие.

С нашей точки зрения, вообще не существует какой бы то ни было единой (пусть «интегративной») и специфической только для нее причины преступности как социального феномена в силу следующих обстоятельств.

• Как уже отмечалось, причинно-следственная связь – лишь одна из форм взаимосвязей и взаимозависимостей между элементами системы или системами, причем связь достаточно жесткая и более или менее отчетливо выделяемая лишь на уровне относительно простых, механических систем. Уже биологические, а тем более социальные системы и протекающие в них процессы столь сложны, вероятностны, нелинейны, стохастичны, что выделить «причину-следствие» оказывается принципиально невозможно. В этом отношении социальные процессы ближе квантовой физике, нежели классической механике.

• Преступность, о чем также уже говорилось, – искусственный социальный конструкт, не имеющий качественной определенности (per se, sui generis) в реальной действительности. Нельзя найти специфическую причину конструкта, причудливо меняющегося во времени и пространстве по воле законодателя, власти. Такой поиск приводит к трюизмам: причина преступности

«весь социально-экономический строй» (Гернет[337]) или же – причина преступности есть уголовный закон, что вряд ли продвигает нас по пути познания объекта криминологии. При этом ясно, что «весь социально-экономический строй» порождает все социальные феномены, а не только преступность и даже не только девиантность в целом.

• Преступность проявляется в деяниях, признаваемых законодателем «здесь и сейчас» преступными. Содержательный диапазон таких деяний огромен – от убийства до надругательства над государственным гербом или флагом, от изнасилования до незаконной порубки деревьев и кустарников, от геноцида до фиктивного банкротства. Трудно себе представить, что еще может объединять все эти столь разнородные деяния кроме формального признака – нарушение уголовного запрета. Признак общественной опасности столь неопределенен, что не может сам по себе служить критерием выделения преступности без ссылки на указание в уголовном законе (ст. 14 УК РФ). Очевидно, не может быть общей причины у столь разнородных и качественно не определенных, не имеющих естественных границ явлений.

• Преступность – лишь один из видов девиантности. Анализ всех криминологических теорий приводит к выводу: какие бы «причины» преступности ни выдвигались, они всегда являются одновременно и «причинами» пьянства и наркотизма, самоубийств и проституции, административных проступков и гражданско-правовых деликтов, а то и просто аморального поведения. Иначе говоря, имеются обстоятельства (факторы), наличие которых делает более или менее вероятным девиантное поведение, а уж какую оно примет форму – чаще всего зависит от случайности или индивидуальных особенностей субъекта. Вообще, случайность в современной науке играет неизмеримо большую объяснительную роль, нежели причинность, жесткая детерминированность.[338]

Вместе с тем оставить преступность без каких бы то ни было объяснений – значит отказаться от криминологии как науки. Разрешение кризисной ситуации – за новой, «сумасшедшей» теорией, которая вышла бы за пределы существующих парадигм криминологии как «нормальной науки» (и потому первоначально была бы категорически отвергнута…).[339] Пока же таковая не появилась (это задача молодых, не отягощенных грузом накопленных знаний[340]), поразмышляем над некоторыми *факторами,* влияющими на состояние, уровень, структуру, динамику преступности. Впрочем, как и на иные проявления девиантности.

Как и всякое социальное явление (процесс), преступность не может быть объяснена «из себя самой», а лишь с позиции социального целого – общества, чью субстанцию образует совокупность общественных отношений. Многие методологические трудности при изучении преступности, пьянства, наркотизма, самоубийств, коррупции и т. п. возникают вследствие попытки их исследовать и объяснить как самостоятельные, изолированные феномены. Между тем каждое из этих (и других) социальных явлений, будучи в конечном счете порождением общественной субстанции, социального целого, общества – вплетено в систему общественных отношений данного социума и «переплетено» с иными социальными феноменами, процессами. Это еще один – дополнительный довод в пользу невозможности выделить *специфическую* причину преступности и только преступности.

Конечно, можно извлечь из арсенала криминологии множество факторов, так или иначе воздействующих на состояние и динамику преступности. Это и экономические факторы (от цены на хлеб или на нефть до децильного коэффициента и индекса Джини), и социально-демографические (пол, возраст, социальный статус, этническая принадлежность и др.), и культурологические (принадлежность к той или иной культуре, субкультуре, религиозной конфессии), и даже космические (корреляционные зависимости между уровнем убийств, самоубийств, воровства и солнечной активностью, фазами луны[341]). В результате факторного анализа можно определить и относительный «вес» каждого фактора в «криминогенном комплексе» отдельных видов преступлений.

Однако более глубоким нам представляется отыскание «ведущего звена» в «девиантогенном комплексе», объясняющем преступность наряду с прочими проявлениями девиантности. Другая задача – попытаться объяснить, какие факторы при наличии этого «ведущего звена», «разводят» различные формы девиантности (почему при наличии одних и тех же социальных условий одни совершают преступления, другие спиваются, третьи кончают жизнь самоубийством, а некоторые «уходят» в научное, техническое, художественное творчество).

Преступность проявляется через определенные уголовным законом действия, поступки людей. Между тем *все свои действия человек совершает, в конечном счете, ради удовлетворения тех или иных потребностей:* биологических, или витальных (в пище при чувстве голода, в питье при жажде, в укрытии от неблагоприятных погодных условиях, сексуальных или в

продолжении рода); социальных (в статусе, престиже, самоутверждении, самореализации и др.); духовных, или идеальных (поиск смысла жизни, цели существования, бескорыстное стремление к знанию, творчеству, служению другим людям).

Потребности людей *распределены относительно равномерно* (в современном развитом обществе люди нуждаются в качественных продуктах питания, чистом воздухе, просторном жилище с водоснабжением и отоплением, в интересной работе, в разнообразном отдыхе и т. д.) и имеют тенденцию к *возрастанию* (возвышению и расширению). А *возможности* удовлетворения потребностей – *различны, неравны.* И хотя определенная степень неравенства зависит от индивидуальных особенностей (ребенок или взрослый, мужчина или женщина, здоровый или инвалид, с высоким интеллектом или не очень), однако главным источником неодинаковых возможностей по удовлетворению потребностей служит *социально-экономическое неравенство,* занятие индивидом различных, неоднородных позиций в социальной структуре общества (рабочий или предприниматель, фермер или банкир, школьный учитель или министр). *Именно от социального статуса и тесно связанного с ним экономического положения (можно говорить о едином социально-экономическом статусе) индивида в решающей степени зависят возможности удовлетворять (более или менее полно) те или иные потребности.*

Выше (гл. 4) упоминалось, что социальную структуру общества изображают обычно в виде пирамиды, верхнюю, меньшую часть которой составляет «элита» общества (властная, экономическая, финансовая, военная, религиозная и т. п.). Средняя – самая значительная по объему часть – «средний класс». В основании пирамиды, в ее нижней части располагаются низшие слои (малоквалифицированные и неквалифицированные рабочие, сельскохозяйственные наемные работники, так называемый «младший обслуживающий персонал»). За пределами официальной социальной структуры (а иногда в самом ее низу – все зависит от точки зрения исследователя) находятся аутсайдеры, изгои (бездомные, лица, страдающие алкоголизмом, наркоманией, опустившиеся проститутки и т. п.). Совершенно очевидно, что чем ближе к верхушке пирамиды располагаются позиция и занимающий ее индивид, тем больше возможностей по удовлетворению потребностей, чем дальше от вершины и ближе к основанию – тем меньше возможностей. При этом *распределение индивидов* по тем или иным *социальным позициям* («местам») обусловлено прежде всего не зависящими от них (индивидов) факторами – социальным происхождением, принадлежностью к

определенному классу, слою, группе, и лишь во вторую очередь – личными способностями, дарованием, талантом.

Со временем кастовая или средневековая жесткость социальной структуры ослабевает, социальная мобильность растет («каждый простой американец может стать президентом»), однако статистически зависимость от социальной принадлежности остается. В современном обществе одним из важнейших дифференцирующих признаков является наличие высшего образования. Как заметил однажды Т. Парсонс, человечество делится на две части: окончивших колледж, и тех, кто его не заканчивал. Между тем стартовые возможности выпускника российской сельской школы и элитной московской гимназии различны, так же как стартовые возможности выходца из рабочей или профессорской семьи. Относительная жесткость социальной структуры, ограниченность социальной мобильности в условиях советского государства были эмпирически показаны и количественно оценены в одном из исследований 70-х гг. с нашим участием.[342] А все партийно-советские идеологические славословия по поводу «гегемона» рабочего класса и чиновников – «слуг народа» меркнут перед анекдотами по поводу «гегемона» и предсмертной запиской рабочего Р., покончившего жизнь самоубийством, своему сыну: «Сашенька!.. Шагни дальше отца насколько можешь выше отца по социальной лестнице» (сохранен синтаксис подлинника. – *Я. Г.)*.

Социально-экономическое неравенство появилось как следствие общественного разделения труда, значение которого для развития общества трудно переоценить. При этом для наших целей следует отметить ряд обстоятельств.

Во-первых, одним из важнейших критериев развития системы (в нашем случае – общества), повышения уровня ее организованности служит дифференциация, усложнение структуры, повышение разнообразия составляющих ее элементов. Это особенно важно напомнить сегодня, когда советские завораживающие стереотипы казарменного равенства, всеобщего единомыслия и единодушия не только не преодолены до конца, но и вновь оживают… Закон необходимого разнообразия У. Эшби действует и в социальном мире. *Дифференциация* общества как следствие углубляющегося разделения труда есть *объективный и в целом прогрессивный процесс.* Однако, как все в этом мире, она влечет и негативные последствия. Неодинаковое положение социальных классов, слоев (страт) и групп в системе общественных отношений, в социальной структуре общества обусловливает и социально-экономическое неравенство, различия – и весьма существенные – в реальных возможностях

удовлетворить свои потребности. Это не может не порождать зависть, социальные конфликты, протестные реакции, принимающие форму различных девиаций. «Стратификация является главным, хотя отнюдь не единственным, средоточием структурного конфликта в социальных системах».[343]

Во-вторых, главным в генезисе девиантности, включая преступность, является не сам по себе уровень удовлетворения витальных, социальных и идеальных потребностей, а *степень* различий, «разрыва» в возможностях их удовлетворения для различных социальных групп. Зависть, неудовлетворенность, понимание самой возможности жить лучше приходят лишь *в сравнении*. На это в свое время обратил внимание еще К. Маркс: «Как бы ни был мал какой-нибудь дом, но, пока окружающие его дома точно также малы, он удовлетворяет всем предъявляемым к жилищу общественным требованиям. Но если рядом с маленьким домиком вырастает дворец, то домик съеживается до размеров жалкой хижины». Более того, «как бы ни увеличивались размеры домика с прогрессом цивилизации, но если соседний дворец увеличивается в одинаковой или же еще в большей степени, обитатель сравнительно маленького домика будет чувствовать себя в своих четырех стенах еще более неуютно, все более неудовлетворенно, все более приниженно».[344] Так что по-своему правы были наследники Маркса, возводя «железный занавес» вокруг нищего СССР и выпуская за его пределы только самых проверенных, надежных, «идейных» или зависимых. Социальная неудовлетворенность, а следовательно, и попытки ее преодолеть, в том числе – незаконным путем, порождается не столько абсолютными возможностями удовлетворить потребности, сколько относительными – по сравнению с другими социальными слоями, группами, классами. Вот почему в периоды общенациональных потрясений (экономические кризисы, войны), когда большинство населения «уравнивалось» перед лицом общей опасности (когда происходила ломка «перед лицом смерти всех иерархических перегородок»[345]), наблюдалось снижение уровня преступности и самоубийств.[346]

На роль социально-экономического неравенства в генезисе девиантности, включая преступность, обращали внимание еще в XIX в. Так, по мнению Турати, «классовые неравенства в обществе служат источником преступлений… Общество со своими неравенствами само является соучастником преступлений».[347] Принс «главной причиной преступности считает современную систему распределения богатства с ее контрастом между крайней нищетой и огромными богатствами».[348] С точки зрения Кетле, «неравенство богатств там, где оно чувствуется сильнее, приводит

к большему числу преступлений. Не бедность сама по себе, а быстрый переход от достатка к бедности, к невозможности удовлетворить все свои потребности ведет к преступлению».[349]

Д. Белл пишет, что человек с пистолетом добывает «личной доблестью то, в чем ему отказал сложный порядок стратифицированного общества».[350]

Чрезвычайно важно, с нашей точки зрения, что современные исследователи все чаще обращаются к роли социально-экономического неравенства в генезисе преступности, учитывая при этом статистические экономические показатели (в частности, индекс Джини).[351]

Интересные результаты были получены в упомянутом выше исследовании под руководством А. Б. Сахарова социальных условий в двух регионах России: «Было установлено, что более неблагополучное состояние преступности имеет место в том из сравниваемых регионов, где материальный уровень жизни населения по комплексу наиболее значимых показателей (средняя заработная плата, душевой денежный и реальных доход и т. д.) лучше, но зато значительнее контрастность (коэффициент разрыва) в уровне материальной обеспеченности отдельных социальных групп. В то же время в регионе с меньшим уровнем преступности материальные условия жизни были хотя и несколько хуже, но более однородны и равномерны. Иными словами, состояние преступности коррелировало не с уровнем материальной обеспеченности, а с различиями в уровне обеспеченности: с размером, остротой этого различия».[352] Исследование преступности в динамике за ряд лет подтвердило зависимость уровня преступности от увеличения/уменьшения разрыва между потребностями населения и степенью их фактического удовлетворения.[353]

Степень неравенства, разрыва между элитой и аутсайдерами лишь отчасти оценивается такими экономическими показателями как фондовый или децильный коэффициент дифференциации (соотношение доходов 10 % самых богатых и 10 % самых бедных слоев населения) и коэффициент концентрации доходов – индекс Джини.

Этот разрыв, экономически отражаемый децильным коэффициентом и индексом Джини, все возрастает в России, сопровождаясь ростом убийств, самоубийств, алкоголизма и других девиаций. По данным Всемирного банка, основанным на официальной российской статистике, доля населения за национальной чертой бедности в России – 30,9 %.[354] Индекс Джини, показывающий степень неравенства в распределении доходов населения, к началу текущего столетия был в России

0,456, тогда как в Австрии – 0,309, в Германии – 0,283, в Бельгии – 0,250, в Японии – 0, 249. Близкие же российскому были показатели в Боливии (0,447), Иране (0,430), Камеруне (0,446), Уругвае (0,446)… Неудивительно, что за десятилетие 1990–1999 гг., исследованное С. Ольковым, в год с максимальным индексом Джини (1994 г. – 0,409) в России было зарегистрировано наибольшее количество убийств – 32,3 тыс., а в год с минимальным индексом Джини (1990 г. – 0,218) – наименьшее их количество 15,6 тыс.[355] К аналогичным результатам по данным за 25 лет (1985–2004) приходит И. С. Скифский в своем диссертационном исследовании и монографии.[356] В качестве иллюстрации приведем лишь два графика (6.1; 6.2) из его работы.

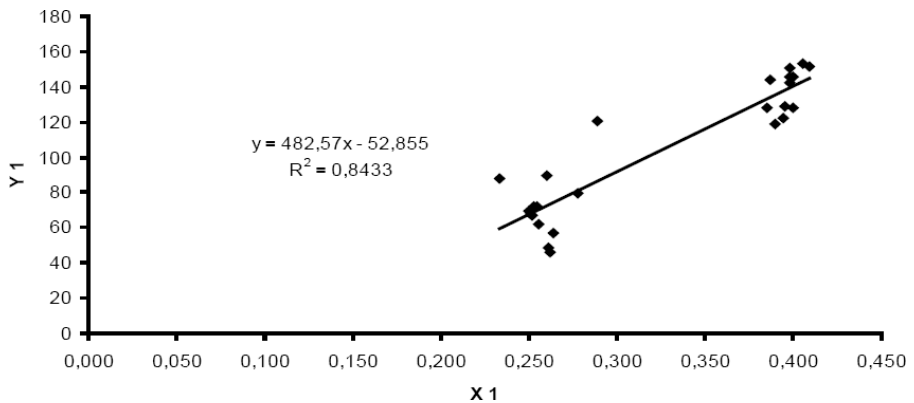

График 6.1. Связь между коэффициентом Джини и насильственной преступностью в России (1980–2004 гг.) (по И. Скифскому)

Те же закономерности применительно ко всем регионам Российской Федерации установлены в трудах Э. Юзихановой.[357]

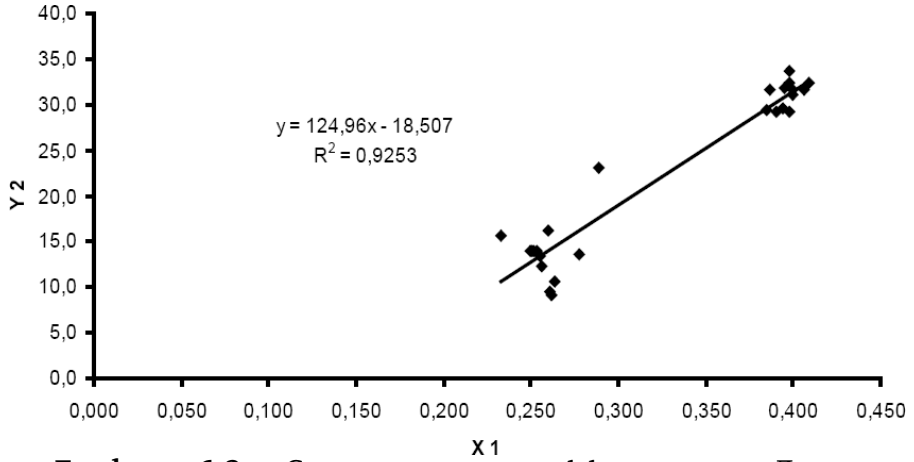

График 6.2. Связь между коэффициентом Джини и убийствами в России (1980–2004 гг.) (по И. Скифскому)

Поэтому, в-третьих, все более тревожным и девиантогенным представляется наблюдающееся с конца XX в. углубление степени социально-экономического неравенства обществ и социальных групп. Как уже отмечалось выше, в гл. 4, сформировался круг высокоразвитых государств, стран «золотого миллиарда» и увеличивается разрыв между этой группой стран и остальным миром. Растет пропасть между «включенными» *(inclusive)* и «исключенными» *(exclusive)* – как странами, так и социальными слоями, группами, отдельными людьми. Процесс глобализации лишь усиливает эту тенденцию.[358] Ясно, что «исключенные» – социальная база девиантности.[359]

Итак, с нашей точки зрения, *важным (важнейшим? основным?) криминогенным и девиантогенным фактором служит* противоречие *(напряжение, strain) между потребностями людей и реальными возможностями (шансами) их удовлетворения, зависящими, прежде всего, от места индивида или группы в социальной структуре общества,* степень *социально-экономической дифференциации и неравенства.*

Для полноты картины нельзя не сказать, что социальная дифференциация, социально-экономическое неравенство и наличие аутсайдеров, «исключенных» служат… источниками прогресса и двигателями истории. Действительно, существование социальных групп разной степени удовлетворенности наличным бытием, конкуренция, рынок труда (с неизбежно присущей ему безработицей – «исключенными»), вообще разнообразие социальных слоев, групп с различными интересами (добиться большего, удержать свои позиции, переменить условия жизни к лучшему) и обеспечивают изменения, развитие производства,

экономики, культуры. Всеобщее равенство приводит к стагнации, прекращению изменений и, в конечном итоге, к гибели общества. Всеобщее равенство достижимо лишь на кладбище (и то, если не считать различия в стоимости устанавливаемых на могилах надгробий и памятников…).

Девиантность, порождаемая противоречием между потребностями массы людей и неравенством возможностей их удовлетворения, может проявляться как в негативных формах (преступность, наркотизм, пьянство и т. п.), так и в позитивных – социальное, научное, техническое, художественное творчество (вспомним реформаторов Р. Мертона). Ибо и те, и другие девиации служат средством («годным» или «негодным», с точки зрения общества) разрешения противоречия, изменения социальной структуры (вертикальная социальная мобильность). Другой вопрос – соотношение, пропорции негативных и позитивных девиаций. Преобладание позитивных (творчество) ведет к прогрессу общества, разгул негативных – к его деградации.

А на уровне *индивидуального* поведения события разворачиваются следующим образом. Противоречие между наличными потребностями индивида и реальными возможностями их удовлетворения, нередко воспринимаемое как неизбежное, оправданное («всяк сверчок знай свой шесток»), а то и неосознаваемое, может актуализироваться и усугубляться несоответствием объективных личностных свойств индивида (интеллектуальный уровень, физические, волевые и эмоциональные характеристики, образование, профессия, квалификация и т. п.) требованиям занимаемой социальной позиции – *«социальной неустроенностью-».*

Социальная неустроенность вероятна, когда (1) индивид занимает позицию «ниже» своих объективных возможностей (примеры из недавнего прошлого: талантливый человек – художник, поэт, ученый на должности сторожа, истопника), (2) «выше» своих возможностей (посредственность в министерском кресле) или же (3) находится «вне» официальной структуры общества. Во всех этих случаях наблюдается, очевидно, и «рассогласование статусов», предложенных Л. И. Спиридоновым в качестве причины покушения индивида на существующий порядок.[360] Возможно также, что личностные особенности и занимаемая социальная позиция совпадают (малообразованный, малоквалифицированный, с не очень высокими интеллектуальными задатками человек работает подсобным рабочим), но сама позиция является «устаревшей», отмирающей в

условиях развитого общества.

Социальная неустроенность может не осознаваться индивидом или, будучи осознана, проявляться психологически как неудовлетворенность. Индивид, находящийся в состоянии социальной неустроенности, будет стараться преодолеть ее – либо активной «позитивной» деятельностью (повышение образовательного и профессионального уровня, приобретение второй профессии, овладение иностранными языками, изобретательство, рационализаторство и т. п.), либо активной нежелательной для общества деятельностью, в частности преступной. Не сумев активно преодолеть неустроенность (мертоновская «двойная неудача»), индивид может либо смириться, либо найти утешение в алкоголе, наркотиках, либо решиться на самоубийство.

Социальная неустроенность (в случае занятия индивидом позиции выше его объективных данных), а также безграничность социальных и идеальных потребностей, их принципиальная «неутоляемость» объясняют, с нашей точки зрения, и «беловоротничковую», элитарную преступность. В случае нахождения на позиции выше своих объективных возможностей чиновник высокого ранга, менеджер, иной руководитель будут предпринимать усилия, чтобы сохранить позицию, а то и подняться выше, используя все доступные, в том числе нелегальные, способы (подкуп, подлог, устранение конкурентов и т. п.). Кроме того, и среди тех, у кого «все есть», существуют непонятные для «простых людей» конкуренция, зависть, соперничество, приводящие к «престижному», избыточному потреблению, так хорошо описанному Т. Вебленом (к его трудам мы еще вернемся).[361] Следует, однако, заметить, что неуемное стремление к наживе и избыточное потребление присущи не лучшим представителям элиты. Неразумное сверхпотребительство «верхов», обеспечиваемое нелегальными, чаще всего в ущерб остальному населению, средствами, рано или поздно оборачивается против них: «Чем больше неимущие группы сомневаются в законности существующего распределения дефицитных ресурсов, тем вероятнее, что они должны будут разжечь конфликт».[362] При этом «чем более жесткой является социальная структура, тем меньше в ней будет институционализированных средств, позволяющих гасить конфликты и напряженность, тем острее будет конфликт».[363] Понимание этого властью и элитой способствует эволюционному развитию общества. Непонимание – приводит к социальным революциям и гражданским войнам.

В отечественной криминологической литературе нередко

потребности подразделяют на нормальные, или естественные, и ненормальные, или извращенные. После чего утверждается, что в основе криминального поведения обычно лежат извращенные потребности. Представляется, что такое деление излишне аксиологично и недостаточно корректно. Сами *потребности* «нейтральны», они не могут оцениваться как «хорошие» (естественные) или «плохие» (извращенные). *Способы,* средства их удовлетворения могут признаваться желательными, допустимыми или недопустимыми, с точки зрения общества, государства. Очевидно, любая, даже самая «естественная» потребность может быть удовлетворена с помощью как легальных, так и нелегальных средств (продукты в случае голода можно купить, попросить или украсть; для отдыха, снятия напряжения можно пойти погулять, поплавать, почитать книгу или же напиться и учинить драку). «Не существует потребностей хороших и плохих, низших и высших, разумных и неразумных. Все основные потребности органически присущи каждому человеку: их нельзя ни уничтожить, ни искусственно насадить. Разумными и неразумными, возвышенными и низменными могут быть только формы удовлетворения этих потребностей».[364]

Особое криминологическое значение имеют *социальные* потребности (точнее, их неудовлетворенность, нужда) – в статусе, престиже, самоутверждении. Витальные потребности, во-первых, ограничены, «конечны», имеют естественный предел (сытому человеку не надо думать о еде), во-вторых, в современных развитых странах относительно легко удовлетворяются. Социальные же и идеальные потребности безграничны, для их удовлетворения требуется больше сил, возможностей, благоприятных условий. Между тем именно неудовлетворенные социальные потребности, в частности в самоутверждении, нередко приводят к преступному насилию (о чем подробнее пойдет речь в гл. 7) или же к ретретистским формам девиантного поведения. Несвершение, нереализованная потребность в самоутверждении приводит в конечном итоге к фрустрации,[365] кризису личности, девиантным проявлениям.

Нелишне заметить, что роль «социальных» потребностей велика и в детерминации поведения стадных животных. Так, среди них идет борьба за «статус», ранг, положение в «обществе» себе подобных. «Высокий ранг в группе обеспечивает преимущественный доступ к пище, местам отдыха и самкам»[366] (почти как у людей…). В ряде случаев ранг определяется с момента рождения. Когда вылупляются цыплята домашней куры, они сразу же «определяют» свой ранг. Цыпленок первого (высшего) ранга впредь может клевать всех братьев и сестер, его

же – никто из них. Цыпленок второго ранга может клевать всех остальных, кроме цыпленка первого ранга, и т. д. (американские исследователи используют понятие «теория клевков» – кто кого вправе «клевать» в человеческом обществе). В других случаях ранг зависит от «социального происхождения»: «У резусов (порода обезьян. – *Я. Г.)* сыновья высокоранговых матерей имеют шанс занять более высокий ранг».[367] Экспериментально было показано, что если в стаде обезьян самца первого ранга начать кормить *после* других членов семейства, пусть также обильно и вкусно, как он привык, он проявляет все признаки стресса, фрустрации, невроза вплоть до инфаркта миокарда.[368]

Не меньшее значение имеет потребность в «знаниях», «информации», «самоутверждении» животных, проявляющаяся как в борьбе за статус (ранг), так и в повышенной поисковой активности некоторых особей («исследователей», «первопроходцев»). Так, в семействе крыс, помещенных в идеальные условия с изобилием пищи, наличием тепла, света, мягкой подстилки («крысиный рай»), всегда находились особи (примерно одна треть), которые не довольствовались «санаторно-курортными» условиями и в поисках неведомого устремлялись в темные, холодные, полные опасности территории «крысиного ада» (примыкающие к «раю»), получали там удары током, повреждения острыми предметами, но, передохнув в «раю», вновь и вновь упорно отправлялись «на разведку» в «ад». Как тут не вспомнить покорителей горных вершин, полюсов Земли, глубин океана и просто мотогонщиков!

Изложенные соображения позволяют прийти к выводу о профилактических возможностях «канализирования» социальной активности в социально приемлемые формы (идеи «баланса социальной активности» и возможности «канализирования» активности были нами высказаны еще в 70–80-х гг.[369]). Так, «в зависимости от способов и средств удовлетворения присущая подростку потребность занять определенное место в группе сверстников, утвердить себя среди других, а следовательно, и в своих собственных глазах может трансформироваться в общественно полезную деятельность – учебу, изобретательство, спорт и т. п. или в хулиганские действия, кажущиеся „немотивированными“».[370] Вот почему «первейшая задача воспитания заключается в таком канализировании потребностей, которое способствовало бы максимальному раскрытию способностей личности, ее развитию… Канализация удовлетворения потребностей в желательном для общества направлении достигается двумя путями: 1) непосредственным воздействием на сознание и подсознание субъекта с помощью

имитационного воспроизведения поведенческих эталонов и 2) через вооружение субъекта социально ценными способами и средства удовлетворения его потребностей».[371]

Мы рассмотрели более или менее вероятные источники («девиантогенный комплекс») девиантности и девиантного поведения. Остается рассмотреть вопрос, почему одни и те же девиантогенные факторы оборачиваются то преступлением, то самоубийством, то уходом в алкоголь или наркотики. И здесь нам придется для начала с социетального уровня спуститься на уровень личностный, на уровень индивидуальной психологии (не забывая и о роли Его Величества Случая).

Итальянский писатель Чезаре Павезе, покончивший жизнь самоубийством, как-то заметил: «Самоубийцы – робкие убийцы». Иначе говоря, при наличии одной и той же конфликтной ситуации «робкий» убьет себя, «храбрый» – другого. Как поведет себя тот или иной конкретный индивид под воздействием определенных обстоятельств («социальной неустроенности», например) в значительной степени зависит от комплекса личностных особенностей: характера, темперамента, интеллектуальных, волевых, эмоциональных особенностей, условий социализации, воспитания, образовательного уровня и т. п.

Сказанное относится в равной степени и к генезису позитивных девиаций, творчества. Ж.-П. Сартр писал: «Гений не дар, но выход, который придумывают в отчаянных случаях».[372] Как поведет себя человек в «отчаянном случае» (сделает открытие, или сопьется, или пырнет кого-нибудь ножом) – зависит от множества обстоятельств. А вот еще возможные «варианты» исхода в тяжелой жизненной ситуации: «Говорят: если бог хочет сделать гения, он берет десяток талантливых и – бросает в огонь для закалки, как кувалдой, бьет их горем по голове, истязает всячески. Расчет у мудрого господа прост: трое – свихнутся, трое – сопьются, трое – удавятся, а один – авось да выдюжит, и получится из него – Достоевский!».[373] Напомним, кстати, что Ф. М. Достоевский был приговорен к смертной казни по делу петрашевцев (1849) с последующей заменой наказания.

И все же тонкие механизмы разведения различных форм девиантности на личностном уровне, взятые в массе, позволяют находить определенные социальные закономерности. Некоторые эмпирические данные «разведения» преступлений, самоубийств, алкоголизма во времени и пространстве города были получены нами еще в 70-е гг.[374] Более поздний сравнительный анализ смертности от убийств и самоубийств в различных странах привел нас к гипотезе о зависимости соотношения уровня (в

расчете на 100 000 жителей) убийств к уровню самоубийств от степени «цивилизованности / социальности» общества. Общий вывод – чем цивилизованнее общество, тем ниже значение этого показателя («индекса насилия»).[375] Иначе говоря, граждане цивилизованного общества в критических ситуациях скорее убьют себя, чем другого.

Остается еще раз напомнить, что проблема генезиса преступности и иных форм девиантности чрезвычайно сложна и все высказанное в этой главе – скорее «информация для размышления», нежели ответ на вопрос.

Часть III
Криминологический анализ некоторых видов преступлений

В этой части монографии нами будут рассмотрены криминологические характеристики лишь некоторых видов преступности. Для анализа выбраны наиболее опасные или же распространенные преступления. Кроме того, в последней – 14-й – главе этой части будут представлены краткая характеристика некоторых из нерассмотренных видов преступности и ссылка на соответствующую литературу.

Содержание криминологического анализа различного вида преступлений в значительной степени зависит от их особенностей и не может быть одинаковым. Вместе с тем мы постараемся максимально использовать следующую схему:

- общая характеристика (основные понятия, социальная природа и т. п.);
- уровень и динамика рассматриваемого вида преступности;
- место в общем объеме преступности;
- внутренняя структура;
- качественные особенности;
- социально-демографический состав субъектов преступлений;
- территориальное (пространственное) и временные распределения;
- особенности генезиса и профилактики.

Глава 7
Криминальное насилие (преступления против личности)

Человек является единственным видом, в котором борьба носит уничтожающий характер.

Н. Тинберген

Насильственные преступления направлены против самого ценного для человека – его жизни, здоровья, физической целостности и неприкосновенности. Тягчайшее из насильственных преступлений – убийство – является и тягчайшим из всего арсенала преступных посягательств. Но насильственные преступления – лишь часть *насилия,* распространенного в человеческом обществе. Поэтому мы считаем необходимым предпослать общую характеристику насилия конкретному анализу насильственных преступлений против личности.

§ 1. Социальное насилие

Насилие – в различных его проявлениях – неотъемлемая составляющая (элемент) общественного бытия.

В буквальном смысле слова *жизненно* важная проблема насилия породила обширнейшую литературу и науку о нем – виолентологию (от лат. *violentia* – насилие), или вайоленсологию (от англ. *violence)*. В России только за последние годы издан ряд фундаментальных трудов, посвященных широко понимаемой проблеме насилия.[376] При этом само понятие «насилие» остается весьма многозначным и дискуссионным (впрочем, это совершенно нормально для любого сложного феномена).

Пожалуй, наиболее широким является понимание насилия как *поведения, наносящего вред другим;*[377] как *принуждение, ограничение свободы выбора, «узурпация свободной воли».*[378] Более узкая трактовка ограничивает насилие причинением *физического, психического или материального (имущественного) вреда.* Наконец, в самом узком смысле под насилием понимается причинение *физического вреда, нарушение физической неприкосновенности.*

Не меньше споров о *природе* насилия: имеет оно

преимущественно животное происхождение или же социальное.

«Какое зверское убийство!» – восклицаем мы, услышав об особо жестоком лишении жизни. «Не человек, а зверь!» – говорим о человеке жестоком, убийце, садисте. И в голову не приходит при этом, что мы клевещем на зверей… Во-первых, внутривидовое убийство среди животных – крайняя редкость (Е. Артцт, Ш. Волин, Н. Тинберген, Р. Хартогс и др.). У животных акты внутривидовой агрессии редко заканчиваются серьезными травмами и смертельным исходом, поскольку действуют надежные механизмы, предотвращающие убийство себе подобных: сигналы «капитуляции» немедленно прекращают самую жестокую схватку. «Борьба между животными одного и того же вида не имеет своей целью смерть противника; как правило, она не сопровождается кровопролитием и прекращается при отступлении одного из конкурентов».[379] Исследования показывают, что борьба между обезьянами – наиболее близкими к человеку по степени агрессивности – ограничивается угрозами, укусами, ранениями соответственно как 1000:50:1. Во-вторых, и это – главное, агрессия и убийство среди животных всегда *инструментальны:* из-за пищи, из-за самки, при защите детеныша, но никогда не превращаются в самоцель, не бывают, как у людей, «просто так», куражу ради, «из хулиганских побуждений». «Агрессивности ради агрессивности у животных, по-видимому, вообще не существует».[380] Если волк *вынужден* есть зайца, а заяц – капусту, то человек уничтожает и того, и другого «ради спортивного интереса»…

Между тем в человеческом обществе, по неполным подсчетам, с 3600 г. до н. э. по настоящее время (т. е. более чем за 5600 лет) на Земле было всего 300 мирных лет, свыше 15 тыс. войн унесло около 3,5 млрд человеческих жизней. Только за 80 лет XX в. в мире произошло 154 войны, стоивших человечеству свыше 100 млн жизней. По данным Р. Руммела, за 87 лет минувшего столетия помимо 39 млн жертв межнациональных и гражданских войн около 151 млн человек было убито собственными правительствами.[381] По оценке Н. Крессела, лидеры стран – «спонсоры убийств» принесли в жертву человеческие жизни: СССР (1917–1987) – 61,9 млн человек, Китай (1928–1987) – 45,2 млн, Германия (1934–1945) – 20,9 млн, Япония (1936–1945) – 5,8 млн, Камбоджа (1975–1978) – свыше 2 млн и т. д.[382] Какие хищники животного мира могут похвастаться столь массовым уничтожением сородичей?

Очевидно, *насилие* в человеческом обществе отличается от агрессивности животных не только масштабами, но и тем, что оно сопровождается *враждебным отношением* к объекту насилия

(волк вряд ли испытывает «вражду» к зайцу, а тигр – к лани). Однако *качественное* отличие насилия от агрессии проводится не всеми авторами. Так, например, отмечают, что насилие нередко более интенсивно, чем агрессия, совершается многократно, влечет большее количество жертв.[383]

Но «если проявление истребительной внутривидовой агрессии – это специфическая особенность человека, то разве не логично искать причины этой специфической черты в том, что *характерно* именно для человека, что его *отличает* от животных, а не в том, что его роднит с ними?.. Специфические особенности агрессивности у человека есть следствие специфических же для человека условий жизни, т. е. особенностей той социальной среды, которую он в процессе своего исторического развития для себя создал. При таком понимании проблема причин агрессивности превращается в проблему исследования тех *социальных причин,* которые агрессивность вызывают».[384] Наш общий подход к «социальным причинам» был изложен в гл. 6, здесь же обратимся к некоторым специфическим факторам, обусловливающим перерастание животной агрессивности в социальное насилие. Но при этом нам вновь не миновать «некриминологических» общенаучных рассуждений.

Существование любой системы (в том числе общества) есть диалектическое тождество *сохранения* и *изменения.* «На самых общих теоретических уровнях не существует разницы между теми процессами, которые служат сохранению системы, и теми, которые служат ее изменению».[385] Чем выше уровень организованности системы, тем динамичнее ее существование и тем большее значение приобретают *изменения* как «средства» *сохранения.* Неравновесность, неустойчивость становятся источником упорядоченности (по И. Пригожину – «порядок через флуктуации»).

Важнейшим элементом механизма сохранения-изменения служит *адаптация* (как приспособление к среде и «приспособление» среды). В соответствии со вторым законом термодинамики и законом возрастания энтропии (неупорядоченности, хаоса) в системе, повышение уровня ее организованности возможно только *за счет* увеличение энтропии среды, ее дезорганизации (я это называю «принципом Расплаты»).

Чем выше уровень организованности системы, тем более энергичны, активны способы ее адаптации. Возрастание организованности биологических систем происходит следующим образом: «Более активные особи, лучше использующие ресурсы внешней среды для роста, жизни и размножения, вытесняют в процессе смены поколений менее активных особей. Более

устойчивые особи, т. е. лучше противостоящие различным вредным влияниям, также вытесняют путем преимущественного размножения менее устойчивых особей. В обоих случаях более упорядоченные формы организации с более низким уровнем энтропии вытесняют менее упорядоченные формы организации с более высоким уровнем энтропии».[386]

«Возвышение» от физического уровня организации материи до биологического означало появление новых, более эффективных способов адаптации. (Вообще можно сказать, что эволюция Вселенной есть эволюция способов адаптации составляющих ее систем или, как говорил Т. Парсонс, применительно к обществу: «Среди процессов изменения наиболее важным для эволюционной перспективы является *процесс усиления адаптивных возможностей*»[387]*).* В результате дарвиновского естественного отбора и «борьбы за существование» повышается информационное содержание, «емкость» биологических систем, степень их организованности.[388] Однако *за все приходится платить!* «Сохранение вида всегда достается ценой гибели подавляющей массы его представителей… Для противодействия энтропии хищник вынужден истреблять травоядных животных… Следовательно, хищник как „самоорганизующаяся система“ живет за счет дезорганизации травоядных, вызывая эту дезорганизацию в масштабе, оставляющем далеко позади масштаб собственной самоорганизации».[389] Надо ли напоминать, что травоядные столь же активно дезорганизуют мир растений?

Появление в процессе эволюции общественного человека означало переход на новый, социальный уровень организации материи. Однако эта новая система – «общество» – есть результат все того же *Единого мирового процесса самоорганизации материи* (Н. Моисеев), его этап, *момент* эволюции Вселенной, подчиняющийся ее фундаментальным законам. «Сверхадаптация» общественного человека осуществляется путем активного *силового* изменения среды. Биологическая «борьба за существование» перерастает в социальную «сверхборьбу за лучшее существование („сверхсуществование“)».

Дарвиновская триада (изменчивость – наследственность – отбор) фиксирует новый, более эффективный механизм адаптации, живых организмов по сравнению с физическим (добиологическим) уровнем организации мироздания. Род *Homo Sapiens* служит «ступенью» перехода к более высокому (более сложному) уровню организации материи – социальному. При этом человек остается биологическим существом, сохраняя выработанное в процессе эволюции «наследство», включая

агрессивность, которая была необходима слабосильному существу в среде более сильных, вооруженных клыками, рогами, когтями. Биологическое происхождение агрессивности как эволюционно выработанного средства адаптации и выживания обосновывается современной социобиологией (A. Walsh, E. Wilson и др.[390]).

На начальных стадиях антропосоциогенеза «действовал обычный стадный закон: лучшие куски доставались самым сильным, самок и детенышей защищали, а старых и немощных отдавали в качестве естественной дани на съедение волкам, гиенам и всем тем, кто охотился на двуногих наземных обезьян».[391] Со временем адаптация человека как биологического существа «доразвилась» до сверхадаптации социального организма – общества (которое само возникло и функционирует как механизм адаптации *Homo Sapiens)*. *Агрессивность,* уходящая корнями в биологию и «подчиняющаяся» биологическим закономерностям, выступает теперь в форме *социального насилия,* обусловленного законами социального развития. Возможно, основное отличие сверхадаптации социальных систем от адаптации биологических заключается в том, что общество не столько приспосабливается к среде, сколько приспосабливает ее к себе. Другое дело, что рано или поздно такое «подчинение» среды, природы оборачивается против общества и человека экологическими, техногенными катастрофами.

Выше (гл. 6) мы подробно говорили о роли социально-экономического неравенства в генезисе преступности. В основе социального насилия вообще, криминального в частности лежат те же механизмы. При этом в детерминации различных форм социального насилия особую роль играют неудовлетворенные *социальные* потребности: в престиже, статусе, самоутверждении. Если неудовлетворенная витальная потребность (в пище, продолжении рода, защите от холода и т. п.) приводит к «борьбе за существование», то неудовлетворенная социальная потребность – к «сверхборьбе за сверхсуществование». Так, «отрицательные эмоции, возникающие на базе неудовлетворенных социальных потребностей, как правило стеничны и агрессивны».[392] Насилие выступает раньше и чаще других средств и способов *самоутверждения,* когда в силу различных причин недоступны общественно полезные (или приемлемые), конструктивные, творческие способы. «Предельный случай самоутверждения – убийство».[393] Даже, казалось бы, такое «очевидное» по своей мотивации преступление, как изнасилование, часто служит способом самоутверждения, а не удовлетворения витальной – сексуальной потребности.[394] (В свое время я был удивлен, когда это теоретическое положение нашло подтверждение в результатах

эмпирического исследования изнасилований: лишь 8,5 % опрошенных лиц, виновных в изнасиловании или покушении на изнасилование, указали на половое влечение как мотив преступления[395]). Вообще «насилие имеет место тогда, когда создается препятствие для полной соматической или духовной реализации потенций человека» (J. Galtung).[396]

«Власть» вожака стаи (стада) животных трансформируется во властные структуры человеческого общества, начиная с власти родоплеменных вождей. А *власть* – всегда порождение и источник *насилия.* Исторически позже возникает еще одна форма удовлетворения потребности в самоутверждении: накопление *богатства.* Этот процесс с интересующих нас позиций подробно рассмотрен американским экономистом Т. Вебленом. Он, в частности, пишет: «Самыми высокими почестями, которые только можно заслужить у народа, все еще остаются почести, добытые проявлением чрезвычайных хищнических склонностей на войне или квазихищнических способностей в государственном управлении; но просто для приобретения приличного положения в обществе эти средства к достижению славы заменились приобретением и накоплением материальных ценностей».[397] Итак, *Насилие* (война), *Власть* (государственное управление), *Богатство* (материальные ценности) – вот основные исторически сложившиеся распространенные «средства» самоутверждения (приобретения почестей и почета) общественного человека. Есть, правда, альтернатива: в терминологии Веблена – «инстинкт мастерства» (творчество!), который «рождает чувство отвращения к бесполезному существованию или пустым расходам» и «является судом высшей инстанции». «Инстинкт мастерства», творческий талант дан каждому, но, увы, не каждым востребован.

Если насильственное разрешение конфликтов в первобытном обществе еще близко по своей природе агрессивному поведению животных, то с общественным разделением труда и сопровождающей его дифференциацией общества насилие все больше приобретает характер *социального,* как способ разрешения общественных конфликтов и антагонизмов, принуждения некоторых классов (слоев, групп) к деятельности, не соответствующей их интересам, как средство «разрешения» межкультуральных, этнических, конфессиональных, межличностных конфликтов. Социальное насилие становится средством осуществления внешней и внутренней политики государства, средством борьбы за власть. При этом государство монополизирует право на умерщвление – от смертной казни и внесудебной расправы до военных действий («Государство есть то человеческое сообщество, которое внутри определенной области

претендует на монополию легитимного физического насилия»[398]).

Насилие приобретает *системный* характер, оно пронизывает все сферы жизнедеятельности общества, включая «культурное насилие» (J. Galtung), «воспитательное насилие» (W. Benjamin, N. Luhmann, K. Schorr), «насилие экономики» (Luhmann), «структурное насилие» (безличное, когда убивают не конкретные субъекты, а социальный строй, J. Galtung), «право поражено насилием» (Benjamin). Фактически «насилие встроено в систему».[399]

Нравится нам это или нет, но насилие сопровождает человека всю его историю. Более того, прослеживается эскалация насилия и средств его осуществления: от войн «племени против племени» с помощью топора, копий и стрел до мировых войн XX столетия и угрозы тотального самоуничтожения человечества («омнецид») в ходе применения современных средств массового уничтожения. Насилие как адаптационное средство, выйдя из-под контроля, угрожает самому существованию человечества.[400] Агрессивная «сверхадаптация» *Homo Sapiens* может обернуться против человечества, как в свое время «сверхадаптация» гигантских ящеров привела к их гибели.

Американские исследования 186 обществ и культур, последствий вьетнамской войны и отечественные – афганской и чеченской войн, несомненно, свидетельствуют о том, что *интенсивность агрессивности в обществе прямо пропорциональна его участию в войнах*. В обществе, не ведущем войны, уровень насилия в течение десяти лет падает.[401]

Социальное насилие многолико: от семейного до межгосударственного, от индивидуального до массового (например, геноцид), от легального (от имени государства) до криминального, от инструментального до немотивированного и т. д. Соответственно, существует множество типологизаций и классификаций социального насилия. Так, различают политическое насилие государственное и негосударственное, стихийное и организованное, индивидуальное и коллективное, оборонительное и наступательное, единичное и массовое, реформистское, радикальное, реакционное, консервативное, вооруженное и невооруженное и т. п.[402]

Оригинальное исследование соотношения насилия и политики с гуманистических позиций (преступление и наказание есть форма гражданской войны, взаимодействие людей при демократии может служить альтернативой насилию) публикует один из основателей «криминологии миротворчества» *(criminology as peacemaking)* Х. Пепински.[403]

Тщательный *социально-психологический* анализ агрессии и насилия представлен в известном труде Э. Фромма «Анатомия человеческой деструктивности».[404] Фромм различает оборонительную, «доброкачественную» агрессию, которая служит сохранению индивида и рода, и «злокачественную» агрессию, деструктивность, жестокость, которая присуща только человеку и отсутствует у других животных. Эта агрессия не служит биологическому приспособлению, она бесцельна. Приходится признать, отмечает Фромм, что «человек отличается от животных именно тем, что он убийца» (с. 23). Фромм подробно исследует истоки и проявления «злокачественной агрессии», такие ее разновидности, как садизм и некрофилия (понимаемая в широком смысле слова; в частности, рассматривается А. Гитлер как клинический случай некрофилии). Не могу удержаться и не процитировать результаты эмпирического исследования, осуществленного Фроммом совместно с М. Маккоби: «Все опросы показали, что антижизненные (деструктивные) тенденции весьма примечательно коррелируют с политическими воззрениями тех лиц, которые выступают за усиление военной мощи страны… Лица с деструктивной доминантой считали приоритетными следующие ценности: более жесткий контроль над недовольными, строгое соблюдение законов против наркотиков, победное завершение войны во Вьетнаме, контроль над подрывными группами и их действиями, усиление полиции и борьба с мировым коммунизмом» (с. 293).

Достаточно подробный обзор *психологических* концепций агрессии имеется в первом томе двухтомника Х. Хекхаузена «Мотивация и деятельность».[405]

Из современных *криминологических* объяснений насильственной преступности можно назвать концепцию «образа повседневной жизни» (A. Havley, L. Cohen, M. Felson): изменение привычного образа жизни, повседневных практик, большая независимость членов семьи, взаимная отчужденность способствуют насильственному «решению» конфликтов. В США получила распространение и теория «субкультур насилия», основанная на исследовании насильственных преступлений в этнических сообществах (прежде всего афроамериканцев).[406] И, конечно же, сохраняет свои позиции концепция социально-экономического неравенства.

§ 2. Криминологический анализ насильственных преступлений против личности

Насильственные преступления против личности – лишь одно

из проявлений социального насилия. Название «насильственные преступления» или же «преступления против личности», принятые в литературе, весьма условны, поскольку *все* преступления – суть проявления насилия в широком смысле этого слова (как нанесение вреда, принуждение, ограничение свободы воли), *все* преступления так или иначе затрагивают интересы личности.

В узком смысле, принятом в данном параграфе, под насильственными преступлениями против личности понимаются *нелегитимные, запрещенные уголовным законом деяния, посягающие на жизнь, здоровье, физическую (в том числе, половую) неприкосновенность личности.* К таким деяниям относятся преступления, предусмотренные гл. 16 и 18 УК РФ, ст. 126–128, 205–206, 277, 317–318, 333–335, 353, 356, 357, 360 УК РФ, а также иные преступления, когда они посягают на жизнь, здоровье или физическую неприкосновенность граждан (например, хулиганство, сопровождаемое насилием, грабеж с насилием или разбой, преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта, повлекшие вред здоровью или смерть, и т. п.).

Однако в силу традиции и с учетом имеющихся статистических данных, мы вынуждены в дальнейшем анализе ограничиться теми преступлениями, *непосредственным объектом* которых являются жизнь, здоровье, половая неприкосновенность и свобода (гл. 16 и 18 УК РФ). Так, с 1997 г. к преступлениям против личности уголовная статистика относит и учитывает: убийство и покушение на убийство; убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление; причинение смерти по неосторожности; умышленное причинение тяжкого вреда здоровью; умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью; причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта; истязания; изнасилование и покушение на изнасилование.[407]

Динамика преступлений против личности в России была представлена в табл. 3.5, а по смертям от убийств – в табл. 3.2. Кроме того, обширный материал содержится в неоднократно упоминавшейся монографии В. В. Лунеева (2005).[408] Поэтому вначале мы ограничимся краткой характеристикой некоторых *качественных* изменений преступлений против личности.

Большинство исследователей отмечают: увеличение числа заказных убийств по экономическим и политическим мотивам, а также вследствие «разборок» криминальных структур (по

некоторым данным, значительно превосходящим официальные, ежегодно в стране совершается 500–600 убийств «по найму»[409]); рост количества актов и жертв терроризма; взятие заложников; вымогательство с применением изощренных методов насилия (пытки). Нередко называется рост числа серийных убийств на сексуальной почве. Однако скорее мы имеем дело с эффектом быстрого реагирования средств массовой информации. По мнению психологов и психиатров, доля лиц с патологией влечений (в том числе сексуального характера), которые являются основными субъектами таких преступлений, относительно стабильна в популяции. Очень высок уровень латентных насильственных действий, включая преступные, по отношению к детям. Чрезвычайно высока и латентность жертв «дедовщины» в армии.[410] К этому следует добавить «засекреченность» статистики военной юстиции.

И еще несколько соображений по поводу «заказных» убийств. *Убийства по найму* были известны всегда. В силу разных причин лицо, задумавшее уничтожить кого-либо, действовало не само, а «поручало» это другому (другим) лицу. Чаще всего – за вознаграждение, но это могла быть и «идейная» услуга. Условно можно выделить две группы заказных убийств: бытовые (устранить ненавистного супруга, отделаться от кредитора, нежеланного ребенка, обеспечить скорейшее получение наследства и т. п.) и «элитарно-конкурентные» – «освободить» место на троне, устранить конкурента в политике, бизнесе и т. п. Кроме того, по характеру исполнения можно различать «тайные» заказные убийства (чаще всего – бытовые) и «на публику» – открытые, явные, рассчитанные на устрашение других конкурентов (дабы не повадно было!). Все эти разновидности убийств по найму сохранились по сей день. Современной новеллой является формирование института и корпуса профессиональных наемных убийц – киллеров, специально подготавливаемых, различной степени квалификации, а соответственно, и с разной таксой оплаты «труда».

Место преступлений против личности в структуре преступности

Удельный вес рассматриваемых преступлений в общем объеме преступности в России составлял: 1986 г. – 5,3 %; 1987 г. – 5,4; 1988 г. – 6,0; 1989 г. – 5,8; 1990 г. – 5,5; 1991 г. – 4,6; 1992 г. – 4,4; 1993 г. – 5,2; 1994 г. – 5,8; 1995 г. – 5,2; 1996 г. – 4,8; 1997 г. – 4,9; 1998 г. – 4,6; 1999 г. – 4,1; 2000 г. – 4,3; 2001 г. – 4,6; 2002 г. –

5,6; 2003 г. – 5,2; 2004 г. – 5,2; 2005 г. – 4,5; 2006 г. – 4,9 %.[411] Это относительно невысокая и стабильная доля (от 4,1 % в 1999 г. до 6,0 % в 1988 г.). Напомним, однако, что в Японии в 1995 г. удельный вес преступлений против личности составил всего 0,7 %.

Структура преступлений против личности

Внутреннюю структуру преступлений против личности проследим за несколько лет (табл. 7.1).

Как видно из приведенных данных, с середины 90-х гг. минувшего века возрастает доля убийств (с покушениями) в структуре преступлений против личности и сокращается удельный вес изнасилований (с покушениями), привилегированных составов убийств при относительной стабильности иных преступлений. 2006 г. вносит некоторые коррективы в эту динамику (сокращение доли убийств), но насколько это случайно или закономерно – покажет будущее. Однако трудно сказать – отражает ли это реальную динамику и структуру рассматриваемых преступлений или же является следствием относительно меньшей латентности убийств при очень высокой латентности изнасилований и других преступлений против личности.

Хотя убийства всегда и везде относятся к числу преступлений с наименьшей латентностью (милицейское «труп не спрячешь»!), однако в последнее десятилетие в России и это тягчайшее преступление становится высоколатентным. «Прятать трупы» удается прежде всего за счет лиц, «пропавших без вести» и не найденных. Так, в 1995 г. было объявлено в розыск лиц, без вести пропавших, – 57 850, установлено (с учетом прошлых лет) – 47 863, осталось в розыске – 25 232, всего разыскивалось (с учетом прошлых лет) – 78 781, всего установлено – 57 382 (72,8 %); в 1998 г. было объявлено в розыск лиц, без вести пропавших, – 52 677, установлено – 46 577, осталось в розыске 25 485, всего разыскивалось ранее объявленных в розыск (прошлых лет) – 26 107, всего установлено из ранее объявленных в розыск – 4245, процент установленных в данном году – 88,4, процент установленных за прошлые годы – 16,3; в 2003 г. всего разыскивалось 518 260 человек, из них были разысканы 318 015 (61,4 %), остались в розыске 192 957 человек. Далее, среди все возрастающего числа неопознанных трупов (в 1990 г. – 2837, в 1995 г. – 18 381, в среднем за последние годы – свыше 16–18 тыс. ежегодно) по многим не удается определить причину смерти

(вследствие гнилостных и иных изменений), а потому не регистрируются возможные случаи убийств. Не попадают в данные уголовной статистики и деяния (в том числе лишение жизни), совершенные лицами, не подлежащими уголовной ответственности в связи с недостижением возраста уголовной ответственности или же невменяемостью.[412]

Таблица 7.1

Структура преступлений против личности в России (1987–2006), %

	1987	1991	1992	1994*	1996	1998	2000	2004	2006
Умышленные убийства	11,8	14,4	17,5	21,2	23,1	24,9	25,2	21,0	17,9
Покушения на убийство	2,5	1,7	1,6						
Убийства при превышении пределов необходимой обороны и неосторожные убийства	2,0	1,6	1,5	1,3	1,3	1,5	0,4	0,4	0,3
Причинение тяжкого вреда здоровью	31,4	41,2	44,5	44,4	42,0	38,1	38,3	38,3	33,5
Причинение средней тяжести вреда здоровью и причинение вреда в состоянии аффекта	35,3	27,1	23,6	24,0	25,0	27,9			36,9
Изнасилование	13,1	11,3	9,6	9,1	8,6	7,6	5,9	5,9	5,8
Покушение на изнасилование	3,9	2,7	1,7						

* С 1993 г. публикуются общие сведения об убийстве с покушениями и изнасиловании с покушениями.

Приведем некоторые данные московских коллег по результатам анонимного экспертного опроса в 2001–2002 гг.[413] Коэффициент латентности в 2002 г. по некоторым видам преступлений составил: убийство – 1,17 (зарегистрировано преступлений – 31 579, латентная преступность – 5415,56, фактическое число преступлений – 36 994,56, коэффициент латентности – 1,17); умышленное причинение тяжкого вреда здоровью – 1,18; изнасилование – 4,08.

Велико количество *жертв* преступлений. Так, в результате различных преступлений погибло людей: 1987 г. – 25 706 человек; 1988 г. – 30 403; 1989 г. – 39 102; 1990 г. – 41 634; 1991 г. – 44 365; 1992 г. – 213 590;[414] 1993 г. – 75 365; 1994 г. – 75 034; 1995 г. – 75 510; 1996 г. – 65 368; 1997 г. – 62 598; 1998 г. – 64 545; 1999 г. – 65 060; 2000 г. – 76 651; 2001 г. – 78 697; 2002 г. – 76 803; 2003 г. – 76 921; 2004 г. – 72 317; 2005 г. – 68 554; 2006 г. – 61 378 человек. Всего за 1987–2006 гг. погиб 1 392 601 человек.

Социально-демографический состав лиц, совершивших тяжкие преступления против личности, представлен в табл. 7.2.

Приведенные данные позволяют выявить некоторые тенденции. Увеличивается доля женщин, совершающих убийства и причиняющих тяжкий вред здоровью. Существенно растет

удельный вес несовершеннолетних в таких преступлениях, как убийства и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, при наметившемся сокращении в 2005–2006 гг. Но уменьшается их доля среди совершивших изнасилование. Резко сокращается (в 4 раза!) удельный вес рабочих по всем тяжким насильственным преступлениям, что, очевидно, легко объяснить уменьшением этой социальной группы в населении. Наконец, значительно возрастает по всем рассматриваемым преступлениям доля лиц, не имеющих постоянного источника доходов и безработных (сведения о последних публикуются только с 1993 г.).

Таблица 7.2

Социально-демографический состав лиц, совершивших тяжкие преступления против личности в России (1987–1998), %

	Убийства (с покушениями)										
	1987	**1989**	**1991**	**1993**	**1995**	**1997**	**1999**	**2001**	**2003**	**2005**	**2006**
Пол:											
муж.	89,0	90,7	89,5	88,2	86,6	87,5	87,6	87,2	87,5	86,7	86,3
жен.	11,0	9,3	10,5	11,8	13,4	12,5	12,4	12,8	12,5	13,3	13,7
Возраст:											
14—17	2,9	4,3	4,1	4,8	5,9	5,7	5,5	7,5	7,9	6,9	6,5
18—29	36,1	35,0	33,3	31,9	33,5	35,3	38,9	40,8	42,6	41,2	41,4
30 и старше	61,0	60,7	62,6	63,3	60,5	59,0	56,2	51,7	49,5	51,9	52,1
Социальная принадлежность:											
рабочие	61,4	56,1	51,2	30,5	26,4	20,4	17,4	17,3	16,1	15,2	15,2
служащие	3,5	2,4	2,6	2,8	2,1	2,0	1,7	1,6	1,8	1,9	1,9
работники с/х	6,2	6,0	5,0	3,8	1,1	1,9	1,2	0,8	0,6	0,4	0,3
учащиеся (включая студентов)	2,2	2,4	1,8	1,2	1,8	2,4	2,8	3,6	3,9	3,2	3,2
не имеющие постоянного источника доходов	15,3	21,0	25,5	39,8	25,2	61,0	66,0	66,8	69,0	71,8	72,2
безработные	*	*	*	3,4	4,6	6,2	6,2	6,3	7,4	7,4	7,7
	Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью										
	1987	**1989**	**1991**	**1993**	**1995**	**1997**	**1999**	**2001**	**2003**	**2005**	**2006**
Пол:											
муж.	93,8	94,0	92,1	89,9	87,3	87,4	87,4	87,6	87,9	86,0	84,6
жен.	6,2	6,0	7,9	10,1	12,7	12,6	12,6	12,4	12,1	14,0	15,4
Возраст:											
14—17	3,3	4,0	3,8	4,8	5,4	5,7	6,0	8,4	9,7	8,2	7,5
18—29	36,5	35,8	31,1	29,9	32,0	33,5	35,7	39,4	42,9	43,7	44,2
30 и старше	60,1	60,2	65,1	65,3	62,5	60,7	58,3	52,2	47,4	48,1	48,3
Социальная принадлежность:											
рабочие	67,7	63,7	57,9	35,5	31,4	27,1	23,9	24,0	21,8	19,6	20,2
служащие	2,1	1,4	1,7	2,3	1,7	1,6	1,8	1,5	1,6	1,9	1,2
работники с/х	5,6	5,6	5,3	4,0	1,2	2,5	1,8	1,3	0,9	0,6	0,5
учащиеся (включая студентов	2,6	2,3	1,7	1,3	1,9	2,7	3,7	5,0	5,2	4,8	4,8
не имеющие постоянного источника доходов	14,3	19,2	22,5	36,9	53,8	55,7	59,3	60,1	63,2	66,5	66,2
безработные	*	*	*	2,9	4,8	5,8	5,7	5,5	6,3	6,6	6,5

	Изнасилования (с покушениями)										
	1987	1989	1991	1993	1995	1997	1999	2001	2003	2005	2006
Пол:											
муж.	99,5	99,5	99,3	99,4	99,3	99,3	99,2	99,3	99,4	99,4	99,4
жен.	0,5	0,5	0,7	0,6	0,7	0,7	0,8	0,7	0,6	0,6	0,6
Возраст:											
14–17	32,6	31,7	25,4	22,5	20,8	16,0	14,2	16,5	16,5	15,9	14,4
18–29	53,6	53,3	55,4	55,8	55,8	56,8	56,7	57,0	58,9	58,0	58,8
30 и старше	13,8	15,0	19,2	21,5	23,3	27,2	29,1	26,5	24,6	26,1	26,8
Социальная принадлежность:											
рабочие	51,0	50,1	48,9	31,8	28,3	25,6	23,4	23,8	22,4	19,9	20,2
служащие	1,8	1,4	1,5	1,9	2,1	1,9	1,8	1,7	1,9	2,1	2,2
работники с/х	5,9	5,9	6,8	5,5	2,0	2,9	2,0	1,7	1,0	0,5	0,5
учащиеся (включая студентов)	25,7	18,1	12,6	7,9	8,5	8,6	9,4	9,6	9,0	9,9	8,4
не имеющие постоянного источника доходов	14,6	22,9	26,1	37,7	46,4	54,5	58,5	57,9	61,0	62,5	63,2
безработные	*	*	*	2,6	3,8	6,4	6,3	6,1	6,1	6,5	7,0

Устойчиво высок удельный вес лиц, совершивших преступления в состоянии *алкогольного опьянения* (68–78 % среди убийц, 75–81 % среди причинивших тяжкий вред здоровью и 60–78 % совершивших изнасилование). Доля совершивших преступления под воздействием *наркотиков* не превышает за отдельные годы 0,7–0,8 % (в среднем же – 0,2–0,4 %).

Неравномерно *территориальное распределение тяжких преступлений против личности* по регионам России.

Так, если средний по России уровень *убийств* (с покушениями) составлял в **1990** г. 10,5, то в Тыве он достиг 48,8; в Кемеровской области – 22,1; в Республике Саха (Якутия) – 21,2; в Иркутской области – 20,1. Свыше 15 этот показатель был в Бурятии, Республике Коми, Красноярском и Хабаровском краях, Томской, Тюменской, Читинской областях. С другой стороны, уровень ниже 7 был в Дагестане, Кабардино-Балкарии, Мурманской области, Москве и Санкт-Петербурге. В **1998** г. при среднем по России уровне убийств 20,1, в Тыве он достиг 60,1 (в 1994 г. этот «рекордный» показатель составил в Республике 82,1); в Иркутской области – 41,1; свыше 30 – в Бурятии, Хакасии, Хабаровском крае, Кемеровской и Читинской областях. Самые низкие показатели (ниже 13) оказались в Башкортостане, Дагестане, Кабардино-Балкарии, Белгородской, Воронежской, Пензенской областях. В **2006** г. среднероссийский уровень убийств (с покушениями) составил 19,2. Максимальный уровень в этом году был в Эвенкийском АО – 86,8; Республике Тыва – 79,1; Корякском АО – 73,3; в областях Сахалинской – 43,3; Читинской – 40,5; Республике Бурятия – 40,3. Минимальный уровень – в республиках Дагестан – 9,2; Кабардино-Балкария – 5,7; в областях Белгородской – 9,9; Пензенской – 9,4.

Уровень умышленного причинения *тяжкого вреда здоровью* в

1990 г. в среднем по стране составил 27,7. В Тыве – 203,5 (в 1994 г. – 292,7); в Хабаровском крае – 59,6; в Кемеровской области – 59,0; в Иркутской области – 58,4; в Читинской области – 51,4; в Красноярском крае – 50,8; свыше 45 – в Бурятии, Свердловской, Томской областях. Минимальные показатели (ниже 12) – в Дагестане, Кабардино-Балкарии, Москве. В **1998** г. при среднероссийском показателе 30,8 уровень этих преступлений составил в Тыве 163,0; в Иркутской области – 66,7; свыше 50 – в Республике Алтай (57,5), Бурятии, Республике Саха (Якутия), Хакасии, Красноярском и Хабаровском краях, Еврейской АО, Кемеровской (58,6), Пермской, Сахалинской, Читинской (59,6) областях. Самые низкие показатели в 1998 г. (ниже 15) были в Дагестане (6,5), Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии, Москве. В **2006** г. среднероссийский уровень – 36,0. Максимальный уровень – в республиках Тыва – 256,1 (!), Бурятия – 82,7; в областях Читинской – 100,2, Иркутской – 96,8; в Эвенкийском АО – 167,8; в Еврейской АО – 84,2. Минимальный уровень в республиках Ингушетия – 1,4 (!); Дагестан – 7,2; Северная Осетия – Алания – 9,8.

Уровень *изнасилований* (с покушениями) в **1990** г. в России составил 10,1; в Тыве – 56,8; в Кемеровской области – 17,34; в Чувашии – 16,8; в Пермской области – 16,1. Низкие показатели этого вида преступлений (ниже 6) отмечались в Дагестане (2,9), а также в Ивановской, Костромской, Мурманской областях, Москве и Санкт-Петербурге. В **1998** г. среднероссийский уровень – 6,1. В Тыве – 26,8; свыше 14 – в республиках Алтай, Коми, Удмуртия; ниже 4 – в Дагестане, Ингушетии, Северной Осетии, Белгородской, Владимирской, Мурманской, Пензенской областях, в Москве и Санкт-Петербурге. В **2006** г. средний уровень изнасилований – 6,2. Максимальный уровень – в республиках Тыва – 59,0; Алтай – 27,4; в Пермском крае – 15,0. Минимальный уровень – в республиках Ингушетия – 0,6; Северная Осетия – Алания – 3,1; в Мурманской области – 1,6.

В целом по тяжким насильственным преступлениям отмечается высокая криминальная активность в Приморском и Хабаровском краях, Восточной Сибири, в некоторых регионах Западной Сибири и Урала. Катастрофическими показателями характеризуется Тыва. Наиболее благополучными, по данным официальной статистики, являются регионы Северного Кавказа, ряд областей Центральной России, а также оба столичных мегаполиса.

Конкретные причины существенной неравномерности территориального распределения преступлений против личности требуют специального, углубленного изучения.[415] В общем виде

они объясняются различиями в условиях жизни, особенностями демографического состава населения. Не исключено, что низкие показатели в республиках Северного Кавказа зависят от специфических форм социального контроля, когда общинные (этнические, клановые) отношения, во-первых, удерживают от крайних проявлений насилия, а во-вторых, неформальный контроль подменяет формальный, и случаи насилия не становятся известны правоохранительным органам.

Различен уровень насильственных преступлений в *городах и сельской* местности. Так, уровень (на 100 000 жителей соответствующих типов поселений) убийств в городах и поселках городского типа составил в 1990 г. – 9,0, в сельской местности – 14,6 (в 1,6 раза выше), в 1998 г. соответственно – 18,4 и 24,8 (в сельской местности выше в 1,3 раза), в 2005 г. соответственно – 14,6 и 25,3 (в сельской местности выше в 1,7 раза). Уровень причинения тяжкого вреда здоровью среди городского населения в 1990 г. составил 27,6, среди сельского населения – 27,9; в 1998 г. этот разрыв оказался более значительным: соответственно, 29,0 и 35,6 (в 1,2 раза); в 2005 г. соответственно – 39,2 и 42,8. Уровень изнасилований в 1990 г. в сельской местности (13,5) был в 1,5 раза выше, чем в городах и поселках городского типа (8,9), в 1998 г. – в 1,7 раза (уровни 8,8 и 5,1 соответственно), в 2005 г. – в 1,4 раза (уровни 5,8 и 8,1). Мы привели для иллюстрации данные лишь по трем годам (рассчитаны нами исходя из городского населения в 1990 г. – 109,2 млн человек, в 1998 г. – 107,3 млн человек, в 2005 г. – 105 млн человек, сельского – соответственно 38,8 млн, 39,4 млн и 38 млн человек), однако они отражают ситуацию в целом: уровень зарегистрированного насилия в сельской местности в России существенно выше, чем в городах (при значительно более высокой латентности преступлений на селе).

Существуют различные этому объяснения. С нашей точки зрения, во-первых, жители села традиционно решают возникшие межличностные конфликты с помощью физической силы. Во-вторых, выше уровень алкоголизации сельского населения, а, как ранее было показано, большинство тяжких насильственных преступлений совершается в состоянии алкогольного опьянения. Наконец, в-третьих, нельзя исключить обычного для сельских жителей более «простого», чтобы не сказать – пренебрежительного отношения к ценности жизни вообще («бог дал, бог и взял»; к медицинской помощи, особенно – квалифицированной, в условиях российских расстояний обращаться гораздо сложнее, чем горожанам; убийство домашних животных – на мясо – дело привычное и «наглядное» с детского

возраста).

Распределение тяжких насильственных преступлений во времени также имеет свои закономерности. Они хуже изучены, чем пространственные различия. Лишь в качестве примера заметим, что, по нашим данным, в Ленинграде 80-х гг. минувшего столетия *недельный* максимум тяжких телесных повреждений и изнасилований приходился на субботу (соответственно, 21,5 и 20,9 % недельного количества), минимум наблюдался в начале недели (понедельник, вторник). Убийства были распределены по дням недели более равномерно, но с резким сокращением в воскресенье. *Суточное* распределение всех рассматриваемых видов тяжких насильственных преступлений было примерно одинаковое: максимум с 20 до 23 часов (38,5 % суточного числа убийств, около 48 % тяжких телесных повреждений, 33,6 % изнасилований), далее по частоте преступлений следовал интервал с 16 до 19 часов, лишь изнасилований относительно больше приходилось на ночное время – 0–3 часа, меньше всего насильственных преступлений совершалось в период с 4 до 11 часов. Что касается *сезонной* волны, то убийства имели три максимума (в порядке убывания): апрель, июль, ноябрь и три минимума – в феврале, июне, октябре. Максимум тяжких телесных повреждений также приходился на апрель, июль, ноябрь, а минимум наблюдался в декабре, феврале, сентябре. Что касается изнасилований, то их максимум располагался в августе-декабре (с «пиком» в сентябре и ноябре), а минимум в марте-мае. [416]

Большинство тяжких насильственных преступлений совершаются в *семейной* и *бытовой* сферах.[417] Выше уже упоминалось, что распространенность и значимость насильственных преступлений в семье послужили основанием формирования и развития относительно самостоятельного направления – семейной криминологии. Женщины, как правило, чаще становятся жертвами семейного насилия. Если в США наблюдается некоторое сокращение семейных убийств,[418] то этого нельзя сказать применительно к России. Но и в США женщины значительно чаще становятся жертвами семейного насилия.

В первую очередь в США, а также в ряде других государств, включая современную Россию, серьезную опасность представляют преступления против личности с применением *огнестрельного оружия*. Региональные межэтнические конфликты, частичная дезорганизация и коммерциализация воинской службы, формирование устойчивых преступных сообществ привели в России к резкому росту преступлений, совершенных с

применением огнестрельного оружия: 1987 г. – 2164 зарегистрированных случая, в том числе 534 убийства или покушения на убийства, 1991 г. – 4481 случай (из них 970 убийств или покушений на убийства), 1993 г. – 19 154 случая (из них 2957 убийств с покушениями), 1997 г. – 19 650 случаев, 1999 г. – 15 591 случай, 2006 г. – 18 727 случаев. В 2003 г. зарегистрировано 54 203 преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, в 2006 г. – 30 055 таких преступлений. На 1 января 2000 г. на учете состояло 51 326 единиц утраченного огнестрельного нарезного оружия и боевой техники.[419]

Особого внимания заслуживает изучение *жертв* насильственных преступлений. Полицейская статистика в ряде стран (прежде всего, в Германии и Великобритании) столь же подробно учитывает сведения о жертвах, сколь и о преступниках. К сожалению, в России представлены сведения только об общем числе жертв преступлений. Мне известна лишь одна отечественная монография, специально посвященная этой проблеме.[420]

Самостоятельного анализа заслуживают преступления против *половой* неприкосновенности и половой свободы личности.[421] Однако статистические сведения о них (табл. 7.3) весьма скромны в силу очень высокой латентности.

Это характерно для многих стран, но, пожалуй, особенно для России: традиционная мораль нередко обрушивается на потерпевших, и те не заявляют в органы расследования об имевших место посягательствах. Кроме того, последние нередко исходят со стороны знакомых и родственников, что в еще большей степени ограничивает желание жертв предавать огласке случившееся.

Таблица 7.3

Динамика преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы (1995–2006)*

	1995	1996	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Изнасилование	14 427	13 956	8346	7901	8196	8117	8085	8795	9222	8871
Насильственные действия сексуального характера	—	—	6659	6301	6631	5704	5126	5690	5981	5755
Понуждение к действиям сексуального характера	10	25	147	137	85	90	44	112	62	52
Действия сексуального характера с лицом, не достигшем 16 лет	537	447	194	160	146	175	203	751**	1632	3081
Развратные действия	2458	1417	884	697	583	762	841	1397	1562	3070

* УК РФ 1996 г. внес существенные изменения в квалификацию рассматриваемого вида преступлений.

** С учетом изменений (ФЗ от 8 декабря 2003 г.).

§ 3. «Преступления ненависти»: теория и российская реальность

Преступления по мотивам национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды – «преступления ненависти» *(hate crimes)* были всегда. Достаточно вспомнить многочисленные религиозные войны, крестовые походы, межнациональные и межэтнические конфликты, погромы и преследования на почве антисемитизма. Вообще с первых шагов человечества зародились подозрительность и нелюбовь к «чужим», «не своим», нередко переходящая в открытую вражду (впрочем, это присуще всем стадным животным).[422]

Однако со второй половины минувшего XX столетия такого рода преступления приобрели характер острой социальной проблемы. Тому есть как минимум два объяснения. Во-первых, по мере развития цивилизации, либерализации и гуманизации межчеловеческих отношений население развитых стран стало особенно болезненно воспринимать любые проявления ксенофобии и преследования на почве национальной, расовой, религиозной вражды, а также по мотивам гомофобии, неприязни к каким бы то ни было категориям населения (нищим, бездомным, инвалидам, проституткам и т. п.). Высмеиваемая подчас «политкорректность» людей западной цивилизации, недопустимость «обзывать» кого бы то ни было алкоголиком (лучше сказать – «У Джона проблема с алкоголем»), наркоманом («У Кэтрин проблема с наркотиками»), преступником («У Смита проблема с законом») в действительности есть проявление подлинно человеческой толерантности, достойной уважения. По этой же причине в США не принято употреблять слово «негр», исторически носящее уничижительный характер («нигер»), а предпочтительнее – афроамериканец. Во-вторых, одним из негативных последствий глобализации является усиление ксенофобии во всем мире. Глобализация ускорила миграцию, смешение рас, этносов и культур, религий и обычаев. Это в свою очередь приводит к взаимному непониманию, раздражению по поводу «их» нравов, обычаев, привычек, стиля жизни и т. п. Не миновала чаша сия и Россию. Между тем ксенофобия, нетерпимость во всех ее проявлениях служит реальной угрозой существованию и отдельных обществ, и человечества в целом.[423]

Не случайно поэтому в 1985 г. впервые было «слово названо»: John Coneyrs, Barbara Kennelly и Mario Biaggi опубликовали «Hate Crime Statistics Act». В 1989 г. была издана статья Джона Лео «The Politics of Hate». Интересно, что одна из первых работ (1991 г.) была посвящена насилию в отношении геев и лесбиянок. В начале 90-х гг. минувшего столетия термин «hate crimes» приобрел легалистский (правовой) характер, стал использоваться в законодательных актах.[424] Криминализации подверглось, прежде всего, насилие по мотивам расизма, антисемитизма, а также – гомофобии, враждебного отношения к гомосексуалистам. Прошло немного времени, и стал нарастать вал литературы, посвященной проблеме преступлений, совершаемых по мотивам национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды и на почве гомофобии.[425] В США к группам, совершающим преступления ненависти, были отнесены нео-нацисты, скинхеды и ку-клус-клан.

Основные понятия

«Преступления ненависти», во-первых, суть *социальный конструкт* (как и преступность, наркотизм, проституция и иные социальные феномены, не имеющие онтологических оснований и «естественных» границ).[426] Во-вторых, и это отчасти вытекает из вышесказанного, это понятие еще не устоявшееся, по-разному понимаемое различными законодателями и учеными.

Дж. Джейкоб и К. Поттер в вышеназванной книге подчеркивают, что преступления ненависти – прежде всего преступления, порождаемые *предубеждением, предрассудком (bias, prejudice)* по отношению к лицам *другой* расы, нации, цвета кожи, религии, сексуальной ориентации и т. п. Это преступления, мотивированные предубеждением. Преступления ненависти как социальный и правовой конструкт не существуют как таковые в природе, *sui generis, per se.* Это «обычное» насилие, но совершаемое в силу определенных, перечисленных в законе мотивов.

По Джейкобу и Поттер, «"Hate crime" есть социальный конструкт. Это новый термин, не привычный, не самоочевидный (self-defining). Он придуман в конце 80-х для обозначения криминальных деяний, мотивированных предубеждением, сфокусированный скорее на психологии преступлений, чем на криминальных действиях».[427]

Н. Холл также относит преступления ненависти к социальным конструктам. Он отмечает трудность всех определений преступности вообще и преступлений ненависти в

частности. В своей монографии Холл приводит многочисленные определения hate crime (P. Gerstenfeld, K. Craig, L. Wolfe, L. Copeland, C. Sheffield, B. Perry и др., а также ряд нормативных определений).[428] Холл подробно останавливается и на анализе всех «составляющих» анализируемого понятия и его определений: «ненависть», «предубеждение», «предрассудок», «дискриминация» и др.

Приведем некоторые из рассматриваемых Холлом определений. «Простейшее определение преступления ненависти: криминальный поступок, который мотивирован, по крайней мере, групповой принадлежностью жертвы»; «незаконное деяние, включающее преднамеренную селекцию (отбор) жертвы, основанную на предрассудке или предубеждении преступника против реального или предполагаемого статуса жертвы»; «насилие, направленное в отношении групп людей, которые в целом не одобряются большинством общества, которые испытывают дискриминацию в различных сферах деятельности…»; «преступление ненависти включает акты насилия и устрашения, обычно направленные в отношении уже стигматизированных и маргинализированных групп».

В российском уголовном праве мы встречаемся с такими составами преступлений, как насильственные преступления, совершенные «по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды» (п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «з» ч. 2 ст. 117 УК РФ); «действия, направленные на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды, унижение национального достоинства, а равно пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, национальной или расовой принадлежности» (ст. 282 УК РФ). Отягчающими обстоятельствами этого состава преступления является совершение названных действий с применением насилия или с угрозой его применения, лицом с использованием служебного положения, а также совершенные организованной группой (ч. 2 ст. 282 УК).

Кроме того, согласно п. «е» ст. 63 УК к отягчающим наказание обстоятельствам относится совершение преступления «по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды»; ст. 136 УК предусматривает уголовную ответственность, в частности, за «нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина в зависимости от… расы, национальности… отношения к религии»; в п. «б» ч. 2 ст. 244 («Надругательство над телами умерших и местами их захоронения») рассматриваются в качестве квалифицирующего признака действия «по мотиву

национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды»; ст. 282–1 устанавливает ответственность за организацию экстремистского сообщества, в том числе «по мотивам… расовой, национальной или религиозной ненависти».

Монографическим отечественным исследованием преступлений ненависти, насколько мне известно, является пока только диссертация К. Н. Бабиченко.[429] Интересно, что в результате тщательного анализа этнографической и генетической литературы он предлагает отказаться от понятий «раса», «национальность» как крайне неопределенных конструкций («чистых» рас и национальностей не существует, равно как и генетически определенных признаков той или иной расы или национальности). К. Н. Бабиченко предлагает следующую формулу «преступлений ненависти»: «совершение преступления по мотивам антропологической, языковой ненависти и межгрупповой розни или отношения к религии и иным убеждениям».[430] С научной точки зрения можно было бы согласиться с доводами К. Н. Бабиченко. Другое дело, что международное и национальное законодательство, а также правоприменительная практика прочно включают названные понятия и их отмена требует серьезного международного обсуждения и принятия соответствующих нормативных решений. Кроме того, обыденное сознание постоянно исходит из понятий расы и национальности, что, вероятнее всего, очень плохо, но пока неизбывно.

Международная судебная практика, включая практику Европейского суда по правам человека, в связи с дискриминацией по признаку расы и национальной принадлежности представлена в недавно опубликованном сборнике статей.[431]

Классификация преступлений ненависти

В зависимости от уголовно-правового закона и доктринальных суждений различаются виды преступлений ненависти: по мотивам расовой, национальной, этнической неприязни или вражды; по мотивам религиозной неприязни или вражды; в отношении сексуальных и иных меньшинств.

Следует, очевидно, отграничивать преступления ненависти от еще одного вида преступлений, почти не артикулируемого в отечественной литературе, – *«стокерства»,* или *«сталкерства» (stalkers* – упорные преследователи, «охотники»).[432] Речь идет о людях, преследующих кого-либо. Потенциальными и реальными жертвами стокеров (для россиян привычнее – сталкеров,

благодаря роману братьев Стругацких и фильму А. Тарковского) могут быть некогда близкие люди (бывшая жена, бывший муж, дети, родители, бывшие друзья и т. п.), сослуживцы, коллеги по профессии, соученики. Нередко «стокерство» – результат психических отклонений (сутяжничество, сексуальные перверсии), но может быть и следствием ревности, зависти, мести или иной непримиримости.

Существенное отличие «стокерства» от «преступлений ненависти» состоит в том, что, во-первых, стокеры преследуют какое-либо *конкретное лицо* (персонально), а не неопределенный круг лиц, принадлежащих к ненавистной группе («черные», «косоглазые», «гомики» и т. п.). Во-вторых, стокер преследует и может учинить насилие над преследуемым по *личным мотивам,* вытекающим из личных неприязненных отношений (зависть, ревность, месть и т. п.).

Hate crimes в современной России

Последние годы отмечены небывалым ростом преступлений ненависти в России. Газеты, специальные издания, милицейские сводки практически ежедневно сообщают о случаях нападения, избиения, убийств *фактически* по мотивам расовой, национальной ненависти, реже – религиозной, которую не всегда возможно отделить от национальной (нападение в московской синагоге, в ряде мечетей, осквернение еврейских и мусульманских кладбищ и т. п.). Правда, в большинстве случаев действия виновных, если их удается найти, квалифицируются как хулиганство, убийство, не связанные с ксенофобской мотивацией. Поэтому, например, по п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ было зарегистрировано всего 9 случаев в 2001 г., 10 – в 2002 г., 11 – в 2003 г., 10 – в 2004 г.[433] Динамика преступлений, образующих состав ст. 282 УК РФ, и выявленных лиц, их совершивших, выглядит следующим образом: 1999 г. – 25/11; 2000 г. – 17/8; 2001 г. – 32/7; 2002 г. – 74/16; 2003 г. – 72/15; 2004 г. – 59/26; 2005 г. – 80/42; 2006 г. – 173/103.[434] В то же время СМИ и специальная литература называют сотни преступлений ненависти, совершаемых в стране за год.[435]

Зам. начальника департамента охраны общественного порядка МВД РФ В. Голубовский, выступая на «Круглом столе» в НИИ МВД РФ 25 октября 2007 г., заявил: «На оперативных и профилактических учетах в органах внутренних дел состоят 302 неформальных молодежных объединения экстремистской направленности общей численностью свыше десяти тысяч

человек». Количество погибших от их рук за январь-сентябрь 2007 г. составило уже 46–53 человека (по разным источникам).

Только в Санкт-Петербурге, по собираемым нами данным, преступления ненависти совершаются почти еженедельно. В марте 2005 г. пятнадцать иностранных студентов покинули Санкт-Петербург, поскольку правительство города ничего не делает для обеспечения безопасности иностранных студентов. Летом 2004 г. в Петербурге был убит ученый и антифашист Николай Гиренко, выступавший экспертом по делам наших патриотов-фашистов. А спустя ровно три года – в июне 2007 г. – была зверски избита Валентина Узунова, коллега Н. Гиренко, принявшая от него эстафету экспертиз по делам отечественных неофашистов.

Наибольшее количество преступлений ненависти совершается в Санкт-Петербурге, Москве, Воронеже, Краснодарском крае, да и в других регионах.

Субъектами «преступлений ненависти» в России выступают обычно подростки мужского пола в возрасте 14–21 года, безработные или школьники и студенты, нередко из «хороших семей». Обычно это скинхеды, «наци», неофашисты.

Их *«идеология»* это «Россия для русских!», «Мигранты go home!», «Бей черных!».

Жертвами преступлений ненависти становятся жители Китая и Индии, Египта и Камеруна, Уганды и Мали, Израиля и Ливии, Ганы и Сенегала, а также многочисленные «лица кавказской национальности» (армяне, грузины, азербайджанцы, чеченцы и др.). Чаще всего это студенты российских университетов, легальные и нелегальные мигранты.

Каковы *методы* преступлений ненависти? Чаще всего это неожиданное нападение толпы молодых людей – скинхедов, нацистов (10–15 человек) – с ножами, металлическими прутьями, бейсбольными битами на жертву. Они стараются убить «чужого» «фирменным» ударом ножа в горло.

Ученый и поэт академик А. Городницкий с горечью отмечает: «Общая ксенофобия в России чудовищно выросла… Это внушает тревогу… за общий дух, который сегодня царит в обществе. Что же нужно нашему народу? Опять полицейское гетто? Или фашистское государство? Новый фюрер?»[436] Известный психолог профессор А. Асмолов пишет: «Россия поражена тяжелейшей идеологической болезнью, которая более тяжела, чем водородная бомба XX века. Имя этой болезни – ксенофобия». И, комментируя нежелание властей и правоохранительных органов называть вещи своими именами, Асмолов продолжает: «Я считаю, что сокрытие подлинных мотивов преступления приводит к росту

подобных преступлений».[437] Ему вторит не менее известный ученый-археолог Л. Клейн: «Народ в массе симпатизирует убийцам инородцев, жалеет не убитых и их родных, а убийц… Складывается впечатление, что народ готов к погромам инородцев… Сейчас в России социально-экономическая база нацизма уже создана».[438]

Следует признать, что пока общество, власть, правоохранительные органы не начнут предпринимать реальные действия по воспитанию толерантности населения и жесткому преследованию субъектов ксенофобии и преступлений ненависти, разрастание последних невозможно предотвратить, и самые печальные прогнозы ученых сбудутся.

О реальной опасности правонарушений на почве ксенофобии свидетельствует и тот факт, что их число резко возрастает даже в традиционно демократических и толерантных странах. Так, по данным, приводимым Холлом в Приложении к ранее цитировавшейся книге, количество зарегистрированных полицией «расовых инцидентов» (не только преступлений) увеличилось с 1996/97 по 2002/03 г. по регионам (графствам) Великобритании: Dorset – с 67 до 260, Humberside – с 55 до 350, Wiltshire – с 35 до 332. Справедливости ради следует заметить, что в ряде графств число таких преступлений сократилось. В Лондоне инцидентов на расовой почве было зарегистрировано в 1996/97 г. – 5621, их количество возросло до 23 346 в 1999/2000 г., но затем снизилось до 15 453 в 2002/03 г. Но общий итог – тревожный.

«Кто виноват?»

Ответ на этот вопрос требует специального изучения применительно к тому или иному государству и обществу. Антисемитизм в Австрии, гитлеровской Германии, Польше, России имеет свои специфические особенности и «причины». Расовая нетерпимость по отношению к неграм в южных штатах США и нетерпимость к «черным» в современной России имеют различные корни.

Более того, отношение к тем или иным «меньшинствам» исторически меняется. Отношение к мусульманам в XX веке было терпимым или дружественным. Исламский фундаментализм конца XX – начала XXI в., усугубленный террористической деятельностью, резко обострил взаимоотношения между миром исламским и – условно – западным.

Рассмотрим некоторые факторы, обусловливающие ксенофобию и совершаемые на ее почве преступления ненависти

в России.

Объективно нетерпимость, ксенофобия, злоба, зависть есть закономерный, необходимый и неизбежный результат непомерного разрыва в уровне и образе жизни сверхбогатого меньшинства («включенных», *«included»)* и нищего и полунищего большинства («исключенных», *«excluded»)*.[439] Подробнее этот вопрос был рассмотрен нами в гл. 6. Большинство «исключенных» – подростки и молодежь – без образования, без профессии, без работы, без легальных доходов, но окруженные «гламуром», иномарками, ресторанами, бутиками… Совершенно очевидно, что *безнадежность существования большинства россиян* не может не вызывать соответствующую реакцию. Остается только найти «козлов отпущения».

К этому следует добавить бесспорный объективный фактор – приток иммигрантов, которым сложно адаптироваться в новой среде, а «среда» не хочет адаптироваться к приезжим. Возникает взаимное недоверие и часто – неприязнь. Среди коренного населения начинают циркулировать идеи о повышенной «криминальности» приезжих. Однако, во-первых, подобные слухи сильно преувеличены. Так, например, в 2003 г. среди всех лиц, совершивших преступления, удельный вес иностранных граждан и лиц без гражданства составил всего 2,7 %, в том числе гражданами государств СНГ – 2,5 %.[440] В 2006 г. 3,0 % преступлений было совершено иностранными гражданами, в том числе гражданами государств СНГ – 2 %.

Во-вторых, повышенная «криминальность», если она имеет место, зависит не от расовой (этнической) принадлежности, а от того, что лица одной культуры оказались перенесены, по разным причинам, в другую культуру; мигранты, независимо от этнической принадлежности, всегда хуже адаптированы к условиям жизни «коренного населения»; мигрируют чаще всего не от хорошей жизни; мигрируют или отправляются «на заработок» в другие страны и регионы наиболее активные – молодые мужчины, чья «повышенная» криминальность известна.

В зарубежной криминологии, особенно американской, исследованиям расового (этнического) фактора уделяется значительное внимание.

Перейдем к *«субъективным»* факторам. В 1990 г. я попытался проследить систему мифов тоталитарного общества на примере СССР.[441] Основные вехи *мифологизированного сознания,* по-моему, таковы: «Человек создан для счастья» – «Светлое будущее» – «Светлый путь» – знающий этот путь Вождь (Фюрер)… Но: «До „светлого будущего“ было что-то далековато, а настоящее – несмотря на все „небывалые успехи“, мрачновато. Значит –

виноваты „враги“! Кулаки и „подкулачники“, правые и левые, вредители и саботажники, „враги народа“ и члены семей врагов народа, крымские татары и немцы Поволжья, космополиты и „врачи-отравители“, и несть им числа… Поиск „врагов народа“ (то бишь „козлов отпущения“) и „борьба“ с ними – самая страшная страница прошлого».[442]

В стремлении неудачливой власти искать «врагов» и натравливать на них «народ» нет ничего нового. Это старо, как мир: от древнеримского «разделяй и властвуй» до сталинских «врагов народа», «убийц в белых халатах», «безродных космополитов» и т. п.

Вот почему прав бывший депутат Госдумы и правозащитник Юлий Рыбаков: «Безнаказанность, в условиях которой действуют националисты, наталкивает на мысль, что государство взяло на вооружение эту силу и придерживает ее на случай, если в один прекрасный момент понадобится сказать «фас». Власть предержащие (а сегодня это, если называть вещи своими именами, чекисты и чиновники) пытаются построить новую империю. Они понимают, что на этом пути их ждут сложности, а народ, который становится все беднее на фоне баснословно богатеющей элиты, будет искать виноватых. Естественно, власти не хотят, чтобы люди в один прекрасный момент показали пальцем именно на них. Поэтому нужно найти «крайних», виноватых. Как правило, на эту роль лучше всего подходят инородцы – армяне, евреи, азербайджанцы, неважно кто».[443] И население, увы, готово проглотить эту наживку. Так, в ответ на создаваемый Рыбаковым Санкт-Петербургский антинацистский центр ему звонили возмущенные жители «культурной столицы»: «Спрашивают, что мы имеем против нацизма, говорят, что приезжие заполнили город, что нужно что-то с этим делать…»[444] И это мнение возмущенных граждан может быть страшнее самих фашиствующих молодчиков. Так же, как результаты многочисленных опросов общественного мнения, согласно которым до 65 % населения согласны с националистическим лозунгом «Россия для русских»…

«Что делать?»

Знание факторов, провоцирующих ксенофобию, позволяет, в принципе, выстроить хорошо обоснованную систему мер противодействия ей. Но не просматриваются сегодня реальные основания для такого противодействия. Социально-экономический разрыв сверх богатого меньшинства и

нищенствующего большинства не сокращается. Напротив, богатые становятся богаче, бедные беднее (если не абсолютно, то относительно). Доступ молодежи к профессиональному образованию, особенно высшему, сокращается. Недовольство взрослых и подростков увеличивается. Соответственно, растет ненависть, которая так легко обращается против «инородцев», за недоступностью собственной власти… Разрыв между властной «элитой» и «народом» достиг небывалых размеров. Более того, ксенофобия усиливается межконфессиональными распрями и религиозным мракобесием (РПЦ собирается внедрять в общество православную этику; школьница Маша затевает второй в истории человечества «обезьяний процесс», предъявив департаменту образования иск о необходимости обучения школьников концепции «божественного сотворения» человека; бросается в качестве пробного камня идея введения в школах уроков православия и т. п.).

Было бы банальностью, хотя и вполне справедливой, в очередной раз говорить о том, что семья, школа, вуз должны воспитывать *толерантность* к любым «другим» – по национальности, культуре, религии или атеизму, толерантность к инакомыслию и инакодействию.

Я убежден, что без высокого уровня толерантности само существование человечества проблематично, а вместо поисков «национальной идеи» следует обратиться к так называемым «общечеловеческим ценностям», хорошо известным цивилизованному миру. Это *либеральные, демократические ценности.* И наиболее актуальные из них сегодня:

• *ненасилие* (ибо без него – гибель, как индивидуальная, так и, в конечном итоге, человечества как рода);

• *толерантность, терпимость* – политическая, расовая, этническая, конфессиональная, идеологическая (ибо без нее невозможно ненасилие);

• *интернационализм или космополитизм* (ибо без него – нетерпимость).

Насколько воспитанная с детства толерантность помогает в экстремальной обстановке свидетельствуют осенние 2005 г. события во Франции. Неделями в Париже и в ряде других городов «инородцы» – жители окраин громили автомобили, магазины центральных районов. И – ни капли пролитой крови! Ни полицией, ни белым населением французских городов!

§ 4. Торговля людьми

Жизнь является высшей, абсолютной ценностью. Причем – *любая* жизнь, в том числе животных, перед которыми мы, люди, очень виноваты. Не случайно свой знаменитый девиз *«veneratio vitae»* («благоговение перед жизнью») Альберт Швейцер распространял на *все* живое, включая растения и насекомых. Но для человека абсолютную ценность представляет и *Свобода.* Только Свободный Человек может в полной мере реализовать свои способности, дарования, талант, «осуществить себя».[445] **Жизнь** неразрывно связана со **Свободой.** Вот почему самые первые положения Всеобщей декларации прав человека (1948 г.) гласят: «Все люди рождаются свободными и равными в своих достоинствах и правах» (ст. 1 Декларации); «Каждый человек должен обладать всеми правами и свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия» (ст. 2); «Каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность» (ст. 3).

К сожалению, современный мир полон рисков для человеческой жизни и свободы. Неудивительно, что У. Бек рассматривает современное общество как «общество риска».[446] И проблема безопасности человека и его свободы является одной из острейших.

Торговля людьми *(«human trafficking»)* – мировая проблема. Понятие «торговля людьми», согласно «Протоколу о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее» Генеральной Ассамблее ООН (ноябрь 2000 г.), включает три элемента: (1) вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение людей; (2) использование неподобающих средств (принуждение, похищение, мошенничество или обман); (3) цели эксплуатации (сексуальная эксплуатация, принудительный труд, услужение или рабство).[447] Обычно различают следующие виды торговли людьми: торговля женщинами («белые рабыни»), детьми (для проституции, порнографии, нелегального усыновления), принудительный труд (рабство), продажа органов. Контрабанда мигрантов служит одним из средств торговли людьми.

Торговля людьми тесно связана с организованной преступностью, является частью (элементом) ее деятельности. Часто торговля людьми носит международный, транснациональный характер (хотя, конечно, возможна торговля людьми в рамках одного государства – «белое рабство», сексуальная эксплуатация детей, принудительный труд и др.).

Сведения об этом виде криминального бизнеса малодоступны. Данные официальной статистики чрезвычайно лаконичны, бедны и не отражают реальных масштабов бедствия.

Лишь в некоторых странах ведется более или менее подробный учет деяний, связанных с торговлей людьми (Германия,[448] Нидерланды,[449] Швеция[450]). Некоторые сравнительные данные, собранные «по каплям», опубликованы в статье Кристины Кангаспунты.

В России фактически отсутствует учет торговли людьми. Это объясняется, во-первых, высокой конспиративностью нелегальной торговли людьми преступными организациями. Во-вторых, как нелегальный вывоз «проданных» людей за границу, так и торговля людьми внутри России часто осуществляется преступными группировками при содействии коррумпированных должностных лиц государства (таможенная служба, полиция, миграционная служба), которые заинтересованы в сокрытии преступной деятельности не меньше, чем криминалитет. В-третьих, российское государство традиционно скрывает от населения столь постыдное для цивилизованного общества явление, как торговля людьми. Основными источниками информации о ситуации в России служат сообщения средств массовой информации, результаты отечественных и зарубежных исследований.[451]

Между тем среди стран происхождения, транзита или назначения в мировых отчетах первые места занимают (в порядке убывания): Россия, Украина, Нигерия.[452] Среди регионов на первом месте по «экспорту» людей находится Азия, на втором – страны СНГ, на третьем – Африка, на последнем – «развитые страны». Зато среди стран-«импортеров» на первом месте – «развитые страны». Что касается жертв торговли людьми («продаваемых»), то первые места (в порядке убывания) по упоминанию занимают Украина, Россия, Нигерия, Албания, Румыния, Молдова, Болгария, Китай. По данным российских исследователей, Россия также занимает одно из первых мест в списке стран, занимающихся торговлей людьми.[453]

Среди жертв *сексуальной* эксплуатации большинство – женщины, второе место занимают дети, ничтожное количество мужчин. Жертвами принудительного *труда* являются прежде всего дети, на втором месте – женщины, на третьем – мужчины. Гораздо меньше данных о правонарушителях (этот вид криминального бизнеса наиболее латентен). Однако и по этому показателю Россия занимает первое место, второе и третье делят Нигерия и Украина, далее следуют Албания, Таиланд, Турция, Китай. Итак, по совокупности ряда показателей *Россия* наряду с Украиной и Нигерией входят *в тройку стран максимального риска порабощения.*

Такая ситуация неудивительна, поскольку основной объект

торговцев людьми – *«исключенные» (excluded),* лица, лишенные достатка, безработные, бездомные, сироты, малообеспеченные и наименее защищенные слои населения. Между тем в России по *официальным* данным около трети населения находится за чертой бедности. По данным Доклада о мировом развитии 2005 г. Всемирного банка, 23,8 % населения России находятся за *международной* чертой бедности, а по российским *национальным* стандартам – свыше 30 %.[454] Но ведь помимо *нищих,* находящихся ниже черты бедности, есть масса *бедных,* также практически «исключенных» и готовых к «продаже»… Только в Иркутской области в 2000 г. были полностью безработными 65,2 % мужчин и 52,3 % женщин, а у 60 % населения уровень доходов был ниже прожиточного минимума.[455]

3. Бауман, избегая терминов «включенные»/«исключенные», предпочитает говорить о «туристах» (включенные)/«бродягах» (исключенные), подчеркивая, что эти группы – «два мира, два представления о мире, две стратегии».[456] Иногда «исключенных» он именует «отбракованными» *(burned-out).*

Применительно к России идеи Баумана интерпретируются О. Н. Яницким: «За годы реформ уже сотни тысяч жителей бывшего СССР стали «отходами» трансформационного процесса, еще многие тысячи беженцев оказались в России без всяких перспектив найти работу, жилье и обрести достойный образ жизни. Для многих Россия стала "транзитным пунктом" на пути в никуда».[457]

Любая торговля людьми есть разновидность рабства.

Различные виды торговли людьми «ставят под сомнение возможность демократии в странах, где половина населения может рассматриваться как потенциальный товар, который может быть куплен, продан и порабощен».[458]

Основные виды торговли людьми (human trafficking)

Торговля женщинами

Следует различать *проституцию* – вступление за плату в случайные внебрачные сексуальные отношения, не основанные на личной симпатии, влечении,[459] и *торговлю женщинами* с целью их сексуальной эксплуатации (занятие проституцией). Занятие проституцией может быть относительно добровольным, торговля женщинами – никогда.

«Белые рабыни» – преобладающий «товар» на рынке людей. Объем мировой торговли женщинами с целью сексуальной эксплуатации оценивается в сумму от 7 до 12 млрд долларов в

год, ежегодно принуждаются к работе в секс-индустрии до 2 млн женщин и детей.[460]

Называют четыре «волны» импорта «белых рабынь»: первая – из Таиланда и Филиппин, вторая – из Доминиканской Республики и Колумбии, третья – из Ганы и Нигерии. Четвертая волна женщин охватила страны бывшего СССР, прежде всего Россию, Украину, Белоруссию, а также Латвию.[461] В мировой секс-индустрии отмечается спрос на славянских женщин. В частности, для бизнесменов Японии, Китая, Таиланда они считаются «символом престижа».[462] Много женщин из России и стран СНГ занимаются проституцией в странах Западной Европы (автору приходилось встречать наших соотечественниц на Репербане Гамбурга, в «квартале красных фонарей» Амстердама, в портовых кварталах Антверпена) и США. Свыше 10 000 женщин были вывезены транснациональными преступными организациями из России и Украины в Израиль для занятия в сфере секс-индустрии, оборот которой вырос до 450 млн долларов в год.[463] В середине 90-х гг. женщины из России появились и в Египте.

Российские проститутки экспортируются в страны Западной Европы, США, Канаду, страны Латинской Америки, а также в Китай. Им посвящены публикации от академических изданий до массовых иллюстрированных журналов.[464] Из дальневосточного региона России (Владивосток, Хабаровск и др.) больше всего «белых рабынь» транспортируется в Китай. На втором месте – Южная Корея, на третьем – Япония. Исследования, проведенные в Германии, также свидетельствуют о преобладании (79 %) среди жертв торговли людьми женщин из стран Центральной и Восточной Европы, включая Россию.[465]

В докладе корейского профессора Хана на конференции в Киото (10–11 декабря 2004 г.) говорилось о динамике миграции женщин в Корею. Если до 1993 г. абсолютно преобладали жительницы Филиппин, то с 1994 г. начался «заезд» женщин из России, а с 1996 г. – и из Узбекистана. К 2000 г. число мигранток из Филиппин и России сравнялось, а с 2001 г. большинство составили последние. Так, в 2002 г. количество приезжих женщин из Филиппин достигло 1664, из России – 2290, из Узбекистана – 496, на все другие страны пришлось 835 женщин.

Поскольку условия труда в сфере сексуальных услуг рабские, некоторые женщины, спасая себя, по договоренности с «хозяевами» возвращаются на родину для вербовки новых жертв. Это так называемая «вторая волна». При этом вербовщица получает за каждую завербованную женщину от 200 до 5000 долларов. Перевозка завербованных женщин из страны-экспортера в страну-импортер производится как легально

(туризм, на работу, к родственникам), так и нелегально.

По некоторым данным, насильственно вывезенные из России женщины занимаются проституцией более чем в 50 странах.[466] По официальным данным МВД РФ, только за три года – с 1994 по 1997 – были раскрыты сотни организованных преступных групп, вербующих российских женщин для занятия проституцией в странах Европы, Среднего Востока, Северной Америки и Азии. Женщины из Москвы, Санкт-Петербурга, Калининграда, Екатеринбурга и других городов вывозились по фальшивым паспортам, визам и приглашениям. К основным формам вербовки относятся: газетные сообщения о найме на работу за границей женщин в возрасте от 18 до 30 лет с выгодными условиями «безопасной работы»; «вторая волна», о которой говорилось выше; путем конкурсов красоты; прямые объявления о работе проститутками; через «брачные агентства».[467]

Активно функционирует черный (криминальный) рынок «живого товара» – *незаконная миграция, экспорт проституток.*

Вот отрывок из интервью Я. Костюковского (Центр девиантологии Социологического института РАН – СИ РАН) с представителем петербургского криминалитета:

«И.: А как дела с проституцией?

Р.: Проституция в Санкт-Петербурге обычная индустрия. Существует не со вчерашнего дня. Имеются сотни «контор» (агентства по предоставлению сексуальных услуг. – Я. Г.). Их еще больше в Москве. В нашем городе самые дорогие женщины в барах, гостиницах, казино. Есть «call girls», девочки в саунах, в «центрах досуга». Так, в массажных салонах… Уличные намного дешевле…

И.: А как с детской проституцией?

Р.: Конечно. Есть очень много любителей. Есть также много алкоголиков, которые продают своих детей. Можно даже за бутылку водки. Если говорить о проституции в целом, есть мужская проституция и гомосексуальная проституция тоже. Мужчины более дорого стоят.

И.: Что ты можешь сказать о «бизнес-поездках»?

Р.: Да, существуют. Более того, девочки не всегда проститутки. Это могут быть приглашения для работы в стриптизе или вообще в сфере услуг. Но они экспортируются, например, в Турцию и их насильно заставляют заниматься проституцией. Это их счастье, если им удается бежать. Но обычно конец очень плохой…».

Другие источники также свидетельствуют о большом количестве вывезенных из России женщин, пропавших в различных странах. Так, С. Ю. Лукашевич называет порядка 4000 женщин, которые пропали и чья судьба не известна. По другим

данным, только в Германии пропало свыше 12 000 женщин.[468]

Разновидностью секс-индустрии является секс-туризм. К числу стран, где развит секс-туризм, относятся, например, Куба, Россия, Доминиканская Республика. Российский рынок сексуальных услуг оценивается, по различным данным, от $670 млн до $770 млн.

Торговля детьми

Это одна из самых страшных разновидностей *human trafficking*. Дети используются для секс-бизнеса, порнографии, нелегального усыновления (последнее – не худший вариант).

Методами вовлечения детей в их сексуальную эксплуатацию служат похищение, фиктивный брак «родителей», прямое принуждение и изнасилование, фиктивное усыновление/удочерение. Нередко сутенеры «покупают» детей у спившихся, опустившихся родителей – бездомных, безработных, алкоголиков.

Россия является как *страной-экспортером* детей, так и *импортером* иностранных туристов, рассчитывающих на соответствующие удовольствия в стране, где множество бездомных, «уличных» детей. Социальной базой торговли детьми в России служат более чем два миллиона бездомных и сирот, дети алкоголиков, а также те из детей, которые добывают деньги для «сладкой жизни». Основными покупателями детских сексуальных услуг на Дальнем Востоке являются китайцы.[469]

Сотрудники Центра девиантологии СИ РАН исследовали сексуальную эксплуатацию детей в Северо-Западном регионе (Санкт-Петербург, Выборг, Петрозаводск и др.).[470] Большинство клиентов детской проституции – «новые русские», городские «авторитеты» (криминальные) и иностранные гости, преимущественно из Финляндии, а также из Швеции, Германии и Великобритании. Оральный секс с детьми стоил (на момент исследования – 2000–2001 гг.) 100–150 руб. (US$3–5), половое сношение – 200–250 руб. ($7–8), ночь с клиентом – от 500–600 до 1000 руб. (от $17–20 до $30–35). Мальчики ценятся дороже – 3–7 тыс. руб. ($100–250). Но если родители детей – алкоголики, то они продавали детей за бутылку водки (около $3)…

Детская порнография – очень скрытый и весьма доходный бизнес. Уличные дети – беспризорные, бездомные, безнадзорные – охотно отвечают на предложение вербовщиков. «Уличные дети наиболее уязвимы для эксплуатации в качестве моделей порнографии – видео или иного вида. Лица, вовлеченные в производство порнографических изданий, отыскивают таких

детей на улицах, рынках, около станций метрополитена или вокзалов и в других городских местах. Накормив их, они предлагают детям "заработать хорошие деньги". Дети, находящиеся в экстремальной экономической ситуации, надеются, что это будет простой путь заработать деньги, получить еду, одежду, иногда – наркотики, алкоголь, сигареты… Кадеты (учащиеся военных школ) Санкт-Петербурга нередко используются для получения гомосексуальных порноматериалов». [471]

Назовем также в качестве примера выявленную в Москве полицией в 2000 г. подпольную домашнюю киностудию «Голубая орхидея», создающую разнообразную порнографическую продукцию с участием детей. В результате расследования были выявлены списки ее клиентов из 24 стран.

Принудительный труд или рабство

Удивительно, но принудительный труд, рабство оказались распространенными в XX–XXI вв. Жертвами этого вида торговли людьми становятся мужчины, женщины, дети.

В современной России рабский труд был распространен, прежде всего, в Кавказском регионе, но в печать проникали сведения и о рабстве в центральных регионах Европейской части страны. О таком «рабовладельце» из Ленинградской области говорится в одном из очерков А. Константинова.[472]

Как и в других случаях торговли людьми, основной причиной трудовой миграции служит экономический фактор: низкий уровень заработной платы на родине или безработица, невозможность устроиться на работу. Как сообщает пресса, в некоторых регионах Республики Молдова почти все взрослое население выезжает на заработки в Италию или Россию. В результате дети остаются безнадзорными или на попечении родственников. Вот как объясняет журналистке свой вынужденный отъезд из Молдовы на заработки в Россию одна из матерей: «Ну, вот я буду сидеть дома и плакать с детьми, что нечего есть и обуть (т. е. нет обуви. – *Я. Г.)*. И что? Лучше я буду плакать одна, там, ночью в подушку, а у детей здесь будут деньги».[473]

В настоящее время фактически рабский труд широко распространен в России за счет легальных и – в основном – нелегальных мигрантов из стран СНГ, особенно Таджикистана, Узбекистана, Казахстана, Молдовы, а также из Китая, Вьетнама, Афганистана, Северной Кореи, отчасти – из африканских и латиноамериканских стран. Условия труда и жизни рабов XXI

века ужасны. Нередко их жизнь заканчивается самоубийством.[474]

Так, по данным одного из исследований в России, 80–90 % мигрантов принуждаются «хозяевами» к работе сверх положенного времени; до 90 % мигрантов не имеют оплаченных выходных, отпуска по болезни, иных социальных льгот; без оплаты труда или с неопределенными условиями и размером оплаты работают 25–47 %. К элементам *рабского* труда относятся: ограничение свободы и изоляция (25–30 % мигрантов); обман, угрозы, шантаж (27–35 %); принуждение к секс-услугам (25–30 % женщин); наличие долга работодателю (15–18 %).[475] Кроме того, множество трудовых мигрантов живут в ужасающих условиях, в бараках без электричества, без отопления, без канализации («удобства во дворе»[476]).

В связи с массовой миграцией в России начал формироваться институт «черного посредничества». Специальные агенты ездят по селам и городам стран СНГ (союз независимых государств, включающий ряд стран бывшего СССР), вербуя людей под предлогом «хорошего заработка» в России, а в действительности для занятия проституцией, тяжелым трудом в строительной отрасли с рабскими условиями труда, а иногда – и в качестве гладиаторов.[477]

Более того, существует практика продажи в рабство в современной… российской армии! Известны многочисленные случаи продажи офицерами солдат различным бизнесменам. Один из ставших известным случаев произошел в сентябре 2006 г., когда в городе Чита (Восточная Сибирь) офицер продал солдата своей воинской части местному предпринимателю за 35 000 рублей (около $1300). В результате солдат оказался в военном госпитале без ноги и без глаза, что явилось следствием рабской эксплуатации.

Торговля внутренними органами

Это одна из наиболее скрытых и быстро развивающихся отраслей криминального бизнеса. Существует международный черный рынок «изделий» для трансплантации сердца, почек и других органов человека. В российской прессе изредка проскальзывают сведения о случаях продажи органов в стране и за рубеж. Было два-три случая, когда возбуждались, расследовались и доходили до суда случаи по обвинению медицинских работников в нелегальном изъятии органов у детей в целях продажи. Однако эти дела либо заканчивались оправдательным приговором, либо прекращались производством.

Мировые и национальные проблемы предупреждения и сокращения торговли людьми чрезвычайно сложны, хотя нормативная правовая база достаточно развита.[478]

Во-первых, этот вид криминальной деятельности один из наиболее *скрытых, латентных.* Достаточно отметить, что при значительной распространенности торговли людьми в России были зарегистрированы соответствующие преступления в 2001–2006 гг.: принуждение к изъятию органов или тканей для трансплантации (ст. 120 УК РФ) – в 2001–2004 гг. 0 преступлений, в 2005–2006 гг. – по одному преступлению; торговля людьми (ст. 127–1 УК) – 0 преступлений в 2003 г., 17 – в 2004 г., 60 – в 2005 г., 106 – в 2006 г.; использование рабского труда (ст. 127–2 УК) – 0 преступлений в 2003 г., 8 – в 2004 г., 20 и 19 – соответственно в 2005–2006 гг.; торговля несовершеннолетними (ст. 152 УК) – в 2001–2003 гг. соответственно 16, 10, 21 преступление, затем закон утратил силу; незаконное усыновление (ст. 154 УК) – соответственно по годам 2, 3, 0, 1, 7, 9 преступлений.[479]

Во-вторых, все формы торговли людьми – порождение экономических, социальных, политических процессов в условиях глобализации. *Социально-экономическое неравенство* различных стран и социальных групп – основной фактор *human trafficking,* так же как иных девиаций – преступности, наркотизма, алкопотребления, проституции и др. Ясно, что неимущие, «исключенные» нуждаются в средствах для выживания, другая часть населения – в деньгах для «лучшей жизни» («сладкой жизни»). Криминал пользуется этим, «обеспечивая» тех и других (и, прежде всего – себя) такими средствами.

В-третьих, торговля людьми в эпоху глобализации – *относительно новая* проблема. Привычные методы выявления, регистрации, профилактики, противодействия социальному «злу» в данном случае не срабатывают. Тем более важны национальные и межгосударственные (кросс-культуральные) исследования торговли людьми и выработка методов и средств противодействия этому.

Глава 8
Преступления против собственности (корыстные преступления)

Собственность – это кража.

П. Ж. Прудон

§ 1. К постановке проблемы

Преступления против собственности, или корыстные преступления, или имущественные преступления – наиболее распространенный вид преступности в современных государствах. Однако границы, очерчивающие круг таких деяний, весьма условны. Во-первых, *«корысть»* – понятие широкое и «присутствует» так или иначе во всех преступных, да и многих непреступных поведенческих актах. Если исходить из известного афоризма, взятого в качестве эпиграфа к этой главе, то и с *«собственностью»* (в социально-экономическом, не юридическом смысле) все не так просто. Во-вторых, криминологическое представление об этом виде преступности не вполне совпадает с границами уголовного закона. Так, гл. 21 УК РФ («Преступления против собственности») включает разбой, который в равной степени и насильственное, и корыстное преступление, а также уничтожение или повреждение имущества, которое далеко не всегда носит корыстный характер (в смысле получения имущественных выгод). С другой стороны, большинство преступлений, предусмотренных главами 22, 23 УК РФ, а также ряд других деяний (бандитизм, незаконное занятие частной медицинской практикой, браконьерство, получение взятки и т. п.) преследуют явно корыстные цели.

Криминологически преступления против собственности включают *умышленные посягательства по корыстным мотивам на имущество, деньги или иные материальные ценности, находящиеся в чужой собственности, независимо от ее формы (личная, частная, общественная, государственная и др.) или, иначе говоря – незаконное обогащение за чужой счет.*

Существует множество утопий и иллюзий по поводу возможности установить (эволюционным или революционным путем) такой «справедливый» общественный порядок, когда одновременно каждый сможет иметь доходы «по труду» (чем больше трудишься и производишь, тем больше имеешь) и при

этом все будут достаточно обеспечены. Однако еще в конце XIX в. известный американский экономист Т. Веблен писал: «Как бы всеохватывающе, поровну или «справедливо» ни распределялся общий прирост общественного благосостояния, он нисколько не приблизит насыщение той потребности, почвой для которой является стремление каждого превзойти всякого другого в накоплении материальных ценностей. Если бы, как иногда полагают, стимулом к накоплению была нужда в средствах существования или в материальных благах, тогда совокупные экономические потребности общества понятным образом могли быть удовлетворены при каком-то уровне развития производственной эффективности, но, поскольку борьба по сути является погоней за престижностью на основании завистнического сопоставления, никакое приближение к определенному уровню потребления невозможно».[480] Опыт «развитого социализма», государств «всеобщего благоденствия» подтвердил вебленовский прогноз. На бытовом, житейском уровне безграничность «престижного потребления» и завистливости выражается в стремлении жить «не хуже других», «как люди», чтобы все было «как у людей». Если же «у соседа сдохла кобыла, казалось бы – какое мне дело? А все-таки приятно…».

Собственность – не естественная, природная данность, а *социальный конструкт.* Право собственности, полномочия собственника «определяются социально, и поэтому их характер зависит от конкретного общества, а также от стадии развития этого общества. Права собственности подразумевают социальные отношения между людьми, поскольку они определяют, кто имеет санкционированный доступ к этим объектам, а кто нет. Отношения собственности социальны, поскольку обладание собственностью может наделять человека властью над другими…».[481]

Социальный, а не природный характер собственности обусловливает непонимание (или недопонимание) детьми существенных различий между «мое», «наше» и «чужое», «не наше». Лишь в процессе обучения, вообще – социализации ребенок начинает усваивать, осознавать эту разницу. Но не каждый, не всегда и не сразу. А если в семье действуют принципы «хватай, что плохо лежит», «бери чужое, но не попадайся», «тащи все в дом», то надеяться на отношение к чужой собственности как «священной и неприкосновенной» не приходится. Но и в самых благополучных семьях дети до поры до времени не очень считаются с чужой собственностью. Вот признания ряда политических деятелей современной России: «Я украла у

одноклассницы красивую тетрадку и «биковскую» ручку. Родители девочки часто ездили за границу, и у нее всегда были такие красивые вещи, что устоять не было сил… А два моих сына, когда им было 4 и 7 лет, украли у нас с мужем деньги» (бывш. вице-спикер Госдумы И. Хакамада); «Я довольно часто воровал по мелочи. Иногда залезал к матери в кошелек… Но чаще я с друзьями лазил за яблоками в чужие сады» (губернатор Псковской области Е. Михайлов); «Украсть у лоточницы пирожки в нашем дворе считалось спортивным достижением… Сын иногда может не отдать сдачу, «сэкономив» себе на мороженое. А однажды он поехал к репетитору, того не оказалось дома. Деньги за урок он не заплатил, но и нам их не отдал» (президент продюсерской компании В. Семаго); «Что-то воровал, но что, где и когда – не помню. Просто мне кажется, что 100 % детей обязательно что-нибудь крадут у родителей. У детей нет четкого разделения – мое, наше и чужое» (лидер Российского общенародного союза С. Бабурин); «По огородам часто лазил, особенно за клубникой «Виктория» – очень крупный сорт. Еще таскали горох, огурцы, яблоки» (бывш. депутат Госдумы В. Рыжков).[482]

Надеюсь, читатель понимает, что я привел эти высказывания не для того, чтобы «очернить» их авторов. Все вышесказанное не служит и оправданием посягательств на чужую собственность. Важно другое – опять и опять мы сталкиваемся с тем, что за, казалось бы, такими простыми и ясными истинами, как «не убий» и «не укради», скрываются сложные социальные феномены.

С легкой руки Г. Беккера – нобелевского лауреата 1992 г. по экономике, начал развиваться экономический анализ преступной деятельности и наказания.[483] Основная идея Беккера: как потенциальные преступники, так и представители правоохранительных органов действуют *рационально* – взвешивая все «за» и «против» (или, по крайней мере, пытаясь оценить «выгоду» от своих поступков и их «цену»). Так, «индивид совершает правонарушение, если ожидаемая для него выгода (польза) превосходит выгоду, которую он мог бы получить, используя свое время и свои ресурсы на другого рода деятельность. Некоторые лица становятся преступниками не потому, что их основные мотивации отличаются от мотиваций других лиц, но потому, что различаются их выгоды и издержки „цена“)». Более подробный экономический анализ, в частности, показывает, что правонарушителями становятся, в основном, лица, предпочитающие риск; что их удерживает от преступления скорее большая вероятность подвергнуться наказанию, нежели его потенциальная суровость. При этом экономический расчет

справедлив для корыстных преступников и неэффективен при анализе насильственных преступлений. Применительно к правоохранительной деятельности показано, что социальные издержки тюремного заключения выше издержек правонарушителя от лишения свободы, ибо потери от такого наказания несут и законопослушные налогоплательщики, оплачивая содержание заключенных. Экономический подход объясняет, почему кражи, грабежи, разбойные нападения чаще совершают представители низших страт и подростки: именно для них ограничены легальные пути хорошего заработка.[484] Справедливости ради следует заметить, что это экономическое направление вызывает критику других представителей современной зарубежной криминологии за гиперболизацию роли экономических отношений среди иных социальных.

§ 2. Криминологический анализ преступлений против собственности

Имеющаяся информация и прежде всего – официальные статистические данные ограничивают объем рассматриваемых преступлений кражей, грабежом, разбойным нападением, растратой и присвоением, а также мошенничеством.

Динамика преступлений против собственности в России отчасти была представлена в табл. 3.5. Здесь мы дополним ее сведениями об уровне (на 100 000 населения в возрасте 16 лет и старше) зарегистрированных *присвоений и растрат:* 1987 г. – 52,2; 1988 г. – 46,8; 1989 г. – 42,8; 1990 г. – 39,6; 1991 г. – 36,0; 1992 г. – 34,6; 1993 г. – 32,9; 1994 г. – 31,4; 1995 г. – 32,0; 1996 г. – 34,4; 1997 г. – 37,8; 1998 г. – 38,5; 1999 г. – 41,8; 2000 г. – 46,0; 2001 г. – 46,6; 2002 г. – 41,8; 2003 г. – 42,4; 2004 г. – 50,5; 2005 г. – 54,0; 2006 г. – 55,2. Мы видим снижение уровня этих преступлений с 1987 г. (уровень 52,2) до 1994 г. (уровень 31,4) с последующим возрастанием к 2006 г. (уровень 55,2).

Что касается *мошенничества,* то в 1993 г. было зарегистрировано 47 981 преступление, в 1994 г. – 65 366, в 1995 г. – 67 243, в 1996 г. – 74 539, в 1997 г. – 77 763, в 1998 г. – 76 738, в 1999 г. – 83 654, в 2000 г. – 81 470, в 2001 г. – 79 296, в 2002 г. – 69 346, в 2003 г. – 87 471, в 2004 г. – 126 047, в 2005 г. – 179 553, в 2006 г. – 225 326. Таким образом, наблюдается рост только зарегистрированных фактов мошенничества с 1993 по 2003 г. в 1,8 раза. Дальнейший «скачок» количества зарегистрированных фактов мошенничества вызван не столько их реальным ростом, сколько изменением закона (Федеральный

закон от 8 декабря 2003 г.).

Данные, приведенные в табл. 3.5, свидетельствуют о сокращении уровня всех видов преступлений против собственности с 1985 по 1987 г. и резком возрастании с 1987 г. до 1993 г. (краж – в 4,4 раза, грабежей – в 5,9 раза, разбойных нападений – в 6,9 раза) с последующим «сокращением» к 1997 г. и новым, но уже более плавном росте в 1998–1999 гг. В 2000 г. регистрируется некоторое сокращение разбойных нападений (на 4,1 % по сравнению с 1999 г.), грабежей (на 4,7 %), краж (на 7,3 %), мошенничества (на 2,6 %) при росте присвоений и растрат (на 11 %). С 2001 г. наблюдается существенный рост уровня всех анализируемых преступлений против собственности: грабежей с 91 в 2000 г. до 250,3 в 2006 г. (в 2,7 раза за 6 лет), разбойных нападений за те же годы с 27, 1 до 41,7 (в 1,5 раза), краж с 900 до 1174,7 (в 1,3 раза). О наших сомнениях в полноте регистрации всех преступлений, особенно таких высоколатентных, как кража, говорилось выше.

Место преступлений против собственности в общем объеме преступности. Удельный вес преступлений против собственности составил: 1987 г. – 43,4 %, 1988 г. – 51,5, 1989 г. – 58,3, 1990 г. – 60,9, 1991 г. – 67,5,1992 г. – 71,7,1993 г. – 70,8,1994 г. – 63,3,1995 г. – 62,2, 1996 г. – 58,8,1997 г. – 59,4,1998 г. – 59,6,1999 г. – 61,6,2000 г. – 58,7, 2001 г. – 58,1,2002 г. – 54,4,2003 г. – 59,7,2004 г. – 65,4,2005 г. – 66,6, 2006 г. – 65,8 %. Таким образом, мы наблюдаем значительный рост доли преступлений против собственности с 1987 по 1992 г. и почти столь же значительное сокращение с 1992 по 1998 г. Далее удельный вес рассматриваемых преступлений растет, особенно в 2004–2006 гг. Если мы вспомним, что удельный вес преступлений против личности относительно стабилен, то динамика удельного веса преступлений против собственности, очевидно, зависит от изменений иных видов преступности и, вероятнее всего, экономической направленности, поскольку именно в этой сфере произошла наибольшая криминализация новых для уголовного закона деяний (гл. 22, 23 УК РФ).

Структура преступлений против собственности отражена в табл. 8.1.

Как явствует из приведенных данных, основную массу преступлений против собственности составляют кражи. В целом отмечается тенденция постепенного роста удельного веса разбойных нападений и мошенничества.

Таблица 8.1

Структура преступлений против собственности в России

(1987–2006), %

	1987	1991	1994	1996	1998	1999	2000	2002	2003	2004	2005	2006
Кражи	70,8	84,8	78,8	78,2	74,3	76,5	75,6	67,4	69,9	67,5	66,4	66,1
Грабежи	6,0	7,0	8,9	7,9	7,9	7,5	7,6	12,2	12,0	13,3	14,5	14,1
Разбои	1,1	1,3	2,3	2,2	2,5	2,2	2,3	3,4	3,0	2,9	2,7	2,4
Присвоения и растраты	11,2	2,8	2,1	2,6	2,9	2,6	3,1	3,6	3,0	3,1	2,7	2,6
Мошенничество	4,0	2,0	4,1	4,8	5,0	4,5	4,7	5,0	5,3	6,7	7,6	8,9

Квартирные кражи составили от общего числа краж: 1990 г. – 22,3 %, 1991 г. – 23,7, 1992 г. – 26,5, 1993 г. – 28,5, 1994 г. – 29,5, 1995 г. – 22,1, 1996 г. – 22,2, 1997 г. – 25,2, 1998 г. – 25,6, 1999 г. – 25,6, 2000 г. – 26,6, 2001 г. – 27,5, 2002 г. – 27,8, 2003 г. – 22,6, 2004 г. – 19,9, 2005 г. – 16,8, 2006 г. – 14,1 %.

Доля *карманных* краж в общем их числе составляла в последнее десятилетие порядка 2 %. Это не удивительно: в отличие от советских времен, в современной России редко кто носит крупные суммы денег или ценности при себе – у одних их нет, другие ездят на машинах и расплачиваются за покупки по кредитным картам.

Социально-демографический состав лиц, совершивших преступления против собственности, представлен в табл. 8.2.

Мы видим, что грабежи и разбои – в основном, «мужские» преступления, а в присвоениях и растратах мужчины и женщины представлены почти поровну. Явно подростково-молодежные преступления – грабежи и разбои, а присвоения и растраты – удел старших возрастных групп. Доля рабочих постоянно сокращается по всем рассматриваемым преступлениям, кроме присвоений и растрат. В последнем виде преступлений высока доля служащих, хотя она и сокращается. Увеличение доли рабочих и сокращение удельного веса служащих в этом явно «беловоротничковом» виде преступлений – загадка, требующая специального изучения. Пока можно лишь предположить, что и здесь проявляется *селективность* милиции и уголовной юстиции. По всем преступлениям, кроме присвоений и растрат, постоянно возрастает доля «исключенных» – лиц, не имеющих постоянного источника доходов.

Наблюдаются существенные *территориальные* различия рассматриваемых преступлений. Так, в 2006 г. уровень зарегистрированных *разбойных* нападений в России составил 41,9. В том же году этот показатель был в Санкт-Петербурге – 93,1, в Пермском крае – 87,8, в Иркутской области – 67,4, Ярославской области – 63,9. Ниже 10 уровень разбоев был в Дагестане, Ингушетии, Чукотском АО.

Среднероссийский уровень *грабежей* в 2006 г. составил 250,3. Этот показатель в том же году был в Пермском крае – 580,3, Хабаровском крае – 478,9, Приморском крае – 403,8, в Удмуртской Республике – 549,5, в Иркутской области – 531,7, в Свердловской области – 433,3, в Ярославской области – 424,4, в Республике Марий Эл – 404,6, а ниже 30 – в Ингушетии (3,7!), Дагестане.

В 2006 г. при уровне *краж* в России – 1174,7 он оказался выше 1500 в Алтайском, Приморском, Красноярском и Хабаровском краях, в Бурятии, Удмуртии (2039,5!), в Иркутской и Тюменской областях, а в Пермском крае составил 2338,9. В том же году этот показатель был ниже 400 – в Дагестане, Ингушетии, Северной Осетии – Алании.

Наиболее высокие показатели зарегистрированных *присвоений* и *растрат* (свыше 100 на 100 тыс. населения в возрасте 16 лет и старше при среднероссийском – 55,2) в 2006 г. были в Татарстане, Чувашии, Карелии, в Пермском, Красноярском, Хабаровском краях, Новосибирской, Калужской, Курской областях; самые низкие (ниже 20) – в Дагестане, Ингушетии (3,3!), Амурской, Кемеровской и Тульской областях, в Санкт-Петербурге и в Москве (!). Полнота регистрации этих преступлений не может не вызывать сомнений.

Зависимость интенсивности преступлений против собственности от типа поселений (город – село) была представлена в табл. 4.5.

Грабежи и разбойные нападения – явно «городские» преступления. По кражам до середины 90-х гг. лидировал город, затем коэффициент криминальной активности жителей сельской местности стал относительно выше. А вот присвоения и растраты оказались «сельскими» преступлениями. Возможно, и в этом случае наблюдается эффект «селективности» со стороны органов правопорядка, ибо трудно предположить, что в городах меньше присваивается и растрачивается…

Таблица 8.2

Характеристика лиц, совершивших некоторые преступления против собственности, % от общего числа (1987–2004)

	Разбои										
	1987	1989	1991	1993	1995	1997	1999	2001	2003	2005	2006
Пол:											
муж.	95,4	96,1	95,6	94,6	93,4	94,1	94,0	94,1	94,8	95,2	95,2
жен.	4,6	3,9	4,4	5,4	6,6	5,9	6,0	5,9	5,2	4,8	4,8
Возраст:											
14—17	20,5	21,6	19,4	21,7	19,7	16,5	14,7	17,3	18,6	17,4	17.1
18—29	57,9	56,4	55,6	57,0	58,2	61,1	63,9	63,2	64,1	63,2	63,2
30 и старше	21,6	22,0	25,0	21,3	22,1	22,4	21,4	19,5	17,3	19,4	19,7
Социальная принадлежность:											
рабочие	46,4	39,2	35,9	18,9	18,3	14.4	12,9	12,9	13,9	13,8	13,9
служащие	1,3	0,8	0,9	1,4	1,1	1,3	1,1	0,9	1,7	1,6	1,7
работники с/х	2,0	1,8	1,8	1,2	0,3	0,4	0,3	0,2	0,2	0,1	0,1
учащиеся (включая студентов)	15,4	11,6	9,9	9,5	8,5	9,6	10,0	10,9	11,6	11,6	12,6
без постоянного источника доходов	33,1	44,8	47,3	57,7	63,4	68,0	71,2	70,6	67,9	69,1	67,9
безработные*	—	—	—	3,6	4.6	5,8	5,8	5,6	5,5	6,0	6,1
В состоянии алкогольного опьянения	64,9	69,2	66,0	63,9	59,7	52,3	41,5	39,2	40,3	33,3	31,3
В состоянии наркотического возбуждения	0,4	0,3	0,2	0,8	0,6	0,8	0,7	0,9	0,5	0,5	0,5

* Сведения только с 1993 г.

	Грабежи										
	1987	1989	1991	1993	1995	1997	1999	2001	2003	2005	2006
Пол:											
муж.	93,3	93,7	93,5	93,1	91,5	91,6	91,3	91,8	92,8	93,02	92,7
жен.	6,7	6,3	6,5	6,9	8,5	8,4	8,7	8,2	7,2	7,0	7,3
Возраст:											
14—17	34,4	38,7	33,6	31,4	28,2	24,4	21,9	21,2	23,6	23,8	23.3
18—29	47,9	45,0	43,8	46,2	47,3	50,8	53,9	57,2	58,6	58,7	58,9
30 и старше	17,7	16,3	22,6	22,4	24,5	24,8	24,2	21,6	17,8	17,5	17,8
Социальная принадлежность:											
рабочие	43,6	38,5	37,0	21,9	20,3	16.1	14,3	14,9	14,5	14,2	14,5
служащие	1,1	0,7	0,8	1.1	0,9	0,9	0,8	0,7	1,5	1,6	1,7
работники с/х	2,7	2,1	2,4	1,9	0,7	1,3	0,9	0,6	0,4	0,2	0,2
учащиеся (включая студентов)	27,9	24,7	20,2	16,5	14,5	14,5	14,5	13,7	16,2	17,8	18,3
без постоянного источника доходов	24,6	33,5	37,2	43,6	54,1	60,6	64,8	65,9	63,0	62,0	61,2
безработные*	—	—	—	3,4	5.2	5,7	5,4	5,3	5,4	5,4	5,4
В состоянии алкогольного опьянения	48,7	52,2	51,6	56,9	57,0	48,9	36,7	33,5	35,1	27,2	25,2
В состоянии наркотического возбуждения	0,2	0,2	0,2	0,6	0,4	0,8	0,6	0,6	0,3	0,3	0,3

* Сведения только с 1993 г.

	Кражи										
	1987	1989	1991	1993	1995	1997	1999	2001	2003	2005	2006
Пол:											
муж.	84,4	89,1	88,8	90,2	86,9	89,6	90,1	90,7	90,5	89,6	87,8
жен.	15,6	10,9	11,2	9,8	13,1	10,4	9,9	9,3	9,5	10,8	12,2
Возраст:											
14—17	36,9	42,2	37,1	23,9	19,5	18,1	16,3	17,4	20,7	18,1	17,9
18—29	41,8	37,7	37,5	36,5	36,2	41,1	45,1	47,1	47,2	49,3	50,0
30 и старше	21,3	20,1	25,4	39,6	44,3	40,8	38,6	35,5	32,1	32,6	32,1
Социальная принадлежность:											
рабочие	40,3	37,3	36,2	27,9	28,2	22,9	20,4	19,1	16,3	14,9	15,1
служащие	2,1	1,0	0,9	1,5	1,0	0,7	0,7	0,6	0,9	0,9	0,9
работники с/х	3,7	3,8	3,8	5,0	2,1	4,0	2,8	2,3	1,5	1,0	0,8
учащиеся (включая студентов)	29,0	26,2	20,3	11,0	8,9	9,0	9,5	9,8	12,4	11,9	12,4
без постоянного источника доходов	23,6	30,9	36,0	38,2	49,4	57,3	62,5	64,4	64,3	67,5	66,8
безработные*	—	—	—	3,5	5,6	6,9	6,7	6,7	6,9	7,3	6,9
В состоянии алкогольного опьянения	24,9	28,3	33,0	39,7	37,7	32,1	23,9	20,6	22,8	17,7	16,7
В состоянии наркотического возбуждения	0,3	0,2	0,2	0,6	0,2	0,4	0,2	0,3	0,2	0,2	0,2

* Сведения только с 1993 г.

	Присвоения и растраты										
	1987	1989	1991	1993	1995	1997	1999	2001	2003	2005	2006
Пол:											
муж.	46,2	50,4	58,7	65,2	56,2	58,9	58,8	58,2	52,2	56,1	55,7
жен.	53,8	49,6	41,3	34,8	43,8	41,1	41,2	41,8	47,8	43,9	44,3
Возраст:											
14—17	0,1	0,2	0,2	0,0	0,1	0,0	0,3	0,6	0,6	—	—
18—29	22,6	23,6	21,7	22,4	20,9	20,9	22,8	29,4	35,0	40,8	43,1
30 и старше	77,3	76,2	78,1	77,6	79,0	79,1	79,6	70,0	64,4	59,2	56,9
Социальная принадлежность:											
рабочие	28,3	42,5	47,8	35,5	46,5	45,4	48,4	57,8	54,2	53,6	50,6
служащие	67,9	52,4	43,0	29,2	30,0	28,9	28,4	22,3	22,1	20,9	20,6
работники с/х	0,1	0,1	0,2	—*	—*	—*	—*	3,6	3,6	2,7	2,0
учащиеся (включая студентов)	0,2	0,2	0,5	—*	—*	—*	—*	—*	—	—	—

* Нет сведений.

Хорошо известны и легко объяснимы *временные* различия совершения имущественных преступлений. Так, квартирные кражи совершаются преимущественно в дневное время и в летний сезон, карманные кражи, особенно в транспорте – в часы «пик», кражи транспортных средств и из автомобилей – в ночное время, дачные домики разворовываются в зимнее время.

Глава 9
Организованная преступность

§ 1. К постановке проблемы

> *Today, it is difficult to distinguish where the reality ends and the fiction begins.*[485]
>
> *J. Albanese*

Тема преступности (вообще девиантности) издавна полна мифов. В еще большей степени мифологизирована *организованная* преступность – относительно позднее явление в жизни общества.[486] Но если организованная преступность Италии, США, Японии и других «капиталистических» стран изучается и обсуждается с конца 20-х гг. минувшего века (одно из первых исследований – The Illinois Crime Survey 1929 г., деятельность комиссии Kefauver в 50-е гг., труды D. Bell и D. Cressey, 50–60-е гг.), то для постсоветской России это совсем новая тема. Вспомним, что еще в 1986 г. шла дискуссия по вопросу: а есть ли организованная преступность в СССР?

В 90-е гг. появился ряд серьезных отечественных работ по организованной преступности,[487] а также главы, посвященные организованной преступности, в книгах Лунеева (1997, 2005), Хохрякова (1999), не считая многочисленных сборников статей и докладов (Организованная преступность, 1989; Организованная преступность – 2, 1993; Организованная преступность – 3, 1996; Организованная преступность – 4, 1998; и др.), а также социально-правовой альманах «Организованная преступность и коррупция: Исследования, обзоры, информация» (2000–2003 гг.). Значительный интерес представляют опубликованные в виде книг результаты журналистских расследований – прежде всего, А. Константинова и М. Дикселиуса, а также фактографический материал в газете «Ваш тайный советник» (Санкт-Петербург). В числе зарубежных исследователей современной организованной преступности в России следует назвать Johan Backman, Stephen Handelman, Patricia Rawlinson, Louise Shelley и др.

Однако нельзя сказать, что организованная преступность в России изучена достаточно полно. Теоретические и методологические основы ее изучения не вполне четко выражены. Отечественные разработки недостаточно «прописаны» в мировой

науке. Нуждается в совершенствовании методическая база исследований. Главное же – организованная преступность и деятельность представляющих ее преступных организаций постоянно меняются как в целом по России, так и по отдельным ее регионам.

Можно назвать несколько *уровней* теоретического осмысления организованной преступности.

На ***общенаучном*** уровне мы исходим, во-первых, из *системного* анализа изучаемого объекта. И само общество, и его элементы, включая экономику, преступность, организованную преступность, представляются нам системными объектами, состоящими из элементов, закономерным образом взаимосвязанных и взаимодействующих между собой и целым – обществом. Такой подход позволяет, в частности, рассматривать соотношение и взаимодействие между организованной преступностью, экономикой, политикой как *элементами* общества. Во-вторых, при исследовании преступных *организаций* нами применяется по понятным причинам *организационный* анализ.[488] В-третьих, при изучении организованной преступности с учетом специфики ее национальных особенностей и тенденции к интернационализации важны *исторический* и *сравнительный* методы анализа.

На ***частнонаучном – криминологическом*** уровне мы вновь обращаемся к относительности и конвенциональности преступности. Границы между преступным и непреступным условны, относительны, подвижны, изменчивы, конвенциональны. Но и грани между бизнесом легальным и нелегальным размыты, не всегда определимы. Это важно для наших последующих рассуждений.

Общие криминологические теории (аномии, социальной дезорганизации, дифференцированной ассоциации, стигматизации или этикетирования, радикальная и др.) применяются и при объяснении организованной преступности.[489]

На ***специальном*** уровне – криминологии организованной преступности – исторически возникло несколько концепций – моделей.

Одна из ранних – *«alien conspiracy model»* (модель «иностранного заговора»).[490] Она основана на опыте этнических преступных организаций в США (прежде всего – итальянской мафии). Возможно, эта модель легла в основу группы *local, ethnic models* (локальные или этнические модели), хотя нередко она рассматривается в качестве самостоятельной. Другая группа – *hierarchical models* (иерархические модели). Очевидно, к ним

относятся bureaucratic/corporate model (бюрократически-корпоративная модель) и patrimonial/patron-client model («патримониальная» модель патрон/клиент).[491] Сторонники этих моделей исходят из иерархической структуры преступных сообществ. Наконец, третьей группой моделей является рассмотрение организованной преступности как *предпринимательства – business enterprise*.[492]

Нам представляется, что между тремя основными группами (типами) моделей организованной преступности нет принципиальных противоречий и они могут служить примером *дополнительности* (в понимании Н. Бора). Главной *содержательной* характеристикой организованной преступности является business enterprise – предпринимательство (этот вопрос будет подробнее рассмотрен ниже). Local, ethnic и hierarchical models отражают организационные *формы* (локальная или этническая по происхождению, иерархическая по структуре) реализации предпринимательства (business enterprise). Одна из важных методических задач при исследовании организованной преступности и деятельности преступных организаций – проверка информации, получаемой из различных источников. Так, например, мы весьма критически оцениваем данные официальной статистики.[493] Объективность публикаций в прессе проверялась нами при опросе представителей правоохранительных органов. Получение в наших эмпирических криминологических исследованиях одинаковых по содержанию ответов работников правоохранительных органов, бизнесменов и представителей криминалитета служит показателем вероятной достоверности информации.

Остается добавить, что в этой главе нами используются, в частности, материалы эмпирических исследований организованной преступности, проводимых Центром девиантологии Санкт-Петербургского Социологического института РАН (Я. Гилинский, Я. Костюковский, Э. Кочетков и др.).

§ 2. Организованная преступность как социальный феномен

The development of organized crime parallels early capitalist enterprise.[494]

G. Vold

The first business of criminal

organizations is usually business.[495]

Goodson and Olson

Организованная преступность – сложный социальный феномен. Возникнув, она так прочно переплелась с другими социальными институтами и процессами, так прочно вросла в общественную ткань, что с трудом может быть из нее вырвана для изучения. Более того, вызывает все большие сомнения корректность самого понятия «организованная преступность», ибо, во-первых, *преступность,* как отмечалось выше, не имеет дескрипта («субстрата») в реальной действительности, а является социальным *конструктом.* Во-вторых, *«организованность»,* с точки зрения общей теории организации, – неотъемлемое свойство *всех* биологических и социальных систем (объектов), а потому «неорганизованной» преступности вообще не существует. В-третьих, «в современных условиях, когда деятельность любой публичной или частной институции неизбежно связана с нарушениями уголовного закона, понятие „организованная преступность“ оказывается синонимом понятий „общество“, „государство“, „социальная действительность“, „социальное явление“».[496] Так что «понятие организованная преступность выполняет социальную функцию „персонификации общественного зла“».[497] В результате предлагается отказаться от понятия «организованная преступность» как криминологического и уголовно-правового (вообще – научного), признав его бытовым понятием.

Мы не призываем к немедленному отказу от понятия «организованная преступность». Существуют научные традиции, накоплен большой эмпирический материал. Но тема нуждается в демифологизации и корректном, не идеологизированном освещении.

Имеется множество определений организованной преступности.[498] Некоторые из них лаконичны, но тавтологичны и малосодержательны («organized crime is crime that is organized» – организованная преступность есть преступность, которая организована). Другие излишне громоздки, их авторы пытаются перечислить все возможные признаки организованной преступности (Abadinsky, 1994: 8). Более содержательно определение, предложенное Albanese: «The provision of illicit goods and services (conspiracy) and the infiltration of legitimate business (extortion)».[499] При всем многообразии определений, акцент делается либо на характере *деятельности* (преступный, для извлечения прибыли и т. п.), либо на *организованности*

(устойчивая группа, иерархическая структура и т. п.).

Если учесть, что идеальных определений не бывает, можно в первом приближении, в качестве рабочего принять понимание организованной преступности как *«функционирование устойчивых, управляемых сообществ преступников, занимающихся преступлениями как бизнесом и создающих систему защиты от социального контроля с помощью коррупции-».* Это определение было зафиксировано в документах Международной конференции ООН по проблемам организованной преступности в 1991 г. в Суздале (Россия).

При этом следует предостеречь от понимания организованной преступности как простой совокупности деятельности преступных организаций. Организованная преступность – не сумма преступных организаций и не сумма преступлений, совершенных ими. Это качественно новая характеристика такого состояния преступности, когда она *встроена* в социальную систему, оказывая существенное влияние на другие составляющие (элементы) системы, и прежде всего – на экономику и политику. Может быть, более глубоким окажется определение организованной преступности как системы социальных связей и отношений, сложившихся по поводу извлечения незаконной прибыли.[500]

Однако важно не столько формальное определение организованной преступности, сколько понимание ее природы, сущности.

Организованная преступность выступает, прежде всего, как предпринимательство, бизнес, индустрия, производство и распределение товаров и/или услуг. Organized crime as illicit business enterprise (организованная преступность как незаконное предпринимательство).

Главной *целью* организованной преступности является экономическая выгода, прибыль. И в этом отношении организованная преступность не отличается от обычного бизнеса. Различия (весьма относительные) начинаются с *методов* деятельности. Преступные организации добиваются высокой прибыли любыми методами, включая криминальные. «As long as there are vast profits to be made, illegal enterprises should continue to flourish» (Нелегальное предпринимательство будет процветать, пока оно дает огромные доходы (прибыль).[501] Но и вполне респектабельный бизнес не избегает полулегальных, а то и преступных действий для достижения выгодного результата… Становясь известными, такие случаи расцениваются как примеры «беловоротничковой» (white-collar crime), а не организованной преступности.

Криминальный бизнес возникает, существует и развивается при наличии ряда условий:

• спрос на нелегальные товары (наркотики, оружие и др.) и услуги (сексуальные и др.);

• неудовлетворенный спрос на легальные товары и услуги (например, «дефицит», свойственный так называемой социалистической экономике);

• рынок труда, безработица, незанятость подростков и молодежи;

• пороки налоговой, таможенной, вообще экономической политики государства, а также коррупция, препятствующие нормальному развитию легальной экономики.

Пока есть спрос, будут предложения. Функционирование наркобизнеса как экономической отрасли рассмотрено в книге Л. Тимофеева «Наркобизнес: Начальная теория экономической отрасли» (1998).

В результате детального экономического анализа автор приходит к следующим выводам (с которыми я полностью солидарен): «Из всех возможных способов регулирования отрасли – налогообложение, национализация, запрет – запрет как раз наименее продуктивен. Запретить рынок – не значит уничтожить его. Запретить рынок – значит отдать запрещенный, но активно развивающийся рынок под полный контроль криминальных корпораций… Запретить рынок – значит дать криминальным корпорациям возможности и ресурсы для целенаправленного, программного политического влияния на те или иные общества и государства».[502] В качестве иллюстрации достаточно вспомнить последствия «сухого закона» в США – бутлегерство и зарождение мафии, а также политики «преодоления пьянства и алкоголизма» в середине 80-х гг. в бывшем СССР – массовое самогоноварение, начало подпольного производства и распространения фальсифицированных алкогольных изделий, наконец, сегодняшнюю ситуацию с наркобизнесом.

Формирование и развитие организованной преступности, а точнее, повышение *уровня организованности* преступности – закономерный и естественный общемировой процесс, выражение тенденции повышения уровня организованности всех социальных подсистем: экономики, политики, управления, коммуникаций и др.

Как выразился один из представителей преступного сообщества Санкт-Петербурга в интервью сотруднику Центра девиантологии Социологического института РАН Я. Костюковскому, *«время разбойников с обрезами прошло. Конечно, есть обычные уличные грабители, но они даже если за день ограбят*

тысячу человек – это ничего по сравнению с тем, что могу заработать я, нажав три клавиши на компьютере».

Организованная преступность как элемент общества вплетена в его ткань и переплетается с другими структурными элементами – прежде всего экономикой, а затем и политикой. Вообще, об организованной преступности как социальном феномене (а не совокупности преступных организаций, которые существуют не одно столетие, а может быть и тысячелетие) можно говорить только тогда, когда она начинает серьезно влиять на экономику и политику страны. Это присуще, например, современной России. Не удивительно, что одной из тенденций организованной преступности является стремление к легализации своей деятельности, в частности, путем создания легальных предприятий и инвестирования в них денег, добытых преступным путем, а затем «отмытых».

Организованная преступность институционализируется в различное время в разных странах, становясь социальным ***институтом.*** Социальные институты – регулярные, долговременные социальные практики, образцы поведения, служащие удовлетворению различных потребностей людей.[503] Основные признаки организованной преступности как социального института: *длительность* существования; *регулярность* (постоянство) функционирования; выполнение определенных социальных *функций* (обеспечение заинтересованных групп населения товарами и услугами, предоставление рабочих мест, перераспределение средств и др.); наличие комплекса *норм* (правил поведения), «профессионального» *языка* (сленг), вполне определенных *ролей.* Институционализация (процесс, в ходе которого социальные практики становятся регулярными, долговременными и «обрастают» всеми признаками института) организованной преступности происходит постепенно. Этот процесс начался в России (СССР) с конца 50-х – начала 60-х гг. и завершился в конце 70-х – начале 80-х гг. ушедшего столетия.

«As long as politicians, police, and the business community are eager to cooperate, organized crime will be able to operate with impunity. Organized crime, in short, is too much a part of our economic, political, and social systems».[504]

Прогнозируя развитие организованной преступности, обычно отмечают эрозию традиционных мафиозных структур. Вместе с тем указывают на расширение применения *насилия* для достижения результатов; более активное использование безопасных видов деятельности (подделка кредитных карт, авиабилетов); внедрение в *легальный* бизнес и финансовую

деятельность, отмывание денег через рестораны, ночные клубы и т. п.; использование новых технологий.[505] Все исследователи прогнозируют дальнейшую интернационализацию (глобализацию) организованной преступности.[506]

§ 3. Преступная организация

Организации повсюду.

Н. Смелзер

Имеются *уголовно-правовое* и *криминологическое* понимание преступной организации.

В ст. 35 Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. (УК РФ) наряду с преступными группами (п. 1–3 ст. 35 УК) называется и преступное сообщество (преступная организация), под которым понимается *сплоченная организованная* группа (организация), созданная для совершения тяжких или особо тяжких преступлений,[507] либо *объединение* организованных групп/организаций (п. 4 ст. 35 УК). Это не очень четкое, с нашей точки зрения, определение (почему, например, вводится критерий тяжести преступлений?), но оно носит нормативный (обязательный для милиции и уголовной юстиции) характер.

Сложнее дать криминологическое (социологическое) определение преступной организации. Так, по приговору Нюрнбергского трибунала, преступными организациями были признаны руководящий состав национал-социалистической партии Германии, гестапо, СД, СС. Нет сомнений, что руководящий состав ВКП(б) – КПСС, НКВД – КГБ, правительство Пол Пота являлись также преступными организациями, виновными в преступлениях против мира, человечества, своего народа, однако избежали судебного преследования (в последнее время появилась надежда на признание правительства Пол Пота преступным).

Таким образом, первое ограничение, которое надо сделать в рамках темы – нами не будут рассматриваться преступные организации *политической* направленности (включая как государственные, так и иные политические образования, например фашистские или другие экстремистские).

Второе ограничение состоит в том, что нами не рассматриваются *легальные* организации, использующие в своей деятельности преступные методы (например, коммерческие организации, нарушающие антимонопольное законодательство, налоговое и т. п.).

Предметом нашего дальнейшего анализа станут те преступные организации, которые создаются для извлечения прибыли в результате производства и распределения нелегальных товаров и нелегальных услуг (в том числе, посредством «охраны», «патронажа» и т. п.). Их можно условно назвать *«организациями преступного предпринимательства»*. Однако в силу традиции и ради краткости мы будем использовать привычный термин «преступная организация». Они относятся к социальным организациям типа *«трудовой коллектив»* (различают несколько типов социальных организаций: семья, трудовой коллектив, общественная организация, общество, метаобщество).[508]

Действительно, с экономической точки зрения, «преступная деятельность – такая же профессия, которой люди посвящают время, как и столярное дело, инженерия или преподавание. Люди решают стать преступником по тем же соображениям, по каким другие становятся столярами или учителями, а именно потому, что они ожидают, что «прибыль» от решения стать преступником – приведенная ценность всей суммы разностей между выгодами и издержками, как неденежными, так и денежными, – превосходит «прибыль» от занятия иными профессиями».[509]

Как и другие трудовые коллективы, преступная организация может быть малочисленной и многочисленной, рассчитанной на более или менее продолжительную деятельность, выпускающей один вид продукции или несколько, предоставляющей один вид услуг или несколько и т. п. Как и любой трудовой коллектив, преступная организация имеет свою более или менее сложную структуру, правила работы, заботится о подготовке, подборе и расстановке кадров, поддерживает дисциплину труда, обеспечивает безопасность деятельности, стремится к высоким доходам (прибыли). Издаются пособия по руководству мафией…[510]

Преступные организации высоко адаптивны и устойчивы в силу жестких требований к «подбору кадров», «дисциплине труда», рекрутированию наиболее молодых, сильных, волевых «сотрудников», благодаря «свободе» от налогового бремени, да и от общепринятых моральных требований (своя этика существует и строго поддерживается)… Так что эта разновидность трудовых коллективов обычно отличается высокой конкурентоспособностью.

Из интервью представителя преступной группировки Санкт-Петербурга Я. Костюковскому:

«У меня бригада есть – угонами занимается. Там такие умельцы – машину с любой противоугонкой за пять минут вскрывают. Недавно купили сканирующее устройство – коды

считывать. Техника… Я вообще думаю, что вся новая техника через криминал проходит. Это в государственных учреждениях сидят в тетрисы на компьютерах режутся. А у меня в конторе по двенадцать часов люди работают».

Иногда различают три уровня преступных организаций: преступная *группа,* преступное *объединение,* преступное *сообщество.*

Называются различные типы преступных организаций.[511]

В отечественной и зарубежной литературе перечисляется много различных признаков преступных организаций.[512] С нашей точки зрения, к числу наиболее существенных признаков организации преступного предпринимательства относятся:

• *устойчивое* объединение людей, рассчитанное на *длительную* деятельность;

• цель: извлечение максимальной *прибыли* (сверхприбыли);

• содержание деятельности: *производство* и *распределение* товаров и услуг;

• характер деятельности: сочетание *нелегальных* (преступных) и *легальных* видов деятельности;

• структура организации: сложная *иерархическая,* с разграничением функций и ролей (руководители, исполнители, группы обеспечения и безопасности, разведка и контрразведка, эксперты и т. п.);

• основное средство безопасности: *коррумпирование* органов власти и управления, полиции и уголовной юстиции;

• стремление к *монополизации* в определенной сфере деятельности или на определенной территории ради успешного достижения главной цели.

Ясно, что все эти признаки в большей или меньшей степени присущи всем (или почти всем) социальным организациям типа трудового коллектива. Лишь преступный характер деятельности и коррумпирование у легальных трудовых коллективов (предприятий) проявляются в качестве необязательных (но возможных) признаков.

§ 4. Организованная преступность в современной России

Преступные организации известны в России с XVI в., воровские традиции и сленг («блатная феня») – с XVIII в. История отечественных криминальных группировок описана в обширной исторической, юридической, художественной литературе.[513]

Первоначальной организационной формой преступных групп была *воровская артель.* Это соответствовало традиционной форме

трудовых объединений в России – артели. Не случайно много веков спустя советская власть использовала название (да и некоторые организационные принципы) для трудовых объединений в различных сферах негосударственного сектора экономики: «сельскохозяйственная артель», «рыболовецкая артель», «промысловая артель».

Артель (в том числе, воровская) основывалась на нескольких принципах:

• добровольность объединения для определенного вида деятельности;

• равенство всех членов артели;

• солидарная ответственность, «круговая порука»;

• выборность руководителя (старшего, «атамана» и др.).

После 1917 г. преступные организации в России действовали в виде *банд,* совершавших вооруженные нападения на граждан и учреждения (например, известные в свое время банды Леньки Пантелеева, «черная кошка», «попрыгунчики» в Петрограде). С 30-х гг. формируется криминальное сообщество *«воров в законе»,* которое со значительными изменениями (менее строгий «воровской закон», утрата былых позиций вне пенитенциарных учреждений, «зоны» и др.) существует до сих пор. «Воры в законе» имели общую кассу – «общак», в которую отчислялся определенный процент от добычи. Об этой уникальной форме преступной организации известно сегодня, пожалуй, не менее, чем о сицилийской мафии.[514]

После смерти Сталина, на волне хрущевской «оттепели» появляются первые подпольные дельцы – *«цеховики»* (в цехах, прежде всего системы промкооперации, нелегально изготовлялась продукция для населения – одежда, обувь и др., от постоянного дефицита которой страдала государственная экономика; позднее такие цеха или целые предприятия государственного сектора экономики все в больших масштабах производили «левую» продукцию из «сэкономленного», а точнее – похищенного сырья). Цеховики, как и участники других сфер нелегального в условиях «социализма» бизнеса, представляли теневую экономику, были *«теневиками».*

Особенность советской теневой экономики состояла в том, что она *удовлетворяла вполне естественный спрос населения на вполне легальные товары и легальные – для нормального общества с нормальной экономикой – услуги* (например, обмен валюты).

Так, в Ленинграде действовало множество «команд» спекулянтов (так называемых «фарцовщиков»). Их «работой» была скупка и последующая перепродажа (спекуляция) товаров

народного потребления. В условиях тотального дефицита преступники организовывали оптовые скупки со складов, «блокирование» магазинов, скупку у иностранных граждан, соотечественников, приезжающих из заграницы. В дальнейшем товары продавались на полулегальных вещевых рынках, вблизи крупных магазинов (ленинградцам хорошо была известна «галёра» – галерея Гостиного Двора – место торговли предметами женского туалета, парфюмерией и другими товарами) и… в общественных туалетах. Ленинград становится одним из центров, куда приезжают «фарцовщики» всего СССР. Значительный объем криминальной деятельности составляли «валютные операции», запрещенные законом (ст. 88 УК РСФСР 1960 г., отмененная в 1994 г.).

«И.: (интервьюер Я. Костюковский): А как вообще поменялась организованная преступность за последние лет 20?

Р.: (респондент, представитель криминального сообщества): Сильно. Начиналось все с отдельных команд, человек 10–20. И то это уже чуть не бандой выглядело. Обычно все с фарцовки начинали или то, что около нее лежит. Вообще-то тогда уже кое-какие элементы современные были.

Р: Например?

И: Ну, например, все "барыги "(преступники, занимающиеся только торговлей. – *И.) имели своих «пап». Теперь это «крышей» называется. Потом, скажем, Фёка…* (Феоктистов. – *Авт.*[515]*). Все прекрасно знали, кто это и что. Если кто-то говорил – я, типа, там с Фёкой водку пью – все, это круто. Тебя не тронут. Он вообще на авторитете мог разобраться, без мордобития. А кроме него были Слон, Маргулис, тот же Малыш* (А. И. Малышев. – *Авт.)».*

С тех пор «теневая» («неформальная», «подпольная», «серая», «вторая», «эксполярная» и т. д.) экономика стала неотъемлемой частью жизни общества и населения, а для значительной его части – единственно возможным средством выживания.

Здесь требуются некоторые оговорки. Во-первых, теневая (неформальная, эксполярная) экономика в большей или меньшей степени существует во всех странах (американские экономисты еще в 60–70-е гг. XX в. показали, что наличие «рабочих мест» в теневой экономике США существенно снижает пресс безработицы). Во-вторых, в России неформальная экономика существовала всегда: «Эксполярные структуры существуют в России столько же, сколько государство и рыночный капитализм».[516] Но в советской и постсоветской России она стала едва ли не единственным средством выживания большинства. «Для России данную тему можно считать центральной, так как жизнь

огромного большинства людей здесь невозможно понять, если не принимать во внимание их деятельность в неформальной экономике… Социально-экономическое выживание российского общества это главный парадокс ее новейшей истории… Постсоветская Россия стала свидетелем массированного развертывания неформальных отношений и эксполяризации экономики и связанных с ней социальных структур».[517]

В 70–80-е гг. идет активный процесс сращивания «цеховиков», теневой экономики и сообщества «воров в законе», а также коррумпированных властных структур (вплоть до первых секретарей ЦК компартий союзных республик, ОК и ГК КПСС) и правоохранительных органов – «зонтика». Горбачевская «перестройка» с ее легализацией частной собственности, частной предпринимательской деятельности позволила владельцам подпольных капиталов, а также партийно-государственной номенклатуре первыми захватить новое экономическое поле. Сплав старых «воров в законе», «теневиков», коррумпированных чиновников и новой генерации криминального мира – «бандитов», или «спортсменов», раздвоился: большая часть ушла со своими капиталами, криминальными и полукриминальными связями и нравами в легальный бизнес, меньшая часть образовала преступные организации, занимающиеся традиционными видами деятельности: продажей наркотиков и оружия, рэкетом, контролем над игорным бизнесом и проституцией и т. п.

В настоящее время частный сектор экономики, а нередко и государственные предприятия в значительной степени находятся под контролем криминальных структур. Наши респонденты, представители российского бизнеса, еще в середине 90-х гг. рассказывали: «100 % коммерческих структур подвергаются рэкету… Рэкетиры контролируют все предприятия, кроме оборонного комплекса и некоторых иностранных фирм». Но и позднее (интервью начала 2000 г.) руководитель одного из подразделений УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (назовем его И. И.) отмечал, что не менее 90 % предпринимателей вынуждены платить «дань» криминальным структурам «за охрану». Если в конце 80-х – начале 90-х гг. преобладал «черный рэкет» («наезды» на мелкие магазины, ларьки, киоски, кафе), то в настоящее время, за исключением сохранившихся мелких рэкетиров, обирающих небольшие торговые точки, господствует хорошо отлаженная и почти «легальная» система «патронажа» с заключением юридически оформленных договоров на «обеспечение безопасности», «маркетинговые услуги» и т. п.

Представители криминальных структур нередко входят в состав совета директоров предприятий, правлений банков (кстати говоря, наши конфиденты считают, что в банковской сфере контроль криминалитета достигает 90–100 %, тогда как в сфере предпринимательства «ограничивается» 60–80 %).

Вообще, легальный и нелегальный бизнес в стране взаимосвязаны. Наши респонденты из числа бизнесменов признаются: «Невозможно работать без нелегальной деятельности… Легальные и нелегальные методы взаимосвязаны». Руководители подразделений по борьбе с экономической и организованной преступностью подтверждают: «Средний бизнесмен чрезвычайно вовлечен в криминал… Взятки дают за все… Долги выбивают силой… С налоговой инспекцией нельзя иметь дело без взяток… Взятка неизбежна в бизнесе… Налоговая инспекция крайне коррумпирована».

Многочисленные наши интервью с предпринимателями, офицерами милиции и действующими представителями петербургских криминальных структур (интервьюирование последних проводит в течение ряда лет научный сотрудник упоминавшегося Центра девиантологии Я. Костюковский) позволили установить типичные ситуации *вынужденного* вовлечения предпринимателей в криминальную деятельность:

• *дача взяток* – при регистрации (получении лицензии) своего бизнеса; при аренде помещения; при получении разрешения на предпринимательскую деятельность от санитарно-эпидемиологической службы, от пожарной инспекции и др.; для получения банковского кредита; при отчете налоговой инспекции; при взаимоотношениях с таможенными органами и т. п.;

• *сокрытие доходов от налогообложения,* ибо при существующем налоговом прессе (до 80–85 % дохода) невозможно выжить в условиях конкуренции, добросовестно выполняя налоговые требования (как говорит писатель, автор известных телевизионных «Кукол» В. Шендерович, «всех недобросовестных предпринимателей следует отправить в тюрьму, а добросовестных – в сумасшедший дом»);

• зависимость от «крыши» и *необходимость сотрудничать* с *криминальными структурами* (преступными сообществами) в целях собственной безопасности и безопасности предпринимательства, для «разрешения» конфликтов;

• недостатки законодательной базы, сложившихся практик рыночной экономики, бюрократизация и коррумпированность милиции и юстиции заставляют восполнять государственную и судебную защиту (точнее, ее отсутствие) *неправовыми методами* (в том числе, прибегая к помощи криминалитета). Так,

развиваются криминальный «арбитраж», «службы безопасности», «исполнительное производство».

В результате вышеназванных процессов современный российский капитализм оказался в значительной степени криминализирован – по методам деятельности, взаимоотношениям участников, своеобразной «этике» и лексике «братков».[518]

Обратимся к некоторым характеристикам деятельности преступных сообществ на примере Санкт-Петербурга.

Конец 80-х – конец 90-х годов

В городе действовало несколько преступных *сообществ* (тамбовское, казанское, азербайджанское и др.), десятки преступных *ассоциаций* или *объединений* (например, комаровское, контролировавшее Курортный район Петербурга и трассу Петербург – Выборг), а также сотни преступных *групп*. Мнения специалистов о количестве преступных группировок в городе разнятся от полутора десятков до сотен. И это не удивительно: все зависит от того, что считать «организованной преступной группировкой» (ОПГ) в криминологическом понимании (ст. 35 УК РФ здесь мало помогает, как уже отмечалось). Соответственно, различны и представления о численном составе группировок: от десятков человек до 300–800 человек (мнение уже упоминавшегося И. И.).

Основные виды деятельности российской организованной преступности в целом традиционны:

• *Рэкет* (вымогательство), главные особенности которого отмечались выше.

• Нелегальный *экспорт цветных металлов*. Эта деятельность была особенно распространена в середине 90-х гг., но продолжается, может быть, в меньших масштабах, и поныне.

Здесь и далее в качестве иллюстрации используются фрагменты из интервью с представителями криминалитета.

«И. (интервьюер, Я. Костюковский): Какие виды криминального бизнеса наиболее популярны?

Р. (респондент): В течение 1994 г. половина всего металла из России экспортировалось нелегально. Это был хороший бизнес! Люди за два – три месяца зарабатывали так, что до сих пор хватает. Правда, это была работа по 25 часов в сутки… Но игра стоила свеч. Разница в цене здесь и в Эстонии была безумная».

• *Торговля оружием*. Это очень высокодоходный нелегальный бизнес. Сведения о нем скудны, поскольку связаны с деятельностью высокопоставленных представителей военного

ведомства (федерального и региональных). Купить можно все. Вопрос только – по какой цене.[519]

«Р.: Мы занимаемся мелочью по сравнению с тем, что сейчас делается в армии, в оборонке – вот там да, там целая экономика. Сейчас говорят, вот, в армии все воруют. А, по-моему, там все намного сложнее. Просто выгоднее прикинуться простыми воришками, а на самом деле там же миллионы баксов (долларов США. – *Авт.) крутятся. Вот там – экономика…-».*

• *Финансовые, банковские махинации.* Наиболее известные ранние операции – фальшивые авизо. Сейчас практикуются более «технологичные», связанные с кредитными картами и деятельностью хакеров.

• *Кража и перепродажа автомобилей.*

«И.: А ты с иностранцами контактируешь?

Р.: Да, конечно. У нас есть бизнес по машинам. Обмен.

И.: То есть?

Р.: Натурально. Здесь в Питере угоняется машина и идет в Голландию, а из Голландии так же сюда… Вообще это целая система в Германии, Польше, Франции, Венгрии, Голландии и России. Так что в этом смысле с организованной преступностью все хорошо – международный контакт есть-».

• Изготовление и продажа *фальсифицированных товаров,* прежде всего – алкогольных изделий. Хорошо известны (и систематически публикуются в прессе) результаты проверок качества продуктов. Примерно до 50 % алкогольных изделий, реализуемых в ларьках, киосках, а то и в магазинах – фальсифицированы. Вот некоторые последствия этого: уровень смертности (на 1000 жителей) от алкогольного отравления вырос в Петербурге с 6,2 в 1987 г. до 49,1 в 1993 г., в России за тот же период с 8,0 до 30,9.[520]

• *Фальшивомонетничество.* Зарегистрировано милицией в 1993 г. – 7075 случаев, в 1994 г., всего год спустя – 14 890 таких преступлений.[521]

• *Контроль над игорным бизнесом.*

«И.: Как в отношении азартных игр?

Р.: Если ты спрашиваешь о казино… Это дело подходящее. Я могу пригласить в казино интересного для меня человека, и он будет выигрывать. Он сможет выиграть столько, сколько я захочу. Это ситуация простая и прекрасная: нет взятки, нет коррупции. Человек доволен, нет проблем… Через казино можно реализовать огромные деньги без контроля. Иногда бывают полицейские налеты. Обнаружить нарушения в казино всегда можно. Но кто будет проверять, когда вице-губернатор сидит? В общем, белые начинают и выигрывают…».

• *Контроль за проституцией.* Подробнее об этом говорилось выше в связи с торговлей людьми (гл. 7, § 4).

• *Контрабанда.* В частности, количество предметов старины и искусства, изъятых при попытке вывоза, выросло с 3500 предметов в 1992 г. до 10 000 предметов в 1999 г. При этом задерживается не более 5–10 % реально вывозимых ценностей. [522]

• *Наркобизнес.* Этот криминальный вид предпринимательства дает самую высокую прибыль и, очевидно, наиболее интернационализирован. Обобщенные официальные данные о развитии наркотизма в России будут представлены в гл. 13 и не требуют особых комментариев. Отметим только, что латентность и наркомании (как заболевания), и потребления наркотиков, и преступлений, связанных с ними, – чрезвычайно высока.

В настоящее время наркотики поступают в Россию преимущественно из Афганистана, Азербайджана, Чечни, среднеазиатских республик, а кокаин – из латиноамериканских государств. В свою очередь, из России часть наркотиков идет в страны Балтии и Западной Европы. По некоторым данным, из Казахстана и Средней Азии поступает в Россию до 54 % импортируемых наркотиков, 25 % – из Беларуси, Украины, Молдовы, 15,5 % – из республик Закавказья. [523]

Преступные организации весьма заинтересованы в процессе *приватизации.* Как утверждают наши респонденты: «их цель – завладеть собственностью». Для этого, в частности, они получают своевременно информацию об аукционах, направляют на них своих представителей, которые нередко диктуют – под угрозой расправы – кто, что и за какую цену купит.

Конец 90-х годов – 2006 год

Основными тенденциями последних лет (конец 90-х гг. – 2006 г.) являются: переход «авторитетов» (лидеров) организованной преступности в легальный бизнес; усилившийся процесс «отмывания денег» через легальные структуры; стремление лидеров организованной преступности войти во властные структуры или обеспечить себе их покровительство; «экономизация» и «политизация» организованной преступности приводит к сокращению явных кровавых разборок, отдельные убийства бывают, но автоматная стрельба на улицах городов резко сократилась; началась конкуренция между преступными организациями и… милицией по «крышеванию» (по существу – рэкет) бизнеса.

Рассмотрим сказанное подробнее на примере интервью с

нашими респондентами (декабрь 2004 г. – март 2005 г.).[524]

Начальник отдела прокуратуры Санкт-Петербурга *О.* говорит: *«Бандиты поумнели, стали изощреннее, их лидеры на голову выше того, что было. Они давно вошли во власть, коррумпируя ее».*

Зам. начальника управления по борьбе с организованной преступностью *Н.* рассказывает: *«Лидеры преступного мира уходят в бизнес, легализуются, открывают компании, холдинги. Они набирают не „быков“* (бойцы, рядовые члены преступных организаций. – *Авт.), а экономистов, юристов, менеджеров. Особенно они преуспевают в таких отраслях, как энергетика, топливный комплекс (господин Барсуков, бывший Кумарин, он же «Кум»), строительство, в меньшей степени – автобизнес. Лидеры организованной преступности теперь депутаты – Монастырский, Глущенко (в розыске), Шевченко (убит). Среднее звено – бригадиры – тоже организуют свои фирмы. Занимаясь недвижимостью, вовлекают в преступную деятельность паспортно-визовую службу милиции, участковых инспекторов. Лидеры организованной преступности имеют очень сильную юридическую поддержку, забирают («легально») целые крупные предприятия. Мелкие бандиты продолжают заниматься разбоями, грабежами, угонами автомашин. Из «воров в законе» был один положенец*[525] *– Артур, но сейчас сидит».*

По мнению оперативного сотрудника одного из Отделов по борьбе с организованной преступностью *В.*, *«сегодня организованной преступности нет: ее сменили менты. Кто „крышует“ ларьки, рынки, „точки“*[526]*? Менты. Посмотрите: вот ларек. К нему время от времени будет подходить мент и получать деньги. А вот в том доме напротив на 4-м этаже «точка». Она под контролем Х-го отдела милиции. Сегодня все мелкие торговые предприятия, мелкий и средний бизнес под ментовской «крышей». Бандиты и не сунутся. Почему выгоднее быть под ментовской крышей? А у них больше легальных возможностей. В случае чего ствол законный и стрелять может законно, а бандитские стволы незаконные. Кроме того, начальники всех охранных структур* (собственная охрана предприятий, фирм. – *Авт.) – бывшие менты. А мент с ментом всегда договорятся. Вот я, если надо, прихожу к начальнику охраны и говорю – братишка, ты ведь тоже из наших, помоги-ка мне. И всегда поможет. Да теперь и среди бандитов менты «в почете». Мне может из «Крестов»*[527] *позвонить зэк и в присутствии других со мной разговаривать. Еще и хвастаться в камере будет: я звоню менту знакомому. Раньше за такое его сразу же замочили бы.*

И.: А контроль за проституцией?

Р.: Это тоже под ментами.

И.: А за игорным бизнесом?

Р.: Это ФСБ. Игорный бизнес ментам не по зубам. Там такие деньги! Это – ФСБ крышует».

Начальник одного из отделов Управления собственной безопасности (УСБ) ГУВД А:

«И.: Как Вы относитесь к мнению, что милицейские «крыши» сменяют криминальные?

Р.: Да, совершенно верно. Причем речь идет не только об отдельных сотрудниках или их группах. Это происходит на уровне, например, отделов милиции. Появилось на территории обслуживания кафе. Начальник отдела посылает туда участкового. Тот проводит соответствующую работу и кафе начинает ежемесячно отчислять отделу определенную сумму».

Что касается основных действующих сейчас в Санкт-Петербурге и области преступных групп и сообществ, то наши информанты, как из преступного мира, так и правоохранительных органов, не едины во взглядах. Так, по мнению *О.,* сохранилась, хотя и утратила былое «могущество» тамбовская группировка, из этнических преступных сообществ, бесспорно, сохранились азербайджанская (контроль над рынками, наркотики), дагестанская, возможно, чеченская и грузинская. *Н.* также говорит о сохранении тамбовской группировки, но сильно «повыбитой» силами УБОП. Контроль над проституцией осуществляют, в частности, дагестанская и грузинская группировки, хотя есть и «славяне». Нелегальная торговля наркотиками – в руках азербайджанской и таджикской групп. Дагестанская и чеченская группировки осуществляют торговлю оружием, наравне со «славянскими» группами. Игорный бизнес по-прежнему под контролем соратников М. М. Мирилашвили, хотя сам он осужден и находится в местах заключения.

По мнению А, последнее время силу приобрела пермская группировка.

С точки зрения *В.,* от былых преступных сообществ мало что осталось. Продолжают действовать *этнические* группировки: азербайджанская (наркотики, рынки), чеченская (оружие, наркотики), грузинская (различные виды мошенничества). Правда, остаются еще автоугонщики. А старые лидеры или на кладбище (убиты), или за бугром, или в бизнесе.

«И.: *А как же, по Вашим словам, ментовские крыши на рынках?*

В.: *Все очень просто. Приезжает новый торговец с товаром. Обращается к азербайджанским «хозяевам» – хочу получить место на рынке. Те: только по нашей цене. Далее возможны три варианта: или торговец соглашается, получает место и платит азербайджанцам, или отдает весь товар за полцены и уезжает,*

или, если оказался несговорчивый торговец, азербайджанцы обращаются к «дежурному» милиционеру: вот там какой-то незнакомец странный, надо бы проверить. И мент «проверяет» документы, машину, товар… Придраться всегда можно, так что приехавший рад будет уехать, а то и откупаться от милиционера придется. Так что вроде ментовская крыша над азербайджанской получается…»

Некоторые обобщенные официальные данные о показателях, косвенно характеризующих деятельность преступных организаций, представлены в табл. 3.7.[528] Однако и в этом случае следует помнить об очень высокой ее латентности, а также о различиях в уголовно-правовом (ст. 35 УК РФ) и криминологическом понимании «преступных организаций». По этим же причинам следует очень осторожно оценивать официальные данные о региональных особенностях организованной преступности.[529]

Наконец, о *международном* аспекте российской организованной преступности.

Думается, что существует как недооценка, так и переоценка феномена российской организованной преступности. Сегодня «русская мафия» нередко выступает «пугалом» для западного налогоплательщика. Мифы о российской мафии затмили мифы об итальянской или же японской мафии. Между тем, с одной стороны, российская организованная преступность «всего лишь» этап, элемент глобального процесса повышения уровня организованности преступности и ее интернационализации. С другой стороны, нельзя недооценивать реальную активность российских организованных преступных группировок на международной арене.

Таблица 9.1

Некоторые официальные данные об организованной преступности в России (1989–2003)

	1989	1991	1993	1995	1997	1999	2003
Количество организованных преступных группировок (ОПГ)	485	952	5691	8222	*	*	*
ОПГ с международными контактами	*	75	307	363	*	*	*
Количество преступлений, совершенных ОПГ	2924	5119	13 640	23 820	28 497	32 858	25 671
Членов ОПГ	*	4489	11 351	14 936	16 100	17 557	10 321
Незаконный оборот оружия	*	26 506	56 894	58 793	52 914	66 536	54 203
Было конфисковано:							
Огнестрельное оружие	111	371	11 737	6357	*	*	*
Наркотики (кг)	26	257	4368	49 425	49 625	59 343	
Доллары США (тысячи)	*	*	4100	61 074	8700	3250	1429
Автомобили	*	*	1118	1364	*	*	*
Драгоценности (кг)	*	*	*	804	2104	2493	*
Цветные металлы (т)	*	*	*	1267	4154	977	328

Во всяком случае, известно:

• российские цветные (и редкоземельные) металлы нелегально уходят на Запад;

• наркотики циркулируют «туда и обратно» (из Азии в Россию и транзитом на Запад, из стран Латинской Америки в Россию, из Западной Европы в Россию и т. д.);

• российское оружие нелегально идет на Запад и на Восток, а в Россию оружие поступает из Польши, Китая, Германии, Чехии, Австрии, Израиля и других стран;[530]

• российские проститутки экспортируются как на Запад, так и на Восток;

• создана международная сеть криминального «автобизнеса» при активном участии российских ОПГ (так, по данным российского бюро Интерпола, поставлено на учет свыше 350 тыс. единиц автотранспортных средств, похищенных в странах Западной Европы, и свыше 31 тыс. единиц – похищенных в России;[531]

• фальсифицированный алкоголь «гуляет» туда и обратно (в частности, мы получаем его из Польши и Голландии);

• до 95 % фальшивой иностранной валюты поступает в Россию из зарубежных государств.[532]

• российские «легальные» и нелегальные структуры активно вовлечены в международный процесс «отмывания денег», в частности, через офшорные зоны, игровой бизнес и т. п.

Подведем некоторые итоги. Для современной российской организованной преступности характерны следующие особенности.

• Широкая распространенность и влияние на экономику и политику. Около 40–60 % предприятий и 60–80 % банков находятся так или иначе под контролем криминальных структур (называются и более внушительные цифры). Значительное число представителей криминалитета либо непосредственно входят во властные структуры всех уровней, либо имеют возможность лоббировать принятие тех или иных властных решений.

• Очень высокий доход (сверхприбыль) преступного бизнеса.

• Организованная преступность принимает на себя функции государства: обеспечение безопасности (как чисто криминальные «крыши», так и полукриминальные «охранные предприятия»), арбитраж», «исполнительное производство» и т. п.

• Использование организованной преступностью тотальной коррумпированности властных структур и правоохранительных органов всех уровней.

• Широкая социальная база организованной преступности: безработица, низкая оплата труда в бюджетных организациях; незанятость подростков и молодежи; невозможность нормального развития легального бизнеса (сверхналоги, коррупция, бюрократическая волокита и т. п.).

• Распространение насильственных методов «решения конфликтов» (кровавые «разборки», заказные убийства).

• Широкое использование современных технологий, компьютерной техники.

• *Новые тенденции:* стремление к *легализации* криминальной деятельности; переход к легальной и полулегальной деятельности; *проникновение* в легальный бизнес и во властные структуры. Эмпирическими проявлениями последнего могут служить хорошо известные казусы с мэром Ленинск-Кузнецкого Коняхиным (он же местный «авторитет»); избранным губернатором Нижнего Новгорода «авторитетом» Климентьевым; Кумариным, онже – «Кум», он же – один из (теперьуже – бывших) руководителей энергетического комплекса Петербурга г-н Барсуков и др. Интересно при этом, что население «подвластных» криминалитету регионов нередко предпочитает криминальную власть легальной (митинги и демонстрации жителей в поддержку Коняхина, Клементьева). И действительно, «легализовавшись через тысячи фирм и компаний, «братва» создает рабочие места. Мало того, «братва» оказалась способной на решение и социальных проблем. В Москве, в крупных городах это не так заметно. Хотя в Москве есть даже театр, существующий на

субсидии одной из криминальных группировок… В небольших российских городках вот уже несколько лет настоящей властью считаются местные крестные отцы… Общаковские средства идут не только на криминальные и коммерческие нужды. Строятся и содержатся спортивные комплексы, детские дома и дома престарелых, больницы, нарколечебницы, проводятся праздники города, прокладываются дороги. На эти же деньги содержится городская администрация, да и милиция тоже. Вплоть до того, что именно бандиты снабжают ее транспортом, топливом, обмундированием… С чего бы это жители Ленинск-Кузнецкого стали на защиту своего криминального мэра?»[533]

Наши информаторы говорят о том же:

«Р.: Ты себе не представляешь, какие аферы крутятся на официальном уровне. Это не только в Петербурге. Я знаю города поменьше, где уже половину всех квартир захапали те, кто в мэрии сидят. Вот там – мафия. Там все повязаны: мэрия, милиция, исполнители, законодатели, бандиты. Все уже давно переженились, детей своих переженили – вот это мафия, настоящая семья. И весь город держит под собой».

• Политизация организованной преступности и криминализация политики, экономики, общества и государства.

Какова возможная разумная реакция общества и государства на организованную преступность вообще, в России в частности?

• Прежде всего, требуется спокойное, объективное, не идеологизированное, не политизированное изучение организованной преступности, ее генезиса, факторов, воздействующих на ее развитие, и т. п. Иначе говоря, ее *демифологизация.*

• Осознание того, что повышение уровня организованной преступности – *неизбежный* глобальный процесс, который не может быть «ликвидирован» или существенно ограничен уголовно-правовыми запретами и полицейскими мерами.

• Понимание *социально-экономической* природы организованной преступности. Сокращение ее социальной базы и масштабов деятельности возможно лишь путем создания условий, когда:

– «нелегальные» ныне потребности будут легализованы и удовлетворяться легальным путем (отмена «сухого закона» в США покончила с бутлегерством; если сегодня было бы возможно легализовать наркотики во всем мире, наркомафия прекратила бы свое существование);

– легальный бизнес станет *выгоднее* нелегального. Уже сегодня, судя по сообщениям прессы, «экономическое чудо»

Японии, повышение благосостояния ее населения, сокращение безработицы делают невыгодным участие в преступных организациях – якудзе;

– налоговый пресс минимален и не «выдавливает» добросовестного предпринимателя в «тень» или в «криминал». При сегодняшних налогах в России предпринимателям практически невозможно выжить, не нарушая уголовный закон (не скрывая доходов, не давая взяток) или же не уходя в «тень», в нелегальную или криминальную деятельность;

– подросткам и молодежи будут предоставлены широкие возможности легального удовлетворения своих витальных, социальных (престиж, статус, самоутверждение), духовных потребностей.

Все большему числу профессионалов, включая юристов, становится понятна невозможность противостояния организованной преступности исключительно или преимущественно уголовно-правовыми мерами.[534]

Иными словами: (1) «в конечном счете, контроль над организованной преступностью будет иметь место тогда, когда мы полностью поймем и сможем разрушить рыночные условия, которые ее формируют»;[535] (2) уровень организованной преступности (так же как преступности вообще, пьянства, наркотизма, самоубийств, проституции и т. п.) существенно зависит от степени *респонсивности* общества (A. Etzioni), т. е. удовлетворения потребностей населения легальными средствами.

Очень интересное описание деятельности организованной преступности («Cosa nostra») в Нью-Йорке и возможности ей противостоять представлены в книге James Jacobs с соавторами.[536]

Глава 10
Преступность «белых воротничков»

Того, кто украл буханку хлеба, сажают в тюрьму, того, кто украл железную дорогу, – избирают в сенат.

Американская пословица

§ 1. Основные понятия

В мировой криминологии различают два типа преступности: обычную *(ordinary crime),* или «уличную» преступность *(street crime)* «опасного класса» *(dangerous class),* преступность «синих воротничков» и – «респектабельную», «беловоротничковую» *(white-collar crime)* преступность. К первому типу относятся, например, насильственные преступления, кражи, грабежи, разбои и т. п. Ко второму типу – экономическая преступность, должностные преступления, коррупционные преступления и т. п. «Цветной» критерий – *синие* и *белые* воротнички – возник из-за того, что служащие в США ходят обычно в белых рубашках, рабочие – преимущественно в синих рубашках или комбинезонах.

Термин «преступления белых воротничков» *(white-collar crime),* как упоминалось выше (гл. 5), был введен в научный оборот Э. Сатерлендом в 1939 г. Первоначально Сатерленд понимал под беловоротничковой преступностью «преступления, совершенные лицами респектабельными и высокого социального статуса в связи с их должностным положением».[537] Позднее этот термин распространился на преступления, совершенные по должности служащими любого ранга. Так, по определению Дж. Колемана, «беловоротничковая (респектабельная)» преступность есть «нарушение закона, совершенное лицом или группой лиц в процессе выполнения законной профессиональной деятельности или финансовой активности».[538]

Преступность «белых воротничков» многолика и распространена во всех странах.[539] Она не укладывается в какой-либо один раздел российского Уголовного кодекса. К ней могут быть отнесены некоторые составы преступлений против личности (неоказание помощи больному – ст. 124 УК РФ, оставление в опасности – ст. 125 УК), некоторые преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина

(гл. 19 УК), ряд экологических преступлений (гл. 26 УК) и др. Большинство типичных «респектабельных» преступлений относятся к преступлениям в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК) – *экономические преступления* и к преступлениям против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (гл. 30 УК) – *должностные преступления.*

При всех уголовно-правовых различиях этих преступлений, их объединяет *субъект* – лицо, исполняющее свои служебные, должностные обязанности (служащий, чиновник), «белый воротничок», а также то, что преступления совершаются этим субъектом *в связи с исполнением* служебных (должностных) обязанностей. Поэтому уклонение *гражданина* от уплаты налогов (ст. 198 УК) не является «беловоротничковым» преступлением. Поэтому же чиновник, убивший из ревности жену или укравший бутылку коньяка в супермаркете, совершил обычное «уличное» преступление (напомним, что в данном случае «уличное» определяет не место совершения преступления, а его тип – *«street crime»).*

Отметим некоторые криминологически значимые особенности рассматриваемой преступности.

Во-первых, «респектабельная» преступность включает три больших подгруппы – экономическая, должностная и политическая преступность. Каждая из них, в свою очередь, может быть индивидуальной и корпоративной (групповой). Это представлено на схеме 10.1.

Схема 10.1. Схема «беловоротничковой (респектабельной)» преступности

Во-вторых, беловоротничковая преступность нередко посягает на интересы неопределенного круга лиц *(анонимность жертвы).*

Кто, например, конкретно страдает от фальсификации избирательных документов (ст. 142 УК), от незаконного получения кредита (ст. 176 УК), от загрязнения атмосферы (ст. 251 УК), от незаконного участия должностного лица в предпринимательской деятельности (ст. 289 УК)? В конечном же счете потерпевшими оказываются все налогоплательщики.

В-третьих, по этой причине (нет конкретного потерпевшего или он не знает о том, что подвергся преступным посягательствам, – нет и жалобы, повода для расследования), а также в силу *селективности* действий полиции (милиции) и уголовной юстиции, образно описанной в эпиграфе к настоящей главе, беловоротничковая преступность характеризуется *очень высокой латентностью*. Так, в 2006 г. в России были зарегистрированы 2 случая монополистических действий и ограничения конкуренции – ст. 178 УК (выявлено виновных лиц – 2), 0 случаев подкупа участников и организаторов спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов – ст. 184 УК (выявлено виновных лиц – 0), всего 39 751 преступление против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (выявлено виновных лиц – 16 381).[540] Не надо быть специалистом, чтобы оценить «полноту» учета такого рода преступлений.

В-четвертых, беловоротничковая преступность (особенно экономические и коррупционные преступления) тесно связана с организованной преступностью. Частично это было показано при анализе организованной преступности, частично будет отмечено ниже, при рассмотрении коррупционной деятельности.

В-пятых, при «незаметности» беловоротничковой преступности, ее крайне высокой латентности, анонимности ее жертв она – во всех трех своих разновидностях – представляет *наибольшую реальную опасность* для общества вообще, современного российского в особенности. Экономическая отсталость России, массовое недоверие населения ко всем ветвям власти, дискредитация органов власти, управления, правосудия, неисчислимые жертвы «белых воротничков» – безмерная цена, которую платит общество за «деятельность» (или бездеятельность) тех, кого оно и без того содержит…

Для современной беловоротничковой преступности, так же как для организованной, характерны глобализация, международный характер.

Вот обобщенный портрет «белых воротничков» как потенциальных субъектов преступлений, по мнению американских криминологов: «Ненадежность материального положения и жестокая нужда чужды их миру и их образу жизни.

Двигатели их автомобилей заводятся по команде, их холодильники и винные погреба в изобилии заполнены всем, что они пожелают, дома просторны, удобны и безопасны, а дети хорошо одеты и накормлены. Эти люди привилегированны, и это дает им не только право выбора, но и свободное время для тщательного анализа всех возможностей, чтобы сделать этот выбор».[541]

§ 2. Криминологический анализ беловоротничковой преступности

«Незаметность» респектабельной преступности, анонимность ее жертв, высокая латентность существенно затрудняют криминологический анализ. Поэтому мы вынуждены ограничиться рассмотрением лишь некоторых общих вопросов.

А. Экономическая преступность

Уголовно-правовому, криминологическому, экономическому, социологическому анализу экономической преступности посвящен ряд фундаментальных трудов.[542] Некоторые соображения автора опубликованы на английском языке.[543]

Для характеристики состояния и динамики экономической преступности за последние пятнадцать лет в России воспользуемся обширными цитатами из официального источника – ежегодных статистических сборников «Преступность и правонарушения. Статистический сборник» (М.: МВД РФ, МЮ РФ, Межгосударственный статистический комитет СНГ).

1991 г. – «Переход к новым экономическим отношениям сопровождается целым рядом преобразований, в содержание которых включаются и факторы криминогенного характера. Форсируемая приватизация государственного имущества в условиях психологической отчужденности трудящихся от собственности оказывает влияние на рост хищений, «бюрократического» вымогательства взяток со стороны представителей госпредприятий и учреждений» (1992, с. 5).

1992 г. – «Повсеместная бесхозяйственность и бесконтрольность, снижение требовательности в обеспечении сохранности материальных ценностей создали условия для массового растаскивания имущества на объектах государственной и общественной собственности… Преступные группировки, действующие в экономике, освоили новые виды противоправной деятельности, вовлекли в незаконный бизнес значительную часть предпринимателей. Результатом массированного преступного

проникновения в экономическую сферу явилась волна должностных и хозяйственных преступлений, наносящих невосполнимый ущерб экономике страны» (1993, с. 7, 9).

1993 г. – «Продолжается процесс криминализации экономики. Недостаточная урегулированность вопросов собственности, плохой контроль за законностью происхождения капиталов, используемых в ходе приватизации, разбалансированность финансово-кредитной системы, высокая степень монополизации при относительной свободе ценообразования, инфляция, неразвитость системы налогообложения, операций с ценными бумагами и другие факторы не только осложнили экономическую ситуацию, но и стимулировали проявления экономической преступности. В 1993 г. в сфере экономики вскрыто 110,4 тыс. преступлений… Наиболее серьезные преступления все чаще фиксируются в сфере кредитно-банковских отношений… В 1992 г. по ним было возбуждено 617 уголовных дел, а в 1993 г. вскрыто уже 4,3 тыс. преступлений… Выявлено более 9 тыс. преступлений, связанных с незаконным экспортом стратегического сырья и материалов… Выявлено 27,6 тыс. преступлений, связанных с приватизацией, в основном с приватизационными чеками. Продолжается криминализация потребительского рынка» (1994, с. 9–10).

1994 г. – «Анализ криминогенных процессов свидетельствует о все большем стремлении преступных элементов влиять на ключевые позиции в экономике. Рост криминальных проявлений характерен практически для всех отраслей экономики, особенно для кредитно-финансовой и внешнеэкономической сфер, добывающей и перерабатывающей промышленности, торговли и транспорта. Все чаще фиксируются незаконные операции по переводу капиталов в теневую экономику, вывозу за пределы России валютных и стратегически важных материальных ресурсов. Высокими темпами продолжается криминализация потребительского рынка… Количество фактов завладения имуществом путем обмана либо злоупотребления доверием в сфере экономики выросло в 2,5 раза, а причиненный гражданам и юридическим лицам материальный ущерб превысил 20 трлн рублей… В 1994 г. количество выявленных преступлений экономической направленности… составило 124,3 тыс.» (1995, с. 9–10).

1995 г. – «Наблюдается активный процесс криминализации экономики с одновременным усилением альянса экономической и общеуголовной преступности в наиболее опасных формах… Основным содержанием криминальных процессов в экономике оставалось незаконное отчуждение государственной

собственности в ходе приватизации и корыстные злоупотребления при управлении ею, а также противоправное перераспределение произведенного валового внутреннего продукта в пользу криминальных слоев, главными образом путем преступных махинаций в кредитно-финансовой и внешнеэкономической сферах, на валютно-денежном и потребительском рынках… В 1995 г. зарегистрировано 211,8 тыс. преступлений экономической направленности… Получила развитие тенденция «сползания» некоторых секторов экономики на незаконные принципы функционирования, что вело к сокращению легальной экономики при одновременном усилении ее теневой части» (1996, с. 7–8).

1996 г. – «Отмечаемый в 1996 г. рост зарегистрированных экономических преступлений связан не только с активизацией правоохранительной деятельности, но и достаточно объективно отражает процесс криминализации хозяйственной деятельности. Продолжались масштабные действия по незаконному завладению государственной собственностью в ходе приватизации, многочисленные злоупотребления в сфере управления, уклонения от налогообложения, противозаконные вывоз сырьевых, энергетических и других невосполнимых ресурсов за рубеж, перевод экспортной валютной выручки на счета… в иностранных банках, другие виды перераспределения произведенного валового внутреннего продукта в пользу криминальных слоев, главным образом путем преступной экспансии в кредитно-финансовую и внешнеэкономическую сферы» (1997, с. 6).

1997 г. – «Опираясь на коррумпированные связи, преступные сообщества внедрились в наиболее доходные сферы коммерческой деятельности, продвигают своих ставленников в органы законодательной и исполнительной власти различного уровня, активно способствуя криминализации экономики. В текущем году выявлено около 219 тыс. преступных посягательств экономической направленности и должностных преступлений, причинивших прямой ущерб на сумму более 12 трлн рублей. В общей структуре экономических преступлений более 60 % составили преступления против собственности, каждое девятое – в финансово-кредитной системе, каждое двенадцатое совершено на потребительском рынке» (1998, с. 8–9).

1998 г. – «Отмечается консолидация преступных группировок как в рамках отдельных территорий, так и на межрегиональном уровне… Этот процесс сопровождается разделом территории страны и отраслей ее экономики, наиболее доходных направлений преступного бизнеса на сферы влияния… Тенденции криминализации экономики наблюдаются практически во всех ее

отраслях. Наиболее уязвимой перед преступной экспансией оказалась кредитно-финансовая сфера. Здесь выявлено 34,1 тыс. преступлений, причиненный ими ущерб оценивается в 7,9 млрд рублей. Более 3 тыс. преступлений выявлено во внешнеэкономической сфере… Зарегистрировано почти 3,8 тыс. преступлений, связанных с незаконным предпринимательством…» (1999, с. 8–9).

1999–2000 г. – «В сфере экономической деятельности выявлено [в 2000 г.] 51,6 тыс. преступлений (+67,4 % [здесь и далее – по сравнению с 1999 г.]). На треть возросло количество выявленных преступлений против интересов службы в коммерческих организациях и составило 6,1 тыс. (+63,2 %)… В наиболее острых формах процесс криминализации протекает в сфере внешнеэкономической деятельности, где рост зарегистрированных преступлений превысил 69 %. Здесь выявлено 7,9 тыс. преступлений, причинивших материальный ущерб на сумму 4,1 млрд рублей… На 22,8 % увеличилось количество преступлений, связанных с приватизацией (3,4 тыс.). Причиненный ими материальный ущерб составил 1,7 млрд рублей… Существенно возросло (+84,9 %) в 2000 г. количество выявленных фактов легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенного незаконным путем и составило 1784» (2001, с. 6–7).

2001 г. – «В сфере экономической деятельности выявлено 54,2 тыс. преступлений… Возросло количество выявленных преступлений против интересов службы в коммерческих организациях и составило 6,8 тыс… В наиболее острых формах процесс криминализации протекает в сфере внешнеэкономической деятельности, где рост зарегистрированных преступлений превысил 20,6 %. Здесь выявлено 9.6 тыс. преступлений, причинивших материальный ущерб на сумму 8.7 млрд рублей… На 9,1 % увеличилось количество преступлений, связанных с приватизацией (3,7 тыс.). Причиненный ими материальный ущерб составил 783 млн рублей» (2002, с. 6–7).

2002 г. – «В сфере экономической деятельности выявлено 46,8 тыс. преступлений. Возросло количество выявленных преступлений против интересов службы в коммерческих организациях и составило 7,0 тыс…В наиболее острых формах процесс криминализации протекает в сфере финансово-кредитных отношений, где выявлено 68,6 тыс. преступлений, что составляет 18,3 % от всех преступлений экономической направленности… Размер причиненного материального ущерба по этим преступлениям составил 21 млрд рублей… В 2002 г.

снизилось количество выявленных фактов легализации (отмывания) денежных средств…» (2003, с. 6).

2003 г. – «В сфере экономической деятельности выявлено 38,4 тыс. преступлений (-17,8 % [по сравнению с 2002 г.]). Снизилось количество выявленных преступлений против интересов службы в коммерческих организациях и составило 6,0 тыс. (-13,6 %)… В наиболее острых формах процесс криминализации протекает в сфере финансово-кредитных отношений, где выявлено 68,7 тыс. преступлений, что составляет 18,2 % от всех преступлений экономической направленности… Размер причиненного материального ущерба по этим преступлениям составил 30,9 млрд рублей» (2004, с. 7).

2004 г. – обобщенные данные о преступлениях в сфере экономической деятельности отсутствуют (2005, с. 5–10).

2005 г. – обобщенные данные о преступлениях в сфере экономической деятельности отсутствуют (2006, с. 5–10).

2006 г. – обобщенные данные о преступлениях в сфере экономической деятельности отсутствуют (2007, с. 5–10).

Приведенные данные свидетельствуют об усугублении криминальной ситуации в сфере экономической деятельности с начала 90-х гг. прошлого столетия до начала текущего века и о последующем снижении криминальной напряженности, сокращении некоторых видов *зарегистрированной* преступности. Причем статистические сборники 2005–2007 гг. вообще умалчивают о рассматриваемых нами преступлениях. Другие источники информации также свидетельствуют о сокращении числа зарегистрированных преступлений в сфере экономической деятельности, особенно в 2004 г. (58 759 преступлений) с некоторым возрастанием к 2006 г. (107 089 преступлений), однако показатель этого года ниже 2002–2003 гг. (12–14 тыс.). [544] Остается вопрос: отражают ли оптимистические оценки реальную тенденцию или же возрастает латентность и без того высоколатентной экономической преступности?

Удельный вес преступлений *в сфере экономической деятельности* (гл. 22 УК) в общем объеме преступности составил: в 1998 г. – 1,9 %, 1999 г. – 3,9, 2000 г. – 5,4, 2001 г. – 5,6, 2002 г. – 5,7, 2003 г. – 4,4, 2004 г. – 2,0, 2005 г. – 2,4, 2006 г. – 2,8 %. Таким образом, наблюдается тенденция возрастания доли экономических преступлений с 1998 до 2002 г. с последующим сокращением. Но при этом необходимо оговориться. Во-первых, данные различных источников отличаются друг от друга. Во-вторых, как много раз отмечалось, беловоротничковая преступность очень латентна. В-третьих, именно гл. 22 УК подвергалась многочисленным изменениям со дня принятия

кодекса, что лишний раз свидетельствует о «конструировании» преступности и не может не влиять на ее количественные показатели.

Характеризовать *внутреннюю структуру* экономических преступлений сложно ввиду неоднократных изменений уголовного закона (криминализации одних и декриминализации других деяний). Во всяком случае можно отметить явное преобладание незаконного предпринимательства (1367–8538 зарегистрированных преступлений в течение 2000–2006 гг.), уклонения от уплаты налогов как физических лиц (1464–6789 зарегистрированных преступлений за те же годы), так и юридических лиц (2042–16527 преступлений), контрабанды (3498–6926 преступлений) и некоторых других.

О *территориальных различиях* мы можем судить только по абсолютному количеству зарегистрированных преступлений экономической направленности, что, разумеется, не очень корректно.

Б. Должностные преступления

Определимся с предметом обсуждения. В юридическом быту *преступления по должности* именуются обычно *должностными преступлениями.* В действующем уголовном законе этот вид преступлений предусмотрен в гл. 30 УК РФ «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления». В гл. 3 УК РСФСР 1926 г. они именовались «Должностные (служебные) преступления», а в гл. 7 УК РСФСР 1960 г. – «Должностные преступления». Очевидно, последнее из названий вошло в правовой быт в силу своей лаконичности и кажущейся ясности.

В отечественных учебниках по криминологии должностным преступлениям явно не повезло. Соответствующих глав (параграфов, разделов) *нет* ни в коллективном учебнике юридического факультета Санкт-Петербургского госуниверситета (2002 г. и последующие издания), ни в учебнике под редакцией В. Н. Кудрявцева и В. Е. Эминова (1997 г. и последующие издания), ни в учебнике Г. Ф. Хохрякова (1999 г.), ни в учебнике Д. А. Шестакова (2006 г.). Лишь одному из видов должностных преступлений – коррупции (взяточничеству) посвящены параграф (в главе «Корыстная преступность») учебника под редакцией Н. Ф. Кузнецовой и В. В. Лунеева (2004) и аналогичная тема в учебном пособии «Криминология» под редакцией Н. Ф. Кузнецовой (2006). Аналогичная глава «Коррупционные преступления» имеетсяв коллективном учебнике Санкт-Петербургского университета МВД

РФ (начиная с издания 1998 г.). В одну главу «Криминологическая характеристика преступлений против социалистической собственности, должностных и хозяйственных преступлений» объединены столь различные преступления в учебнике под редакцией Б. В. Коробейникова, Н. Ф. Кузнецовой, Г. М. Миньковского (1988). Имеется глава 10 «Преступность „белых воротничков“» в учебнике Я. И. Гилинского (2002). М. В. Феоктистов в методических материалах по спецкурсу говорит о *служебных* преступлениях, объединяя собственно преступления по должности и преступления лиц, выполняющих организационно-распорядительные или административно-хозяйственные обязанности в коммерческих и некоммерческих организациях.[545]

С нашей точки зрения, преступления *по должности* составляют разновидность преступности «белых воротничков» *(white-collar crime),* наряду с теми *экономическими* и *политическими*[546] преступлениями, которые совершаются специальным *субъектом* – государственными или муниципальными служащими, представителями органов власти, правоохранительных органов – и *в связи с исполнением ими служебных (должностных) обязанностей.*

Возможно, есть смысл различать преступления по должности в *узком* (гл. 30 УК РФ) и в *широком* смысле слова, *если они совершены соответствующим субъектом и связаны с осуществлением служебной деятельности:* преступления против личности (ч. 2 ст. 109; п. «а» ч. 2 ст. 111; п. «б» ч. 2 ст. 112; ч. 2 ст. 114; п. «б» ч. 2 ст. 117; ч. 2 ст. 118; ч. 4 ст. 122; ст. 124); преступления против свободы, чести и достоинства личности (п. «в» ч. 2 ст. 127.2; ч. 2 ст. 128); многие преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина (ч. 2 ст. 136; ч. 2 ст. 137; ч. 2 ст. 138; ч. 3 ст. 139; ст. 140; п. «б» ч. 2 ст. 141; ч. 2 ст. 144; п. «г» ч. 3 ст. 146; ст. 149); преступления против собственности (ч. 3 ст. 159); многие преступления в сфере экономической деятельности (п. «б» ч. 3 ст. 174; п. «б» ч. 3 ст. 174.1; ч. 3 ст. 175; п. «б» ч. 3 ст. 188); некоторые преступления против общественной безопасности (п. «в» ч. 2 ст. 221; п. «в» ч. 3 ст. 226) и против здоровья и общественной нравственности (п. «б» ч. 3 ст. 228.1; п. «в» ч. 2 ст. 229; ст. 233; ч. 2 ст. 237 – в ней прямо говорится о сокрытии информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей, *если они совершены лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно главой органа местного самоуправления,* т. е. это «в чистом виде» должностное

преступление; п. «а» ч. 2 ст. 241); большинство экологических преступлений; некоторые преступления против основ государственного строя и безопасности, если они совершены должностными лицами (ст. 275, 276, 283, 284); многие преступления против правосудия (ч. 3 ст. 294; ст. 299–305, 315); некоторые преступления против порядка управления, если они совершены должностными лицами, представителями власти; некоторые преступления против военной службы (например, ст. 345). Ряд *политических* преступлений, преступлений против мира и безопасности человечества могут быть совершены преимущественно лицами, занимающими государственные должности (ст. 353; ч. 2 ст. 354; ст. 355–358 УК РФ).

Напомним, что речь идет о *криминологическом* понимании должностных преступлений как (1) совершенных специальным субъектом и (2) в связи с выполнением им профессиональных (должностных) обязанностей (функций). Это понимание может не совпадать с уголовно-правовым. С другой стороны, уголовный закон устанавливает, *кто* понимается под должностным лицом, лицами, занимающими государственные должности, представителем власти (примечания к ст. 285, 318 УК РФ).

При криминологическом анализе должностных преступлений следует иметь в виду их чрезвычайно высокую латентность. Лишь в незначительной, как мне кажется, степени об их латентности свидетельствуют данные одного из исследований[547] (табл. 10.1).

Таблица 10.1

Коэффициент латентности должностных преступлений в РФ (2001–2002)

Состав преступления	2001	2002
Злоупотребление должностными полномочиями	3,38	3,39
Превышение должностных полномочий	2,76	2,71
Присвоение полномочий должностного лица	1,35	1,34
Незаконное участие в предпринимательской деятельности	4,34	4,36
Получение взятки	10,09	10,13
Дача взятки	10,54	10,68
Служебный подлог	1,86	1,86
Халатность	2,94	2,92

Даже в относительно благополучном обществе «никто не может серьезно отрицать наносимый ею („беловоротничковой“ преступностью. – *Авт.)* тяжелый материальный и финансовый урон, который просто несравним с ущербом от уличной преступности. В некоторых случаях мы сталкиваемся здесь с тысячами потерпевших, а убытки только от нескольких ставших широко известными публике преступлений могут превзойти

общий годовой ущерб от уличной преступности».[548] Не менее опасен нематериальный ущерб от привилегированной преступности. «В тех случаях, когда государственный чиновник использует свое положение для незаконного обогащения или когда полиция или прокуратура намеренно фабрикует улики, будет нанесен ущерб доверию общества к правительству, общественным институтам, лидерам и процессам… Буйно разросшаяся и очевидная для всех „беловоротничковая“ преступность разъедает общественную мораль и приверженность общественным интересам… Доверие к экономическим институтам также может быть разрушено».[549]

Для современной беловоротничковой преступности характерна также глобализация, международный характер.

Общая криминологическая характеристика преступлений по должности в современной России

Рассмотрим прежде всего динамику преступлений, отнесенных действующим УК РФ к «преступлениям против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» (далее – должностные преступления).

Сведения, представленные в табл. 10.2 (за 1987–2006 гг.)[550] позволяют сделать ряд предварительных выводов.

• Наблюдается в целом значительный рост зарегистрированных преступлений с 1988 по 2006 г.: злоупотребление должностными полномочиями – в 2,4 раза; превышение должностных полномочий – в 19,5 раза; получение взятки – в 6,5 раза; служебный подлог – в 1,4 раза (а с 1989 по 2006 г. – в 2,4 раза).

• Лишь халатность характеризуется существенным… снижением (в 6,2 раза!). Это тот случай, когда смело можно сказать: «Этого не может быть, потому что не может быть никогда». Действительно, халатность, даже «причинившая крупный ущерб», – одно из наиболее распространенных в действительности должностных преступлений. Однако латентность халатности очень велика, чем, очевидно, и объясняется столь странная динамика. Кроме того, конечно же, сыграло роль и изменение диспозиции ст. 293 УК РФ Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ.

• Совершенно недействующим оказался состав преступления, предусмотренный ст. 287 УК: ни одного зарегистрированного преступления за 8 лет. Это лишний пример непродуманной

криминализации деяний, которые могут быть предусмотрены административным или гражданско-правовым законодательством, без уголовного устрашения. Аналогичные выводы можно сделать относительно деяний, предусмотренных ст. 288 и 289 УК: криминализация ради 13–67 зарегистрированных преступлений в год на всей территории России – непозволительная роскошь.

Всего было *зарегистрировано* должностных преступлений и *выявлено* лиц, виновных в их совершении: 1993 г. – 16 677/9440; 1994 г.– 19 021/18 133; 1995 г. – 16 733/8588; 1996 г. – 17 393/7881; 1999 г. – 22 908/8448; 2000 г. – 25 272/9623; 2001 г. – 26 463/9623; 2002 г. – 27 381/11 474; 2003 г. – 28 580/11 674; 2004 г. – 33 810/12 731; 2005 г. – 37 621/13 797; 2006 г. – 39 751/16 381. Таким образом, наблюдается значительный рост числа зарегистрированных должностных преступлений (в 2,4 раза) при относительно невысоком количестве выявленных «белых воротничков», их совершивших (в 1,7 раза).

Удельный вес должностных преступлений (гл. 30 УК) в общем объеме преступности составил: 1987 г. – 1,9 %, 1988 г. – 1,5, 1989 г. – 1,0, 1990 г. – 0,9, 1991 г. – 0,7, 1992 г. – 0,6, 1993 г. – 0,6, 1994 г. – 0,7, 1995 г. – 0,6, 1996 г. – 0,7, 1997 г. – 0,7, 1998 г. – 0,7, 1999 г. – 0,7, 2000 г. – 0,8, 2001 г. – 0,9, 2002 г. – 1,1, 2003 г. – 1,0, 2004 г. – 1,2, 2005 г. – 1,1, 2006 г. – 1,0 %. Мы видим значимое снижение доли должностных преступлений с 1987 до 1992 г. с последующей стабилизацией этого показателя и возрастанием с 2000 г.

Таблица 10.2

Должностные преступления в России (1987–2006)

	1987	1988	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Всего:	23 349	18 642	16 785	17 075	15 448	15 707	16 677	19 021	16 733	17 393	22 908	25 272	26 463	27 381	28 580	33 810	37 621	39 751
В том числе:																		
Злоупотребл. должностн. полномочиями	3753	2801	2436	2505	2451	2662	2794	3240	2528	2717	4176	4797	4133	3816	4400	5033	6941	6634
Превышение должностных полномочий	666	470	570	899	1114	1297	1675	2182	2279	2310	3001	3384	3695	5414	6189	7911	8939	9185
Халатность	9710	7909	6865	5979	4631	4126	3549	3649	2752	2050	2139	2368	2199	2581	2250	1233	1044	1274
Получение взятки	2040	998	1033	1400	1414	1960	2686	2960	2920	3223	4211	4281	4797	4553	4425	5273	5720	6546
Служебный подлог	5064	7978	4719	5001	4715	4285	4144	5022	4273	4856	6701	7612	8145	8224	8315	10 599	10 722	11 343
Присвоение полномочий должн. лица											30	21	31	17	13	18	16	22
Отказ в предоставл. информации											0	0	0	0	0	0	0	0
Незаконное участие в предприни-мат. деят-ти											38	43	351	18	67	44	31	49

Внутренняя структура должностных преступлений выглядит следующим образом: злоупотребление властью или служебным положением – 15–17 %, превышение власти или служебных полномочий – от 2,5 % в конце 80-х гг. до 13,5 % к концу 90-х гг., халатность – от 41 % в конце 80-х гг. до 12 % к 1996 г., получение взятки – от 5–8 % в конце 80-х гг. до 18,5 % в 1996 г., должностной подлог – 22–29 %. Думается, что значительный рост удельного веса превышения власти или служебных полномочий и получения взятки при столь же существенном сокращении доли халатности отражает скорее правоприменительную практику, нежели реальное изменение структуры должностных преступлений.

B. Коррупция

К коррупционным преступлениям обычно относят злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий, присвоение полномочий должностного лица, получение взятки. Разумеется, с одной стороны, это далеко не полный перечень возможных преступлений по должности, связанных с коррупцией. С другой стороны, не всегда перечисленные преступления (кроме получения взятки) обязательно носят коррупционный характер.

Среди всех должностных преступлений *взяточничество,* как одно из проявлений *коррупции,* представляет наибольшую опасность. Вокруг коррупции, равно как в отношении организованной преступности и потребления наркотиков, сложилось множество мифов (и надежд на «ликвидацию»), заставляющих остановиться подробнее на этой проблеме.

Имеется множество *определений* коррупции. Возможно, наиболее краткое (и точное) из них предложил Joseph Senturia: «Злоупотребление публичной властью ради частной выгоды».[551] (Впрочем, древние латиняне говорили еще короче: *«Do ut facies»* – «Даю, чтобы сделал»). Аналогичное определение встречается в документах ООН. Более полное определение содержится в документах 34-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (1979): «Выполнение должностным лицом каких-либо действий или бездействие в сфере его должностных полномочий за вознаграждение в любой форме в интересах дающего такое вознаграждение, как с нарушением должностных инструкций, так и без их нарушения».

Существует множество *форм* (проявлений) коррупции: взяточничество, фаворитизм, непотизм (кумовство), протекционизм, лоббизм, незаконное распределение и

перераспределение общественных ресурсов и фондов, незаконная приватизация, незаконная поддержка и финансирование политических структур (партий и др.), вымогательство, предоставление льготных кредитов, заказов, знаменитый русский «блат» (использование личных контактов для получения доступа к общественным ресурсам – товарам, услугам, источникам дохода, привилегиям)[552] и др. Исчерпывающий перечень коррупционных видов деятельности невозможен. Хорошо известно, что в России легально существовало «кормление», переросшее позднее в мздоимство и лихоимство.

Важно понимание *социальной природы* (сущности) коррупции. Оно позволит избежать излишней политизации, «юридизации» и, в конечном счете, мифологизации проблемы.

Коррупция – *социальный феномен,* порождение общества и общественных отношений. Социальный феномен *продажности* (от коррупции должностных лиц до брачных аферистов и проституции – в сферах политики, науки, искусства или же – сексуальных отношений) возможен в обществе развитых товарно-денежных отношений. Тот или иной вид продажности, осознаваемый как проблема, представляет собой *социальную конструкцию:* общество определяет, что именно, где, когда, при каких условиях и с какими последствиями (санкциями) рассматривается как коррупция, проституция и т. д. Процесс социального конструирования коррупции включает: наличие множества фактов продажности (взяточничества) различных государственных служащих и должностных лиц; осознание этих фактов как социальной проблемы; криминализацию некоторых форм коррупционной деятельности; реакцию политиков, юристов, средств массовой информации, населения на коррупцию и т. д.

В современном обществе, включая российское, коррупция – *социальный институт, элемент системы управления,* тесно взаимосвязанный с другими социальными институтами – политическими, экономическими, культурологическими. Об институционализации коррупции свидетельствуют:

• выполнение ею ряда социальных *функций* – упрощение административных связей, ускорение и упрощение принятия управленческих решений, консолидация и реструктуризация отношений между социальными классами и группами, содействие экономическому развитию путем сокращения бюрократических барьеров, оптимизация экономики в условиях дефицита ресурсов и др.;[553]

• наличие вполне определенных *субъектов* коррупционных взаимоотношений (патрон – клиент), распределение социальных *ролей* (взяткодатель, взяткополучатель, посредник);

• наличие определенных *правил игры, норм,* известных субъектам коррупционных действий («операциональный кодекс», по Г. Мюрдалю);

• сложившиеся *сленг* и *символика* коррупционных действий;

• установившаяся и известная заинтересованным лицам *такса* услуг. Так, еще в 1996 г. газетой «Стрела» была опубликована такса поборов, осуществляемых работниками ГАИ; в Санкт-Петербургской ежемесячной газете «Ваш тайный советник» в 2000 г. публиковались размеры взяток за поступление в престижные вузы города. А вот примерная такса «услуг» правоохранительных органов: недопущение возбуждения уголовного дела – $1000–10 000; изменение меры пресечения на не связанную с лишением свободы – $20 000–25 000; смягчение меры наказания – $5000–15 000; нереагирование на таможенные нарушения – $10 000–20 000 или 20–25 % от суммы таможенных сборов.[554] Публикуются прейскуранты цен на армейские «услуги» (от 500 руб. за предоставление увольнительной на сутки военнослужащему срочной службы до $10 000–15 000 за признание негодным к военной службе или получение военного билета без службы в армии. Представление к ордену Мужества стоит $3000–5000).[555] Сравнительные ставки взяток за 1985–2005 и 2001–2005 гг. представлены в газетах «Комсомольская правда» от 7–14 июля 2005 г. и «Новая Газета» от 1–3 августа 2005 г. «Новая Газета» опубликовала в декабре 2002 г. (№ 93) сведения о брошюре депутата Государственной Думы профессора Г. Костина, в которой были перечислены расценки на все основные высшие должности в органах государственной власти. Так, должность председателя департамента Верховного Суда РФ стоит $400 000, заместителя председателя Московского арбитражного суда – $1,3 млн, заместителя министра энергетики – $10 млн и т. д. Газета ожидала реакции властей: опровержения, обвинения Костина в клевете или же расследования в отношении должностных лиц. Однако *никакой* реакции не последовало. Молчание – знак согласия?

Институционализация коррупции в развитых странах Запада рассмотрена В. Рейсменом еще в 1979 г. (рус. пер. 1988 г.[556]). В отечественной литературе прежде всего следует упомянуть книгу Л. Тимофеева,[557] а также диссертационное исследование И. Кузнецова.[558]

Экономические, социальные, политические *последствия* коррупции хорошо известны и не нуждаются в комментариях.

Коррупция существует во всех современных государствах. Другой вопрос – масштабы коррупции.

История коррупции и взяточничества в России отражена в ряде монографий.[559] Нам остается напомнить, что первым легальным проявлением коррупции явилось *«кормление»,* древнерусский институт направления князем своих воевод, наместников в провинцию без денежного вознаграждения с тем, чтобы они «кормились» (содержались) населением соответствующей территории. «Кормление» было официально отменено в 1556 г., но традиция жить и богатеть за счет подданных сохранилась. Позднее стали различать *мздоимство* – выполнение услуг за взятку без нарушения действующего законодательства и *лихоимство* – получение взятки за совершение действий, нарушающих закон. Впервые уголовная ответственность за получение взятки судьями была установлена в Судебнике 1497 г. К XVI в. относят появление *вымогательства.* В XVIII в. коррупция приобретает в России массовый, тотальный характер. Петр I был в ужасе от масштабов взяточничества и пытался бороться с ним привычными репрессивными мерами вплоть до смертной казни (указы от 23 августа 1713 г., 24 декабря 1714 г., 5 февраля 1724 г.), но тщетно.

Спустя два столетия советская власть применяет те же меры и столь же безрезультатно. К 70-м гг. XX в. лидеры Советского государства и КПСС, советская бюрократия были полностью коррумпированы.

Каково современное состояние проблемы в России?

По данным международной организации *Transparency International,* Россия входит в число наиболее коррумпированных стран мира. Так, в 2006 г. она с баллом 2,5 (наименее коррумпированные страны – Финляндия, Исландия, Новая Зеландия – имели балл 9,6; наиболее коррумпированная – Гаити – 1,8 балла) входила в группу стран: Бенин, Гамбия, Гайана, Гондурас, Непал, Филиппины, Россия, Руанда, Свазиленд. В 2007 г. степень коррумпированности России увеличилась: с баллом 2,3 (наименее коррумпированы Дания, Финляндия. Новая Зеландия – с баллом 9,4, наиболее коррумпированы Мьянма, Сомали – с баллом 1,4) она входит в группу стран: Гамбия, Индонезия, Россия, Того.

Ежегодный ущерб от коррупции в России оценивается экспертами в $20–25 млрд, экспорт капитала за границу составляет $15–20 млрд в год, а всего за 1988–1999 гг. – $300–350 млрд.[560]

В процессе исследований, осуществляемых Центром девиантологии Санкт-Петербургского Социологического института РАН, наши респонденты из числа *предпринимателей* подробно рассказывали, за что приходится давать взятки: при

регистрации предприятия; при получении лицензии; для получения от государственных органов помещения в аренду; при получении разрешения на эксплуатацию производственных помещений (при этом «тариф» пожарной инспекции выше, чем санитарной инспекции); при получении банковского льготного кредита; при сдаче отчета налоговой инспекции; при таможенных операциях. Их информацию подтверждают руководители соответствующих служб *правоохранительных* органов.

А вот что говорят члены *преступных группировок,* отвечая на вопросы интервьюера, Я. Костюковского: *«Занимались недвижимостью… В нашей конторе все повязано было – эксплуатационные правления, нотариусы, парочка участковых даже прикармливалась»; «Мы еще когда на рынке работали, все время за место платили. Ну, и ментам, конечно, надо было отстегивать-».* Еще один респондент на вопрос *«А как же налоговая?»: «Да ну, брось ты. Что ты думаешь, в Большом доме*[561] *не знают о том, как я работаю? Просто со всеми надо дружить…».* Надо ли говорить, что «дружба» дорогого стоит?..

Исследование региональной элиты Северо-Запада России, осуществленное группой политической социологии Санкт-Петербургского Социологического института (руководитель – А. Дука), затрагивало и проблему коррупции. Результаты этого эмпирического исследования показали, в частности, что «среди представителей региональной элиты Санкт-Петербурга и Ленинградской области преобладает уверенность в широком распространении коррупции и взяточничества в России. Эта уверенность коррелирует с убеждением в нечестном происхождении больших денег в стране и выраженностью негативой оценки ситуации в России».[562]

О масштабах и всевластии коррупции в России свидетельствует и формирование ***коррупционных сетей,*** хорошо изученных Фондом ИНДЕМ (руководитель – Г. А. Сатаров[563]). Позволю себе длинную цитату: «От единичных разрозненных сделок коррупционеры переходят к организованным и скоординированным действиям, объединяясь в преступные сообщества, образующие коррупционные сети… В последние годы наметился переход коррупции на более высокий уровень, когда именно коррупционные сети и являются основой и наиболее сильным инструментом коррупционных сделок. Деятельность коррупционных сетей проявляется в формировании взаимосвязей и взаимозависимостей между чиновниками по вертикали управления… а также по горизонтали на различных уровнях управления между разными ведомствами и структурами. Эти взаимосвязи и взаимозависимости направлены на

систематическое совершение коррупционных сделок, как правило, с целью личного обогащения, распределения бюджетных средств в пользу структур, входящих в коррупционную сеть, повышения прибылей, их максимизации, или получения конкурентных преимуществ финансово-кредитными и коммерческими структурами, входящими в коррупционную сеть». [564] Средства, получаемые в результате экспорта нефти, газа, металлов, функционирования транспорта, связи, энергетики, лесного хозяйства, от оптовой торговли и финансирования оборонных заказов и Вооруженных Сил и т. п., – распределяются по коррупционным сетям.

В состав коррупционных сетей входят: группы государственных чиновников, обеспечивающих соответствующие решения; коммерческие и финансовые структуры, реализующие получаемые выгоды, льготы, доходы; силовое прикрытие («крыша») со стороны представителей органов МВД, ФСБ, прокуратуры, налоговой полиции и иных «силовиков». «Руководителями коррупционных сетей часто являются самые высокопоставленные российские чиновники и политики». [565]

И еще одна цитата: «Крупнейшая коррупционная сеть сформировалась в системе силовых органов, включая ФСБ, МВД и Государственный таможенный комитет. Это, по-видимому, и наиболее развитая коррупционная сеть… На высшем уровне разрабатываются схемы проведения крупных операций, для чего проводятся совместные совещания, причем как полулегальные, так и нелегальные… Все российские министерства и ведомости поражены коррупцией. Крупнейшие коррупционные сети выстроены вокруг Министерства финансов РФ, Министерства экономики РФ, Мингосимущества РФ… Очень сильно коррумпированы суды, в которых можно за взятку получить любое желательное решение или не допустить нежелательного решения. В судах всех уровней, уголовных и общей юрисдикции, действуют стандартные и всем известные расценки на выполнение тех или иных действий (некоторые из этих расценок приводились выше. – *Авт.)*. Особенно коррумпированы арбитражные суды, в которые по этой причине предприниматели предпочитают не обращаться вообще… Коррупционные сети выстраиваются в России вокруг частной зарубежной финансовой и материальной помощи, строительства и реконструкции зданий и сооружений… Сети выстроены вокруг всех российских естественных монополий, таких как РАО ЕЭС и Министерство путей сообщения». [566]

Коррупция, с нашей точки зрения, является в современной России проблемой № 1. **В условиях тотальной**

коррумпированности всех ветвей власти на всех уровнях принципиально невозможно решить ни одной социальной, экономической, политической проблемы. Ибо все сводится к вопросу: кому и сколько надо заплатить?

Официальные статистические сведения о зарегистрированных случаях взяточничества представлены в табл. 10.3. Относительный рост регистрируемых преступлений с 1992 г. не дает представлений об истинных масштабах взяточничества как разновидности коррупционной деятельности. Кроме того, даже из минимума зарегистрированных деяний выявляется лишь половина виновных лиц, а реально осуждается половина выявленных.

Таблица 10.3

Количество и уровень зарегистрированного взяточничества выявленных и осужденных лиц в России (1986 2006)

Год	Зарегистрированные преступления	Уровень (на 100 000 населения в возрасте от 16 лет)	Выявлено лиц	Осуждено
1986	6562	5,9	–	–
1987	4155	3,8	2836	2008
1988	2462	2,2	1994	812
1989	2195	2,0	1306	451
1990	2691	2,4	1510	649
1991	2534	2,3	1266	612
1992	3331	2,9	1537	686
1993	4497	3,9	2279	843
1994	4921	4,3	2727	1114
1995	4889	4,3	2342	1071
1996	5453	4,8	2692	1243
1997	5608	4,9	2320	1381
1998	5804	5,0	2803	1314
1999	6871	5,9	2921	1515
2000	7047	6,0	3481	1529
2001	7909	6,8	3696	2084
2002	7311	6,2	3796	2035
2003	7346	6,3	3039	2232
2004	8928	7,5	4609	2930
2005	9821	8,2	5109	3609
2006	11 063	9,3	5619	4229

Некоторые *социально-демографические* характеристики лиц, виновных в получении и даче взяток, представлены в табл. 10.4. Надо полагать, что рабочие, лица без постоянного источника дохода (доля которых постоянно возрастает!), а также учащиеся –

взяткодатели, и тогда доля *взяткополучателей* – становится все меньше…

Таблица 10.4

Социально-демографическая структура лиц, обвиняемых во взяточничестве, % (1987–2006)

	1987	1989	1991	1993	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Пол:																
муж.	58,7	59,7	66,3	75,2	77,5	77,4	73,7	75,4	70,1	74,1	73,4	74,0	74,7	77,2	77,8	78,3
жен.	41,3	40,3	33,7	24,8	22,5	22,6	26,3	24,6	29,9	25,9	26,6	26,0	25,3	22,8	22,2	21,7
Возраст:																
16–17*	0.3	0.1	0.2	0.3	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
18–29	17,8	20,5	19,6	27,2	29,8	28,8	27,1	26,4	9,0	26,9	26,2	26,6	26,0	26,4	26,3	26,6
30 и старше	81,9	79,4	80,2	72,2	70,2	71,2	72,9	73,4	91,0	73,1	72,9	72,9	73,9	73,4	73,3	73,3
Социальный статус:																
рабочие	33,2	37,7	34,0	16,4	19,3	21,3	13,7	15,0	13,2	14,1	16,8	19,3	20,9	20,3	20,9	21,5
служащие	58,3	51,2	53,9	43,9	50,9	48,8	46,3	48,6	50,7	46,8	43,2	41,5	39,8	39,4	36,9	35,9
работники с/х	1,7	1,8	0,6	1,5	0,2	0,3	0,6	0,5	0,5	0,4	0,6	0,6	0,5	0,5	0,3	0,4
студенты	0,7	0,6	0,7	2,2	0,5	0,6	1,7	0,8	1,3	2,7	4,0	4,2	2,0	3,6	2,5	3,1
без постоянного источника доходов	1,7	3,1	3,9	6,8	12,6	13,1	14,2	12,9	9,9	13,9	15,1	14,0	15,7	19,1	21,8	22,2

* С 1995 г. не учитывается в связи с незначительными показателями.

В интересной статье В. Лунеева[567] анализируется, в частности, *география* коррупционной преступности (взяточничество, присвоения и растраты). Приводимые данные лишний раз свидетельствуют о высокой латентности и «избирательности» учета. Достаточно сказать, что самые низкие коэффициенты коррупционной преступности… в Москве – 11,8 и Санкт-Петербурге – 11,2, тогда как в Республике Коми – 78,7, в Костромской области – 70,9, в Курской области – 68,1.

Каковы причины массовой коррупции в России? Я думаю, основными из них являются:

• давняя российская традиция; не случайно массовая коррупционная практика породила поговорки типа: «Не подмажешь, не поедешь», «Сухая ложка рот дерет», «Ты – мне, я – тебе», «Руки для того, чтобы брать» и т. п.;

• бывшая советская коррумпированная «номенклатура» в значительной степени сохранила или восстановила свои позиции в «новой» системе власти;

• номенклатурная приватизация послужила экономической основой коррупции;

• организованная преступность успешно использует взятки, подкуп, обеспечивая свою безопасность;

• со времен СССР коррумпированными оказались и высшие эшелоны власти; ясно, что среднее и низшее звенья чиновничества «с чистой совестью» следуют их примеру (как гласит русская пословица, «рыба гниет с головы»).

Возможно ли противодействие коррупции, включая коррупционную преступность, ограничение ее масштабов? Очевидно – да. Но для этого нужны понимание социальной сущности коррупции, избавление от иллюзий относительно «искоренения», да еще уголовно-правовыми средствами. К числу иных средств можно отнести: максимальное *ограничение полновластия* чиновников, сведение их функций к формально-регистрационным; максимальное ограничение прав бюрократии по «регулированию» экономики, образования, здравоохранения, науки, культуры и т. п.; резкое сокращение бюрократического аппарата на всех уровнях; усиление независимости бизнеса и личности; повышение независимости и престижа суда (судей); формирование гражданского общества, обеспечивающего контроль за деятельностью чиновников; существенное повышение оплаты труда чиновников (госслужащих) при одновременном повышении их ответственности; обеспечение «прозрачности» их деятельности; наличие реальной (а не демонстративно-показной) политической воли к сокращению коррупции; и др.

Эволюция коррупции и антикоррупционной деятельности в США, ее низкая эффективность и принципиальная невозможность полностью избавиться от коррупции основательно описаны в книге американских авторов. Один из заключительных пассажей книги: «Коррупция и контроль над ней всегда будут с нами».[568]

Г. Политическая преступность

Это сложное для научного, в том числе криминологического, исследования явление, поскольку речь идет не только об анализе действующего законодательства о государственных преступлениях (гл. 29 УК РФ), о преступлениях против мира и безопасности человечества (гл. 34 УК) и соответствующей правоприменительной практике, но и о преступлениях, которые не признаются таковыми самими режимами.[569]

Большинство исследователей политической преступности различают преступления *населения против государства* и преступления самой *власти по отношению к народу*.[570] С одной стороны, «совокупность уголовно наказуемых деяний, избираемых в качестве средств достижения целей политического характера».[571] С другой стороны – «некриминализированная преступность властей против своего народа».[572]

Более того, преследование политической преступности в первом (уголовно-правовом) смысле слова само может быть преступным – как борьба преступного режима против

политических оппонентов – реальных или же мнимых (вспомним практику гитлеровского и сталинского режимов). Поэтому, в частности, было бы неверно обращаться к анализу текущей практики. Обычно лишь *post factum* реформированное государство или международные органы в состоянии дать более или менее объективную, более или менее непредвзятую оценку действий режима и его оппонентов (например, Нюрнбергский процесс над немецко-фашистскими преступниками, в случае с Пиночетом, Пол Потом и др.).

И борьба индивидов против государства (режима), и борьба режима (монархического, фашистского, советского) против оппозиции могут рассматриваться как «политическая преступность»: в первом случае, с точки зрения действующего уголовного права *(de lege lata),* во втором случае – с позиции мирового сообщества, общечеловеческой нравственности, международных правовых актов. Каждый раз возникает проблема «точки отсчета». Если руководство гитлеровской Германии было признано преступным в соответствии с приговором Нюрнбергского трибунала, то аналогичная практика сталинского режима осталась без юридической оценки. Только в наступившем XXI столетии мировое сообщество и национальные правительства и суды возвращаются к правовой оценке преступлений диктаторов прошлого века: Пиночета в Чили, Фухимори в Перу, Пол Пота в Камбодже.[573]

Исследование власти как объекта и субъекта преступных посягательств позволяет утверждать: «Власть обладает всеми признаками, позволяющими считать ее объектом особой охраны и источником повышенной опасности… Власть, которая игнорирует импульсы и потребности общества, которая переключилась на самообслуживание, которая дает неверные управленческие сигналы и ориентиры, – это источник повышенной опасности».[574]

Среди преступлений *против государства* наибольшую опасность в современном мире представляет *терроризм.* Его уголовно-правовая характеристика представлена, например, в работах В. Емельянова, С. Дикаева, В. Комиссарова, Г. Овчинниковой.[575] Рассмотрим несколько подробнее терроризм как социально-политический феномен.

Терроризм (terror – лат. страх, ужас) является одной из серьезнейших современных глобальных социальных проблем, потенциально или актуально затрагивающих каждого жителя планеты. Трагические события 11 сентября 2001 г. (теракт в Нью-Йорке и Вашингтоне) лишь подтвердили это. Между тем, как это часто бывает, чем серьезнее, актуальнее и «очевиднее» проблема,

тем большим количеством мифов и недоразумений она окружена.

Нет единого понимания терроризма и в общественных науках. Вот лишь некоторые из имеющихся определений (всего их насчитывается свыше ста[576]):

• «систематическое устрашение, провоцирование, дестабилизация общества насилием»;[577]

• «форма угрозы насилием или применения насилия по политическим мотивам»;[578]

• «применение насилия или угрозы насилия против лиц или вещей ради достижения политических целей»;[579]

• «насильственные действия или угроза их применения со стороны субъектов политики и преследование ими политических целей»;[580]

• «систематическое использование убийств, телесных повреждений и разрушений или угроз перечисленных действий для достижения политических целей»;[581]

• «метод политической борьбы, который состоит в систематическом применении ничем не ограниченного, не связанного с военными действиями физического принуждения, имеющего целью достижение определенных результатов путем устрашения политических противников».[582]

Из приведенных и других многочисленных определений вырисовываются прежде всего *два основных* признака терроризма:

– применение или угроза применения *насилия;*

– его политическая *мотивация.*

Но есть, очевидно, еще один существенный признак терроризма как социального явления, а не индивидуального акта политического убийства: *неопределенный круг непосредственных объектов* теракта, применение насилия в отношении неопределенного круга лиц (ни в чем не повинных людей) ради достижения отдаленного объекта – удовлетворения политического (экономического, социального, религиозного) требования.

Обычно различают террор и терроризм:

– *террор* со стороны правящих властных структур (или «насилие сильных над слабыми», присущее, в частности, тоталитарным режимам);

– *терроризм* как насилие и устрашение «слабыми сильных», «оружие слабых, жертв „государственного террора“».[583]

Иначе говоря, «террор является насилием и устрашением, используемым объективно более сильным в отношении более слабых; терроризм – это насилие и устрашение, используемое более слабым в отношении более сильного».[584]

История политических репрессий (террора) и

террористических актов в виде политических убийств уходит вглубь веков.[585] Однако большинство исследователей отмечают существенные отличия современного терроризма и как «неотъемлемой части государственного террора – одной из форм государственной политики» (Ферро, 1989), и как систематического устрашения общества насилием: массовый характер (вплоть до геноцида со стороны властных структур – Kressel, 1996), все возрастающее количество терактов и их жертв, глобализация (интернационализация) терроризма.

Многочисленны проявления и методы терроризма: захват транспортных средств и заложников; уничтожение транспортных коммуникаций; взрывы, поджоги; военные действия, включая партизанские; отравление источников питания и водоснабжения; применение отравляющих веществ; угрозы применения этих и иных мер и др.

Неопределенность, размытость, многоликость терроризма обусловливают многочисленность его классификаций по разным основаниям (обзор см.: Дмитриев, Залысин, 2000: 30–57; Овчинникова, 1998:9–11).

Терроризм, приводя к бесчисленным жертвам и принося неисчислимые страдания, бесспорно, является *преступной* деятельностью (преступлением) и заслуживает самой суровой оценки. Но социально-политическая сущность терроризма и желание противодействовать ему требуют более широкого подхода, нежели чисто юридический. Да, террористам нет оправдания с общечеловеческой, принятой мировым сообществом и международными организациями точки зрения. Но ведь терроризм – преступление «особого рода». С точки зрения террористов, организаций и движений, прибегающих к террористическим методам, их требования, отстаиваемые идеи – «справедливы», имеют не меньшую ценность чем те, против которых они выступают. Поэтому борьба с терроризмом, носящим политический (этнический, идеологический, религиозный) характер, – малоэффективна (хотя и необходима). Об этом свидетельствуют печальный опыт Ольстера в Ирландии, затяжной, кровавый характер «борьбы» с баскскими сепаратистами в Испании, алжирскими террористами во Франции, с албанскими – в Сербии, с чеченскими – в России… В конечном счете, терроризм – это месть «исключенных» «включенным».

Мировое сообщество в целом и каждое государство в отдельности должны предпринимать прежде всего *политические* (экономические, социальные) усилия по *предотвращению условий* для терроризма, по *ненасильственному разрешению*

межэтнических, межконфессиональных, социальных конфликтов. Разумеется, провозгласить принцип ненасильственного, упреждающего терроризм решения назревших проблем и конфликтов легче, чем его реализовать. Но ***не существует «простых решений» сложных социальных проблем.*** Точнее говоря, так называемые «простые решения» (типа «ликвидировать», «подавить», «уничтожить») либо неосуществимы, либо приводят к еще большему осложнению ситуации. Можно (и нужно) бороться с отдельными исполнителями терактов – угонщиками самолетов, киллерами, лицами, закладывающими взрывные устройства и т. п., но нельзя уголовно-правовыми, карательными мерами устранить *причины, источники* терроризма как метода «решения» социальных (этнических, религиозных, политических, идеологических) конфликтов. Очевидно, не случайно в послевоенном мире террористические организации и движения возникали прежде всего в постфашистских, посттоталитарных, посткоммунистических странах – Италии («Красные бригады»), Германии («Красная армия», неонацисты), Японии (Японская революционная красная армия), Испании, Югославии, России, а также в странах с тоталитарным или авторитарным режимом (Латинская Америка, Ближний и Средний Восток), где отсутствовал опыт демократического, политического решения социальных конфликтов и проблем.

Не существует универсальных рецептов предупреждения терроризма и разрешения сложных проблем, лежащих в его основе. Некоторые общие подходы предлагаются в конфликтологической, политологической литературе.[586]

Важно понять:

• мир без насилия в обозримом будущем невозможен;

• основная антитеррористическая задача – максимально сокращать масштабы терроризма (как насилия «слабых» по отношению к «сильным»);

• основной путь такого сокращения – предупреждение или урегулирование социальных проблем и конфликтов ненасильственными, нерепрессивными, *политическими* методами;

• необходимо объединение антитеррористических сил против международного терроризма, объединение сил не только политических, включая вооруженные, но и идеологических, культурных, информационных;

• при этом наиболее эффективным «антитеррористическим» средством было бы «включение» «исключенных» в современное мировое сообщество, в мир современной экономики и политической демократии с его уровнем жизни, «равными

возможностями», социальной защищенностью. Но наиболее эффективный путь не означает наиболее реальный…

«Абсолютно ненасильственный мир – это нереальная перспектива. Более реальной выглядит задача сократить масштабы политического насилия, попытаться свести его к минимуму. Об этом свидетельствует политическая жизнь развитых демократических государств, где насилие чаще всего второстепенное средство власти».[587]

О *преступлениях государств* (режимов) против собственных и чужих народов написаны тысячи страниц. Конечно, наиболее одиозными примерами XX столетия служат фашистские Германия, Испания и Италия, советское государство, режим Пол Пота. Но сколько еще было режимов «хунт», «черных полковников», «военщины»… Все они в большей или меньшей степени исследовались и описывались политологами, историками, журналистами. Неизмеримо беднее их криминологический анализ. Это неудивительно в силу некриминализированности их деяний в национальных уголовных законах. Но даже при наличии формальных уголовно-правовых запретов, последние не реализуются, ибо в тоталитарных государствах правоприменительная практика полностью подчинена власти.

Глава 11
Профессиональная преступность

Как всякое устроенное общество, мир мошенников имеет свой приход и расход, свой актив и пассив, одним словом, свой бюджет.

Л. Моро-Кристоф

Выделение профессиональной преступности в качестве относительно самостоятельного вида произошло давно – зафиксировано в 1897 г. на Гейдельбергском съезде международного союза криминалистов. В России был хорошо известен профессиональный вор Ванька-Каин, промышлявший в середине XVIII в. Вместе с тем это один из наименее изученных видов преступности.[588] Объяснений тому несколько.

Во-первых, исторически менялось само понимание профессиональной преступности. Если вначале речь шла в основном о криминальных обитателях «дна», в частности, парижского (начальник парижской тайной полиции В. Видок, отмеченный А. С. Пушкиным в одной из эпиграмм, еще в XVIII в. выделял профессиональных воров и мошенников, отмечая их ловкость и умение), то позднее под профессиональной преступностью стали понимать любые, в том числе «элитарные», виды криминального извлечения доходов, отличающиеся постоянством, специализацией, вхождением в субкультуру и т. п.

Во-вторых, деятельность профессиональных преступников многообразна, многолика и, очевидно, не поддается исчерпывающему перечню и описанию.

В-третьих, профессиональная преступность в значительной степени пересекается и с организованной, и с «беловоротничковой», и с рецидивной, так что трудно, а то и невозможно, определить ее четкие границы, в том числе – уголовно-правовые. Не удивительно, что она не выделяется и уголовной статистикой, а потому не поддается статистическому анализу. Не помогают и обычные методы эмпирических исследований: при виктимологических опросах потерпевшие, как правило, не знают, чьей жертвой они оказались, а опросы типа *self report* («самоотчет») бессильны, ибо профессиональные преступники вряд ли попадут в выборку, а если попадут – навряд ли «расколются»…

Одно из определений профессиональной преступности:

«относительно самостоятельный вид преступности, включающий совокупность преступлений, совершаемых преступниками-профессионалами с целью извлечения основного или дополнительного источника доходов».[589] С этим можно согласиться. Но относятся ли к преступникам-профессионалам врачи, экономисты, финансисты, юристы и прочие специалисты, использующие свои профессиональные знания в преступной деятельности для извлечения доходов? Если в широком смысле слова к профессиональной преступности можно отнести совершаемые ими преступления систематически и с использованием профессиональных знаний, то в узком смысле слова речь, очевидно, должна идти о *«преступных профессиях»* – вора, мошенника, фальшивомонетчика и т. п. По существу на этих позициях стоят и авторы только что цитировавшегося учебника, говоря о «криминальном роде занятий».

Можно назвать несколько признаков, характеризующих профессиональную преступность:

• наличие у субъекта *криминальной профессии* (вор, мошенник) и *специализации* (вор-карманник, мошенник-кукольник);

• преступная деятельность носит *устойчивый,* постоянный характер и служит *основным* или *существенным* дополнительным источником доходов;

• субъекты профессиональной преступной деятельности как правило объединяются «по профессии» и/или «специализации» в сообщества, образуя криминальную субкультуру. Правда, бывают и профессионалы-одиночки (например, «медвежатники» – взломщики сейфов, воры-«тихуши», карточные шулеры – «паковщики»). Некоторые же специальности предполагают «работу» группой (карманные воры, квартирные воры, «ломщики» валюты, большинство видов мошеннической деятельности – с «зазывалами», «подсадными утками», «случайными прохожими» и т. п.);

• наличие «профессиональной» этики (норм, «понятий») и жаргона. Если «блатная музыка», «феня» вообще распространены в преступном и тюремном (что не одно и то же, в тюрьме находится и большое количество непрофессионалов) мире, то для криминальных «профи» жаргон инструментален, служит для быстрого и недоступного «лохам» – нам с Вами, читатель! – обмена информацией.

Существует великое множество преступных профессий и специализаций, их перечень открыт и постоянно пополняется. Узнать о воровских и мошеннических специальностях можно, изучая жаргон. Например, В. Чалидзе приводит далеко не полный

список жаргонных («блатных») наименований воровских специализаций: «щипач» – карманный вор; «банщик», «майданщик» – вокзальный вор; «домушник», «домашний шнифер» – квартирный вор, «медвежатник» – взломщик сейфов и т. п.[590] Со временем жаргон меняется, часть слов устаревает, появляются новые.

Воспользуемся систематизированным перечнем основных криминальных профессий и специальностей, приводимым в учебнике криминологии, подготовленным Санкт-Петербургским университетом МВД РФ.[591]

1. *Профессиональные воры:*

– «медвежатники» (взломщики сейфов);

– карманники (в т. ч. по месту «работы»: «рыночники», «кроты» – действующие в метрополитене; «майданщики» – на железнодорожном транспорте, «маршрутники» – на городском транспорте, «магазинщики», «театральщики», «уличные»; по способу деятельности: «технари» – с применением технических средств для разрезания сумок, портфелей, одежды, «ширмачи» – кражи под прикрытием рук различными предметами, «рыболовы» – кражи с помощью специальных крючков, «хирурги» – кражи с помощью пинцетов, «щипачи» – кражи из сумочек с разрезанием заточенной монетой, «трясуны» – выталкивание предметов кражи точным движением, «сумочники» – без применения технических средств); карманникам помогают «пропальщики» – принимающие похищенное, и «тырщики» – отвлекающие внимание жертвы;

– «домушники» со специализацией «фомичи» (квартирные кражи с помощью инструмента – «фомки», «метелки»), «ключники» (путем подбора ключей), «взломщики» (путем взлома дверей, дверных коробок), «форточники», «балконщики», «дубило» (в открытую дверь, окно), «обходчики» (под видом техников, электриков, работников жилищных органов и т. п.); им помогают «наводчики»;

– «магазинщики» – многочисленные специализации по кражам из магазинов;

– «угонщики» автомобилей с разделением труда (угонщики, сбытчики, перегонщики и др.);

– «клюквенники» – похитители антиквариата – как одиночки, так и с разделением труда (похитители, скупщики – «купцы», эксперты – «комиссионеры», посредники, в т. ч. международные).

Кроме того, среди воров известны «товарники» – занимающиеся хищениями из товарных вагонов, «малинщики» – с помощью спаивания жертв или с использованием снотворного, «собачники» и «кошатники» – хищение животных ценных пород, «капорщики» – похитители шапок и многие другие.

2. *Мошенники:*

– карточные шулеры, «катральщики» – высшая каста, работающая в казино и других заведениях («катранах»); «гусары» – обыгрывающие граждан в общественных местах, подразделяются на «гонщиков», играющих в транспорте, «майданщиков» – в поездах и «пляжников» – на пляжах; «паковщики» – обычно одиночки;

– «наперсточники» – хорошо известная игра на улицах, работают группой, включая «пристяжного» – заманивающего «лохов» в игру, «вертящего» – ловкача, крутящего шарик, «пассажира» – якобы случайного постороннего, а также боевиков, стоящих «на стреме»;

– «кукольники» – древняя профессия, заключающаяся в подмене реальных вещей и денег «куклами»; раньше преобладали вещевые «куклы», в настоящее время – денежные (и тогда мошенники именуются «ломщиками», их легко наблюдать около каждого обменного пункта валюты – «ломают валюту»);

– «продавцы воздуха» – организаторы финансовых «пирамид».

Кроме того, в неисчерпаемой массе мошенников выделяют «разгонщиков» (обман при продаже автомобилей), «обменщиков» (при обмене квартир), «фармазонщиков» (продажа фальшивых и поддельных драгоценностей, картин, икон и т. п.), «женихов» (брачные аферисты), «стряпчих» (выдающих себя за знакомых следователя, прокурора, судьи и предлагающих передать взятку «для улаживания дела») и др.

С расцветом мошенничества в современной России, развитием новых, в том числе легальных форм (многочисленные «лотереи», наем на работу с минимальной оплатой или без таковой с «испытательным сроком», по истечении которого работника увольняют, и т. п.) появляются новые слова – «кидало-валютчик» (расплачивающийся фальшивой валютой), «лоходром» (место, где одурачивают доверчивых людей – «лохов»), «лохотрон» (определенная система мошеннического обмана) и др. Многочисленные примеры современного мошенничества можно найти в книге А. Константинова.[592]

3. *Фальшивомонетчики.*

4. *«Черные следопыты»,* выкапывающие и продающие оружие, амуницию, личные вещи погибших; различают «мародеров» (охотники за золотыми зубами и другими ценными вещами), «оружейников» и «санитаров» – берут все, что осталось.

5. *Профессиональные нищие.* Это тяжелая работа, с неплохим доходом, частью которого надо делиться с «контролером». В зависимости от способа попрошайничества различаются «сочинители» (с письменными обращениями), «мамахи»,

«погорельцы», «беженцы», «севастопольцы» (мнимые ветераны), «путешественники» (просят «на билет»), «железнодорожники» и др.

6. *Грабители* (нападающие на объекты финансовой системы, на граждан в жилищах, на владельцев автомашин).

7. *Вымогатели (рэкетиры)*.

8. Профессиональные убийцы – *киллеры.* Заказные убийства были всегда. Однако появление профессиональных убийц, специально обученных, с определенным «почерком», различных уровней профессионализма (и, соответственно, с различной оплатой «труда») – знамение нового времени.

Глава 12
Подростково-молодежная преступность

Трезвая оценка положения может привести к страшному подозрению – возможно… что дети и молодежь не имеют важного значения.

Н. Кристи

§ 1. Исходные представления

Как отмечалось в гл. 4, подростки и молодежь характеризуются повышенной криминальной активностью (если иметь в виду «обычную» преступность, street crime, а не «беловоротничковую»). Вместе с тем, как принято считать, они – будущее любой страны, от их привычного поведения, образа жизни, личностных качеств зависит и судьба общества, государства. Не удивительно поэтому, что подростково-молодежной преступности, преступности несовершеннолетних уделяется огромное внимание в отечественной и зарубежной литературе – криминологической, социологической, психологической, педагогической и др.

Хотя и важная роль подростков и молодежи для будущего страны, и их повышенная криминальная активность являются фактом, однако рассматриваемая нами проблема не вполне проста и однозначна.

Во-первых, относительно негативная оценка взрослыми поведения детей, подростков, молодежи наблюдается на протяжении всей истории человечества. «Конфликт поколений» присущ не только новой истории. Старшие поколения всегда недовольны младшими, а те отвечают взаимностью.

Во-вторых, подростково-молодежному возрасту закономерно присуща повышенная активность, проявляющаяся как в негативных (относительно высокая криминализация, наркотизация, сексуальные девиации), так и в позитивных (художественное, техническое, научное творчество) формах. Дети, подростки, молодые люди обладают высокой энергетикой, стремлением «открыть» или сделать что-то новое, ранее неизвестное, *самоутвердиться в инновационной деятельности.* Но, повторимся, за все приходится платить. Поиск молодых приводит

и к творческим достижениям, и к негативным девиациям, включая преступность. Да и гибнут дети, подростки, молодые люди чаще, чем им «положено» по возрасту (высокая виктимность).

В-третьих, взрослые, предъявляя повышенные требования к поведению подрастающего поколения, сами нередко ведут себя не лучшим образом по отношению к нему. И если мы справедливо осуждаем тяжкие преступления, совершаемые подростками, то как оценить детскую безнадзорность, заброшенность, а то и прямое насилие над детьми и подростками со стороны взрослых, включая их родителей, родственников, учителей?[593] Никакие заклинания не сократят преступность и иные негативные девиации подростков и молодежи без изменения отношения к ним взрослых людей – родителей, учителей, работников правоохранительных органов, населения в целом. Не случайно специалисты утверждают: «Не бывает трудных детей, есть трудные взрослые».

Определимся с некоторыми понятиями.

Термин *«подростки»* нами используется инструментально, не очень строго и определяется возрастным интервалом 14–17 лет, исходя из того, что нижний возрастной порог уголовной ответственности в России – 14 лет, а с 18 лет наступает совершеннолетие. По другим источникам подростковый возраст ограничивается 12–16 годами.[594]

Не менее условно и понятие *«молодежь»*. Для нас это возрастная группа 18–29 лет, что примерно соответствует как социологическим представлениям, так и возрастным показателям уголовной статистики.

Переходя к генезису подростково-молодежной преступности, заметим прежде всего, что она подчиняется общим закономерностям. Нет каких-то особых, специфических «причин» преступности подростков и молодежи. Но социально-экономическое неравенство, неравенство возможностей, доступных людям, принадлежащим к различным группам (стратам), своеобразно проявляется применительно к подросткам и молодежи.

Во-первых, во всех обществах понятия «старший» и «младший» означают не только возрастные, но и статусные различия. «Понятие «старшинства» имеет не только описательное, но и ценностное, социально-статусное значение, обозначая некоторое неравенство или, по меньшей мере, ассиметрию прав и обязанностей. Во всех языках понятие «младший» указывает не

только на возраст, но и на зависимый, подчиненный статус».[595] Различия возрастные оборачиваются социальным неравенством. Это, судя по высказыванию Н. Кристи, взятому в качестве эпиграфа к настоящей главе, характерно для всех стран. И в российском обществе дети, подростки, молодежь страдают не только от непонятости, заброшенности, репрессивных мер «воспитания», но и от неравенства положения, неравенства шансов – по сравнению со взрослыми – получить жилье, работу, вознаграждение за нее, защитить свои интересы. Подростки отличаются не только повышенной девиантностью, но и повышенной *виктимностью* (способностью стать жертвой). Так, только в 1998 г. в России были выявлены 103 360 несовершеннолетних, потерпевших от преступных посягательств. В результате погибли 3670 подростков, тяжкий вред здоровью причинен 6626 несовершеннолетним. 19 586 подростков были вовлечены взрослыми в совершение преступлений, зарегистрировано 44 164 факта доведения до алкогольного опьянения, 1653 случая развратных действий, 349 фактов полового сношения и иных действий сексуального характера с детьми.[596] По данным уголовной статистики, за период с 1997 по 2003 г. ежегодно число зарегистрированных преступлений против несовершеннолетних колебалось от 48 до 69 тыс.[597] И это – при очень высокой латентности подобных деяний.

Во-вторых, противоречия между наличными (и постоянно растущими) потребностями людей и неравными возможностями их удовлетворения приобретают особенно острый характер применительно к подросткам и молодежи. Бурное развитие их физических, интеллектуальных, эмоциональных сил, желание самоутвердиться в мире взрослых вступает в противоречие с недостаточной социальной зрелостью, отсутствием профессионального и жизненного опыта, невысокой квалификацией (или отсутствием таковой), а следовательно, и невысоким (неопределенным, маргинальным) статусом. Многочисленными социологическими исследованиями выявлена неудовлетворенность подростков и молодежи условиями обучения и труда, жилищными условиями, возможностями проявить себя в творческой деятельности. Эта неудовлетворенность объясняется объективными обстоятельствами, а не «капризами» молодых.

В-третьих, применительно к подросткам остро стоит проблема «канализирования» энергии, социальной активности в общественно одобряемом или хотя бы допустимом направлении, ибо молодость особенно нуждается в социальном признании, самоутверждении опять же при недостаточных возможностях.

Неудовлетворенная потребность в *самоутверждении* приводит к попыткам реализовать себя не только в творчестве (что достаточно сложно), но и в негативных формах активности («комплекс Герострата») – насилии, преступлениях (что «проще») или же приводит к ретретизму («уходу» – в алкоголь, наркотики, из жизни). Может быть раньше других это осознали писатели. «Агрессивность молодежи является своеобразной формой самозащиты», – пишет Хови.[598] «Преступления, хулиганство – все эти явления, в которых находит себе выход нерастраченная энергия молодежи», – вторит ей Дж. Уэйн.[599] А известный петербургский писатель Д. Гранин, познакомившись еще в советские времена в Англии с миром зажиточных, благополучных и законопослушных обывателей, восклицает: «И, представив себе такую жизнь, я ощутил желание взбунтоваться… Как угодно, но я другой, я отдельно! Нацепить на себя дурацкий колпак с бубенчиками, повесить на шею череп, дохлую кошку!».[600]

Фундаментальное противоречие между потребностями и возможностями, названное выше, может быть конкретизировано применительно к несовершеннолетним в современном российском обществе, как, например, это делает Г. Забрянский:[601]

• противоречие между целями, к которым общество призывает стремиться подростков, и теми легальными возможностями, которые оно им предоставляет для их достижения;

• противоречие между расширением возможностей выбора в различных сферах жизнедеятельности и сужением легальных средств реализации этих возможностей;

• противоречие между расширением потребностей в квалифицированном, престижном и высокооплачиваемом труде и ограниченными возможностями их удовлетворения;

• противоречие между стремлением к богатству и ощущением невозможности его достижения легальными способами;

• противоречие между необходимостью усиления социальной и правовой защиты несовершеннолетних и ограниченными материальными возможностями общества.

Названные (и неназванные) противоречия обостряются в современной России, когда для большинства подростков резко сократились *реальные* возможности поступления в престижные школы, вузы, получения интересной работы, самоутверждения в самодеятельном творчестве. И опять это чутко улавливают представители творческих профессий. Режиссер В. Ахадов пишет: «Пришло поколение, у которого как будто нет будущего. Все уже распределено. И дальше у детей будет то же, что уже есть у родителей. Но огромное количество молодых людей – без

перспективы жизни, возможности чего-то достичь, к чему-то приложить силы. Их много… Это страшноватое явление».[602]

Будучи непоняты взрослыми, подростки объединяются в группы, образуют подростковую *субкультуру* со своими ценностями, нормами, интересами, языком (сленгом), символами, которая далеко не всегда отличается законопослушностью.

Если под *культурой* понимать специфически человеческий *способ жизнедеятельности,* обеспечивающий социальное наследование, а под *образом жизни* – относительно устойчивые, типичные для конкретного общества (группы, класса) формы жизнедеятельности, то сообщества с преобладанием ценностей, норм, образцов поведения, отличных от господствующих в обществе («общепринятых») образуют *ценностно-нормативные субкультуры* (богемную, наркотическую, религиозно-культовую, криминальную и др.).

Субкультура формируется в результате интеграции людей, чьи взгляды, деятельность и образ жизни противостоят (не соответствуют) господствующим в обществе или провозглашаемым и принимаемым им, а потому им отвергаются (порицаются, преследуются). *Социально-экономические* предпосылки образования субкультур – социальная неоднородность, неравенство, несправедливость, «социальная неустроенность» индивидов.[603] *Социально-психологические* факторы формирования субкультурных сообществ – потребность людей в объединении, психологическая защита, потребность быть «понятым», самоутверждение среди себе подобных. «Вообще, они бегут не «куда», а «откуда». От нас они бегут, из нашего мира они бегут в свой мир… Мир этот не похож на наш и не может быть похож, потому что создается вопреки нашему, наоборот от нашего и в укор нашему. Мы этот их мир ненавидим и во всем виним, а винить-то надо нам самих себя».[604]

Субкультурные сообщества тем более сплочены и отличны от господствующей культуры, чем более жестко и категорически ею отвергаются. Поэтому например, группа наркоманов интегрирована больше, чем компания алкоголиков, но меньше, чем криминальная или тюремная субкультуры.

Подростковая субкультура и делинквентная или криминальная подростковая субкультуры – не одно и то же. Так, например, подростковой субкультуре в целом могут быть присущи некоторые общие языковые особенности, относительно негативное или настороженное отношение ко взрослым, предпочитаемые виды досуговой деятельности (дискотеки, «тусовки» и др.), одежды, даже питания и напитков (автор хорошо

помнит, как в школьные годы его сверстники предпочитали крепленые вина, а в студенческие годы – исключительно сухое вино, даже если оно не нравилось по вкусу).

Делинквентная (или девиантная) субкультура неоднородна. Так, Р. Клауорд и Л. Оулин различают ретретистскую (чаще всего – наркотическую), конфликтную и преступную субкультуры.[605] Г. Забрянский на основе отечественного опыта предлагает сложную классификацию подростковых групп.[606] По критерию «отношение группы к обществу» различаются группы позитивно направленные, нейтральные и негативно направленные («асоциальные»). Ясно, что криминологию интересуют асоциальные группы. Они различаются прежде всего по содержанию «асоциальной» деятельности: нарушающие моральные нормы; нарушающие правовые нормы, кроме уголовных; предкриминальные и совершающие преступления (криминальные или преступные). Критериями вторичной классификации служат место формирования (город или деревня, определенные районы города и т. п.) и степень открытости групп (открытые, полузакрытые, закрытые).

Конкретные условия, стадии, местные особенности формирования (от Чикаго 30-х гг. до «Казанского феномена» 80-х гг. минувшего столетия) и деятельности подростковых криминальных групп были предметом многочисленных исследований отечественных и зарубежных авторов.[607]

Определенное значение в генезисе подростковой преступности имеют и биологические факторы. Так, в период полового созревания (от 11–13 лет до 15–17 лет) «у подростков сразу появляется сильное стремление к самостоятельности… проявляются негативизм и упрямство. Подросток чувствует неуклонную тенденцию суверенной самостоятельности и беспощадного отрицания всего до сих пор существовавшего».[608] Ясно, что это может способствовать совершению девиантных поступков.

Вообще же перечень факторов, влияющих на девиантность подростков, бесконечен и открыт для дополнений.

Из сказанного следует, что проблема подростково-молодежной преступности (вообще девиантности) коренится в социально-экономических условиях бытия, что она не может решаться не только уголовно-правовыми мерами, но и запретительно-репрессивными методами родительского или школьного «воспитания».

§ 2. Криминологический анализ преступности несовершеннолетних

Хотя в преступности подростков и молодежи есть много общего, однако существуют и различия. Поэтому мы воспользуемся традиционным для отечественной криминологии раздельным их анализом.

Имеется обширная литература о преступности несовершеннолетних (14–17 лет) в России и ее регионах.[609]

Наиболее общие сведения о преступности несовершеннолетних представлены в табл. 12.1. Как явствует из приведенных данных, количество зарегистрированных в России преступлений, совершенных несовершеннолетними или с их участием, выросло с 1987 г. (наиболее «благополучного» за последние 15 лет) по 1998 г. в 1,6 раза (по 1999 г. – в 1,8 раза), уровень этих преступлений вырос в 1,3 раза, тогда как доля в общем количестве преступлений сократилась в 1,8 раза (по 1999 г. – в 2,1 раза). Последнее обстоятельство объясняется тем, что *темпы роста преступности несовершеннолетних были существенно ниже темпов роста всей преступности* (с 1987 по 1999 г. количество и уровень всех преступлений выросли в 2,5 раза).

Характеристика отдельных видов преступлений, совершенных несовершеннолетними или с их участием, представлена в табл. 12.2. Как видно из приведенных данных, с 1987 по 2003 г. *возрастает* доля несовершеннолетних в совершении таких *тяжких насильственных* преступлений (умышленное убийство – в 2,7 раза, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью – в 2,9 раза) при *сокращении* доли несовершеннолетних в изнасилованиях и всех преступлениях *против собственности.* В 2004–2006 гг. наблюдается сокращение удельного веса несовершеннолетних по всем исследуемым преступлениям. Насколько устойчива эта тенденция – покажет будущее. «Вклад» несовершеннолетних во взяточничество и преступления, связанные с наркотиками, незначителен и довольно стабилен.

Более «благоприятные» тенденции преступности несовершеннолетних по сравнению со взрослой преступностью гипотетически могут объясняться относительно лучшей адаптацией несовершеннолетних к современным условиям российского бытия. Однако, во-первых, за счет чего происходит эта «адаптация»: за счет большей наркотизации? За счет ухода в криминальные структуры, латентность деятельности которых очень высока? Во-вторых, не есть ли это последствия более высокой латентности преступлений несовершеннолетних?

Общая характеристика несовершеннолетних, совершивших преступления в России, представлена в табл. 12.3. Доля девушек среди несовершеннолетних преступников в России относительно

стабильна – 7–9 % без выраженной тенденции (доля женщин среди преступников всех возрастов 11–17 %). Доля 14–15-летних среди несовершеннолетних преступников в России колеблется от 27,7 % в 2000 г. до 32,8 % в 1991, 1993 гг. Их криминальная активность, разумеется, ниже, чем 16–17-летних. Доля рабочих и работников сельского хозяйства среди подростков, так же как и среди всех лиц, совершивших преступления, неуклонно снижается, что легко объяснить сокращением этих категорий в населении страны. Доля же лиц, не имеющих постоянного источника доходов, выросла с 1991 по 1999 г. с 23 до 43,3 % с последующим сокращением до 30,5 % в 2006 г. Таким образом, одна треть – половина подростков, совершивших преступления, относится к числу «исключенных». Постоянно высок процент групповой преступности несовершеннолетних с некоторым снижением в конце рассматриваемого периода.

Таблица 12.1

Основные показатели преступности несовершеннолетних (1987–2006)

	1987	**1988**	**1989**	**1990**	**1991**	**1992**	**1993**	**1994**	**1995**	**1996**
Количество зарегистрированных преступлений	116 149	133 422	159 976	162 718	173 375	199 291	225 740	221 649	209 777	202 935
Уровень (на 100 000 жителей в возрасте 14—17 лет	1510	1691	1965	1974	2079	2405	2637	2563	2402	2295
Доля (%) в общей преступности	19,9	15,4	18,0	17,2	17,0	16,4	16,2	14,0	12,0	11,0
	1997	**1998**	**1999**	**2000**	**2001**	**2002**	**2003**	**2004**	**2005**	**2006**
Количество зарегистрированных преступлений	182 798	189 293	208 313	195 426	185 379	139 681	145 368	154 414	154 734	150 264
Уровень (на 100 000 жителей в возрасте 14—17 лет	2030	2029	2183	2012	1877	1416	1489	1582	1672	1761
Доля (%) в общей преступности	10,9	10,3	9,6	8,9	9,0	9,1	9,6	9,8	9,1	8,4

Источники: Ежегодники «Преступность и правонарушения». М.: МВД РФ, МЮ РФ.

Таблица 12.2

Доля несовершеннолетних, совершивших различные преступления в России, в общем количестве преступлений

Год	Умышленные убийства с покушениями	Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	Изнасилование (с покушениями)	Разбой	Грабеж	Кража *	Взяточничество**	Преступления, связанные с наркотиками
1987	2, 9	3,3	32,6	20,5	34,4	36,9	0,3	9,6
1989	4,3	4,0	31,7	21,6	38,7	42,2	0,1	9,8
1991	4,1	3,8	25,4	19,4	33,6	30,9	0,2	9,3
1992	4,0	3,8	23,7	20,0	32,2	26,8	0,2	8,7
1993	4,8	4,8	22,5	21,7	31,4	24,0	0,3	8,0
1994	5,4	5,4	22,4	21,0	29,8	21,0	0,1	7,1
1995	5,9	5,4	20,8	19,7	28,2	19,5		7,3
1996	5,6	5,7	20,1	18,3	26,7	18,5		7,6
1997	5,7	5,7	16,0	16,5	24,3	18,1		8,6
1998	5,2	5,7	15,1	15,3	23,6	17,4		7,2
1999	5.5	6,1	14,2	14,7	21,9	16,2		5,7
2000	6,3	6,9	15,1	16,5	21,7	16,2		5,0
2001	7,5	8,4	16,6	17,2	21,2	17,4		4,2
2003	7,9	9,7	16,5	18,5	24,0	20,7		4,6
2004	7,4	9,3	16,6	18,2	23,7	19,9		4,3
2005	6,9	8,2	15,9	17,4	23,8	18,1		3,8
2006	6,5	7,5	14,4	17,1	23,3	17,8		3,5

* До 1989 г. – только личного имущества граждан.

** С 1995 г. не учитывается в связи с незначительным удельным весом.

Таблица 123

Характеристика несовершеннолетних, совершивших преступления в России*

Год	Всего	В том числе												
		Муж.	Жен.	14–15 лет	16–17 лет	Рабочие	Работники с/х	Учащиеся	Студенты	Без постоянного источника дохода	Безработные	Совершившие преступления в группе	В сост. алк. опьянения	В сост. наркот. возбуждения
1991	159 461	92,7	7,3	32,8	67,2	23,9	2,1	46,5	2,9	23,0		68,4	17,1	0,2
1992	188 186	93,1	6,9	31,5	68,5	20,0	1,9	43,5	2,6	30,0		68,0	17,6	0,3
1993	203 826	92,8	7,2	32,8	67,2	13,3	1,6	39,9	2,1	29,4	2,0	64,9	25,9	0,5
1994	200 954	91,9	8,1	32,4	67,6	11,8	1,1	30,6	2,3	33,3	2,3	65,0	28,4	0,4
1995	208 096	91,4	8,6	33,2	66,8	10,8	0,5	42,0	2,2	40,4	2,9	62,0	27,8	0,4
1996	192 199	91,0	9,0	32,6	67,4	8,8	0,4	44,7	2,3	41,1	2,7	60,9	26,2	0,6
1997	161 978	92,0	8,0	28,3	71,7	6,9	0,8	46,3	2,5	41,1	3,2	64,0	23,3	0,8
1998	164 787	92,2	7,8	28,4	71,6	5,5	0,6	48,6	2,7	42,9	3,2	64,3	19,6	0,8
1999	183 447	91,8	8,2	27,9	72,1	4,5	0,4	48,1	3,0	43,3	2,1	65,8	16,9	0,6
2000	177 851	91,4	8,6	27,7	72,3	5,0	0,5	47,1	3,0	32,4	2,3	64,2	16,9	0,5
2001	172 811	91,8	8,2	30,0	70,0	5,3	0,4	46,0	3,1	33,3	2,5	63,5	18,0	0,4
2002	140 392	92,1	7,9	28,6	71,4	5,2	0,3	45,9	3,5	33,5	2,4	60,9	21,5	0,3
2003	145 599	92,3	7,7	29,7	70,3	4,7	0,3	46,9	4,0	32,7	2,4	58,5	20,1	0,3
2004	151 890	92,1	7,9	30,3	69,7	3,9	0,2	47,8	4,0	32,7	2,3	56,0	16,1	0,2
2005	149 981	91,4	8,6	29,7	70,3	3,5	0,2	48,6	4,5	32,2	2,5	53,7	14,3	0,2
2006	148 595	90,7	9,3	29,7	70,3	2,9	0,1	50,6	5,1	30,5	2,2	48,7	12,3	0,2

* Сведения о служащих не указываются, поскольку их доля ниже 0,1–0,2 % ежегодно.

Подробный анализ региональных особенностей преступности несовершеннолетних представлен в упоминавшихся трудах Г. Забрянского.

Он делит регионы Российской Федерации по коэффициенту криминальной пораженности несовершеннолетних на шесть групп (классов): *низкой* криминальной пораженности (от 481,5 до 1135,4 зарегистрированных преступлений на 100 тыс. населения соответствующего возраста – 14–17 лет), в которую входят пять республик Северного Кавказа, Ульяновская область и Москва; *низко-средней* криминальной пораженности (от 1266,5 до 1523,1), куда входит десять регионов; *средне-низкой* пораженности (от 1577,1 до 2195,8) – 24 региона, включая Санкт-Петербург; *средне-высокой* пораженности (от 2324,7 до 3113,3) – 22 региона; *высоко-средней* пораженности (от 3075,1 до 3525,1) – 9 регионов; *высокой* криминальной пораженности несовершеннолетних (коэффициент от 3633,5 до 4584,1) – 6 регионов (Бурятия, Томская, Новосибирская, Сахалинская области, Хабаровский край, Еврейская АО). Таким образом, наблюдается разрыв между наиболее и наименее благополучными регионами в десять раз.

Далее Г. Забрянский соотносит вышеназванные группы с экономическими районами России. Экономическими районами с низкой криминальной активностью несовершеннолетних оказались Северо-Кавказский (коэффициент 1104,1), Поволжский (1473,0), Центрально-Черноземный (1613,0) и Центральный (1792,1). Районы со средней криминальной пораженностью – Волго-Вятский (1991,6), Северо-Западный (2467,5), Уральский (2362,3), Западно-Сибирский (2457,5) и Северный (2630,1). К экономическим районам с высокой криминальной пораженностью подростков относятся Восточно-Сибирский (2881,2) и Дальневосточный (3396,7). Надо ли говорить, что криминальная активность несовершеннолетних достаточно точно отражает социально-экономические условия существования регионов?

Интересно, что последующий анализ региональных особенностей наказания несовершеннолетних выявил несоответствие «тяжести» криминальной пораженности и «активности» уголовной юстиции в 36,8 % случаев,[610] что лишний раз наводит на размышления о неадекватности социальной реакции на преступность ее интенсивности. Но это уже тема IV части нашей книги.

§ 3. Криминологический анализ преступности молодежи

Выше были изложены принципиальные положения, характеризующие подростково-молодежную преступность. Поэтому в настоящем параграфе мы остановимся лишь на некоторых ее характеристиках.[611]

В целом динамика зарегистрированных в России преступлений, совершенных лицами в возрасте 18–29 лет, выглядит следующим образом (в скобках указан удельный вес в общем числе выявленных лиц всех возрастов): 1987 г. – 373 285 человек (38,5 % от общего числа), 1988 г. – 336 662 (40,3), 1989 г. – 340 944 (40,2), 1990 г. – 352 122 (39,2), 1991 г. – 366 327 (38,3), 1992 г. – 438 041 (38,1), 1993 г. – 490 062 (38,8), 1994 г. – 546 128 (37,9), 1995 г. – 595 760 (37,3), 1996 г. – 611 756 (37,8), 1997 г. – 564 308 (41,1), 1998 г. – 623 568 (42,1), 1999 г. – 742 646 (43,3), 2000 г. – 754 682 (43,3), 2001 г. – 713 313 (43,4), 2002 г. – 547 291 (43,5), 2003 г. – 558 959 (45,2), 2004 г. – 549 353 (44,9), 2005 г. – 588 061 (45,3), 2006 г. – 619 423 (45,5). Общий рост молодежных преступлений с 1988 по 1998 г. несколько ниже, чем темпы роста всех преступлений. Но с 1997 г. наблюдается повышение доли преступлений молодежи в общей преступности, что свидетельствует об определенном неблагополучии этой части

населения страны.

Интенсивность преступности молодежи по отдельным видам преступлений представлена в табл. 12.4.

Как явствует из приведенных данных, наиболее «молодежными» являются изнасилования, разбойные нападения и преступления, связанные с наркотиками. Наблюдается тенденция возрастания доли молодежи с середины 90-х гг. в таких преступлениях, как причинение тяжкого вреда здоровью, разбойные нападения, грабежи, кражи.

Таблица 12.4

Удельный вес преступлений молодежи в общем числе преступности в России (1987–1998), %

	1987	1988	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996
Убийства (с покушениями)	36,1	36,4	35,0	34,1	33,3	32,2	31,9	33,2	33,5	35,2
Тяжкий вред здоровью	36,5	36,2	35,8	32,7	31,1	29,2	29,9	30,6	32,0	32,2
Изнасилование (с покушениями)	53,6	52,4	53,3	53,0	55,4	55,2	55,8	56,0	55,8	55,3
Разбой	57,9	56,4	54,6	55,8	55,6	56,4	58,9	57,8	58,2	59,9
Грабеж	47,9	44,3	45,0	45,3	43,8	44,7	46,2	47,1	47,3	48,8
Кража*	41,8	40,0	37,7	36,6	36,3	36,7	36,5	36,0	36,1	37,7
Растраты, присвоения	22,6	22,9	23,6	22,9	21,7	21,4	21,7	19,4	20,9	21,0
Взяточничество	17,8	19,3	20,5	25,4	19,6	28,6	27,2	30,7	29,8	28,8
Преступления, связанные с наркотиками	64,2	59,9	59,1	58,1	58,8	62,5	61,3	61,4	59,8	60,6
	1997	**1998**	**1999**	**2000**	**2001**	**2002**	**2003**	**2004**	**2005**	**2006**
Убийства (с покушениями)	35,3	36,6	38,3	39,3	40,8	42,3	42,6	42,1	41,2	41,4
Тяжкий вред здоровью	33,5	34,8	35,7	37,9	39,4	41,7	42,9	43,3	43,7	44,2
Изнасилование (с покушениями)	56,8	57,3	56,6	57,4	56,9	57,8	58,9	58,6	58,0	58,8
Разбой	61,1	62,7	63,9	63,1	63,2	63,4	64,1	63,7	63,2	63,2
Грабеж	50,8	57?	53,9	55,5	57,2	57,5	58,5	59,0	58,7	58,9
Кража*	41,1	43,3	45,1	46,1	47,1	47,0	47,2	47,8	49,3	50,0
Растраты, присвоения	20,1	21,2	22,8	25,3	29,4	31,1	35,0	38,3	40,8	43,1
Взяточничество	27,1	26,4	8,9	29,9	26,2	21,6	26,0	26,4	26,3	26,6
Преступления, связанные с наркотиками	63,7	65,7	65,8	65,4	65,4	60,5	61,3	54,1	50,1	51,6

* До 1989 г. – только кражи личного имущества граждан.

Источники: Ежегодники «Преступность и правонарушения». М, 1992.

Глава 13
Преступления, связанные с наркотиками

Люби ближнего своего, даже если он употребляет эти проклятые наркотики.

А. Требач

§ 1. Наркотизм как социальная проблема

Относительно массовое потребление наркотиков – одна из серьезных социальных проблем. В современном мире она носит глобальный характер и, как это часто бывает, окружена многочисленными мифами. Попытаемся отделить зерна от плевел и начнем с определения ряда понятий.

Наркотики – средства (вещества), оказывающие воздействие на психику и поведение человека; их неоднократное потребление способно привести к формированию физической и/или психической зависимости (наркомании) – болезненного состояния, при котором человек испытывает потребность в регулярном приеме таких средств. Международными и национальными органами здравоохранения устанавливается и изменяется перечень средств, признаваемых наркотическими.

Здесь я не останавливаюсь на характеристике различных наркотиков, поскольку имеется соответствующая обширная литература, включая и мои публикации.[612]

Потребление наркотических средств может быть обусловлено заболеванием и рекомендовано врачом в качестве лечебного средства (так называемое медицинское потребление наркотических средств – болеутоляющих, психостимуляторов, снотворных и др.).

Злоупотребление или *немедицинское* потребление наркотиков – самовольное, без назначения врача или в дозах, превышающих назначенные, или продолжающееся после отмены назначения, или же прием иных средств, нежели были предписаны врачом.

Наркомания (от греч. ναρς – оцепенение и μανια – безумие, страсть) – заболевание, выражающееся в физической и/или психической зависимости от наркотических средств, в непреодолимом влечении к ним, постепенно приводящем к глубокому истощению физических и психических функций организма. Невозможность принять очередную дозу наркотика

вызывает тяжелые соматические расстройства – абстинентный синдром (синдром «отнятия» или, на сленге, – «ломку»).

При этом под *физической* зависимостью понимается состояние организма, характеризующееся развитием *абстинентного* синдрома при прекращении приема средства, вызвавшего зависимость. *Абстинентный синдром* – комплекс специфических для каждого наркотического (токсического) средства, включая алкоголь, болезненных симптомов: головная боль, боль в мышцах и суставах, насморк, желудочно-кишечные расстройства, бессонница, судороги и т. п. На сленге абстинентный синдром носит название «ломка» (а бытовое название при алкоголизме – «похмелье»). Не все наркотические средства приводят к физической зависимости. Так, нулевая физическая зависимость характерна для кокаина, галлюциногенов (ЛСД, мескалин, псилоцибин), производных каннабиса и некоторых других.[613]

Психическая зависимость – состояние организма, характеризующееся патологической потребностью в приеме какого-либо средства, вещества, с тем, чтобы избежать нарушений психики, психологического дискомфорта, вызванных прекращением приема этого средства (вещества), хотя и при отсутствии абстиненции. Таким веществом может быть не только наркотик или алкоголь, но и кофеин (кофе), теин (чай), никотин (табак), лекарства. Последнее время все чаще упоминают и исследуют психическую зависимость от компьютерных и иных игр, болезненное влечение к ним *(gambling addiction*[614]*),* а также лекарственную зависимость *(prescribed addiction*[615]*).*

Токсикомания – аналогичное заболевание, вызванное потреблением иных, кроме признанных наркотическими, токсических («сильнодействующих», психотропных) веществ. В качестве таковых могут употребляться различные лекарственные препараты, предметы бытовой химии (лаки, краски, клей, ацетон, бензин и др.).

Наркотизм – социальное явление, выражающееся в относительно распространенном, статистически устойчивом потреблении частью населения наркотических средств (или психотропных веществ), влекущем определенные медицинские (заболевание) и социальные последствия.

Наркотики сопровождают человечество всю известную историю. Еще «отец истории» Геродот описывал употребление древними египтянами производных каннабиса, а «отец медицины» Гиппократ использовал опий в своей медицинской практике, оставаясь верным своему знаменитому девизу «Не навреди!». О снотворном действии опия упоминается в Шумерских таблицах, т. е. 6 тысяч лет назад.

Долговечность наркопотребления, как и любого социального «зла», свидетельствует о том, что оно выполняет вполне определенные *социальные функции,* «имеет основания» (Гегель). Как и алкоголь, наркотики выполняют функции *анестезирующую* (снятие или уменьшение боли), *седативную* (успокаивающую, снижающую напряжение), *психостимулирующую* (наряду с чаем или кофе), *интегративную* (наряду с табаком, вспомним наши «перекуры» или «трубку мира» американских индейцев). Потребление наркотиков может служить формой социального *протеста,* средством идентификации (показателем принадлежности к определенной субкультуре), а потребление некоторых из них – «элитарных», «престижных» (например, кокаина) играет *престижно-статусную* роль. Другое дело, что *за все приходится платить* (принцип расплаты), и потребители наркотиков или иных психотропных веществ расплачиваются здоровьем, потерей работы, учебы, семьи, жизнью…

Вообще, *алкоголь* по своему воздействию на психику и физическое состояние человека также является одним из наркотических средств и рассматривается как наркотик во многих зарубежных источниках. *Алкоголизм* – вид наркомании с теми же медицинскими проявлениями (алкогольная зависимость, абстинентный синдром, называемый в быту похмельем). Различия между потреблением наркотиков и алкоголя не медицинские, а юридические – одно запрещено (хотя не всегда и не во всех странах), другое – разрешено (тоже не всегда и не во всех странах). Таким образом, мы и о наркотизме можем говорить как об определенном социальном *конструкте.* Тем более, что потребление веществ, обладающих наркотизирующим эффектом, известно и у животных (достаточно вспомнить кошек и валерьяну или же собак, «ловящих кайф», откопав какие-то корешки во время прогулки). Возможно, имеется некая биологически обусловленная потребность воздействия на центральную нервную систему с «целью» изменения психики. Впрочем, здесь мы выходим за пределы наших криминологических знаний.

Общие вопросы генезиса девиантности рассмотрены мной в ранее упоминавшейся «Девиантологии» (2007). Однако этиология различных видов девиантного поведения имеет свои особенности. Так, ко всем формам ретретизма, «ухода» (пьянство, наркотизм, суицид) применима объяснительная модель «двойной неудачи» Р. Мертона: первая неудача – невозможность удовлетворить потребность в самореализации, самоосуществлении в активной творческой деятельности, вторая неудача – невозможность самоутвердиться в активной девиантной – преступной

деятельности. И как результат – «уход» (в алкоголь, наркотики или – из жизни).

В наркомании видят бегство не только от жестоких условий существования (Р. Мертон, Дж. Макдональд, Дж. Кеннеди и др.), но и от всеобщей стандартизации, регламентации, запрограммированности жизни в современном обществе (Ж. Бодрияр).

«Наркотики сами по себе не составляют сущности проблемы. Злоупотребление ими – это симптом глубоких противоречий, с которыми сталкивается личность в попытках преодолеть стрессовые жизненные ситуации, в поисках положительных межличностных контактов в виде понимания, одобрения, а также эмоциональной и социальной поддержки. При их отсутствии наркотики выполняют роль своеобразных костылей, которые, к сожалению, не лечат, а калечат».[616] Это высказывание лишний раз показывает, как недостаток «позитивных санкций» (одобрения), эмоциональной поддержки приводит к ситуации, которую привычно пытаются «исправить» негативными санкциями.

Charles Faupel, Maurice Fisher – авторы соответствующих статей «Энциклопедии криминологии и девиантного поведения» – рассматривают ряд значимых факторов в генезисе наркотизма: социальное научение, включение в субкультуру, доступность, а также некоторые теории, объясняющие наркопотребление, – биологические, психологические, социологические, включая теории аномии, дифференцированной ассоциации, социального контроля и теорию напряжения *(strain theory)*.[617]

Хотя все перечисленные и многие неназванные факторы действительно влияют на распространение наркотиков, однако на личностном уровне, в конечном счете, «уход» в наркотики (равно как пьянство или тотальный уход из жизни – самоубийство) – результат, прежде всего, *социальной неустроенности, исключенности (exclusive),* неблагополучия, «заброшенности» в этом мире, утраты или отсутствия смысла жизни. «Мы можем утверждать следующее: если у человека нет смысла жизни, осуществление которого сделало бы его счастливым, он пытается добиться ощущения счастья в обход осуществлению смысла, в частности с помощью химических препаратов».[618]

Государственная политика и общественное мнение по отношению к наркотикам и наркопотреблению существенно различалась и различается по странам: от терпимости и даже благожелательности до полного неприятия, запрета и преследования (прогибиционизм). В ритуальных и бытовых (в том

числе, медицинских) целях потребление наркотических средств допускалось в странах мусульманского Востока, у индейцев Северной Америки, у народов стран Латинской Америки. История знала и вполне мирное сосуществование общества и наркотиков, и антагонизм вплоть до сражений («опийные войны» в Китае, военные действия США против латиноамериканских наркобаронов). Однако «мы не выиграли ни одного сражения с наркотиками и никогда не выиграем», ибо «мы не можем изгнать наркотики и наркоманов из нашей жизни».[619] Как говорил Уполномоченный по вопросам наркомании г. Гамбурга г-н Х. Боссонг, выступая с докладом в Санкт-Петербурге (февраль 1995 г.), «употребление наркотиков и наркозависимость не исчезнут при системе запретов уголовного закона… Нельзя научить человека вести здоровый образ жизни под угрозой уголовного наказания». А криминолог Шончек политику «войны с наркотиками» рассматривает как результат мистификации проблемы, ложного сознания и лицемерия.[620]

Именно поэтому в настоящее время в цивилизованном мире наблюдается постепенный переход от политики «войны с наркотиками» *(«war on drugs»)* к политике «меньшего вреда» *(«harm reduction»)*. Об этом говорится в Докладе Национальной Комиссии США по уголовной юстиции,[621] в трудах ученых и выступлениях политиков. Наиболее последовательно по этому пути пошли Нидерланды, Швейцария, Великобритания, Австралия.[622] «Третий путь» – сочетание запрета с активной антинаркотической пропагандой, социальной и медицинской помощью наркоманам – избрала Швеция. Можно соглашаться или не соглашаться с той или иной стратегией и тактикой антинаркотической политики, но в любом случае требуется ее разумное, не мифологизированное обоснование, базирующееся на результатах исследований и дискуссий, а не истерических лозунгах («угроза нации»!) и популистских призывах.

К сожалению, Россия опять идет «своим путем», пренебрегая как зарубежным, так и своим собственным опытом. Усиление запрета и репрессий, подмена реальной антинаркотической деятельности (социальной, медицинской, педагогической, психологической) очередным приступом «усиления борьбы» лишь ухудшает ситуацию.[623] Закон «О наркотических средствах и психотропных веществах» (1997) – резкий шаг назад, сводящий на нет первые робкие успехи по обеспечению помощи наркоманам. Тотальный набор запрещенных наркотических средств и психотропных веществ, их прекурсоров (необходимых продуктов для изготовления некоторых наркотических средств) и аналогов (ст. 1, 2 Закона); запрет на использование наркотических средств

и психотропных веществ частнопрактикующими врачами (ст. 31); запрещение немедицинского потребления наркотиков и психотропных веществ (ст. 40); резкое ограничение сведений, допустимых в антинаркотической пропаганде (ст. 46); запрещение лечения больных наркоманией частнопрактикующими врачами, а также с использованием наркотических средств (например, метадоновой терапии, существующей в большинстве стран, – ст. 55); применение медицинских мер принудительного характера (ст. 54, п. 3); фактическая ликвидация анонимного лечения (ст. 56) – отбрасывают страну назад и приводят к полной беспомощности наркопотребителей перед наркобизнесом, криминализации негосударственной медицинской помощи, росту преступности наркопотребителей ради приобретения наркотиков и т. п. Создается впечатление, что закон был лоббирован отечественной и/или международной наркомафией.

Между тем существует разнообразная международная, а отчасти и отечественная практика антинаркотических программ, антинаркотической пропаганды, профилактической работы и помощи наркозависимым (наркоманам). Так, во всем мире функционируют общества «анонимных наркоманов»,[624] польский Монар, петербургское «Возрождение». Польский опыт превенции наркотизации населения заслуживает изучения и распространения.[625] Концентрация усилий на профилактике наркотизации населения и оказания медико-психологической помощи больным наркоманией – основные направления антинаркотической политики. Акцент на «силовых методах» может лишь повысить цены на черном рынке наркотиков на радость наркобизнесу…

Последнее время международные организации и их представители выражают обеспокоенность приоритетом «силовых методов» в ряде стран, включая Россию, вместо профилактики наркопотребления и оказания помощи наркоманам. Так, Франкфуртская резолюция 1993 г. требует отмены уголовной ответственности и штрафов за потребление наркотиков, ибо «уголовная ответственность не только является препятствием для оказания помощи наркоманам и их лечения; она также заставляет полицию и судебную систему выполнять работу, которую они не в силах выполнить». Во «Всемирном докладе о наркотиках» Управления ООН по наркотикам и преступности за 2004 г. подчеркивается необходимость «сбалансированности профилактических мер и правоохранительных мероприятий». Более того, «главная цель конвенции в области контроля над наркотиками – ограничение использования… психоактивных

веществ медицинскими и научными средствами… Приоритетные задачи в области контроля над наркотиками… теперь выходят на первый план в области социально-экономического развития». Не случайно в ответ на репрессивное «Информационное письмо» Госнаркоконтроля РФ, представитель Управления ООН по наркотикам и преступности Флавио Мирелла пишет: «Я хотел бы начать с категорического отрицания понятия, содержащегося в письме [Госнаркоконтроля. – *Я. Г.]* о том, что программа по снижению вреда и, в особенности, по обмену шприцев противоречит основному курсу ООН… Меня еще более обеспокоило заявление Госнаркоконтроля, так как оно подвергает сомнению эффективность многих программ УНП ООН предположениями о том, что только деятельность правоохранительных органов доказала свою эффективность. Это также противоречит широко признанной норме о том, что профилактика является не менее важным средством борьбы с наркоманией».

§ 2. Наркотики в современном мире

Наркотизм, наряду с преступностью и алкоголизмом, становится серьезной социальной проблемой после Второй мировой войны. Возможно, крах иллюзий по поводу человеческой разумности и рациональности Западной цивилизации после Освенцима, Холокоста и других трагедий-символов привел к вспышке ретретистских форм девиантности. Кроме того (а может быть, прежде всего), наркобизнес оказался самым сверхдоходным видом преступной деятельности и «естественный» спрос на наркотизирующие средства усиливается «подогревом» со стороны наркодельцов.

Состояние наркотизма в стране или регионе характеризуется рядом показателей: смертность от причин, связанных с потреблением наркотиков; количество и уровень зарегистрированных потребителей наркотиков и наркоманов; количество и уровень преступлений, связанных с наркотиками; структура потребляемых наркотических средств и т. п. Рассмотрим динамику некоторых показателей в *Европейском регионе*.[626]

Количество выявленных противоправных действий с наркотиками, характеризуемых числом арестов (Франция), зарегистрированных случаев (Австрия), выявленных лиц (Бельгия, Дания, Италия, Испания, Швеция), правонарушений (Финляндия, Германия, Нидерланды, Португалия), выросло с 1986 по 1996 г. в Австрии с 4739 до 16 196, в Финляндии с 1194 до 6059, во

Франции с 30 493 до 77 640, в Испании с 19 203 до 48 529, в Португалии с 2047 до 9054. В Бельгии названный показатель вырос с 4646 в 1986 г. до 19 482 в 1993 г. со снижением к 1995 г. до 18 376. В Дании – рост с 7862 в 1987 г. до 12 421 в 1993 г. с последующим снижением до 8678 к 1996 г. В Германии – рост с 67 844 в 1986 г. до 156 117 в 1995 г. В Италии – рост с 14 851 в 1986 г. до 27 677 в 1992 г. со снижением к 1996 г. до 22 020. В Швеции – рост с 6426 в 1986 г. до 8604 в 1994 г. В Великобритании – рост с 6200 в 1986 г. до 30 693 в 1995 г. Несколько иная ситуация в Нидерландах: в течение 1986–1995 гг. наблюдается максимум зарегистрированных правонарушений (5400–5900) в 1986, 1987, 1990 гг. со значительным снижением (3010–3470) в 1992–1995 гг. Правда, последнее обстоятельство может быть связано с изменением законодательства, идущего по пути декриминализации ряда преступлений, связанных с наркотиками, и легализации потребления «легких» наркотиков (производных каннабиса).

Вместе с тем средний уровень правонарушений, связанных с наркотиками (на 100 тыс. населения), вырос в Европе с 1990 по 2000 г. в 2,6 раза.[627] При этом действительно отмечалось снижение этого показателя в 1998 г. и некоторая стабилизация в 1993–1994 гг.

В целом по рассмотренному показателю можно сделать вывод о преобладающей тенденции роста наркотизации населения европейских стран, начиная с 1986 г. (этот рост прослеживался и ранее, о чем еще будет сказано ниже) при наметившейся тенденции стабилизации и даже сокращения связанных с наркотиками инцидентов в ряде стран с 1991–1993 гг. (Бельгия, Италия, Нидерланды и др.).

Некоторое представление о тенденциях наркотизма в Европе и о структуре потребляемых наркотиков дает динамика изъятия полицией различных их видов.

В целом по 15 исследуемым странам Западной Европы (Австрия, Бельгия, Дания, Финляндия, Франция, Германия, Греция, Ирландия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Португалия, Испания, Швеция, Великобритания) изъятие каннабиса возрастало с 1985 г. (164,5 тыс. кг) до 1995 г. (около 718 тыс. кг) при некотором снижении с 1994 г. (когда было изъято 727,3 тыс. кг) в ряде стран.

Количество изъятого героина возрастало с 1985 г. (2074 кг) до 1991 г. (5634 кг) с сокращением в 1992–1993 гг. (до 4771 кг), новым всплеском в 1994 г. (5862 кг) и сокращением в 1995 г. (5189 кг).

Кокаина было изъято в 15 странах Европы в 1986 г. всего

1925 кг. К 1990 г. количество изъятого наркотика увеличилось до 16,4 тыс. кг (в 8,5 раз за 4 года). Новый скачок в изъятии кокаина происходит с 1993 г. (16,8 тыс. кг) к 1994 г. (29,1 тыс. кг или в 1,7 раза за один год). Однако в 1995 г. наблюдается сокращение до 20,6 тыс. кг.

Амфетамина было изъято в 1986 г. 380,4 кг, в 1987 г. – 568,6 кг, за 1988–1989 гг. количество изъятого наркотика снижается до 387,1 кг, затем идет непрекращающийся рост до 1418,6 кг в 1994 г. со снижением в 1995 г. до 1228,2 кг.

Количество случаев конфискации различных наркотических средств в европейских странах: по экстази это число возросло от 0 в 1986 г. до 7963 в 1995 г. Можно проследить, с какого времени началось активное распространение экстази в различных странах: в Австрии – с 1994 г., в Бельгии – с 1991 г., во Франции – с 1989–1990 гг., в Швеции – с 1995 г., в Великобритании – с 1989 г.

Что касается ЛСД, то в 1986–1988 гг. во всех вышеназванных странах Европы число случаев конфискации сохранялось на уровне 701–716, затем начинается быстрый рост: 1989 г. – 1344, 1990–1991 гг. – 2100–2200, в 1993 г. – 3396 и некоторое сокращение к 1995 г. – до 2428.

Еще раз напомним, что все приведенные выше данные свидетельствуют не только о реальной распространенности нелегального оборота наркотиков, но и об активности полиции.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные за более длительный период времени по различным странам свидетельствуют о двух основных тенденциях: возрастании наркопотребления с 50–60-х гг. до начала 90-х и последующем сокращении. Так, в Италии уровень привлеченных к ответственности за нелегальный оборот наркотиков (на 100 тыс. населения) возрастал с 0,14 в 1967 г. до 67,5 в 1992 г. с последующим снижением. Одновременно уровень смертности от потребления наркотиков увеличился от 0,01 до 2,43 (1991 г.) с сокращением к 1994 г. до 1,52.[628]

С 1993 г. сокращается смертность от потребления наркотиков в Германии.[629]

Некоторое сокращение арестов и других показателей наркотизма с 1982–1984 гг. наблюдается в Японии.[630]

Хотя считается, что в США чрезвычайно распространено потребление наркотиков, особенно среди учащихся различных типов учебных заведений, однако специальные исследования показывают, что по большинству показателей (включая сравнительное потребление наркотиков, алкоголя и табачных изделий) произошло постепенное сокращение наркопотребления с 1978–1982 гг.[631]

Вместе с тем, по ряду источников, с конца 90-х гг. вновь возрастают показатели наркотической активности.

Ситуация с нелегальным потреблением наркотических средств и психотропных веществ в *России* характеризуется, во-первых, высокой латентностью выявленных случаев (особенно после Закона РФ 1997 г. «О наркотических средствах и психотропных веществах», значительно сокративших число желающих обращаться за помощью в государственные наркологические учреждения под страхом стать известными в милиции). Во-вторых, значительными региональными различиями (максимум на Дальнем Востоке, вдоль южных границ России, в крупнейших городах, минимум – в Центрально-Европейской части, в некоторых регионах Поволжья и Урала). В-третьих, общей тенденций роста при сомнительных надеждах на сокращение в ближайшие годы (см. табл. 13.1 и 13.2).

Таблица 13.1

Уровень (на 100 тыс. населения) потребителей наркотических средств (1985 1994) и сильнодействующих веществ (1991–2002*) в России

	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Потребители наркотиков	25,7	36,4	42,2	39,1	35,0	35,3	34,7	40,9	47,9	60,6								
Потребители наркотиков и СДВ							47,8	53,9	62,2	75,2	105,2	168,8	148,9	195,7	246,7	311,8	360,8	344,7

Источники: Ежегодники «Преступность и правонарушения». М.: МВД РФ, МЮ РФ.

* В названном Ежегоднике данные не публикуются после 2002 г.

Таблица 13.2

Уровень заболеваемости наркоманией (первичное обращение за медицинской помощью) в 1970–1997 гг. в России

1970	1975	1980	1985	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997
0,9	2,3	1,3	2,1	4,3	4,4	4,4	7,2	10,4	16,9	22,7	31,0

Источник: Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. М., 1999.

Мы видим, что, согласно официальным данным, уровень потребителей наркотиков вырос в России с 25,7 в 1985 г. до 60,6 в 1994 г., а потребителей наркотиков и сильно действующих веществ – с 47,8 в 1991 г. до 360,8 в 2001 г. (с незначительным сокращением в 2002 г.).[632] Уровень зарегистрированных лиц, больных наркоманией (первичное обращение в медицинское

учреждение), вырос с 0,9 в 1970 г. (1,3 – в 1980 г.; 2,1 – в 1985 г.) до 31,0 в 1997 г.[633] Ясно, что это далеко не полные данные в силу высокой латентности наркотизма.

§ 3. Криминологический анализ преступлений, связанных с наркотиками

Обратимся к некоторым криминологически значимым аспектам наркотизма.

Сведения о зарегистрированных преступлениях, связанных с наркотиками, отражены в табл. 13.3.

Мы видим, во-первых, постоянный рост регистрируемых преступлений, начиная с 1990 по 2000 г. с последующим незначительным снижением и вновь возрастанием в 2006 г. Во-вторых, наибольшую долю составляют преступления в виде нелегального изготовления, или приобретения, или хранения, или пересылки наркотических средств или психотропных веществ. Большая часть этих преступлений совершается *без цели сбыта,* т. е. потребителями наркотиков. Об этом свидетельствуют данные судебной статистики (табл. 13.4). В 1989 г. за вышеназванные преступления *без цели сбыта* было осуждено 88,6 % всех осужденных, в 1992 г. – 92,4, в 1995 г. – 90,2, в 1998 г. – 70,4, в 2003 г. – 75,8, в 2004 г. – 91,4 % (54 310 человек из 59 424 осужденных!). Изменение этого соотношения с 2005 г. вызвано существенными изменениями законодательства.

Некоторые сведения о *социально-демографическом* составе лиц, совершивших преступления, связанные с наркотиками, содержатся в табл. 13.5.

Таблица 13.3

Зарегистрированные в России преступления, связанные с наркотиками (1987–2006)

Год	Всего	Уровень на 100 тыс. населения	В том числе			
			Кражи, вымогательство	Изготовление, приобретение, хранение, транспортировка или продажа	Притон для потребления наркотиков	Нелегальный посев мака или конопли
1987	18 534	12,7	832	15 506	444	136
1988	12 553	8,6	470	9527	252	74
1989	13 446	9,1	436	10 594	171	3
1990	16 255	10,9	413	13 646	206	72
1991	19 321	13,0	433	17 036	181	76
1992	29 805	20,0	315	27 115	324	91
1993	53 152	35,8	475	49 249	499	343
1994	74 798	50,5	529	70 420	721	593
1995	79 819	54,0	691	72 457	750	666
1996	96 645	65,5	546	89 803	909	727
1997	185 832	126,3	399	175 868	933	2432
1998	190 127	129,3	460	181 481	1030	2719
1999	216 364	147,2	468	206 874	1033	3630
2000	243 572	167,3	336	233 490	989	4409
2001	241 598	166,0	554	231 601	813	4017
2002	189 576	125,0	303	179 938	424	4095
2003	181 688	127,0	202	174 537	356	2393
2004	150 096	104,1	–	139 345	730	3042
2005	175 241	122,1	–	159 497	3143	3405
2006	212 019	148,3	234	129 911	4509	3393

Источники: Ежегодники «Преступность и правонарушения: Статистический сборник». М.: МВД РФ, МЮ РФ.

С середины 90-х гг. минувшего века постепенно увеличивается доля женщин среди лиц, совершивших преступления этого вида (с 8–9 % до 17,7 % в 2001 г.) с последующими незначительными колебаниями. Большинство преступлений совершается молодыми людьми при сокращении удельного веса несовершеннолетних (с 9,8 до 3,5 %). Наблюдается постоянное увеличение доли лиц без постоянного источника доходов (с 23,4 % в 1987 г. до 69–70 % с конца 90-х гг.).

Таблица 13.4

Сведения об осужденных за преступления, связанные с наркотиками (1989–2006)

	1989	1991	1993	1995	1997	1999	2001	2003	2005	2006
Всего:	5107	9265	18 836	38 560	65 266	108 290	126 858	83 469	63 089	78 464
В том числе:										
— с целью сбыта	290	712	1448	3734	20 257	27 064	32 154	18 614	57 832	73 598
— без цели сбыта	4525	8310	17 137	34 421	43 800	78 798	91 572	63 246	41 900	49 348
— нелегальный посев	7	16	36	121	762	1860	2622	1371	2125	2094
— содержание притона	21	22	48	116	157	294	275	93	41	44
Приговорено к реальному лишению свободы (% от общего числа осужденных)	45,6	42,8	36,6	43,3	32,7	36,8	37,7	33,6	50,1	57,0

Таблица 13.5

Социально-демографический состав лиц, совершивших преступления, связанные с наркотиками

	1987	1989	1991	1993	1995	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Всего	15 523	9036	13 609	24 065	52 668	102 172	116 471	129 440	134 816	134 741	95 145	89 494	68 852	70 373	87 224
В том числе (%):															
Женщин	11,4	15,4	9,5	8,8	10,6	11,7	13,1	14,2	17,0	17,7	16,2	14,1	16,4	17,4	15,9
14–17 лет	9,6	9,8	9,3	7,9	7,3	8,6	7,2	5,7	5,0	4,2	4,4	4,6	4,3	3,8	3,5
18–29 лет	64,2	59,1	58,8	61,3	59,8	63,7	65,7	65,8	65,4	63,9	60,5	61,3	54,1	50,1	51,6
Рабочих	49,9	43,5	35,6	22,2	22,2	20,3	19,3	17,7	16,8	17,2	19,3	21,8	18,9	16,7	18,3
Служащих	6,9	7,8	3,8	3,0	2,1	1,9	1,6	1,3	1,3	1,2	1,4	1,5	1,9	2,1	2,2
Учащихся, студентов	9,2	6,6	5,9	4,8	4,1	7,5	7,0	6,4	5,3	4,3	5,4	6,0	5,5	4,6	4,7
Без постоянного источника доходов	23,4	30,7	37,0	48,3	58,7	64,2	66,6	69,7	71,9	73,1	69,0	66,1	67,8	71,2	69,7
Безработных	—	—	—	4,1	4,3	4,1	3,7	3,9	4,9	4,9	5,2	5,1	7,9	9,2	8,4
Иностранцев (в т. ч. жителей СНГ)	—	—	—	13,3	11,9	3,3	3,3	3,5	3,6	3,8	4,1	4,4	4,9	4,5	3,9
Рецидив	29,5	27,4	27,2	29,3	29,8	32,2	31,9	30,5	32,3	32,9	30,5	28,6	31,1	37,5	37,6

Рассмотрим некоторые особенности *территориального* распределения зарегистрированных преступлений, связанных с наркотиками. В 2006 г. при среднероссийском уровне рассматриваемых преступлений 148,5 максимальный уровень был зарегистрирован в Магаданской области (496,6), Еврейской АО (401,0), Тюменской области (322,7). Высокие показатели (свыше 250) зафиксированы также в Тыве, Красноярском крае, Амурской, Новосибирской областях. Минимальные показатели – в Кировской (51,4) и Липецкой (59,8) областях, Республике Дагестан (60). При этом нелишне напомнить, что зарегистрированные показатели отражают не только (и может быть не столько) реальную ситуацию, но и активность правоохранительных органов.

Глава 14
Иные виды преступлений

Есть многое на небе и земле,
Что и во сне, Горацио, не снилось
Твоей учености.

Шекспир

Деление преступности на виды по различным основаниям (по объектам посягательств, субъектам и др.) предоставляет криминологам широкое исследовательское поле, далеко не исчерпанное в предыдущих главах части III книги.[634]

Ниже мы приведем весьма краткие характеристики лишь некоторых ранее «обойденных» нами видов преступлений.

Женская преступность

Тема женской преступности стала особенно активно разрабатываться с появлением феминистского направления в криминологии. Хотя, разумеется, не игнорировалась она и ранее.[635] Принципиальные вопросы этой темы отражены нами в гл. 4, § 1. Поэтому здесь напомним лишь о некоторых литературных источниках (помимо учебников), специально посвященных проблемам женской преступности.[636] Заметим также, что одна из общемировых закономерностей состоит в том, что уровень женской преступности в разных государствах находится в прямой зависимости от степени экономической и политической развитости страны и, соответственно, роли женщины в экономической, социальной, политической жизни. Чем выше степень свободы женщины – тем выше уровень женской преступности. Известно, например, что преступность женщин в странах арабского мира минимальна. «Чем более жизнь женщины приближается по своим условиям к жизни мужчины, тем более приближается и ее преступность своими размерами к мужской».[637]

Пожалуй, единственным «чисто женским» преступлением в настоящее время является убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ).[638] В наступившем столетии наблюдается следующая динамика этих зарегистрированных

преступлений: 2000 г. – 231; 2001 г. – 203; 2002 г. – 204; 2003 г. – 195; 2004 г. – 212; 2005 г. – 219; 2006 г. – 172.

Напомним, что в мае 1937 г. УК РСФСР 1926 г. был дополнен ст. 140-б, предусматривавшей уголовную ответственность самой женщины за производство нелегального аборта. Этот замечательный состав преступления, характеризующий сталинскую эпоху, был вполне обоснованно декриминализирован лишь в августе 1954 г.

Как уже отмечалось, при пониженном, по сравнению с мужчинами, уровне криминальной активности женщин, они относительно чаще совершают ненасильственные корыстные преступления – кражи, присвоения, растраты. В качестве соучастников грабежей и разбоев женщины нередко выступают наводчицами.

Для женщин всегда небезразлично, какое впечатление они производят на окружающих. «Потребность в самоутверждении, являясь одним из самых мощных стимулов человеческих поступков, становится у преступниц навязчивой, застревающей, существенно влияя на весь образ жизни».[639]

Проституция и преступность

Нередко проституция рассматривается наряду с женской преступностью. Не считая занятие проституцией преступным, я не могу согласиться с таким подходом. Вместе с тем проституция имеет свои криминологические аспекты. Небезынтересно, что ряд криминологов, от Колаянни до Гернета, считали, что относительно низкий уровень преступности женщин отчасти объясняется «компенсацией» их занятостью проституцией. «При объяснении меньшей преступности женщины не следует упускать из внимания ее участия в проституции, вызываемой теми же социальными причинами, какие порождают преступность».[640]

Но прежде всего определимся с понятиями.

Под *проституцией* понимается вступление за плату в случайные внебрачные сексуальные отношения, не основанные на личной симпатии, влечении.[641] Такое определение позволяет отграничить проституцию от корыстных супружеских отношений, бескорыстных случайных сексуальных отношений и от внебрачных связей, основанных на личной симпатии.

Проституирование возможно как при гетеросексуальных, так и при гомосексуальных отношениях, как со стороны женщины, так и со стороны мужчины (еще в Древней Греции наряду с женскими публичными домами были мужские). Не имеет значения способ удовлетворения сексуальной потребности.

Проституция в указанном смысле – лишь одно из проявлений *продажности,* наряду с возможной продажностью политиков,

ученых, деятелей искусства, журналистов… Юридически значимое определение проституции – сложная задача, не нашедшая удовлетворительного решения ни за рубежом, ни у нас. Это, кстати говоря, может служить дополнительным – формальным – доводом против криминализации проституции (как одного из «преступлений без жертв» или «преступлений против нравственности» наряду с потреблением алкоголя, наркотиков, азартными играми, производством абортов[642]).

Проституция в сфере сексуальных услуг как разновидность продажности была, есть и будет в обществе с товарно-денежными отношениями. Ее функция – служить «предохранительным клапаном» моногамного брака – понималась еще в Древней Греции. Современник воспевал Солона, основавшего первые публичные дома (доктерионы): «Солон, слава тебе, что ты купил публичных женщин для блага города, наполненного крепкими здоровыми мужчинами, которые без твоего мудрого учреждения должны бы были предаваться нарушающему покой преследованию женщин из лучшей среды». Это понимали и признанные столпы христианства. Так, святой Августин восклицал: «Если уничтожить публичных женщин, то сила страстей все разрушит!». Ему вторил Фома Аквинский: «Уничтожьте проституцию, и всюду воцарится безнравственность!».

«Бороться» с проституцией правовыми, в том числе – уголовно-правовыми, средствами бессмысленно. Лишь некоторые действия, связанные с проституцией, могут быть криминализированы, хотя и без особой эффективности. По действующему УК РФ 1996 г. (в редакции Федерального закона от 8 декабря 2003 г.) к таким составам относятся вовлечение несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий (включая занятие проституцией) (ст. 151 УК), вовлечение в занятие проституцией или принуждение к продолжению занятия проституцией (ст. 240 УК) и организация занятия проституцией (ст. 241 УК).

Статистические данные по этим составам преступлений весьма скромны. Так, по ст. 240 УК было зарегистрировано преступлений и выявлено лиц в 2002 г. – соответственно 92 и 18, в 2003 г. – 96 и 17, в 2004 г. – 276 и 100, в 2005 г. – 390 и 100, в 2006 г. – 390 и 262, а по ст. 241 УК в 2002 г. – соответственно 241 и 158, в 2003 г. – 356 и 247, в 2004 г. – 976 и 656, в 2005 г. – 1039 и 741, в 2006 г. – 1376 и 967.[643] Между тем только в Москве и Санкт-Петербурге действуют многие сотни «контор» по предоставлению платных сексуальных услуг, тысячи женщин обманным путем рекрутируются и вывозятся за границу для

занятия проституцией. В гл. 9, посвященной организованной преступности, уже приводились сведения, свидетельствующие о деятельности таких «контор», о наличии детской проституции, о вывозе молодых женщин за рубеж для сексуальной эксплуатации.

Итак, преступления совершаются ежедневно и в больших масштабах, но социальная реакция на них ничтожна. Эмпирические исследования проституции, в том числе детской, осуществляются Центром девиантологии не один год, и все они подтверждают и массовость криминального бизнеса в сфере сексуальных услуг, и вовлеченность в него детей, и хорошо налаженный экспорт проституции в страны Европы, Азии (в том числе, в Китай), Латинской Америки (где пару лет назад «совсем пропала» группа петербургских девушек), и необычайную трудность возвратиться назад, а вернувшись – выжить. Исследования научного сотрудника Центра девиантологии М. Русаковой показали, что из 28 обследованных женщин, вернувшихся из США, где они занимались проституцией, восемь стали активными потребителями наркотиков, одна заболела хроническим алкоголизмом, две вернулись со СПИДом, одна – ВИЧ-инфицированная, трое совершили суицидальные попытки, почти все страдают соматическими заболеваниями и нервно-психическими расстройствами.

Воинские преступления

Это – чрезвычайно важная криминологическая тема. Ее значение возрастает в связи с тем, что армия вооружена, а ее представители в большей или меньшей степени имеют доступ к оружию, столь необходимому сегодня и для организованной преступности, и для террористических и экстремистских организаций. Не только хищение и перепродажа оружия, но и утрата военного имущества, включая вооружение (ст. 348 УК), чреваты тяжелыми последствиями. К сожалению, закрытость военной юстиции и фактическая невозможность проведения независимых (вневедомственных) эмпирических исследований существенно затрудняет криминологический анализ этого вида преступности, равно как преступности в вооруженных силах в целом (напомним, что преступность в вооруженных силах – более широкое понятие, включающее как общеуголовные преступления, совершаемые военнослужащими, так и специальные – воинские или «преступления против военной службы», предусмотренные гл. 33 УК РФ).

Лишь с 2003 г. появилась возможность ознакомиться с

открытой статистикой по преступлениям против военной службы.[644] Общее количество зарегистрированных преступлений составило: 2003 г. – 12 857, 2004 г. – 12 670, 2005 г. – 12 664, 2006 г. – 12 494. Наибольшее количество воинских преступлений – самовольное оставление части или места службы (ст. 337 УК) – ежегодно от 6984 до 7650 за 2003–2006 гг. и нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности («неуставные отношения», или «дедовщина» – ст. 335 УК) – ежегодно от 3598 до 4086 за те же годы.

Некоторые сведения за более ранний период можно получить из ряда публикаций.[645]

Так, по данным, приведенным в неоднократно упоминавшейся нами книге В. Лунеева (2005), количество всех зарегистрированных преступлений в армии и на флоте СССР выросло с 13 150 в 1965 г. до 31 260 в 1991 г., в том числе общеуголовных – с 5045 до 9424 (при максимуме в первой половине 80-х гг. – 10–15 тыс., что объяснялось отнесенностью «дедовщины» к общеуголовным преступлениям до 1984 г.), воинских – с 8013 до 21 807. При этом уровень преступности военнослужащих снижался в СССР с 957,5 в 1950 г. до 794,2 в 1990 г., при минимуме 425,6 в 1970 г. В России 1996 г. уровень преступности во всех войсках составил 1217,4 (при уровне преступности граждан – 1774,4).

В 1993 г. удельный вес преступлений военнослужащих в совокупном объеме преступлений составлял порядка 1 %.

Однако при оценке даже этих весьма скромных сведений необходимо иметь в виду особенности регистрации, выявления и раскрытия преступлений, совершенных военнослужащими: в армии и на флоте последнее слово принадлежит командиру части (подразделения), для которого своеобразно понимаемая честь подчиненного ему подразделения нередко дороже закона и справедливости. Тем более, что преступление, совершенное подчиненным, всегда ЧП (чрезвычайное происшествие), грозящее не только «позором» воинской части, но и личными неприятностями командиру («неполное соответствие», задержка в присвоении очередного воинского звания, понижение в должности и т. п.). По выражению В. В. Лунеева, «уровень воинских преступлений особо командно управляем».[646] Неудивительно, что искусственная латентность преступлений военнослужащих неизмеримо выше, чем в стране вообще, а «раскрываемость» преступлений органами военной юстиции стремится к 100 %… (я помню, как пару лет тому назад на семинаре в Военно-Морской академии прокурор Ленинградского

военного округа с гордостью докладывал о 100 %-ной раскрываемости преступлений…).

Особое место среди воинских преступлений занимают «нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности» (ст. 335 УК РФ), именуемые в быту «дедовщиной». Тяжелейшие для ее жертв последствия были предметом многочисленных публикаций в прессе и специальной литературе.[647] В числе глубоких исследований проблемы дедовщины в армии и на флоте следует назвать диссертационную работу Д. Клепикова (1997).[648]

Для общей характеристики «дедовщины» («неуставных отношений») в современной российской армии воспользуемся цитатой из неоднократно упоминавшейся книги В. В. Лунеева: «В 60-е годы (XX в. – *Авт.)* «дедовщина» носила унизительный, но ритуальный характер: били «провинившегося» пряжкой ремня или ложкой по ягодицам. В 70–80-е годы упомянутые деяния приобрели опасный насильственный и массовый характер с тяжкими, а нередко и смертельными последствиями… Укрывательство «дедовщины» в середине 80-х годов превысило все мыслимые пределы. Как показывали некоторые проверки, военные госпитали были переполнены солдатами с переломами челюстей, разрывами печени и селезенки и другими травмами от «неуставных отношений». Боясь расправы и старослужащих, и командования, они, как правило, утверждали, что получили повреждения от случайного падения… Реально «дедовщину» загнали в подполье воинских отношений. Правда об этом стала известна обществу лишь в 1990–1991 годы, после массового негодования родителей потерпевших от «дедовщины» военнослужащих».[649]

Не следует думать, что ситуация с тех пор изменилась в лучшую сторону. Скорее – наоборот.[650]

Экологическая преступность

Общее понятие экологического правонарушения сформулировано в ст. 81 Закона Российской Федерации «Об охране окружающей природной среды»: «виновные противоправные деяния, нарушающие природоохранительное законодательство и причиняющие вред окружающей природной среде и здоровью человека».

Опасность экологических преступлений (гл. 26 УК РФ, а также ряд иных составов – нарушение правил безопасности на

объектах атомной энергетики, нарушение санитарно-эпидемиологических норм и правил, экоцид и т. п.) очень высока (вплоть до самоуничтожения человечества), их количество огромно, но выявляемость и наказуемость ничтожны. Так, в 1993–1996 гг. ежегодно регистрировалось преступлений и выявлялось лиц, их совершивших: по ст. 223 УК РСФСР 1960 г. (загрязнение водоемов и воздуха) – 57 и 28, 49 и 43, 50 и 21, 37 и 43; по ст. 223–1 УК РСФСР (загрязнение моря веществами, вредными для здоровья людей или для живых ресурсов моря) – 5 и 7, 1 и 1, 4 и 3, 1 и 0.[651]

Не изменилась принципиально ситуация и с принятием ныне действующего УК РФ. Правда, количество зарегистрированных преступлений возрастает. Так, если в 1997 г. было зарегистрировано *всех* экологических преступлений (гл. 26 УК РФ) – 6971 и выявлено лиц, их совершивших, – 7374,[652] то в 2006 г. эти показатели выросли соответственно до 41 881 и 25 187.[653] Однако в своем большинстве это дела о браконьерстве (ст. 256, 258 УК РФ), незаконной порубке (ст. 260 УК), тогда как крупномасштабные и наиболее опасные виды загрязнения вод, атмосферы, порчи земли и т. п. остаются невыявленными и безнаказанными. Так, в течение 2002–2006 гг. было зарегистрировано преступлений: нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ – 9–127; загрязнение вод – 13–28; загрязнение атмосферы – 6–37; загрязнение морской среды – 0–26; порча земли – 13–83; нарушение правил охраны рыбных запасов – 1–6. Неудивительно, что и криминологическая литература об экологических преступлениях в России не столь богата.[654]

Экологические преступления совершаются во всем мире. К числу обстоятельств, способствующих их распространению в России, можно отнести традиционное российское «авось» и столь же традиционное пренебрежение мерами безопасности – собственной и других людей, а также низкий уровень экологических знаний, да и бытовой культуры (достаточно посмотреть на «места стоянок» современных соотечественников во время и после их отдыха на природе…). Кроме того, начавшаяся в последнее десятилетие погоня за прибылью при весьма ограниченных средствах на обеспечение охранных мероприятий, на использование современных методов очистки производственных выбросов в атмосферу, водоемы, почву приводит к массовым экологическим преступлениям со стороны руководителей предприятий любой формы собственности.

Неосторожные преступления

Криминологическое значение неосторожных преступлений (или преступлений по неосторожности) состоит в том, что они, во-первых, «нарушают» («возмущают») некоторые представления о «причинах» преступности или преступлений (ясно, например, что не могут быть «врожденные» преступления по неосторожности). Во-вторых, они усложняют обоснование эффективности наказания как средства самозащиты общества и предупреждения преступлений (да, всегда надо быть внимательнее, осторожнее, осмотрительнее, предусмотрительнее, но надо ли для этого сажать в тюрьму?). В-третьих, их удельный вес, равно как и тяжесть последствий, демонстрируют тенденцию к возрастанию. Это связано, в частности, с прогрессом техники.[655] Достаточно напомнить, что в Японии, стране низкой и сокращающейся преступности, рост наблюдается только по неосторожным автодорожным правонарушениям. Если в 1946 г. неосторожных автотранспортных преступлений в Японии насчитывалось 2858, или всего 0,2 % всех преступлений, то в 1995 г. их количество выросло до 653 039, что составило 26,8 % всех преступлений.[656]

Динамика преступлений, связанных с нарушением правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств, в России (ст. 264 УК: 1997 г. – 47 963, 1998 г. – 52 373, 1999 г. – 53 735, 2000 г. – 52 697, 2001 г. – 54 525, 2002 г. – 57 073, 2003 г. – 53 609, 2004 г. – 26 533, 2005 г. – 26 637, 2006 г. – 26 315) менее выразительна, хотя в целом также свидетельствует о некотором росте. «Сокращение» рассматриваемых преступлений с 2004 г. – результат не улучшения дорожной ситуации, а изменения законодательства. В частности, декриминализации ДТП, повлекших причинение вреда здоровью средней тяжести. Кроме того, и эти преступления характеризуются очень высокой латентностью. Всего же в результате дорожно-транспортных происшествий (ДТП) на территории России погибло людей: 1985–1991 гг. – 196 тыс. человек, 1992–1998 гг. – 228 тыс., в 1999 г. – 29,7 тыс., в 2003 г. – 35,6 тыс., в 2004 г. – 34,5 тыс., в 2005 г. – 33,9 тыс., в 2006 г. – 32,7 тыс. человек.

Огромный ущерб наносит неосторожное обращение с огнем. В результате пожаров на территории России погибло людей: 1990 г. – 6888 человек, 1991 г. – 7705, 1992 г. – 10 296, 1993 г. – 13 712, 1994 г. – 15 733, 1995 г. – 14 875, 1996 г. – 15 877, 1997 г. – 13 851, 1998 г. – 13 741, в 1999 г. – 14 001, в 2000 г. – 16 298, в 2001 г. – 18 289, в 2002 г. – 19 906, в 2003 г. – 19 275, в 2004 г. – 18 793, в 2005 г. – 18 304, в 2006 г. – 17 065 человек. Материальный ущерб исчисляется миллионами рублей ежегодно (1994 г. – 330 454 млн, 1996 г. – 1 542 100 млн, 1998 г. – 23 425,1 млн, 1999 г. – 30 745,5 млн, 2002 г. – 59 585 млн, 2003 г. –

72 605 млн, 2004 г. – 103 106 млн, 2005 г. – 6788 млн, 2006 г. – 7902 млн рублей).

Случаев неосторожного лишения жизни и лиц, его совершивших, было зарегистрировано: 1993 г. – 1482 и 1356, 1994 г. – 1446 и 1382, 1995 г. – 1313 и 1320, 1996 г. – 1159 и 1149, 1999 г. – 1513 и 1318, 2000 г. – 1674 и 1628, 2001 г. – 1738 и 1533, 2002 г. – 1798 и 1531, 2003 г. – 1874 и 1710, 2004 г. – 2048 и 1929, 2005 г. – 2203 и 1948, 2006 г. – 2050 и 1855. Таким образом, прослеживается тенденция возрастания числа этих преступлений с тяжкими последствиями. Неосторожные тяжкие или менее тяжкие телесные повреждения и лица, их причинившие, соответственно составили: 1993 г. – 3879 и 3456, 1994 г. – 3798 и 3434, 1995 г. – 3504 и 3129, 1996 г. – 3234 и 2992.[657] Фактов причинения тяжкого вреда здоровья по неосторожности зарегистрировано: 2004 г. – 2000, 2005 г. – 2082, 2006 г. – 2153.[658]

Криминологическая характеристика неосторожных преступлений содержится в ряде монографий.[659]

Компьютерные преступления

Это еще один быстро развивающийся и мало исследованный вид преступности, вызванный к жизни техническим прогрессом.[660] Криминализация ряда деяний, связанных с компьютерными правонарушениями, в России произошла только с принятием УК РФ 1996 г. (гл. 28). Практика применения возрастала от года к году. В 1997 г. было зарегистрировано всего 33 преступления (21 – неправомерный доступ к компьютерной информации, 1 – создание, использование и распространение вредоносных программ, 11 – нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети), выявлено 4 лица. В 1999 г. зарегистрировано уже 285 преступлений в сфере компьютерной информации, в 2000 г. – 800 преступлений, в 2001 г. – 2072, в 2002 г. – 4050, в 2003 г. – 7540, в 2004 г. – 8379, в 2005 г. – 10 214, в 2006 г. – 8889. Таким образом, количество зарегистрированных преступлений выросло с 1997 по 2005 г. в 310 раз! Большинство компьютерных преступлений – неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК), на втором месте – создание, использование и распространение вредоносных программ (ст. 273 УК). Часть этих преступлений может быть отнесена к должностным. Бесспорный интерес представляет изучение личности субъектов компьютерных преступлений, включая «хакеров» – взломщиков сетей.

Преступления, совершаемые лицами с психическими отклонениями

Конечно, практически любое преступление может быть совершено лицом, страдающим тем или иным психическим расстройством, не исключающим вменяемости. Вместе с тем и опасность некоторых лиц, и особенности совершаемых преступлений заслуживают специального исследования.[661]

К числу наиболее опасных таких преступлений относятся серийные убийства на сексуальной почве (действия «сексуальных маньяков»). Эти преступления страшны как своими непосредственными последствиями, так и внушаемым ими страхом.[662] Страх перед преступностью, ригоризм и нетерпимость населения, требующего применения смертной казни, в значительной степени обусловлены именно серийными убийствами. Между тем общество не может избавиться от такого рода преступлений именно потому, что в каждой популяции имеется относительно постоянная доля лиц, страдающих расстройством влечений сексуального характера. Некоторые надежды можно возлагать на меры раннего выявления таких лиц и применения соответствующих средств медико-психологической коррекции. Но это требует большой ответственности от самих лиц, страдающих подобными расстройствами, их родственников, а также медицинского персонала.

Нередко обращают внимание на то, что среди контингента пенитенциарных учреждений наблюдается относительно высокий процент лиц с психопатическими чертами и олигофренией (умственной отсталостью). Признавая это как факт, следовало бы изучить ряд вопросов: насколько отличается (и отличается ли вообще) уровень психопатических расстройств (да и олигофрении) среди заключенных и населения в целом; является ли относительно большая частота упомянутых расстройств среди осужденных результатом повышенной «криминогенности» этих лиц или же следствием того, что психопаты и олигофрены более уязвимы для правоохранительных органов; не является ли психопатическая реакция заключенных следствием судебного стресса и пребывания в пенитенциарном учреждении.

Рецидивная преступность

В отличие от уголовно-правового понимания рецидива – совершение *умышленного* преступления лицом, имеющим *судимость* за ранее совершенное *умышленное* преступление (ст.

18 УК РФ), под криминологическим рецидивом понимается повторное совершение лицом любого преступления, независимо от факта снятия или погашения судимости.

Обычно рецидивная преступность рассматривается как один из наиболее опасных видов преступности. В известном смысле это так, поскольку совершение повторного преступления может свидетельствовать о повышенной общественной опасности лица, его совершившего. Но, во-первых, как отмечалось в части I книги, каждый взрослый гражданин совершал в своей жизни преступления (т. е. деяния, предусмотренные действующим уголовным законом) и неоднократно. В этом (криминологическом!) смысле – все мы преступники-рецидивисты… Во-вторых, разумеется, рецидив рецидиву рознь. Одно дело – неоднократное оскорбление сограждан (ст. 130 УК), другое дело – систематические грабежи и разбои. В-третьих, если бы преступления совершались только рецидивистами (в узком, уголовно-правовом смысле слова), т. е. вся преступность была бы рецидивной, – появилась бы надежда на «ликвидацию» преступности. Точнее, это была бы ее «самоликвидация» – по мере естественного или искусственного (с помощью правоохранительных органов) выбытия рецидивистов из процесса воспроизводства преступности.

В действительности же регистрируемая рецидивная преступность (ее удельный вес в общем объеме преступности) характеризуется удивительным постоянством: 1988 г. – 25,9 %, 1989 г. – 28,4, 1990 г. – 27,2, 1991 г. – 26,9, 1992 г. – 26,3, 1993 г. – 24,9, 1994 г. – 21,8, 1995 г. – 26,3, 1996 г. – 26,8, 1997 г. – 33,7, 1998 г. – 32,9, 1999 г. – 32,1, 2000 г. – 29,8, 2001 г. – 30,1, 2002 г. – 27,2, 2003 г. – 21,7, 2004 г. – 27,7, 2005 г. – 30,5, 2006 г. – 29,8 %. Некоторое возрастание доли рецидива в 1997–1999 гг., во-первых, не очень значительно, а во-вторых, скорее всего, объясняется все той же погоней за показателями и ростом искусственной латентности: выявлять и «раскрывать» преступления рецидивистов в целом проще, чем «законопослушных» граждан. Напомним, что и в царской России доля рецидивной преступности колебалась в 1875–1883 гг. от 15 до 19 %, а в 1884–1912 гг. – от 16 до 22 %. Более того, относительное постоянство рецидива наблюдается и в других государствах, что позволяет, в частности, говорить о «кризисе наказания» (T. Mathiesen), ибо устойчивость рецидива свидетельствует о неэффективности средств и методов социального контроля над преступностью.

Уровень зарегистрированной рецидивной преступности существенно разнится по *регионам* России. При среднем уровне

(на 100 тыс. жителей) 374,3 в 2006 г. этот показатель достигал 829,0 в Республике Алтай, 774,5 – в Приморском крае, 772,4 – в Томской области, 656,0 – в Хабаровском крае, 635,0 – в Новосибирской области, 613,0 – в Тюменской области, что объясняется, в частности, высокой долей ранее судимых лиц среди жителей большинства из этих регионов. Низкий уровень зарегистрированной рецидивной преступности (ниже 100) в том же году отмечался в Дагестане (73,50), Карачаево-Черкессии (60,3), Ингушетии (16,6).

Часть IV
Социальная реакция на преступность

В этой части будут рассмотрены вопросы, связанные с отношением общества к преступности и реакцией на нее. Возможно, это самая главная проблема криминологии или, по крайней мере, наиболее важная в практическом отношении: что дают наши знания о преступности для контроля над ней? Каковы возможности общества, государства, средств массовой информации по контролю над преступностью? Каковы возможности уголовного права и правоприменительной деятельности, полиции и уголовной юстиции для сокращения преступности, оптимизации ее структуры, защиты граждан и социальных институтов от преступных посягательств? И вообще, согласно традиционному российскому вопросу, – *что делать?*

Глава 15
Социальный контроль над преступностью

Следует отказаться от надежд,
связанных с иллюзией контроля.

Н. Луман

§ 1. Понятие социального контроля

Социальный контроль – механизм самоорганизации (саморегуляции) и самосохранения общества путем установления и поддержания в данном обществе нормативного порядка и устранения, нейтрализации, минимизации нормонарушающего – девиантного поведения.

Но это слишком общее определение, нуждающееся в комментариях. Тема социального контроля неразрывно связана с девиантностью, девиантным поведением и, прежде всего – с преступностью, хотя имеет более широкое, социологическое значение.

Возможно, стремление к порядку является у человека врожденным. Во всяком случае, все научные, философские, религиозные построения направлены на раскрытие закономерностей (= порядка!) Мира или привнесение Порядка в Хаос Бытия. В широком, общенаучном смысле *порядок* есть определенность, закономерность расположения элементов системы и их взаимодействия друг с другом. Применительно к обществу под *порядком* понимается определенность, закономерность структурирования общества и взаимодействия его элементов (сообществ, классов, групп, институтов).

Один из основных вопросов социологии: как и почему возможно существование и сохранение общества? Почему оно не распадается в ходе борьбы различных, в том числе – антагонистических, интересов классов, групп?[663] Проблема порядка и социального контроля обсуждалась всеми теоретиками социологии от О. Конта, Г. Спенсера, К. Маркса, Э. Дюркгейма до П. Сорокина, Т. Парсонса, Р. Мертона, Н. Лумана и др.

Так, О. Конт (1798–1857) полагал, что общество связывается *«всеобщим согласием-» (consensus omnium).* Один из двух основных разделов социологии – социальная статика (другой – социальная динамика) – представляет собой, по Конту, теорию общественного порядка, гармонии. И основные социальные институты (семья,

государство, религия) рассматривались ученым с точки зрения их роли в *интеграции* общества. Так, семья учит преодолевать врожденный эгоизм, а государство призвано предупреждать «коренное расхождение» людей в идеях, чувствах и интересах.[664]

Г. Спенсер (1820–1903), также стоявший у истоков социологии и придерживавшийся организмических представлений об обществе, считал, что общественному организму присущи три системы органов: поддерживающая (производство), распределительная и регулятивная. Последняя как раз и обеспечивает подчинение составных частей (элементов) общества целому, т. е. выполняет по существу функции социального контроля. Будучи эволюционистом, Спенсер осуждает революцию как противоестественное нарушение порядка.[665]

Исходным для социологии Э. Дюркгейма (1858–1917) является понятие социальной *солидарности.* Классификация связанных с солидарностью понятий дуальна (двоична). Существуют два типа социальности: *простая,* основанная на кровном родстве, и *сложная,* основанная на специализации функций, возникшей в процессе разделения общественного труда. Для *простой* социальности характерна *механическая* солидарность однородной группы, для *сложной* – *органическая* солидарность. Для поддержания механической солидарности достаточно *репрессивного* права, предусматривающего жестокое наказание нарушителей. Органической солидарности должно быть присуще *реститутивное* («восстановительное») право, функция которого сводится к «простому восстановлению порядка вещей».[666] Забегая вперед, заметим, что эта идея «восстановительного права», «восстановительной юстиции» *(restorative justice)* как альтернативы уголовной, «возмездной» юстиции *(retributive justice)* получила широкое распространение в современной зарубежной криминологии. Чем сплоченнее общество, чем выше степень социальной интеграции индивидов, тем меньше отклонений (девиаций). А неизбежные в обществе конфликты должны решаться мирным путем.

Взгляды ученого эволюционировали от примата долга и принудительности социальных норм к добровольности, личной заинтересованности индивидов в их принятии и следовании им. Истинная основа солидарности, по «позднему» Дюркгейму, – не в принуждении, а в интернализованном (усвоенном индивидом) моральном долге, в чувстве уважения к общим требованиям (групповому давлению).

У. Самнер (1840–1910) уже в своих ранних работах рассматривал процессы *контроля* общества над средой и

принудительного давления («коллективного давления») на членов общества, обеспечивающего его сплоченность.[667] Самнер предложил типологию источников (средств) коллективного давления: народные обычаи, включая традиции и нравы; институты; законы. Эти три социальных механизма обеспечивают конформизм, но недостаточны для солидарности, которая сама является побочным продуктом конформизма.

Как нам уже известно, ключевым в теории Г. Тарда (1843–1904) – представителя психологического направления в социологии и криминологии – служит «подражание», с помощью которого ученый объяснял основные социальные процессы, характер социальных фактов, структуру общества и механизм его сплочения.[668] Тард уделял большое внимание исследованию различных форм девиантности, полагая, что результаты таких исследований позволяют поставить под контроль стихийные социальные процессы. Важным фактором социального контроля является социализация личности.

Для Э. Росса (1866–1951) солидарность и сплоченность вторичны по отношению к социальному контролю. Именно он связывает индивидов и группы в организованное целое. Ключевое понятие концепции Росса – «повиновение».[669] Оно может выступать в двух формах: лично-неофициальной и безлично-официальной. Первая основана на согласии. Вторая обеспечивается посредством контроля. Пожалуй, Россом предложена и первая классификация механизмов социального контроля: *внутренний* контроль – этический и *внешний* – политический. Для первого важны групповые цели, для второго – институционализированный аппарат средств (правовых, образовательных и др.). Подробнее Росс рассматривает семью как фактор социального контроля, формирующего и внедряющего модели поведения. Интернализация (усвоение) индивидом этих моделей в качестве личных идеалов наилучшим образом обеспечивает послушание.

Р. Парк (1864–1944) выделил три формы социального контроля: элементарные санкции, общественное мнение, социальные институты. В том или ином виде эти формы контроля рассматриваются различными авторами.

Из огромного научного наследства М. Вебера (1864–1920) непосредственное отношение к рассматриваемой проблеме имеют его конструкции трех идеальных типов господства (законных порядков, легитимности): рациональный, традиционный, харизматический.[670] Их можно рассматривать и как типы социального контроля. Сам Вебер полагал, что «легитимность порядка может быть гарантирована только внутренне», а именно:

эффективно-эмоционально – преданностью; ценностно-рационально – верой в абсолютную значимость порядка как выражения непреложных ценностей; религиозно – верой в зависимость блага и спасения от сохранения порядка. Первый тип легитимности – легальный, или *формально-рациональный,* основывается на интересе. Подчиняются в рациональном государстве не личностям, а установленным *законам.* Их реализация осуществляется бюрократией (классические примеры – современные автору буржуазные Англия, Франция, США). Второй тип – *традиционный* – основывается на нравах, традициях, привычках, которым приписывается не только законность, но и *священность.* Этот тип присущ патриархальному обществу, а основные отношения – господин-слуга (классический пример – феодальные государства Западной Европы). Третий тип – *харизматический* (греч. charisma – божественный дар), основан на экстраординарных способностях личности – вождя, пророка (будь то Иисус Христос, Магомет, Будда или же Цезарь, Наполеон, наконец – Гитлер, Сталин, Мао…). Если традиционный тип господства поддерживается *привычным* – нравами, традициями, привычками, то харизматический держится на *непривычном,* чрезвычайном, удивительном, сверхъестественном. Вебер рассматривал харизму как «великую революционную силу», прерывающую постепенность традиционного развития. Ему посчастливилось не дожить до харизмы Гитлера в родной стране, а также других «вождей», обладающих необычайным «даром»…

Творчество нашего соотечественника П. Сорокина (1889–1968), вынужденного в результате прихода к власти в России харизматических вождей – с 1922 г. жить и работать в эмиграции, в значительной степени посвящено теме социальной регуляции поведения людей. Его первый крупный научный труд «Преступление и кара, подвиг и награда» посвящен механизму социального контроля.[671] Существуют устойчивые формы социального поведения – «должное», «рекомендуемое», «запрещенное» и формы социальной реакции на них – негативные (кара) и позитивные (награда) санкции. В целом эти формы и составляют регулятивную субструктуру. В «Системе социологии»[672] Сорокин, отдавая дань проблеме социального порядка, рассматривает механизм «организованных» форм поведения. Социальные реакции на биопсихические стимулы, многократно повторяясь, складываются в *привычку,* а будучи осознаны – в *закон.* Совокупность осознанных форм поведения в различных областях общественной жизни образует *институты,* совокупность последних составляет социальный *порядок,* или организацию.

Сорокин придавал большое значение социальной стратификации и социальной мобильности. Отсюда – роль категории «статус» как совокупности прав и обязанностей, привилегий и ответственности, власти и влияния. Затрудненная вертикальная мобильность в конце концов приводит к революции – «перетряхиванию» социальных страт. Неестественный и насильственный характер социальных революций обусловливает их нежелательность. А лучший способ предупреждения революций – совершенствование каналов вертикальной мобильности и социального контроля.

Проблема социального контроля существенна для функционализма и составляет значимую часть теории социального действия. По мнению ее крупнейшего представителя – Т. Парсонса (1902–1979), функции воспроизводства социальной структуры обеспечиваются системой верований, моралью, органами социализации (семья, образование и т. п.), а нормативная ориентация в теории действия играет такую же роль, как пространство в классической механике. Парсонс называет многочисленные механизмы социального контроля, смысл которых – организация роли-статуса индивидов с целью уменьшения напряженности и девиаций; институционализация (обеспечение определенности ролевых ожиданий); межличностные санкции и жесты; ритуальные действия (снятие напряженности символическим путем, укрепление господствующих культурных образцов); структуры, обеспечивающие сохранение ценностей и разграничение «нормального» и «девиантного»; структуры повторной интеграции (приведение к норме тенденций «отклонения»); институционализация системы, способной применять насилие, принуждение. В широком смысле к механизмам социального контроля (точнее, сохранения интеграции общественной системы) относится и *социализация,* обеспечивающая интериоризацию (усвоение) ценностей, идей, символов. Парсонс анализировал также три метода социального контроля по отношению к девиантам: *изоляция* от других (например, в тюрьме); *обособление* с частичным ограничением контактов (например, в психиатрической больнице); *реабилитация* – подготовка к возвращению к «нормальной» жизни (например, с помощью психотерапии, деятельности общественных организаций типа «АА» – «анонимных алкоголиков»).

Эпоха Просвещения и XIX в. были пронизаны верой в возможность успешного социального контроля и «порядка». Надо только прислушаться к советам просветителей, мнению ученых и

немножко потрудиться над приведением реальности в соответствие с Разумом…

Правда, до сих пор остаются не совсем ясными несколько вопросов:

• Что такое «порядок», существуют ли объективные критерии его оценки? Для естественных наук – это, вероятно, уровень энтропии системы – ее (энтропии) уменьшение или не увеличение. А для социальных систем? Может быть, нам сможет помочь в ответе на этот вопрос синергетика?

• «Порядок» для кого? В чьих интересах? С чьей точки зрения?

• Возможно ли общество без «беспорядка»? Очевидно – нет. Организация и дезорганизация, «порядок» и «беспорядок» (хаос), «норма» и «девиации» – дополнительны (в боровском смысле). Напомним, что девиации – необходимый механизм изменений, развития.

• Как, какими средствами, какой ценой поддерживается «порядок» («новый порядок» А. Гитлера, гулаговский «порядок» И. Сталина, американский «порядок» во Вьетнаме, Ираке, советский – в Венгрии, Чехословакии, Афганистане, российский – в Чечне)?

Социальная практика XX в. с двумя мировыми войнами, «холодной войной», сотнями локальных войн, гитлеровскими и ленинско-сталинскими концлагерями, Холокостом, геноцидом, правым и левым экстремизмом, терроризмом, фундаментализмом и т. д., и т. п. – разрушила все иллюзии и мифы относительно «порядка» и возможностей социального контроля (кто-то из современников заметил: человеческая история разделилась на «до» Освенцима и «после»). Сумма преступлений, совершенных государствами – «столпами порядка», стократ превысила преступления одиночек. При этом государства – «спонсоры убийств» (N. Kressel) – не «раскаиваются» (может быть, за исключением Германии), а отрицают, отказываются от содеянного. С. Коэн в статье «Права человека и преступления государств: Культура отказа»[673] называет три формы такого отказа *(denial):*

• отрицание прошлого (denial of the past). Так, на Западе появились публикации, объявляющие Холокост «мифом», отечественные сталинисты называют «мифом» ужас сталинских репрессий (впрочем, недавние думские события в годовщину памяти Холокоста, когда многие наши избранники отказались почтить память жертв, свидетельствуют о том, что в этом вопросе мы «догоняем» Запад…);

• буквальный отказ (literal denial) – по формуле «мы ничего не знаем»;

• причастный отказ (implicatory denial) – по формуле «да,

но…». Так, большинство военных преступников под давлением фактов признают: «да, было». И тут же следует «но»: был приказ, военная необходимость и т. п.

Не удивительно, что постмодернизм в социологии и криминологии конца XX в., начиная с Ж. Ф. Лиотара и М. Фуко, приходит к отрицанию возможностей социального контроля над девиантными проявлениями, выраженному категорически и лаконично Н. Луманом в словах, избранных эпиграфом к этой главе. И хотя вероятно, что реалистически-скептический постмодернизм – как реакция на иллюзии прекраснодушного Просвещения – является столь же односторонним, сколь само Просвещение, однако некоторые соображения общенаучного характера (в частности, закон возрастания энтропии в системе) склоняют нас на сторону постмодернизма. «Победа порядка над хаосом никогда не бывает полной или окончательной… Попытки сконструировать искусственный порядок в соответствии с идеальной целью обречены на провал».[674]

Это не исключает, разумеется, для систем, прежде всего – биологических и социальных, возможности и необходимости противостоять дезорганизующим энтропийным процессам. Как писал отец кибернетики Н. Винер, «мы плывем вверх по течению, борясь с огромным потоком дезорганизованности, который, в соответствии со вторым законом термодинамики, стремится все свести к тепловой смерти… В этом мире наша первая обязанность состоит в том, чтобы устраивать произвольные островки порядка и системы… Мы должны бежать со всей быстротой, на которую только способны, чтобы остаться на том месте, где однажды остановились».[675]

Большинство из нас сражается за жизнь до конца, зная его неизбежность и сохраняя мужество (или не очень…) «вопреки» неизбежному (А. Мальро) и «по ту сторону отчаянья» (Ж.-П. Сартр). Но это не отменяет конечного результата. Каждое общество также рано или поздно прекращает свое существование (часто ли мы сегодня вспоминаем Лидию и Халдею, Вавилон и Ассирию, империю шумеров и цивилизацию инков?). Это не должно служить препятствием к стараниям самосохраниться путем организации и поддержания «порядка» и сокращения хаотизирующих процессов, включая *негативное* девиантное поведение. Не надо только забывать, что организация и дезорганизация неразрывно связаны, одно не может быть без другого, а девиации не только «вредны», но и «полезны» с точки зрения выживания и развития системы.

Итак, проблема социального контроля есть в значительной степени проблема социального порядка, сохранности общества

как целого.

Существует различное понимание социального контроля. В начале параграфа мы привели наиболее общее его определение. В более узком смысле слова, *социальный контроль* представляет собой *совокупность средств и методов воздействия общества на нежелательные (включая преступность) формы девиантного поведения, с целью их элиминирования (устранения) или сокращения, минимизации.*

Социальными *регуляторами* человеческого поведения служат выработанные обществом *ценности* (как выражение отношения человека к тем или иным объектам и значимым для людей свойствам этих объектов) и соответствующие им *нормы* (правовые, моральные, обычаи, традиции, мода и др.), т. е. правила, образцы, стандарты, эталоны поведения, устанавливаемые государством (право) или же формируемые в процессе совместной жизнедеятельности, а средством передачи (трансляции) тех и других – *знаки.*[676]

Социальный контроль не ограничивается нормативным регулированием поведения людей, но включает также *реализацию* нормативных велений и ненормативное воздействие на поведение членов общества. Иначе говоря, к социальному контролю относятся *действия* по реализации предписаний (норм), меры *ответственности* лиц, нарушающих принятые нормы, а в некоторых государствах – тоталитарного типа – и лиц, не разделяющих провозглашаемые от имени общества ценности.

Основными *методами* социального контроля являются позитивные санкции – *поощрение* и негативные санкции – *наказание* («кнут и пряник», *«police of threats and bribery»)*.

К основным механизмам социального контроля относятся *внешний,* осуществляемый извне, различными социальными институтами, организациями (семья, школа, общественная организация, полиция) и их представителями с помощью санкций – позитивных (поощрения) и негативных (наказание), и *внутренний,* основанный на интернализованных (усвоенных, воспринятых как свои собственные) ценностях и нормах и выражаемый понятиями «честь», «совесть», «достоинство», «порядочность», «стыд» (нельзя, потому что стыдно, совесть не позволяет). К внешнему контролю относится и *косвенный,* связанный с общественным мнением, мнением референтной группы, с которой индивид себя идентифицирует (родители, друзья, коллеги).

Различают *формальный* контроль, осуществляемый компетентными органами, организациями, учреждениями и их представителями в пределах должностных полномочий и в строго

установленном порядке, и *неформальный* (например, косвенный), *карательный* (репрессивный) и *сдерживающий* (предупредительный, профилактический).

Хорошо известно, что позитивные санкции (поощрение) значительно эффективнее негативных (наказания), а внутренний контроль намного эффективнее внешнего. К сожалению, человечество, зная это, чаще прибегает к внешнему контролю и репрессивным методам. Считается, что это «проще» и «надежнее». Отрицательные последствия «простых решений» не заставляют себя долго ждать…

Существуют различные модели (формы) социального контроля и их классификации.[677] Одна из них, предложенная Д. Блэком (в модификации Ф. Макклинтока),[678] воспроизведена в табл. 15.1. Каждая из приведенных в таблице форм социального контроля имеет свою логику, свои методы и язык, свой способ определения события и реагирования на него. В реальной действительности возможно сочетание нескольких форм.

В целом *социальный контроль сводится к тому, что общество через свои институты задает ценности и нормы; обеспечивает их трансляцию (передачу) и социализацию (усвоение, интериоризация индивидами); поощряет за соблюдение норм (конформизм) или допустимое, с точки зрения общества, реформирование; упрекает (наказывает) за нарушение норм; принимает меры по предупреждению (профилактике, превенции) нежелательных форм поведения.* В гипотетически идеальном (а потому и нереальном) случае общество обеспечивает полную социализацию своих членов, и тогда не требуется ни наказаний, ни поощрений.

Таблица 15.1

Механизмы социального контроля (по Д. Блэку)

Формы контроля	Карательный	Терапевтический (+социальная помощь)	Образовательный (+социальная помощь)	Компенсирующий	Примирительный
1. Обычный уровень	Запрет	Соответствие норме	Образованность	Обязательство	Гармония
2. Проблемный	Вина	Необходимость	Незнание/некомпетентность	Долг	Конфликт
3. Инициатор действия	Орган общества Жертва	Орган общества Нарушитель	Орган общества Обучающийся	Орган общества Потерпевший	Орган группы Спорящий
4. Личность нарушителя или «конфликтующего» лица	Нарушитель	Пациент/клиент	Невежественное, необразованное или некомпетентное лицо	Должник	Спорящий
5. Решение или цель	Наказание	Помощь/лечение	Достижение стандарта, выдача свидетельства и признание компетентности	Оплата (деньгами или натурой)	Разрешение конфликта

Реальное осуществление социального контроля над девиантностью существенно зависит от *власти,* формы правления, политического режима в стране. Теоретическое, основанное на огромном историческом материале, исследование роли власти и политических структур в социальном контроле над девиантным поведением было осуществлено М. Фуко (1926–1984).[679] Один из его выводов – все тонкости механизма власти и социального контроля с использованием «коварной мягкости, неявных колкостей, мелких хитростей, рассчитанных методов, техник» направлены на одну цель – создание «дисциплинарного индивида».[680] Ясно, что формирование стандартного «дисциплинарного индивида», не создающего проблем для власти, – задача, прежде всего, тоталитарного режима.

Думается, Фуко не случайно упоминал коварную мягкость, мелкие хитрости и т. п. Чем менее демократичен, менее либерален режим, чем он более авторитарен и тоталитарен, тем большую демагогию он использует для прикрытия своих истинных целей, намерений и действий.

Другой исследователь проблемы – И. Гоффман (1922–1982) – называет учреждения, описанные Фуко (тюрьма, психиатрическая больница, школа-интернат, а также армия с ее казармами и т. п.), «тотальными институтами».[681]

§ 2. Контроль над преступностью

Контроль над преступностью – один из видов социального контроля. Поскольку преступность (какой бы смысл ни вкладывался в это понятие в различные эпохи у разных народов) издавна воспринималась как самая опасная форма «отклонений», постольку и средства воздействия на лиц, признанных преступниками, применялись самые жесткие (жестокие).

Так, в 1487 г. инквизиторами Г. Институторисом и Я. Шпренгером был создан печально знаменитый трактат «Молот ведьм» (нем. Hexenhammer, лат. Malleus Maleficarum) – своеобразное методическое пособие по охоте за ведьмами и уничтожению несчастных. А вот рекомендации прогрессивного для своего времени (XIII в.) «Саксонского зерцала»: «Вора надо повесить… Всех тайных убийц и тех, которые ограбят плуг,[682] или мельницу, или церковь, или кладбище, а также изменников и тайных поджигателей, или тех, которые выполняют чужое поручение в своих корыстных целях, – их всех следует колесовать… Кто убьет кого-нибудь, или (незаконно) возьмет под стражу, или ограбит, или подожжет… или изнасилует девушку или женщину, или нарушит мир, или будет застигнут в нарушении супружеской верности, тем следует отрубить голову… Христианина – мужчину или женщину, – если он еретик, и того, кто имеет дело с волшебством или с отравлениями… следует подвергнуть сожжению на костре».[683] Печально знаменитая «Каролина» (1532) в качестве основной меры наказания предусматривает «простые» и квалифицированные виды смертной казни: утопление, повешение, отрубание головы, закапывание живым, сажание на кол, сжигание, колесование, четвертование.

История человечества знает все мыслимые и немыслимые виды пыток, квалифицированных видов смертной казни, калечения.[684] Но преступность не покидает общество…

Контроль над преступностью включает:

• установление того, что именно в данном обществе расценивается как преступление (криминализация деяний);

• установление системы санкций (наказаний) и конкретных санкций за конкретные преступления;

• формирование институтов формального социального контроля над преступностью (полиция, прокуратура, суд, органы исполнения наказания, включая пенитенциарную систему, и т. п.);

• определение порядка деятельности учреждений и должностных лиц, представляющих институты контроля над преступностью;

• деятельность этих учреждений и должностных лиц по выявлению и регистрации совершенных преступлений,

выявлению и разоблачению лиц, их совершивших, назначению наказаний в отношении таких лиц (преступников), обеспечению исполнения назначенных наказаний;

• деятельность институтов, организаций, частных лиц по осуществлению неформального контроля над преступностью (от семьи и школы до общины, клана, землячества, «соседского контроля» – neighbourhood watch, о котором речь впереди);

• деятельность многочисленных институтов, учреждений, должностных лиц, общественных организаций по профилактике (предупреждению) преступлений.

Остановимся кратко на некоторых из перечисленных элементов социального контроля над преступностью, имея в виду, что часть из них будет подробнее рассмотрена в последующих главах (16 и 17).

Криминализация деяний (или *конструирование преступности)*

Государство в лице законодательных органов устанавливает, *что именно,* какие конкретно поведенческие формы оно считает необходимым определить как преступные. В подавляющем большинстве стран до сих пор преобладают избыточная криминализация и избыточная репрессивность.

Подробнее основания криминализации/декриминализации деяний изложены в ряде отечественных работ.[685] Не со всеми из них можно согласиться (так, С. Ф. Милюков, с нашей точки зрения, сторонник излишней, избыточной криминализации и репрессивности). Исторический опыт свидетельствует о том, что излишняя криминализация, в том числе «преступлений без жертв», не только не способствует укреплению порядка, но и влечет ряд негативных последствий как для «виновного», так и для общества (отвлечение сил и средств на преследование малозначительных нарушений, «стигматизация» с последующей «вторичной девиантностью», усиление ригоризма и нетерпимости в общественном сознании и др.).

Многочисленным сторонникам «твердой руки», «железного порядка», «непримиримой борьбы» и т. п. хотелось бы напомнить, что, во-первых, человечество перепробовало все репрессивные меры «наведения порядка», не добившись желаемого. Во-вторых, негативные санкции вообще обладают низкой эффективностью (если не нулевой, а то и отрицательной – когда негативные последствия санкций «перевешивают» положительный эффект). В-третьих, умножение запретов порождает лишь желание их нарушить («запретный плод сладок», а эмоциональные, физические, интеллектуальные потенции человека не могут постоянно оставаться стесненными, ограниченными, рано или

поздно плотина запретов будет прорвана). Это давно усвоили многие развитые страны, провозгласив кредо демократического государства: «разрешено все, что не запрещено законом». В-четвертых, излишняя криминализация неизбежно приводит к тому, что большинство малозначительных деяний все равно не будут преследоваться реально (сил не хватит, правоохранительная система «не переварит»), а это означает, в свою очередь, «избирательный» подход правоохранительных органов (преследуем только того, «кого надо») и девальвацию принципа неотвратимости уголовной ответственности. В-пятых, уголовно-правовые санкции не единственные в правовой системе. В большинстве случаев для не очень опасных правонарушений целесообразнее предусмотреть и применять меры административной, гражданско-правовой, дисциплинарной ответственности. Да, побои (ст. 116 УК РФ), клевета и оскорбление (ст. 129, 130 УК), отказ в предоставлении гражданину информации (ст. 140 УК), уничтожение или повреждение имущества по неосторожности (ст. 168 УК), многие из преступлений в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК), незаконное распространение порнографических материалов или предметов (ст. 242 УК) и ряд подобных действий причиняют определенный вред, заслуживают порицания, но обязательно ли – *уголовного* преследования и наказания? Что же касается последнего из упомянутых составов – кто точно и обоснованно сформулирует, что такое «порнография»?..

Система уголовно-правовых санкций

Тяжесть предусматриваемых законом наказаний, так же как масштабы криминализации, существенно зависит от степени цивилизованности общества, менталитета населения (терпимость/нетерпимость, либерализм/авторитаризм, гуманность, милосердие, ригоризм, жестокость и т. п.), политического режима. Роль последнего особенно велика.[686]

Понятие *политического режима* не вполне определенно. Ряд американских авторов понимают под политическим режимом «совокупность явных или неявных моделей, определяющих формы и каналы доступа к важнейшим управленческим позициям, характеристики субъектов, имеющих такой доступ или лишенных его, а также доступные субъектам стратегии борьбы за него».[687] В отечественной литературе под политическим режимом понимается также характер политических взаимоотношений между людьми, между людьми и государством.[688]

Мы исходим из того, что в наиболее общем виде политический режим означает *реальный механизм*

функционирования власти, форму государственного правления (Regierungsform[689]), его *стиль,* проявляющийся в совокупности *методов и приемов* осуществления государственной власти.

В современной отечественной государственно-правовой литературе различаются два основных вида политического режима: демократический и тоталитарный. Нередко в качестве «промежуточного», переходного называется авторитарный режим. Фашистский режим рассматривается как разновидность тоталитарного. Однако данная схема не охватывает возможные разновидности режимов. Не случайно поэтому исторически, начиная с Аристотеля и Платона, выделялись также тимократия (власть благородных воинов), олигархии (правление богатых семей), тирания и деспотия (предшественницы современного тоталитаризма). Позднее появились представления об охлократии (власть толпы, плебса), меритократии (правление «лучших», элиты) и даже «серократии» – власти серой посредственности (термин, предложенный Л. Баткиным, для характеристики советского режима после Н. Хрущева). Конечно, определить, *кто* стоит у власти, в чьих она руках, еще не значит охарактеризовать политический режим. Однако это определяет в какой-то степени общую его направленность.

Оригинальная классификация политических режимов предложена Г. В. Голосовым на основании следующих критериев: характера борьбы за лидерство (открытые и закрытые режимы), внутренней дифференциации (монолитные и дифференцированные элиты), уровня участия масс в политике (включающие и исключающие).[690] В результате называются шесть политических режимов: *традиционный* (закрытый, с монолитной правящей группой, исключающий массы из политики, например, Саудовская Аравия); *авторитарно-бюрократический* (закрытый, с дифференцированной правящей группой, исключающий массы из политики, например, Португалия 1926–1974 гг.); *соревновательная олигархия* (открытый, исключающий массы из политики, например, ряд стран Латинской Америки); *эгалитарно-авторитарный* (закрытый, с монолитной правящей группой, включающий массы в политику, например, социалистические страны); *авторитарно-инэгалитарный* (закрытый, с дифференцированной правящей группой, включающий массы в политику, например, фашистские и нацистские режимы); *либеральная демократия* (открытый, включающий массы в политику).

Для нас важно, что *политический режим, независимо от формы организации власти (республика президентская или парламентская, монархия абсолютная или ограниченная),*

определяет, в конечном счете, политическую жизнь страны, реальные права и свободы граждан (или же юридическое или фактическое их бесправие), терпимость или нетерпимость к различного рода «отклонениям», включая преступность и реальную политику в отношении «девиантов».

Именно *режим конструирует* различные виды девиантности, включая преступность, определяет санкции для девиантов (преступников), формирует отношение к ним населения. Так, проводимая тоталитарными режимами политика запрета всяческих «отклонений», криминализация большинства из них сопровождаются активным пропагандистским воздействием на сознание, взгляды и представления людей. Активным и небезуспешным. Вспомним, как взгляды и нормы цивилизованного германского общества, существовавшие до установления гитлеровского фашистского режима, были в короткие сроки трансформированы под воздействием расистских, националистических воззрений правящей верхушки и умелой пропаганды ведомства Геббельса. Да и печальный отечественный опыт дает немало примеров трансформации, перерождения и вырождения нравственных ценностей и традиций. Толерантность к инакомыслию и инакодействию, к иным культурам и этносам, уважение их, как и всякого чужого, мнения, постепенно сменяются ригоризмом, нетерпимостью, требованиями «усиления борьбы», расправы над «врагами народа», «убийцами в белых халатах», «стилягами» и несть им числа (вплоть до «агентов влияния» и «лиц кавказской национальности»…).

Наши исследования показывают, что годы либерализации и демократизации постсоветского периода (горбачевская перестройка) отмечены снижением уровня ригоризма и повышением уровня терпимости населения (во всяком случае, в Ленинграде – Санкт-Петербурге). Так, в 1989 г. по результатам выборочного репрезентативного опроса жителей города за смертную казнь высказался 51 % респондентов, против смертной казни – 38 %, за усиление уголовной ответственности – 48 %, за смягчение – 15 %. По мере «торможения перестройки» (и авторитаризации режима) меняется настроение горожан. Уже в 1992 г. за смертную казнь высказывается 67 % опрошенных, против – всего 22 %, хотя количество сторонников усиления уголовной ответственности еще продолжает сокращаться – 29 %, а противников – увеличивается до 22 %. Еще нагляднее сравнение результатов опросов 1991 и 1994 гг. Если в 1991 г. за отмену смертной казни было 22 % респондентов, а за сохранение или расширение ее применения – 67 %, то в 1994 г. – 14 и 72 % соответственно. В 1991 г. за уголовную ответственность

потребителей наркотиков высказались 45 % опрошенных, в 1994 г. – 58 %, за уголовное преследование проституток в 1991 г. были 34 % респондентов, в 1994 г. – 50 %, уголовную ответственность за бродяжничество и попрошайничество в 1991 г. поддержали 27 %, в 1994 г. – 38 %, за мужеложство – 24 и 44 % соответственно.[691] В наступившем XXI в. ригоризм и нетерпимость лишь нарастают, о чем свидетельствуют результаты опросов, проводимых ВЦИОМ, Левада-Центром и другими социологическими организациями.

Одним из наиболее значимых показателей цивилизованности/ нецивилизованности современного общества, демократичности/ авторитарности (тоталитарности) политического режима служит сохранение *смертной казни* в системе наказаний или же отказ от нее. Сохранение смертной казни во многих штатах США и в Японии (правда, там она применяется чрезвычайно редко) свидетельствует, с моей точки зрения, о недостаточной (неполной) их цивилизованности. Подробнее вопрос о смертной казни будет рассмотрен в следующей главе.

Другим важным элементом системы наказания, свидетельствующим о большей или меньшей цивилизованности общества и государства, больших или меньших их демократизме и либерализме, является *лишение свободы,* точнее, его место в системе наказания, широта применения, предельные сроки, условия отбывания. И этот вопрос станет предметом более подробного анализа в следующей главе.

Порядок признания лица совершившим преступление и применения к нему уголовных санкций регулируется уголовно-процессуальным законом, а *порядок исполнения наказания* – кроме того, уголовно-исполнительным законодательством.

Неформальному контролю над преступностью, его роли в профилактике преступлений будет уделено внимание в заключительной – 17-й главе нашего труда.

§ 3. Уголовная политика

На основе идеологических, политических, правовых концепций, разделяемых высшими органами государственной власти и управления, вырабатывается *уголовная политика* государства как разновидность государственной политики (наряду с экономической, социальной, экологической и др.). Уголовная политика может быть явно выражена (в конституционных, программных, правовых документах) или же

неявно (имплицитно) содержаться в реальной деятельности государства и его органов по противодействию преступности и ее отдельным видам.

В 80-е гг. минувшего века в СССР активно разрабатывались проблемы уголовной политики советского государства.[692] Результаты носили двойственный характер. С одной стороны, сама проблема и ее решение были явно отягощены советской идеологией, рассматривались с позиций интересов советского (тоталитарного) государства и КПСС. С другой стороны, в процессе обсуждения вырабатывались основные понятия, обсуждались стратегия, тактика, пути и методы уголовной политики.

Обобщающая оценка этого этапа и основные положения современной российской уголовной политики подробно изложены в книге С. С. Босхолова.[693] Автор совершенно верно, с нашей точки зрения, отмечает ущербность ранее широко распространенной стратегии «борьбы с преступностью». Приведем длинную, но принципиально важную цитату. «Слово «борьба»… толкуется как схватка, сражение, поединок, главной целью которых является подавление, искоренение, уничтожение чего-нибудь или кого-нибудь. Борьба зачастую предполагает непримиримое противостояние вступивших в нее сторон с конечной целью победы, для достижения которой могут быть использованы любые средства… Увлекшись борьбой (а борьба всегда увлекает, завораживает и даже ослепляет борющихся), те, кто призваны по долгу службы вести ее против преступности, зачастую переходят грань, которая разделяет право и произвол, законность и беззаконие… Призывы к войне с преступностью, усилению борьбы с нею, по сути дела, ставят перед органами уголовной юстиции, государством и обществом несодержательную цель. Они не только дезориентируют, но и дезорганизуют их деятельность по обеспечению безопасности и правопорядка, влекут, как правило, массовые нарушения законности, прав и свобод граждан».[694]

Босхолов рассматривает основные тенденции современной российской уголовной политики: отказ от возможности разрешения социальных проблем (включая преступность) методом принуждения, подавления личности; поворот к гуманизации уголовной политики; ориентация на международные стандарты и опыт противодействия преступности; ориентация уголовной политики на пересмотр уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного законодательства под углом зрения его соответствия Конституции РФ.[695] Перечисленные тенденции, безусловно, желательны, но я боюсь,

что автор излишне оптимистичен в своих наблюдениях и оценках.

Для меня очень тревожную тенденцию постперестроечного режима в области социального контроля над девиантностью вообще, преступностью в особенности, отражают новый Уголовный кодекс (1997) и Закон «О наркотических средствах и психотропных веществах» (1998). Уголовный кодекс провозглашает основной целью наказания «восстановление социальной справедливости» (ст. 43 УК РФ). Это что – возврат к идее мести? Сохраняя смертную казнь (ст. 59), несовместимую с цивилизованностью, УК вводит пожизненное лишение свободы (ст. 57), которое могло бы быть отчасти оправданным только как альтернатива отмененной раз и навсегда смертной казни. Лишение свободы предусматривается до 20 лет, по совокупности преступлений – до 25 лет, а по совокупности приговоров – до 30 лет (ст. 56). Ни пожизненного лишения свободы, ни 30-летнего срока не знало даже сталинское уголовное законодательство… Кроме того, по неизвестным причинам законодатель отказался от института отсрочки исполнения приговора, который ранее широко применялся, особенно в отношении несовершеннолетних (см. табл. 16.1). Что касается Закона «О наркотических средствах и психотропных веществах», то моя позиция была изложена выше (гл. 13).

Наконец, Босхолов формулирует основные приоритеты и направления уголовной политики: максимальное обеспечение безопасности личности, прав и свобод человека и гражданина от преступных посягательств; активное противодействие организованной преступности; активное противодействие коррупции; обеспечение экономической безопасности государства; защита основ конституционного строя и безопасности государства. В целом с этим можно согласиться, хотя я рассматриваю действенную реакцию на организованную преступность и коррупцию как проблемы прежде всего социально-экономической политики государства и лишь во вторую очередь – уголовной.

Вообще, с нашей точки зрения, в России отсутствует реалистическая, научно-обоснованная уголовная политика в виде обсужденной и принятой концепции, стратегии, программы. Те документы, которые время от времени принимаются *ad hoc,* не могут ясно обозначить целостную уголовную политику государства.[696] Если же исходить не из провозглашаемых лозунгов, а из реальной законодательной и правоприменительной практики, то прослеживаются два направления современной уголовной политики. Первое, господствующее – традиционное «усиление борьбы» с преступностью. Бесперспективность и

пагубность такого подхода для многих специалистов очевидны. К сожалению, популистские призывы к «усилению» находят широкую поддержку населения, работников правоохранительных органов. Сохраняется твердая уверенность, воспитанная еще советской властью: если растет (не уменьшается) количество преступлений, то надо больше, чаще «сажать» и на более длительные сроки. А еще лучше – стрелять… Это страшный, устойчивый элемент правосознания самых широких масс, который с радостью используется властными структурами – в негодных целях и с крайне негативными последствиями.

Второе направление реальной политики, начиная с 1993–1994 гг., – массовое сокрытие преступлений от регистрации, о чем уже говорилось.

Солидный анализ уголовной политики представлен в монографии В. Н. Кудрявцева.[697]

Важнейшими необходимыми направлениями современной российской уголовной политики нам представляются:

• декриминализация большинства малозначительных, неопасных деяний с «переводом» части из них в разряд административных проступков или гражданско-правовых деликтов;

• реализация принципа «минимум репрессий»; безусловная законодательная отмена смертной казни; отношение к лишению свободы как к «высшей мере наказания», применяемой, как правило, только в отношении совершеннолетних насильственных преступников;

• на основе вышеназванного более последовательная реализация принципа неотвратимости наказания, независимо от социального статуса виновного;

• либерально-демократическая реформа полиции (давно следует переименовать милицию в соответствии с ее реальными задачами и статусом); главная задача полиции (кстати говоря, провозглашенная в действующем Законе о милиции) – защита граждан от преступных посягательств; сервисный характер деятельности полиции – оказание услуг (по защите, охране и т. п.) населению, налогоплательщикам, а не «борьба с преступностью»; абсолютная недопустимость применения незаконного насилия, включая пытки, которыми «славится» милиция;[698]

• либерально-демократическая судебная реформа;

• разработка и реализация антикоррупционной программы на основе экономических, политических, социальных, правовых мер противодействия массовой продажности чиновников и работников правоохранительных и судебных органов;

• приоритет превенции преступлений;

• формирование альтернативной «восстановительной» юстиции (restorative justice), обеспечивающей права и интересы потерпевших вне рамок уголовного правосудия;

• формирование ювенальной юстиции с передачей всех дел о преступлениях несовершеннолетних в их юрисдикцию;

• формирование либерально-демократического правосознания населения.

Без осуществления этих и некоторых других мер совершенствования уголовной политики в современной России трудно говорить о реализации идей демократического и правового государства.

Глава 16
Наказание: криминологический подход

Всякое наказание преступно.

Л. Толстой

Рассматривать наказание как политическую тактику…

Надо избавиться от иллюзии, будто уголовно-правовая система является главным образом средством борьбы с правонарушениями.

М. Фуко

§ 1. «Кризис наказания» и его последствия

Наказание, наряду с профилактикой (превенцией), является одним из элементов социального контроля над преступностью. Уголовно-правовые и криминологические проблемы наказания активно обсуждались в годы советской власти.[699] Современная российская система наказания изложена во всех учебниках уголовного права и в работах С. Ф. Милюкова.[700]

В настоящее время в большинстве цивилизованных стран осознается «кризис наказания», кризис уголовной политики и уголовной юстиции, кризис полицейского контроля.[701] Благодаря переведенным на русский язык книгам известного норвежского криминолога Н. Кристи, мы можем подробнее ознакомиться с проблемой.[702]

«Кризис наказания» проявляется, во-первых, в том, что, как было показано выше, после Второй мировой войны во всем мире наблюдается рост преступности, несмотря на все усилия полиции и уголовной юстиции. Во-вторых, как мы уже отмечали, человечество перепробовало все возможные виды уголовной репрессии без видимых результатов (неэффективность общей превенции). В-третьих, как показал в 1974 г. Т. Матисен, уровень рецидива относительно стабилен для каждой конкретной страны и не снижается, что свидетельствует о неэффективности специальной превенции. В-четвертых, по мнению психологов, длительное (свыше 5–6 лет) нахождение в местах лишения свободы приводит к необратимым изменениям психики человека.

[703] Впрочем, о губительном (а отнюдь не «исправительном» и «перевоспитательном») влиянии лишения свободы на психику и нравственность заключенных известно давно. Об этом подробно писал еще М. Н. Гернет.[704] Тюрьма служит школой криминальной профессионализации, а не местом исправления.

Осознание неэффективности традиционных средств контроля над преступностью, более того – негативных последствий такого распространенного вида наказания, как лишение свободы, приводит к поискам альтернативных решений как стратегического, так и тактического характера.

Во-первых, при полном отказе от смертной казни (подробнее см. § 2 настоящей главы) лишение свободы становится «высшей мерой наказания», применять которую надлежит лишь в крайних случаях, в основном при совершении насильственных преступлений и только в отношении взрослых (совершеннолетних) преступников. Так, в 1984–1987 гг. в Англии и Уэльсе, а также в Швеции из общего числа осужденных к лишению свободы приговаривалось около 20 % (правда в Англии и Уэльсе эта доля несколько увеличилась к 1996 г.[705]), а к штрафу – почти половина осужденных. В Германии в середине 90-х гг. доля приговоренных к реальному (безусловному) лишению свободы составила лишь 11,5 % от общего числа осужденных, тогда как к штрафу – 83,4 %.[706] Если в 1970 г. в Германии безусловное лишение свободы приближалось к 28 %, то в 2004 г. оно составило лишь 8 % (штраф – 70 %).[707] В Японии в течение 1978–1982 гг. к лишению свободы приговаривались лишь 3,5 % осужденных, к штрафу же – свыше 95 %. Это вполне продуманная политика, ибо «в результате этого не происходит стигматизация лиц, совершивших преступные деяния, как преступников. Смягчаются сложности ресоциализации преступников после их чрезмерной изоляции от общества, и таким образом вносится значительный вклад в предупреждение рецидива».[708]

Расширяется применение иных – альтернативных лишению свободы – мер наказания (ограничение свободы, в том числе с применением электронного слежения; общественные работы; «комбинированный приказ» в Англии и Уэльсе – сочетание общественных работ с пробацией).[709]

В России к *реальному* лишению свободы приговаривались в течение 1986–2006 гг. от 34,1 % всех осужденных в 1987 г. до 39,5 % в 1994 г. *К реальному и условному* лишению свободы – до 88 % в 2001–2006 гг. (подробнее см. табл. 16.1). Поражают темпы снижения удельного веса наказаний, не связанных с лишением свободы: осуждено к исправительным работам в 1987 г. – 26,1 %, в 2005 г. – 4,9 %, к штрафу в 1987 г. – 16,8 %, в 2001, 2002 г. –

6,3 % (с ростом к 2005 г. до 10,3 %).

Во-вторых, в странах Западной Европы, Австралии, Канаде, Японии преобладает *краткосрочное* лишение свободы. Во всяком случае – до 2–3 лет, т. е. до наступления необратимых изменений психики. Так, в середине 90-х гг. в Германии осуждался на срок до 6 месяцев 21 % всех осужденных к лишению свободы, на срок от 6 до 12 месяцев – еще 26 % (т. е. всего на срок до 1 года – около половины всех приговоренных к тюремному заключению). К сроку от 1 до 2 лет были приговорены 38,5 % осужденных. Таким образом, в отношении 85,5 % всех осужденных к лишению свободы срок наказания не превышал 2 лет, на срок же свыше 5 лет были приговорены всего 1,2 %.[710] В Японии в 1994 г. из общего числа приговоренных к лишению свободы на срок до 1 года – 17,3 %, до 3 лет – 68,8, а свыше 5 лет – 1,3 %.[711]

В России в 1986 г. из общего числа осужденных к лишению свободы на срок до 1 года было 14,1 %, от 1 года до 2 лет – 21,2 % (всего до 2 лет – 35,3 %), свыше 5 лет – 15,4 %. В 1996 г. соответственно на срок до 1 года – 16,1 %, от 1 года до 2 лет – 23,1 % (всего до 2 лет – 39,2 %), свыше 5 лет – 13,7 %. Интересно, что в 1926 г. из общего числа осужденных к лишению свободы были осуждены на срок до 6 месяцев – 70,5 %, всего до 1 года – 84,2 %, а на срок свыше 5 лет – 1,8 %. Это лишний раз свидетельствует о том, что в первое свое десятилетие советская власть еще играла в демократию.[712]

В-третьих, поскольку сохранность или же деградация личности существенно зависят от *условий* отбывания наказания в пенитенциарных учреждениях, постольку в современных цивилизованных государствах поддерживается по возможности достойный уровень существования заключенных (нормальные питание, санитарно-гигиенические и «жилищные» условия, медицинское обслуживание, возможность работать, заниматься спортом, встречаться с родственниками), устанавливается режим, не унижающий их человеческое достоинство, а также существует система *пробаций* (испытаний), позволяющая строго дифференцировать условия отбывания наказания в зависимости от его срока, поведения заключенного и т. п.[713]

Таблица 16.1

Меры наказания, примененные к осужденным в России (1987–2006)

Вид наказания	1987	1989	1991	1993	1995	1997	1999	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Всего осужденных	576 788	436 988	593 823	792 410	1 035 807	1 013 431	1 223 255	1 244 211	859 318	773 920	793 918	878 893	909 921
Смертная казнь	120	100	147	157	143	106	19	0	0	0	0	0	0
% от всех осужденных	0,02	0,02	0,02	0,01	0,01	0,01	0,001	0	0	0	0	0	0
Лишение свободы	196 640	162 033	207 489	292 868	357 765	330 977	388 793	367 469	267 109	252 041	257 284	306 841	312 473
% от всех осужденных	34,1	37,1	35,0	37,0	36,4	32,8	32,9	30, 9	32,2	32,8	32,6	35,1	34,5
Лишение свободы с отсрочкой исполнения	64 637	56 560	83 270	142 532	188 483	–	–	–	–	–	–	–	–
% от всех осужденных	11,2	13,0	14,0	18,0	19,2	–	–	–	–	–	–	–	–
Условно с испытательным сроком	31 285	35 352	59 738	124 198	222 340	529 082	607	682 930	468 091	426 048	415 659	419 807	420 956
% от всех осужденных	5,4	8,1	10,1	15,7	22,6	52,4	51,4	57,5	56,4	55,5	52,7	48,1	46,5
Исправительные работы	150 332	103 513	129 209	143 464	92 589	69 548	56 859	62 182	43 087	39 808	36 658	42 667	43 371
% от всех осужденных	26,1	23,7	21,8	18,1	9,4	6,9	4,8	5,2	5,2	5,2	4,6	4,9	4,8
Штраф	97 177	51 961	72 292	70 906	117 785	79 818	65 138	74 853	52 114	50 064	78 282	90 417	98 207
% от всех осужденных	16,8	11,9	12,2	8,9	12,0	7,9	5,5	6,3	6,3	6,5	9,9	10,3	10,8

Автору этих строк довелось посещать тюрьмы и другие пенитенциарные учреждения многих зарубежных стран Азии, Америки, Европы и, конечно же, бывшего СССР и России. В тюрьмах Западной Европы убеждаешься, что можно вполне сочетать надежность охраны (в основном, с помощью электронной техники, без автоматчиков и собак) и режимные требования с соблюдением прав человека, уважением его личности. В одной из посещенных мной тюрем Турку (Финляндии) заключенным… выдаются ключи от камеры, чтобы человек, уходя из нее, мог закрыть дверь в «свою комнату» и открыть, возвращаясь. По мнению начальника тюрьмы, это позволяет заключенным сохранять чувство собственного достоинства. В Хельсинки (Финляндия), Фрайбурге (Германия) заключенные проживают по одному – два человека в камере и днем свободно гуляют по коридору, заходят в гости друг к другу. При мне в тюрьме Хельсинки осужденные на кухне блока готовили торт ко дню рождения одного из заключенных. В камерах находятся телевизоры, компьютеры, прохладительные напитки.

В-четвертых, все решительнее звучат предложения по формированию и развитию *альтернативной,* не уголовной юстиции для урегулирования отношений «преступник – жертва», по переходу от «возмездной юстиции» *(retributive justice)* к юстиции возмещающей, восстанавливающей *(restorative justice)*.[714] Суть этой стратегии состоит в том, чтобы с помощью доброжелательного и незаинтересованного посредника (кого-то вроде третейского судьи) урегулировать отношения между жертвой и преступником. Во многих случаях корыстных преступлений потерпевший больше заинтересован в реальном

возмещении причиненного ему ущерба, нежели в том, чтобы «посадить» виновного (и, как правило, в течение многих лет дожидаться результатов исполнения обязательств по удовлетворенному в уголовном процессе гражданскому иску). А лицо, совершившее это преступление, скорее будет готово возместить ущерб, чем «идти в тюрьму». Опыт такого решения конфликта «преступник – жертва» фактически существует в тех странах, где еще сильны общинные связи и авторитет старейшин, и постепенно внедряется в других государствах. Отечественный опыт представлен в Вестниках восстановительной юстиции, выпускаемых Общественным центром «Судебно-правовая реформа».[715]

Проблема альтернативной юстиции особенно актуальна применительно к преступности несовершеннолетних.

В целом речь идет о переходе от стратегии «войны с преступностью» *(war on crime)* к стратегии «сокращения вреда» *(harm reduction)*. Об этом прямо говорится в 11-й Рекомендации доклада Национальной комиссии США по уголовной юстиции: «изменить повестку дня уголовной политики от „войны“ к „миру“».[716] «Уменьшить надежды на тюремное заключение и обратить больше внимание на общественное исправление *(community correction)*» советует S. Barcan в 14-й из 23 рекомендаций своей книги.[717]

§ 2. Смертная казнь

Жизнь человека – высшая ценность. Впрочем, как и жизнь каждого живого существа (вот почему высшим проявлением гуманизма является провозглашенный А. Швейцером принцип *«veneratio vitae»* – благоговение перед жизнью. Любой). Как убийство является самым тяжким преступлением, так и смертная казнь, выражаясь казенным языком советского государства, служит «высшей мерой наказания». Мы не раз упоминали о том, что человечество перепробовало самые жестокие способы «законного» лишения жизни, не достигнув желаемой цели («предотвращение» преступлений). Тем не менее и в современном мире немало государств сохраняет в арсенале уголовных наказаний смертную казнь, а многие граждане сие одобряют и надеются на то, что убийством «по закону» можно предотвратить противоправные убийства.

Отношение к смертной казни служит индикатором цивилизованности/варварства, гуманности/бесчеловечности, терпимости/ нетерпимости.

Нам кажется, вопрос *«за* или *против* смертной казни?»

исчерпал себя, во-первых, в том смысле, что за столетия дискуссии все доводы *pro et contra* давно стали всем известны и вряд ли могут появиться новые. Меняются лишь акценты в зависимости от того, политические, юридические, культурологические или иные аспекты темы превалируют в конкретной ситуации и дискуссии.[718]

Во-вторых, этот вопрос давно превратился в некий символ, «метку», индикатор, разделяющий сторонников и противников смертной казни на два лагеря по мировоззренческим, идеологическим позициям. «Высказываясь за смертную казнь или против нее, мы характеризуем не столько проблему, сколько собственную личность».[719] И тогда с одной стороны – А. Франс, В. Гюго, Б. Шоу («худший вид убийства – убийство на эшафоте»), А. Швейцер, М. Ганди, Ф. Достоевский, А. Кони, В. Короленко, Л. Толстой, И. Тургенев, А. Радищев, А. Герцен, А. Сахаров, лучшие представители российской уголовно-правовой мысли – М. Духовской, И. Фойницкий, Н. Таганцев, Н. Сергеевский, В. Спасович, М. Гернет (смертная казнь – «институт легального убийства») и множество других славных имен. На другой стороне – Пуришкевич, Победоносцев, Блудов, кн. Щербатов…

Смертная казнь в ряду социальных институтов

Напомним, что под социальным институтом понимается тип и форма социальных практик, посредством которых организуется общественная жизнь; регулярные и долговременные социальные практики, образцы поведения, санкционируемые и поддерживаемые с помощью социальных норм. Очевидно, смертная казнь относится к числу «регулярных и долговременных социальных практик, санкционируемых и поддерживаемых с помощью социальных норм». Социальный институт охватывает и нормы, и роли. Применительно к смертной казни это роли суда, палача (стыдливее – «исполнителя»), осужденного, судебного врача и др. Смертная казнь относится к политическим институтам.

Институты возникают в процессе формирования социальных практик (их *институционализации)* и прекращают свое существование. Смертная казнь появилась не сразу (для этого нужно было формирование государства, власти, права и т. п.). В различных государствах она существовала не всегда. Когда византийская церковь рекомендовала князю Владимиру заимствовать смертную казнь, князь отвечал: «Боюсь греха!».[720] Отменяла смертную казнь императрица Елизавета Петровна.[721]

В настоящее время, как известно, смертная казнь отменена *de jure* или *de facto* во всех странах Западной и Центральной Европы, в Канаде, Австралии, в большинстве стран Латинской Америки и многих других государствах, всего свыше 100.[722] Есть надежда, что этот позорный институт рано или поздно прекратит свое существование и в других странах.

Каждый социальный институт осуществляет определенные *функции* – явные и латентные. Явные, прокламируемые функции смертной казни – борьба с преступностью, предупреждение тяжких преступлений, справедливое воздаяние, обеспечение защиты населения и т. п. Однако давно уже известно, что ни уголовная юстиция, ни наказание и пенитенциарные учреждения, ни, тем более, смертная казнь не в состоянии выполнить прокламируемые функции (разве что «воздаяние»). Институты уголовной юстиции и наказания существуют лишь постольку, поскольку общество не знает, что реально предпринять для сокращения или сдерживания преступности. Сторонники сохранения смертной казни в России ссылаются обычно на жестокие серийные убийства и получившие распространение заказные убийства профессиональными убийцами (киллерами). Так вот, серийные убийства на сексуальной почве совершают, как правило, лица с психическими отклонениями (так называемая патология влечения), определенная доля которых есть в каждой популяции. Единственная реальная возможность превенции таких преступлений – раннее выявление и медико-психологическая коррекция лиц с соответствующей патологией. Что касается заказных убийств, то киллер – это профессия, для него убийство – работа, выполняемая независимо от теоретически грядущего наказания. Работа рискованная, и основная задача наемных убийц – минимизировать саму возможность наказания, что им обычно и удается сделать… Предусмотрено ли в качестве наказания лишение свободы или смертная казнь или нечто иное – может отразиться лишь на размере оплаты труда. И вообще, «ошибочно полагать, будто все или большинство тех, кто совершает такое тяжкое преступление, как убийство, идут на него после рациональной оценки возможных последствий».[723]

Что касается латентных, скрытых функций смертной казни, то это – месть, средство расправы и устрашения, символ всевластия власти, монополии власти на жизнь и смерть граждан (на войне, или по приговору суда, или в порядке внесудебной расправы).

Власть и смертная казнь

Власть – одна из острейших тем современности. Если явные функции власти, государства обозначены в любом учебнике

политологии, а также теории государства и права, то ее латентные функции (власть ради власти, власть для власти, власть как насилие и богатство для себя) активно исследуются в западной литературе последних десятилетий XX века. Еще М. Вебер понимал власть как возможность для кого-либо осуществлять свою волю в преследовании целей, не считаясь с оказываемым сопротивлением, а Т. Веблен рассматривал три основных способа самоутверждения: насилие, власть и богатство.[724] При этом власть дает богатство, а достигается и удерживается посредством насилия.

Функции государства подвижны. К сожалению, наблюдается тенденция реального сокращения явных функций и возрастание роли латентных. Так, в статье «Метаморфозы государства» один из крупнейших социологов современности Н. Луман пишет: «В начале современной государственности главной целью ее создания был контроль за применением физического насилия на определенной территории. Насилие являлось прежде всего правовой проблемой… Вместе с тем сегодня видно… что эти учреждения [государственности. – *Я. Г.]* больше не легитимируют сами себя. «Дух» покинул их».[725]

Латентные функции власти перестали быть тайными после ленинско-сталинских и гитлеровских концлагерей, после Холокоста и Освенцима. Постмодернизм, начиная с М. Фуко, утверждает, что власть разлита по всему социальному пространству. Она осуществляется через все социальные институты – от семьи и школы до тюрем, казарм и психиатрических больниц (дисциплинарные институты, по М. Фуко, или тотальные институты, по И. Гоффману). В результате «насилие встроено в систему», «право поражено насилием, постольку его собственное обоснование можно свести не к праву, а лишь к насильственно осуществляемой несправедливости легитимируемой впоследствии в качестве права».[726] Но если право в целом есть насильственно осуществляемая несправедливость, то что говорить о смертной казни как крайней мере правовой несправедливости, посягающей на неотъемлемое право человека на жизнь?

Смертная казнь – символ и орудие монополии государства и власти на жизнь и смерть. Но эта монополия осуществляется и неправовым путем. Отечественная история XX столетия хорошо знакома как с внесудебной расправой посредством «троек» (административные органы, имеющие право приговаривать к расстрелу при разбирательстве без свидетелей, экспертов и защиты), так и с массовыми расстрелами без какой бы то ни было правовой процедуры.

Социальный институт есть регулярные и долговременные социальные практики. Каковы социальные практики института смертной казни?

Мировая практика с явно выраженной тенденцией отказа от этого страшного института достаточно хорошо описана в литературе.[727] Поэтому ограничимся лишь некоторыми сведениями. К 1988 г. из 180 стран сохраняли смертную казнь 101, или 56 % (35 государств, или 19 %, полностью отменили смертную казнь; 26, или 14 %, фактически от нее отказались; в остальных смертная казнь отменена за обычные преступления, совершаемые в мирное время). На конец 1995 г. сохраняли смертную казнь уже меньше половины (47 %) всех государств – 90 из 192, полностью отменили 58 государств (30 %), фактически не применяли 30 (16 %), отменили за обычные преступления – 14 (7 %). К концу 2000 г. смертная казнь сохранялась в 71 стране из 194 (37 %), была полностью отменена в 76 (39 %), фактически не применялась в 36 (19 %), отменена за обычные преступления – в 11 (6 %).[728] В 1994–1998 гг. больше всего казненных было в Китае, Иране, Саудовской Аравии, Украине, Туркмении, США, Нигерии, Сингапуре, Белоруссии, России, Казахстане, Вьетнаме, Египте, Тайване, Конго, а по уровню на миллион жителей лидерами узаконенных убийств оказались Туркменистан и Сингапур. В 1999 г. свыше 100 человек было казнено в Китае, Конго, Иране и Саудовской Аравии.

А вот некоторые сведения по бывшему СССР и России.

По далеко не полным данным были приговорены к смертной казни (расстрелу) с 1921 по 1953 г. 826 589 человек (в среднем 25 830 человек в год).[729] Только за страшные 1937–1938 гг. были приговорены к расстрелу 681 692 человека. В это число не входят осужденные к «десяти годам лишения свободы без права переписки», что на петушином языке сталинской юстиции означало смертную казнь, а также огромное количество уничтоженных без суда и следствия. С 1962 по 1984 г. были приговорены к смертной казни 22 235 человек (в среднем по 967 осужденных ежегодно). С 1985 по 1990 г. (годы горбачевской перестройки) осуждено к смертной казни 2317 человек, или 386 в год. За все названные годы доля реально казненных достигала 90 % (а в годы сталинского «большого террора» – около 100 %). Так, в 1985 г. было казнено 770 человек, помиловано – 20, в 1986 г. – соответственно 526 и 41, в 1987 г. – 344 и 47, в 1988 г. – 271 и 72, в 1989 г. – 276 и 23, в 1990 г. – 195 и 29.[730] По другому источнику (данные за 1985–1990 гг. отличаются от

вышеприведенных), в 1992 г. был казнен 1 человек, помилованы 55, в 1993 г. – соответственно 4 и 149, в 1994 г. – 19 и 134, в 1995 г. – 86 и 5.[731]

Рассмотрим подробнее динамику приговоров к смертной казни за 1986–1998 гг.: 1986 г. – 225 осужденных к смертной казни, 1987 г. – 120 человек, 1988 г. – 115, 1989 г. – 100, 1990 г. – 223, 1991 г. – 147, 1992 г. – 159, 1993 г. – 157, 1994 г. – 160, 1995 г. – 143, 1996 г. – 153, 1997 г. – 106,1998 г. – 116 человек. [732] Всего за 1986–1998 гг. осуждены к смертной казни 1924 человека (или 148 человек в год). Некоторые обобщенные данные представлены в табл. 16.2.

Таблица 16.2

Смертная казнь в СССР (1921 1990) и России (1986–1998)

Периоды	Приговорено к смертной казни	В среднем за один год
1921—1953	826 589	25 830
1962—1984	22 235	964
1985—1990	2317	386
1986—1998	1924	148

По различным источникам (газеты «Известия», «Московские новости», журналы «Итоги» и «Terra Incognita») в 1989–1991 гг. приговор исполнялся в отношении 48,5–61,3 % осужденных. С 1986 по 1996 г. были казнены 814 осужденных, помилованы – 427. В 1996–1997 гг. помилованных не было, в 1998 г. помиловано 149 человек.

В связи с объявленным мораторием на исполнение приговоров к смертной казни последний из них был исполнен 2 сентября 1996 г. Напомним, однако, что Государственная Дума до сих пор не приняла закон об отмене смертной казни и не ратифицировала подписанный президентом Б. Ельциным Протокол № 6 к Европейской конвенции по правам человека, запретивший применение смертной казни в мирное время в странах, подписавших Конвенцию. Не ратифицирован Думой и Протокол № 13 к Европейской конвенции, полностью отменивший смертную казнь (как в мирное, так и в военное время). В феврале 1999 г. Конституционный Суд РФ приостановил право всех российских судов на вынесение приговоров к смертной казни, поскольку конституционное право быть судимым судом присяжных не обеспечено фактически (такие суды действуют только в 9 субъектах федерации из 89). Однако такое решение Конституционного Суда является компромиссным. Необходимо ратифицировать Протоколы № 6 и 13 к Европейской конвенции и законодательным путем исключить наказание в виде смертной казни.

В царской России за 80 лет с 1826 по 1906 г. были приговорены к смертной казни 612 человек (около 8 в год), из них казнены в среднем 2 человека в год.[733] Так, по делу декабристов были приговорены к квалифицированной смертной казни (отсечение головы, четвертование) 39 человек, казнены – 5 (повешены); за участие в польском восстании 1830 г. приговорены к смерти 262 человека, ни один из них не был казнен («не были разысканы»); по делу петрашевцев 1849 г. приговорен к расстрелу 21 человек, ни один не был казнен.

Советская и постсоветская Россия в течение длительного периода времени относилась к числу стран (наряду с Китаем, Ираком, Ираном, Нигерией) с самыми высокими показателями осуждения к смертной казни и ее реального применения.

§ 3. Лишение свободы

В современном мире вторым по тяжести наказанием после смертной казни является лишение осужденного свободы. Этот вид наказания также имеет длинную историю, хотя появился значительно позже смертной казни. Так, в уже упоминавшихся «Саксонском зерцале» (1230) и «Каролине» (1532) предусматривались, помимо смертной казни, обрезание ушей, обрезание носа, выкалывание глаз, обрубание пальцев и рук, пытка раскаленными щипцами и т. п. – лишение свободы занимало третьестепенное место. Лишь с XVI в. лишение свободы получает распространение, а с XVIII в. становится наиболее применяемым видом наказания.

Многочисленные реформы тюрьмы (филадельфийская, или пенсильванская, система одиночного заключения, оборнская система молчания, английская и ирландская прогрессивные системы, борстальская система реформаториумов, концентрационные лагеря, современные системы «коррекции» и пробаций и др.) не изменили ее сущность: осужденный лишался свободы, находился под стражей при необходимости строго соблюдать режим, предписываемый той или иной тюремной системой. Побег из заключения сам по себе является преступлением, влекущим дополнительное наказание (чаще всего – новый «срок»).

«Известны все недостатки тюрьмы. Известно, что она опасна, если не бесполезна. И все же никто "не видит", чем ее заменить. Она – отвратительное решение, без которого, видимо, невозможно обойтись».[734]

Итак:

• Институт тюрьмы не вечен. Он возник исторически и

видоизменялся на протяжении истории.

• Тюрьма (лишение свободы) никого не исправляет; она служит школой повышения криминального мастерства, профессионализма; она калечит людей психически, а то и физически. Содержание пенитенциарной системы требует огромных финансовых затрат, ложась тяжким грузом на налогоплательщиков. *Лишение свободы – неэффективная мера наказания с многочисленными негативными побочными последствиями.*

• При этом тюрьма «незаменима» в том отношении, что человечество не придумало *пока* ничего лучшего (более эффективного) для защиты общества от тяжких преступников. (Напомним, впрочем, что человечество много веков не находило средств для предупреждения опасных действий со стороны душевнобольных, и тогда их приковывали цепями, содержа наравне с осужденными за преступления. Лишь развитие медицины, психиатрии позволило отказаться от варварского обращения с лицами, страдающими тяжелыми психическими расстройствами).

• Человечество потихоньку, ощупью, шаг за шагом двигается к постепенной замене лишения свободы иными мерами социального контроля – штрафными санкциями, ограничением свободы, общественными работами, иными альтернативными мерами воздействия, альтернативной юстицией.

Пенитенциарная практика

Одним из интегральных показателей жесткости уголовной юстиции служит уровень заключенных на 100 тыс. жителей. Сравнительные данные по ряду стран за несколько лет[735] представлены в табл. 16.3.

Таблица 16.3

Уровень заключенных (на 100 тыс. населения) в некоторых странах

	1990	1992	1994	1999	2000	2001	2005
Австралия	83	88	94	108	113	116	–
Австрия	90	95	92	85	84	87	107
Англия с Уэльсом	88	89	95	125	124	129	143
Бельгия	59	71	74	80	83	83	90
Болгария	125	–	110	–	–	116	158
Венгрия	119	154	124	161	157	171	162
Германия	–	–	–	97	97	85	96
Дания	62	64	67	66	61	58	76
Испания	–	–	–	111	114	116	142
Италия	45	84	89	89	94	96	102
Канада	111	113	118	123	123	101	–
Колумбия	99	82	85	–	–	–	–
Латвия	320	–	375	–	–	370	313
Литва	230	–	360	–	257	273	233
Мексика	108	96	93	–	–	–	–
Нидерланды	46	49	57	84	87	94	134
Норвегия	–	–	–	56	56	58	67
Польша	120	–	160	142	170	207	216
Россия	470	520	580	729	729	673	577
США	465	519	554	682	685	689	–
Финляндия	68	69	62	46	56	60	73
Франция	–	–	–	91	80	77	92
Чехия	80	–	190	224	208	188	186
Швеция	61	63	70	111	64	69	78
Эстония	220	–	270	303	325	351	327
ЮАР	–	–	–	327	385	411	–
Япония	38	36	37	43	47	50	–

Мы видим, во-первых, что в большинстве стран прослеживается тенденция к росту тюремного населения. Очевидно, это дало основание Н. Кристи задать вопрос: «Вперед, к ГУЛАГу западного образца?» К сожалению, это реакция на популистски раздуваемый все возрастающий страх населения, прежде всего «среднего класса», перед преступностью, «мафией». Во-вторых, Россия и США упорно сражаются за 1–2-е место в этом позорном списке. Кстати говоря, это вторая причина, наряду с сохранением смертной казни, по которой я не могу отнести США ко вполне цивилизованным странам…

Как уже отмечалось, для оценки тяжести такого наказания, как лишение свободы, большое значение имеют *реальные условия* отбывания наказания. По этому критерию существуют огромные различия между странами. «Масштабы лишений, которым подвергает людей тюрьма, существенно разнятся. Одни заключенные живут в комнатах на одного с индивидуальным умывальником и туалетом, телевизором и персональным

компьютером, возможно, проходя заочно университетский курс и раз в неделю встречаясь в приватной обстановке с супругами или партнерами. Другие живут в спартанских хижинах в лагере и трудятся на тюремных фабриках, внося свой вклад в экономику страны. Третьим просто нечего делать – только изо всех сил стараться выжить в грязном, лишенном необходимых санитарных условий тюремном бараке, не имея никакой другой пищи и лекарств, кроме тех, о которых могут позаботиться их семьи».[736] Наиболее благополучное положение – в странах Западной Европы, существенно хуже – в США, самые неблагоприятные условия в пенитенциарных учреждениях ряда стран Юго-Восточной Азии, Латинской Америки, Африки. Массовые нарушения элементарных прав человека в пенитенциарных учреждениях многих стран противоречат таким фундаментальным международным правовым актам, как Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Конвенция ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Специальным международным документом, направленным на обеспечение *минимальных* требований к условиям содержания заключенных, являются Минимальные стандартные правила ООН по обращению с заключенными.[737]

Российская пенитенциарная система

О состоянии тюремных учреждений *царской* России мы можем получить достаточно полное представление из работ отечественных авторов (С. Гогель, А. Кистяковский, Д. Тальберг), и прежде всего – М. Гернета,[738] а также из обширной мемуарной и художественной литературы (например, «Записки из мертвого дома» Ф. М. Достоевского).

Что касается *советского* периода российской истории, то длительное время единственным доступным источником информации о пенитенциарных учреждениях (под страхом оказаться там же) был «самиздат» авторов-диссидентов, начиная с «Одного дня Ивана Денисовича» и «Архипелага ГУЛАГ» А. И. Солженицына.

Официальная и научная, «без эмоций» информация появилась первоначально с грифом «ДСП» («Для служебного пользования»),[739] а затем и в открытой печати лишь в 70–80-х гг. XX столетия. Ценные материалы представлены в результатах периодических (1970, 1975, 1979, 1989, 1994, 1999 гг.) специальных переписей осужденных, проводимых НИИ МВД совместно с органами, исполняющими наказание.[740]

Тюремной субкультуре и психологии заключенных

посвящены работы Г. Хохрякова и В. Пирожкова.[741]

Много информации, особенно ценной, поскольку учитывается передача пенитенциарных учреждений из МВД в МЮ РФ, содержится в книге А. И. Зубкова, Ю. И. Калинина, В. Д. Сысоева.[742]

Обширная литература, подробно освещающая ситуацию в российских пенитенциарных учреждениях, издается Общественным Центром содействия реформе уголовного правосудия (руководитель – В. Абрамкин).[743]

Немало данных о российских «зонах» имеется в бюллетенях, книгах и иных материалах «Международной амнистии» («Amnesty International»), «Международной тюремной реформы» («Penal Reform International»), «Международного общества прав человека» («Internationale Geselschaft für Menschenrechte»), Московской Хельсинкской группы.

С 2004 г. выходит ежемесячный журнал «Неволя», содержащий огромный фактический материал о сегодняшнем состоянии российской пенитенциарной системы.

Отметим некоторые особенности современной российской пенитенциарной системы. При этом следует заметить, что описываемые ниже многочисленные недостатки и пороки не исключают фактов добросовестного исполнения служебного долга многими сотрудниками пенитенциарных учреждений, которые (сотрудники) сами нередко становятся заложниками системы.

Количественные показатели[744]

На 1 мая 2007 г. в пенитенциарных учреждениях России всех типов содержались свыше 888,1 тыс. человек, или около 617 чел. на 100 тыс. населения. 90 % заключенных находились в учреждениях системы ФСИН (Федеральной службы исполнения наказания). Всего на 1 мая 2007 г. в эту систему входили 766 исправительных колоний (ИК), 62 воспитательные колонии (ВК) для несовершеннолетних, 216 следственных изоляторов (СИЗО), 7 тюрем и 160 учреждений, функционирующих в режиме следственных изоляторов. Кроме того, в ведомстве Министерства обороны находятся дисциплинарные батальоны, в которых отбывают наказание военнослужащие, осужденные за совершение преступлений, а под эгидой Министерства здравоохранения – специальные психиатрические больницы (СПБ) для осужденных, признанных психическими больными.

В ИК содержались 709,9 тыс. человек, в СИЗО и тюрьмах – 165,9 тыс. человек, в ВК – 12,1 тыс. человек. В пенитенциарных учреждениях находились 62,4 тыс. женщин, а в 11 домах ребенка при женских ИК – 713 детей.[745]

Динамика заключенных в российских пенитенциарных учреждениях выглядит следующим образом: 1998 г. – свыше 1 млн 100 тыс. человек, 1999 г. – свыше 1 млн 4 тыс., 2000 г. – 975 072, 2001 г. – 980 151, 2002 г. – 877 383, 2003 г. – 847 004, 2004 г. – 763 115, 2005 г. – 823 451, 2006 г. – 871 693, 2007 г. – свыше 888 тыс. человек. Таким образом, тенденция сокращения контингента заключенных в 1998–2004 гг. сменилась ростом этого показателя в 2005–2007 гг.

Наполняемость пенитенциарных учреждений

В 1999–2000 гг. СИЗО были переполнены в 2–2,3 раза, а в 2001 г. в 1,6 раза по сравнению с нормативами. В среднем на 1 человека приходилось 1,73 кв. м камерной площади, а в некоторых учреждениях – 0,5 кв. м, так что заключенные вынуждены были спать по очереди. Из объяснений представителей Государственной Думы и членов международных организаций: «Заключенным приходится спать по очереди», «Не все заключенные имеют возможность присесть… Стол рассчитан максимум на 10 человек. Основной массе заключенных приходится есть стоя», «Остальные стоят, как в трамвае, потому что им нет даже места, чтобы сесть на пол». ИК общего режима переполнены в 1,1 раза, учреждения для больных туберкулезом – в 1,45 раза.

В 2002–2006 гг. контингент СИЗО также превышает нормативы, но значительно меньше.

Социально-демографический состав осужденных к лишению свободы

Благодаря вышеназванным специальным переписям заключенных и сравнительному анализу их результатов, имеются обширные данные о социально-демографическом составе лиц, отбывающих наказание в пенитенциарных учреждениях различного вида (ИК общего, строгого, особого режимов, для отбывающих пожизненное заключение; ВК общего и усиленного режимов; тюрьма общего и строгого режимов; колонии-поселения) и на различных условиях (обычные, облегченные, строгие, льготные – в ВК). Приведем лишь некоторые обобщенные данные.[746] Сравнение проводится по переписям 1970, 1979, 1989, 1994, 1999 гг.

Пол

Доля мужчин в ИК колебалась от 82 % в 1989 г. до 87,1 % в 1970 г., в 1999 г. – 85,2 %. Понизился удельный вес отбывающих наказание в ИК строгого режима с 44,6 % в 1994 г. до 37,6 % в 1999 г. и в ИК особого режима (за тот же период с 6,4 до 2,8 %).

Доля *женщин* в ИК колебалась от 3,8 % в 1994 г., до 6 % в 1970 г., в 1999 г. – 5,5 %. В 2007 г. женщины составили 7,2 %

заключенных.[747]

В целом доля женщин среди осужденных сокращалась от 6 % в 1970 г. до 4 % в 1994 г. с ростом до 5,9 % в 1999 г. Удельный вес женщин в тюрьмах – 0,3 % (1999).

Возраст

В 1999 г. осужденные к лишению свободы распределялись по возрастным группам следующим образом: 20–29 лет – 43,5 %, 30–39 лет – 27,1 %,40–49 лет – 15,9 %, 14–19 лет – 8,6 % (14–17 лет – 3,3 %), 50 лет и старше – 4,9 % (60 лет и старше – 0,7 %). Поскольку возрастные интервалы названных групп не равновелики, корректнее рассматривать *относительную плотность распределения* осужденных по возрасту (доля, приходящаяся на величину интервала в один год). Этот показатель в том же году составил для возрастных групп: 20–29 лет – 4,4; 18–19 и 30–39 лет – по 2,7; 40–49 лет – 1,6; 16–17 лет – 1,1; 14–15 лет – 0,6; 50–59 лет – 0,4; 60 лет и старше – 0,1. Итак, наиболее представлена в местах лишения свободы группа 20–29-летних, примыкают к ней по степени «призонизации» 18–19– и 30–39-летние, наименее «призонизированы» лица старше 50 лет. Думается, что такой возрастной состав контингента пенитенциарных учреждений отражает, прежде всего, различия в степени латентности «уличной» преступности и «беловоротничковой» – удела старших возрастных групп, а также селективность милиции и уголовной юстиции.

Возрастная динамика заключенных представляется следующим образом. Доля 14–15-летних сокращается от 0,5 % в 1970 г. до 0,2–0,3 % в 1979, 1989, 1994 гг., но увеличивается до 1,1 % в 1999 г. Удельный вес 16–17-летних снижается от переписи к переписи с 3,7 до 2,2 %. В 2007 г. доля несовершеннолетних заключенных составила 1,3 %. Если 18–19-летние в 1970 и 1979 гг. составляли соответственно 27,6 и 29,7 % всех осужденных к лишению свободы, то в годы последующих переписей их доля сократилась до 5–5,3 %. Удельный вес 20–29-летних возрастает от переписи к переписи с 16,7 до 43,5 %. Динамика остальных возрастных групп – без выраженных тенденций: 30–39 лет – от 22,6 % в 1979 г. до 33,5 % в 1994 г. (1999 г. – 27,1 %); 40–49 лет – от 11 % в 1989 г. до 16,4 % в 1994 г. (1999 г. – 15,9 %); 50–54 года – от 2,4 % в 1970 г. до 3,9 % в 1979 г. (1999 г. – 2,6 %); 55–59 лет – 1,2–2,3 %, свыше 60 лет – 0,7–1,2 %.

Средний возраст осужденных к лишению свободы составил: 1970 г. – 31,9; 1979 г. – 31,6; 1989 г. – 32,1; 1994 г. – 32,6; 1999 г. – 31,5.

В 1999 г. наиболее представительная группа в мужских ИК

общего режима – 20–39 лет (76,9 % от общего числа отбывающих наказание в ИК этого вида, средний возраст – 29,4 года), в ИК строгого режима – 25–49 лет (77,6 %, средний возраст – 34,6 года), в ИК особого режима – 30–49 лет (65,7 %, средний возраст – 38,7 лет). Женщины в целом старше мужчин. Наиболее представительная возрастная группа в женских ИК общего режима – 20–49 лет (88,6 %, средний возраст – 34 года), в ИК строгого режима – та же группа, но 90,3 % при среднем возрасте 35,5 лет.

В тюрьмах (где отбывают наказание по приговору суда наиболее опасные преступники) самая представительная группа – 25–49 лет (93,3 %, средний возраст – 33,8 лет).

Семейное положение

Удельный вес не состоявших в браке вырос от переписи к переписи с 49,4 до 69,1 % (для мужчин в ИК в 1999 г. – 68,6 %, для женщин в ИК – 62,9 %, для ВК – 88,8 %, для тюрем – 59,1 %). Семья распалась до осуждения у 10–12 % заключенных. Из состоявших в браке семьи распались за время отбывания наказания у 23,3 % осужденных в 1970 г. с последующим возрастанием до 32,4 % в 1999 г. (в мужских ИК в 1999 г. – 31,5 %, в женских ИК – 47,7 %, в ВК – 30,4 %, в тюрьмах – 39,4 %). Вступили в брак за время отбывания наказания – 2,1–2,9 % (только из числа ранее не состоявших в браке – 3,0–3,9 %), в том числе в 1999 г. в мужских ИК – 2,7 %, в женских ИК – 1,1 %, в ВК – 2,2 %, в тюрьмах – 2,4 %. Как следует из приведенных данных, у женщин чаще распадается семья за время отбывания наказания и они реже вступают в брак, находясь в колонии. Между тем наличие семьи для женщин обычно важнее, чем для мужчин, так что и по этому показателю женщины теряют при осуждении к лишению свободы больше.

Образование

Образовательный уровень заключенных возрастает по мере роста уровня образования населения в целом. Поэтому неудивительно, что среди контингента пенитенциарных учреждений доля лиц с высшим образованием выросла с 1970 по 1999 г. с 0,7 до 1,3 %, со средним специальным и незаконченным высшим образованием – от 3,7 до 14,9 %, со средним общим образованием – от 11,6 до 48,1 %. Одновременно удельный вес лиц с неполным средним образованием сократился с 68,1 до 30,4 %, а с начальным образованием и ниже – с 15,9 до 5,3 %. Средний образовательный уровень (в условных годах обучения) вырос с 7,1 до 9,4.

Женщины оказались более образованными не только на воле, но и в местах лишения свободы: средний образовательный

уровень в мужских ИК – 9,5, в женских – 9,6. Может показаться удивительным, что уровень образования (и по удельному весу лиц с высшим образованием – 2,2 %, и по среднему образовательному уровню – 9,8) наиболее высок среди мужчин, находящихся в ИК для отбывания пожизненного заключения. Относительно высокий и средний образовательный уровень у лиц, осужденных к тюремному заключению (9,7).

Следует отметить, что образовательный уровень осужденных в целом был значительно ниже, чем в населении.[748] Так, в 1970 г. с высшим образованием в населении РСФСР (старше 10 лет) было 4,4 %, в 1979 г. – 7,1 %, тогда как среди заключенных соответственно 0,7 и 0,8 %; со средним специальным и незаконченным высшим образованием за те же годы в населении – 8,6 и 13,1 %, среди осужденных – по 3,7 %.

Социальный состав

По переписи 1999 г. род занятий осужденных до их ареста распределялся следующим образом: рабочие – 29,3 %, служащие (включая работников правоохранительных органов – 0,4 % и военнослужащих – 1,1 %) – 3,2 %, крестьян – 1,9 %, предпринимателей – 1,8 %, учащихся – 3,7 % (в том числе – ПТУ – 1,4 %, средних школ – 1,5 %, средних и высших профессиональных заведений – 0,6 %), домохозяйки и неработающие пенсионеры – 1,4 %, безработные – 1,3 %, отбывали наказание в местах лишения свободы – 0,5 %. Удельный вес не работавших, не учащихся, не имеющих постоянного источника доходов вырос с 10,6 % в 1970 г. до 56,3 % в 1999 г. Наибольшая доля последней категории (1999) среди женщин в ИК – 70,8 % (а в ИК строгого режима – 75,6 %). Это еще одно напоминание об «исключенных».

Трудоспособность

Трудоспособность осужденных упала с 96 % в 1989 г. до 85,7 % в 1999 г. При этом доля инвалидов III и II групп несколько сократилась: соответственно с 1,6 до 0,9 % и с 2,3 до 1,2 %. Несколько выросла доля нетрудоспособных по возрасту (до 0,9 % в 1999 г.) и ограниченно годных к труду (до 11,2 % в 1999 г.). Трудоспособность в мужских ИК в 1999 г. – 84,4 %, в женских ИК – 90,1 %, в ВК – 92,6 %, в тюрьмах – 85,7 %.

В 1999 г. отбывали наказание с назначенным принудительным или обязательным лечением: от алкоголизма – 8,2 % (в 1989 г. – 21,1 %), от наркомании – 4,5 % (в 1989 г. – 2,5 %), от туберкулеза – 2,2 % (в мужских ИК для отбывания пожизненного заключения – 6,8 %), от венерических заболеваний – 0,3 % (при переписях 1989 и 1994 гг. – 0,1 %), от токсикомании – 0,1 %. Страдали психическим расстройством – 2,1 % (в ВК

усиленного режима – 5,8 %).

Питание

Расчетная стоимость минимальной нормы питания на одного осужденного в первом полугодии 1998 г. составляла 225 руб. в месяц, из бюджета было реально профинансировано 142 руб. в месяц, к середине года расходы сократили до 22 руб. в месяц… Из беседы с зам. министра юстиции Ю. И. Калининым: «У нас на питание одного заключенного в сутки из бюджета всего 67 копеек выделяется». Из рассказов и писем заключенных: «Собак так не кормят, как нас», «Здесь нас морят специально – это же и есть самая главная несправедливость, что меня как животное какое-то морят голодом специально». В 2001 г. предполагалось финансирование питания на одного заключенного из расчета 22 руб., но фактически сумма не превышала 15–17 руб. на человека.

Санитарно-гигиенические условия в местах лишения свободы ниже всякой критики. Это, прежде всего, относится к следственным изоляторам (СИЗО), но в значительной степени и к колониям (ИК, ВК). В СИЗО переполненность камер, духота, недостаток кислорода и при всем этом – «питание» и «туалет» (так называемая «параша») в том же помещении. Предоставим слово сторонним наблюдателям (из отечественных правозащитных организаций и международных органов): «Открывается дверь тюремной камеры – и шибает оттуда горячим зловонием. Страшно входить в это логово, где мгла и с потолка свисает темное тряпье (это арестантское белье)», «Через сильно зарешеченное окно свет почти не поступает… Кажется, что мухи и сигаретные бычки повсюду, и нет почти никакого движения воздуха», «При входе в общую камеру в лицо ударяет волна удушливого, тяжелого и зловонного газа с запахом пота, мочи и испражнений… Кормят заключенных в камере, и в камере же они испражняются». Ежегодно летом в ряде СИЗО заключенные умирают от кислородного голодания и тепловых ударов. Из письма женщины, отбывающей наказание в одной из ИК: «Канализации здесь нет… По сути летом мы живем со всех сторон окруженные «благовониями» и мухами… Зимой постоянные перебои с ассенизаторскими машинами… Ямы [ассенизационные. – *Я. Г.]* переполняются, закрывают баню, прачку, умывальники и туалеты в секциях. О какой чистоте и элементарной гигиене можно вести речь?».

Объективности ради следует заметить, что к 2003 г. ситуация изменилась к лучшему, но продолжает оставаться тяжелой.

Заболеваемость

На 1 января 1999 г. в пенитенциарных учреждениях системы

ГУИН МЮ находились свыше 2,3 тыс. ВИЧ-инфицированных, 92 тыс. больных активной формой туберкулеза. Туберкулез – одна из страшных проблем современной российской тюрьмы. Ежегодно около 30 тыс. туберкулезных больных поступают в СИЗО, 35–40 тыс. осужденных вновь заболевают туберкулезом. При этом отсутствуют нормальные условия содержания таких больных, необходимое питание, а потребность в лекарствах и медицинском оборудовании обеспечивается лишь на 20–25 %. Некоторые обобщенные данные о заболеваемости и смертности от туберкулеза представлены в табл. 16.4.[749]

По данным ФСИН, за последние годы ситуация начала улучшаться. Так, в 2006 г. по сравнению с 2001 г. количество больных активной формой туберкулеза снизилось в два раза, заболеваемость уменьшилась в 2,5 раза, смертность – в 3,8 раза.[750] Однако, по данным международных организаций, рост больных туберкулезом продолжался по крайней мере до 2004 г., а рост ВИЧ-инфицированных с 1998 по 2003 г. был более, чем в 40 раз.[751] На 1 января 2007 г. общее число ВИЧ-инфицированных в пенитенциарных учреждениях составило более 39 тыс. человек.[752]

Согласно справке начальника Медицинского управления ГУИН (март 1999) «по причине нехватки мест в специализированных противотуберкулезных учреждениях примерно 15 тыс. туберкулезных больных содержится в изолированных участках ИУ, а около 2 тыс. – среди здоровых осужденных. Практически полностью прекращено проведение плановых хирургических операций, неуклонно растут показатели заболеваемости, смертности и инвалидизации осужденных. Оснащение медицинской техникой и оборудованием не превышает 15 % от необходимого».

В пенитенциарных учреждениях России развивается практически неизлечимая лекарственно-устойчивая форма туберкулеза (ЛУ ТБ), ею уже заражены 20 тыс. заключенных. В связи с миллионным контингентом заключенных и высочайшим уровнем их на 100 тыс. населения, а также быстротой распространения ЛУ ТБ, страна оказалась основным источником распространения этого заболевания в мире, что давно уже беспокоит мировую общественность.[753]

Пытки

Во-первых, сами условия нахождения в СИЗО, а то и в ИК носят пыточный характер (о чем прямо говорил начальник ГУИН МВД РФ, а затем ГУИН МЮ и ФСИН генерал Ю. Калинин: «Условия в наших следственных изоляторах по международным нормам можно квалифицировать как пытки. Это лишение сна,

воздуха, пространства»).

Во-вторых, пытки имеют место как для получения «признательных показаний» от подследственных в СИЗО, так и для наказания «злостных нарушителей режима» в ИК. Как уже отмечалось, незаконным физическим воздействием в отношении задержанных грешат сотрудники различных служб милиции. Не представляет исключения персонал пенитенциарных учреждений. В СИЗО имеются так называемые «пресс-хаты» – камеры, в которые помещают подследственных, не признающих свою вину, и где роль палачей выполняют другие заключенные, разумеется, за определенные льготы.[754] Печальную известность приобрели «Белые Лебеди» – пыточные колонии, куда направляются «злостные нарушители режима» из других ИК. Факты пыток многократно зафиксированы в прорвавшихся на волю жалобах заключенных, представителями отечественных и международных правозащитных организаций. Некоторые виды пыток распространены в различных регионах России и подробно описаны в прессе («слоник» – применение противогаза с прерыванием дыхания, «ласточка» – растяжка на веревках, «распятие Христа» – название говорит за себя, «конвертик» – пытаемого складывают как конверт для отправки, «смерть Бонивура»). Пытки стали повседневной практикой, заставившей «Общую газету» в конце 90-х гг. открыть постоянную рубрику «Пытки как будни России» (в последнее время эта рубрика исчезла, что вовсе не означает прекращения самих пыток…).[755]

Надо ли напоминать, что применение пыток противоречит Всеобщей декларации прав человека (ст. 5), Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, Европейской конвенции о защите прав человека (ст. 3), Конституции Российской Федерации (ст. 21) и само признается уголовным преступлением (ст. 302 УК РФ)?

В результате нашего исследования применения пыток в пяти регионах России (Санкт-Петербург, Псковская, Нижегородская, Читинская области и Республика Коми) в 2004–2005 гг. было установлено, что если среди населения этих регионов подвергались пыткам со стороны сотрудников правоохранительных органов в течение года 3,4–4,6 % жителей, то среди осужденных к лишению свободы еще до приговора суда пыткам подвергались 40–60 % обвиняемых.[756]

Тюремная субкультура

Когда общество или государство в той или иной форме отвергает или дискриминирует какую-либо группу населения, та образует субкультуру со своими ценностями, нормами, языком

(жаргон, сленг), традициями, образом жизни. Интеграция субкультурных групп является следствием давления социального контроля и по степени обратно пропорциональна ему. Вот почему чем терпимее, тем более открыто общество, тем менее «злостны» его субкультуры. Описанные выше условия отбывания наказания в пенитенциарных учреждениях не могут не стимулировать формирование тюремной субкультуры.[757]

За много десятилетий в отечественных пенитенциарных учреждениях сложилась достаточно устойчивая субкультура со своей иерархией (наиболее четко выраженной в мужской «зоне»), нормами («воровской закон», современные «понятия»), языком («блатная феня»). Как любая культура, тюремная субкультура со временем изменяется. Остановимся кратко на сложившейся структуре мужского контингента заключенных.

Во-первых, это неформальные лидирующие группы («воры», «блатные», «черная масть»). По данным Г. Хохрякова, в 90-е гг. они составляли 5–18 % заключенных. В этой группе (касте) есть свой лидер – «пахан», «авторитет». «Блатные – это реальная власть на некоторых зонах ["черных". – *Я. Г.],* власть, которая борется с властью официальной, т. е. с администрацией зоны. Кроме власти, блатные имеют привилегии: право не работать, право оставлять себе из общака все, что сочтут нужным. У блатных есть и обязанности. Правильный пахан обязан следить за тем, чтобы зона «грелась», т. е. получала нелегальными путями продукты, чай, табак, водку, одежду. Он обязан также решать споры, возникающие между другими заключенными, и вообще не допускать никаких стычек между ними, следить за тем, чтобы никто не был несправедливо наказан, обижен, обделен».[758]

Во-вторых, осужденные, сотрудничающие с администрацией учреждения («козлы», «актив», «суки», «красная масть»). Пенитенциарные учреждения, где реальная власть у администрации, носят название «красной зоны».

В-третьих, основная масса («нейтральные», «мужики», «серая масть»), составляющая 70–75 % заключенных.

Наконец, в-четвертых, «отверженные» («опущенные», «обиженные», «петухи», «голубая масть»). Они составляют 3–11 % заключенных. В «отверженные» попадают за различного рода серьезные проступки, с точки зрения тюремного сообщества, «воровского закона», а также благодаря своим личным свойствам – неопрятные, опустившиеся, пассивные гомосексуалисты. «Нарушители норм сообщества в самом деле отвергаются: у них свои и, разумеется, худшие спальные места; свой стол в столовой, места в кинозале. Они моются в бане отдельно и в последнюю очередь… Они оказываются в своеобразной "двойной изоляции":

сначала их отгородило от себя общество, а затем изгнало из своих рядов собственное сообщество. Оно наказало их не только изгнанием, но и обрекло на худшие и самые тяжелые работы… Грязные, оборванные, с затравленными выражениями лиц, с глазами, в которых навечно застыл испуг… Их спасает только то, что неформальные правила поведения запрещают общение с ними. Они неприкасаемые».[759]

Названная структура носит кастовый характер. Переход из касты в касту «наверх» крайне затруднен, а для «отверженных» невозможен. Перевод из трех первых каст в четвертую возможен в порядке наказания. Законы сообщества свято выполняются, особенно у «малолеток» – в ВК.[760] В результате именно в ВК для несовершеннолетних царит невиданная жестокость заключенных по отношению друг к другу.

Администрация пенитенциарных учреждений нередко пытается использовать противоречия «черной» и «красной» масти. Печально известная «сучья война» конца 40-х – начала 50-х гг. прошлого столетия унесла тысячи жизней, но не достигла планировавшегося тюремщиками результата – истребления тюремной субкультуры руками самих заключенных.[761] К сожалению, история плохо учит, и в наши дни администрация колоний пытается всех заключенных привлечь в «секции дисциплины и порядка» («красные»), прибегая к запугиванию, побоям, пыткам. Сломленные осужденные, вступая в эти секции, начинают «прессовать» других заключенных, становясь их врагами со всеми вытекающими последствиями.

В результате необоснованного, а часто и незаконного усиления режима, 2007 г. ознаменовался значительным числом массовых волнений и беспорядков в ИК и тюрьмах страны.[762]

Пенитенциарная криминология исследует и преступления, совершаемые в местах лишения свободы. Здесь мы ограничимся отсылкой к соответствующей литературе.[763]

Глава 17
Профилактика преступлений

Лучше предупреждать преступления, чем наказывать.

Ш. Монтескье

§ 1. Основные понятия

По сравнению с наказанием идея *превенции* в современной криминологии представляется, несомненно, более прогрессивной и перспективной.

Под предупреждением (профилактикой, превенцией) преступности и иных форм девиантности понимается такое воздействие общества, институтов социального контроля, отдельных граждан на криминогенные (девиантогенные) факторы, которое приводит к сокращению и/или желательному изменению структуры преступности (девиантности) и к несовершению потенциальных преступных (девиантных) деяний.

Теоретически о возможностях и предпочтениях предупреждения преступлений известно с древних времен (Платон, Аристотель). В Новое время приоритет превенции был четко провозглашен Ш. Монтескье в «Духе законов»: «Хороший законодатель не столько заботится о наказании за преступление, сколько о предупреждении преступлений: он постарается не столько карать, сколько улучшать нравы»,[764] а затем повторен и развит Ч. Беккариа («О преступлениях и наказаниях»). Комментируя идею превенции в работе Беккариа, Вольтер назвал предупреждение преступлений «истинной юриспруденцией».

В современной мировой криминологии различают три уровня превенции: *первичную (primary prevention)* – близкую по смыслу отечественной «общесоциальной профилактике», т. е. воздействию на среду экологию, экономические, социальные, политические условия жизни населения в целях их улучшения, гармонизации; *вторичную (secondary prevention)* – аналог отечественной «специальной профилактики», рассчитанной на обеспечение мер безопасности, воздействие на «группы риска», устранение обстоятельств, способствующих совершению преступлений; и *третичную (tertiary prevention),* или «индивидуальную профилактику» в отечественной криминологии.

К направлениям *общесоциальной* профилактики относятся,

например, повышение уровня жизни беднейшего населения, сокращение разрыва между наиболее и наименее обеспеченными слоями (реальное уменьшение децильного коэффициента и индекса Джини), повышение вертикальной мобильности, формирование в обществе цивилизованного правосознания, атмосферы доброжелательности и терпимости и т. п.

Меры *специальной* профилактики (отечественные авторы выделяют в ее рамках криминологическую, уголовно-правовую, уголовно-процессуальную, уголовно-исполнительную, криминалистическую и др.) весьма разнообразны – от установки металлических дверей, решеток на окнах, охранной сигнализации, домофонов до эффективной уголовной политики, совершенствования уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, организации «соседского контроля», обеспечения *«community policing»,* т. е. взаимодействия населения и полиции (милиции), и т. п. К уголовно-процессуальным мерам профилактики можно отнести и применение следствием и судом предоставленного права (обязанности) указывать должностным лицам посредством представлений и частных определений на выявленные в процессе расследования обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, с целью их устранения.

Индивидуальная профилактика предполагает работу с конкретными людьми – подростками, состоящими на учете в милиции, наркопотребителями, лицами, освобождающимися и освобожденными из мест лишения свободы, и т. п.

Разумеется, идея предупреждения преступности значительно разумнее, демократичнее, либеральнее, прогрессивнее, чем «борьба» и репрессии. Но насколько она реалистична и эффективна, может ли она служить панацеей от криминальных бед?[765]

Во-первых, что служит *объектом* превенции, если девиантность в целом и преступность в особенности есть некий конструкт, продукт договоренности или субъективных решений (релятивность и конвенциональность преступности и девиантности). Если, как было показано выше, согласно букве уголовного закона 100 % взрослого населения страны – уголовные преступники, то кто же кого будет «профилактировать»?

Во-вторых, превенция предполагает воздействие на *причины* девиантности, преступности. Но кто сегодня решится сказать, что знает эти причины? В отечественной и зарубежной литературе называются сотни «причин» и факторов, известны десятки респектабельных концепций причин преступности и девиантности

(гл. 5, 6). Какие из них «принять за основу» и применять в профилактической деятельности?

Не удивительно, поэтому, в-третьих, что до сих пор нет достаточно убедительных данных об *эффективности* той или иной превентивной деятельности. В книге Д. Грэхема и Т. Бенетта собран большой материал по наиболее перспективным программам превенции. Но их успешность и результативность чаще всего не выявлены.[766]

Наконец, в-четвертых, существует серьезная опасность вырождения профилактики в попрание элементарных прав человека, ибо превенция всегда есть *интервенция* в личную жизнь. Проводя связь между «инструментальной рациональностью» превенции и Аушвицем (Освенцимом), H. Steinert говорил в 1991 г.: «Я вижу в идее превенции часть серьезнейшего заблуждения этого столетия».[767]

И все же сказанное не отрицает полезности усилий по предупреждению преступлений.

Во-первых, процессы организующие, упорядочивающие столь же объективны для общества, сколь и процессы дезорганизующие, девиантные.

Во-вторых, общество так или иначе будет реагировать на конвенционально определенную и полицией выявляемую преступность (наркотизацию, коррупцию и т. п.). А превенция предпочтительнее репрессии *post factum*.

В-третьих, совокупность мер primary, secondary, tertiary prevention способны в целом улучшать социальную обстановку, социальные условия бытия, создавать более человечную атмосферу и уже тем самым, в конечном итоге, служить сокращению бесчеловечных деяний.

В-четвертых, меры secondary и tertiary prevention (специальной и индивидуальной профилактики) при их разумном применении способны защитить конкретного человека, потенциальную жертву, спасти ее от возможных посягательств, что уже есть благо.

Применение мер профилактики должно иметь ограничения, препятствующие злоупотреблениям:

• как общий принцип – «не навреди»;

• эти меры должны соответствовать действующим правовым и моральным нормам;

• применение превентивных мер должно максимально отвечать правам человека;

• разработка и применение мер профилактики должно осуществляться высококвалифицированными профессионалами (юристами, психологами, педагогами, врачами, социальными

работниками), а волонтеры должны проходить предварительное обучение и стажировку.

§ 2. Практика профилактики преступлений в современном мире

Превенция преступлений за рубежом[768]

Рост преступности и «кризис наказания» заставили зарубежных криминологов и практических работников обратиться к идее предупреждения преступлений.

Большое внимание превенции преступности уделяют *скандинавские страны.* В Швеции в 1974 г. был образован Шведский Национальный совет по предупреждению преступлений (The National Swedish Council for Crime Prevention) как государственное учреждение в системе Министерства юстиции. Советом руководит правление (коллегия) в составе 20 представителей государственных и коммунальных учреждений. Совет регулярно выпускает доклады – результаты криминологических исследований. Аналогичные Советы образованы в Норвегии и Финляндии. Совместно со Скандинавским криминологическим исследовательским советом (The Scandinavian Research Council for Criminology) они выпускают с 2000 г. специализированный журнал («Journal of Scandinavian Studies in Criminology and Crime Prevention»).

Активно развиваются теория и практика профилактики преступности в *Нидерландах.* О лучших превентивных программах, заслуживших премию (Роттердам, 1987, 1990; Цволле, 1988; Еншеде, 1989; Хельдер, 1991; Амстердам, 1992, 1995; Зандвоорт, 1993; Хаарлем, 1996), рассказывается в книге, посвященной «пионерам превенции».[769] Лучшие превентивные программы Великобритании, Бельгии и Нидерландов, получившие Европейскую премию 1997 г., представлены в другой книге, подготовленной также Министерством юстиции Нидерландов.[770]

Идеи «коммунальной превенции», профилактики преступлений на уровне города, района широко распространены в германоязычных странах – *Германии и Австрии.* «Безопасный город», роль граждан в обеспечении собственной безопасности, взаимодействие полиции и населения – основные темы, обсуждаемые и развиваемые в рамках этого подхода.[771]

Поскольку полиция – ближайший к населению институт охраны правопорядка и защиты населения, постольку в развитых современных странах идет поиск путей совершенствования взаимодействия, партнерства между населением и полицией в

целях повышения защищенности граждан, эффективности правоохранительной деятельности, минимизации незаконных действий полицейских. Одна из активно развиваемых стратегий – *«community policing»*.[772] Ее суть: формирование и развитие *партнерских* отношений между полицией и комьюнити – общиной, ее институтами; организация «соседского контроля» *(neighborhood-watch)* при консультативной помощи полиции. Важнейшая идеологема: *сервисное обслуживание* населения полицией. Полиция *служит* населению, обеспечивая безопасность каждого налогоплательщика. Основная функция полиции – защита населения, каждого жителя страны от преступных посягательств, защита законных прав и интересов граждан. Кстати говоря, это записано в качестве главной задачи в ст. 1 Закона РФ «О милиции».

Пожалуй, центром развития концепции *«community policing-»* и ее реализации в *США* является Чикаго. Возможно, это связано с традициями чикагской школы криминологии. Во всяком случае, и современные разработки ориентированы на тщательный экологический анализ города. Кроме того, исследуются взаимоотношения между населением города и полицией, возможности их сотрудничества в профилактике преступлений, а также в организации «соседского контроля».

Участники Чикагской ассамблеи «Crime, Communities and Public Policy» (1992) называют две базисные теоретические модели «community crime prevention»: неформальный социальный контроль и улучшение социальных условий.

Выше мы ссылались на выполненный Грэхемом и Бенеттом обзор лучших превентивных программ Европы и Северной Америки. Межрегиональный институт ООН по исследованию преступности и юстиции (UNICRI) в Риме в одном из своих обзоров, наряду с материалами по превенции берглэри, роли «соседского контроля» как примера партнерства в профилактике преступлений, называет семь элементов стратегии профилактики преступлений *(crime prevention),* выработанных с учетом программы профилактики Москвы:[773]

1. Содействие активной политике предупреждения преступности при участии правоохранительных органов и уголовной юстиции, основывающейся на международном опыте, получаемом через эффективные проекты, развиваемые Объединенными Нациями и другими соответствующими международными организациями.

2. Развитие долговременных планов, равно как и быстрое реагирование на преступность согласно запросам общественного мнения.

3. Улучшение координации профилактической деятельности на национальном, региональном и местном уровнях.

4. Поддержка вовлечения населения в профилактику преступлений посредством усиления доверия полиции со стороны общества.

5. Содействие посредством правоохранительных органов и уголовной юстиции охране и безопасности лиц и собственности.

6. Обхождение с жертвами /преступлений/ с уважением и пониманием их нужд и обеспечение быстрой помощи и информирования об их правах.

7. Регулярный мониторинг превентивных программ, основанный на надежной информации, анализе и публичных дискуссиях со всеми партиями.

Обобщая известные рекомендации по системе превенции,[774] можно назвать некоторые стратегические направления:

• Общесоциальные меры по сокращению социально-экономической дифференциации, безработицы, улучшению городской экологии и т. п.

• Программы поддержки семьи и детей.

• Программы поддержки и помощи тем, кто злоупотребляет алкоголем и наркотиками, освободился из мест лишения свободы, а также потерпевшим.

• Соседская взаимопомощь («соседский контроль»).

• Максимальное сокращение тюремного населения.

• Улучшение «техники безопасности» (освещение улиц, дворов, скверов, лестниц, охранная сигнализация, патрули местной полиции, электронные средства безопасности и т. п.).

Отечественная практика

Поскольку К. Маркс, а за ним В. Ленин повторили слова Монтескье о приоритете предупреждения преступлений по сравнению с карой за них, постольку идея приоритета превенции вошла в идеологию марксизма-ленинизма. Другой вопрос – как эта идея реализовывалась на практике…

Как уже отмечалось, первые годы после Октябрьского переворота 1917 г. новая власть еще пыталась играть в либеральные игры. Однако вскоре и надолго массовые репрессии стали основой реальной уголовной политики советского государства.

Идея превенции была реанимирована Н. Хрущевым, который на XX съезде КПСС (1956) высказался за приоритет профилактики преступлений, а затем повторил это на XXI съезде КПСС (1959): «Нужно предпринять такие меры, которые предупреждали бы, а потом и совершенно исключили появление у отдельных лиц

каких-либо поступков, наносящих вред обществу. Главное – это профилактика и воспитательная работа». На XXII съезде КПСС (1961) была принята новая Программа КПСС, согласно которой главное внимание «должно быть направлено на предотвращение преступлений». Н. Хрущев видел в профилактике панацею от «антиобщественных» проявлений, как в кукурузе – панацею от развала сельского хозяйства. Думается, он искренне верил в чудодейственную силу превенции и обещал пожать руку последнему преступнику в СССР…

При всей демагогичности и утопичности партийных заявлений эти идеологические клише позволяли ученым разрабатывать теоретические и методические основы превенции, а на практике наблюдались некоторая либерализация наказания, сокращение доли лиц, осуждаемых к реальному лишению свободы (многие обвиняемые и осужденные «отдавались на поруки и перевоспитание» трудовым и учебным коллективам), сопровождавшиеся снижением уровня регистрируемой преступности (с 1961 по 1965 г. на 19 %).

Именно в эти годы и позднее возникают многочисленные общественные организации по профилактике преступлений и иных правонарушений: товарищеские суды, народные дружины, советы профилактики на предприятиях, в учреждениях и организациях, а также служба профилактики в системе МВД. В учебных заведениях системы МВД вводится объемный курс профилактики преступлений.

По окончании хрущевской «оттепели» стали возрастать и репрессивность уголовной юстиции, и уровень преступности. Однако одним из важнейших направлений деятельности криминологов в 60–80-е гг. остается разработка теоретических и практических моделей профилактики противоправного поведения (Г. А. Аванесов, Ю. Д. Блувштейн, А. Э. Жалинский, К. Е. Игошев, Г. М. Миньковский, В. С. Устинов и др.). В 1976 г. выходит учебное пособие К. Е. Игошева по профилактике преступлений, [775] а в 1977 г. – коллективная монография, посвященная теоретическим основам профилактики. [776] Затем следует многочисленная литература по различным проблемам превенции: теории, методике, профилактике отдельных видов преступлений, планированию профилактики в органах МВД, регионах, в трудовых коллективах (в частности, в системе комплексного планирования социального и экономического развития) и др. [777]

Новые позитивные тенденции характеризуют период горбачевской «перестройки». Снижается доля лиц, приговариваемых к лишению свободы (с 45,2 % в 1985 г. до 33,7 % в 1987 г.); количество лиц, освобожденных от уголовной

ответственности с применением мер общественного воздействия, увеличивается с 1985 по 1988 г. на 76 %; одновременно снижается уровень преступности. Однако усложнившаяся социально-экономическая и политическая «постперестроечная» ситуация сводит на нет эти достижения.

Значительный рост преступности, неэффективность деятельности правоохранительных органов вновь выдвигает в 90-е гг. проблему предупреждения преступлений. Однако, с нашей точки зрения, вместо *развития* идей и практики превенции применительно к новым общественно-экономическим условиям, предпринимаются попытки некритического заимствования советского опыта, например, «возрождения» народных дружин. При этом совершенно не учитывается изменившаяся криминальная ситуация.

Во-первых, если в 60–70-е гг. студенты и преподаватели, рабочие и служащие с красными повязками на руках могли в какой-то степени способствовать «наведению порядка» на улицах крупных городов, то при сегодняшнем уровне криминализации подростков и молодежи, профессионализации и организованности преступности, общественники на улицах бессильны и бессмысленны. Во-вторых, в советское время три дополнительных дня к отпуску для народных дружинников могли служить стимулом такого рода общественной активности. Сегодня, в условиях пусть дикой, но рыночной экономики «это не стимул». В-третьих, существует реальная опасность вовлечения в ряды современных дружинников представителей экстремистских, националистических группировок. Подобные случаи в Московской области и Воронеже были описаны в прессе.

Другая попытка «задействовать общественность» заключается в привлечении казачьих формирований к охране правопорядка. Но казак с нагайкой – не самый лучший образ для российского населения.

Значительно плодотворнее обращение к идеям «соседского контроля» и взаимодействия населения и коммунальной милиции, но их реализация находится пока на начальном этапе.

Вместе с тем, справедливости ради, нельзя не назвать работы наступившего столетия, в которых содержится разносторонний анализ накопленного теоретического и практического опыта превенции в России и за рубежом.[778]

Заключение

Подводя итоги проделанной работы, назовем некоторые результаты, какими они представляются автору.

• Была предпринята попытка вписать криминологическую проблематику в более широкий научный контекст. С нашей точки зрения, это имеет принципиальное значение, ибо все социальные явления, включая предмет криминологии, опосредованы социальным целым, обществом, а оно само – лишь элемент системы Мироздания, развивающейся по единым законам.

• Возможно, автора упрекнут в чрезмерном обращении к иноязычной литературе. Но это – результат вполне сознательной попытки ввести в научный оборот элементы мировой науки. Впрочем, «не мировой» науки не существует. Вынужденный с советских времен изоляционизм – наша национальная беда, а не достоинство.

• По мере возможности в книге приводятся конкретные данные, характеризующие отдельные виды преступлений, преступность в целом, пенитенциарную практику, иногда – в сравнении с зарубежными государствами. К сожалению, цифровой материал быстро стареет. Но важно было показать некоторые возможности криминологического анализа имеющихся данных.

• При освещении проблем социального контроля над преступностью было уделено внимание как теоретическим вопросам, так и складывающейся мировой и отечественной практике. Пороки нашей уголовной политики и практики описывались не с целью «очернительства», а с надеждой когда-нибудь их минимизировать. Нельзя что бы то ни было улучшать, не видя или не понимая существующих недостатков и путей их устранения.

• В книге ясно прослеживается авторская позиция по большинству излагаемых проблем. Это не очень хорошо, с точки зрения требований объективности научных знаний. Но мне не приходилось встречаться с трудами в области общественных наук, включая криминологию, свободными от авторского субъективизма (разве что он старательно маскируется).

• Разумеется, многие темы и отдельные проблемы не получили должного, достаточно полного освещения.

• Наконец, помимо полного списка использованной литературы, нами предлагается «литературный минимум» для тех, кто хотел бы расширить свои знания в криминологии, прибегнув ко вполне доступной, а подчас и весьма

занимательной, с нашей точки зрения, литературе.

Литература

1. Абадинский Г. Организованная преступность. СПб ГУ, 2002 (ч. III: 114).[779]

2. Аберкромби Н., Хилл С, Тернер Б. Социологический словарь. Казань: Казанский ГУ, 1997 (ч. I: 175, 176, ч. II: 34, ч. III: 106, 128).

3. Абрамкин В. Ф. Поиски выхода: Преступность, уголовная политика и места заключения в постсоветском пространстве. М., 1996 (ч. IV: 81).

4. Абрамкин В., Чижов Ю. Как выжить в советской тюрьме: В помощь узнику. Красноярск, 1992 (ч. IV: 96).

5. Аванесов ГА. Криминология и социальная профилактика. М.: Академия МВД СССР, 1980 (ч. IV 115).

6. Аверинцев С. С. Византия и Русь: Два типа духовности // Новый мир. 1988. № 7 (ч. IV 58).

7. Аврутин Ю. Е., Гилинский Я. И. Криминологический анализ преступности в регионе: Методология, методика, техника. Л.: ЛВШ МВД, 1991 (ч. I: 47 52, ч. III: 41).

8. Актуальные аспекты проблемы толерантности в современном мире / Ред. И. Первова. СПб ГУ, 2004 (ч. III: 48).

9. Административный вестник. 1926. № 1 (ч. II: 151).

10. Американская социология: Перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс, 1972 (ч. II: 157).

11. Анисимков В. М. Россия в зеркале уголовных традиций тюрьмы. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003 (ч. I: 24).

12. Айдинян Р., Гилинский Я. Функциональная теория организации и организованная преступность // Организованная преступность в России: теория и реальность. СПб.: СПб ФИС РАН, 1996 (ч. 1:33,ч. III: 113,133).

13. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Л.: Изд-во ЛГУ, 1969 (ч. I: 159).

14. Антология мировой философии. Т. 1.4. 1. М.: Мысль, 1969 (ч. II: 3, 4, 5).

15. Антонян Ю. М. Преступность среди женщин. М. 1992 (ч. III: 261).

16. Антонян Ю. М., Блувштейн Ю. Д. Методы моделирования в изучении преступника и преступного поведения. М.: Академия МВД СССР, 1974 (ч. I: 46).

17. Антонян Ю. М., Бородин СВ. Преступность и психические аномалии. М.: Наука, 1987 (ч. III: 286).

18. Антонян Ю. М., Гульдан В. В. Криминальная патопсихология. М.: Наука, 1991 (ч. III: 286).

19. Антонян Ю. М., Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Личность преступника. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004 (ч. I: 149).

20. Антонян Ю. М., Ткаченко А. А., Шостакович Б. В. Криминальная сексология. М.: Спарк, 1999 (ч. III: 46).

21. Аргументы и факты. 1991. № 28 (ч. IV: 68).

22. Аристотель. Сочинения. Т. 4. М.: Мысль, 1983 (ч. II: 6, 7).

23. Аснер П. Насилие и мир: От атомной бомбы до этнической чистки. СПб.: Всемирное слово, 1999 (ч. III: 1, 6, 25).

24. Афанасьев В., Гилинский Я. Девиантное поведение и социальный контроль в условиях кризиса российского общества. СПб ФИС РАН, 1995 (ч. IV: 29).

25. Бабаев М. М., Крутер М. С. Молодежная преступность. М.: Юристъ, 2006 (ч. III: 236).

26. Бабиченко КН. Дискриминация и преступления на почве ненависти: квалификация и предупреждение. Дис… канд. юрид. наук. СПб., 2005 (ч. III: 54, 55, 58).

27. Бажан Т. А., Старков О. В. Религиоведение для юристов. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007 (ч. I: 27).

28. Бассин Ф. Тяжкое бремя легких аналогий // Диалоги. М., 1979 (ч. III: 9).

29. Бассиюни К. Воспитание народоубийц. СПб.: Академический проект, 1999 (ч. III: 1).

30. Бауман З. Мыслить социологически. М.: Аспект Пресс, 1996 (ч. IV: 12).

31. Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004 (ч. III: 81).

32. Бачинин В. А. Философия права и преступления. Харьков: Фолио, 1999 (ч. I: 34, 41, ч. II: 152).

33. Безруков СИ., Денисенко О. А., Ольков С. Г., Юзиханова Э. Г. Фундаментальное и прикладное криминологическое исследование преступности и управление органами внутренних дел. Тюмень: Вектор Бук, 2004 (ч. I: 47).

34. Бек У. Общество риска. М.: Прогресс-Традиция, 2000 (ч. III: 71).

35. Бекер Д. Понятие системного насилия // Проблемы теоретической социологии. СПб.: Петрополис, 1994 (ч. III: 24, ч. IV: 64).

36. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939 (ч. II: 11,12,13).

37. Белановский С. А. Методика и техника фокусированного интервью. М.: Наука, 1993 (ч. I: 50).

38. Белая Книга России. Франкфурт-на-Майне: МОПЧ, 1994 (ч. III: 272).

39. Белл Д. Преступление как американский образ жизни // Социология преступности (ч. II: 164).

40. Беляев Н. А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. Л.: ЛГУ, 1986 (ч. IV 30).

41. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995 (ч. I: 64, ч. III: 51).

42. Бернгард А. Стратегия терроризма. Варшава, 1978 (ч. III: 209).

43. Библер В. С. Мышление как творчество (Введение в логику мысленного диалога). М.: Изд-во политической литературы, 1975 (ч. II: 108).

44. Блувштейн Ю. Д. Криминология и математика. М.: Юридическая литература, 1974 (ч. I: 42).

45. Блувштейн Ю. Д. Криминологическая статистика. Минск: ВШ МВД, 1981(ч. 1:42,47).

46. Блувштейн Ю. Д., Добрынин А. В. Основания криминологии: опыт логико-философского исследования. Минск: Университетское, 1990(ч. I: 41).

47. Блувштейн Ю. Д., Зырин М. И., Романов В. В. Профилактика преступлений. Минск: Университетское, 1986 (ч. IV: 115).

48. Бойцов Л. Н., Гонтарь И. Я. Уголовно-правовая борьба с организованной преступностью: иллюзии, реальность и возможная альтернатива // Государство и право. 2000. № 11 (ч. III: 159).

49. Большая Советская Энциклопедия. 1-е изд. М., 1930 (ч. I: 82).

50. Большая Советская Энциклопедия. 2-е изд. М., 1952 (ч. I: 83).

51. Бонгер. Бродяжничество и нищенство // Уголовное право и социализм / Ред. М. Гернет. М., 1908 (ч. II: 37).

52. Боннардо Ж.-Л. Психоактивные средства и их действие // Импакт. 1985. № 1 (ч. III: 237).

53. Бор Н. Избранные научные труды. М.: Наука, 1971. Т. 2 (ч. I: 38, 39).

54. Бородай Ю. Психоанализ и «массовое искусство» // «Массовая культура» – иллюзии и действительность. М.: Наука, 1975 (ч. II: 187).

55. Босхолов С. С. Основы уголовной политики. М.: Юринформ, 1999 (ч. IV: 31, 32, 33).

56. Брейтуэйт Дж. Преступление, стыд и воссоединение. М.: Судебно-правовая реформа, 2002 (ч. II: 127).

57. Вандышев В. В. Жертвы тяжкого преступного насилия. СПб.: МИЭП, 2007 (ч. III: 45).

58. Васильев В. Л. Юридическая психология. СПб: Питер, 1997 (ч. I: 182).

59. Введенский Г. Е., Исаев Н. А., Ткаченко А. А., Амбарцумян Э. С. Криминальное профилирование лиц, совершивших серийные сексуальные убийства. Орел, 2005 (ч. III: 287).

60. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990 (ч. III: 23).

61. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984 (ч. II: 175,ч. III:22, 105,ч. IV 62).

62. Вебстер В. Х. Российская организованная преступность – проект глобальной организованной преступности. Вашингтон: Центр стратегических и международных исследований, 1997 (ч. III: 91).

63. Верховский А., Михайловская Е., Прибыловский В. Политическая ксенофобия: Радикальные группы, представления лидеров, роль церкви. М., 1999 (ч. III: 60).

64. Вестник восстановительной юстиции (перспективы для уголовной и ювенальной юстиции). М., 2000. Вып. 1 (ч. IV: 53).

65. Вестник восстановительной юстиции (Россия: в начале движения). М., 2001. Вып. 2 (ч. IV: 53).

66. Винер Н. Я – математик. М.: Наука, 1967 (ч. IV 13).

67. Вицин С. Е. Моделирование в криминологии. М.: Академия МВД СССР, 1973 (ч. I: 46).

68. Вицин С. Е. Системный подход и преступность. М.: Академия МВД СССР, 1980 (ч. I: 33).

69. Вишневецкий К. В. Криминогенная виктимность социальных статусов в современном обществе. Краснодар: Краснодарская Академия МВД РФ, 2005 (ч. I: 178).

70. Власть. 2000. Июнь (ч. III: 107).

71. Волженкин Б. В. Экономические преступления. СПб.: Юридический центр Пресс, 1999 (ч. III: 167).

72. Волошина Л. А. Тяжкие насильственные преступления: статистика и реальность // Тяжкая насильственная преступность в России начале 90-х годов. М., 1996 (ч. I: 137).

73. Вопросы статистики. 2004. № 2 (ч. I: табл. 3.6).

74. Ворожейкина Т. Картина мира. Без срока давности // The New Times. 2007. № 42 (03.12.2007) (ч. III: 198).

75. Воронина О. Ф. Женщина в «мужском обществе» // Социологические исследования. № 2. 1988 (ч. I: 152).

76. Ворошилов С, Гилинский Я. Военная девиантология. Кишинев, 1994 (ч. III: 270).

77. Восстановительная ювенальная юстиция. Сборник материалов. М.: Центр «Судебно-правовая реформа», 2005 (ч. IV 53).

78. Габиани А Преступность среди женщин. Тбилиси, 1986 (ч. III: 261).

79. Габиани А. А, Гачечиладзе Е. Е. Некоторые вопросы географии преступности (по материалам Грузинской ССР). Тбилиси. 1982 (ч. 1:14).

80. Габиани А. А., Гачечиладзе Р. Г., Дидебулидзе М. И. Преступность в городах и сельской местности. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1985 (ч. I: 180).

81. Габиани А., Меликишвили Л. Социальное лицо женщин-преступниц и проституток. Тбилиси, 1993 (ч. III: 261).

82. Габышев Л. Одлян, или Воздух свободы. М., 1990 (ч. IV: 98).

83. Гаврилов Б. Я. Способна ли российская статистика о преступности стать реальной? // Государство и право. 2001. № 1 (ч. I: 102, ч. III: 37).

84. Гальперин И. М. Наказание: социальные функции, практика применения. М.: Юридическая литература, 1983 (ч. IV: 37).

85. Гачев Г. Образ в русской художественной литературе. М.: Искусство, 1981 (ч. I: 159).

86. Геодакян В. А. Системно-эволюционная трактовка асимметрии мозга // Системные исследования: Методологические проблемы: Ежегодник 1986. М.: Наука, 1987 (ч. I: 153, 154, 155).

87. Гернет М. Н. Женщины-убийцы // Право и жизнь. 1926. № 6–7 (ч. III: 260).

88. Гернет М. Н. В тюрьме: Очерки тюремной психологии. Юрид. изд-во Украины, 1930 (ч. IV 42, 76).

89. Гернет М. Н. Преступность за границей и в СССР. М., 1931 (ч. I: 132).

90. Гернет М. Н. История царской тюрьмы. В 5 т. М.: Юридическая литература. 1960–1963 (ч. IV 76).

91. Гернет М. Н. Избранные произведения. М.: Юридическая литература. 1974 (ч. I: 127, 128, 129, ч. II: 129, 134, 135, 160, 161, 162, 163, ч. III:262,265).

92. Герцензон А. А. Введение в советскую криминологию. М., 1965 (ч. II: 143).

93. Гессен М., Семин В. Расстрел в рассрочку: Лучше плохое пожизненное заключение, чем хорошая смертная казнь // Итоги. 1996. 3 декабря (ч. IV 69).

94. Гилинский Я. Стадии социализации индивида // Человек и общество. Вып. IX. Л.: Изд-во ЛГУ, 1971 (ч. I: 158, 183).

95. Гилинский Я. И. Социальное планирование города и проблемы отклоняющегося поведения // Актуальные проблемы

социального планирования. Иркутск, 1975 (ч. II: 183).

96. Гилинский Я. И. О системном подходе к преступности // Правоведение. 1981. № 5 (ч. I: 33).

97. Гилинский Я. Некоторые вопросы методологии криминологических исследований // Теоретические проблемы изучения территориальных различий в преступности. Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Тарту 1988 (ч. I: 30).

98. Гилинский Я. Творчество: норма или отклонение? // Социологические исследования. 1990. № 2 (ч. I: 157).

99. Гилинский Я. Мифологизированное сознание и тоталитаризм // Радуга. 1990. № 9 (ч. III: 66).

100. Гилинский Я. И. Субкультура за решеткой // Советская этнография. 1990. № 2 (ч. IV: 95).

101. Гилинский Я. Проституция как она есть // Проституция и преступность. М.: Юридическая литература, 1991 (ч. III: 266).

102. Гилинский Я. Девиантное поведение в Санкт-Петербурге: на фоне российской действительности эпохи постперестройки // Мир России. 1995. Т. IV. № 2 (ч. II: 189).

103. Гилинский Я. Анализ статистических данных о состоянии и динамике организованной и экономической преступности в России и Санкт-Петербурге // Организованная преступность в России: теория и реальность. СПб.: СПб ФИС РАН, 1996 (ч. III: 118).

104. Гилинский Я. Девиантность, социальный контроль и политический режим // Политический режим и преступность. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001 (ч. I: 75, 81).

105. Гилинский Я. И. Криминология: Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. СПб.: Питер, 2002 (ч. I: 86).

106. Гилинский Я. И. Девиантность, преступность, социальный контроль. СПб., 2004 (ч. III: 66, 67).

107. Гилинский Я. И. «Исключенность» как глобальная проблема и социальная база преступности, наркотизма, терроризма и иных девиаций // Труды Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры РФ. 2004. № 6 (ч. II: 173, ч. III: 64).

108. Гилинский Я. Судьбы либерализма в России: размышления профана // Индекс: Досье на цензуру. 2004. № 21 (ч. III: 70).

109. Гилинский Я. И. Толерантность в России: возможность и невозможность // Актуальные аспекты проблемы толерантности в современном мире. СПб ГУ, 2004 (ч. III: 48).

110. Гилинский Я. И. Интолерантность в современной России // Толерантность и интолерантность в современном обществе.

СПбГУ, 2005 (ч. III: 48).

111. Гилинский Я. И. Криминальные риски в России // Российский криминологический взгляд. 2005. № 2 (ч. III: 71).

112. Гилинский Я. И. Социология о пытках в современной России // Неволя. 2006. № 10 (ч. IV: 94).

113. Гилинский Я. Девиантология: Социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 2-е изд. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007 (ч.1:9,ч. Ш:51,84,237,266).

114. Гилинский Я. И. Игорная зависимость: альтернатива наркотической? // Онлайн исследования в России: тенденции и перспективы. М.: СИ РАН, 2007 (ч. III: 239).

115. Гилинский Я., Позднякова М., Рыбакова Л. Криминологическая характеристика изнасилований // Здоровый образ жизни и борьба с социальными болезнями. М.: ИС РАН, 1988 (ч. III: 20).

116. Гилинский Я., Раска Э. О системном подходе к отклоняющемуся поведению // Известия Академии наук Эстонской ССР. Общественные науки. Т. 30. № 1. 1981 (ч. II: 183).

117. Гилинский Я., Юнацкевич П. Социологические и психолого-педагогические основы суицидологии: Учебное пособие. СПб.: Северо-Западный лечебно-диагностический центр, 1999 (ч. I: 140, ч. II: 189).

118. Глобализация и девиантность / Ред. Я. Гилинский. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006 (ч. I: 43, ч. II: 65, 172, ч. III: 131).

119. Голосов Г. В. Сравнительная политология: Учебник. 2-е изд. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995 (гл. 3) (ч. IV: 28).

120. Горшенков Г. Н. Политическая преступность // Криминология: Словарь. СПб.: Лань, 1999 (ч. III: 196).

121. Горяинов К. К. Латентная преступность в России: опыт теоретического и прикладного исследования. М., 1994 (ч. I: 103).

122. Гражданские инициативы и предотвращение коррупции / Ред. АЮ. Сунгуров. СПб.: Норма, 2000 (ч. III: 189, 190, 191).

123. Гранин Д. Примечание к путеводителю. Л.: Лениздат, 1967 (ч. III: 225).

124. Грэхем Д., Бенетт Т. Стратегии предупреждения преступности в Европе и Северной Америке. Хельсинки: HEUNI, 1995 (ч. IV: 104,112).

125. Гуров А. И. Профессиональная преступность: Прошлое и настоящее. М.: Юридическая литература, 1990 (ч. III: 139, 213).

126. Гуров А. Красная мафия. М.: Самоцвет, 1995 (ч. III: 112, 139).

127. Гуров А., Рябинкин В. Исповедь вора в законе. М.:

Самоцвет, 1995 (ч. III: 139).

128. Гусейнов А. А. Понятия насилия и ненасилия // Вопросы философии. 1994. № 6 (ч. III: 3).

129. Дагель П. С. Неосторожность: Уголовно-правовые и криминологические проблемы. М., 1977 (ч. III: 284)

130. Дагель П. С. Проблемы советской уголовной политики. Владивосток: ДВГУ, 1982 (ч. IV: 30).

131. Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): Тенденции и социологическое осмысление / Отв. ред. Я. Гилинский. СПб.: Алетейя, 2000 (ч. I: 9, 125).

132. Дедовщина в армии: Сборник социологических документов. М., 1991(ч. III: 272).

133. Дедовщина в армии / Ред. С. А. Белановский. М.: Институт народнохозяйственного прогнозирования, 1991 (ч. III: 35).

134. Демографические ежегодники России // Вопросы статистики. 2004. № 2 (ч. I: табл. 3.6).

135. Денисов В. В. Социология насилия. М.: Политиздат, 1975 (ч. III: 21).

136. Дети в тюрьме / Ред. В. Абрамкин. М., 2001 (ч. IV 81).

137. Дикаев С. У. Террор, терроризм и преступления террористического характера. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006 (ч. III: 200).

138. Дискриминация по признаку расы и национальной принадлежности: Судебная практика и методология доказывания / Ред. А. К. Соболева. М., 2005 (ч. III: 56).

139. Дмитриев АВ. Конфликтология. М., 2000 (ч. III: 211).

140. Дмитриев А. В., Залысин И. Ю. Насилие: Социополитический анализ. М.: РОССПЭН, 2000 (ч. III: 1, 27, 208, 211, 212).

141. Доклад о мировом развитии 2005. Как сделать инвестиционный климат благоприятным для всех. Всемирный банк. М.: Весь мир, 2005 (ч. II: 168, ч. III: 79).

142. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. М.:UNDP, 1999 (ч. III: 258).

143. Долгова А. И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2003 (ч. I: 62).

144. Дриль Д. А. Преступный человек. СПб., 1882 (ч. II: 131).

145. Другой – чужой – враг // Индекс. Досье на цензуру. 2005. № 22 (ч. III: 60).

146. Дубовик О. Л, Жалинский Ф. Э. Причины экологических преступлений. М.: Наука, 1988 (ч. III: 279).

147. Дьяков СВ. Государственные преступления (против основ

конституционного строя и безопасности государства) и государственная преступность М.: Норма, 1999 (ч. III: 194).

148. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991 (ч. I: 162, ч. II: 43, ч. IV: 4).

149. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М.: Мысль, 1994 (ч. II: 42).

150. Дюркгейм Э. Норма и патология // Социология преступности. М.: Прогресс, 1966 (ч. II: 39, 40, 41).

151. Егоршин В. М., Колесников В. В. Преступность в сфере экономической деятельности. СПб.: Фонд «Университет», 2000 (ч. III: 167).

152. Емельянов В. П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002 (ч. III: 200).

153. Ерохина Л. Д., Буряк М. Ю. Торговля женщинами и детьми в целях сексуальной эксплуатации в социальной и криминологической перспективе. М., 2003 (ч. III: 76, 93, 94).

154. Ерохина Л., Буряк М. Проблема торговли людьми согласно российским экспертным оценкам (социологический подход) // Организованная преступность, терроризм и коррупция. Криминологический ежеквартальный альманах. М.: Юрист, 2003 (ч. III: 78).

155. Ефремов А. Н. Жертвы жестокости – дети. М.: Педагогика, 1985(ч. Ш:218).

156. Жевлаков Э. Н. Экологические преступления и экологическая преступность: Учебное пособие. М., 1996 (ч. III: 279).

157. Жеребкин В. Е. Логический анализ понятий права. Киев: Вища школа, 1976 (ч. I: 85).

158. Жижиленко А. А. Преступность и ее факторы. Пг, 1922 (ч. II: 133).

159. Жирар Р. Насилие и священное. М.: Новое литературное обозрение, 2000 (ч. III: 1).

160. Забрянский Г. И. Изучение и предупреждение преступности несовершеннолетних. Краснодар: Кубанский ун-т, 1979 (ч. III: 234).

161. Забрянский Г. И. Криминологические проблемы села. Ростов н/Д: Ростовский ун-т, 1990 (ч. I: 101, 180).

162. Забрянский Г. И. Социология преступности несовершеннолетних. Минск: Минсктиппроект, 1997 (ч. III: 226, 231, 234).

163. Забрянский Г. И. Наказание несовершеннолетних и его региональные особенности: (статистико-криминологическое исследование). М.: Рудомино, 2000 (ч. III: 234, 235).

164. Забрянский Г. И., Емельянова Л. В. Статистика преступности несовершеннолетних в России в 1998 году: Аналитический обзор. М.: Центр «Судебно-правовая реформа», 2000 (ч. III: 220, 235).

165. Заварзин А. В. Предупреждение правонарушений на селе. Воронеж: Воронежский ун-т, 1983 (ч. I: 180).

166. Зак Ф. Экономические подходы в уголовной политике // Уголовное право. 1999. № 1 (ч. II: 93).

167. Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон / Ред. А. И. Долгова. М., 2001 (ч. III: 59, 175).

168. Зеланд Н. Женская преступность. СПб., 1899 (ч. III: 260).

169. Зелинский А. Ф. Осознаваемое и неосознаваемое в преступном поведении. Харьков: Вища школа, 1986 (ч. II: 24).

170. Земсков В. Н. ГУЛАГ: историко-социологический аспект // Социологические исследования. 1991. № 6 (ч. IV: 67).

171. Земсков В. Н. Спецпоселенцы (По документации НКВД-МВД СССР // Социологические исследования. 1990. № 11 (ч. I: 134).

172. Зер Х. Восстановительное правосудие: Новый взгляд на преступление и наказание. М., 1998 (ч. IV: 52).

173. Золин П. М. Преступность в стране в 1909–1928 гг.: Сравнительная статистика // Советское государство и право. 1991. № 5 (ч. I: 130,131).

174. Зубков А. И., Калинин Ю. И., Сысоев В. Д. Пенитенциарные учреждения в системе Министерства юстиции России: История и современность. М.: Норма, 1998 (ч. IV: 80).

175. Зудин В. Ф. Социальная профилактика преступлений: Криминологические и криминалистические проблемы. Саратов: Саратовский ГУ, 1983 (ч. IV: 115).

176. Игошев К. Е. Социальный контроль и профилактика преступлений: Учебное пособие. Горький: ВШ МВД СССР, 1976 (ч. IV ИЗ).

177. Игошев К. Е., Устинов В. С. Введение в курс профилактики правонарушений. Горький: ВШ МВД СССР, 1977 (ч. IV 115).

178. Иванов И. И. Предупреждение преступлений (комплексное политико-правовое исследование). СПб: Университет МВД РФ, 2004(ч. IV 116).

179. Иванов Л. О., Ильина Л. В. Пути и судьбы отечественной криминологии. М., 1991 (ч. II: 128).

180. Иванова Е. Как помочь наркоману. СПб.: Комплект, 1997 (ч. III: 249).

181. Ивлева В. Страна одиноких детей // Новая газета. 2006. 6–8 ноября (ч. III: 98).

182. Ильин В. Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ 1917–1996 гг.: Опыт конструктивистско-структуралистского анализа. Сыктывкар: Сыктывкарский гос. ун-т. 1996 (ч. I: 177).

183. Исаев Н. А. Сексуальные преступления как объект криминологии. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007 (ч. III: 46, 287).

184. История первобытного общества. Эпоха классообразования М: Наука, 1988 (ч. I: 151).

185. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов н/Д: Феникс, 1996 (ч. III: 210).

186. Кабанов П. А. Коррупция и взяточничество в России. Нижнекамск: Гузель, 1995 (ч. III: 184).

187. Кабанов П. А. Политическая преступность: сущность, причины, предупреждение. Нижнекамск, 2000 (ч. I: 26, ч. III: 194, 205).

188. Кабанов П. А. Основы политической криминологии // Преступность среди социальных подсистем / Ред. Д. Шестаков. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003 (ч. III: 194).

189. Кабанов П. А. Политическая преступность: понятие, сущность, виды, причины, личность политического преступника, меры противодействия (криминологическое исследование). Казань, 2006 (ч. 1:26,ч. III: 171).

190. Как заставить стандарты работать: Практическое руководство по эффективному применению международных тюремных правил. М.: Права человека, 1998 (ч. IV: 75).

191. Калягин Н. В. Экономический анализ криминального поведения // Экономическая школа. Аналитическое приложение 3. СПб., 2006 (ч. I: 11).

192. Кампанелла. Город Солнца. М.-Л.: АН СССР, 1947 (ч. II: 9).

193. Камшилов М. М. Эволюция биосферы. М.: Наука, 1979 (ч. III: 14).

194. Каретников Н. В. Характеристика преступлений, совершенных в исправительно-трудовых колониях. М.: ВНИИ МВД СССР, 1986(ч. IV: 101).

195. Карпец И. И. Проблема преступности. М., 1969 (ч. II: 145).

196. Карпец И. И. Наказание: Социальные, правовые и криминологические проблемы. М.: Юридическая литература, 1973 (ч. IV 37).

197. Касторский Г. Л. Мировые религии и преступность. СПб.: Университет МВД РФ, 2001 (ч. I: 27).

198. Касторский Г. Л. Мировые религии и общественно

опасное поведение. СПб.: Университет МВД РФ, 2002 (ч. I: 27).

199. Качество профилактических систем и восстановительные программы: от пилотных проектов к масштабной практике. М., 2004 (ч. IV: 116).

200. Квашис В. Е. Научно-технический прогресс и ответственность за неосторожность // Основные направления борьбы с преступностью. М., 1975 (ч. III: 280).

201. Квашис В. Е. Преступная неосторожность: Социально-правовые и криминологические проблемы. Владивосток, 1986 (ч. III: 284).

202. Квашис В. Е. Основы виктимологии. М.: Nota Bene, 1999 (ч. I: 23).

203. Кесельман Л. Социальные координаты наркотизма. СПб ФИС РАН, 1999 (ч. III: 237).

204. Кесельман Л., Мацкевич М. Социальное пространство наркотизма // Тимофеев Л. Наркобизнес: Начальная теория экономической отрасли. СПб.: СПб ФИС РАН, 2001 (ч. III: 248).

205. Кетле А. Человек, развитие его способностей или опыт социальной физики. Киев, 1965 (ч. II: 29, 30).

206. Кирпичников А. И. Взятка и коррупция в России. СПб: Альфа, 1997 (ч. III: 184).

207. Клауорд Р., Оулин Л. Дифференциация субкультуры // Социология преступности. М.: Прогресс, 1966 (ч. II: 61, 62, ч. III: 230).

208. Клепиков Д. В. Дедовщина как социальный институт: Дис…. канд. социолог., наук. СПб.: СПб ФИС РАН, 1997 (ч. III: 273).

209. Клямкин И., Тимофеев Л. Теневой образ жизни: Социологический автопортрет постсоветского общества. М. РГГУ, 2000 (ч. III: 142).

210. Коган В. М. Социальные свойства преступности. М.: Академия МВД СССР, 1977 (ч. I: 101).

211. Коган В. М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. М.: Наука, 1983 (ч. I: 77, ч. IV: 23).

212. Когда убивает государство… Смертная казнь против прав человека. М.: Прогресс, 1989 (ч. IV: 61, 65).

213. Колесников В. В. Экономическая преступность и рыночные реформы: Политико-экономические аспекты. СПб.: Ун-т экономики и финансов, 1994 (ч. III: 167).

214. Комарницкий А. В. Проблемы преступности несовершеннолетних: история и современность. СПб.: Юридический институт, 2007 (ч. III: 234).

215. Комиссаров В. С. Терроризм, бандитизм, захват заложника. М., 1997 (ч. III: 200).

216. Кон И. С. Социология личности. М.: Политиздат, 1967 (ч. I: 158).

217. Кон И. Ребенок и общество (историко-этнографическая перспектива). М.: Наука, 1988 (ч. III: 220).

218. Константинов А. Мошеннический Петербург. СПб.: Издательский дом «Нева», 2001 (ч. III: 217).

219. Константинов А., Дикселиус М. Бандитская Россия. СПб.: Библиополис, 1997 (ч. III: 97).

220. Конт О. Система позитивной политики // Родоначальники позитивизма. Выпуск второй. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1910 (ч. II: 14).

221. Конт О. Курс позитивной философии // Родоначальники позитивизма. СПб., 1912. Вып. 4 (ч. IV: 2).

222. Коробейников Б. В., Селиванов Н. А., Скворцов К. Ф. Изучение факторов, влияющих на изменение уровня и структуры преступности // Советское государство и право. 1982. № 1 (ч. II: 167).

223. Коррупция и борьба с ней: роль гражданского общества / Ред. М. Б. Горный. СПб.: Норма, 2000 (ч. III: 185).

224. Коррупция и борьба с ней. М.: Криминологическая ассоциация, 2000 (ч. III: 179).

225. Коул К. Естественность принципа дополнительности // Импакт. Наука и общество. 1986. № 1 (ч. I: 40).

226. Коэн А. Содержание делинквентной субкультуры // Социология преступности. М.: Прогресс, 1966 (ч. II: 59, 60).

227. Краткий словарь по социологии // Гвишиани Д. М., Лапин Н. И. М.: Политиздат, 1989 (ч. III: 219).

228. Криминогенная ситуация в России на рубеже XXI века / Ред. А. И. Гуров. М.: ВНИИ МВД РФ, 2000 (ч. III: 144, 147, 148, 155, 156, 157).

229. Криминология / Ред. Б. В. Коробейников, Н. Ф. Кузнецова, Г. М. Миньковский. М.: Юридическая литература, 1988 (ч. I: 58, 144).

230. Криминология: Учебник. СПб: Изд-во СПб ГУ, 1992 (ч. I: 145).

231. Криминология / Ред. В. Н. Кудрявцев, В. Е. Эминов. М.: Юристъ, 1997 (ч. I: 7, 8, 59, 181, ч. III: 214, 264).

232. Криминология: Учебное пособие. М.: ИНФРА-М-НОРМА, 1997(ч. Г 101).

233. Криминология: Учебник. СПб.: СПб ун-т МВД РФ, 1999 (ч. I: 181, ч. III: 216).

234. Криминология / Ред. Дж. Шелли. СПб.: Питер, 2003 (ч. II: 18, ч. Ш:31,166,173,174).

235. Криминология: Учебное пособие / Ред. Н. Ф. Кузнецова.

М., 2006 (ч. I: 88).

236. Криминология: Учебник/ Ред. Г. Касторский. СПб.: МИЭП, 2007 (ч. I: 18).

237. Криминология XX век. СПб.: Юридический центр Пресс, 2000 (ч. 1: 43).

238. Криминология. Исправительно-трудовое право: История юридической науки. М.: Наука, 1977 (ч. II: 140).

239. Кристи И. Пределы наказания. М., 1985 (ч. I: 4, ч. IV: 40).

240. Кристи И. Борьба с преступностью как индустрия: Вперед к ГУЛАГу западного образца. М., 2001 (ч. IV: 40).

241. Кристи И. Приемлемое количество преступлений. СПб.: Алетейя, 2006 (ч. I: 4, ч. IV 40).

242. Крутер М. С. Особенности детерминации преступного поведения молодежи. М., 2002 (ч. III: 236).

243. Крэсси Д. Развитие теории. Теория дифференцированной связи // Социология преступности. М.: Прогресс, 1966 (ч. II: 51).

244. Кугай А. И. Насилие в контексте современной культуры. СПб.: РНБ, 2000 (ч. III: 1).

245. Кудрявцев В. Н. Причинность в криминологии. М., 1968 (ч. II: 144).

246. Кудрявцев В. Н. Генезис преступления: опыт криминологического моделирования: Учебное пособие. М.: Форум, 1998 (ч. I: 46, 181).

247. Кудрявцев В. Н., Трусов А. И. Политическая юстиция в СССР СПб.: Юридический центр Пресс, 2002 (ч. III: 194).

248. Кудрявцев В. Н. Стратегии борьбы с преступностью. М.: Юристъ, 2003 (ч. IV 23, 35).

249. Кудрявцев В. Н., Лунеев В. В., Наумов А. В. Организованная преступность и коррупция в России (1997–1999). М.: ИНИОН, 2000(ч. III: 112, 153,154).

250. Кузнецов И. Е. Коррупция в системе государственного управления: социологическое исследование: Дис… канд. социолог, наук. СПбГУ, 2000 (ч. III: 183).

251. Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М., 1969 (ч. II: 146).

252. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975 (ч. II: 153).

253. Кури Х., Обергфелль-Фукс И. Общественные изменения и развитие преступности: Сравнение в международном аспекте // Криминология XX век. СПб.: Юридический центр Пресс, 2000 (ч. I: 43).

254. Ландер Б. Экологический анализ Балтимора // Социология преступности. М.: Прогресс, 1966 (ч. II: 53).

255. Латентная преступность в Российской Федерации за

2001–2002 гг. (статистический сборник). М., 2004 (ч. I: 104, ч. III: 38, 172).

256. Лафарг П. Преступность во Франции в 1840–1886 гг. // Уголовное право и социализм / Ред. М. Гернет. М., 1908 (ч. II: 38).

257. Леденева А. Блат и рынок: трансформация блата в постсоветском обществе // Неформальная экономика: Россия и мир / Ред. Т. Шанин. М.: Логос, 1999 (ч. III: 177).

258. Лепс А. Влияние социально-демографических процессов на преступность. Таллин, 1981 (ч. I: 160).

259. Лепс А., Павельсон М., Раска Э., Ыунапуу Э. Социально-территориальные различия и преступность в условиях крупного города (на материалах г. Таллина). Таллин, 1981 (ч. I: 14).

260. Ли Д. А. Преступность в России: Системный анализ. М.: Гелва, 1997 (ч. I: 46).

261. Линг Дж. Общие проблемы наркомании: анализ и перспективы // Импакт. 1985. № 1 (ч. III: 237, 241).

262. Линдгрен Свен-Оке. Мишель Фуко и история истины // Монсон Пер. Современная западная социология: Теории, традиции, перспективы. СПб., 1992 (ч. II: 110, 112).

263. Ломброзо Ч. Преступление. СПб., 1900 (ч. II: 16).

264. Лихачев В. Нацизм в России. М., 2002 (ч. III: 60).

265. Лукичев О. В. Детоубийство: уголовно-правовая и криминологическая характеристика. СПб.: СПб Ун-т МВД РФ, 2000 (ч. III: 263).

266. Луман Н. Метаморфозы государства: Эссе // Проблемы теоретической социологии. СПбГУ, 1996. Вып. 2 (ч. IV: 63).

267. Луман Н. Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество // Социология на пороге XXI века: Новые направления исследований. М.: Интеллект, 1998 (ч. I: 171).

268. Лунеев В. В. Криминология: Причины, предупреждение и методы изучения преступлений в Вооруженных силах СССР: Учебник. М., 1986 (ч. III: 270).

269. Лунеев В. В. «Политическая преступность» // Государство и право. 1994. № 7 (ч. I: 133, 135).

270. Лунеев В. В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. М.: Норма, 1997 (ч. I: 133, ч. III: 137, 197,270,274,4. IV: 67).

271. Лунеев В. В. Преступность в России при переходе от социализма к капитализму // Государство и право. 1998. № 5 (ч. I: 138).

272. Лунеев В. В. География организованной преступности и коррупции в России (1997–1999) // Государство и право. 2000. № 11 (ч. III: 192).

273. Лунеев В. В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд. М.: Wolters Kluwer, 2005 (ч. I: 43, 102, 106, 107, 138, ч. III: 33, 194, 270, 271).

274. Максимов СВ. Краткий криминологический словарь. М.: Юристъ, 1995 (ч. I: 101).

275. Малинин В. Б. Профессиональная преступная деятельность // Частная криминология / Ред. Д. Шестаков. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007 (ч. III: 213).

276. Маркарян Э. С. Очерки теории культуры. Ереван: АН Армянской ССР, 1969 (ч. I: 89).

277. Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука: (логико-методологический анализ). М., 1983 (ч. I: 89).

278. Маркс К. Население, преступность, пауперизация // Маркс К, Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13 (ч. II: 32).

279. Маркс К, Энгельс Ф. Немецкая идеология. Соч. 2-е изд. Т. 3 (ч. I: 164, 165, 166, 167).

280. Маркс К, Энгельс Ф. Наемный труд и капитал. Соч. 2-е изд. Т. 6 (ч. II: 158).

281. Материалы к слушаниям «Критическая ситуация, сложившаяся в учреждениях ГУИН МЮ РФ, и меры по выходу из кризиса». М., 1999 (ч. IV: 82, 87).

282. Мацкевич И. М., Эминов В. Е. Преступное насилие среди военнослужащих. М.: Юрист, 1994 (ч. III: 35, 270).

283. Мелихов А. Кого же мы казним? // Новое время. 2000. № 6 (ч. IV: 57).

284. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности. М.: Прогресс, 1966 (ч. II: 44, 45, 46, 47).

285. Методика анализа преступности: Методическое пособие. М.: ВНИИ Генеральной прокуратуры, 1986 (ч. I: 42, 47).

286. Методологические вопросы изучения социальных условий преступности: Сборник научных работ. М., 1979 (ч. II: 148, 166).

287. Методы сбора информации в социологических исследованиях. В 2 кн. М.: Наука, 1990 ч. I: 47).

288. Мильяненков Л. По ту сторону закона: Энциклопедия преступного мира. СПб., 1992 (ч. III: 215).

289. Милюков С. Ф. Российская система наказания. СПб.: СПб юридический институт Генеральной прокуратуры РФ, 1998 (ч. IV 38).

290. Милюков С. Ф. Система наказаний по уголовному кодексу России. СПб.: Знание, 1999 (ч. IV 38).

291. Милюков С. Ф. Российское уголовное законодательство. Опыт критического анализа. СПб ИВЭСЭП, 2000 (ч. IV 23, 38).

292. Минина СП. Преступность несовершеннолетних. СПб.: Юридический институт Генеральной прокуратуры РФ, 1998 (ч. III: 234).

293. Михлин А. С. Роль социальных и демографических свойств личности осужденных. М.: ВНИИ МВД, 1970 (ч. IV 77).

294. Михлин А. С. Общая характеристика осужденных (по материалам специальной переписи 1989 г.). М.:ВНИИ МВД СССР, 1991 (ч. I: 24, ч. IV 78).

295. Моисеев Н. Н. Алгоритмы развития. М.: Наука, 1987 (ч. III: 13,16,25).

296. Моисеев Н. Н. Расставание с простотой. М.: Аграф, 1998 (ч. I: 31, 172,ч. II: 152, ч. III: 25).

297. Монсон Пер. Современная западная социология: Теории, традиции, перспективы. СПб.: Нотабене, 1992 (ч. II: ПО).

298. Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955 (ч. IV: 102).

299. Мониторинг дискриминации и национал-экстремизма в России. М., 2005 (ч. III: 60).

300. Мор Т. Утопия. М.-Л.: АН СССР, 1947 (ч. II: 8).

301. Моргуленко Е. А. Причины и меры предупреждения нарушений уставных правил взаимоотношений военнослужащих при отсутствии между ними отношений подчиненности: Дис.… канд. юрид. наук. М., 2003 (ч. III: 275).

302. Нарушения прав человека в армиях стран СНГ. М.: МОПЧ, 1992 (ч. III: 35, 272).

303. Население и общество: Информационный бюллетень Центра демографии и экологии человека. № 93. М., 2005 (ч. I: 156).

304. Население России 1999. Седьмой ежегодный демографический доклад. М.: Университет, 2000.

305. Насилие в органах внутренних дел: Иллюстрации к докладу. М.: Общественный Центр содействия реформе уголовного правосудия, 1997 (ч. IV: 36).

306. Неволя, журнал (ч. IV 82).

307. Неволя. 2007. № 11 (ч. IV 90).

308. Неволя. 2007. № 12 (ч. IV 83, 88).

309. Неволя. 2007. № 13 (ч. IV 85, 100).

310. Немцов А. Алкогольная ситуация в России. М.: Фонд «Здоровье и окружающая среда», 1995 (ч. III: 145).

311. Немцов А. Алкогольная смертность в России, 1980–90-е годы. М., 2001 (ч. III: 145).

312. Неформальная экономика: Россия и мир / Ред. Т. Шанин. М: Логос, 1999 (ч. III: 141).

313. Новая газета. 2005. 10–13 марта (ч. III: 61).

314. Новая газета. 2005. 21–23 марта (ч. III: 68, 69).
315. Новая газета. 2006. 13–16 июля (ч. III: 62).
316. Новая газета. 2006. 17–19 июля (ч. III: 63).
317. Новая газета. 2006. 31 августа – 3 сентября (ч. III: 180).
318. Новая газета. 2007. 20–23 декабря (ч. III: 227).
319. Новые направления в социологической теории. М.: Прогресс, 1978 (ч. II: 94, 95, 96).
320. Ной И. С. Сущность и функции уголовного наказания в советском государстве: политико-юридическое исследование. Изд-во Саратовского ун-та, 1973 (ч. IV: 37).
321. Ной И. С. Методологические проблемы советской криминологии. Саратов, 1975 (ч. II: 149).
322. Овчинский В. С. Стратегия борьбы с мафией. М.: СИМС, 1993(ч. III: 112).
323. Овчинникова Г. В. Терроризм. СПб.: Юридический институт Генеральной прокуратуры РФ, 1998 (ч. III: 200).
324. Олейник А. «Бизнес по понятиям»: об институциональной модели российского капитализма// Вопросы экономики. 2001. № 5 (ч. III: 143).
325. Олейник А. Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М., 2001 (ч. II: 111).
326. Ольков С. Г. О пользе и вреде неравенства (криминологическое исследование) // Государство и право. 2004. № 8 (ч. II: 169).
327. Ольков С. Г. Математическое моделирование в юриспруденции, этике и девиантологии. Тюмень, 2006 (ч. I: 16, 46, 53).
328. Организованная преступность в России: теория и реальность / Ред. Я. Гилинский. СПб., 1996 (ч. 1: 33).
329. Организованная преступность, терроризм, коррупция в их проявлениях и борьба с ними / Ред. А. И. Долгова. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2005 (ч. III: 104).
330. Основания уголовного запрета: Криминализация и декриминализация. М.: Наука, 1982 (ч. IV: 23).
331. Основные показатели демографических процессов в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. СПб.: СПб Комитет госстатистики, 1997 (ч. III: 145).
332. Основные показатели демографических процессов в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. СПб.: Петербургкомстат, 1999.
333. Основы борьбы с организованной преступностью / Ред. В. С. Овчинский., В. Е. Эминов., Н. П. Яблоков. М.: ИНФРА-М, 1996 (ч. III: 112,125,137).

334. Осторожно, тюрьма… М., 2006 (ч. IV: 81).

335. Оукс Г. Прямой разговор об эксцентричной теории // Теория общества: Фундаментальные проблемы. М.: Канон-Пресс-Ц, 1999 (ч. I: 78).

336. Панкратов В. В. Методология и методика криминологических исследований. М.: Юридическая литература, 1972 (ч. I: 42).

337. Панфилова Е. И., Попов А. Н. Компьютерные преступления. СПб.: СПб Юридический институт Генеральной прокуратуры РФ, 1998 (ч. III: 285).

338. Парсонс Т. Общий обзор // Американская социология: Перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс, 1972 (ч. II: 157).

339. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Теория и история экономических и социальных институтов и систем (THESIS). Весна 1993. Т. 1. Вып. 2 (ч. III: 10, 12).

340. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М.: Просвещение, 1969 (ч. IV: 14).

341. Пирожков В. Ф. Влияние социальной изоляции в виде лишения свободы на психологию осужденного // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1981. Вып. 35 (ч. IV 41).

342. Пирожков В. Ф. Законы преступного мира молодежи: Криминальная субкультура. Тверь: Приз, 1994 (ч. I: 24, ч. IV 79).

343. Пирожков В. Ф. Криминальная психология. М.: Ось-89, 1998 (ч. I: 182, ч. III: 215, ч. IV 79).

344. Письма из зоны-87 / Ред. В. Абрамкин. М.: Общественный Центр «Содействие», 1993 (ч. I: 48, ч. IV 81).

345. Планирование мер борьбы с преступностью. М.: ИГиПАН, 1982 (ч. IV 16).

346. Плотинский Ю. М. Теоретические и эмпирические модели социальных процессов: Учебное пособие. М.: Логос, 1998 (ч. I: 45).

347. Побегайло Э. Ф. Криминальное насилие в России: тенденции, детерминация, предупреждение // Частная криминология (ч. III: 33).

348. Погам С. Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. II. Специальный выпуск: Современная французская социология. 1999 (ч. I: 168, 170, 173).

349. Подлесских Г., Терешонок А. Воры в законе: бросок к власти. М.: Художественная литература, 1994 (ч. III: 139).

350. Познышев СВ. Криминальная психология. М., 1926 (ч. II: 141).

351. Полани М. Личностное знание. М.: Прогресс, 1985 (ч. I:

5).

352. Политический режим и преступность. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001 (ч. IV: 24).

353. Положение заключенных в современной России. М.: МХГ, 2003(ч. IV: 80, 87, 89,91).

354. Попов А. Н. Убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК). СПб.: СПб Юридический институт Генеральной прокуратуры РФ, 2001 (ч. III: 263).

355. Попов Г. Х. Проблемы теории управления. М., 1970 (ч. I: 29).

356. Поппер К. Открытое общество и его враги. М.: Феникс, Т. 2. 1992 (ч. I: 37).

357. Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1966(ч. I: 146, ч. III: 47).

358. Правозащитник. 1994. № 2 (ч. III: 35).

359. Пределы толерантности в современном обществе / Ред. И. Первова, В. Козловский. СПбГУ, 2003 (ч. III: 60).

360. Преступность и культура / Ред. А. И. Долгова. М.: Криминологическая ассоциация, 1999 (ч. III: 34, 277).

361. Преступность и правонарушения. М., 2006 (ч. III: 257).

362. Преступность и правонарушения. М.: МВД РФ, МЮ РФ. Ежегодники (ч. I: табл. 3.4, ч. III: 36, ч. IV 70).

363. Преступность и правонарушения. М., 1990 (ч. I: табл. 3.4, ч. III: 257).

364. Преступность и правонарушения. М., 1992 (ч. I: табл. 3.4, ч. III: 257).

365. Преступность и правонарушения. М., 1999 (ч. I: табл. 3.4).

366. Преступность и правонарушения в СССР. 1989. М.: Юридическая литература, 1990 (ч. I: 95).

367. Преступность и правонарушения 1994. М.: МВД РФ, МЮ РФ, 1995 (ч. I: 126).

368. Преступность и правонарушения 1998. Статистический сборник. М.: МВД РФ, МЮ РФ, Межгосударственный статистический комитет СНГ, 1999 (ч. III: 32).

369. Преступность и правонарушения (2002–2006): Статистический сборник. М.: МВД РФ, МЮ РФ, 2007 (ч. I: 96, 99, 100).

370. Преступность, криминология, криминологическая защита / Ред. А. И. Долгова. М., 2007 (ч. III: 59, 104, 165, 169, 175, 268, 269, 278, 283).

371. Преступность среди социальных подсистем / Ред. Д. А. Шестаков. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003 (ч. I: 19, ч. II: 150, ч. III: 259).

372. Преступность, статистика, закон / Ред. А. И. Долгова. М.: Криминологическая ассоциация, 1997 (ч. III: 144, 146, 175, 276, 282).

373. Приговоренные к смерти? Проблема туберкулеза в тюрьмах Восточной Европы и Центральной Азии. М., 2001 (ч. IV: 91).

374. Проблемы глобализации // Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 4 (ч. II: 172).

375. Проблемы советской уголовной политики. Владивосток: ДВГУ, 1985 (ч. IV: 30).

376. Проскурнина Н. Использование в криминологических исследованиях классификации социально-демографических групп населения // Теоретические проблемы изучения территориальных различий преступности. Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1985(ч. I: 51).

377. Против смертной казни. М., 1992 (ч. IV 65).

378. Противодействие торговле людьми: Сборник нормативных правовых документов / Ред. Н. И. Абубикирова. М.: ЭКСлит, 2004 (ч. III: 103).

379. Пудовочкин Ю. Е. Преступления против несовершеннолетних: криминологический анализ. Ростов н/Д, Ставрополь, 2004 (ч. Ш:218,222).

380. Пытки в России: «Этот ад, придуманный людьми». Лондон: Международная амнистия, апрель 1997 (ч. IV 36, 93).

381. Радаев В. В., Шкаратан О. И. Социальная стратификация. М: Наука, 1995 (ч. I: 177).

382. Разинкин В. С. «Воры в законе» и преступные кланы. М.: Криминологическая ассоциация, 1995 (ч. III: 139).

383. Распятие в «Крестах»-2 // Час Пик. 1998. 4 марта (ч. IV 92).

384. Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации / Ред. А. В. Дука. СПб.: Алетейя, 2001 (ч. III: 187).

385. Рейсмен В. М. Скрытая ложь: Взятки: «крестовые походы» и реформы. М.: Прогресс, 1988 (ч. III: 181).

386. Репецкая А. Л. Транснациональная организованная преступность: характеристика, причины, стратегии контроля. Иркутск: ИГЭА, 2001 (ч. III: 83, 85, 88).

387. Репецкая А. Л. Криминальная эксплуатация людей в Восточной Сибири // Организованная преступность, терроризм и коррупция. Криминологический альманах. 2003. № 3 (ч. III: 80, 99).

388. Рецидивная преступность: предупреждение преступлений среди лиц, судимых к лишению свободы. Минск,

1985 (ч. IV: 101).

389. Ривман Д. В., Устинов В. С. Виктимология. СПб.: Юридический центр Пресс, 2000 (ч. I: 23).

390. Рогатых Л. Ф., Стрельченко Э. Г., Топоров СБ. Борьба с контрабандой наркотических средств, психотропных и сильнодействующих средств. СПб., 2003 (ч. III: 237).

391. Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. М., 1996 (ч. II: 107).

392. Российский «Абу-Грейб». Предварительный доклад о кризисе в системе ГУИН (весна 2004 года). М., 2004 (ч. IV: 36).

393. Российский «Абу-Грейб-2» (Кровавые дни и ночи Льгова). Доклад Общероссийского общественного движения «За права человека» о состоянии содержания заключенных в России в 2004–2005 гг. М., 2005 (ч. IV 36).

394. Российский статистический ежегодник. М.: Госкомиздат, 1995 (ч. I: 139).

395. Россия. 1913 год: Статистико-документальный справочник. СПб., 1995 (ч. I: 128).

396. Ростов К. Т. Преступность в регионах России (социально-криминологический анализ). СПб.: СПб академия МВД РФ, 1998 (ч. I: 14, ч. III:40).

397. Саксонское зерцало. М., 1985 (ч. IV 21).

398. Салагаев А. Л. Молодежные субкультуры. Казань: КГУ, 1997 (ч. III: 232).

399. Салагаев А. Л., Максудов Р. Р. Подросток в городе: проблемы социализации. Казань: КГУ, 1988 (ч. III: 232).

400. Самсонов А. П. Психология преступных групп. Пермь, 1991 (ч. I: 182).

401. Сатаров Г. А. Диагностика российской коррупции: Социологический анализ. М.: ИНДЕМ, 2002 (ч. III: 188).

402. Сахаров А. Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. М., 1961 (ч. II: 142).

403. Селлин Т. Конфликт норм поведения // Социология преступности. М.: Прогресс, 1966 (ч. II: 64).

404. Серебрякова В. А., Зырянов В. Н. Корыстные преступления, совершаемые женщинами. М, 1990 (ч. III: 261).

405. Серийные сексуальные преступления: Криминологическое и патопсихологическое исследование / Ред. Ю. М. Антонян. М.: Щит-М, 2000 (ч. III: 287).

406. Сидоренко Э. Л. Отрицательное поведение потерпевшего и уголовный закон. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003 (ч. I: 186).

407. Сидоров А. Великие битвы уголовного мира. Кн. 2. Ростов н/Д, 1999 (ч. IV: 99).

408. Симонов П. Знание – против зла // Диалоги: полемические статьи о возможных последствиях развития современной науки. М., 1979 (ч. III: 4, 5).

409. Симонов П. В. Детерминизм и свобода выбора // Методологические проблемы физиологии высшей нервной деятельности. М: Наука, 1982 (ч. III: 17).

410. Симонов П. В. Мотивированный мозг. М.: Наука, 1987 (ч. II: 178, 180, 181, 185).

411. Симонов П. В., Ершов П. М. Темперамент. Характер. Личность. М.: Наука, 1984 (ч. II: 184).

412. Синергетика и методы науки / Ред. М. А. Басин. СПб.: Наука, 1998 (ч. II: 152).

413. Скифский И. С. Объяснение и прогнозирование насильственной преступности в Российской Федерации: Дис…. канд. юрид. наук. Красноярск, 2006 (ч. II: 170).

414. Скифский И. С. Насильственная преступность в современной России: объяснение и прогнозирование. Тюмень: Вектор Бук, 2007(ч.1:53,ч. П: 170).

415. Скотт Д. П. Биология и контроль за насилием. М.: Мир, 1973 (ч. I: 185).

416. Смертная казнь: За и против. М.: Юридическая литература, 1989 (ч. II: 136, 137, 138, 139).

417. Смидович С. Г. Самоубийства в зеркале статистики // Социологические исследования. 1990. № 4 (ч. I: 141).

418. Сморгунова А. Л. Современная зарубежная криминология: критическое направление. СПб.: РГПУ, 2005 (ч. II: 88, 99).

419. Сорокин П. Преступление и кара, подвиг и награда. СПб., 1913(ч. IV: 9).

420. Сорокин П. Система социологии. Пг., 1920. Т. 1 (ч. IV: 10).

421. Сорокин П. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992 (ч. I: 163).

422. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992 (ч. 1: 163).

423. Состояние преступности в России. Ежегодники. М.: МВД РФ (ч. I: табл. 3, 4, ч. III: 36).

424. Состояние преступности в России за 1999 год. М.: МВД РФ. 2000 (ч. III: 44).

425. Состояние преступности в России за 2003 г. М., 2004 (ч. III: 65).

426. Социальная работа по профилактике и преодолению насилия, агрессии в молодежной среде. М., 1996 (ч. III: 26).

427. Социальная философия Александра Зиновьева // Вопросы философии. 1992. № 11 (ч. I: 142).

428. Социальные условия и преступность: Программа комплексного криминологического исследования. М., 1979 (ч. II: 148).

429. Социология насилия. Произвол правоохранительных органов глазами граждан. Н. Новгород, 2007 (ч. IV 36, 94).

430. Социология преступности. М.: Прогресс, 1966 (ч. II: 2).

431. Спенсер Г. Основные начала. СПб., 1887 (ч. IV 3).

432. Спиноза Б. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1 (ч. II: 10).

433. Спиридонов Л. И. Социальное развитие и право. Л.: ЛГУ, 1973 (ч. II: 174).

434. Спиридонов Л. И. В русле социологического подхода // Отклоняющееся поведение молодежи. Таллин: Институт истории АН Эст. ССР, 1979 (ч. I: 60).

435. Спиридонов Л. И. Криминологический факт и его оценка // Криминология и уголовная политика. М.: ИГиПАН СССР, 1985 (ч. I: 60).

436. Спиридонов Л. И. Теория государства и права. СПб ВШ МВД РФ, 1995 (ч. IV: 26).

437. Спок Б. Интервью // Литературная газета. 1968. № 10 (ч. I: 184).

438. Сравнительное социологическое исследование «Население и милиция в большом городе». СПб.: СПБ ФИС РАН, 1999 (ч. I: 98).

439. Сравнительное социологическое исследование «Население и милиция в большом городе (Отчет 2)». СПб.: СПб ФИС РАН, 2000 (ч. I: 98).

440. Сравнительное социологическое исследование «Население и милиция в большом городе (Отчет 3)». СПб.: СПб ФИС РАН, 2001(ч. I:98).

441. Сравнительное социологическое исследование «Население и милиция в большом городе (Отчет 4)». СПб., 2002 (ч. I: 54, 98, ПО).

442. Старков О. В. Бытовые насильственные преступления. Рязань: ВШ МВД РФ, 1992 (ч. III: 42).

443. Старков О. В. Предупреждение преступлений. М.: Юристъ, 2005(ч. IV: 116).

444. Старков О. В., Милюков С. Ф. Наказание: уголовно-правовой и криминологичечский анализ. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001(ч. IV 37).

445. Старович З. Судебная сексология. М.: Юридическая литература, 1991 (ч. III: 286).

446. Стерн В. Альтернативы тюрьмам: Размышления и опыт. Лондон-М., 1996 (ч. IV 47).

447. Стерн В. Грех против будущего: Тюремное заключение в мире. М.: Penal Reform International (PRI), 1998 (ч. IV 74).

448. Стоекер С. Организованная преступность как фактор роста числа случаев торговли людьми // Организованная преступность и коррупция. Альманах. 2000. № 1 (ч. III: 87).

449. Стругацкий А., Стругацкий Б. Отягощенные злом, или Сорок лет спустя // Юность. 1988. № 6 (ч. III: 229).

450. Судебная статистика: Преступность и судимость (современный анализ данных уголовной судебной статистики России 1923–1997 годов). М.: Российский Юридический Издательский Дом, 1998 (ч. IV: 50).

451. Тангиев Б. Б. Экокриминология. Парадигма и теория. Методология и практика применения. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005; (ч. III: 279).

452. Тангиев Б. Б. Криминология. Контроль и противодействие экологической преступности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006 (ч. III: 279).

453. Тард Г. Законы подражания. СПб., 1892 (последнее издание -1999 г.) (ч. IV: 6).

454. Тард Г. Преступник и преступления. М., 1906 (ч. II: 20).

455. Тард Г. Сравнительная преступность. М., 1907 (ч. II: 19, 21).

456. Тарновская ПН. Женщины-воровки. СПб., 1891 (ч. III: 260).

457. Тарновская П. Н. Женщины-убийцы. СПб., 1902 (ч. III: 260).

458. Теоретические основы предупреждения преступности. М.: Юридическая литература, 1977 (ч. IV 114).

459. Тернер Дж. Структура социологической теории. М.: Прогресс, 1985 (ч. II: 77, 176, 177, ч. IV 1).

460. Тимофеев Л. Наркобизнес: Начальная теория экономической отрасли. М.: РГГУ, 1998 (ч. III: 127).

461. Тимофеев Л. Институциональная коррупция: Очерки теории. М.: РГГУ, 2000 (ч. III: 182).

462. Токарева Е. К. Узы брака и узы свободы // Социологические исследования. 1987. № 2 (ч. I: 152).

463. Толерантность и интолерантность в современном обществе / Ред. И. Первова. СПбГУ, 2005 (ч. III: 48).

464. Топильская Е. В. Организованная преступность. СПб.: Юридический центр Пресс, 1999 (ч. III: 112, 137).

465. Торговля людьми: Социокриминологический анализ / Ред. Е. Тюрюканова, Л. Ерохина. М., 2002 (ч. III: 76, 92).

466. Требач А. Примирение с наркотиком // Социологические исследования. 1991. № 12 (ч. III: 244).

467. Тулмин Ст. Человеческое понимание. М.: Прогресс, 1984 (ч.1:5).

468. Туровская М. «Преступления века» и «массовая цивилизация» // Новый мир. 1968. № 7 (ч. III: 18).

469. Тюремный мир глазами политзаключенных / Ред. В. Абрамкин. М.: Общественный Центр «Содействие», 1993 (ч. I: 49, ч. IV: 81).

470. Тюрьма – не женское дело / Ред. В. Абрамкин. М., 2000 (ч. IV: 81).

471. Тюрюканова Е. Принудительный труд в современной России: Нерегулируемая миграция и торговля людьми. Женева, 2006 (ч. III: 76, 100, 102).

472. Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии. М.: Прогресс, 1990 (ч. I: 36).

473. Уголовное право и социализм / Ред. М. Н. Гернет. М., 1908 (ч. II: 22).

474. Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. М.: Наука, 1966 (ч. III: 233).

475. Устинов В. С. Методы предупредительного воздействия на преступность. Горький, 1989 (ч. IV 115).

476. Учебное пособие по основным наркотическим средствам, используемым в незаконном обороте. Выборг: ГТК РФ, СЗТУ РФ, 1995 (ч. III: 237).

477. Ушакова В. К. Гинекоцентризм против андроцентризма // Социолог. исследования. 1985. № 1 (ч. I: 152).

478. Уэда К. Преступность и криминология в современной Японии. М.: Прогресс, 1989 (ч. IV 46).

479. Уэйн Дж. Зимой в горах // Иностранная литература. 1972. № 5 (ч. III: 224).

480. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М: Прогресс, 1986 (ч. I: 5, ч. II: 154).

481. Феоктистов М. В. Экономические и служебные преступления. Методические материалы по спецкурсу. Саратов, 2003 (ч. III: 170).

482. Ферри Э. Уголовная антропология и социализм // Уголовное право и социализм / Ред. М. Н. Гернет. М., 1908 (ч. II: 22).

483. Ферри Э. Уголовная социология. М., 1908 (ч. II: 17, 22).

484. Ферро М. Терроризм // 50/50 Опыт словаря нового мышления. М., 1989 (ч. III: 208).

485. Филиппов Л. И. Философская антропология Жан-Поля Сартра. М.: Наука, 1977 (ч. II: 186).

486. Фокс В. Введение в криминологию. М.: Прогресс, 1980 (ч. II: 2, 28,ч. III: 19).

487. Франк Л. В. Виктимология и виктимность. Душанбе, 1972 (ч. I: 22).

488. Франк Л. В. Потерпевший от преступления и проблемы советской виктимологии. Душанбе, 1977 (ч. I: 22).

489. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990 (ч. III: 243).

490. Фрейд З. Достоевский и отцеубийство // Фрейд З. «Я» и «Оно». Труды разных лет. В 2 кн. Тбилиси: Мирани, 1991. Кн. 2 (ч. I: 23).

491. Фромм Э. Иметь или быть? М.: Прогресс, 1990 (ч. II: 26).

492. Фромм Э. Психоанализ и этика. М.: Республика, 1993 (ч. II: 26).

493. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994 (ч. II: 27, ч. III: 29).

494. Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Магистериум, 1996 (ч. IV: 17).

495. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб.: Университетская книга, 1997 (ч. IV: 17).

496. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999 (ч. IV 17, 18, 22, 72).

497. Характеристика осужденных к лишению свободы: по материалам специальной переписи 1999 г. / Ред. А. С. Михлин. М.: Юриспруденция, 2001. Т. 2 (ч. IV 78, 84).

498. Характеристика подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в следственных изоляторах: по материалам специальной переписи 1999 г. / Ред. А. С. Михлин. М.: Юриспруденция, 2000. Т. 1 (ч. IV 78).

499. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. М.: Педагогика, 1986. Т. 1 (ч. III: 30).

500. Хови. Стремление маленькой мошки // Иностранная литература. 1968. № 7 (ч. III: 223).

501. Холтон Дж. Тематический анализ науки. М.: Прогресс, 1981 (ч.1:5).

502. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. Самоанализ. М.: Прогресс-Универс, 1993 (ч. II: 25).

503. Хохряков Г. Ф. Формирование правосознания у осужденных. М., 1985 (ч. IV: 41, 79).

504. Хохряков Г. Ф. Парадоксы тюрьмы. М.: Юридическая литература, 1991 (ч. I: 24, ч. IV: 41, 79, 97).

505. Хохряков Г. Ф. Криминология. М.: Юристъ, 1999 (ч. I: 7, 10, 18, 181,ч. III: 213,ч. IV 101).

506. Хохряков Г. Ф., Саркисов ГС. Преступления осужденных:

причины и предупреждение. Ереван: Айястан, 1988 (ч. IV 101).

507. Хулсман Л., Макклинток Ф. // Планирование мер борьбы с преступностью. М.: ИГиПАН, 1982 (ч. IV 16).

508. Чайковский Ю. К общей теории эволюции // Путь. 1993. № 4 (ч. III: 13).

509. Чалидзе В. Уголовная Россия. М.: ТЕРРА, 1990 (ч. III: 139, 215).

510. Чаликова В. Терроризм // 50/50 Опыт словаря нового мышления. М., 1989 (ч. III: 202, 208).

511. Чарыхов Х. М. Учение о факторах преступности: (Социологическая школа в науке уголовного права). М., 1910 (ч. II: 132).

512. Частная криминология / Ред. Д. Шестаков. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007 (ч. I: 19, ч. II: 150, ч. III: 259).

513. Человек и тюрьма: Сборник информационных материалов / Ред. В. Абрамкин. М., 1998 (ч. IV 82).

514. Человек как объект социологического исследования / Ред. Л. И. Спиридонов, Я. И. Гилинский. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977 (ч. I: 179, ч. II: 156, 183, 188).

515. Черная книга преступлений против детей в Санкт-Петербурге: Факты, документы, комментарии. СПб.: Детский фонд им. Ф. М. Достоевского, 1994 (ч. III: 218).

516. Честнов И. Л. Правопонимание в эпоху постмодерна. СПб.: ИВЭСЭИП, 2002 (ч. II: 104, 105, 106).

517. Чижевский А. Л. Космический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия. М.: Мысль, 1995 (ч. II: 155).

518. Численность и состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. М.: Финансы и статистика, 1984 (ч. IV: 86).

519. Шанин Т. Эксполярные структуры и неформальная экономика современной России // Неформальная экономика: Россия и мир / Ред. Т. Шанин. М.: Логос, 1999 (ч. III: 141, 142).

520. Шаргородский М. Д. Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества. М.: ГИЮЛ, 1957 (ч. IV: 22).

521. Шаргородский М. Д. Научный прогресс и уголовное право // Советское государство и право. 1969. № 12 (ч. III: 280).

522. Шаргородский М. Д. Наказание, его цели и эффективность. Л.: ЛГУ, 1973(ч. IV 37).

523. Шаров Л. Оставьте преступность в покое // Общая газета. 1998. № 2. 15–21 января (ч. III: 158).

524. Шестаков Д. А. Семейная криминология. СПб.: Изд-во СПб ун-та, 1996 (ч. I: 25).

525. Шестаков Д. А. Криминология: Краткий курс. СПб.: Лань,

2001(ч. IV 34).

526. Шестаков Д. А. Семейная криминология (криминофамилистика). СПб., 2003 (ч. I: 25, ч. III: 42).

527. Шестаков Д. А. Криминология: Учебник для вузов. 2-е изд. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006 (ч. I: 19, 61, ч. III: 195).

528. Шишов О. Ф. Смертная казнь в истории России и Советского государства // Смертная казнь: За и против. М.: Юридическая литература, 1989 (ч. IV 59, 71).

529. Шмальгаузен И. И. Кибернетические вопросы биологии. Новосибирск: Наука, 1968 (ч. III: 11).

530. Шнайдер Г. Й. Криминология. М.: Прогресс – Универс, 1994 (ч. I: 15, 103, ч. II: 63, 73, 80, 83, ч. III: 194, 204).

531. Шоу К. Техника изучения отдельных дел. Значение собственного жизнеописания подростка-делинквента // Социология преступности. М.: Прогресс, 1966 (ч. II: 54).

532. Шоу К, Маккей Г. Теоретические выводы из экологического изучения Чикаго // Социология преступности. М.: Прогресс, 1966 (ч. II: 52).

533. Шур Э. Наше преступное общество: Социальные и правовые источники преступности в Америке. М.: Прогресс, 1977 (ч. II: 71,ч. III: 164).

534. Штофф В. А. Моделирование и философия. М. – Л., 1965 (ч. I: 44).

535. Щедрин Н. В., Кылина О. М. Меры безопасности для охраны власти и защиты от нее. Красноярск: КГУ, 2006 (ч. III: 195, 199).

536. Шедровицкий Г. П. Проблемы методологии системного исследования. М.: Наука, 1964 (ч. I: 28).

537. Экономическая теория преступной и правоохранительной деятельности / Под ред. Л. Тимофеева и Ю. Латова. М.: РГГУ, 1999 (ч. I: 11,ч. III: 109).

538. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2 (ч. II: 33).

539. Эффективность действия правовых норм / Ред. А. С. Пашков и др. Л.: ЛГУ, 1977 (ч. II: 188).

540. Юзиханова Э. Г. Моделирование криминогенных процессов в субъектах Российской Федерации. Тюмень: Вектор Бук, 2005 (ч. I: 14,46, ч. II: 171, ч. III: 40).

541. Юзиханова Э. Г. Тенденции и закономерности преступности в субъектах Российской Федерации: Дис… д-ра юрид. наук. М., 2007 (ч. I: 53).

542. Юстицкий В. Организованная преступность: смена парадигм // Преступность и криминология на рубеже веков. Материалы XII Международного Балтийского

криминологического семинара. СПб.: СПб ФИС РАН, СПбГУ, 1999 (ч. III: 121, 122).

543. Яблонский Л. Шайка делинквентов как промежуточная группа// Социология преступности. М.: Прогресс, 1966 (ч. III: 232).

544. Ядов В. А. Социологическое исследование: Методология, программа, методы. Самара: Самарский ун-т, 1995 (ч. I: 47).

545. Яковлев А. М. Преступность и социальная психология: Социально-психологические закономерности противоправного поведения. М.: Юридическая литература, 1971 (ч. II: 15, 29, 147).

546. Яковлев А. М. Теория криминологии и социальная практика. М.: Наука, 1985 (ч. I: 84, 147, 148).

547. Яковлев А. М. Социология экономической преступности. М: Наука, 1988 (ч. III: 167).

548. Яницкий О. Н. Модерн и его отходы // Социологический журнал. 2004. № 1/2 (ч. III: 82).

549. Ясавеев И. Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. Казань, 2004 (ч. I: 76, ч. III: 51).

550. Aromaa K., Nevala S. (Eds.) Crime and Crime Control in an Integrating Europe. Helsinki: HEUNI, 2004 (ч. III: 252).

551. Abadinsky H. Organized Crime. Fourth Ed. Chicago: Nelson-Hall Publishers, 1994 (ч. III: 114, 116, 123).

552. Abolitionism in History: On another Way of Thinking. Warsaw, 1991(ч. IV: 52).

553. Aebi M. Crime Trends in Europe from 1990 to 2000 // Aromaa K., Nevala S. (Eds.) Crime and Crime Control in an Integrating Europe. Helsinki: HEUNI, 2004 (ч. III: 252).

554. Aebi M., Stadnic N. Council of Europe. Space I (Council of Europe Annual Penal Statistics). Survey 2005. Strasbourg, 2007 (ч. IV: 73).

555. Agnew R. Foundation for a General Strain Theory of Crime and Delinquency // Criminology. 1992. № 30 (ч. II: 67).

556. Agnew R. Sources of Criminality: Strain and Subcultural Theories // Sheley J. Criminology: A Contemporary Handbook. Wadsworth, 2000 (ч. II: 66).

557. Albanese J. Myths and Realities of Crime and Justice. Third Edition. Apocalypse Publishing Co., 1990 (ч. I: 3, ч. IV 39).

558. Albanese J. Organized Crime: The Mafia Mystique // Shelley J. Criminology: A Contemporary Handbook. Second Ed. Wadsworth Publishing Co. 1995 (ч. III: 111, 117, 123, 124, 130, 160).

559. Albini J. The American Mafia: Genesis of a Legend. NY: Appleton-Century-Crofts, 1971 (ч. III: 111).

560. Albrecht G, Ludvig-Mayerhofer (Eds.) Diversion and

Informal Social Control. Berlin-New York: Walter de Gruyter, 1995 (ч. IV 109).

561. Albrecht G, Ludwig-Mayerhofer W (Eds.) Version and Informal Social Control. Berlin: Walter de Gruyter and Co., 1995 (ч. IV 105).

562. Alvazzi del Frate A. Preventing Crime: Citizen's Experience Across the World. Roma: UNICRI, 1997 (ч. IV: 111).

563. Anechiarico E, Jacobs J. The Pursuit of Absolute Integrity: How Corruption Control Makes Government Ineffective. Chicago-London: The University of Chicago Press, 1996 (ч. III: 193).

564. Annual Report on the State of the Drugs Problem in the European Union. Lisboa: EMCDDA, 1997 (ч. III: 251).

565. Afanasyev V. Views on Social Problems among Influential Groups in St. Petersburg // Journalists, Administrators and Business People on Social Problems. Helsinki: NAD Publication, 1998 (ч. I: 50).

566. Afanasyev V., Gilinskij Y. Alcohol, Drugs and Crime in the St. Petersburg Press // Social Problems in Newspapers. Studies around the Baltic Sea. Helsinki: NAD Publication, 1994 (ч. I: 54).

567. Afanasyev V., Gilinskij Y, Golbert V. Social Changes and Crime in St. Petersburg // Ewald U. (Ed.) Social Transformation and Crime in Metropolises of Former Eastern Bloc Countries. Bonn: Forum Verlag Godesberg, 1997 (ч. I: 98).

568. Baird R., Rosenbaum S. (Eds.) Punishment and the Death Penalty: The Current Debate. Prometheus Book, 1995 (ч. IV: 65).

569. Barak G. Integrating Criminologies. Allyn and Bacon, 1998 (ч. I: 10,17,57, ч. II: 123).

570. Barclay G, Tavares C, Siddique A. International Comparisons of Criminal Justice Statistics 1999 // Home Office Statistical Bulletin. May 2001. Issue 6/01 (ч. IV 73).

571. Barclay G., Tavares C International comparisons of criminal justice statistics 2000 // Home Office Statistical Bulletin. 2002. Issue 05/02(ч. I: 117).

572. Barclay G., Tavares C International comparisons of criminal justice statistics 2001 // Home Office Statistical Bulletin. Issue 12/03. 2003 (ч. I: 94, 107, табл. 3.2, 114, 117, ч. IV 73).

573. Barkan S. Criminology: A Sociological Understanding. New Jersey: Prentice Hall, Upper Saddle River. 1997 (ч. I: 65, 90, ч. III: 115, 129,ч. IV: 55, 112).

574. Bauman Z. Intimations of Postmodernity L.: Routledge, 1992 (ч. II: 109).

575. Becker H. The Outsiders. The Free Press of Glencoe, 1963 (ч. II: 68).

576. Becker G Crime and Punishment: an Economic Approach // Journal of Political Economy. 1968. Vol. 76. № 2 (ч. III: 108).

577. Becker G Economic Analysis and Human Behavior // Advances in Behavioural Sciences. Vol. 1. NY Ablex, Norwood, 1987 (ч. III: 134).

578. Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality. NY: Doubleday, 1966 (ч. I: 63).

579. Black D. The Behavior of Law. NY: Academic Press, 1976 (ч. IV: 15).

580. Bloor M., Wood F. (Eds.) Addictions and Problem Drug Use: Issues in Behavior, Policy and Practice. L.: Jessica Kingsley Publishers, 1998 (ч. III: 239).

581. Bohm R. A Primer on Crime and Delinquency. Belmont: Wadsworth, 1997 (ч. II: 102).

582. Bondeson U. (Eds.) Crime and Justice in Scandinavia. Copenhagen: Forlaget Thomson A/S, 2005 (ч. I: 111).

583. Bonger W. Criminality and Economic Conditions. Little, Brown, Boston, 1916(ч. II:36).

584. Braithwaite J. Crime, Shame, and Reintegration. Cambridge University Press, 1989 (ч. II: 127).

585. Brown S., Esbensen F-A., Geis G. Criminolgy: Explaining Crime and its Context. Third Edition. Anderson Publishing Co., 1998 (ч. I: 55, 90).

586. Bryant C (Editor-in-Chief.) Encyclopedia of Criminology and Deviant Behavior. Vol. IV Self-Destructive Behavior and Disvalued Identity. Brunner Routledge, Taylor and Francies Group, 2001 (ч. III: 242).

587. Caffrey S., Mundy C (Eds.) The Sociology of Crime and Deviance. Greenwich University Press, 1995 (ч. I: 65).

588. Cassesse A. Terrorism, Politics and Law. Cambridge: Polity Press, 1989(ч. III: 201).

589. Celebrating Prevention: European Crime Prevention Award 1997. Information and PR Office Prevention, 1997 (ч. IV 108).

590. Champion D. J. Corrections in the United States. A Contemporary Perspective. Fourth Edition. NJ.: Pearson Prentice Hall, 2005 (ч. IV: 51).

591. Christie N. Limits to Pain. Oxford: Martin Robertson, 1981 (ч. I: 4).

592. Christie N. A Suitable Amount of Crime. NY – L.: Routledge, 2004 (ч. I: 4, 32, 69, 70).

593. Clay W. To Kill or Not to Kill: Thoughts on Capital Punishment. San Bernardino (Calif), 1990 (ч. IV 56).

594. Clear T., Terry K. Correction Beyond Prison Walls // Sheley J. Criminology (ч. IV: 47).

595. Cloward R., Ohlin L. Delinquency and Opportunity. NY: Free Press, 1960 (ч. II: 58).

596. Cohen A. K. Delinquent Boys. The Culture of the Gang. NY: Free Press, 1955 (ч. II: 57, ч. IV: 11).

597. Cohen S. Folk Devils and Moral Panics. St. Albans: Paladin, 1973 (ч. I: 1).

598. Cohen S. Human Rights and Crimes of the State: the Cultural of Denial // Criminological Perspectives. A Reader. SAGE, 1996 (ч. IV: 11).

599. Coleman J. The Criminal Elite: The Sociology of White Collar Crime. NY: St. Martin's Press, 1985 (ч. III: 163, 164).

600. Combating Hate Crimes in the OSCE Region: An Overview of Statistics, Legislation, and National Initiatives. Warsaw, 2005 (ч. III: 50).

601. Community Policing in Chicago, Year Seven: An interim Report. Chicago: Illinois Criminal Justice Information Authority. November 2000(ч. IV: 110).

602. Complex White Collar Crime. Canberra: Commonwealth of Australia, 1993 (ч. III: 164).

603. Consedine J. Restorative Justice: Healing the Effects of Crime. Ploughshares Publication, 1995 (ч. IV: 52).

604. Contemporary Justice Review: Issues in Criminal, Social and Restorative Justice: Special Issue on The Phenomenon of Restorative Justice. 1998. Vol. 1. № 1 (ч. IV: 52).

605. Correctional Institutions in Japan. Correctional Bureau Ministry of Justice, 1985(ч. IV: 51).

606. Coser L. The Functions of Social Conflict. L.: Free Press of Glencoe, 1956 (ч. II: 78).

607. Crime in United States 2000. Uniform Crime Reports. Washington, D. C.: US Department of Justice Federal Bureau of Investigation, 2001 (ч. I: 124).

608. Criminological Perspectives. A Reader. SAGE, 1996 (ч. IV: 11).

609. Das neue Taschen Lexikon. Bertelsmann Lexikon Verlag, 1992. B. 13 (ч. IV: 27).

610. Davis N., Anderson B. Social Control: The Production of Deviance in the Modern State. Irvington Publishers Inc., 1983 (ч. IV: 15).

611. De Keseredy W., Schwartz M. Contemporary Criminology. Wadsworth Publishing Co., 1996 (ч. I: 55, 65, 90, ч. III: 137).

612. Donziger S. The Real War on Crime: The Report of the National Criminal Justice Commission. Harper Collins Publ., Inc., 1996 (ч. III: 246,264, ч. IV: 54, 112).

613. Einstadter W., Henry S. Criminological Theory: An Analyses of Its Underlying Assumption. Fort Worth: Harcourt Brace College Publishers, 1995 (ч. II: 90).

614. Electronic Monitoring: The Trials and their Results. L., Home Office, 1990 (ч. IV: 47).

615. Elliot D., Hamburg B., WIIIiams K. (Eds.) Violence in American Schools. Cambridge University Press, 1998 (ч. III: 42).

616. Ewald U. (Ed.) Social Transformation and Crime in Metropolises of Former Eastern Bloc Countries. Bonn: Forum Verlag Godesberg, 1997 (ч. I: 98).

617. Falck S., von Hofer H., Storgaard A. (Eds.) Nordic Criminal Statistics 1950–2000. Stockholm, 2003 (ч. I: 121, 122).

618. Fattah E. Towards a Critical Victimology. MacmIIIan Press, 1992(ч. I: 21).

619. Fay K. Prescribed Addiction // Bloor M., Wood E Op. cit. (ч. III: 240).

620. Ferrell J., Sanders C Cultural Criminology. Boston: Northeastern University Press, 1995 (ч. I: 13).

621. Finer C, Nellis M. (Eds.) Crime and Social Exclusion. Blackwell Publishers Ltd., 1998 (ч. I: 174).

622. Fijnaut C, Paoli L. (Eds.) Organised Crime in Europe: Concepts, Patterns and Control Policies in European Union and Beyond. Springer, 2004. Vol. I–IV (ч. III: 138).

623. Fishbein D. Biobehavioral Perspectives in Criminology. Wadsworth, Thomson Learning, 2001 (ч. II: 18).

624. From Russia with sex // New York. August, 10. 1998 (ч. III: 89).

625. Forst B. (Ed.) The Socio-Economics of Crime and Justice. M. E. Sharpe, Inc., 1993 (ч. I: 12,150).

626. Garland D. The Culture of High Crime Societies. Some Preconditions of Recent «Law and Order» Policies // The British Journal of Criminology. 2000. Vol. 40. № 3 (ч. II: 118, 119).

627. Garland D. The Culture of Control. Oxford University Press, 2001(ч. II: 118).

628. Gerstenfeld Ph. Hate Crimes: Causes, Controls and Controversies. SAGE Publications, 2004 (ч. III: 50).

629. Gerstenfeld Ph., Grant D. (Eds.) Crime of Hate: Selected Readings. SAGE Publications, 2004 (ч. III: 50).

630. Gilinskiy Y. Economic Crime in Contemporary Russia // European Financial Service Law, 1998. Vol. 5. № 3–4 (ч. III: 168).

631. Gilinskiy Y. Police and the Community in Russia // Police Practice and Research. An International Journal. 2005. Vol. 6. № 4 (ч. I: 54, 98).

632. Gilinskiy Y, Ivanov L. Victimology in the USSR: Theoretical Approach and Empirical Research // Kaiser G, Kury H., Albrecht H-J. (Eds.) Victims and Criminal Justice. Freiburg in Br.: the Max Planck Institute, 1991(ч. I: 23).

633. Gilinskiy Y, Kostjukovsky Y. From Thievish Artel to Criminal Corporation: The History of Organised Crime in Russia // C. Fijnaut, L Paoli (Eds.) Organised Crime in Europe: Concepts, Patterns and Control Policies in European Union and Beyond. Springer, 2004. Vol. 4 (ч. III: 138).

634. Goffman E. Asylums. Harmondsworth, Penguin Books, 1961 (ч. IV 19).

635. Goldstein A., Segall M. (Eds.) Agression in Global Perspective. Pergamon Press, 1983 (ч. III: 8).

636. Gondolf E. Psychiatry Response to Family Violence. D. C Toronto, 1991(ч. I: 25).

637. Government of Japan. Summary of the White Paper on Crime. Research and Training Institute Ministry of Justice, 1996 (ч. III: 281).

638. Griffiths M. Against the Odds: An Overview of Gambling Addiction // Bloor M., Wood E (Eds.) Addictions and Problem Drug Use: Issues in Behavior, Policy and Practice. L: Jessica Kingsley Publishers, 1998 (ч. III: 239).

639. Grover Ch. Inequality and Crime // Peelo M., SoothIII K. (Eds.) Questing Crime and Criminology. WIIIan Publishing, 2005 (ч. II: 165).

640. Gurvich I., Rusakova M., Pyshkina T., Yakovleva A. The Commercial Sexual Exploitation of Children in St. Petersburg and Northwest Russia. Save the Children. Stockholm, 2002 (ч. III: 95, 96).

641. Hagan J. Modern Criminology: Crime, Criminal Behavior and its Control. NY: McGraw-HIII, 1985 (ч. I: 80, 87).

642. Hagan J. Introduction to Criminology: Theories, Methods, and Criminal Behavior. Nelson-Hall, 1986 (ч. I: 10, ч. III: 123, 136).

643. Hagan J. Structural Criminology. New Jersey: Rutgers, The State University, 1989 (ч. I: 12, 150).

644. Hammerschick W., Karazman-Morawetz I., Stangl W. (Hrsg.) Die sichere Stadt: Prevention und kommunale Sicherheitspolitik. Nomos Verlag, 1995 (ч. IV: 109).

645. Hall N. Hate Crime. WIIIan Publishing, 2005 (ч. III: 50, 53).

646. Hawkins D. Crime and Ethnicity // Forst B. (Ed.) The Socio-Economics of Crime and Justice. M. E. Sharpe, Inc., 1993 (ч. I: 161).

647. Hendrics J., Byers B. Crisis Intervention in Criminal Justice. Charles C Thomas Publishing, 1996 (ч. IV: 39, 104).

648. Henry S., Milovanovic D. Constitutive Criminology: Beyond Postmodernism. SAGE, 1996 (ч. I: 35, ч. II: 115, 116).

649. Herman. Recherches sur le nombre des suicides et homicides commis en Russie pendant les annees 1819 et 1820 // Memoires de l'Academie Imperiale des Sciences de S. Petersburg. 1832. Ser. 6. № 1 (ч. II: 130).

650. Herz A. Trafficking in Human Beings: An Empirical Study on Criminal Prosecution in Germany. Freiburg in Br.: MPI, 2006 (ч. III: 90).

651. Hess H., Scheerer S. Was ist Kriminalität? // Kriminologische Journal. 1997. Heft 2 (ч. I: 66).

652. Hester S., Eglin P. A Sociology of Crime. NY-L.: Routledge, 1992(ч. I: 12,65).

653. HillIiard P., Pantazis Ch., Tombs S., Gordon D. Beyond Criminology: Taking Harm Seriously. Pluto Press, Fernwood Publishing, 2004 (ч. I: 71).

654. Hirschi T Causes of Delinquency. Berceley: University of California Press, 1969 (ч. II: 76).

655. Homicide Trends in the United States: 1998. Update Washington: U. S. Department of Justice, 2000.

656. Hood R. The Death Penalty: A World-wide Perspective. Oxford: Clarendon Press, 1996 (ч. IV: 60, 65).

657. Hood R. Capital Punishment: A Global Perspective // Punishment and Society, 2001. Vol. 3. № 3 (ч. IV 60, 65, 66).

658. Hulsman L. Critical Criminology and the Concept of Crime // Contemporary Crisis. 1986. № 10 (ч. I: 67).

659. Information on the Criminal Justice System in England and Wales. Home Office. Digest 4. October 1999 (ч. I: 117, ч. IV 43).

660. Ingstrup O. Only those who believe can stay the Course in turbulent Times: A Value-based, strategic approach to the Management and development of Corrections. Canadian Centre for Management Development, 1995 (ч. IV 51).

661. Irk F. (Ed.) Victims and Opinions. Vol. 1, 2. Budapest: OKRI, 2004 (ч. I: 21).

662. Jacobs J., Friel C, Radick R. Gotham Unbound: How New York City was Liberated from the Grip of Organized Crime. NY – L: New York University Press, 1999 (ч. III: 161).

663. Jacobs J., Potter K. Hate Crimes: Criminal Law & Identity Politics. Oxford University Press, 1998 (ч. I: 74, ч. III: 49, 50, 52).

664. Johnston L., Malley P., Bachman J. Drug Use, Drinking, and Smoking: National Survey Results from High School, College, and Young Adults Populations. 1975–1988. RockvIIIe, 1989 (ч. III: 256).

665. Joseph L. (Ed.) Crime, Communities and Public Policy. University of Chicago, 1995 (ч. IV: 110).

666. Joutsen M. The Criminal Justice System in Finland: A General Introduction. Helsinki, 1990 (ч. I: 120).

667. Joutsen M. Recent Trends in Crime in Western Europe // European Journal on Criminal Policy and Research. 1996.

668. Junger-Tas, J. Alternatives to Prison Sentences: Experiences and Developments. Amsterdam – NY, 1994 (ч. IV 47).

669. Kaiser G, Kury H., Albrecht H-J. (Eds.) Victims and Criminal Justice. Freiburg in Br.: the Max Planck Institute, 1991 (ч. I: 23).

670. Kangaspunta K. Mapping the inhuman trade: preliminary findings of the database on trafficking in human beings // Forum on Crime and Society. 2003. Vol. 3. № 1 (ч. III: 72, 77).

671. Kelly R., Ko-lin Chin, Schatzberg R. (Eds.) Handbook of Organized Crime. In the United State. Greenwood Press, 1994 (ч. III: 117, 123).

672. King R., McDermott R. The State of our Prisons. Oxford: Clarendon Press, 1995 (ч. IV: 51).

673. Klingemann H., Hunt G. (Eds.) Drug Treatment Systems in an International Perspective: Drugs, Demons, and Delinquents. SAGE Publications, 1998 (ч. III: 247, 253, 254, 255).

674. Kressel N. Mass Hate: The Global Rise of Genocide and Terror. Plenum Press, 1996 (ч. I: 136, ч. III: 7).

675. Kury H. (Hrsg.) Konzepte Kommunaler Kriminalprävention. Freiburg: MPI, 1997 (ч. IV: 109).

676. Lab S. Personal Opinion: Alice in Crime Prevention Land (With Apologies to Lewis Carrol) // Security Journal, Perpetuity Press Ltd. Vol. 12. № 3. 1999 (ч. IV 103).

677. Lagebild Menschenhandel. Wiesbaden: Bundeskriminalamt, 1999,2000,2001(ч. III: 73).

678. Laquer W. Terrorism. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1977 (ч. III: 206).

679. Lanier M., Henry S. Essential Criminology. Westview Press, 1998 (ч. I: 9, 10, 55, 90, ч. II: 98, 117, 124).

680. Left N. Economic Development trough Bureaucratic Corruption // The American Behavioral Scientist. 1964. VIII (ч. III: 178).

681. Lemert E. Social Pathology: A Systematic Approach to the Theory of Sociopathic Behavior. NY: McGraw-HIII, 1951 (ч. II: 70).

682. Lenoir R. Les exclus, un français sur dix. Paris: Seuil, 1974 (ч. I: 169).

683. Lesieur H., Welch M. Vice Crimes: Personal Autonomy Versus Societal Dictates// Sheley J. Criminology, (ч. III: 267).

684. Maguire M., Morgan R., Reiner R. (Eds.) The Oxford Handbook of Criminology. Fourth Edition. Oxford University Press, 2007 (ч. I: 72, ч. II: 2, 120, 121, ч. IV 106).

685. Manheim H. Comparative Criminology. L, 1973. Vol. 2 (ч. II: 31).

686. Mathiesen T The Politics of Abolition. Essays in Political Action Theory // Scandinavian Studies in Criminology. Oslo – London, 1974 (ч. I: 4, ч. IV 39).

687. Matza D. Delinquency and Drift. NY, 1964 (ч. II: 75).

688. McShane M., WIIIiams F. (Eds.) Criminal Justice. Contemporary Literature in Theory and Practice. NY – L.: Garland Publishing, Inc., 1997(ч. I: 161).

689. Messerschmidt J. Crime as Structured Action: Gender, Race, Class, and Crime in the Making. SAGE, Inc. 1997 (ч. I: 12).

690. Messner S., Golden R. Racial Inequality and Racially Disaggregated Homicide Rates: An Assessment of Alternative Theoretical Explanations // McShane M., Williams E (Eds.) Criminal Justice. Contemporary Literature in Theory and Practice. NY – L.: Garland Publishing, Inc., 1997 (ч. I: 161).

691. Milovanovic D. Postmodern Criminology. NY – L.: Garland Publishing, Inc, 1997 (ч. I: 5, 35, ч. II: 114).

692. Morris R., Heffren C Street People Speak. Mosaic Press, 1988 (ч. I: 49).

693. Moskalewicz J., Swiatkiewicz G. (Eds.) Drug demand reduction in Poland inventory of data prepared for PHARE programme "Fight against Drugs". Warsaw, 1995 (ч. III: 250).

694. Moskalewicz J. et all. Prevention and Management of Drug Abuse in Poland. Summary of Final Report. Warsaw, 1999 (ч. III: 250).

695. Mullen P., Pathe M., Purcell R. Stalkers and their Victims. Cambridge University Press, 2000 (ч. III: 57).

696. Muncie J., McLaughin E. (Eds.) The Problem of Crime. SAGE Publications, 1996 (ч. I: 10, 57, 65, 90).

697. Nelken D. (Ed.) The Futures of Criminology. SAGE Publications, 1994 (ч. II: 87).

698. Newman G. (Ed.) Global Report on Crime and Justice. NY: Oxford University Press, 1999 (ч. I: 93, ч. IV: 73).

699. O'Donnel G, Schmitter P. Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986 (ч. IV: 25).

700. Palermo G, White M. Letters from Prison: A Cry For Justice. Charles C Thomas Publisher Ltd., 1998 (ч. I: 48).

701. Peelo M., SoothIII K. (Eds.) Questioning Crime and Criminology. WIIIan Publishing, 2005 (ч. I: 2).

702. Pepinsky H. The Geometry of Violence and Democracy. Indiana University Press, 1991 (ч. III: 28).

703. Pepinsky H., Jesilov P. Myths that Cause Crime. Seven Locks Press, 1984 (ч. I: 3).

704. Pepinsky H., Quinney R. (Eds.) Criminology as Peacemaking. Bloomington: Indiana University Press, 1991 (ч. II: 100, 101).

705. Podgorecki A. Patalogia zjcia spolecznego. Warszawa, 1969 (ч. II: 160).

706. Police Crime Statistics 2006. Federal Republic of Germany.

Wiesbaden: Bundeskriminalamt, 2007 (ч. I: 112, 115).

707. Polizeiliche Kriminalstatistik Bundesrepublik Deutschland. Berichtsjahr 2004. Bundeskriminalamt Wiesbaden, 2005 (ч. I: 91, 112, 113,116).

708. Quinney R. The Social Reality of Crime. Boston: Little, Brown & Co, 1970 (ч. II: 82).

709. Quinney R. The Social Reality of Crime // Williams III F., McShane M. Criminology Theory. Selected Classic Readings. Second Ed. Cincinnati: Anderson Publishing Co., 1998 (ч. II: 84).

710. Ramberg I. Islamophobia and its consequence on Young People. Budapest, 2004 (ч. III: 50).

711. Recorder Crime England and Wales, 12 months // Home Office Statistical Bulletin, 2001 (ч. I: 92).

712. Reid S. Crime and Criminology. Fifth Ed. Holt, Rinehart & Winston, Inc. 1988 (ч. III: 137).

713. Robinson M. Why Crime? An integrated Systems Theory of antisocial Behavior. NY: Pearson. Prentice Hall, 2004 (ч. I: 10, 68, 73).

714. Ross E. Social Control. NY, 1901 (ч. IV: 7).

715. Rotwax H. Guilty. The Collapse of Criminal Justice. NY: Random House, 1996 (ч. IV: 39).

716. Sack E Neue Perspectiven in der Kriminologie // Sack E, Konig R. (Hrsg.) Kriminalsoziologie. Wisbaden, 1968 (ч. II: 72).

717. Sack E, Konig R (Hrsg.) Kriminalsoziologie. Wisbaden, 1968 (ч. II: 72).

718. Santino U., La Fiura G Behind Drugs: Survival economies, criminal enterprises, military operations, development projects. Edizioni Gruppo Abele, 1993 (ч. III: 237, 238).

719. Scarpitti E, Nielsen A. (Eds.) Crime and Criminals: Contemporary and Classic Readings in Criminology. Los Angeles: Roxbury Publishing Co, 1999 (ч. I: 150).

720. Schmalleger F. Criminology Today. New Jersey: Prentice Hall, Englewood Cliffs, 1996 (ч. I: 10, ч. II: 2).

721. Schneider H. J. Kriminologie. Berlin – New York: Walter de Gruyter, 1987 (ч. I: 15).

722. Schoncheck J. On Criminalization: An Essay in the Philosophy of the Criminal Law. Kluver Academic Publishers, 1994 (ч. III: 245).

723. Schur E. Crimes Without Victims. Englewood Cliffs, 1965 (ч. I: 79, ч. II: 71, ч. III: 267).

724. Scogan W., Hartnett S. Community Policing, Chicago Style. Oxford University Press, 1997 (ч. II: 56, ч. IV: 110).

725. Scott J. Comparative Political Corruption. Englewood Cliffs, 1972 (ч. III: 178).

726. Seiter R. Corrections: An Introduction. NJ.: Pearson Prentice Hall, 2005(ч. IV 51).

727. Sgarzi J., McDevitt J. (Eds.) Victimology: A Study of Crime Victims and Their Roles. NJ: Prentice Hall, 2003 (ч. I: 21).

728. Shaw M., van Dijk J., Rhomberg W. Determining Trends in Global Crime and Justice: An Overview of Results from the United Nations Surveys of Crime Trends and Operations of Criminal Justice System // Forum on Crime and Society. Vol. 3. № 1–2. 2003. NY, 2004 (ч. I: 107, 108, 109).

729. Sheley J. Criminology: A Contemporary Handbook. Third Edition. Wadsworth, Thomson Learning, 2000 (ч. I: 90, 97, ч. III: 43).

730. Siegel L Criminology. 4th Ed. West Publishing Co., 1992 (ч. I: 10,ч. III: 126,130).

731. Smith D. The Mafia Mystique. Lanhamy MD: University Press of America, 1990 (ч. III: 111).

732. Stalking in Sweden: Prevalence and Prevention. Stockholm, 2006 (ч. III: 57).

733. Statistics on Race and the Criminal Justice System. Home Office, 2000 (ч. I: 119).

734. Statistics on Women and the Criminal Justice System. Home Office, 2000 (ч. I: 118).

735. Steinert H. The Idea of Prevention and the Critique of Instrumental Reason // Albrecht G., Ludwig-Mayerhofer W. (Eds.) Version and Informal Social Control. Berlin: Walter de Gruyter and Co., 1995 (ч. IV 105).

736. Strafrechtspflege in Deutschland: Fakten und Zahlen. Bonn: Bundesministerium für Justiz, 1996 (ч. IV: 44, 48).

737. Sumner W. Folkways. Boston, 1906 (ч. IV: 5).

738. Summary of the White Paper on Crime. Government of Japan. Research and Training Institute Ministry of Justice, 1996 (ч. IV 49).

739. Summary of the White Paper on Crime. 1996. Research and Training Institute Ministry of Justice (Japan). 1997 (ч. I: 123).

740. Sutherland E. The Professional Thief: By a professional thief. Chicago: University of Chicago Press, 1937 (ч. II: 49).

741. Sutherland E. White-Collar Crime. NY: Holt, Rinehart & Winston, 1983 (первая публикация 1949 г.) (ч. II: 48, ч. III: 162).

742. Sutherland E., Cressey D. Principles of Criminology. NY, Philadelphia, 1960 (ч. II: 50).

743. Swaaningen van R. Critical Criminology. Visions from Europe. SAGE Publications Ltd, 1997 (ч. II: 87).

744. Sykes G, Matza D. Techniques of Neutralization: A Theory of Delinquency // American Sociological Review. 1957. № 22 (ч. II: 74).

745. Tannenbaum E Crime and the Community. NY: Columbia

University Press, 1938 (ч. II: 69).

746. Taylor I. Crime, Capitalism and Community: Three essays in socialist criminology. Toronto: Butterworths, 1983 (ч. II: 92).

747. Taylor I. (Ed.) The Social Effects of Free Market Policies. Harvester Wheatsheaf, 1990 (ч. II: 91).

748. Taylor I., Evans K., Fraser P. A Tale of Two Cities: A Study in Manchester and Sheffield. Routledge, 1996 (ч. II: 35).

749. Taylor I., Walton P., Young J. The New Criminology: For a Social Theory of Deviance. L.: Routledge and Kegan Paul, 1973 (ч. II: 89).

750. Terrorismus // Das neue Taschen Lexikon. Bertelsmann Lexikon Verlag, 1992. Band 16 (ч. III: 203).

751. The Mafia Manager: A Guide to the Corporate Machiavelli. NY: St. Martin's Press, 1996 (ч. III: 135).

752. The Prevention Pioneers: History of the Hein Roethof Prize 1987–1996. Information and PR Office Prevention, 1997 (ч. IV 107).

753. The Sex Trade: Trafficking of Women and Children in Europe and the US. Testimony of Anita Botti, Deputy Director for International Women's Initiatives. Hearing before the Commission on Security and Cooperation in Europe. Washington, June, 29, 1999 (ч. III: 86).

754. The 2000 British Crime Survey // Home Office Statistical Bulletin. London, 2000. 18/00 (ч. I: 92).

755. The 2001 British Crime Survey // Home Office Statistical Bulletin. 2001. Issue 18/01 (ч. I: 117).

756. Thrasher F. The Gang: A Study of 1,313 Gangs in Chicago. Chicago: University of Chicago Press, 1927 (ч. II: 55).

757. Thrasher F. The Gang. Chicago: University Press, 1936 (ч. III: 232).

758. Tierney J. Criminology: Theory and Context. Prentice Hall, Harvester Wheatsheaf, 1996 (ч. I: 10, 90).

759. Tittle Ch. Control Balance: Toward a General Theory of Deviance. Boulder: Westview Press, 1995 (ч. II: 126).

760. Tomasic R., Freeley M. (Eds.) Neighborhood Justice: Assessment of an Emerging Idea. NY and L.: Longman Inc., 1982 (ч. IV: 112).

761. Trafficking in Human Beings: First Report of the Duth National Rapporteur. The Hague: Bureau NRH, 2002 (ч. III: 74).

762. Trafficking in Women: Situation Report. № 1–5. Stockholm: National Criminal Investigation Department, 1998–2002 (ч. III: 75).

763. Turk A. Criminality and Legal Order. Chicago: Rand McNally, 1969(ч. II: 81).

764. Turk A. Political Criminality // WIIIiams III E, McShane M. Ibid (ч. II: 85, 86).

765. Tutt N. (Ed.) Violence. L.: Her Majesty's Stationary Office, 1976 (ч. IV 2).

766. Van Dijk J., van Kaam R., Wemmers J-A. (Eds.) Caring for Crime Victims: Selected Proceedings of the Ninth International Symposium on Victimology. Criminal Justice Press, Monsey, NY, 1999 (ч. I: 21).

767. Viano E. (Ed.) Crime and its Victims: International Research and Public Policy Issues. Hemisphere Publishing Co, 1989 (ч. I: 21).

768. Vold G, Bernard T, Snipes J. (Eds.) Theoretical Criminology. Fourth Ed. Oxford University Press, 1998 (ч. II: 2, 66, 125).

769. Von Hentig H. The Criminal and his Victim. Studies in the Sociology of Crime. New Haven, CT, 1948 (ч. I: 20).

770. Wacquant L. Deadly Symbiosis. When Ghetto and Prison meet and mesh // Punishment and Society. Vol. 3. № 1. 2001. P. 95–133 (ч. II: 111).

771. Wallace H. Family Violence: Legal, Medical, and Social Perspectives. Allyn & Bacon, 1996 (ч. I: 25, ч. III: 42).

772. Walsh A. Biosociology: An Emerging Paradigm. Praeger Publishers, 1995 (ч. III: 15).

773. Walsh A. Biosocial Criminology. Introduction and Integration. Cincinnati OH: Anderson Publishing Co., 2002 (ч. III: 15).

774. Walters R. Deviant Knowledge. Criminology, politics and policy. WIIIan Publishing, 2003 (ч. I: 9).

775. Weber M. Staatssoziologie. Berlin, 1966 (ч. IV 8).

776. Wewer G. Politische Korruption // Politic-Lexicon. Munchen, Wein: Oldenborg Verlag, 1994 (ч. III: 176).

777. White W. Street Corner Society. Chicago: University Press, 1943 (ч. III: 232).

778. White R., Habibis D. Crime and Society. Oxford University Press, 2005 (ч. I: 12, 56, 150, 161, ч. II: 165, ч. III: 195).

779. WIIIiams III E, McShane M. (Eds.) Criminology Theory. Selected Classic Readings. Second Ed. Cincinnati: Anderson Publishing Co., 1998 (ч. II: 2, 79).

780. Winfree L, Abadinsky H. Understanding Crime. Theory and Practice. Chicago, 1996 (ч. II: 1).

781. World Health Statistics. Annual. World Health Organizations. Geneva (ч. I: табл. 3.2, 139, 143).

782. Young A. Imagining Crime. Textual Outlaws and Criminal Conversations. SAGE Publications, 1996 (ч. II: 113).

783. Young J. Radical Criminology in Britain: The Emergence of a Competing Paradigm // British Journal of Criminology. 1998. Vol. 2. № 2 (ч. II: 97).

784. Young J. The Exclusive Society: Social Exclusion, Crime and Difference in Late Modernity. SAGE Publications, 1999 (ч. I: 174, ч. II:

122).

785. Young J. The Vertigo of Late Modernity. SAGE Publications, 2007(ч. I: 72, 174, ч. II: 120).

786. Zweiter Periodischer Sicherheitsbericht. Kurzfassung. Berlin: Bundesministerium des Ihnern, 2006 (ч. I: 114, ч. IV 45).

Рекомендуемая литература

1. Абадинский Г. Организованная преступностью. СПбГУ, 2002.
2. Абрамкин В. Ф. Поиски выхода: Преступность, уголовная политика и места заключения в постсоветском пространстве. М., 1996.
3. Аврутин Ю. Е., Гилинский Я. И. Криминологический анализ преступности в регионе: Методология, методика, техника. Л.: ЛВШ МВД, 1991.
4. Анденес И. Наказание и предупреждение преступлений. М.: Прогресс, 1979.
5. Ансель М. Новая социальная защита (гуманистическое движение в уголовной политике). М.: Прогресс, 1970.
6. Бабаев М. М., Крутер М. С. Молодежная преступность. М.: Юристъ, 2006.
7. Бачинин В. А. Философия права и преступления. Харьков: Фолио, 1999.
8. Блувштейн Ю. Д., Добрынин А. В. Основания криминологии: опыт логико-философского исследования. Минск: Университетское, 1990.
9. Босхолов С. С. Основы уголовной политики. М.: Юринформ, 1999.
10. Волженкин Б. В. Экономические преступления. СПб.: Юридический центр Пресс, 1999.
11. Габиани А. А., Гачечиладзе Р. Г. Некоторые вопросы географии преступности (по материалам Грузинской ССР). Тбилиси, 1982.
12. Гернет М. Н. Избранные произведения. М.: Юридическая литература, 1974.
13. Гилинский Я. Девиантология: Социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 2-е изд. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007.
14. Гилинский Я. И. Девиантность, преступность, социальный контроль. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.
15. Глобализация и девиантность / Ред. Я. Гилинский. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006.
16. Голик Ю. В., Карасев В. И. Коррупция как механизм социальной деградации. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005.
17. Гуров А. И. Профессиональная преступность: Прошлое и настоящее. М.: Юридическая литература, 1990.
18. Гуров А. Красная мафия. М.: Самоцвет, 1995.

19. Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): Тенденции и социологическое осмысление / Отв. ред. Я. Гилинский. СПб.: Алетейя, 2000.

20. Долгова А. И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2003.

21. Забрянский Г. И. Социология преступности несовершеннолетних. Минск: Минсктиппроект, 1997.

22. Зер Х. Восстановительное правосудие: Новый взгляд на преступление и наказание. М.: Центр «Судебно-правовая реформа», 1998.

23. Исаев Н. А. Сексуальные преступления как объект криминологии. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007.

24. Кабанов П. А. Политическая преступность: понятие, сущность, виды, причины, личность политического преступника, меры противодействия (криминологическое исследование). Казань: Новое знание, 2006.

25. Квашис В. Е. Основы виктимологии. М.: Nota Bene, 1999.

26. Кесельман Л., Мацкевич М. Социальное пространство наркотизма. Тимофеев Л. Наркобизнес: Начальная теория экономической отрасли. СПб.: СПб ФИС РАН, 2001.

27. Кирпичников А. И. Взятка и коррупция в России. СПб.: Альфа, 1997.

28. Кларк Р. Преступность в США: Замечания по поводу ее природы, причин, предупреждения и контроля. М.: Прогресс, 1975.

29. Когда убивает государство… Смертная казнь против прав человека. М.: Прогресс, 1989.

30. Криминология / Ред. В. Н. Кудрявцев и В. Е. Эминов М.: Юристъ, 1997.

31. Криминология / Ред. Дж. Шели. СПб.: Питер, 2003.

32. Криминология. Учебник. СПб.: МИЭП, 2007.

33. Криминология XX век. СПб.: Юридический центр Пресс, 2000.

34. Кристи Н. Пределы наказания. М.: Прогресс, 1985.

35. Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия: Вперед к ГУЛАГу западного образца. М., 2001.

36. Кристи Н. Приемлемое количество преступлений. СПб.: Алетейя, 2006.

37. Кристи Н., Бруун К. Удобный враг: Политика борьбы с наркотиками в Скандинавии. М., 2004.

38. Кудрявцев В. Н. Генезис преступления: опыт криминологического моделирования: Учебное пособие. М.:

Форум, 1998.

39. Кудрявцев В. Н. Преступность и нравы переходного периода. М.: Гардарики, 2002.

40. Кудрявцев В. Н. Стратегии борьбы с преступностью. М.: Юристъ, 2003.

41. Кудрявцев В. Н., Трусов А. И. Политическая юстиция в СССР. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.

42. Ли Д. А. Преступность в России: Системный анализ. М.: Гелва, 1997.

43. Лунеев В. В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд. М.: Wolters Kluwer, 2005.

44. Мильяненков Л. По ту сторону закона: Энциклопедия преступного мира. СПб., 1992.

45. Ольков С. Г. Математическое моделирование в юриспруденции, этике и девиантологии. Тюмень, 2006.

46. Основы борьбы с организованной преступностью / Ред. В. С. Овчинский, В. Е. Эминов, Н. П. Яблоков. М.: ИНФРА-М, 1996.

47. Пирожков В. Ф. Криминальная психология. М.: Ось-89, 1998.

48. Политический режим и преступность. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.

49. Преступность среди социальных подсистем / Ред. Д. А. Шестаков. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.

50. Рейсмен В. М. Скрытая ложь: Взятки: «крестовые походы» и реформы. М.: Прогресс, 1988.

51. Ривман Д. В., Устинов В. С. Виктимология. СПб.: Юридический центр Пресс, 2000.

52. Скифский И. С. Насильственная преступность в современной России: объяснение и прогнозирование. Тюмень: Вектор Бук, 2007.

53. Смертная казнь: За и против. М.: Юридическая литература, 1989.

54. Сморгунова А. Л. Современная зарубежная криминология: критическое направление. СПб.: РГПУ, 2005.

55. Социология преступности. М.: Прогресс, 1966.

56. Там Х. Преступность и уровень жизни. М.: Прогресс, 1982.

57. Тимофеев Л. Институциональная коррупция: Очерки теории. М.: РГГУ, 2000.

58. Топильская Е. В. Организованная преступность. СПб.: Юридический центр Пресс, 1999.

59. Уэда К. Преступность и криминология в современной Японии. М.: Прогресс, 1989.

60. Фокс В. Введение в криминологию. М.: Прогресс, 1980.

61. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994.

62. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.

63. Хохряков Г. Ф. Криминология. М.: Юристъ, 1999.

64. Хохряков Г. Ф. Парадоксы тюрьмы. М.: Юридическая литература, 1991.

65. Частная криминология / Ред. Д. Шестаков. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007.

66. Человек против человека: Преступное насилие / Ред. Ю. М. Антонян, С. Ф. Милюков. СПб.: СПбВШ МВД РФ, 1994.

67. Честнов И. Л. Теоретико-методологическое введение в криминологию. СПб.: Юридический институт Генеральной прокуратуры РФ, 2004.

68. Шестаков Д. А. Криминология: Учебник для вузов. 2-е изд. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006.

69. Шнайдер Г. Й. Криминология. М.: Прогресс – Универс, 1994.

70. Шур Э. Наше преступное общество: Социальные и правовые источники преступности в Америке. М.: Прогресс, 1977.

71. Яковлев А. М. Теория криминологии и социальная практика. М.: Наука, 1985.

72. Яковлев А. М. Социология преступности. М.: МНЮИ, 2001.

73. Яавеев И. Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. Казань, 2004.

Напомним также, что в России выходит несколько криминологических журналов, публикующих как классические, так и самые современные труды отечественных и зарубежных авторов:

• Криминологический журнал. Москва (издается с 2001 г.)

• Криминология: Вчера, сегодня, завтра. Санкт-Петербург (издается с 2001 г.).

• Российский криминологический взгляд. Ставрополь (издается с 2005 г.).

• Сибирский криминологический журнал. Иркутск (издавался в 2006 г., с 2007 г. – Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права).

Об авторе

Гилинский Яков Ильич,
доктор юридических наук, профессор

Родился в 1934 г. в Ленинграде. В 1957 г. окончил с отличием Юридический факультет Ленинградского государственного университета (ЛГУ). После непродолжительной работы в суде многие годы был членом Ленинградской Областной коллегии адвокатов.

В 1967 г. защитил кандидатскую диссертацию по уголовному процессу а в 1986 г. – докторскую диссертацию по криминологии. С 1969 г. преподавал и занимался научной работой в учебных и научно-исследовательских учреждениях Ленинграда – Санкт-Петербурга.

В настоящее время является профессором Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ, зав. кафедрой уголовного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена; гл. научным сотрудником Социологического института РАН; деканом юридического факультета Балтийского института экологии, политики, права.

Член Нью-Йоркской Академии наук, Европейского союза криминологов, Международной социологической ассоциации. Член редакционного совета журнала «Police Practice and Research. An International Journal», а также журналов «Криминология: вчера, сегодня, завтра», «Российский криминологический взгляд», «Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права».

Автор свыше 400 научных публикаций (в основном – по криминологии и социологии девиантности и социального контроля, а также по уголовному процессу, теории управления, философии), в том числе 17 монографий. Свыше 100 работ изданы на английском, венгерском, итальянском, немецком, норвежском, польском, французском, японском и других языках.

notes

Примечания

Cohen S. Folk Devils and Moral Panics. St. Albans, 1973.

2

Peelo M., Soothill K. (Eds.) Questioning Crime and Criminology. Willan Publishing. 2005. P. IX (здесь и далее перевод автора, если не оговорено иное. – *Я. Г.)*.

Pepinsky H.,Jesilov P. Myths that Cause Crime. Seven Locks Press, 1984; *Albanese J.* Myths and Realities of Crime and Justice. Third Edition. Apocalypse Publishing Co., 1990.

Mathiesen T. The Politics of Abolition. Essays in Political Action Theory // Scandinavian Studies in Criminology. Oslo/London, 1974; *Christie N.* Limits to Pain. Oxford, 1981 (рус. пер.: *Кристи Н.* Пределы наказания. М., 1985); *Christie N.* A Suitable Amount of Crime. NY. – L., 2004 (рус. пер.: *Кристи Н.* Приемлемое количество преступлений. СПб., 2006).

Полани М. Личностное знание. М., 1985; *Тулмин Ст.* Человеческое понимание. М., 1984; *Фейерабенд П.* Избранные труды по методологии науки. М., 1986; *Холтон Дж.* Тематический анализ науки. М., 1981; *MilovanovicD.* Postmodern Criminology. NY – L.: Garland Publishing, Inc., 1997.

6

Есть много криминологий и много криминологов (здесь и далее перевод автора, если не оговорено иное. – *Я. Г.)*.

Криминология / Ред. В. Н. Кудрявцев и В. Е. Эминов. М., 1997. С. 22; *Хохряков Г. Ф.* Криминология. М., 1999. С. 29.

8

Криминология / Ред. В. Н. Кудрявцев и В. Е. Эминов. С. 16.

9

См.: *Гилинский Я.* Девиантология: Социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 2-е изд. СПб., 2007; Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): Тенденции и социологическое осмысление / Ред. Я. Гилинский. СПб., 2000; *Hagan J.* Introduction to Criminology: Theories, Methods, and Criminal Behavior. Nelson-Hall, 1986. P. 6; *Lanier M., Henry S.* Essential Criminology. Westview Press, 1998. P. 8, 22; *Siegel L.* Criminology. 4th ed. West Publishing Co., 1992. P. 8; *Walters R.* Deviant Knowledge. Criminology, politics and policy. Willan Publishing, 2003.

10

Muncie E., Mc Laughlin (Eds.) The Problem of Crime. SAGE Publications, 1996. P. 12; *Schmalleger F.* Criminology Today. New Jersey, 1996. P.8; *Tierney J.* Criminology: Theory and Context. Prentice Hall, Harvester Wheatsheaf, 1996; *Barak G.* Integrating Criminologies. Allyn and Bacon, 1998. P. 22; *Lanier M, Henry S.* Op. cit. P. 8, 22; *Robinson M.* Why Crime? An integrated Systems Theory of antisocial Behavior. NY, 2004; *Хохряков Ф. Ф.* Криминология. С. 82.

11

Подробнее см.: *Калягин Н. В.* Экономический анализ криминального поведения // Экономическая школа. Аналитическое приложение – 3. СПб., 2006. С. 91–124; Экономическая теория преступной и правоохранительной деятельности / Ред. Л. Тимофеев и Ю. Латов. М., 1999.

Forst B. (Ed.). The Socio-Economics of Crime and Justice. M. E. Sharpe, Inc. 1993; *Hagan J.* Structural Criminology. NJ, 1989; *Hester S., Eglin P.* A Sociology of Crime. NY – L.: Routledge, 1992; *Messerschmidt J.* Crime as Structured Action: Gender, Race, Class, and Crime in the Making. SAGE, Inc. 1997; *White R., Habibis D.* Crime and Society. Oxford University Press, 2005.

Ferrell J., Sanders C. Cultural Criminology. Boston, 1995.

Табиани А. А., Гачечиладзе Р. Г. Некоторые вопросы география преступности (по материалам Грузинской ССР). Тбилиси, 1982; *Лепс А., Павельсон М., Раска Э., Ыунапуу Э.* Социально-территориальные различия и преступность в условиях крупного города (на материалах г. Таллинна). Таллинн, 1981; *Ростов К. Т.* Преступность в регионах России (социально-криминологический анализ). СПб., 1998; *Юзиханова Э. Г.* Моделирование криминогенных процессов в субъектах Российской Федерации. Тюмень, 2005.

15

Шнайдер Г. Й. Криминология. М., 1994. С. 219; *Schneider H. J.* Kriminologie. Berlin-New York, 1987. S. 327–358.

Ольков С. Г. Математическое моделирование в юриспруденции, этике и девиантологии. Тюмень, 2006.

Barak G. Integrating Criminologies. Allyn and Bakon, 1998. P. 7, 298.

18

См., например: *Хохряков Г. А.* Криминология; Криминология: Учебник / Ред. Г. Касторский. СПб., 2007.

19

Шестаков Д. А. Криминология: Учебник для вузов. 2-е изд. СПб., 2006. С. 28–32, 98–102; Преступность среди социальных подсистем / Ред. Д. А. Шестаков. СПб., 2003; Частная криминология / Ред. Д. Шестаков. СПб., 2007.

Von Hentig H. The Criminal and his Victim. Studies in the Sociology of Crime. New Haven, CT, 1948.

21

См., например: *Fattah E.* Towards a Critical Victimology. Macmillan Press, 1992; *Viano E. (Ed.)* Crime and its Victims: International Research and Public Policy Issues. Hemisphere Publishing Co, 1989; *Van Dijk J., van Kaam R., WemmersJ-A. (Eds.)* Caring for Crime Victims: Selected Proceedings of the Ninth International Symposium on Victimology. Criminal Justice Press, Monsey, NY, 1999; *Sgarzi J., McDevitt J. (Eds.)* Victimology: A Study of Crime Victims and Their Roles. NJ: Prentice Hall, 2003; *Irk F. (Ed.)* Victims and Opinions. Vol. 1, 2. Budapest, OKRI, 2004.

Франк Л. В. Виктимология и виктимность. Душанбе, 1972; *Он же.* Потерпевший от преступления и проблемы советской виктимологии. Душанбе, 1977.

23

Подробнее см.: *Квашис В. Е.* Основы виктимологии. М., 1999; *Ривман Д. В., Устинов В. С.* Виктимология. СПб., 2000; *Gilinskiy Y., Ivanov L.* Victimology in the USSR: Theoretical Approach and Empirical Research // Kaiser G., Kury H., Albrecht H-J. (Eds.) Victims and Criminal Justice. Freiburg in Br.: Max Planck Institute, 1991. P. 157–178.

Анисимков В. М. Россия в зеркале уголовных традиций тюрьмы. СПб., 2003; *Михлин А. С.* Общая характеристика осужденных. М., 1991; *Пирожков В. Ф.* Законы преступного мира молодежи: Криминальная субкультура. Тверь, 1994; *Хохряков Г. Ф.* Парадоксы тюрьмы. М., 1991; и др.

Шестаков Д. А. Семейная криминология. СПб., 1996; *Он же.* Семейная криминология (криминофамилистика). СПб., 2003; *Gondolf E.* Psychiatry Response to Family Violence. D. C Toronto, 1991; *Wallace H.* Family Violence: Legal, Medical, and Social Perspectives. Allyn & Bacon, 1996.

Кабанов П. А. Политическая преступность: сущность, причины, предупреждение. Нижнекамск, 2000; *Он же.* Политическая преступность: понятие, сущность, виды, причины, личность политического преступника, меры противодействия (криминологическое исследование). Казань, 2006.

Касторский Г. Л. Мировые религии и преступность. СПб., 2001; *Он же.* Мировые религии и общественно опасное поведение. СПб., 2002; *Бажан Т. А., Старков О. В.* Религиоведение для юристов. СПб., 2007.

Щедровицкий Г. П. Проблемы методологии системного исследования. М., 1964. С. 6.

29

См., например: *Попов Г. Х.* Проблемы теории управления. М., 1970. С. 5–6.

Подробнее см.: *Гилинский Я.* Некоторые вопросы методологии криминологических исследований // Теоретические проблемы изучения территориальных различий в преступности. Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1988. С. 102–110.

31

Моисеев Н. Н. Расставание с простотой. М., 1998. С. 86.

Прекрасной иллюстрацией этого положения служит упоминавшаяся монография *Christie N.* A Suitable Amount of Crime.

33

См., например: *Вицин С. Е.* Системный подход и преступность. М., 1980; *Гилинский Я. И.* О системном подходе к преступности // Правоведение. 1981. № 5. С. 49–56; *Айдинян Р., Гилинский Я.* Функциональная теория организации и организованная преступность // Организованная преступность в России: теория и реальность / Ред. Я. Гилинский. СПб., 1996. С. 1–15.

Бачинин В. А. Философия права и преступления. Харьков, 1999. С. 518–525.

Henry S., Milovanovic D. Constitutive Criminology: Beyond Postmodernism. SAGE, 1996; *Milovanovic D.* Postmodern Criminology, 1997.

Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии. М., 1990. С. 321.

Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 2. С. 255–256.

Бор Н. Избранные научные труды. М., 1971. Т. 2. С. 209.

39

Там же. С. 495.

Цит. по: *Коул К.* Естественность принципа дополнительности // Импакт. Наука и общество. 1986. № 1. С. 55.

41

См.: *Бачинин В. А.* Указ. соч.; *Блувштейн Ю. Д., Добрынин А. В.* Основания криминологии: опыт логико-философского исследования. Минск, 1990.

Блувштейн Ю. Д. Криминология и математика. М., 1974; *Он же.* Криминологическая статистика. Минск, 1981; Методика анализа преступности: Методическое пособие. М., 1986; *Панкратов В. В.* Методология и методика криминологических исследований. М., 1972.

43

См., например: *Лунеев В. В.* Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд. М., 2005; *Кури Х., Обергфелль-Фукс Й.* Общественные изменения и развитие преступности: Сравнение в международном аспекте // Криминология XX век. СПб., 2000. С. 115–176; Глобализация и девиантность / Ред. Я. Гилинский. СПб., 2006.

Штофф В. А. Моделирование и философия. М. – Л., 1965. С. 16.

Плотинский Ю. М. Теоретические и эмпирические модели социальных процессов: Учебное пособие. М., 1998.

Антонян Ю. М., Блувштейн Ю. Д. Методы моделирования в изучении преступника и преступного поведения. М., 1974; *Вицин С. Е.* Моделирование в криминологии. М., 1973; *Кудрявцев В. Н.* Генезис преступления: опыт криминологического моделирования: Учебное пособие. М., 1998; *Ли Д. А.* Преступность в России: Системный анализ. М., 1997; *Ольков С. Г.* Математическое моделирование в юриспруденции, этике и девиантологии. Тюмень, 2006; *Юзиханова Э. Г.* Моделирование криминогенных процессов в субъектах Российской Федерации. Тюмень, 2005.

Аврутин Ю. Е., Гилинский Я. И. Криминологический анализ преступности в регионе: Методология, методика, техника. Л., 1991; *Безруков С. И., Денисенко О. А., Ольков С. Г., Юзиханова Э. Г.* Фундаментальное и прикладное криминологическое исследование преступности и управление органами внутренних дел. Тюмень, 2004; *Блувштейн Ю. Д.* Криминологическая статистика. Минск, 1981; *Он же.* Методика анализа преступности: Методическое пособие. М., 1986; *Он же.* Методы сбора информации в социологических исследованиях. М., 1990; *Ядов В. А.* Социологическое исследование: Методология, программа, методы. Самара, 1995.

Письма из зоны-87 / Ред. В. Абрамкин. М., 1993; *Palermo G., White M.* Letters from Prison: A Cry For Justice. Charles C Thomas Publisher Ltd., 1998.

Тюремный мир глазами политзаключенных / Ред. В. Абрамкин. М., 1993; *Morris R., Heffren C.* Street People Speak. Mosaic Press, 1988.

См.: *Белановский С. А.* Методика и техника фокусированного интервью. М., 1993; *Afanasyev V.* Views on Social Problems among Influential Groups in St. Petersburg // Journalists, Administrators and Business People on Social Problems. Helsinki, 1998.

Проскурнина Н. Использование в криминологических исследованиях классификации социально-демографических групп населения // Теоретические проблемы изучения территориальных различий преступности. Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1985.

Подробнее см.: *Аврутин Ю., Гилинский Я.* Указ. соч.

Ольков С. Г. Математическое моделирование в юриспруденции, этике и девиантологии. Тюмень, 2006; *Скифский И. С.* Насильственная преступность в современной России: объяснение и прогнозирование. Тюмень, 2007; *Юзиханова Э. Г.* Тенденции и закономерности преступности в субъектах Российской Федерации: Дис… докт. юрид. наук. М., 2007.

Сравнительное социологическое исследование «Население и милиция в большом городе» (отчет 4). СПб., 2002; *Afanasyev V., Gilinskiy Y.* Alcohol, Drugs and Crime in the St. Petersburg Press // Social Problems in Newspaper. Studies around the Baltic Sea. Helsinki, 1994. P. 55–70; *Gilinskiy Y.* Police and the Community in Russia // Police Practice and Research. An International Journal. 2005. Vol. 6. № 4. P. 331–346.

Brown S., Esbensen F-A., Geis G. Criminology: Explaining Crime and its Context. Third Edition. Anderson Publishing Co., 1998. P. 17–23; *De Keseredy W., Schwartz M.* Contemporary Criminology. Wadsworth Publishing Co., 1996. P. 31–63; *Lanier M., Henry S.* Essential Criminology. 1998. P. 13–35.

White R., HabibisD. Crime and Society. P. 17.

Barak G. (1998). Op. cit. P. 22; *Muncie J., McLaughlin E. (Eds.)* (1996) Op. cit. P. 12–17.

См., например: Криминология / Ред. Б. В. Коробейников, Н. Ф. Кузнецова, Г. М. Миньковский. М., 1988. С. 63.

Криминология / Ред. В. Н. Кудрявцев, В. Е. Эминов. 1997. С. 22.

Спиридонов Л. И. Криминологический факт и его оценка // Криминология и уголовная политика. М., 1985. С. 21; *Он же.* В русле социологического подхода // Отклоняющееся поведение молодежи. Таллин, 1979. С. 3–4.

Шестаков Д. А. Криминология: Учебник для вузов. СПб., 2006. С. 136.

Долгова А. И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М., 2003. С. 7.

Berger P, Luckmann T. The Social Construction of Reality. NY, 1966.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 11.

Barkan S. Criminology: A Sociological Understanding. NJ, 1997; *Caffrey S., Mundy C. (Eds.)* The Sociology of Crime and Deviance. Greenwich University Press, 1995; *De Keseredy W., Schwartz M.* Op. cit. 1996. P. 45–51; *Hester S., Eglin P.* (1992) Op. cit. P. 27–46; *MuncieJ., McLaughin E. (Eds.)* The Problem of Crime. SAGE, 1996. P. 13.

Hess H., ScheererS. Was ist Kriminalitat? // Kriminologische Journal. 1997. Heft 2.

Hulsman L. Critical Criminology and the Concept of Crime // Contemporary Crisis. 1986. № 10. P. 63–80.

Robinson M. Why Crime? An Integrated Systems Theory of antisocial Behavior. NJ, 2004. P. 2.

Christie N. A suitable Amount of Crime. P. 10–11.

Ibid. P. 1.

См.: *Hilliard P., Pantazis Ch., Tombs S., Gordon D.* Beyond Criminology: Taking Harm Seriously. Pluto Press, Fernwood Publishing, 2004. P. 11–18.

Maguire M., Morgan R., Reiner R. (Eds.) The Oxford Handbook of Criminology. Fourth Edition. Oxford University Press, 2007. P. 179–337. См. также: *Young J.* The Vertigo of Late Modernity. SAGE Publications, 2007.

Robinson M. Why Crime? An integrated Systems Theory of antisocial Behavior. NJ, 2004. P. 2.

Jacobs J., Potter K. Hate Crimes: Criminal Law & Identity Politics. Oxford University Press, 1998.

Гилинский Я. И. Девиантность, социальный контроль и политический режим // Политический режим и преступность. СПб., 2001. С. 39–65.

Ясавеев И. Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. Казань, 2004.

Коган В. М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. М., 1983. С. 89.

См., например: *Оукс Г.* Прямой разговор об эксцентричной теории // Теория общества: Фундаментальные проблемы. М., 1999. С. 292–306.

Schur E. Crimes Without Victims. Englewood Cliffs, 1965.

Hagan J. Modern Criminology: Crime, Criminal Behavior and Its Control. NY, 1985.

Подробнее см.: *Гилинский Я.* Девиантность, социальный контроль и политический режим // Политический режим и преступность. СПб., 2001. С. 39–65.

82

Большая Советская Энциклопедия. 1-е изд. М., 1930. Т. 17. С. 594–598.

83

Большая Советская Энциклопедия. 2-е изд. М., 1952. Т. 12. С. 35.

Яковлев А. М. Теория криминологии и социальная практика. М., 1985. С. 17–29 и др.

Жеребкин В. Е. Логический анализ понятий права. Киев, 1976. С. 37.

Гилинский Я. И. Криминология: Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. СПб., 2002. С. 37.

HaganJ. Modern Criminology: Crime, Criminal Behavior and its Control. NY, 1985. P. 49.

Криминология: Учебное пособие / Ред. Н. Ф. Кузнецова. М., 2006. С. 48–49.

Маркарян Э. С. Очерки теории культуры. Ереван, 1969. С. 66; *Он же.* Теория культуры и современная наука (логико-методологический анализ). М., 1983.

Barkan S. (1997) Op. cit. P. 51–83; *Brown S., Esbensen F.-A., Geis G.* (1998) Op. cit. P. 79–124; *De Keseredy W., Schwartz M.* (1996) Op. cit. P. 109–150; *Lanier M., Henry S.* (1998) Op. cit. P. 36–62; *Muncie J., McLaughlin E.* (1996) Op. cit. P. 19–41; *Sheley J. (Ed.)* Criminology: A Contemporary Handbook. Third Edition. Wadsworth, Thomson Learning, 2000. P. 56–83; *Tierney J.* Criminology: Theory and Context. Prentice Hall, Harvester Wheatsheaf, 1996. P. 24–43.

91

См., например: Polizeiliche Kriminalstatistlk Bundesrepublik Deutschland. Berichtsjahr 2004. Bundeskriminalamt Wiesbaden, 2005.

См., например: The 2000 British Crime Survey // Home Office Statistical Bulletin. London, 2000. 18/00; Recorder Crime England and Wales, 12 months // Home Office Statistical Bulletin, 2001.

Например: *Newman G. (Ed.)* Global Report on Crime and Justice. NY, 1999.

Например: *Barclay G., Tavares C.* International comparisons of criminal justice statistics 2001 // Home Office Statistical Bulletin. Issue 12/03. 2003.

Преступность и правонарушения в СССР. 1989. М., 1990.

См., например: Преступность и правонарушения (2002–2006). Статистический сборник. М., 2007.

Например: *Sheley J.* Criminology. A Contemporary Handbook. Wadsworth, 2000. P. 60–79.

Результаты частично опубликованы в: *Afanasyev V., Gilinskij Y., Colbert V.* Social Changes and Crime in St. Petersburg // Ewald U. (Ed.) Social Transformation and Crime in Metropolises of Former Eastern Bloc Countries. Bonn: Forum Verlag Godesberg, 1997. P. 162–181; *Gilinskiy Y.* Police and the Community in Russia // Police Practice and Research. An International Journal. Vol. 6. N 4. 2005. P. 331–346; Сравнительное социологическое исследование «Население и милиция в большом городе». СПб., 1999; Сравнительное социологическое исследование «Население и милиция в большом городе» (Отчет-2). СПб., 2000; Сравнительное социологическое исследование «Население и милиция в большом городе» (Отчет-3). СПб., 2001; Сравнительное социологическое исследование «Население и милиция в большом городе» (Отчет 4). СПб., 2002.

Преступность и правонарушения (2002–2006). Статистический сборник. М., 2007. С. 11.

Тамже. С. 20.

101

Подробнее см.: *Забрянский Г. И.* Криминологические проблемы села. Ростов н/Д, 1990. С. 58–74; *Коган В. М.* Социальные свойства преступности. М., 1977. С. 37–44; Криминология: Учебное пособие. М., 1997. С. 23–26,47–99; *Максимов С. В.* Краткий криминологический словарь. М., 1995.

102

Подробнее см.: *Гаврилов Б. Я.* Способна ли российская статистика о преступности стать реальной? // Государство и право. 2001. № 1. С. 47–62; *Лунеев В. В.* (2005) Указ. соч. С. 280–293.

103

Подробнее см.: *Горяинов К. К.* Латентная преступность в России: опыт теоретического и прикладного исследования. М., 1994; *Шнайдер Г. Й.* Криминология. С. 124–146.

Латентная преступность в Российской Федерации за 2001–2002 гг. (статистический сборник). М., 2004.

105

Каждый делает это!

Лунеев В. В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд. М., 2005.

Лунеев В. В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд. М., 2005. С. 35–46; *Barclay G., Tavares C.* International Comparisons of Criminal Justice Statistics 2001 // Home Office Statistical Bulletin, 2003. Issue 12/03; *Shaw M., van Dijk J., Rhomberg W.* Determining Trends in Global Crime and Justice: An Overview of Results from the United Nations Surveys of Crime Trends and Operations of Criminal Justice System // Forum on Crime and Society. Vol. 3. № 1–2, 2003. NY, 2004. P. 35–63.

Shaw M., van Dijk J., Rhomberg W. Op. cit. P. 48.

Ibid. P. 51.

Сравнительное социологическое исследование «Население и милиция в большом городе». СПб., 2002.

Bondeson U. (Ed.) Crime and Justice in Scandinavia. Copenhagen, 2005. P. 146.

Polizeiliche Kriminalstatistik Bundesrepublik Deutschland. Berichtsjahr 2004. Bundes-kriminalamt Wiesbaden, 2005. S. 28; Police Crime Statistics 2006. Federal Republic of Germany. Wiesbaden, 2007.

Polizeiliche Kriminalstatistik… S. 49.

Barclay G., Tavares C. International Comparisons of Criminal Justice Statistics 2001. October 2003, Issue 12/03. P. 10; Zweiter Periodischer Sicherheitsbericht. Kurzfassung. Berlin: Bundesministerium des Ihnern, 2006. S. 13.

Police Crime Statistics 2006. Federal Republic of Germany. Wiesbaden, 2007. P. 36–37.

Polizeiliche Kriminalstatistik… S. 57.

Barclay G., Tavares C. International comparisons of criminal justice statistics 2000 // Home Office Statistical Bulletin, 2002, Issue 05/02; *Barclay G., Tavares C.* International comparisons of criminal justice statistics 2001 // Home Office Statistical Bulletin, 2003. Issue 12/03; The 2001 British Crime Survey // Home Office Statistical Bulletin, 2001. Issue 18/01. P. 11, 111, 63; Information on the Criminal Justice System in England and Wales. Digest 4. October 1999. P. 7, 12.

Statistics on Women and the Criminal Justice System. Home Office, 2000. P. 6, 7, 30.

119

Statistics on Race and the Criminal Justice System. Home Office, 2000. P. 10, 16.

Joutsen M. The Criminal Justice System in Finland: A General Introduction. Helsinki, 1990. P. 24.

Falck S., von Hofer H., Storgaard A. (Eds.). Nordic Criminal Statistics 1950–2000. Stockholm, 2003. P. 29.

Ibid. P. 35.

123

Summary of the White Paper on Crime. 1996. Research and Training Institute Ministry of Justice. Japan, 1997. P. 43, 46.

Crime in United States 2000. Uniform Crime Reports. Washington, D. C., 2001.

125

Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): Тенденции и социологическое осмысление / Ред. Я. И. Гилинский. СПб., 2000.

Преступность и правонарушения 1994. М., 1995. С. 27.

127

Гернет М. Н. Избранные произведения. М., 1974. С. 549–550.

Гернет М. Н. Указ. соч. С. 549–550; Россия. 1913 год: Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 393–394.

Гернет М. Н. Указ. соч. С. 281–283.

Золин П. М. Преступность в стране в 1909–1928 гг.: Сравнительная статистика // Советское государство и право. 1991. № 5. С. 112–118.

131

Там же. С. 117.

Гернет М. Н. Преступность за границей и в СССР. М., 1931. С. 85, 160.

Лунеев В. В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. М., 1997. С. 180; *Он же.* Политическая преступность // Государство и право. 1994. № 7. С. 107–121.

Земское В. Н. Спецпоселенцы (По документации НКВД-МВД СССР) // Социологические исследования. 1990. № 11. С. 3–17.

Лунеев В. В. (1994) Указ. соч. С. 120.

Kressel N. Mass Hate: The Global Rise of Genocide and Terror. Plenum Press, 1996. P. 252–253.

Волошина Л. А. Тяжкие насильственные преступления: статистика и реальность // Тяжкая насильственная преступность в России начале 90-х годов. М., 1996. С. 3–9.

Лунеев В. В. (2005) Указ. соч.; *Он же.* Преступность в России при переходе от социализма к капитализму // Государство и право. 1998. № 5. С. 47–58.

World Health Statistics. Annual. Geneve: World Health Organization, 1997; Российский статистический ежегодник. М., 1995.

Подробнее см.: *Гилинский Я., Юнацкевич П.* Социологические и психолого-педагогические основы суицидологии: Учебное пособие. СПб., 1999. С. 49–52.

Смидович С. Г. Самоубийства в зеркале статистики // Социологические исследования. 1990. № 4. С. 74–79.

Подробнее см.: Социальная философия Александра Зиновьева // Вопросы философии. 1992. № 11. С. 34–70.

Ежегодники: World Health Statistics. Annual. World Health Organizations. Geneva.

Криминология. М., 1988. С. 88.

Криминология. СПб., 1992. С. 78.

Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1966. С. 82.

147

Яковлев А. М. Теория криминологии и социальная практика. С. 27, 80.

Там же. С. 35, 36,39.

См. также: *Антонян Ю. М., Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е.* Личность преступника. СПб., 2004.

Forst B. (Ed.) The Socio-Economics of Crime and Justice. M. E. Sharpe, Inc. 1993; *Hagan J.* Structural Criminology. NJ, 1989; *Scarpitti F., Nielsen A. (Eds.)* Crime and Criminals: Contemporary and Classic Readings in Criminology. Los Angeles: Roxbury Publishing Co., 1999; *White R., Habibis D.* Crime and Society. Oxford University Press, 2005.

151

История первобытного общества. Эпоха классообразования. М., 1988. С. 238.

Токарева Е. К. Узы брака и узы свободы // Социологические исследования. 1987. № 2. С. 86. См. также: *Воронина О. Ф.* Женщина в «мужском обществе» // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 104–110; *Ушакова В. К.* Гинекоцентризм против андроцентризма// Социологические исследования. 1985. № 1. С. 167–171.

153

Геодакян В. А. Системно-эволюционная трактовка асимметрии мозга // Системные исследования: Методологические проблемы: Ежегодник 1986. М., 1987. С. 355–376. В статье имеется библиография, включающая еще 14 работ автора, развивающих его концепцию полового диморфизма.

Геодакян В. А. (1987) Указ. соч. С. 361.

155

Там же. С. 369.

Население и общество: Информационный бюллетень Центра демографии и экологии человека. № 93. М., 2005.

Гилинский Я. Творчество: норма или отклонение? // Социологические исследования. 1990. № 2. С. 41–49.

См., например: *Гилинский Я.* Стадии социализации индивида // Человек и общество. Вып. IX. Л., 1971. С. 44–55; *Кон И. С.* Социология личности. М., 1967.

Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Л., 1969.

Одно из немногих исключений – исследования в бывшей Эстонской ССР: *Лепс А.* Влияние социально-демографических процессов на преступность. Таллин, 1981.

Hawkins D. Crime and Ethnicity // Forst B. (Ed.) (1993) Op. cit. P. 89–120; *Hawkins D.* // Scarpitti R., Nielsen A. (Eds.) (1999). Op. cit. P. 135–143; *Messner S., Golden R.* Racial Inequality and Racially Disaggregated Homicide Rates: An Assessment of Alternative Theoretical Explanations // McShane M., Williams F. (Eds.) Criminal Justice. Contemporary Literature in Theory and Practice. NY – L.: 1997. P. 253–278; *White R., Habibis D.* Crime and Society. Oxford University Press, 2005. P. 230–252.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 3–390.

Сорокин П. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 295–424.

164

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 19.

165

Там же. С. 31.

Там же. С. 30, 31.

167

Там же. С. 54, 77.

Погам С. Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. II. Специальный выпуск: Современная французская социология. 1999. С. 140–156.

Lenoir R. Les exclus, un francCXBOCTOMais sur dix. Paris: Seuil, 1974.

Погам С. Указ. соч. С. 147.

Луман Н. Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество // Социология на пороге XXI века: Новые направления исследований. М., 1998. С. 94–108.

Моисеев Н. Н. Расставание с простотой. М., 1998. С. 360, 447.

Погам С. Указ. соч. С. 150.

Finer C., Nellis M. (Eds.) Crime and Social Exclusion. Blackwell Publishers Ltd., 1998; *Young J.* The Exclusive Society: Social Exclusion, Crime and Difference in Late Modernity. SAGE Publications, 1999; *Young]*. The Vertigo of Late Modernity. P. 100–129, 175–196.

175

Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. Социологический словарь. Казань, 1997. С. 322–323.

Там же. С. 121.

177

См.: *Ильин В.* Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ 1917–1996 гг.: Опыт конструктивистско-структуралистского анализа. Сыктывкар, 1996; *Радаев В. В., Шкаратан О. И.* Социальная стратификация. М., 1995.

Вишневецкий К. В. Криминогенная виктимность социальных статусов в современном обществе. Краснодар, 2005.

Человек как объект социологического исследования / Ред. Л. И. Спиридонов, Я. И. Гилинский. Л., 1977.

Габиани А. А., Гачечиладзе Р. Г., Дидебулидзе М. И. Преступность в городах и сельской местности. Тбилиси, 1985; *Забрянский Г. И.* Криминологические проблемы села. Ростов н/Д, 1990; *Заварзин А. В.* Предупреждение правонарушений на селе. Воронеж, 1983.

181

Криминология: Учебник. СПб., 1999. С. 179–197; *Кудрявцев В. Н.* Генезис преступления: Опыт криминологического моделирования. М., 1998; Криминология / Ред. В. Н. Кудрявцев, В. Е. Эминов. С. 92–102; *Хохряков Г. Ф.* Криминология. С. 178–182.

Васильев В. Л. Юридическая психология. СПб., 1997; *Пирожков В. Ф.* Криминальная психология. М., 1998; *Самсонов А. П.* Психология преступных групп. Пермь, 1991; и др.

183

Вообще о стадиях социализации см., например: *Гилинский Я. И.* Стадии социализации индивида// Человек и общество. Вып. IX. Л., 1971. С. 44–55.

Спок Б. Интервью // Литературная газета. 1968. № 10. С. 11.

Скотт Д. П. Биология и контроль за насилием. М., 1973.

См., например: *Сидоренко Э. Л.* Отрицательное поведение потерпевшего и уголовный закон. СПб., 2003.

Winfree L., Abadinsky H. Understanding Crime. Theory and Practice. Chicago, 1996. P. 9–11.

Помимо соответствующих разделов *всех* отечественных и зарубежных *учебников криминологии* см.: Социология преступности. М., 1966; *Фокс В.* Введение в криминологию. М., 1980; *Schmalleger F.* Criminology Today. NJ, 1996 (с отличными схемами! – *Я. Г.); Vold G., Bernard T., Snipes J. (Eds.)* Theoretical Criminology. Fourth Ed. Oxford University Press, 1998; *Williams III E, McShane M. (Eds.)* Criminology Theory. Selected Classic Readings. Second Ed. Cincinnati, 1998; *Maguire M., Morgan R., Reiner R. (Eds.)* The Oxford Handbook of Criminology. Fourth Edition. Oxford University Press, 2007.

189

Антология мировой философии. Т. 1. Ч. 1. М., 1969. С. 129, 132, 133.

Там же. С. 203.

191

Тамже. С. 214.

Аристотель. Сочинения. Т. 4. М., 1983. С. 389.

193

Там же. С. 421.

Мор Т. Утопия. М.-Л., 1947. С. 52–63.

Кампанелла. Город Солнца. М. – Л., 1947. С. 40.

Спиноза Б. Избранные произведения. М., 1957. Т. 1. С. 554.

Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939. С. 222.

Тамже. С. 310.

Там же. С. 308–309.

Конт О. Система позитивной политики // Родоначальники позитивизма. Выпуск второй. СПб., 1910. С. 108, 111.

201

Цит. по: *Яковлев А. М.* Преступность и социальная психология: Социально-психологические закономерности противоправного поведения. М., 1971. С. 20.

Ломброзо Ч. Преступление. СПб., 1900.

Ферри Э. Уголовная социология. М., 1908.

Fishbein D. Biobehavioral Perspectives in Criminology. Wadsworth, Thomson Learning, 2001; см. также: Криминология / Ред. Дж. Шелли. СПб., 2003. С. 384–403.

Тард Г. Сравнительная преступность. М., 1907. С. 33.

Тард Г. Преступник и преступления. М., 1906. С. 62.

Тард Г. Сравнительная преступность. С. 95.

Ферри Э. Уголовная антропология и социализм // Уголовное право и социализм / Ред. М. Н. Гернет. М., 1908. С. 204–215; *Он же.* Уголовная социология. М., 1908.

209

Фрейд З. «Я» и «Оно». Труды разных лет: В 2 кн. Тбилиси, 1991. Кн. 2. С. 408.

Зелинский А. Ф. Осознаваемое и неосознаваемое в преступном поведении. Харьков, 1986.

211

См.: *Хорни К.* Невротическая личность нашего времени. Самоанализ. М., 1993.

Фромм Э. Психоанализ и этика. М., 1993; *Он же.* Иметь или быть? М., 1990.

Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994.

См. об этом также: *Фокс В.* Введение в криминологию. М., 1980. С. 166–169.

215

Цит. по: *Яковлев А. М.* Преступность и социальная психология. С. 39; см. также: *Кетле А.* Человек, развитие его способностей или опыт социальной физики. Киев, 1965.

Кетле А. Человек, развитие его способностей… С. 5.

Manheim H. Comparative Criminology. L., 1973. Vol. 2. P. 422.

Маркс К, Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 515–516.

Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 231–517.

Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. Социологический словарь. Казань, 1997. С. 368.

Taylor I., Evans K., Fraser P. A Tale of Two Cities: A Study in Manchester and Sheffield. Routledge, 1996.

Bonger W. Criminality and Economic Conditions. Boston: Little, Brown, 1916.

223

См. переведенную на русский язык выдержку из раннего издания (1905) упомянутой книги: *Бонгер.* Бродяжничество и нищенство // Уголовное право и социализм / Ред. М. Гернет. М., 1908. С. 57–78.

Лафарг П. Преступность во Франции в 1840–1886 гг. // Уголовное право и социализм/ Ред. М. Гернет. М., 1908. С. 1–56.

Дюркгейм Э. Норма и патология // Социология преступности. М., 1966. С. 39–40.

Там же. С. 42–43.

227

Там же. С. 40.

Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М., 1994.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 3–389.

Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности. С. 299.

231

Там же. С. 302.

Там же. С. 309.

233

Там же. С. 310.

Sutherland E. White-Collar Crime. NY: Holt, Rinehart & Winston, 1983 (первая публикация 1949 г.).

Sutherland E. The Professional Thief: By a professional thief. Chicago, 1937.

Sutherland E., Cressey D. Principles of Criminology. NY, Philadelphia, 1960.

Крэсси Д. Развитие теории. Теория дифференцированной связи // Социология преступности. С. 91–92.

Шоу К., Машей Г. Теоретические выводы из экологического изучения Чикаго // Социология преступности. С. 288–298.

Ландер Б. Экологический анализ Балтиморы // Социология преступности. С. 250–264.

240

См., например: *Шоу К.* Техника изучения отдельных дел. Значение собственного жизнеописания подростка-делинквента // Социология преступности. С. 114–127.

Thrasher F. The Gang: A Study of 1,313 Gangs in Chicago. Chicago, 1927.

Scogan W., Hartnett S. Community Policing, Chicago Style. NY, 1997.

Cohen A. K. Delinquent Boys. The Culture of the Gang. NY, 1955.

Cloward R., Ohlin L. Delinquency and Opportunity. NY, 1960.

245

Коэн А. Содержание делинквентной субкультуры // Социология преступности. С. 318.

Там же. С. 317.

247

Клауорд Р., Оулин Л. Дифференциация субкультуры // Социология преступности. С. 335.

Там же. С. 344.

Шнайдер Г. Й. Криминология. М., 1994. С. 283–290.

Селлин Т. Конфликт норм поведения // Социология преступности. С. 282.

Подробнее см.: Глобализация и девиантность / Ред. Я. Гилинский. СПб., 2006.

Подробнее см.: *Agnew R.* Sources of Criminality: Strain and Subcultural Theories // Sheley J. Criminology: A Contemporary Handbook. Wadsworth, 2000. P. 349–371; *Vold G., Bernard T., Snipes J.* Theoretical Criminology. Fourth Edition. Oxford University Press, Inc., 1998. P. 158–178.

Agnew R. Foundation for a General Strain Theory of Crime and Delinquency // Criminology. 1992. № 30. P. 47–87.

Becker H. The Outsiders. The Free Press of Glencoe, 1963. P. 9.

Tannenbaum F. Crime and the Community. NY: Columbia University Press, 1938.

Lemert E. Social Pathology: A Systematic Approach to the Theory of Sociopathic Behavior. NY, 1951.

Schur E. Crimes Without Victims. Englewood Cliffs, 1965; см. также: *Шур Э.* Наше преступное общество. М., 1977. С. 267–309.

Sack F. Neue Perspectiven in der Kriminologie // Sack E, König R. (Hrsg.) Kriminalsoziologie. Wisbaden, 1968.

259

См.: *Шнайдер Г. Й.* Криминология. С. 343–344.

Sykes G., Matza D. Techniques of Neutralization: A Theory of Delinquency // American Sociological Review, 1957. № 22. P. 664–670.

Matza D. Delinquency and Drift. NY, 1964.

Hirschi T. Causes of Delinquency. Berkeley, 1969. P. 31.

Подробнее см.: *Тернер Дж.* Структура социологической теории. М., 1985. С. 125–218.

CoserL. The Functions of Social Conflict. L., 1956. P. 8.

Williams IIIF., McShane M. Criminology Theory. P. 205.

Шнайдер Г. Й. Криминология. С. 296.

Turk A. Criminality and Legal Order. Chicago, 1969.

Quinney R. The Social Reality of Crime. Boston, 1970.

Шнайдер Г. Й. Указ. соч. С. 298.

Quinney R. The Social Reality of Crime // Williams III, McShane M. Op. cit. P. 217.

Turk A. Political Criminality // Williams III E, McShane M., Op. cit. P. 261.

Ibid. P. 262.

Nelken D. (Ed.) The Futures of Criminology. SAGE Publications, 1994; *Swaaningen van R.* Critical Criminology. Visions from Europe. SAGE Publications Ltd, 1997.

См. также: *Сморгунова А. Л.* Современная зарубежная криминология: критическое направление. СПб., 2005.

Taylor I., Walton P., Young J. The New Criminology: For a Social Theory of Deviance. L., 1973.

Einstadter W., Henry S. Criminological Theory: An Analyses of Its Underlying Assumption. Fort Worth, 1995. P. 227.

См., например: *Taylor I. (Ed.)* The Social Effects of Free Market Policies. Harvester Wheatsheaf, 1990.

Taylor I. Crime, Capitalism and Community: Three essays in socialist criminology. Toronto, 1983.

Зак Ф. Экономические подходы в уголовной политике // Уголовное право. 1999. № 1.С. 98, 99.

Новые направления в социологической теории. М., 1978. С. 98, 99, 101.

281

Там же. С. 98, 286.

Там же. С. 97.

Young J. Radical Criminology in Britain: The Emergence of a Competing Paradigm // British Journal of Criminology. 1998. Vol. 2. № 2.

Lanier M., Henry S. Essential Criminology. Westview Press, 1998. P. 273.

Сморгунова А. Л. Указ. соч. С. 82–103.

Pepinsky H., Quinney R. (Eds.) Criminology as Peacemaking. Bloomington, 1991.

Ibid. P. 12.

Bohm R. A Primer on Crime and Delinquency. Belmont, 1997. P. 134.

289

Дискурс – определенная область использования языка, единство которой обусловлено наличием общих установок для многих людей. Дискурсы изменяются со временем, а также от культуры к культуре. Так, по М. Фуко, меняется дискурс безумия: сперва безумец воспринимается как мудрец, провидец, затем – как преступник, позднее – больной.

Честное И. Л. Правопонимание в эпоху постмодерна. СПб., 2002.

291

Там же. С. 3.

Тамже. С. 11.

См., например: *Рорти Р.* Случайность, ирония и солидарность. М., 1996.

Библер В. С. Мышление как творчество (Введение в логику мысленного диалога). М., 1975. С. 252, 268.

Bauman Z. Intimations of Postmodernity. L., 1992.

Линдгрен Свен-Оке. Мишель Фуко и история истины // Монсон Пер. Современная западная социология: Теории, традиции, перспективы. СПб., 1992. С. 356.

Wacquant L. Deadly Symbiosis. When Ghetto and Prison meet and mesh // Punishment and Society. Vol. 3. № 1. 2001. P. 95–133; *Олейник А. Н.* Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М., 2001.

Линдгрен Свен-Оке. Указ. соч. С. 372.

Young A. Imagining Crime. Textual Outlaws and Criminal Conversations. SAGE Publications, 1996.

Milovanovic D. Postmodern Criminology. NY – L., 1997.

Henry S., Milovanovic D. Constitutive Criminology. Beyond Postmodernism. SAGE Publications, 1996.

Ibid. P. 117.

Lanier M., Henry S. Essential Criminology. P. 283.

Garland D. The Culture of High Crime Societies. Some Preconditions of Recent «Law and Order» Policies // The British Journal of Criminology. 2000. Vol. 40. № 3. R 347–375; *Garland D.* The Culture of Control. Oxford University Press, 2001.

Garland D. The Culture of High Crime Societies. P. 348.

Young J. The Vertigo of Late Modernity. SAGE Publications, 2007; *Maguire M., Morgan R., Reiner R. (Eds.)* The Oxford Handbook of Criminology. Oxford University Press. P.102–121.

Maguire M., Morgan R., Reiner R. Op. cit. P. 102.

Young J. The Exclusive Society. SAGE, 1999.

Barak G. Integrating Criminologies. Allyn and Bacon, 1998.

Lanier M., Henry S. Essential Criminology. Op. cit. P. 289–293.

См. подробнее: *Vold G., Bernard T., Snipes J.* Op. cit. P. 301–303.

Tittle Ch. Control Balance: Toward a General Theory of Deviance. Boulder, 1995.

Braithwaite J. Crime, Shame, and Reintegration. Cambridge University Press, 1989 (рус. пер.: Брейтуэйт Дж. Преступление, стыд и воссоединение. М., 2002).

Подробнее см.: Иванов Л. О., Ильина Л. В. Пути и судьбы отечественной криминологии. М., 1991.

315

Цит. по: *Гернет М. Н.* Избранные произведения. М., 1974. С. 370–371.

Herman. Recherches sur le nombre des suicides et homicides commis en Russie pendant les annees 1819 et 1820 // Memoires de l'Academie Imperiale des Sciences de S. Petersburg. 1832. Ser. 6. № 1. P. 3–20.

Дриль Д. А. Преступный человек. СПб., 1882. С. 101.

Чарыхов Х. М. Учение о факторах преступности: (Социологическая школа в науке уголовного права). М., 1910.

Жижиленко А. А. Преступность и ее факторы. Пг., 1922.

Гернет М. Н. Избранные произведения.

Тамже. С. 111.

См. их выступления против смертной казни в: Смертная казнь: За и против. М., 1989.

Там же. С. 133, 142, 150.

Там же. С. 153.

Там же. С. 193.

Подробнее см.: Криминология. Исправительно-трудовое право: История юридической науки. М., 1977.

Познышев С. В. Криминальная психология. М., 1926. С. 6.

Сахаров А. Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. М., 1961.

Герцензон А. А. Введение в советскую криминологию. М., 1965.

Кудрявцев В. Н. Причинность в криминологии. М., 1968.

Карпец И. И. Проблема преступности. М., 1969.

Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М., 1969.

Яковлев А. М. Преступность и социальная психология. М., 1971.

Социальные условия и преступность: Программа комплексного криминологического исследования. М., 1979; Методологические вопросы изучения социальных условий преступности: Сборник научных работ. М., 1979.

Ной И. С. Методологические проблемы советской криминологии. Саратов, 1975.

Подробнее см.: Преступность среди социальных подсистем / Ред. Д. Шестаков. СПб., 2003; Частная криминология / Ред. Д. Шестаков. СПб., 2007.

См.: Административный вестник. 1926. № 1. С. 30.

Бачинин В. А. Философия права и преступления. Харьков, 1999; *Моисеев Н.* Расставание с простотой. М., 1998; Синергетика и методы науки / Ред. М. А. Басин. СПб., 1998.

Подробнее см.: *Кун Т.* Структура научных революций. М., 1975.

340

«Важные открытия в конкретных науках почти всегда делали посторонние люди или ученые с необычным складом мышления» *(Фейерабенд П.* Избранные труды по методологии науки. М., 1986. С. 135).

Чижевский А. Л. Космический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия. М., 1995. С. 350–405, 623.

См.: Человек как объект социологического исследования / Ред. Л. И. Спиридонов, Я. И. Гилинский. Л., 1977. С. 170–191.

Пирсонс Т. Общий обзор // Американская социология: Перспективы, проблемы, методы. М., 1972. С. 375.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 446.

Гачев Г. Образ в русской художественной литературе. М., 1981. С. 198.

Гернет М. Н. Избранные произведения. С. 306–310, 449–459; *Podgórecki A.* Patalogia zjcia spolecznego. Warszawa, 1969.

Тернет М. Н. Избранные произведения. С. 111.

Там же. С. 119.

349

Там же. С. 375.

350

Белл Д. Преступление как американский образ жизни // Социология преступности. С. 267.

Grover Ch. Inequality and Crime // Peelo M., Soothill K. (Eds.) Questing Crime and Criminology. Willan Publishing, 2005. P. 53–68; *White R., Habibis D. (Eds.)* Crime and Society. P. 187–207.

Методологические вопросы изучения социальных условий преступности / Ред. А. Б. Сахаров. М., 1979. С. 29–30.

353

Коробейников Б. В., Селиванов Н. А., Скворцов К. Ф. Изучение факторов, влияющих на изменение уровня и структуры преступности // Советское государство и право. 1982. № 1.

Доклад о мировом развитии 2005. Как сделать инвестиционный климат благоприятным для всех. М., 2005. С. 261.

355

Ольков С. Г. О пользе и вреде неравенства (криминологическое исследование) // Государство и право. 2004. № 8. С. 73–78.

Скифский И. С. Объяснение и прогнозирование насильственной преступности в Российской Федерации: Дис… канд. юрид. наук. Красноярск, 2006; *Он же.* Насильственная преступность в современной России: объяснение и прогнозирование. Тюмень, 2007.

Юзиханова Э. Г. Моделирование криминогенных процессов в субъектах Российской Федерации. Тюмень, 2005.

Проблемы глобализации // Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 4. С. 227–232, 254–265; Глобализация и девиантность / Ред. Я. Гилинский. СПб., 2006.

Подробнее см.: *Гилинский Я. И.* «Исключенность» как глобальная проблема и социальная база преступности, наркотизма, терроризма и иных девиаций // Труды Санкт-Петербургского Юридического института Генеральной прокуратуры РФ. 2004. № 6. С. 69–77.

Спиридонов Л. И. Социальное развитие и право. Л., 1973. С. 167.

Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984.

Тернер Дж. Структура социологической теории. М., 1985. С. 167.

Там же. С. 169.

Симонов П. В. Мотивированный мозг. М., 1987. С. 216.

365

Фрустрация – психическое состояние тревоги, дискомфорта, напряженности в случаях, когда человек не может ни достигнуть желаемого, ни отказаться от него.

Симонов П. В. Мотивированный мозг. С. 33.

Там же. С. 33.

Огромный теоретический и эмпирический материал содержится в вышеназванной книге П. В. Симонова.

Гилинский Я. И. Социальное планирование города и проблемы отклоняющегося поведения // Актуальные проблемы социального планирования. Иркутск, 1975. С. 244–252; Человек как объект социологического исследования. Л., 1977. С. 103; *Гилинский Я., Раска Э.* О системном подходе к отклоняющемуся поведению // Известия Академии наук Эстонской ССР. Общественные науки. Т. 30. № 1. 1981. С. 134–143.

Симонов П. В., Ершов П. М. Темперамент. Характер. Личность. М., 1984. С. 66.

Симонов П. В. Мотивированный мозг. С. 216.

Цит. по: *Филиппов Л. И.* Философская антропология Жан-Поля Сартра. М., 1977. С. 258.

Бородай Ю. Психоанализ и «массовое искусство» // «Массовая культура» – иллюзии и действительность. М., 1975. С. 181–182.

Человек как объект социологического исследования. С. 103; Эффективность действия правовых норм / Ред. А. С. Пашков и др. Л., 1977. С. 98–100.

Гилинский Я. Девиантное поведение в Санкт-Петербурге: на фоне российской действительности эпохи постперестройки // Мир России. 1995. Т. IV. № 2. С. 127–128; *Гилинский Я. И., Юнацкевич П. И.* Социологические и психолого-педагогические основы суицидологии: Учебное пособие. СПб., 1999. С. 49–52.

Аснер П. Насилие и мир: От атомной бомбы до этнической чистки. СПб., 1999; *Бассиюни К.* Воспитание народоубийц. СПб., 1999; *Дмитриев А. В., Залысин И. Ю.* Насилие: Социо-политический анализ. М., 2000; *Жирар Р.* Насилие и священное. М., 2000; *Кугай А. И.* Насилие в контексте современной культуры. СПб., 2000.

Tutt N. (Ed.) Violence. L., 1976. P. 613.

Гусейнов А. А. Понятия насилия и ненасилия // Вопросы философии. 1994. № 6. С. 36.

Симонов П. Знание – против зла // Диалоги: полемические статьи о возможных последствиях развития современной науки. М., 1979. С. 269.

Там же.

См.: *Аснер П.* (1999) Указ. соч. С. 15.

Kressel N. Masse Hate: The Global Rise of Genocide and Terror. Plenum Press, 1996. P. 252–253.

Goldstein A., SegallM. (Eds.) Aggression in Global Perspective. Pergamon Press, 1983. P. 23.

Бассин Ф. Тяжкое бремя легких аналогий // Диалоги. М., 1979. С. 51, 55.

Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Теория и история экономических и социальных институтов и систем (THESIS). 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 94–122, П4.

Шмальгаузен И. И. Кибернетические вопросы биологии. Новосибирск, 1968. С. 139.

Парсонс Т. (1993) Указ. соч. С. 114.

Современные понимания эволюции и естественного отбора см.: *Моисеев Н. Н.* Алгоритмы развития. М., 1987; *Чайковский Ю.* К общей теории эволюции // Путь. 1993. № 4. С. 101–141.

Камшилов М. М. Эволюция биосферы. М., 1979. С. 216.

См., например: *Walsh A.* Biosociology: An Emerging Paradigm. Praeger Publishers, 1995; *Walsh A.* Biosocial Criminology. Introduction and Integration. Cincinnati OH: Anderson Publishing Co., 2002.

Моисеев Н. Н. (1987) Указ. соч. С. НО.

Симонов П. В. Детерминизм и свобода выбора // Методологические проблемы физиологии высшей нервной деятельности. М., 1982. С. 105.

Туровская М. «Преступления века» и «массовая цивилизация» // Новый мир. 1968. № 7. С. 236.

Фокс В. Введение в криминологию. М., 1980. С. 241–242.

395

Гилинсикий Я., Позднякова М., Рыбакова Л. Криминологическая характеристика изнасилований // Здоровый образ жизни и борьба с социальными болезнями. М., 1988. С. 150–160.

Цит. по: *Денисов В. В.* Социология насилия. М., 1975. С. 58.

Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984. С. 80.

Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 645.

Бекер Д. Понятие системного насилия // Проблемы теоретической социологии. СПб., 1994. С. 68.

Подробнее см.: *Аснер П.* Указ. соч.; *Моисеев Н. Н.* (1987). Указ. соч.; *Моисеев Н. Н.* (1998) Указ. соч.

401

См.: Социальная работа по профилактике и преодолению насилия, агрессии в молодежной среде. М., 1996. С. 57.

Дмитриев А. В., Залысин И. Б. Указ. соч. С. 30–57.

Pepinsky H. The Geometry of Violence and Democracy. Indiana University Press, 1991.

Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994.

Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. М., 1986. Т. 1. С. 365–405.

См.: Криминология / Ред. Дж. Шелли. 3-е изд. СПб., 2003. С. 259–266.

Преступность и правонарушения 1998: Статистический сборник. М., 1999. С. 32.

Лунеев В. В. (2005) Указ. соч. С. 397–455.

Преступность и культура/ Ред. А. И. Долгова. М., 1999. С. 146.

См.: Дедовщина в армии / Ред. С. А. Белановский. М., 1991; *Мацкевич И. М., Эминов В. Е.* Преступное насилие среди военнослужащих. М., 1994; Нарушения прав человека в армиях стран СНГ. М., 1992; Правозащитник. 1994. № 2. С. 62–66.

Здесь и далее основной статистической базой служат ежегодники «Преступность и правонарушения», а также ежегодники «Состояние преступности в России».

Шврилов Б. Я. (2001) Указ. соч.

Латентная преступность в Российской Федерации за 2001–2002 гг. С. 10.

Такой всплеск в 1992 г. вызывает сомнения, однако эта цифра повторяется во всех статистических сборниках.

См., например: *Ростов К. Т.* Преступность в регионах России. СПб., 1998; *Юзиханова Э. Г.* Моделирование криминогенных процессов в субъектах Российской Федерации. Тюмень, 2005.

Аврутин Ю. Е., Гилинский Я. И. (1991) Указ. соч. С. 221–222.

Старков О. В. Бытовые насильственные преступления. Рязань, 1992; *Шестаков Д. А.* Семейная криминология (криминофамилистика). СПб., 2003; *Elliot D., Hamburg B., Williams K. (Eds.)* Violence in American Schools. Cambridge University Press, 1998; *Wallace H.* Family Violence: Legal, Medical, and Social Perspectives. Allyn and Bakon, Needham Heights, 1996.

Sheley J. Criminology. Wadsworth, 2000. P. 194–197.

Состояние преступности в России за 1999 г. М., 2000. С. 29.

Вандышев В. В. Жертвы тяжкого преступного насилия. СПб., 2007.

421

Подробный криминологический анализ таких преступлений представлен в: *Исаев Н. А.* Сексуальные преступления как объект криминологии. СПб., 2007. См. также: *Антонян Ю. М., Ткаченко А. А., Шостакович Б. В.* Криминальная сексология. М., 1999.

Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1966.

См.: *Гилинский Я. И.* Толерантность в России: возможность и невозможность // Актуальные аспекты проблемы толерантности в современном мире. СПб., 2004. С. 53–58; *Он же.* Интолерантность в современной России // Толерантность и интолерантность в современном обществе. СПб., 2005. С. 98–103.

Jacobs J., Potter K. Hate Crimes. Criminal Law and Identity Politics. Oxford University Press, 1998. P. 4.

Combating Hate Crimes in the OSCE Region: An Overview of Statistics, Legislation, and National Initiatives. Warsaw, 2005; Gerstenfeld Ph. Hate Crimes: Causes, Controls and Controversies. SAGE Publications, 2004; *Gerstenfeld Ph., Grant D. (Eds.)* Crime of Hate: Selected Readings. SAGE Publications, 2004; *Hall N.* Hate Crime. Willan Publishing, 2005; *Jacobs, J., Potter, K.* Op. cit; *Romberg I.* Islamophobia and its consequence on Young People. Budapest, 2004.

Еерiер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995; *Гилинский Я. И.* Девиантология: Социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 2-е изд. СПб., 2007. С. 24–28; *Ясавеев И. Г.* Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. Казань, 2004.

Jacobs J., Potter K. Op. cit. P. 27. Здесь и далее, если не оговорено иное, – перевод автора *(Я. Г.)*.

Hall N. Op. cit. P. 1–9.

Бабиченко К. Н. Дискриминация и преступления на почве ненависти: квалификация и предупреждение: Дис…. канд. юрид. наук. СПб., 2005.

Там же. С. 10.

431

Дискриминация по признаку расы и национальной принадлежности: Судебная практика и методология доказывания / Ред. А. К. Соболева. М., 2005.

Mullen P., Pathe УДАР M., Purcell R. Stalkers and their Victims. Cambridge University Press, 2000; Stalking in Sweden: Prevalence and Prevention. Stockholm, 2006.

Бабиченко К. Н. Указ. соч. С. 128.

Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон / Ред. А. И. Долгова. М., 2001. С. 542; Преступность, криминология, криминологическая защита / Ред. А. И. Долгова. М., 2007. С. 355.

Верховский А., Михайловская Е., Прибыловский В. Политическая ксенофобия: Радикальные группы, представления лидеров, роль церкви. М., 1999; Другой – чужой – враг // Индекс. Досье на цензуру. 2005. № 22; *Лихачев В.* Нацизм в России. М., 2002; Мониторинг дискриминации и национал-экстремизма в России. М., 2005; Пределы толерантности в современном обществе / Ред. И. Первова, В. Козловский. СПб., 2003.

Новая газета. 2005. 10–13 марта. С. 11.

Новая газета. 2006. 13–16 июля. С. 18.

Новая газета. 2006. 17–19 июля. С. 10.

Подробнее см.: *Гилинский Я. И.* «Исключенность» как глобальная проблема и социальная база преступности, наркотизма, терроризма и иных девиаций // Труды Санкт-Петербургского Юридического института Генеральной прокуратуры РФ. 2004. № 6. С. 69–77.

Состояние преступности в России за 2003 г. М., 2004. С. 19.

441

Гилинский Я. Мифологизированное сознание и тоталитаризм // Радуга. 1990. № 9. С. 29–31. Воспроизведено в: *Гилинский Я. И.* Девиантность, преступность, социальный контроль. СПб., 2004. С. 43–46.

Там же. С. 46.

Новая газета. 2005. 21–23 марта. С. 21.

Там же.

Гилинский Я. Судьбы либерализма в России: размышления профана // Индекс: Досье на цензуру. 2004. № 21. С. 137–146.

Бек У. Общество риска. М., 2000. См. также: *Гилинский Я. И.* Криминальные риски в России // Российский криминологический взгляд. 2005. № 2. С. 51–58.

См.: *Kangaspunta K.* Mapping the inhuman trade: preliminary findings of the database on trafficking in human beings // Forum on Crime and Society. 2003. Vol. 3. № 1, 2. P. 81–103.

Lagebild Menschenhandel. Wiesbaden: Bundeskriminalamt, 1999, 2000, 2001.

Trafficking in Human Beings: First Report of the Duth National Rapporteur. The Hague, 2002.

Trafficking in Women: Situation Report. № 1–5. Stockholm, 1998–2002.

Ерохина Л. Д., Буряк М. Ю. Торговля женщинами и детьми в целях сексуальной эксплуатации в социальной и криминологической перспективе. М., 2003; Торговля людьми: Социокриминологический анализ / Ред. Е. Тюрюканова, Л. Ерохина. М., 2003; *Тюрюканова Е.* Принудительный труд в современной России: Нерегулируемая миграция и торговля людьми. Женева, 2006.

Kangaspunta K. Op. cit. P. 94, 99.

453

Ерохина Л., Буряк М. Проблема торговли людьми согласно российским экспертным оценкам (социологический подход) // Организованная преступность, терроризм и коррупция. Криминологический ежеквартальный альманах. М., 2003. С. 36–42.

Доклад о мировом развитии 2005: Как сделать инвестиционный климат благоприятным для всех. Всемирный банк. М., 2005. С. 261.

Репецкая А. Л. Криминальная эксплуатация людей в Восточной Сибири // Организованная преступность, терроризм и коррупция. Криминологический альманах. 2003. № 3. С. 31.

Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества. М., 2004. С. 142.

Яницкий О. Н. Модерн и его отходы // Социологический журнал. 2004. № 1/2. С. 205.

Репецкая А. Л. Транснациональная организованная преступность: характеристика, причины, стратегии контроля. Иркутск, 2001. С. 81.

Гилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 2-е изд. СПб., 2007. С. 381.

Репецкая А. Л. (2001). Указ. соч. С. 77.

461

The Sex Trade: Trafficking of Women and Children in Europe and the US. Testimony of Anita Botti, Deputy Director for International Women's Initiatives. Hearing before the Commission on Security and Cooperation in Europe. Washington, June, 29, 1999.

Стоекер С. Организованная преступность как фактор роста числа случаев торговли людьми // Организованная преступность и коррупция. Альманах. 2000. № 1. С. 57–66.

Репецкая А. Л. (2001). Указ. соч. С. 79.

Например, From Russia with sex // New York. August, 10.1998.

Herz A. Trafficking in Human Beings: An Empirical Study on Criminal Prosecution in Germany. Freiburg in Br.: MPI, 2006. P. 14.

Вебстер В. Х. Российская организованная преступность – проект глобальной организованной преступности. Вашингтон, 1997. С. 26–32.

Торговля людьми. 2002. С. 42–44.

Ерохина Л. Д., Буряк М. Ю. Торговля женщинами и детьми в целях сексуальной эксплуатации в социальной и криминологической перспективе. М., 2003. С. 206–207.

469

Там же. С. 231.

Gurvich I., Rusakova M., Pyshkina T., YakovlevaA. The Commercial Sexual Exploitation of Children in St. Petersburg and Northwest Russia. Save the Children. Stockholm, 2002.

Gurvich I. et all. Op. cit. P. 27.

Константинов А., Дикселиус М. Бандитская Россия. СПб., 1997. С. 251–258.

Ивлева В. Страна одиноких детей // Новая газета. 2006. 6–8 ноября. С. 13.

Репецкая А. Л. (2003). Указ. соч. С. 34.

Тюрюканова Е. (2006). Указ. соч. С. XIX.

476

Отсутствие туалета в жилом помещении, приходится справлять естественную нужду в деревянных сооружениях на улице, убожество которых может представить только тот, кто это видел в России…

477

Интервью с таким современным гладиатором опубликовано в: *Тюрюканова Е.* (2006). Указ. соч. С. 184–186.

См.: Противодействие торговле людьми: Сборник нормативных правовых документов / Ред. Н. И. Абубикирова. М., 2004.

Организованная преступность, терроризм, коррупция в их проявлениях и борьба с ними / Ред. А. И. Долгова. М., 2005. С. 303–306; Преступность, криминология, криминологическая защита / Ред. А. Долгова. М., 2007. С. 337–340.

Веблен Т. Указ. соч. С. 80.

Аберкромби Н., Хилл С, Тернер Б. Указ. соч. С. 291.

482

Власть. 2000. Июнь.

Becker G. Crime and Punishment: an Economic Approach // Journal of Political Economy. 1968. Vol. 76. № 2. P. 169–217.

Подробнее см.: Экономическая теория преступной и правоохранительной деятельности. Реферативный журнал. Вып. 1. М., 1999.

485

«Сегодня трудно различить, где заканчивается реальность и начинается вымысел».

Albanese J. Organized Crime: The Mafia Mystique // Shelley J. Criminology: A Contemporary Handbook. Second Ed. Wadsworth Publishing Co., 1995. P. 231–248; *Albini J.* The American Mafia: Genesis of a Legend. NY, 1971; *Smith D.* The Mafia Mystique. Lanhamy MD, 1990.

Гуров А. Красная мафия. М., 1995; *Кудрявцев В. Н., Лунеев В. В., Наумов А. В.* Организованная преступность и коррупция в России (1997–1999). М., 2000; *Овчинский В. С.* Стратегия борьбы с мафией. М., 1993; Основы борьбы с организованной преступностью / Ред. В. С. Овчинский, В. Е. Эминов, Н. П. Яблоков. М., 1996; *Топильская Е. В.* Организованная преступность. СПб., 1999.

Айдинян Р., Гилинский Я. Функциональная теория организации и организованная преступность // Организованная преступность в России: Теория и реальность / Ред. Я. Гилинский. СПб., 1996. С. 1–15.

Abadinsky H. Organized Crime. Fourth Ed. Chicago, 1994. (Рус. пер.: *Абадинский Г.* Организованная преступность. СПб., 2002).

Barkan S. Criminology. A Sociological Understanding. NJ, 1997. P. 453–456.

Abadinsky H. Op. cit. P. 20–28.

Albanese J. (1995) Op. cit. P. 233–240; *Kelly R., Ko-lin Chin, Schatzberg R. (Eds.)* Handbook of Organized Crime. In the United State. Greenwood Press, 1994. P. 78–88.

Гилинский Я. Анализ статистических данных о состоянии и динамике организованной и экономической преступности в России и Санкт-Петербурге // Организованная преступность в России: теория и реальность. СПб., 1996. С. 73–81.

494

«Развитие организованной преступности подобно раннему капиталистическому предпринимательству».

495

«Прежде всего, бизнес криминальных организаций есть обычный бизнес».

Юстицкий В. Организованная преступность: смена парадигм // Преступность и криминология на рубеже веков. Материалы XII Международного Балтийского криминологического семинара. СПб., 1999. С. 46.

Там же.

Abadinsky H. (1994) Op. cit. P. 2–8; *Albanese J.* (1995) Op. cit. P. 231–232; *Hagan F.* (1986) Op. cit. P. 316; *Kelly R., Ko-lin Chin, Schatzberg R.* (1994) Op. cit. P. 21–31; и др.

«Обеспечение нелегальными товарами и услугами (подпольная организация) и проникновение в легальный бизнес (вымогательство)» *(Albanese.* Op. cit. P. 232).

500

Основы борьбы с организованной преступностью. С. 155.

Siegel L. Criminology. Fourth Ed. West Publishing Co., 1992. P. 388.

Тимофеев Л. Наркобизнес: Начальная теория экономической отрасли. М., 1998.

Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. Указ. соч. С. 106–107.

«Пока политики, полиция, бизнес (сообщество бизнесменов) стремятся к кооперации, организованная преступность будет в состоянии действовать безнаказанно. Организованная преступность, короче, есть значительная часть нашей экономики, политики и социальной системы». *Barkan S.* (1997) Op. cit. P. 456.

Albanese J. (1995) Op. cit. P. 245–247; *Siegel L.* (1992) Op. cit. P. 386–387.

Подробнее см.: Глобализация и девиантность / Ред. Я. Гилинский. СПб., 2006. С. 74–96.

507

Согласно ст. 15 УК РФ, различаются четыре категории преступлений: небольшой тяжести (за совершение которых может быть назначено наказание до 2 лет лишения свободы), средней тяжести (с наказанием до 5 лет лишения свободы), тяжкие (с наказанием до 10 лет лишения свободы) и особо тяжкие (с возможным наказанием свыше 10 лет лишения свободы).

Подробнее см.: *Айдинян Р., Гилинский Я.* Указ. соч.

Becker G. Economic Analysis and Human Behavior // Advances in Behavioural Sciences. Vol. 1. NY, 1987. P. 3–17.

The Mafia Manager: A Guide to the Corporate Machiavelli. NY: St. Martin's Press, 1996 (одно время в Санкт-Петербургском Доме Книги продавался русский перевод).

Hagan F. (1986) Op. cit. P. 321–322.

De Keseredy W., Schwartz M. (1996) Op. cit. P. 384; *Reid S.* Crime and Criminology. Fifth Ed. Holt, Rinehart & Winston, Inc., 1988. P. 334; *Лунеев В. В.* (1997) Указ. соч. С. 288; Основы борьбы с организованной преступностью. С. 156–157; *Топильская Е. В.* Указ. соч. С. 73–79.

Подробнее см.: *Gilinskiy Y., Kostjukovsky Y.* From Thievish *Artel* to Criminal Corporation: The History of Organised Crime in Russia // C. Fijnaut, L. Paoli (Eds.) Organised Crime in Europe: Concepts, Patterns and Control Policies in European Union and Beyond. Springer, 2004. Vol. 4. P. 181–202.

Гуров А. И. Профессиональная преступность: Прошлое и настоящее. М., 1990; *Гуров А. И.* (1995) Указ. соч.; *Гуров А., Рябинкин В.* Исповедь вора в законе. М., 1995; *Подлесских Г., Терешонок А.* Воры в законе: бросок к власти. М., 1994; *Разинкин В. С.* «Воры в законе» и преступные кланы. М., 1995; *Чалидзе В.* Уголовная Россия. М., 1990.

515

Феоктистов в свое время попал в публикацию *«Der Spiegel»* (ФРГ), где его назвали «крестным отцом» всей организованной преступности СССР (что было сильным преувеличением).

Шанин Т. Эксполярные структуры и неформальная экономика современной России // Неформальная экономика: Россия и мир / Ред. Т. Шанин. М., 1999. С. 28.

Там же. С. 9, 11, 28. См. также: *Клямкин И., Тимофеев Л.* Теневой образ жизни: Социологический автопортрет постсоветского общества. М., 2000.

См., например: *Олейник А.* «Бизнес по понятиям»: об институциональной модели российского капитализма // Вопросы экономики. 2001. № 5. С. 4–25.

См. также: Криминогенная ситуация в России на рубеже XXI века/ Ред. А. И. Гуров. М., 2000; Преступность, статистика, закон/ Ред. А. И. Долгова. М., 1997.

Основные показатели демографических процессов в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. СПб., 1997. С. 32; *Немцов А.* Алкогольная ситуация в России. М., 1995. С. 60; *Он же.* Алкогольная смертность в России, 1980–90-е годы. М., 2001.

Преступность, статистика, закон (1997). С. 195.

Криминогенная ситуация в России на рубеже XXI века (2000). С. 41.

523

Там же. С. 33.

Интервью с представителями правоохранительных органов проводил Я. Гилинский, с членами действующих преступных групп – Я. Костюковский.

525

«Положенец» – человек, обладающий статусом вора в законе, но не коронованный. По «понятиям» «положенец» – старший в преступной иерархии, пока не появился вор в законе.

526

«Точка» – место сбыта наркотиков. Обычно – всем хорошо известная квартира в жилом доме.

527

«Кресты» – исторически сложившееся название тюрьмы (следственного изолятора) Санкт-Петербурга.

См. также: *Кудрявцев В. Н., Лунеев В. В., Наумов А. В.* Указ. соч. С. 36.

Там же. С. 130–145.

530

Криминогенная ситуация в России на рубеже XXI века. С. 5.

Там же. С. 42.

Там же. С. 28.

533

Шаров Л. Оставьте преступность в покое // Общая газета. 1998. № 2. С. 5.

534

Бойцов Л. Н., Гонтарь И. Я. Уголовно-правовая борьба с организованной преступностью: иллюзии, реальность и возможная альтернатива// Государство и право. 2000. № 11. С. 35–43.

Albanese J. (1995) Op. cit. P. 248.

Jacobs J., Friel C, Radick R. Gotham Unbound: How New York City was Liberated from the Grip of Organized Crime. NY – L, 1999.

Sutherland E. White Collar Crime. NY, 1949. P. 9.

Coleman J. The Criminal Elite: The Sociology of White Collar Crime. NY, 1985. P. 5.

Шур Э. Наше преступное общество: Социальные и правовые источники преступности в Америке. М., 1977 (гл. 5 «Респектабельная» преступность. С. 219–261); *Coleman].* Op. cit; Complex White Collar Crime. Canberra, 1993.

Преступность, криминология, криминологическая защита / Ред. А. И. Долгова. М., 2007. С. 342–356.

Криминология / Ред. Дж. Шели. СПб., 2003. С. 345.

Волженкин Б. В. Экономические преступления. СПб., 1999; *Егоршин В. М., Колесников В. В.* Преступность в сфере экономической деятельности. СПб., 2000; *Колесников В. В.* Экономическая преступность и рыночные реформы: Политико-экономические аспекты. СПб., 1994; *Яковлев А. М.* Социология экономической преступности. М., 1988.

Gilinskiy Y. Economic Crime in Contemporary Russia // European Financial Service Law. 1998. Vol. 5. № 3–4. P. 60–65.

544

Преступность, криминология, криминологическая защита. С. 346.

Феоктистов М. В. Экономические и служебные преступления. Методические материалы по спецкурсу. Саратов, 2003.

См.: *Кабанов П. А.* Политическая преступность: понятие, сущность, виды, причины, личность политического преступника, меры противодействия (криминологическое исследование). Казань, 2006.

Латентная преступность в Российской Федерации за 2001–2002 гг. (Статистический сборник). М., 2004.

Криминология / Ред. Дж. Шели. С. 348.

Там же. С. 349, 350.

550

Источники статистических сведений: Преступность, статистика, закон. М., 1997. С. 202; Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон. М., 2001. С. 542–543; Преступность, криминология, криминологическая защита. М., 2007. С. 355–356.

Wewer G. Politische Korraption // Politic-Lexicon. München, Wein, 1994. S. 481.

Леденева А. Блат и рынок: трансформация блата в постсоветском обществе // Неформальная экономика: Россия и мир/ Ред. Т. Шанин. М., 1999. С. 111–124.

Left N. Economic Development trough Bureaucratic Corruption // The American Behavioral Scientist. 1964. VIII; *Scott J.* Comparative Political Corruption. Englewood Cliffs, 1972.

Коррупция и борьба с ней. М., 2000. С. 62–63.

Новая Газета. 2006. 21 августа – 3 сентября. С. 3.

Рейсмен В. М. Скрытая ложь: Взятки: «крестовые походы» и реформы. М., 1988.

Тимофеев Л. Институциональная коррупция: Очерки теории. М., 2000.

Кузнецов И. Е. Коррупция в системе государственного управления: социологическое исследование: Дис…. канд. социол. наук. СПб., 2000.

Кабанов П. А. Коррупция и взяточничество в России. Нижнекамск, 1995; *Кирпичников А. И.* Взятка и коррупция в России. СПб., 1997.

Коррупция и борьба с ней: роль гражданского общества / Ред. М. Б. Горный. СПб., 2000. С. 18–21, 72–73.

561

«Большой дом» – д. № 4 по Литейному пр. Санкт-Петербурга, где до 2001 г. располагалось Главное Управление Внутренних Дел (ГУВД), а также – до настоящего времени – региональное Управление ФСБ.

562

Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации / Ред. А. В. Дука. СПб., 2001. С. 173.

563

См.: *Сатаров Г. А.* Диагностика российской коррупции: Социологический анализ. М., 2002.

Гражданские инициативы и предотвращение коррупции / Ред. А. Ю. Сунгуров. СПб., 2000. С. 72.

Там же. С. 72.

Там же. С. 76–78.

Лунеев В. В. География организованной преступности и коррупции в России (1997–1999) // Государство и право. 2000. № 11. С. 23–34.

Anechiarico F., Jacobs J. The Pursuit of Absolute Integrity: How Corruption Control Makes Government Ineffective. Chicago – London, 1996. P. 208.

Дьяков С. В. Государственные преступления (против снов конституционного строя и безопасности государства) и государственная преступность. М., 1999; *Кабанов П. А.* Политическая преступность: сущность, причины, предупреждение. Нижнекамск, 2000; *Он же.* Основы политической криминологии // Преступность среди социальных подсистем / Ред. Д. Шестаков. СПб., 2003. С. 80–116; *Кудрявцев В. Н., Трусов А. И.* Политическая юстиция в СССР. СПб., 2002; *Лунеев В. В.* (2005) Указ. соч. С. 345–396, 661–704; *Шнайдер Г. Й.* Криминология. М., 1994. С. 433–448.

Шестаков Д. А. Криминология, 2006. С. 375–401; *Щедрин Н. В., Кылина О. М.* Меры безопасности для охраны власти и защиты от нее. Красноярск, 2006; *White R., Habibis D.* Crime and Society. P. 162–184.

Горшенков Г. Н. Политическая преступность // Криминология: Словарь. СПб., 1999. С. 125.

Лунеев В. В. (1997) Указ. соч. С. 168.

Обзор см.: *Ворожейкина Т.* Картина мира. Без срока давности // The New Times. 2007. № 42 (03.12.2007). С. 42–47.

Щедрин Н. В., Кылина О. М. Указ. соч. С. 40.

Дикаев С. У. Террор, терроризм и преступления террористического характера. СПб., 2006; *Емельянов В. П.* Терроризм и преступления с признаками терроризирования. СПб., 2002; *Комиссаров В. С.* Терроризм, бандитизм, захват заложника. М., 1997; *Овчинникова Г. В.* Терроризм. СПб., 1998.

Cassesse A. Terrorism, Politics and Law. Cambridge, 1989. P. 3.

Чаликова В. Терроризм // 50/50. Опыт словаря нового мышления. М., 1989. С. 309.

Terrorismus // Das neue taschen Lexikon. Bertelsmann Lexikon Verlag, 1992. Band 16. S. 59–60.

Шнайдер Г. Й. (1994) Указ. соч. С. 94.

Кабанов П. А. (2000) Указ. соч. С. 40.

Laquer W. Terrorism. L., 1977. P. 79.

Дмитриев А. В., Залысин И. Ю. Насилие: Социополитический анализ. М., 2000. С. 53.

Чаликова В. (1989) Указ. соч. С. 310; *Ферро М.* Терроризм // 50/50. Опыт словаря нового мышления. М., 1989. С. 314.

Бернгард А. Стратегия терроризма. Варшава, 1978. С. 23.

585

См., например: История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов н/Д, 1996.

Дмитриев А. В. Конфликтология. М., 2000. С. 221–277; *Дмитриев А. В., Залысин Т. Ю.* Указ. соч. С. 242–296.

Дмитриев А. В., Залысин И. Ю. Указ. соч. С. 296.

Подробнее см.: *Гуров А. И.* Профессиональная преступность: история и современность. М., 1990; *Малинин В. Б.* Профессиональная преступная деятельность // Частная криминология / Ред. Д. Шестаков. СПб., 2007. С. 428–475; *Хохряков Г. Ф.* Криминология. М., 1999. С. 283–294.

589

Криминология / Ред. В. Н. Кудрявцев, В. Е. Эминов. М., 1997. С. 237–238.

590

Чалидзе В. Уголовная Россия. М., 1990. С. 97. См. также: *Милъяненков Л.* По ту сторону закона: Энциклопедия преступного мира. СПб., 1992; *Пирожков В. Ф.* Криминальная психология. М., 1998. С. 195–317.

Криминология. СПб., 1999. С. 489–502.

Константинов А. Мошеннический Петербург. СПб., 2001.

Ефремов А. Н. Жертвы жестокости – дети. М., 1985; *Пудовочкин Ю. Е.* Преступления против несовершеннолетних: криминологический анализ. Ростов н/Д, Ставрополь, 2004; Черная книга преступлений против детей в Санкт-Петербурге: Факты, документы, комментарии. СПб., 1994.

594

Например: Краткий словарь по социологии / Ред. Д. М. Гвишиани, Н. И. Лапин. М., 1989. С. 231.

Кон И. Ребенок и общество (историко-этнографическая перспектива). М., 1988. С. 85.

596

Забрянский Г. И., Емельянова Л. В. Статистика преступности несовершеннолетних в России в 1998 году: Аналитический обзор. М., 2000. С. 45–46.

597

Пудовочкин Ю. Е. Преступления против несовершеннолетних. С. 39.

598

Хови. Стремление маленькой мошки // Иностранная литература 1968. № 7. С. 184.

599

Уэйн Дж. Зимой в горах // Иностранная литература. 1972. № 5. С. 235.

Гранин Д. Примечание к путеводителю. Л., 1967. С. 235.

601

Забрянский Г. И. Социология преступности несовершеннолетних. Минск, 1997. С. 77.

Новая газета. 2007. 20–23 декабря. С. 18.

603

Под «социальной неустроенностью» нами понимается несоответствие между личностными свойствами, характеристиками индивида и требованиями занимаемой им социальной позиции (мещанин во дворянстве, дурак в министерском кресле, талант на должности истопника или сторожа…).

Стругацкий А., Стругацкий Б. Отягощенные злом, или сорок лет спустя // Юность. 1988. № 6. С. 31.

Клауорд Р., Оулин Л. Дифференциация субкультуры // Социология преступности. М., 1966. С. 334–354.

Забрянский Г. Социология преступности несовершеннолетних. С. 119–143.

Салагаев А. Л., Максудов Р. Р. Подросток в городе: проблемы социализации. Казань, 1988; *Салагаев А. Л.* Молодежные субкультуры. Казань, 1997; *Яблонский Л.* Шайка делинквентов как промежуточная группа // Социология преступности. С. 355–366; *Thrasher F.* The Gang. Chicago, 1936; *White W.* Street Corner Society. Chicago, 1943.

Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. М., 1966. С. 423–424.

Забрянский Г. И. Изучение и предупреждение преступности несовершеннолетних. Краснодар, 1979; *Забрянский Г. И.* (1997) Указ. соч.; *Он же.* Наказание несовершеннолетних и его региональные особенности: (статистико-криминологическое исследование). М., 2000; *Комарницкий А. В.* Проблемы преступности несовершеннолетних: история и современность. СПб., 2007; *Минина С. П.* Преступность несовершеннолетних. СПб., 1998; и др.

Забрянский Г. И. (2000) Указ. соч. С. 98.

Подробный анализ см.: *Бабаев М. М., Крутер М. С.* Молодежная преступность. М., 2006; *Крутер М. С.* Особенности детерминации преступного поведения молодежи. М., 2002.

Учебное пособие по основным наркотическим средствам, используемым в незаконном обороте. Выборг, 1995; *Кесельман Л.* Социальные координаты наркотизма. СПб., 1999; *Рогатых Л. Ф., Стрельченко Э. Г., Топоров С. Б.* Борьба с контрабандой наркотических средств, психотропных и сильнодействующих средств. СПб., 2003; *Боннардо Ж.-Л.* Психоактивные средства и их действие // Импакт. 1985. № 1. С. 114–127; *Линг Дж.* Общие проблемы наркомании: анализ и перспективы // Импакт. 1985. № 1. С. 90–101; *Гилинский Я.* Девиантология (2007). С. 287–290; *Santino U., La Fiura G.* Behind Drugs: Survival economies, criminal enterprises, military operations, development projects. Edizioni Gruppo Abele, 1993. P. 17–31.

Santino U., La Fiura G. Behind Drugs. Torino, 1993. P. 36.

Griffiths M. Against the Odds: An Overview of Gambling Addiction // Bloor M., Wood F. (Eds.) Addictions and Problem Drug Use: Issues in Behavior, Policy and Practice. L., 1998. P. 49–66; *Гилинский Я. И.* Игорная зависимость: альтернатива наркотической? // Онлайн исследования в России: тенденции и перспективы. М., 2007. С. 81–90.

Fay K. Prescribed Addiction // Bloor M., Wood F. Op. cit. P. 67–84.

Линг Дж. Общие проблемы наркомании: анализ и перспективы // Импакт. 1985. № 1.С. 98.

Bryant C. (Editor-in-Chief.) Encyclopedia of Criminology and Deviant Behavior. Vol. IV. Self-Destructive Behavior and Disvalued Identity. Brunner Routledge, Taylor and Francies Group, 2001. P. 220–223, 297–300.

Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 30.

619

Требач А. Примирение с наркотиком // Социологические исследования. 1991. № 12. С. 145.

Schoncheck J. On Criminalization: An Essay in the Philosophy of the Criminal Law. Kluver Academic Publishers, 1994.

Donziger S. The Real War on Crime: The Report of the National Criminal Justice Commission. Harper Collins Publ., Inc., 1996.

Klingemann H., Hunt G. (Eds.) Drug Treatment Systems in an International Perspective: Drugs, Demons, and Delinquents. SAGE Publications. 1998.

Подробнее см.: *Кесельман Л., Мацкевич М.* Социальное пространство наркотизма; *Тимофеев Л.* Наркобизнес: Начальная теория экономической отрасли. СПб., 2001.

См., например: *Иванова Е.* Как помочь наркоману. СПб., 1997.

Moskalewicz J., Swiatkiewicz G. (Eds.) Drug demand reduction in Poland inventory of data prepared for PHARE programme «Fight against Drugs». Warsaw, 1995; *Moskalewicz J. et all.* Prevention and Management of Drug Abuse in Poland. Summary of Final Report. Warsaw, 1999.

Здесь и далее, если не оговорено иное, см.: Annual Report on the State of the Drugs Problem in the European Union. Lisboa, 1997.

Aebi M. Crime Trends in Europe from 1990 to 2000 // Aromaa K., Nevala S. (Eds.) Crime and Crime Control in an Integrating Europe. Helsinki, 2004. P. 46–47.

Klingemann H., Hunt G. (Eds). Drug Treatment Systems in an International Perspective: Drags, Demons, and Deliquents. SAGE, 1998. P. 225.

629

Ibid. P. 152.

Ibid. P. 341.

Johnston L., Malley P., Bachman J. Drag Use, Drinking, and Smoking: National Survey Results from High School, College, and Young Adults Populations. 1975–1988. Rockville, 1989.

Преступность и правонарушения. М., 1990. С. 79; Преступность и правонарушения. М., 1992. С. 103; Преступность и правонарушения. М., 2006. С. 126.

633

Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. М., 1999. С. 69.

Помимо учебников криминологии см., например: Преступность среди социальных подсистем; Частная криминология.

635

См., например: *Гернет М. Н.* Женщины-убийцы // Право и жизнь. 1926. № 6–7; *Зеланд Н.* Женская преступность. СПб., 1899; *Тарковская П. Н.* Женщины-воровки. СПб., 1891, *Тарковская П. Н.* Женщины-убийцы. СПб., 1902.

Антонян Ю. М. Преступность среди женщин. М., 1992; *Габиани А.* Преступность среди женщин. Тбилиси, 1986; *Габиани А., Меликишвили Л.* Социальное лицо женщин-преступниц и проституток. Тбилиси, 1993; *Серебрякова В. А., Зырянов В. Н.* Корыстные преступления, совершаемые женщинами. М., 1990.

Гернет М. Н. (1974) Указ. соч. С. 253–254.

Лукичев О. В. Детоубийство: уголовно-правовая и криминологическая характеристика. СПб., 2000; *Попов А. Н.* Убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК). СПб., 2001.

639

Криминология / Ред. В. Н. Кудрявцев, В. Е. Эминов. М., 1999. С. 303.

Гернет М. Н. (1974) Указ. соч. С. 140.

641

Подробнее наши представления о проституции см.: *Гилинский Я.* Проституция как она есть // Проституция и преступность. М., 1991. С. 99–122; *Гилинский Я.* Девиантология (2007). С. 381–390.

Schur E. Crimes Without Victims. Englewood Cliffs, 1965; *Lesieur H., Welch M.* Vice Crimes: Personal Autonomy Versus Societal Dictates // Sheley J. Criminology. P. 233–264.

643

Преступность, криминология, криминологическая защита. С. 351.

Там же. С. 360–361.

Лунеев В. В. Криминология: Причины, предупреждение и методы изучения преступлений в Вооруженных силах СССР: Учебник. М., 1986; *Лунеев В. В.* Преступность XX века (1997). С. 381–406; *Он же.* Преступность XX века (2005). С. 742–774; *Мацкевич И. М., Эминов В. Е.* Преступное насилие среди военнослужащих. М., 1994; *Ворошилов С, Гилинский Я.* Военная девиантология. Кишинев, 1994.

Лунеев В. В. (2005). Указ. соч. С. 763.

Дедовщина в армии (Сборник социологических документов). М., 1991; Нарушения прав человека в армиях стран СНГ. Франкфурт-на-Майне, 1992; Белая Книга России. Франкфурт-на-Майне, 1994. С. 201–223.

Клепиков Д. В. Дедовщина как социальный институт: Дис.... канд. социолог, наук. СПб., 1997.

Лунеев В. В. (1997) Указ. соч. С. 387–389.

Помимо монографии В. В. Лунеева 2005 г., см.: *Моргуленко Е. А.* Причины и меры предупреждения нарушений уставных правил взаимоотношений военнослужащих при отсутствии между ними отношений подчиненности: Дис…. канд. юрид. наук. М., 2003.

651

Преступность, статистика, закон. С. 208.

Преступность и культура. С. 155.

653

Преступность, криминология, криминологическая защита. С. 353.

Дубовик О. Л., Жалинский Ф. Э. Причины экологических преступлений. М., 1988; *Жевлаков Э. Н.* Экологические преступления и экологическая преступность: Учебное пособие. М., 1996; *Тангиев Б. Б.* Экокриминология. Парадигма и теория. Методология и практика применения. СПб., 2005; *Он же.* Криминология. Контроль и противодействие экологической преступности. СПб., 2006.

Квашис В. Е. Научно-технический прогресс и ответственность за неосторожность // Основные направления борьбы с преступностью. М., 1975; *Шаргородский М. Д.* Научный прогресс и уголовное право // Сов. государство и право. 1969. № 12.

Government of Japan. Summary of the White Paper on Crime. Research and Training Institute Ministry of Justice, 1996. P. 43.

Преступность, статистика, закон. С. 196.

Преступность, криминология, криминологическая защита. С. 337. Нами не приводятся данные до 2004 г. в связи с несопоставимостью, обусловленной изменением уголовного закона в 2003 г.

Дагель П. С. Неосторожность: Уголовно-правовые и криминологические проблемы. М., 1977; *Квашис В. Е.* Преступная неосторожность: Социально-правовые и криминологические проблемы. Владивосток, 1986.

Панфилова Е. И., Попов А. Н. Компьютерные преступления. СПб., 1998.

Антонян Ю. М., Бородин С. В. Преступность и психические аномалии. М., 1987; *Антонян Ю. М., Гульдан В. В.* Криминальная патопсихология. М., 1991; *Старович З.* Судебная сексология. М., 1991.

Введенский Г. Е., Исаев Н. А., Ткаченко А. А., Амбарцумян Э. С. Криминальное профилирование лиц, совершивших серийные сексуальные убийства. Орел, 2005; *Исаев Н. А.* Сексуальные преступления как объект криминологии. СПб., 2007; Серийные сексуальные преступления: Криминологическое и патопсихологическое исследование / Ред. Ю. М. Антонян. М., 2000.

663

Тернер Дж. Структура социологической теории. М., 1985. С. 27, 70.

Конт О. Курс позитивной философии // Родоначальники позитивизма. СПб., 1912. Вып. 4.

Спенсер Г. Основные начала. СПб., 1887.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1990. С. 109.

Sumner W. Folkways. Boston, 1906.

Тард Г. Законы подражания. СПб., 1892 (последнее издание – 1999 г.).

Ross E. Social Control. NY, 1901.

Weber U. Staatssoziologie. Berlin, 1966.

Сорокин П. Преступление и кара, подвиг и награда. СПб., 1913.

Сорокин П. Система социологии. Пг., 1920. Т. 1.

Cohen S. Human Rights and Crimes of the State: the Cultural of Denial // Criminological Perspectives. A Reader. SAGE, 1996. P. 489–507.

Бауман З. Мыслить социологически. М., 1996. С. 192, 193.

Винер Я. Я – математик. М., 1967. С. 311.

Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М., 1969. С. 210.

Black D. The Behavior of Law. NY, 1976; *Davis N., Anderson B.* Social Control: The Production of Deviance in the Modern State. Irvington Publishers Inc., 1983.

Подробнее см. статьи Л. Хулсмана и Ф. Макклинтока в: Планирование мер борьбы с преступностью. М., 1982. С. 16–31, 99–105.

Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М., 1999; *Он же.* История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997; *Он же.* Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996.

Фуко М. Надзирать и наказывать. С. 455.

Goffman E. Asylums. Harmondsworth, Penguin Books, 1961.

То есть выпрягут и украдут лошадей или волов из плуга.

Саксонское зерцало. М., 1985. С. 54–55.

Подробнее см.: *Фуко М.* Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М., 1999; *Шаргородский М. Д.* Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества. М., 1957.

Коган В. М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. М., 1983; *Кудрявцев В. Н.* Стратегии борьбы с преступностью. М., 2003; *Милюков С. Ф.* Российское уголовное законодательство. Опыт критического анализа. СПб., 2000; Основания уголовного запрета: Криминализация и декриминализация. М., 1982.

Подробнее см.: Политический режим и преступность. СПб., 2001.

O'Donnel G., Schmitter P. Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. Baltimore, 1986.

Спиридонов Л. И. Теория государства и права. СПб., 1995. С. 49–50.

689

Das neue Taschen Lexikon. Bertelsmann Lexikon Verlag, 1992. B. 13. S. 90.

Голосов Г. В. Сравнительная политология: Учебник. 2-е изд. Новосибирск, 1995 (гл. 3).

691

Афанасьев В., Гилинский Я. Девиантное поведение и социальный контроль в условиях кризиса российского общества. СПб., 1995. С. 98–101.

Беляев Н. А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. Л., 1986; *Дагель П. С.* Проблемы советской уголовной политики. Владивосток, 1982; Проблемы советской уголовной политики. Владивосток, 1985; и др.

Босхолов С. С. Основы уголовной политики. М., 1999.

Там же. С. 38–39.

Там же. С. 45–48.

696

Имеющиеся правовые акты перечислены и прокомментированы в: *Шестаков Д. А.* Криминология: Краткий курс. СПб., 2001. С. 175–181.

Кудрявцев В. Н. Стратегии борьбы с преступностью. М., 2003.

698

Помимо многочисленных публикаций в прессе см.: Пытки в России: «Этот ад, придуманный людьми». Лондон, 1997. Апрель; Насилие в органах внутренних дел: Иллюстрации к докладу. М., 1997; Российский «Абу-Грейб». Предварительный доклад о кризисе в системе ГУИН (весна 2004 года). М., 2004; Российский «Абу-Грейб-2» (Кровавые дни и ночи Льгова). Доклад Общероссийского общественного движения «За права человека» о состоянии содержания заключенных в России в 2004–2005 гг. М., 2005; Социология насилия. Произвол правоохранительных органов глазами граждан. Н. Новгород, 2007.

Гальперин И. М. Наказание: социальные функции, практика применения. М., 1983; *Карпец И. И.* Наказание: Социальные, правовые и криминологические проблемы. М., 1973; *Ной И. С.* Сущность и функции уголовного наказания в советском государстве: политико-юридическое исследование. Саратов, 1973; *Старков О. В., Милюков С. Ф.* Наказание: уголовно-правовой и криминологический анализ. СПб., 2001; *Шаргородский М. Д.* Наказание, его цели и эффективность. Л., 1973.

Милюков С. Ф. Российская система наказания. СПб., 1998; *Он же.* Система наказаний по уголовному кодексу России. СПб., 1999.

Mathisen T. The Politics of Abolition. Essays in Political action Theory // Scandinavian Studies in Criminology. Oslo – London, 1974; *Albanese J.* Myths and Realities of Crime and Justice. Third Edition. Apocalypse Publishing, Co, 1990; *Hendrics J., Byers B.* Crisis Intervention in Criminal Justice. Charles C Thomas Publishing, 1996; *Rotwax H.* Guilty. The Collapse of Criminal Justice. NY, 1996; и др.

Кристи Н. Пределы наказания. М., 1985; *Он же.* Борьба с преступностью как индустрия: Вперед к ГУЛАГу западного образца. М., 2001; *Он же.* Приемлемое количество преступлений. СПб., 2006.

Пирожков В. Ф. Влияние социальной изоляции в виде лишения свободы на психологию осужденного // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1981. Вып. 35. С. 40–50; *Хохряков Г. Ф.* Формирование правосознания у осужденных. М., 1985; *Он же.* Парадоксы тюрьмы. М., 1991.

Гернет М. Н. В тюрьме: Очерки тюремной психологии. Юрид. изд-во Украины, 1930.

Information on the criminal justice system in England and Wales. Digest. Home Office, 1999. № 4. P. 50.

Strafrechtspflege in Deutschland: Fakten und Zahlen. Bonn: Bundesministerium fur Justiz, 1996. S. 30.

Zweiter Periodischer Sicherheitsbericht. Kurzfassung. Berlin, 2006. S. 84.

Уэда К. Преступность и криминология в современной Японии. М., 1989. С. 98, 176–177.

709

См: *Стерн В.* Альтернативы тюрьмам: Размышления и опыт. Лондон – М., 1996; *Clear T., Terry K.* Исправление за пределами тюремных стен // Криминология / Ред. Д. Шелли. СПб., 2003. С. 575–600; Electronic Monitoring: The Trials and their Results. L., Home Office. 1990; *Junger-Tas J.* Alternatives to Prison Sentences: Experiences and Developments. Amsterdam, NY, 1994.

Strafrechtspflege in Deutschland. Ibid. S. 32.

Summary of the White Paper on Crime. Government of Japan. Research and Training Institute Ministry of Justice. 1996. P. 64.

712

Судебная статистика: Преступность и судимость (современный анализ данных уголовной судебной статистики России 1923–1997 годов). М., 1998. С. 23.

Подробнее см.: Correctional Institutions in Japan. Correctional Bureau Ministry of Justice, 1985; *Ingstrup O.* Only those who believe can stay the Course in turbulent Times: A Value-based, strategic approach to the Management and development of Corrections. Canadian Centre for Management Development, 1995; *Champion D. J.* Corrections in the United States. A Contemporary Perspective. Fourth Edition. NJ, 2005; *King R., McDermott R.* The State of our Prisons. Oxford, 1995; *Seiter R.* Corrections: An Introduction. NJ, 2005.

Зер Х. Восстановительное правосудие: Новый взгляд на преступление и наказание. М., 1998; Abolitionism in History: On another Way of Thinking. Warsaw, 1991; *Consedine J.* Restorative Justice: Healing the Effects of Crime. Ploughshares Publication, 1995; Contemporary Justice Review: Issues in Criminal, Social and Restorative Justice. 1998. Vol. 1.№ 1.

Вестник восстановительной юстиции (перспективы для уголовной и ювенальной юстиции). М., 2000. Вып. 1; Вестник восстановительной юстиции (Россия: в начале движения). М., 2001. Вып. 2. См. также: Восстановительная ювенальная юстиция. Сборник материалов. М., 2005.

Donziger S. The Real War on Crime: The Report of the National Criminal Justice Commission. Harper Collins Published, Inc, 1996. P. 218.

Barkan S. Criminology. A Sociological Understanding. Prentice Hall. Upper Saddle River, 1997. P. 542.

См., например: *Clay W.* To Kill or Not to Kill: Thoughts on Capital Punishment. San Bernardino (Calif.), 1990.

719

Мелихов А. Кого же мы казним? // Новое время. 2000. № 6. С. 34–35.

Аверинцев С. С. Византия и Русь: Два типа духовности // Новый мир. 1988. № 7. С. 210–213.

Подробнее историю этого института в России см.: *Шишов О. Ф.* Смертная казнь в истории России и Советского государства// Смертная казнь: За и против. М., 1989. С. 10–130.

Hood R. The Death Penalty: A World-wide Perspective. Oxford: Clarendon Press, 1996. P. 241–246; *Hood R.* Capital Punishment: A Global Perspective // Punishment and Society. 2001. Vol. 3. № 3. P. 331–354.

723

Когда убивает государство… Смертная казнь против прав человека. М., 1989. С. 36.

Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984.

725

Луман Н. Метаморфозы государства: Эссе // Проблемы теоретической социологии. СПб., 1996. Вып. 2. С. 116, 127.

Бекер Д. Понятие системного насилия // Проблемы теоретической социологии. СПб., 1994. С. 60, 68.

Когда убивает государство. Указ. соч.; Против смертной казни. М.,1992; *Baird R., Rosenbaum S. (Eds.)* Punishment and the Death Penalty: The Current Debate. Prometheus Book, 1995; *Hood R.* (1996) Op. cit; *Hood R.* Capital Punishment: A Global Perspective // Punishment and Society. 2001. Vol. 3. № 3. P. 331–354.

Hood R. (2001) Op. cit. P. 334.

Земское В. Н. ГУЛАГ: историко-социологический аспект // Социологические исследования. 1991. № 6; *Лунеев В. В.* (1997) Указ. соч.

Аргументы и факты. 1991. № 28.

731

Гессен М., Семин В. Расстрел в рассрочку: Лучше плохое пожизненное заключение, чем хорошая смертная казнь // Итоги. 1996. 3 дек. С. 46–49.

Ежегодники: Преступность и правонарушения. М.

Шишов О. Ф. Указ. соч. С. 71–96.

Фуко М. Надзирать и наказывать. С. 339.

Newman G. (Ed.) Global Report on Crime and Justice. NY, 1999. P. 318–319; *Barclay G., Tavares C., Siddique A.* International Comparisons of Criminal Justice Statistics 1999 // Home Office Statistical Bulletin, 2001. May. Issue 6/01. P. 7; *Barclay G., Tavares C.* International Comparisons of Criminal Justice Statistics 2001 // Home Office. 2003. October. Issue 12/03. P. 7; *Aebi M., Stadnic N.* Council of Europe. Space I (Council of Europe Annual Penal Statistics) Survey 2005. Strasbourg, 2007. P. 19.

Стерн В. Грех против будущего: Тюремное заключение в мире. М., 1998. С. 11–12.

Подробнее см.: Как заставить стандарты работать: Практическое руководство по эффективному применению международных тюремных правил. М., 1998.

Гернет М. Н. В тюрьме; *Он же.* История царской тюрьмы.

1 выпусков ВНИИ МВД СССР (1972) на основе материалов специальной переписи осужденных 1970 г.: Осужденные к лишению свободы; Рецидивисты; Осужденные, отбывающие наказание в тюрьмах; Осужденные, отбывающие наказание в ВТК и др.; *Михлин А. С.* Роль социальных и демографических свойств личности осужденных. М., 1970.

См. предыдущую ссылку, а также: *Михлин А. С.* Общая характеристика осужденных (по материалам специальной переписи 1989 г.). М., 1991; Характеристика подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в следственных изоляторах: по материалам специальной переписи 1999 г. / Ред. А. С. Михлин. М., 2000. Т. 1; Характеристика осужденных к лишению свободы: по материалам специальной переписи 1999 г. / Ред. А. С. Михлин. М., 2001. Т. 2.

Пирожков В. Ф. Законы преступного мира молодежи. Криминальная субкультура. Тверь, 1994; *Он же.* Криминальная психология. М., 1998; *Хохряков Г. Ф.* Формирование правосознания у осужденных. М., 1985; *Он же.* Парадоксы тюрьмы. М., 1991.

Зубков А. И., Калинин Ю. И., Сысоев В. Д. Пенитенциарные учреждения в системе Министерства юстиции России: История и современность. М., 1998. См. также: Положение заключенных в современной России. М., 2003.

Абрамкин В. Ф. Поиски выхода: Преступность, уголовная политика и места заключения в постсоветском пространстве. М., 1996; Тюремный мир глазами политзаключенных / Ред. В. Абрамкин. М., 1993; Письма из зоны-87 / Ред. В. Абрамкин. М., 1993; Тюрьма – не женское дело, 2000; Дети в тюрьме / Ред. В. Абрамкин. М., 2001; Осторожно, тюрьма… М., 2006; и др.

Здесь и далее помимо вышеназванных источников использованы сведения, приведенные в: Человек и тюрьма: Сборник информационных материалов / Ред. В. Абрамкин. М., 1998; Материалы к слушаниям «Критическая ситуация, сложившаяся в учреждениях ГУИН МЮ РФ, и меры по выходу из кризиса». М., 1999; ж. «Неволя».

Неволя. 2007. № 12. С. 24–35.

См.: Характеристика осужденных к лишению свободы: по материалам специальной переписи 1999 г. / Ред. А. С. Михлин. Т. 2. М., 2001.

Неволя. 2007. № 13. С. 31.

См.: Численность и состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. М., 1984. С. 27.

Материалы к слушаниям… С. 11; Положение заключенных в современной России. С. 147, 173–189.

Неволя. 2007. № 12. С. 30.

751

Положение заключенных… С. 147.

Неволя. 2007. № 11. С. 34.

См.: Положение заключенных в современной России. С. 147, 72–81; Приговоренные к смерти? Проблема туберкулеза в тюрьмах Восточной Европы и Центральной Азии. М., 2001.

См., например, о пыточной камере № 721 Петербургского СИЗО // Распятие в «Крестах»-2 // Час Пик. 1998. 4 марта.

См. также: Пытки в России: «Этот ад, придуманный людьми». Лондон: Международная Амнистия, апрель 1997.

Социология насилия. Произвол правоохранительных органов глазами граждан. Н. Новгород, 2007; *Гилинский Я. И.* Социология о пытках в современной России // Неволя. 2006. № 10. С. 19–28.

Гилинский Я. И. Субкультура за решеткой // Советская этнография. 1990. № 2. С. 100–103.

Абрамкин В., Чижов Ю. Как выжить в советской тюрьме: В помощь узнику. Красноярск, 1992. С. 98.

759

Хохряков Г. Ф. Парадоксы тюрьмы. С. 82.

О страшных последствиях этого см.: *Габышев Л.* Одлян, или Воздух свободы. М., 1990.

761

Подробнее см.: *Сидоров А.* Великие битвы уголовного мира. Кн. 2. Ростов н/Д, 1999. С. 65–169.

Подробнее см.: Неволя. 2007. № 13. С. 61–73.

Каретников И. В. Характеристика преступлений, совершенных в исправительно-трудовых колониях. М., 1986; Рецидивная преступность: предупреждение преступлений среди лиц, судимых к лишению свободы. Минск, 1985; *Хохряков Г. Ф., Саркисов Г. С.* Преступления осужденных: причины и предупреждение. Ереван, 1988; *Хохряков Г. Ф.* Криминология. С. 330–339.

Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955. С. 201.

765

Помимо приводимых ниже суждений, см. также: *Lab S.* Personal Opinion: Alice in Crime Prevention Land (With Apologies to Lewis Carrol) // Security Journal. Vol. 12. N 3.1999. P. 67–68.

Грэхем Д., Бенетт Т. Стратегии предупреждения преступности в Европе и Северной Америке. Хельсинки, 1995. См. также: *Hendrics J., Byers B.* Crisis Intervention in Criminal Justice. 1996.

Steinert H. The Idea of Prevention and the Critique of Instrumental Reason // Albrecht G., Ludwig-Mayerhofer W. (Eds.) Version and Informal Social Control. Berlin, 1995. P. 5–16.

Подробнее см.: *Maguire M., Morgan R., Reiner R.* The Oxford Handbook of Criminology. 2007. P. 866–952.

The Prevention Pioneers: History of the Hein Roethof Prize 1987–1996. Information and PR Office Prevention, 1997.

Celebrating Prevention: European Crime Prevention Award 1997. Information and PR Office Prevention, 1997.

Albrecht G., Ludvig-Mayerhofer (Eds.) Diversion and Informal Social Control. Berlin – New York, 1995; *Kury H. (Hrsg.)* Konzepte Kommunaler Kriminalprävention. Freiburg, 1997; *Hammerschick W., Karazman-Morawetz I., Stangl W. (Hrsg.)* Die sic here Stadt: PrKriminalprävention und kommunale Sicherheitspolitik. Nomos Verlag, 1995.

Community Policing in Chicago, Year Seven: An interim Report. Chicago, 2000. November; *Joseph L. (Ed.)* Crime. Communities and Public Policy. 1995; *Scogan W., Hartnett S.* Community Policing. Chicago Style, 1997.

Alvazzi del Frate A. Preventing Crime: Citizen's Experience Across the World. Roma, 1997. P. 16.

Грэхем Д., Бенетт Т. Указ. соч.; *Barkan S.* Op. cit; *Donziger S.* Op. cit; *Tomasic R., Freeley M. (Eds.)* Neighborhood Justice: Assessment of an Emerging Idea. NY and L., 1982.

Игошев К. Е. Социальный контроль и профилактика преступлений: Учебное пособие. Горький, 1976.

Теоретические основы предупреждения преступности. М., 1977.

Назовем лишь некоторые из трудов: *Аванесов Г. А.* Криминология и социальная профилактика. М., 1980; *Блувштейн Ю. Д., Зырин М. И., Романов В. В.* Профилактика преступлений. Минск, 1986; *Зудин В. Ф.* Социальная профилактика преступлений: Криминологические и криминалистические проблемы. Саратов, 1983; *Игошев К. Е., Устинов В. С.* Введение в курс профилактики правонарушений. Горький, 1977; *Устинов В. С.* Методы предупредительного воздействия на преступность. Горький, 1989.

Иванов И. И. Предупреждение преступлений (комплексное политико-правовое исследование). СПб., 2004; Качество профилактических систем и восстановительные программы: от пилотных проектов к масштабной практике. М., 2004; *Старков О. В.* Предупреждение преступлений. М., 2005.

Здесь и далее в скобках указаны номера *частей* книги и *сносок,* в которых упомянуто соответствующее издание.